Е. А. Вишленкова С. Ю. Малышева А. А. Сальникова

Terra Universitatis

ДВА ВЕКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КАЗАНИ

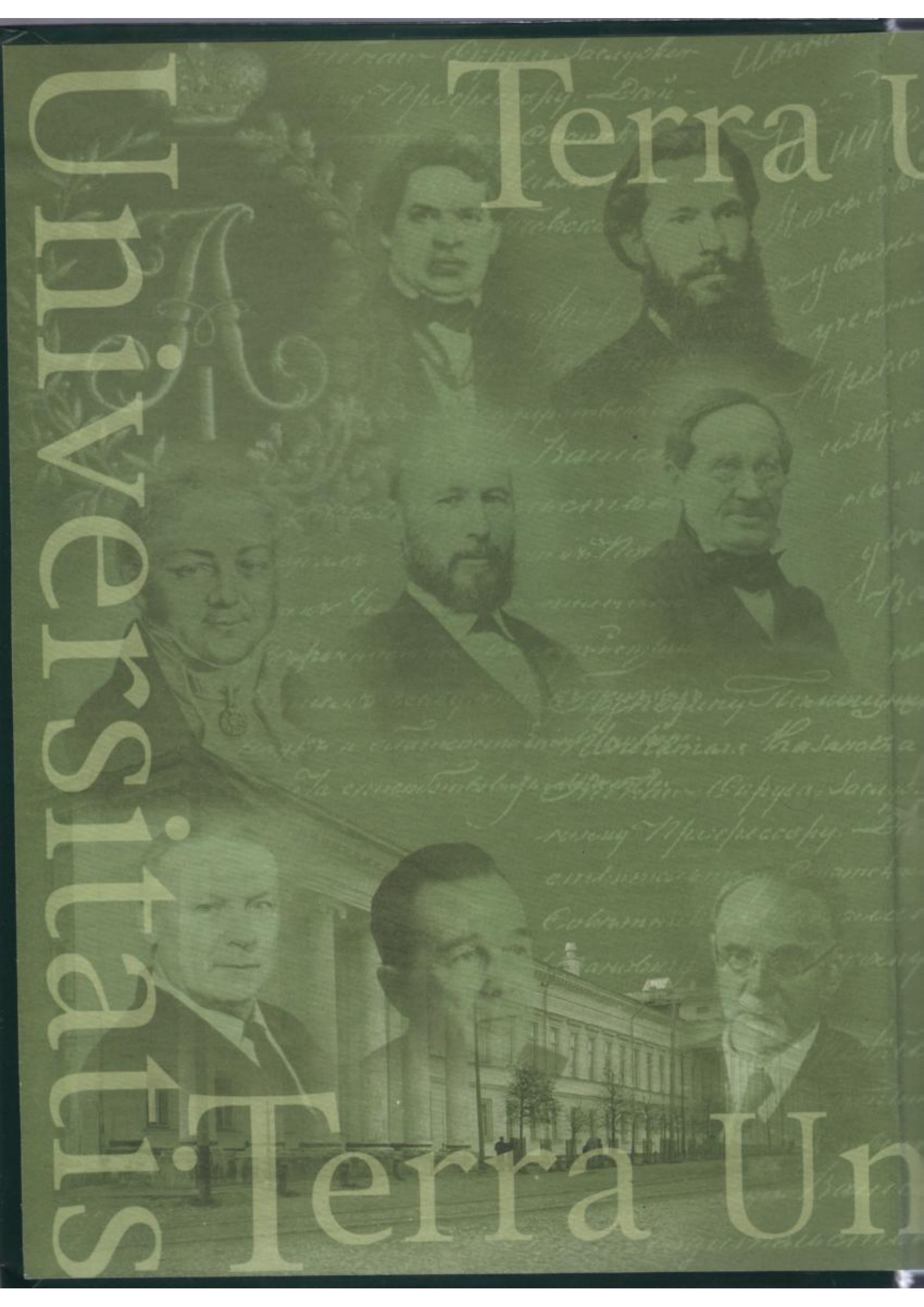
Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова

Terra Universitatis

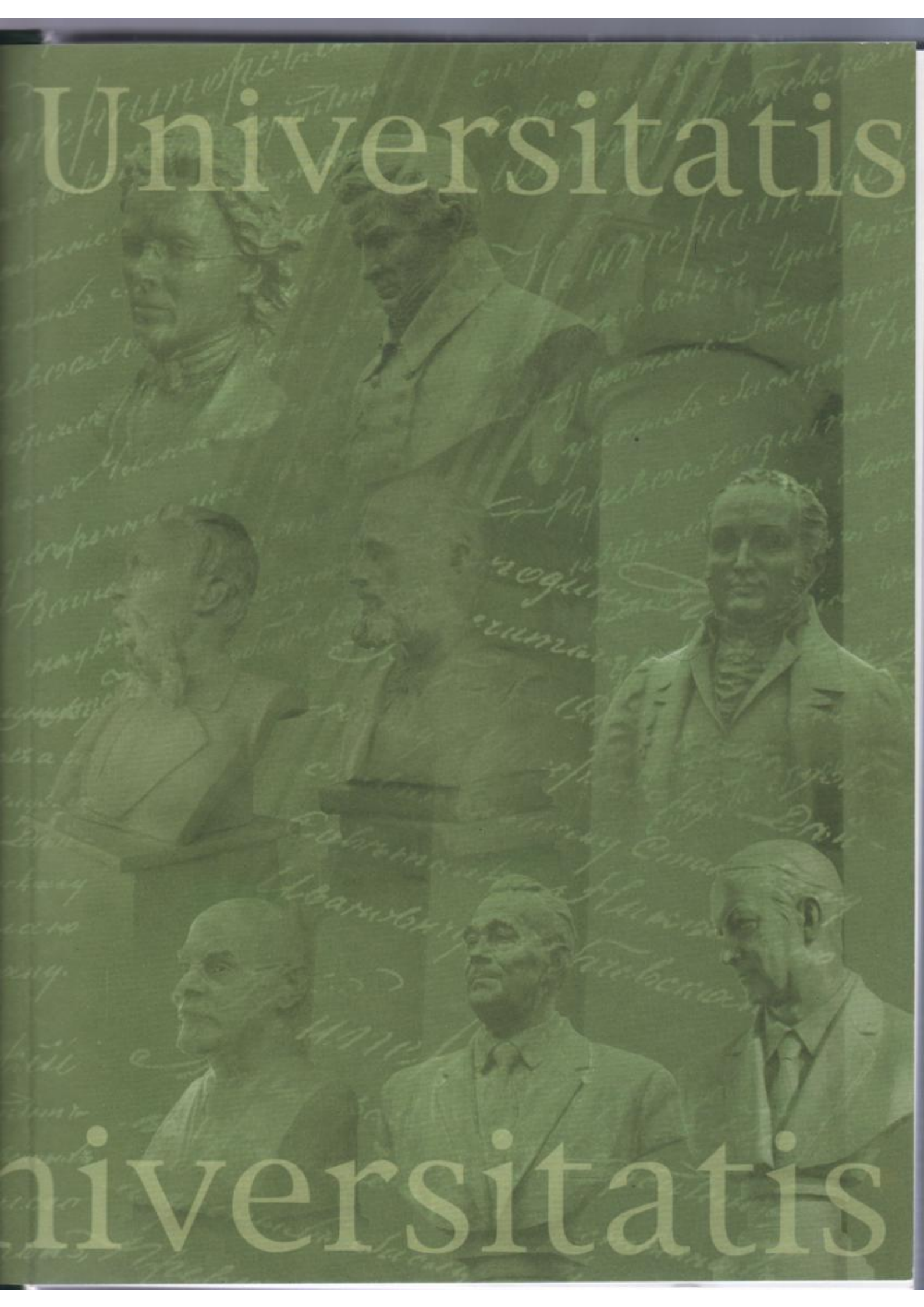
ДВА ВЕКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КАЗАНИ

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

2005

Terra Universitatis
Terra Un

Universitatis

universitatis

УДК 378:930
ББК 72.3
В55

Главный редактор профессор **М.Х.Салахов**
Рецензенты: кандидат исторических наук **И.Б.Сидорова**,
кандидат исторических наук **Е.В.Липаков**
Библиографический редактор **В.И.Шишкин**
Автор оформления кандидат исторических наук **Э.И.Амерханова**

Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.
В55 Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани.– Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова - Ленина, 2005. – 500 с.
ISBN 5 – 98180 – 197 – 2

Монография посвящена культурной истории университетского сообщества в Казани. Казанский императорский/государственный университет (1804–2004) – старейший классический университет России, ныне объявлен национальным достоянием страны.

В книге рассматриваются следующие проблемы: специфика «внутреннего» и «внешнего» ландшафта как среды обитания университетского человека, особенности формирования и бытования ученой корпорации, культура отношений внутри и вовне ее, стили и качество жизни студента и преподавателя, досуговые и праздничные практики, университетские ритуалы, символы и мифы.

Исследование основано на широком круге источников, включающем документы из государственных архивов и частных коллекций, опубликованные и неизданные мемуары, а также материалы анкетирования преподавателей и бывших студентов КГУ. Дополнительную ценность исследованию придают визуальные источники (фотографии, репродукции, карикатуры, архитектурные планы и проекты и др.), большинство из которых впервые вводятся в научный оборот.

Монография рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами отечественной истории и культуры.

The book is devoted to the cultural history of the university community in Kazan'. Kazan' Imperial/State University (1804–2004) is the oldest classical university in Russia. Now it is declared to be the national property of the country.

The following problems are examined: "interior" and "exterior" landscape specificity as a place for an academic inhabitance, particularities of formation and existence of university corporation, culture of relationships inside and outside it, students' and lecturers' styles and quality of life, leisure and holiday practices, university rituals, symbols and myths.

The research is based on broad range of historical sources, which includes documents from state archives and private collections, published and unpublished memoirs, and university lecturers' and former students' questionnaires. Visual materials (photos, reproductions, cartoons, architectural plans and projects, etc.) are of additional research value. The majority of them are used in scientific practice for the first time.

The book is intended for the general public interested in the problems of Russian history and culture.

ISBN 5 – 98180 – 197 – 2 © Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А., 2005

Оглавление

Узнать самих себя.....4

Объяснение с читателем.....6

Глава 1.

Университетское пространство.....13

Глава 2.

Университетская корпорация.....83

Глава 3.

Культура отношений университетских людей.....169

Глава 4.

Качество жизни университетского человека.....233

Глава 5.

Университетский стиль жизни.....309

Глава 6.

Университет в ритуалах, символах и мифах.....427

Завершая рассказ.....497

Узнать самих себя

У прошлого много измерений – под стать разнообразию самой жизни. 200-летие Казанского университета, которое без преувеличения явилось торжеством науки и образования в мировом масштабе, побуждало всех нас к тому, чтобы пристальнее вглядеться в университетскую историю, а через неё прикоснуться к судьбам нашей страны в целом. Потому как самочувствие университета в России – это верный показатель здоровья всего общественного организма. Дело в том, что практическое осуществление в России идеи классического – «гумбольдтианского» – университета явилось важным моментом той социальной и культурной модернизации, которая разворачивалась в стране, начиная с эпохи Петра I. Новое всегда утверждается в противоборстве. Заметные шаги на пути преодоления старых отношений, или напротив, модернизационные откаты и срывы, наступление консерватизма – всё это существенно влияло на роль и статус университета, его внутреннюю жизнь. Бывало даже так, что наш университет оказывался на грани закрытия: в XIX веке – во времена попечителя Магницкого, а в веке XX-м – на рубеже двадцатых-тридцатых годов. Но Казанский университет уцелел, продолжая жить и творить.

Собственно, таким широким подходом к истории нашего университета мы и руководствовались, осуществляя масштабную издательскую программу в связи с 200-летием alma mater. Различные стороны жизни и деятельности университетского сообщества получили отражение во многих изданиях, увидевших свет в преддверии юбилея КГУ. Среди них выделяется трёхтомный Биобиблиографический словарь «Казанский университет. 1804–2004», материалы которого дают представление о преподавателях и студентах, проявивших себя в науке, педагогике, на государственной службе, в других сферах. Авторы словаря впервые в нашей литературной «университетиаде» задались целью проследить судьбу конкретного человека с момента поступления в университет и по возможности до конца жизни, а если речь идёт о современнике, – то вплоть до наших дней.

Особое место в «юбилейной» печатной продукции занимает фундаментальное исследование «История Казанского университета». Авторскому коллективу удалось на основе как известных источников, так и неопубликованных материалов представить развитие научной и учебной деятельности университета за два века его существования, оставляя в стороне явную тенденциозность, свойственную многим историческим сочинениям минувшего XX века.

Наверное, стоит назвать здесь ещё два издания, о каждом из которых тоже можно сказать «впервые». Это – «Летопись Казанского государственного университета (история в фактах, подтверждённых документами)», вышел пока первый том, охватывающий время с 1804 по 1945 годы, а также

«Ректоры Казанского университета, 1804–2004 гг. Очерки жизни и деятельности». Если в «Летописи» в хронологической последовательности прослеживается история одного из старейших в России университетов – так, как она предстаёт в официальных документах, статистических данных, газетных сообщениях, а также в изданных в разные годы работах по истории Казанского университета, то в книге о ректорах читатель приобщается к университетской истории через судьбы тех, кто были «первыми среди равных», в разное время руководили беспокойным университетским хозяйством.

Книга, которую читатель сейчас держит в руках, завершает обширную издательскую программу, посвящённую 200-летию нашего университета. Она не просто дополняет тот исторический образ университета, что складывается в других изданиях. История университета обретает в ней новый горизонт, поскольку авторы смотрят на университетскую жизнь через призму образа жизни университантов, шире – университетской культуры. Культуру принято называть «другой», «второй» природой, что подчёркивает всеобъемлющий характер этого явления, включающего в себя разнообразие общественной жизни, творчество и достижения как отдельных людей, так и целых народов. При всей своей всеохватности культура – это сфера весьма неоднородная, многослойная, и те или иные её фрагменты, «сектора» играют различную роль в обустройстве человеческого общежития, историческом движении в целом. Своё место в становлении и развитии современного общества занимает тот культурный комплекс, который связан с идеей университета, её реализацией в тех или иных странах. Можно даже сказать, что университеты в качестве социально-культурного явления предшествовали современному типу европейской цивилизации, являясь в определённой мере прообразом, моделью гражданского общества. И вот эта «казанская модель» – живая, противоречивая, пёстрая и встаёт со страниц книги. Это как раз то, что называют повседневной жизнью, а ещё «духом времени», «ароматом эпохи»...

«А что же представляет собой этот особый "университетский дух", что составляет "душу" Казанского университета?» – таким вопросом задаются авторы. И стараются докопаться до ответа, демонстрируя нам – от эпохи к эпохе – качество и стиль жизни людей университета, знакомя с разного рода ритуалами и символами университетской жизни, приобщая к её мифам и легендам, прорисовывая университетское пространство, где университет соприкасался с властью, городом, его жителями...

Не стоят на месте нравы и обычаи, изменяются жизненные ценности и приоритеты, а вместе с ними претерпевают изменения университет, университетское сообщество. И всё-таки что-то, весьма существенное, остаётся неизменным: «Душу университета составляют любовь к нашему университету, наша вечная благодарность и преклонение перед ним – вот то, что объединяло и объединяет всех университетских студентов – нынешних, бывших и будущих, всех тех, кому он, действительно, дал путёвку в жизнь». Так видится это авторам книги, так вместе с ними видим и мы. Не потому ли, знакомясь с книгой, узнаёшь себя, какие-то свои черты в тех, кто учился и работал здесь ранее, задолго до тебя? Такое узнавание себя в людях университета разных эпох и есть, наверное, главный итог книги. Интересной, необычной, и, несомненно, заслуживающей высокой оценки.

М.Х.Салахов, ректор
Казанского государственного университета

Объяснение с читателем

Эта книга об истории жизни и особой культуре людей Казанского университета, одной из первых высших школ России. Мы назвали ее "Terra Universitatis", имея в виду культурное пространство, которое создает университет внутри и вокруг себя.

Обычно его история пишется как летопись жизни государственного учреждения. Такая традиция возникла в XIX – начале XX веков, но сегодня создание институционной истории становится занятием все более проблематичным. Дело в том, что современный университет представляет собой агломерацию институтов-факультетов, каждый из которых обладает собственным институционным прошлым. Что же тогда их объединяет? Факультеты и научные учреждения живут на общих культурных основаниях и образуют особый стиль публичного поведения. Исследователи культуры называют его "Большим стилем", противопоставляя малым, например, стилю математиков, историков или юристов[1]. "Большой стиль" представляет общеуниверситетскую традицию и воплощает в себе университетскую историю. Он обладает развитыми ритуализированными формами: особой символикой, церемониальным оформлением и нормативными правилами. Именно это университетское общее и стало предметом данного исследования.

К 200-летнему юбилею alma mater нам хотелось написать повествование об университетском человеке: рассказать, каким он был и есть, как и кем ощущал себя в учебных аудиториях и на улицах города, в пределах собственного дома и на отдыхе, сколько получал за свой труд и на что тратил, как складывались его отношения с представителями власти, с коллегами, со студентами и служащими, с супругой(м) и детьми. Мы стремились поведать об университетских ритуалах, символах, легендах и мифах.

Материал для данных сюжетов мы искали в законодательстве, регулирующем жизнь высшей школы России, в распоряжениях центральной власти и местного начальства, в протоколах университетского совета, в письмах, дневниках, воспоминаниях, песнях, анекдотах и стихах, в надписях на партах и стенах, в фотографиях, в устных рассказах, в наградных медалях и значках, в университетских печатях и официальных бланках, в газетах и журналах, в портретах и зарисовках, в сохранившихся предметах и вещах – словом, в любых "следах прошлого".

Не иллюстрацией, а полновесным источником сведений и представлений об ушедшей жизни являются для нас портреты, зарисовки, карикатуры и фотографии. В XIX в. университет был наполнен не только живыми участниками его переживаний, но в нем зримо и незримо присутствовали "предшественники". Их имена звучали на лекциях и диспутах, на заседаниях совета, были запечатлены в книгах и статьях. Они смотрели на университетских людей с портретов, висевших в аудиториях, в актовом зале, зале совета, в библиотеке, в вестибюле и коридорах. Среди ликов, сопровождавших повседневную жизнь студентов, были профессора, попечители, ректоры, выдающиеся ученые и мыслители, царствовавшие и в Бозе почившие монархи. К сожалению, политические катаклизмы уничтожили очень многие портреты. О их существовании мы знаем из финансовой документации[2] и по фотокопиям, сделанным в начале XX в. при подготовке иллюстраций к "Истории

Императорского Казанского университета" Н.П.Загоскина.

Фотографии университетской жизни XX в. скудно отложились в официальных архивах и музеях. Нам пришлось буквально по крохам собирать их с помощью сотрудников Эрмитажа, Национального музея Республики Татарстан, Национального архива РТ, Музея истории КГУ и Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им.Н.И.Лобачевского. Через наших учеников, друзей, коллег мы получили доступ к частным, семейным фотоколлекциям. Именно они и стали основой нашего визуального познания университетской культуры советского и постсоветского периодов. Недостающие данные мы пополняли фотографиями современного университета, его людей и символов.

В поисках методологии исследования мы обращались к трудам зарубежных историков, работающих в области культурной антропологии, а также к отечественным публикациям, анализирующим студенческую субкультуру и университетские традиции[3]. Мы испытали на себе обаяние сочинений, посвященных культурной истории Московского университета[4]. Наличие всех этих изданий облегчило нашу участь, но не сделало ее легкой. Ни одно из имеющихся на сегодняшний день исследований не охватывает всю "жизнь" университета, и полностью отсутствуют разработки университетской культуры советского времени.

Представляя читателю результаты, мы осознаем, что наша книга, в известной степени, являет собой вариант "самоописания". Университетская культура осмысляется нами в ситуации "изнутри": мы сами наследники и участники процессов, о которых пишем. И у нас всегда был риск излишне довериться собственным ощущениям или подпасть под влияние наших рассказчиков. Между тем, самоописание не есть "выдумка", "фантазия" или "свободная интерпретация" на заданную тему. Мы представляем коллективную (корпоративную) память, и этот образ должен быть представлен адекватно и беспристрастно. Читатель познакомится с нашим видением сущности, истоков, настоящего и, может быть, будущего университетского человека как явления отечественной культуры. При всем том, это вариант реконструкции, выполненной на основе представительного комплекса источников, обработанных научными методами.

Мы не претендуем на объективность своего изложения. Объективным оно не может быть по нескольким причинам. Во-первых, научное творчество всегда субъективно, особенно в гуманитарной сфере. Во-вторых, исследование культуры предполагает не столько изложение суммы непреложных фактов, сколько объяснение явлений университетской жизни, т.е. их авторскую интерпретацию. В-третьих, в основе нашего исследования лежат не только письменные, но и устные источники, которые отличает высокая степень субъективности. Для нас, однако, и те, и другие одинаково ценны как свидетельства живущих и уже ушедших людей.

За двухвековую историю Казанского университета в нем сменились поколения преподавателей и студентов. Одни оставили массовые свидетельства о своих ощущениях, размышлениях, переживаниях, другие – были скупы на фиксацию чувств. У них были на то основания. Но и "молчание" – тоже явление культуры и прочитывается как таковое. Кроме того, университетская память своеобразна. Например, люди по-разному оценивают состояние современного им университета – от восторженного восхищения до горестных сетований и желчной критики. Оценка зависит не столько от административного положения, сколько от самоощущения человека в университете, от степени развития того факультета, на котором он учился или служил. А университет никогда не развивался равномерно. Так, например, в 1840-х годах юридический факультет был в упадке, а историко-филологический –

на подъеме. С приходом на юридический факультет ярких молодых лекторов, с одной стороны, и с переводом восточного разряда в Петербург, с отъездом из Казани талантливых историков и лингвистов, с другой, ситуация изменилась на противоположную. Все это не могло не отразиться на содержании, тоне и эмоциональной окраске сохранившихся свидетельств.

Мы столкнулись с тем, что люди, находившиеся вне университета, судили о нем по уровню специалистов в своей области, иногда даже по личности одного ученого. Мы видели, что научный уровень своих наставников студенты оценивают по привлекательности их личности и по "интересности" лекций. И, наконец, изучение собранных нами устных источников убедило в том, что суждения университетских людей напрямую зависят от качества их жизни. Люди, обласканные советской властью, и поныне склонны считать коммунистические порядки в управлении университетом самыми лучшими; преподаватели и студенты, прошедшие через тяготы распределительной системы, пострадавшие во время репрессий, нередко вспоминают о той же поре с горечью. Коллективная память складывается из суммы таких персональных историй, ощущений и оценок.

Приступив к изучению университетской культуры, мы встретились с явлением "источниковой асимметрии" темы. Советская история оказалась довольно скудна на письменные свидетельства, но богата материальными "следами" (вещи, архитектура, памятники, фильмы, фотографии, картины и пр.). Напротив, императорская эпоха зафиксирована в огромном количестве текстов, но время неумолимо быстро уничтожает ее вещественные следы. Это обстоятельство не могло не отразиться на содержании нашего текста, его источниковом обосновании и иллюстративном оформлении.

Судьба хранила архив Казанского императорского университета. Сегодня он является одним из богатейших в стране. Фонды университетского совета, четырех факультетов, строительного и училищного комитетов, попечителя, его канцелярии содержат в общей сложности около 17 тысяч дел. Все они хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан (Казань). Кроме того, документы по истории Казанского университета отложились в фонде Казанского учебного округа в составе архива Министерства народного просвещения (Российский государственный исторический архив, Петербург). Это еще более 3 тысяч архивных дел, объем которых колеблется от одного листа до тысячи листов рукописного текста. Кроме того, богатую рукописную коллекцию документов по истории Казанского императорского университета имеет Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета (1,5 тысячи единиц хранения).

Если добавить к этому сборники опубликованных документов законодательного характера, более 70 изданных воспоминаний, созданные за последние 100 лет исследования историко-биографического, историографического и конкретно-исторического жанров[5], то станет ясно, что исследователь "дореволюционного" университета сталкивается с трудностью освоения колоссального источникового наследия.

Кстати, именно это обстоятельство обрекло на провал первую попытку написания юбилейной истории Казанского университета, предпринятую в начале XX в. Ее автор Н.П.Загоскин пошел по пути фронтального изучения документов университетского архива и их литературного пересказа. В итоге его четырехтомная "История" сумела охватить лишь первые 25 лет существования университета. Этот опыт заставил нас искать более адекватные методы обработки массовой документации. Самым сложным было отобрать из огромной массы однотипных документов, например, протоколов заседаний совета, так называемые "образцовые" тексты – яркие и в то же время характерные "следы прошлого".

Иные заботы и проблемы возникли при создании истории культуры советского университета. При всей кажущейся многочисленности и многообразии документов, на поверку оказалось, что в большинстве своем они представлены источниками официального происхождения (законодательными документами, позволяющими воссоздать процесс конструирования советской высшей школы "сверху"; материалами делопроизводства и статистики, отражающими реальное воплощение этого конструкта на местах; советской периодикой, носящей во многом установочно-директивный и демонстративно-показательный характер, и т.д.).

В архивах отложилось немало служебных документов, созданных университетскими людьми в советский период: заявления, личные листки по учету кадров, служебные автобиографии, объяснительные записки и др. Помимо них, неплохо сохранились и материалы личного происхождения, присущие собственно университетской "трудовой" повседневности – рукописи научных трудов, лекций и лекционных курсов, подготовительные материалы к ним (выписки, конспекты, планы, наброски и пр.), научная переписка. Однако при всей значимости этих источников, они, в соответствии с логикой жанра, формализованы и лишены каких-либо намеков на индивидуально-чувственное восприятие окружающей действительности и ее "неформальных" сторон, их фиксацию. Между тем, без изучения этих сюжетов "портрет" советской университетской культуры был бы явно неполным. Поэтому особое значение в данном случае приобретали воспоминания университетских людей.

В нашей работе нам сопутствовало везенье. От сотрудников Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского КГУ мы узнали об инициативе В.И.Аристова, С.В.Писаревой и В.И.Шишкина по сбору мемуарных свидетельств воспитанников университета 1910-х – начала 1960-х годов, реализованной в начале 1980-х годов. Опубликовать собранные мемуары в то время не удалось, и рукописи лежали в Отделе рукописей и редких книг в особой коробке, ожидая своего часа. Это была огромная удача. Вот если бы что-то подобное удалось получить от преподавателей и студентов второй половины XX столетия! Но эти источники пришлось создавать самим, прибегнув к "инициативному документированию".

Нами были разработаны две анкеты: одна – для бывших студентов, другая – для бывших и нынешних преподавателей Казанского университета. Каждая из анкет содержала свыше 60 вопросов. Проводили анкетирование студенты 2–4-го курсов исторического факультета. В результате мы получили свыше 250 анкет. В круг опрашиваемых вошли и бывшие члены университетского руководства, и рядовые преподаватели, и студенты – представители всех факультетов. Мы нацеливали наших помощников на выявление аспектов повседневной жизни университетской корпорации и отношений внутри нее. Потому вопросы анкеты были выверены, унифицированы, а, главное, мы стремились, чтобы они были корректны и однозначно поняты. Разумеется, факты, полученные из интервью, нуждались в проверке, поэтому после их систематизации началась работа по уточнению и верификации сведений, в том числе (и в первую очередь) – с использованием документальных материалов.

Конечно, полученные анкеты были далеко не равнозначны. Некоторые из них насчитывали по 30 – 40 страниц убористого текста и представляли собой развернутые повествования о бытовании и существовании человека в Университете и Университета в человеке – в его памяти, ощущениях, эмоциях, поведении. Другие были предельно лаконичны и подчас ограничивались простыми ответами "да" или "нет". Однако и те, и другие являются ценнейшими источниками по истории университетской культуры в Казани, по-

сколько фиксировали чувства, мысли, впечатления, настроения людей, их отношения к происшедшим событиям – все то, что приближает историю к жизни, да фактически и делает ее таковой. Поскольку, по образному выражению одного из респондентов, "эти вопросы порой заставляли выворачивать душу наизнанку", многие участники анкетирования искренно и откровенно рассказали обо всем, что помнили. Собранные ответы образовали уникальный комплекс свидетельств, который, несмотря на заданную стилистику вопросника, отличается разнообразием жанров воспроизводства личной памяти.

Итак, в результате поисковой работы в архивах и библиотеках страны, в результате напряжения памяти и богатства личных архивов наших коллег, в результате помощи наших учеников мы получили богатый и разнообразный комплекс источников, позволяющий ответить на поставленные исследовательские вопросы. Следующей проблемой было найти подходящие методы его аналитической обработки.

Мы обладали документами, которые зафиксировали рутину каждодневной жизни, а также ее "взрывы" конфликтами и праздниками. Они позволяли реконструировать текущую жизнь с ее повседневными практиками, заботами, идеалами и ритмом. Однако этого было явно недостаточно, чтобы говорить о культуре.

Учебный процесс, исследовательская работа, административная деятельность не раскрывают характера университетских отношений. Они образуют лишь пространство их существования. Границы дозволенного и критерии оценок друг друга, корпоративную идентичность вскрывают конфликтные ситуации. Именно в такие моменты университетские люди "проговариваются" и отстаивают базисные для себя принципы социальных связей. В условиях демократии конфликт был и есть естественной реакцией на накопление противоречий развития. И университетские ритуалы были тем средством, которые позволяли либо восстановить близкую к расколу социальную структуру, либо достичь умиротворения, узаконив раскол. Такой ракурс прочтения источников позволил нам описать культуру повседневности, межличностных и властных отношений в университете.

Мы рассматривали университетскую символику как средство сохранения ритуалов и "точки памяти". В них ярко воплотилась неоднородность "большого стиля", наличие в нем отложений различных культурных эпох, продукции разнонаправленных культурных трендов и фрагментов культурных эталонов, заимствованных у иных социальных институтов. Университетская культура являет себя "внутреннему" и "внешнему" миру в легендах и мифах. Часть их живет в форме фольклора, а часть усвоена профессиональной историографией и кочует из книги в книгу, упорядочивая корпоративную память и придавая ей элементы занимательности.

Мы отбирали и расставляли по страницам данного издания визуальные документы (гравюры, репродукции, фотографии, факсимиле) так, чтобы они образовывали "параллельный" текст. И поскольку данное исследование ни в коей мере не является справочным, то мы не стремились дать атрибуцию изображения, указать читателю кто и когда на нем зафиксирован. Для нас было важнее показать ауру университетского городка; дать обобщенный антропологический образ корпорации; представить визуальные следы культуры отношений (пригласительные билеты, благодарственные листы, позы людей на фотографиях, карикатуры и шаржи); продемонстрировать в "картинках" стиль и качество жизни; собрать воедино уникальную символику Казанского университета.

Что же касается стиля изложения, то текст юбилейной истории мы пи-

сали как реконструкцию и объяснение. Цитаты из источников в данном повествовании приводятся, главным образом, для того, чтобы читатель услышал живой голос прошлого или увидел типичный образец того вида источников, анализ которых позволил нам сделать те или иные выводы. Сами темы диктовали разную стилистику изложения материала. Поэтому раздел, посвященный качеству жизни, выстроен как рассказ о материальных возможностях и духовных потребностях университетских людей, а раздел о мифах – как деконструкция историографических и источниковых тропов.

И сейчас, закончив книгу и представив ее читателю, нам хочется вслед за известным культурологом Й.Хейзинга воскликнуть: "Теперь, когда я отдаю свою работу на суд общественности, меня охватывает страх, что, несмотря на все положенные на нее силы, многие воспримут эту книгу как малоубедительно документированную импровизацию. Собственно, такова судьба каждого, кто возьмется исследовать проблемы культуры... Вопрос для меня стоял так: написать сейчас или не писать вообще"[6].

---

[1] Лейбович О.Л. Большой стиль управления университетом: заметки культуролога// Мир российского университария: Интернет-конференция. Портал: www.auditorium.ru (сентябрь – октябрь 2002 г.).

[2] Например, в "Описе вещам, поступающим в собственность библиотеки университета" за 1833 г. значатся 6 портретов (ОРРК НБЛ, ед.хр. 9422).

[3] Об университетской культуре европейского Средневековья писали: Ле Гофф Ж. Другое средневековье: время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000; Strassburger Studentenleben bis 1850: Ein Beitrag zur Geschichte der Strassburger Studentenverdindungen. Strassburg, 1934; Gaudeamus igitur: die studentische Verbingungen einst und jetzt / P.Gladen. Unter Mitarb. von U.Becker. Muenchen, 1986; Brunck H. Studentische Verbindungen in Frankfurt am Main. Kelkheim, 1986; Weiss M. Buecher, Buden, Burschenschaften: tausend Semester Tuebinger Studentenleben. Tuebingen, 1991; Blut und Paukboden: eine Geschichte der Burschenschaften. Frankfurt am Main, 1997 etc.

О смысле и назначении университетской символики см.: Щепанская Т.Б. Прагматика некросимволизма // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2002. С. 134 – 152; Mueller R.A. Geschichte der Universirtaet: Von der mittelalterischen Universitas zur deutschen Hochschulen. Muenchen, 1990.

О социальной природе интеллектуального творчества и моделях интеллектуального поведения см.: Collins R. Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Harvard, 1998.

О европейских традициях в университетской культуре императорской России см.: Уваров П.Ю. Российская гастроль университетской идеи// Вопросы философии. 1998. № 11; он же. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту "идола истоков"// Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып.7.

О субкультурах и университетской метакультуре Российской империи писали: Веременко В.А. Женщины в русских университетах (Вторая половина XIX – начало XX вв.) СПб., 2004; Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. М., 1999; он же. Студенческая корпорация России конца XIX - начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; Олесич Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002; Beyrau D. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion. Goettingen, 1993; Brower D.R. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca, NY; London, 1975; Confino M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth and Nineteenth-century Russia// Daedalus. 1972. Vol.101, № 2; Flynn J.T. The University Reform of Tsar Alexander I. 1802 – 1835. Washington, 1988; Hans N. Russian Tradition in Education. London, 1963; Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, L.A., L., 1989; Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York, Oxford, 1998.

[4] Университет для России / Ред. В.В.Пономарева и Л.Б.Хорошилова: В 2-х т. М., 1997 – 2001; Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.

[5] Работы, вышедшие до 1969 г., описаны в библиографическом указателе "Высшее образование и наука в Татарии" (Казань, 1971). Карточный же указатель литературы о Казанском университете сегодня насчитывает более 1,5 тысяч наименований.

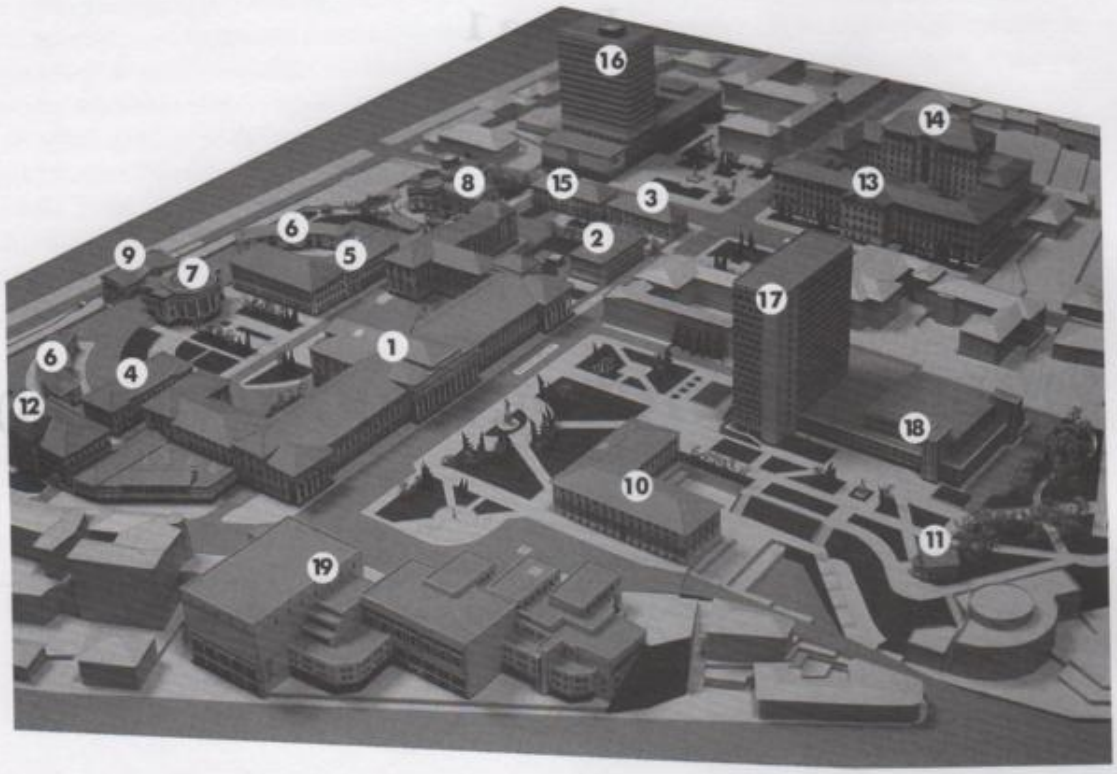
[6] Хейзинга Й. Homo Ludens (Человек играющий). М., 2001. С. 7.

Глава 1

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Университетский городок после реконструкции 2004 года

1 Главный учебный корпус
2 Ректорский дом (дом Кастелли)
3 Научно-вспомогательный корпус (дом Спижарной)
4 Химический корпус
5 Библиотечный корпус
6 Полуциркульные корпуса
7 Анатомический театр
8 Астрономическая обсерватория
9 Здание лаборатории радиоактивных веществ
10 Старая клиника (здание ЦИВТ)
11 Часовня старой клиники
12 Здание физиологических лабораторий
13 Здание Химического института
14 Строящееся здание
15 Криогенный корпус
16 Здание физического факультета
17 Второй гуманитарный корпус
18 Здание новой библиотеки
19 УНИКС

Создавая к 100-летию Казанского университета его историю, Н.П.Загоскин и Н.Н.Булич с прискорбием поведали читателям о равнодушии, которое любимая alma mater испытывала со стороны местного общества, рассказали о неблагоприятных для ее развития условиях российской провинции XIX в.

Да, казанское общество не было инициатором создания университета и мало влияло на его историю. Современниками он осознавался как «императорский университет», расположенный в Казани. Ситуация данного города специфична тем, что университет оказал куда более сильное влияние на городскую жизнь, чем она — на университетскую. Это Казань под влиянием университета превратилась в университетский город, а не университет под влиянием города — в школу губернского масштаба. Уже в середине XIX в. современники хорошо понимали это. «Казань три века уж покорена, но только с основания университета началось духовное развитие края»[1], — писал чиновник Министерства государственных имуществ и одновременно известный публицист И.И.Михайлов.

Герб Казанской губернии

Согласно просветительской идее верховной власти, университет предназначался не столько для того, чтобы обучать россиян, сколько для того, чтобы учить их мыслить по-европейски. И Казанский университетский ансамбль вполне отразил это назначение — он стал наиболее полным и последовательным архитектурным воплощением идеи университета как оплота европейской цивилизации в России.

Учебными корпусами, общежитиями, квартирами преподавателей, студентов, служащих, библиотеками, ботаническим садом, загородной обсерваторией, а также многочисленными трактирами (впоследствии кафе и столовыми), лавками, торгующими необходимыми университетским людям вещами, книжными магазинами, обслуживающими их интеллектуальные нужды, университет врастал в тело города, изменяя его «анатомию», топонимику, становясь центральным элементом идентичности Казани.

Наличие университета придало жизни города особый колорит. Университетское пространство, возникшее на окраине городского посада, разрастаясь и внутренне структурируясь, стало центральным культуро-образующим элементом городского локуса. К середине XIX в. университетский городок превратился в «витрину» Казани. В течение двух веков университетские структуры, корпуса, помещения возникали в различных частях города и за его пределами. В городе появлялись учреждения, отпочковавшиеся от университета, но находившиеся в тесной связи с ним — ветеринарный институт, клиники, ботанический сад, медицинский институт и др. Улицы города, его скверы стали носить имена университетских людей, на городских домах появились мемориальные доски их памяти, в городских скверах — бюсты и статуи выдающихся ученых.

Радикальные преобразования российского общества, начавшиеся в октябре 1917 г., сказались и на облике Казанского университета. Большевики возлагали на учебные заведения особую надежду. В них должны были фор-

[1] Михайлов И.И. Казанская старина. Из воспоминаний // Русская старина. 1899. № 11. С. 400.

мироваться «новые» люди, которым предстояло строить светлое и счастливое социалистическое завтра. С этой политической установкой были связаны изменения в университетском пространстве Казани первых десятилетий XX в. Поскольку университет был доминирующей частью общегородского ландшафта, ему предстояло «вписаться» в создаваемый пространственный контекст Казани как социалистического города.

Часто к несчастью, но иногда к счастью, в России между планами и их реализацией существует приличная дистанция. Вероятно, новая власть с удовольствием бы трансформировала доставшийся ей в наследство университетский комплекс и создала на этом месте новый конструктивистский гигант, но сложившаяся в городе и в стране в целом экономическая, а затем и политическая ситуация не позволили это сделать.

Видимо, сохранению университета способствовало и то обстоятельство, что в первые годы советской власти уровень университетской «независимости» в провинции был выше, нежели в центре. В те годы Казанский университет оказался вне опеки центральной власти и был волен в принятии решений, в том числе и в тех случаях, когда речь шла об изменении его внешнего и внутреннего облика.

«Ленинский миф» позволил Казанскому университету претендовать на высокое, почти сакральное место в пространстве советской культуры. Из храма науки он превратился в храм революции, и в таковом качестве стал «местом памяти», живым мемориалом. Это обстоятельство закрепило за ним центральное положение в городском пространстве, обеспечило сохранение единства академического городка, но потребовало изменений в семантике архитектурного текста.

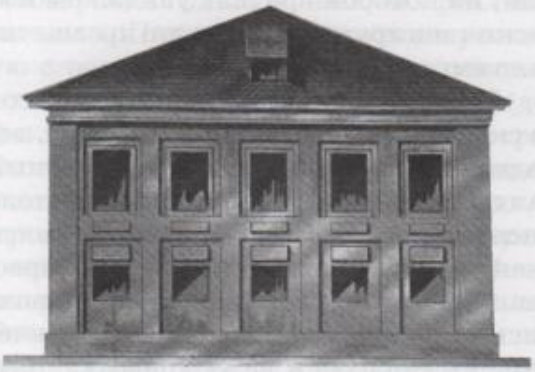
Как бы то ни было, будучи доминантой Казани, в советское время университет продолжал оказывать сильнейшее влияние на социально-пространственный образ города и на его жителей. Для многих из них, в том числе и для «человека со стороны», он и по сей день является знаковым местом, с воспоминанием о котором ассоциируется Казань в целом.

Городское пространство и университет. Когда в 1760 — 1780-е годы российское правительство обсуждало план создания провинциальных университетов в империи, в качестве «претендентов» назывались города Сумы, Псков, Чернигов, Пенза, Екатеринослав, Дерпт. Но спустя четверть века университеты были открыты в Дерпте (центр немецко-протестантского учебного округа), Харькове (центр южного учебного округа) и в Казани (научно-образовательный центр огромного восточного округа). Очевидно, выбор места под университет определялся геополитическими соображениями верховной власти и образовательными традициями города: наличием в Казани гимназии, семинарии, главного народного училища. Как бы то ни было, но в 1804 г. семена университетской культуры были посеяны в казанскую землю, а местом для их всходов был выбран Воскресенский увал, тянувшийся на восток от стен Кремля. Отсюда и началось «врастание» университета в тело города.

Архитектурный облик Казани тех лет сочетал в себе типические черты губернского города с элементами восточной традиции. Он был застроен одно - и двухэтажными деревянными, реже каменными, домами. Официальный центр, как истинный пуританин, имел пастельную окраску эпохи классицизма, а Забулачная, «татарская» часть города, была выкрашена в яркие, сочные цвета. От Кремля («крепости», по терминологии того времени) расходящимися лучами разбегались три центральные улицы: Проломная, Воскресенская и Грузинская. Изрезанный ландшафт делил городское про-

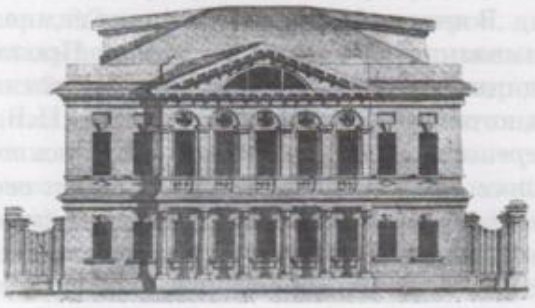
странство на «нижнюю» и «верхнюю» части. «Нижний», или «пойменный», город принадлежал мелким торговцам, ремесленникам, чиновникам, нижним воинским чинам. «Верхний» город лежал на гребнях холмов. Это была наиболее престижная, богатая и эстетичная часть городского пространства, заселенная дворянами, высшими чиновниками, старшими воинскими чинами. Главной артерией была Воскресенская улица. На ней и поселился университет.

В конце XVIII столетия Воскресенская улица начиналась у стен крепости полуразрушенным после осады Пугачева зданием гостиного двора. Далее тянулись одно - и двухэтажные жилые и административные постройки, а на перекрестке Воскресенской и Поперечно-Воскресенской (ныне ул. Астрономическая) улиц находилось полицейское управление и возвышалась ось пожарной каланчи (ныне территория высотного физического корпуса университета). На противоположном к ней углу стояло здание церкви Воскресения Христова (участок, ныне занятый университетским химическим корпусом). Восточный конец улицы выходил на обширный незастроенный пустырь, круто обрывавшийся в овраг (ныне ул. Пушкина). По его гребню тянулись остатки деревянной стены старого казанского посада. Тогда это была окраина города, за которой простирались лесистые овраги (нынешний район улиц Горького и Бутлерова).

Дом А.С. Спижарной

Наискось от Воскресенской церкви стоял каменный двухэтажный дом старой постройки с крутой деревянной крышей и большим слуховым окном на лицевой стороне, принадлежавший вдове инженер-поручика Анне Степановне Спижарной. К нему примыкал дом казанского коменданта генерал-майора Степана Николаевича Кастелли. Это было двухэтажное каменное строение с девятью окнами, смотревшими на Воскресенскую улицу. За ним располагался небольшой двор и сад, довольно круто спускавшийся под гору. В конце сада Кастелли выстроил каменную беседку. Далее, между домом Кастелли и Казанской гимназией, замыкавшей улицу, лежал довольно большой участок бывшего казанского губернатора князя Дмитрия Васильевича Тенишева. Его дом считался одним из лучших строений в городе. Выстроенный в два этажа, он имел 13 больших окон, а весь участок был огорожен добротным каменным забором. К «тенишевскому» дому примыкал большой сад с тенистыми липовыми аллеями, засаженный яблонями, крыжовником и барбарисом[2].

Дом генерал-майора С.Н. Кастелли

[2] Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804 — 1814. Казань, 1902. Т.1. С. 72 — 74.

Гимназическое здание было в этом ряду новым строением. До приезда в город императора Павла I гимназия располагалась в крепости. Под нее был отдан корпус упраздненных присутственных мест и угол здания гауптвахты. Прибывший император распорядился перевести школу в строившийся для губернатора в конце Воскресенской улицы казенный дом. В сентябре 1799 г. гимназия переехала в новое, перестроенное под ее нужды здание. По свидетельству современников, это была красивейшая постройка в городе: «три портика — средний (над которым был парадный вход в гимназию) с восемью, а по сторонам, с каждой, с четырьмя колоннами коринфского ордена, огромный купол с круглыми слуховыми, симметрично расположенными окнами, балюстрады, над главным портиком — большой треугольный фронтон с барельефом, на котором зритель увидал бы изображения глобуса, лиры, математических инструментов, все это чрезвычайно красило здание и в сложности давало ему вид скорее храма»[3].

Дом губернатора князя Д.В. Тенишева

В среднем портале гимназического здания находился парадный подъезд со сквозным, во всю ширину здания, вестибюлем. В бельэтаже, налево от парадного входа, располагался двусветный, во всю ширину корпуса и с хорами, зал собраний, направо — такой же столовый зал. На этом же этаже размещались классные комнаты, квартира инспектора, физический кабинет, азиатская типография и кладовые. На первом этаже находились комнаты воспитанников, дежурного офицера, экономa, контора. В антресолях располагались квартиры служащих и гимназическая больница. С восточной, угловой стороны корпуса к нему примыкал выстроенный буквой «Г» одноэтажный служебный флигель (снесен в 2002 г.). Гимназия, находившаяся на самом высоком месте тогдашнего города, хорошо просматривалась со стороны Волги и Кабана. Ее архитектура символизировала возвышенность просветительских устремлений власти.

В январе 1805 г. во владение гимназии поступил пустырь, тянувшийся от гимназического двора до Малой Проломной (ныне ул.Профсоюзная). Тупик улицы Воскресенской за зданием гимназии был слабо освоенным. В записях одного из тогдашних гимназистов, Н.В.Веригина, есть его описание: «*... а как перешли в здание, что ныне университетское, где теперь на горе на одностороннке [ул.Университетская] (тут вверху и внизу не было никакого строения), то тут мы играли в снежки, строили крепости и вели войну*»[4].

В начале века там были установлены солнечные часы, изготовленные гимназическим учителем физики И.И.Запольским. Позднее (в 1810 г.) С.С.Петровский, адъюнкт военной и гражданской архитектуры Казанского университета, предлагал разбить на пустыре городской сад. Проект был красивым, так как с обрыва открывалась прекрасная панорама: озеро Кабан, Волга, Воскресенский монастырь, леса Красной слободы, но он не был реализован городскими властями. На противоположной (нечетной) стороне Воскресенской улицы находились дома Папова (место нынешнего сквера им. Н.И.Лобачевского) и

[3] Фастрицкий П. Нынешний университетский квартал во второй половине XVIII столетия: (Материалы для истории Казанского университета)// Справочный листок города Казани. 1867. 26 июля.

[4] Веригин П. Краткая записка, составленная на память, с начала учреждения 1-й Казанской гимназии при Императоре Павле I, бывшим учеником Веригиным// Владимиров В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Казань, 1867. Ч.1. С. 58.

дом секунд-майора Порфирия Львовича Молоствова (участок перед вторым высотным корпусом университета). С восточной стороны к ним примыкал лесистый участок земли, также принадлежавший гимназии (нынешний сквер с памятником студенту Ульянову и здание ЦИВТ). Вниз от этого склона уходила липовая аллея, в конце которой в 1804 г. гимназия начала строительство манежа. Но, в связи с открытием университета, его разобрали, и в 1806 г. чуть выше было отстроено здание, получившее название «типографский дом».

Фасад манежа для гимназии

Первоначально план создания университетского городка включал выкуп частных домов и участков, расположенных на территории огромного квартала, очерченного нынешними улицами Лобачевского — Астрономической, Пушкина, Профсоюзной и Черноозерской. Однако он не был реализован в полном объеме, так как домовладельцы Папов и Молоствов запросили за свою собственность несоизмеримую с реальностью сумму. В результате университет приобрел строения лишь по правую сторону Воскресенской (дома Спижарной, Кастелли, Тенишева) и получил неправильный в геометрическом отношении участок земли. Описывая его, Н.П.Загоскин сообщал: *«Таким путем образовался целый университетский квартал, лицевую (к Воскресенской улице) сторону которого должны были занять университетские здания, а заднюю (к нынешней Малой Проломной) Яковкин (первый директор университета) фантазировал (что так фантазиею и осталось) отвести под устройство доходных торговых лавок»*[5].

Рисуя весной 1805 г. в кабинете министра народного просвещения воображаемое пространство будущего университетского городка, казанский попечитель С.Я.Румовский уже тогда предлагал соединить здание гимназии и «тенишевский» дом в единое целое посредством «светлого коридора». В созданном таким образом корпусе предполагалось устроить комнаты для 40 казеннокоштных студентов, их инспектора, 12 кандидатов и 12 магистров, директора педагогического института, выделить помещения для «физической каморы», библиотеки, естественного кабинета, зал для собраний университетского совета, комнаты для правления, казначейства, архива и актовый зал для публичных собраний. С самого начала в Казани планировалось создать самодостаточный «кампус», или «городок», в центре которого стоял бы учебный корпус, образованный из зданий гимназии и «тенишевского» дома.

Приобретенные университетом в первое десятилетие его существования помещения распределялись следующим образом: на первом этаже «типографского дома» размещались квартиры профессоров, на втором — работала университетская типография. С переездом в Казань попечителя округа М.А.Салтыкова (1812 г.), в пользование его семье был предоставлен «спижарный дом». Семья ректора проживала на втором этаже дома Кастелли, и там же внизу располагалась канцелярия попечителя. В каменной беседке «тенишевского дома» университетские астрономы оборудовали небольшую обсерваторию, а во дворе дома Кастелли нанятые мастеровые отстроили деревянную баню. Студенческие «камеры» были размещены на первом этаже гимназического здания, на его втором этаже находились актовый и столовый залы, учебные

[5] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета... Т.1. С. 73.

аудитории, квартира инспектора казеннокоштных студентов. Впрочем, такой порядок использования внутренних помещений не был постоянным. Имевшиеся площади часто перераспределялись в связи с прибытием или отъездом кого-либо из профессоров, вследствие открытия при университете новых научных учреждений, из-за отселения или возвращения на прежнее место гимназии.

Обычная учебная аудитория тех лет вмещала столы со скамьями и преподавательскую кафедру. На стене устанавливалась черная доска. В помещениях университетского совета, правления и в ректорском кабинете стояли дубовые шкафы для документации, ломберные столики и дубовые или плетеные из дубового мочала стулья. На столах, застеленных зеленым сукном, красовались посеребренные чернильницы с песочницами и подсвечниками. На столе кассира и экзекутора стояли чернильницы синего стекла с песочницами на граненом подносе из железа. В темное время дня университетские помещения освещались сальными свечами, установленными в коридорные и настенные фонари[6].

Освоение приобретенных территорий и перестройка имевшихся помещений под учебные, научные и бытовые нужды университета сдерживались рядом обстоятельств. Во-первых, вскоре после открытия Казанского университета Российская империя вступила в многолетнюю войну с наполеоновской Францией. В связи с этим был отложен «до лучших времен» выкуп оставшихся в университетском квартале двух частных домов. Кроме того, университет не получил финансирования для создания единого университетского комплекса.

Во-вторых, почти 20 лет университет соседствовал в одних помещениях с гимназией. В 1811 г. он уже было избавился от такого соседства, но с началом войны 1812 г. в специально построенное для гимназии здание был перемещен госпиталь, и гимназисты вновь вернулись на Воскресенскую. В 1815 г. гимназическое здание сильно пострадало от пожара, уничтожившего почти всю центральную часть города. И только в 1820 г. гимназия окончательно перебралась на Воздвиженскую улицу.

В результате, вплоть до середины 1820-х годов, университетское хозяйство размещалось в разных, не приспособленных под его нужды помещениях. Тщательно осмотревший их в 1812 г. попечитель М.А.Салтыков сообщал министру: *«Печальный внешний вид зданий, дворы, переполненные мусором и нечистотами; общее впечатление ветхости и запущенности»*[7].

Возведение «главного» университетского корпуса. Получить финансирование строительства Казанскому университету удалось лишь в начале 1820-х годов, и сделано это было усилиями попечителя М.Л.Магницкого. Его близость к правящим кругам и даже сам факт проживания в Петербурге способствовали поступлению, хоть и не всегда регулярному, средств на реконструкцию университетского городка. Созданный в те годы университетский учебный корпус получил устойчивое название «главного».

В начале века университетские комплексы создавались не только в Казани: шло расширение пространства Московского университета, отстраивались университетские корпуса в Дерпте и Харькове. Их архитектурное решение было близким к городскому жилому особняку второй половины XVIII в. Во времена Екатерины II и Павла I университет мыслился как учебное заведение с пансионом, как школа и дом одновременно. В его стенах единой семь-

[6] РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 260, л. 237, 268.
[7] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета... Казань, 1902. Т.1. С. 443.

ей жили педагоги, их воспитанники и прислуга. Это воплощалось в компактной планировке университетского корпуса, анфиладном порядке внутренних помещений, их поэтажном расположении.

Архитектура и ландшафт Казанского университета были иными. По признанию искусствоведов, в Казани был создан уникальный ансамбль, наиболее полно воплотивший университетскую идею Александровской эпохи[8]. Сподвижники Александра I и сам император верили в европейский миф о совершенной цивилизации как идеале человечества. Верили, что в ее центре будет университет, где человечество станет познавать священную, секретную и воистину вечную истину всех времен — Символизм. Здесь инициированные будут приходить к пониманию того, что каждый видимый объект, каждая абстрактная мысль, каждая эмоциональная реакция есть символ вечного принципа. Здесь человечество узнает, что каждая форма есть символ и каждый символ есть могила вечной Истины[9]. Архитектурное решение Казанского университета должно было воплотить это космогоническое предназначение заведения. А потому в его формах и декоре должно было сквозить спокойное величие мудрости.

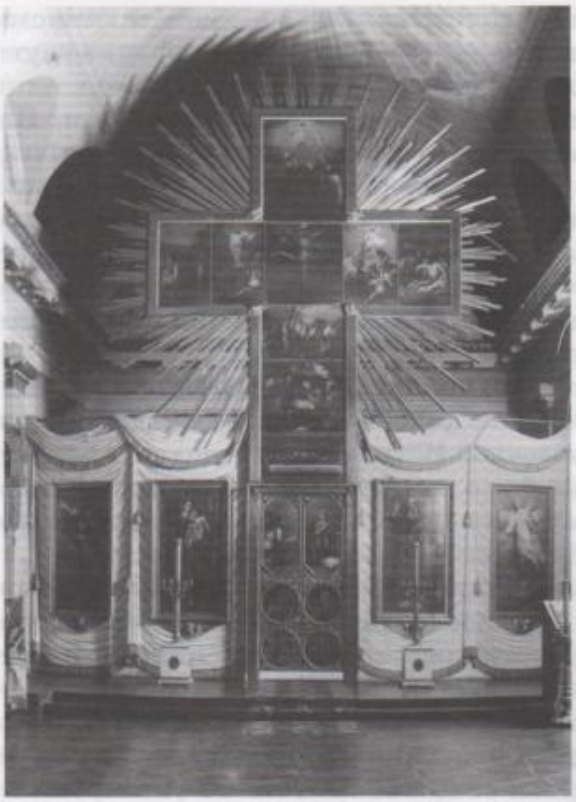
Вместе с тем, заказывая проект, казанский попечитель желал увидеть в нем имперское значение вверенного ему учреждения. Для Магницкого было важно, чтобы вид Казанского университета соответствовал лучшим произведениям столичных мастеров. Поэтому он настоял, чтобы его проект разрабатывал воспитанник императорской Академии художеств.

П.Г.Пятницкому удалось оправдать ожидания капризного и критичного заказчика. Его проект подразумевал создание целостного университетского городка со взаимосвязанными постройками. Университетским центром должен был стать учебный корпус, образованный путем соединения гимназического и «тенишевского» домов. Дома Кастелли и «спижарный» предполагалось стилизовать с помощью декора под главный корпус, а все пространство позади них организовать с помощью полуциркульного по форме строения с флигелями. В нем могли разместиться квартиры профессоров и служащих университета. По краям флигелей планировалось построить баню и прачечную, а в центре этой полукруглой площади Пятницкий поместил круглое здание обсерватории. Между задним фасадом главного корпуса и круглой обсерваторией было отведено место для длинного одноэтажного строения, предназначенного под сараи и конюшни с сеновалом. Завершающим аккордом должно было стать устройство за квартирами профессоров ухоженного сада с оранжереей.

В 1820-е годы план Пятницкого был реализован в усеченном варианте: был создан главный корпус, возведен симметрично имеющемуся восточному, западный одноэтажный Т-образный флигель, отремонтированы остальные университетские дома. Перепланированный под ректорскую квартиру и канцелярию попечителя дом Кастелли с тех пор называется «ректорским» домом. Строительные работы по соединению двух зданий длились три года (1822 — 1825 гг.). При этом строителям пришлось переложить дефектную стену гимназического дома и разобрать поврежденный угол «тенишевского», возвести между ними коридор («связь»), в которую вошел нынешний актовый зал с аванзалом и прихожей. Для сохранения общего стиля старой гимназии, который так нравился казанцам, новое здание украсилось тремя колоннадами, а с

[8] Евсина Н.А. Ансамбль Казанского университета// Ежегодник истории искусств, 1960. Архитектура и живопись. М., 1961. С. 189.

[9] Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии: Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех времен. Новосибирск; М., 1997. С. 282.

Иконостас университетской церкви

надворной стороны к нему был сделан небольшой пристрой, вместивший выход во двор и ведущую к церкви и актовому залу парадную в два пролета лестницу.

Студент, входивший с парадного подъезда в университетский корпус, оказывался сначала в обширном вестибюле, от которого направо и налево расходились два длинных, узких и довольно темных (без окон) коридора нижнего этажа. Э.П.Янишевский вспоминал: *«Коридор оканчивался довольно большою светлою прихожей, из которой одна дверь, направо, вела в квартиру инспектора, а другая, налево, в большую танцевальную залу, из той же прихожей шла широкая лестница в верхний этаж, в котором помещались аудитории»*[10]. Столы и скамьи учащихся размещались в аудитории вдоль ее длины. Напротив них стояла сделанная из красного дерева кафедра. Преподаватель поднимался на ее площадку по приставной ступеньке. Таким образом, он оказывался над сидящими студентами и был как будто отгорожен от них. У задней стенки кафедры стоял стул для лектора, а передняя была выгнута вперед и над ней размещалась полка для книг и тетрадей.

С 1825 г. и вплоть до лета 1858 г. казеннокоштные воспитанники жили в главном университетском корпусе, где занимали почти половину верхнего этажа. Комнаты их подразделялись на «занимательные», предназначенные для самостоятельных занятий, и спальни. «Занимательные комнаты» располагались на антресольном третьем этаже, были низкими; небольшие квадратные окна находились близко к полу, поэтому и освещались эти комнаты очень плохо. Масляные лампы тогда были только в университетских коридорах и аудиториях. Меблировка «занимательных» комнат состояла из конторок, табуретов и одного стола, стульев не полагалось совсем. К каждой такой комнате было приписано 8 — 10 человек. Спальни были общими, их закрывали в 7 утра и открывали в 9 вечера[11].

По окончании строительных работ в срединной части главного корпуса была устроена университетская церковь во имя Воздвижения честного и животворящего Креста Господня. Она была освящена в сентябре 1825 г. Примечательно, что церковь располагалась в том месте, где в прочих российских университетах обычно находились актовый зал или библиотека. Решение о выделении под нее центрального места в учебном корпусе воплощало признанную тогда в правительственных кругах мысль о единстве веры и знания. Причем, Магницкий пожелал, чтобы в Казани была воспроизведена до-

[10] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1913. С. 14.
[11] Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974. С. 104.

мовая церковь его покровителя, министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына.

Алтарь университетской церкви

Университетской церкви был придан мистический и вместе с тем интимный вид, что соответствовало тогдашним духовным настроениям российской аристократии. Таинственный полумрак храма, массивные колоннады, иконостас в форме воздвигнутого четырехконечного креста, озаряемого золотыми лучами, падающими сверху сквозь круглое окно в потолке с отлитым на нем изображением всевидящего ока — все здесь должно было рождать мистические ощущения у молящегося. *«Свет, проникая в церковь чрез три окна, устроенные в алтаре и закрытые иконостасом,* — вспоминал выпускник 1833 г. Н.И.Мамаев, — *делал бы ее темной, если бы не большое, круглое, сквозное отверстие в своде потолка. В отверстие это вставлено стекло, желтого цвета, значительной толщины, с изображением всевидящего ока. И в сумрачный день отверстие дает достаточно света; но в день ясный солнечные лучи, врываясь через стекло, проливают в церковь слабый, нежный, золотистый свет, исходящий, кажется, от иконостаса, устроенного крестообразно. Такое освещение, напоминающее собой священный полумрак церкви первых веков христианства, действительно представляет нечто таинственное, сильно действующее на восприимчивую душу»*[12]. Полученный в стенах университета религиозный опыт навсегда оставался в памяти выпускников. Университетская церковь была подлинным домашним храмом. В ней совершались все важные события в жизни корпорации: открытие учебного года, венчание преподавателей, крещение их детей, отпевание усопших коллег, молебствования по случаю университетских дат, благословения в дни христианских праздников.

Для украшения актового зала Магницкий заказал в Петербурге у английского художника Дж.Доу (G.Dawe) парадный портрет Александра I и поместил его в резную раму, где на позолоченной планшетке красовалась надпись: «Обновителю своему обновленный университет». Для оформления парадного вестибюля и лестницы в Казань из столицы были доставлены 25 бюстов древних философов и государственных деятелей.

Современники Н.И.Лобачевского называли актовый зал «Аполлоновою залою». Из аванзала в него вели три парадных двери. Напротив входа на возвышении располагалась кафедра и над ней висел огромный портрет царствующего императора. До середины столетия кроме торжественных собраний,

[12] Мамаев Н.И. Из воспоминаний// Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Казань, 1904. С. 42 — 43.

«Аполлоновая зала» или Актовый зал. 1890-е гг.

публичных диспутов и летних курсовых экзаменов, актовый зал использовался под кабинет редкостей. Соответственно, вдоль стены напротив окон стояли великолепные шкафы с коллекциями этнографических предметов[13]. В последующем музей был переведен, и стены актового зала украсились портретами российских самодержцев XIX столетия.

Рядом с актовым залом располагалась «профессорская» — небольшой уютный зал для отдыха преподавателей и заседаний Ученого Совета. В 1849 г. свидетели так описывали его интерьер: «*стоят богатые диваны, кресла, столы; на стенах развешено несколько прекрасных картин, писанных масляными красками и превосходные гравюры с лучших произведений Рафаэля, Леонардо-да-Винчи, Ораса Верне, Брюллова, Кригера и других великих мастеров и еще виды Казани, снятые бывшим лектором английского языка Э.А.Турнерелли*»[14]. В последующем в зале заседаний университетского совета, который современники прозвали «желтым», стали вывешиваться портреты попечителей. А судя по воспоминаниям, в 1890-е годы сюда же повесили портрет ректора Н.И.Лобачевского, «писанный масляными красками неизвестным художником»[15].

«Профессорская зала» или зал заседаний университетского совета. 1890-е гг.

В результате проведенных работ университет напоминал скорее фасады столичных правительственных учреждений (боковой фасад Адмиралтейства, Павловские казармы), чем частные дворцовые сооружения. Величественность, фундаментальность университетского корпуса производили большое впечатление как на самих университетских людей, так и на казанское общество и местные власти.

К середине 1820-х годов изменился не только университет, но и городское пространство вокруг него. Современник вспоминал: «*После ужасного пожара 1815 года, уничтожившего почти половину города, Казань начала постепенно возрастать и поправляться: воздвигались новые красивые здания, срывались крутизны гор, засыпались овраги, мостились улицы*»[16]. На

[13] [Артемьев А.И.]. Прогулки по Казани// Казанские губернские ведомости. 1849. № 3. С. 23.
[14] Там же. 1849. № 5. С. 36.
[15] Воспоминания Н.П.Вагнера// Материалы для биографии Н.И.Лобачевского/ Собрал и редактировал Л.Б.Модзалевского. М.; Л., 1948. С. 634.
[16] В-в И. Мои воспоминания о Казани// Казанские губернские ведомости. 1843. № 50.

первую треть XIX столетия приходится период интенсивной застройки возвышенной местности, расположенной за обрывом Воскресенского увала, района так называемой Красной слободы. Устремившиеся после превратностей крестьянской войны конца XVIII в. в город, помещики старались купить у городских властей земельные участки именно в этой, близкой к посаду, части Казани. Их строительная активность привела к быстрому расширению городской территории в направлении Арского поля и Сибирской заставы. Составлявший в 1838 г. новый городской план губернский архитектор Ф.И. Петонди включил в него новый жилой массив. Одновременно с этим шло активное заселение пространства между Арской дорогой (ныне ул. К. Маркса) и Георгиевской улицей (ныне ул. Петербургская) — центральной оси Суконной слободы. Основную часть здешних поселенцев составляли перебравшиеся в город крестьяне.

В результате интенсивного роста Казани университет сместился с окраины города в центр, причем он оказался на оси его наиболее респектабельной части. И всем своим архитектурным видом, декором он отныне сам олицетворял эту респектабельность. Юноши, прибывшие из провинциальных городов или сел, смотрели на университетский корпус с благоговением: «*Я долго не мог оторвать от него своих глаз, рассматривая его то весь, то по частям,* — вспоминал саратовец М.А.Воронов, — *Какие же люди должны жить в таком доме? Что они должны думать? Какие дела должны делать? — размышлял я, поминутно останавливаясь и глядя на величественное здание*»[17]. Приехавший из небольшого уральского городка К.В.Лаврский испытал нечто подобное. «*Университетские сени, с своими статуями великих людей и героев окончательно сразили меня, когда я переступил впервые порог университета: точно я попал на тот свет, в Дантов рай, и на душу повеяло ослепляющим величием окруживших меня бессмертных представителей гения и героизма*»[18].

Создание университетского городка. Следующий этап освоения университетского пространства пришелся на вторую половину 1830-х годов. Тогда по инициативе ректора Н.И.Лобачевского, действовавшего в содружестве с попечителем М.Н.Мусиным-Пушкиным, началось формирование университетского «двора», его внутренней территории. Нанятый для этих целей архитектор М.П.Коринфский развил идеи Пятницкого и пошел дальше него. Казанский университет мыслился уже не только правительственным учреждением имперского значения, но частью мировой науки и культуры, оплотом цивилизации. М.П.Коринфский был специально откомандирован в Петербург, чтобы, «осмотрев здесь лучшие, вновь воздвигнутые здания, приспособить к строению Казанского университета улучшения, столичными лучшими архитекторами при построении и расположении придуманные»[19].

Если Пятницкий воплощал в архитектуре просветительское назначение Казанского университета, то проект Коринфского создавал его как научный городок. В глубине двора замышлялась полукруглая площадь, раскрытая к главному корпусу. Она обрамлялась зданием анатомического театра и торцами двух выдвинутых вперед строений физико-химической лаборатории и библиотеки. Последние должны были быть связаны с театром двумя оваль-

[17] Воронов М.А. Из воспоминаний// Былое из университетской жизни: СПб., 1904. С. 91.
[18] Л.О. [Лаврский К.В.]. Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов// Былое из университетской жизни. С.192.
[19] Цит. по: Дульский П. Михаил Петрович Коринфский// Сб. Московского общества по исследованию памятников древностей. М., 1917. Вып.2. С. 114.

Анатомический театр. 1890-е гг.

ными колоннадами дорического ордена с чугунной решеткой. За ними вторым полукругом шли строения служб и двухэтажное здание бани с прачечной. Первоначально планировалось, что снизу вдоль улицы Малая Проломная (ныне Профсоюзная) весь университетский комплекс будет обнесен глухой оградой, в которой будет устроен южный вход в университетский город. Входивший через него посетитель поднимался бы к университету по парадной лестнице ботанического сада, и перед ним раскрывалась величественная архитектурная композиция. Внутренним двором должен был служить участок земли по другую сторону улицы Воскресенской (ныне сквер напротив главного корпуса). Этот план не был реализован, и университетский город выстроился вдоль ул.Воскресенской.

Ключевой фигурой университетского ансамбля стало двухэтажное здание анатомического театра. Почти сразу после его открытия он стал использоваться городской полицией как морг для тел, требовавших заключения судебно-медицинской экспертизы. Горожанам он был памятен причудливыми анатомическими экспонатами и скелетами двух местных достопримечательностей — разбойников Быкова и Чайкина. «Один из них зарезал человек 50, другой еще больше, в особенности женщин, которых он с наслаждением еще живых анатомировал»[20], — свидетельствовал современник.

По сравнению с анатомическим театром, корпуса научной библиотеки и химической лаборатории играли подчиненную роль. Оба здания были вытянуты в длину и не имели ясно выраженного центра. В восточном корпусе в нижнем этаже размещалась химическая лаборатория, а в верхнем — физический кабинет и метеорологическая обсерватория. Основную часть западного, библиотечного, корпуса занимал читальный зал. Оформление читального зала, отсутствие в нем верхнего света, неудобного для занятий, подчер-

[20] Демерт Н.А. Наши общественные дела// Отечественные записки. 1873. № 11. С. 165.

кивало деловой характер помещения. Вместе с тем, парадный ордер, росписи сводчатого потолка аллегориями науки и искусств создавали впечатление величественности одного из богатейших книжных хранилищ империи.

В ансамбле двора важную роль играла ограда. С ее помощью архитектор создал переход от анатомического театра к зданиям химической лаборатории и библиотеки, а от них к другим постройкам двора. Сквозь колонны и решетку ограды были видны двухэтажные корпуса. Вместе с баней и прачечной они составляли хозяйственный двор университета. Расположенная позади анатомического театра, на краю косогора, баня напоминала скорее жилой дом, нежели хозяйственную постройку. Каменное двухэтажное с мезонином здание было хорошо видно за пределами университета. Оно как бы включалось в жилую застройку: его формы перекликались с архитектурой стоявших напротив жилых домов. В 1840-е годы в полуциркульных корпусах располагались сеновал, конюшня и склад. За ними было пространство дровяного двора, сбоку от физико-химической лаборатории стояли ретирады[21] и университетская кузница, а в восточном флигеле находились квартиры чиновников и «черная лаборатория»[22].

Выстроенный поодаль от основной группы университетских зданий корпус для астрономической обсерватории был отделен от них низкой «глухой, каменной, обеленной оградой»[23]. Главный его фасад — южный — обращен к городу и благодаря крутому спуску университетского хол-

Учебная аудитория в анатомическом театре. Скелеты разбойников Чайкина и Быкова

Астрономическая обсерватория. Пьедесталы для инструментов. 1890-е гг.

Астрономическая обсерватория в университетском городке

[21] Ретирады — отхожие места.
[22] РГИА, ф. 733, оп. 45, д. 105, 1849, л. 1.
[23] Евсина Н.А. Здания Казанского университета// Памятники культуры: исследование и реставрация. М.; Л., 1963. Вып. 4. С. 121.

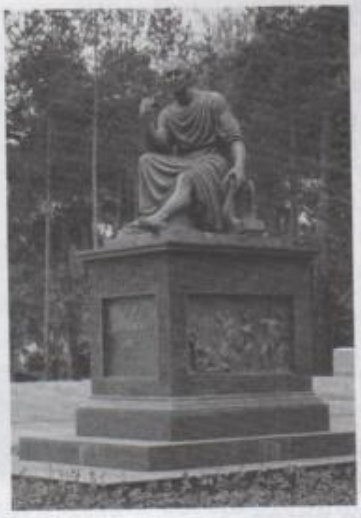
ма хорошо виден издали. Неотъемлемой частью парадного фасада обсерватории была большая каменная терраса, круто обрывавшаяся в университетский сад. По ее краям располагались 16 пьедесталов для астрономических инструментов, соединенных серой деревянной решеткой. В отличие от южного фасада, фасад, обращенный в университетский двор, был выполнен так, чтобы не нарушать единства стиля университетской площади. Новые здания порождали у университетских людей ощущение престижности, респектабельности места службы, рождали чувство университетского патриотизма. *«В университетских зданиях и заведениях, устроенных Лобачевским, везде был виден ум, обдуманность и даже роскошь,* – вспоминал Н.П.Вагнер. – *Величественно было здание университета, роскошна была обстановка всех его кабинетов. Полы всюду были паркетные, шкафы и витрины – из красного дерева. Все блестело свежестью, глянцем, лоском, чистотой...»*[24]. В 1842 г. только что отстроенные университетские здания пострадали от городского пожара. Но поскольку городу были выделены крупные правительственные субсидии на восстановление, университетский городок удалось довольно быстро реконструировать. Были восстановлены все корпуса, кроме здания магнитной обсерватории. Его решили отстроить заново на углу улиц Малая Проломная и Поперечно-Воскресенская (ныне Астрономическая). Это здание завершило университетский ансамбль с юга.

В центре полукруглой площади в 1847 г. был установлен памятник поэту и государственному деятелю Г.Р.Державину. Инициаторами его создания и сбора средств на его сооружение выступили университетские преподаватели. Созданный скульпторами К.А.Тоном и С.И.Гольбергом монумент изображал поэта в тунике, сидящим на камне в величественной позе. Статуя была водружена на пьедестал, три боковые стороны постамента украшены барельефами. Ныне копия этого памятника установлена у входа в Ляцкой садик (ул.Горького).

Монумент был усвоен массовым сознанием горожан, по-своему интерпретирован ими. Еще когда памятник только выгружали на университетском дворе, грузчики-татары говорили, что это части тела батыра, сражавшегося с воинами царя Ивана Васильевича. Русские горожане видели в бронзовом мужчине богатыря Державу, а в аллегориях барельефа – сцены из его жизни. По свидетельству очевидцев, в праздничные дни у памятника собирались обыватели, приходившие в университетские музеи. «Толпится народ, прохаживается, щелкает орешки и лакомится пряниками перед памятником Державина на университетском

Памятник Г.Р.Державину. 1900-е гг.

Памятник Г.Р.Державину. 2004 г.

[24] Воспоминания Н.П.Вагнера // Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. С. 644.

дворе»[25], — сообщала местная газета. А в городском фольклоре Казани появилось специфическое восклицание: «Ах, ты Державин этакий!», символизирующее некую отвлеченность и мечтательность.

Университетский городок в губернской Казани. Университетское пространство оказывало сильное воздействие на самоощущение университетских людей, рождало в них чувство собственного достоинства. «Здание университета в мое время, – вспоминал И.И.Михайлов, учившийся здесь в начале 1840-х годов, – было красивейшим из всех зданий в Казани и бесспорно красивейшим из всех университетов в России. Фасад главного корпуса, выходивший на Воскресенскую улицу, с тремя рядами колонн, увенчанный посредине крестом, представлял восхитительный вид... С Услонской горы, нависшей над Волгой, видна вся Казань и в центре города, на самом возвышенном месте – университет. Эта картина производит чарующее впечатление»[26]. Примечательно, что во всех воспоминаниях тех лет, да и в более поздних слово «Университет» писалось с большой буквы. Преобразилась и та часть улицы, что лежала внутри университетского квартала. До пожара в 1842 г. в Казани не было улиц и площадей, мощеных камнем. Тротуары делали из досок, а проезжую часть мостили распиленными на кругляши бревнами. Замостить казанские улицы камнем городским властям не позволяли, в том числе, и местные природные ресурсы. Поэтому, согласно именному указу императора Александра I, все приходящие в город суда должны были привозить с собой 10 – 30 булыжников. Этот каменный «фонд» и стал основой для создания в 1840-х годах булыжной мостовой на Воскресенской. Чуть позже перед зданием главного университетского корпуса были установлены тумбы для коновязи и фонари, заправленные конопляным маслом. Они давали слабый, мерцающий

Главное здание Казанского университета. 1900-е гг.

[25] Святая неделя // Справочный листок города Казани. 1867. 16 апр.
[26] Воспоминания И.И. Михайлова // Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. С. 615.

Колоннада Гостиного двора. 1800-е гг.

Государственный объединенный музей Республики Татарстан, разместившийся в здании бывшего Гостиного двора. Фото 2004 г.

свет, позволявший запоздалым путникам лишь не натолкнуться в темноте друг на друга, но и это новшество воспринималось современниками как настоящее благо цивилизации.

В декабре 1842 г. в Казани был утвержден план застройки ее центральной части. Современники надеялись, что несчастье обернется счастьем, и пожар превратит Казань в цветущий город. Действительно, уже через 5 лет внешний облик городского посада преобразился до неузнаваемости. В городе было проведено выравнивание улиц, засыпались овраги, снималась крутизна городских холмов. Тогда же деревянные заборы на центральных улицах города стали заменяться чугунными решетками. У проходившего или проезжавшего по центральной улице Казани путешественника оставалось в памяти следующее впечатление: «Вот крепость со своими высокими стенами, со своими круглыми башнями и с интересными величественными зданиями татарской архитектуры. Вот Гостиный двор, здание почти колоссальное, такое азиатское в своей конфигурации, со своими сводчатыми галереями и со своими многочисленными магазинами. Вот, наконец, университет, обширное и внушительного вида здание, размеры и архитектура которого превосходят таковые здания петербургского и московского университетов»[27]. Университет и Гостиный двор выглядели стрелками на концах Воскресенской улицы, ее классическим завершением.

В те годы весь университетский городок был обнесен деревянным забором. Входившие на университетскую площадь горожане ощущали себя внутри «общественного форума»[28]. Окружавшие их колонны, купола, капители придавали статусность месту, внушали почтение и благоговение перед храмом просвещения.

Путешественникам университетский городок представлялся «чем-то вроде древней площади в Афинах и, казалось, ждал, чтоб какой-нибудь Сократ собрал здесь вокруг себя толпу учеников, жадно прислушивающихся к каждому

[27] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 8384, л. 4.
[28] Агафонов Н. Казанский университет// Первый шаг. Казань, 1873. С. 479 – 480.

слову учителя». После его появления сердце города сместилось от крепости к другому концу Воскресенского увала. Сама Казань стала осознаваться современниками как университетский город. Отзвуки этой миссии слышны и в названиях городских улиц. В городе появился Университетский переулок (ныне та часть улицы Профсоюзной, что проходит под стенами университета) и Клиническая улица (ныне улица Университетская).

Ректорский дом. Рисунок 1840-х гг.

Ректорский дом. Фото 2004 г.

Часовня «старой» клиники. Фото 2004 г.

Возведенная в 1830-е годы классическая композиция университетского двора в последующее время размывалась. Плоский дворовый фасад главного корпуса вскоре приобрел центральный выступ с пятью входами-арками. От них во двор спускалась величественная лестница. Во второй половине столетия одноэтажные флигели по краям главного корпуса были разобраны, и на их месте появились два строения одинаковой с учебным зданием высоты[29]. Все эти постройки наступали на пространство внутренней площади. В 1870 г. оттуда был вывезен памятник Державину, а вскоре была уничтожена полуциркульная колоннада, соединявшая анатомический театр с боковыми корпусами. В 1890-е годы один из них, библиотечный, был расширен за счет пристроя к нему трехэтажного книгохранилища. В результате университетская площадь исчезла, и ансамбль парадного двора утратил свою целостность. Уже в конце XIX в. здания, расположенные перед (а ныне «за») главным корпусом, казались современникам строениями, разбросанными по территории внутреннего двора без взаимной связи и стилистического единства между собой. И это было своеобразным архитектурным отражением университетской идеи эпохи утилитарности.

Одновременно с застройкой университетского двора в конце 1830-х годов на месте старого «типографского» дома было возведено здание клиники медицинского факультета. В плане она имела Г-образную форму. Ее малый фасад выходил на Воскресенскую улицу и был украшен шестиколонным портиком коринфского ордера. Со стороны Университетской улицы предполагался глав-

[29] Один из них – физический – был окончен в 1905 г., строительство другого завершено в конце 1950-х годов.

«Старая» университетская клиника. 1890-е гг.

«Старая» университетская клиника. Фото 2004 г.

Медицинская лаборатория. 1890-е гг.

ный вход в виде полукруглой колоннады. И поскольку Университетская улица проходит по краю косогора, то архитектор предлагал увенчать здание клиники с этой стороны куполом. Выстроенная клиника имела более простой вид – без портика, купола и колоннады. Тем не менее, сегодня здание «старой» клиники (как называют ее университетские люди) признается одним из немногих сохранившихся в городе памятников позднего классицизма.

В 1842 г. в угловом помещении на втором этаже клиники была устроена церковь во имя Чудотворной иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих радость». Она была освящена 24 октября и предназначалась для больных, лежавших в клинике, а также для отпевания умерших. Позднее церковь была перенесена в специально отстроенное для нее помещение во дворе клинического здания. Новая больница принимала больных со всего города[30].

К середине века университет перерос созданный для него городок, но еще несколько десятилетий «взрослый человек продолжал носить некогда милый, а ныне потертый детский костюмчик с заплатами и короткими рукавами». Дело в том, что когда строился главный корпус Казанского университета, его рассчитывали на 50 проживающих и 100 обучающихся в нем студентов, 28 преподавателей, 12 адъюнктов, 6 учителей иностранных языков и изящных искусств и обслуживающий персонал[31]. Между тем, прошло немногим более 20 лет, а число студентов выросло в 2 раза. В 1851 г. оно достигло 318 человек[32]. «Вешалки», предназначенные для студенческих шинелей, заполонили весь парадный и некогда величественный вестибюль, оставив свободным только узкий средний проход между ними[33]. Аудиторий катастрофически не хватало. Занятия приходилось вести в очень тесных, переполненных комнатах. А ведь росло не только число обучающихся в универ-

[30] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета... Т.4. Казань, 1906. С. 213 – 214.
[31] Отчет М.Л. Магницкого по Казанскому университету за 1824 г.// Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета... Казань, 1906. Т.4. С. 635.
[32] РГИА, ф. 733, оп. 46, д. 1, л. 70.
[33] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 9133, л. 7.

Университетский двор. Вид с Поповой горы. 1890-е гг.

Главное здание. 1890-е гг.

ситете, но и развивалась наука, а следовательно, образовывались новые кафедры, институты, лаборатории, клиники.

Но, даже отказавшись в конце 1850-х годов от пансиона для казенных студентов, а затем, отселив ветеринарный институт, университет задыхался от недостатка помещений. При многолюдности университетской корпорации учебный корпус стал выглядеть маленьким и тесным. К тому же со времен послепожарной реконструкции начала 1840-х годов университетский городок в течение нескольких десятилетий не подвергался сколь-либо серьезному ремонту. Корпуса, с облупившейся штукатуркой, потускневшей краской и протекающими крышами выглядели заброшенными.

Прибывающих в Казань ученых паломников еще пленял университетский двор, но главный корпус уже не производил былого впечатления. В конце столетия выпускник Казанского университета В.А.Лебедев писал о своих ощущениях 1850-х годов: *«Длинное здание его [университета], при малой высоте, не поражает величественностью, тем более, что стоит в улице, а не на просторе... Внизу темный коридор во всю длину здания; во 2-м этаже, где помещаются аудитории – узкие коридоры не представляли и в наше время больших удобств, а теперь при обилии слушателей, вероятно, приводят в отчаяние университетское начальство»*[34]. Эпоха классицизма прошла, и с нею ушла элитарность университетской жизни, ее патриархально самодостаточный характер. В новом утилитарном мире университетские люди нуждались не столько в стиле, сколько в просторе и технической функциональности помещений.

---

[34] Лебедев В.А. Учебные воспоминания// Русская старина. 1908. №7. С. 31.

Книгохранилище в пристрое «старой» университетской библиотеки. Фото 2004 г.

Книгохранилище «старой» университетской библиотеки. Фото 2004 г.

Протоколы советов 1860-х, 1870-х, 1880-х годов изобилуют жалобами преподавателей на отсутствие аудиторий, описаниями их ужасного состояния, призывами покончить с неразберихой в забитой книгами библиотеке. Особенно тяжело приходилось многочисленному медицинскому факультету. «Старая клиника» по Университетской улице была до того переполнена, что больные лежали в подвале. Ярко иллюстрирует положение университета в те годы выступление профессора И.М.Гвоздева на совете 1871 г. Судебный медик рассказывал коллегам о том, как используется каменная часовня во дворе клиники. *«Во время нахождения трупов в часовне над ними совершаются панихиды,* – напоминал он, – *нередко читаются громко псалтыри, покойников посещают родные и знакомые, причем первые считают долгом громко плакать. Потом трупы в присутствии студентов или бабок вскрываются, после чего приготовляются к похоронам, иногда пышным, и, наконец, хоронятся. Иногда в этой же часовне производятся экзамены и упражнения из оперативной хирургии, работают ординаторы клиник и пр.»*[35].

Чтобы как-то выйти из положения и для пользы практических занятий университет заключил договора с земской больницей, Александровской больницей для приходящих, Лихачевским родильным домом, военным госпиталем и окружной психиатрической больницей. М.В.Танский вспоминал, как каждую субботу *«всю площадку перед [«старой»] клиникой заполняли извозчичьи пролетки не менее 25 – 30. На каждую садились два студента, и за казенный счет великолепный кортеж, вытянувшись цепочкой, неторопливой хлынью направлялся через весь город в психиатрическую лечебницу»*[36]. Студентам такая практика доставляла массу удовольствий. В военном госпитале студенты впервые появились в 1889 г. Судя по воспоминаниям, «солдаты, развлекаясь беседами со студентами, охотно и добродушно давали себя выстукивать, выслушивать, разрисовывать мелом на обна-

[35] Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет, 1804 – 1929. Казань, 1930. Т.2. С. 55.
[36] Танский М.В. Казанский университет в 1890-х гг. девятнадцатого века. Улан-Уде, 1961 // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 8035/1, л. 9.

женной груди границы легких, сердца, печени»[37]. Вероятно, юноши были не прочь менять места занятий, а вот преподаватели воспринимали такую ситуацию как кризисную.

Окружная лечебница для душевнобольных. 1900-е гг.

Здание физиологических лабораторий. 1900-е гг.

В 1880-е годы университет выглядел еще более бедным и обветшалым. Его аудитории потеряли былой лоск, штукатурка на колоннах облупилась, по стенам пробежали трещины, некогда белые бюсты античных мыслителей выкрасили в траурный черный цвет. Побывавший в 1882 г. в Казани П.Д.Боборыкин с горечью писал о «запущенном состоянии» alma mater [38]. Это привело, с одной стороны, к распространению в университетской среде «философии нищеты», с другой – к падению престижности университетского образования и к снижению социального статуса университетского человека. Несмотря на то, что тогда в Казани работали выдающиеся ученые, современники считали, что местный университет находится в запустении и упадке. Поэтому родители стремились отправить детей учиться в более процветающие школы империи, например, в Дерпт или Москву.

Расширение университетского пространства на рубеже веков. Посылая в столицу одну за другой представительные делегации, подавая прошения на выделение средств для строительства новых университетских зданий, корпорация ссылалась на дешевизну Казани, где подготовка студентов обойдется государству дешевле, чем в столичных городах. Но даже этот аргумент не возымел действия. Лишь экономический подъем 1880-х годов улучшил финансовое положение высшей школы. В 1886 г. Казанский университет, наконец, получил деньги на постройку корпуса для лабораторий медицинского факультета.

Здание физиологических лабораторий (архитектор М.Н.Литвинов), отстроенное в 1890 г., имело разную этажность: с университетского двора – два этажа, а со стороны улицы Университетской – три. После его возведения началось оформление спуска по Университетской улице: возведение там каменной стены, тротуаров, кирпичных с чугунной решеткой ворот в университетский двор. А в 1894 г. закончилась постройка библиотечного трехэтажного книгохранилища. Еще через 2 года были выделены средства на устройство астрономической обсерватории за городом, бактериологического института и зданий «новых» клиник. К 1900 – 1901 гг. все эти проекты были реализованы, и науч-

[37] Танский М.В. Казанский университет в 1890-х гг. девятнадцатого века. Улан-Уде, 1961 // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 8035/1, л. 9.
[38] Боборыкин П.Д. За полвека: (Мои воспоминания). М., 2002. С. 61.

Светолечебный зал. 1900-е гг.

Бактериологический институт. 1900-е гг.

Клиническая церковь святого Варсонофия во дворе «новых» клиник. Фото 2004 г.

но-учебные учреждения приступили к работе.

«Новые» университетские клиники возводились на возвышенности старинного Арского поля, у соединения респектабельного квартала улиц Лядкой – Старо-Горшечной и квартала казанских суконщиков, заселивших склоны Первой (ныне ул. Ульянова), Второй (ныне ул. Волкова) и Третьей (ныне ул. Калинина) горы. Выстроенные вблизи друг от друга, три двухэтажных кирпичных корпуса акушерско-гинекологической, глазной, хирургической, детской и кожно-венерологических болезней клиник образовали единый медицинский городок. Он был создан по проекту архитектора К.М.Быковского и сочетал формы модерна и эклектики с готическими мотивами. В центре медицинского городка была возведена церковь святого Варсонофия, стилизованная в форме «кирпичного узорочья»[39]. Ее сооружали на благотворительные средства наследников фабриканта Алафузова.

Созданный из красного кирпича медицинский комплекс напоминал британские высшие учебные заведения и клиники. Он удачно вписывался в окружавшие его постройки — недавно возведенное здание женского епархиального училища (ныне школа №18) и стоявшее на другом конце квартала готическое здание католического костела. В отличие от бело-желтых классических построек университетского городка с их монументальностью и величественностью, медицинский квартал вызывал скорее ощущение добротности, достоинства и интимности. За ним на углу Лядкой (ныне ул. Горького) и Институтской (ныне ул. Толстого) было отстроено здание, которое предназначалось для студенческого общежития (ныне один из корпусов медицинского университета). Правда, за нехваткой учебных площадей там с самого начала были размещены учебно-вспомогательные учреждения. А в 1915 г. недалеко от него, на улице Вторая гора (ныне ул. Волкова), университет отстроил собственную психиатрическую клинику. Этот район Казани и по сей день воспринимается жителями как медицинский центр города.

---

[39] Новые университетские клиники// Татарский энциклопедический словарь / Под ред. М.Х.Хасанова. Казань, 1999. С. 405.

Университетская клиника кожных и венерических болезней. 1910-е гг.

Университетская глазная клиника. 1910-е гг.

Университетские «новые клиники» (ныне роддом № 3 им. Груздева). Фото 2004 г.

Накануне столетнего юбилея университета (1903 г.) к западному флигелю его главного корпуса было пристроено 4-этажное здание. Нарушив симметрию основного учебного корпуса и заняв значительное пространство некогда парадного университетского двора, оно, тем не менее, позволило университету вздохнуть свободнее. В нем смогли разместиться сразу три факультета: историко-филологический, физико-математический и юридический. Удобство нового корпуса заглушало эстетический протест против нарушения классических пропорций университетского городка. Тогда же предполагалось возвести аналогичный пристрой к восточному флигелю, но из-за отсутствия средств и начавшейся русско-японской войны он так и не появился [40].

Итак, с точки зрения архитектурной целостности во второй половине XIX столетия университетский городок подвергся разрушению. Университет отступил от канонов классицизма, его пространство стало эклектичным, границы размытыми. Вместе с тем, эта стилистическая эклектика соответствовала новой университетской идентичности. Университет утратил целостность стиля, ибо представление о целостности знания в то время уступило место научной специализации, а фундаментальность была потеснена прикладной наукой. Соответственно этому полифакультетский «главный» учебный корпус стал обрастать монофакультетскими при-

[40] Ансамбль Казанского университета// ДИНА: Дизайн и новая архитектура. 2002. № 10. С. 34.

Казанская психиатрическая клиника. 1900-е гг.

Психиатрическая клиника. Фото 2004 г.

строями, специализированными научными кабинетами и клиниками.

Изменения в университетском пространстве не вызывали у современников чувства дискомфорта. Напротив, классические формы университета многие его служители воспринимали как архаичные. Особенно остро это чувствовали те, чья молодость пришлась на эпоху Лобачевского, а зрелость прошла в научном и преподавательском служении alma mater. Так, Н.П.Вагнер рассказ о своих романтических восторгах по поводу университетского городка в студенческие годы закончил вполне прагматично: *«Всё это было величественно и вполне отвечало современным научным требованиям, но наука росла, и все эти обширные здания становились тесны и нецелесообразны»*[41]. Это уже говорил университетский человек 1880-х годов.

Побеги университета в городском пространстве. Прорастание университета в разных частях города началось вскоре после его учреждения. Его побеги появлялись на городских окраинах и за городской чертой. Так, в материалах ревизии 1819 г. упоминается о «мацерационном заведении», устроенном в 1815 г. в строении, приобретенном университетом в Подлужной слободе. Впоследствии данное помещение было уничтожено. Сам же анатомический театр долгое время кочевал по университетскому кварталу: из деревянного строения во дворе «типографского дома» он был переведен в гимназическое здание по соседству со столовой, затем в каменный домик в глубине ботанического сада. В 1829 г. его разместили в специально нанятом для него частном доме Матони. И лишь в 1837 г. анатомический театр обрел свое постоянное помещение, отстроенное для него в университетском городке.

В конце 1830-х годов ботанический сад университета переместился из университетского квартала на берег озера Кабан (территория современного Зооботсада). Данный участок был приобретен университетом у частных лиц. Еще в 1824 г. это место приметил профессор Э.И.Эйхвальд. Он не без оснований полагал, что расположение университетского квартала на возвышенности не позволяет удерживать в почве влагу и способствует размыванию плодородного слоя почвы. Это являлось, по его мнению, причиной университетских неудач в селекции и выращивании растений. Обследовав предместья Казани, Эйхвальд остановил свой выбор на побережье Кабана, полагая, что *«близость воды и прекрасный грунт земли могут обещать желаемый успех в сем деле»*[42]. В 1829 г. университет приобрел участок земли в Архангельской слободе и в 1836 г., после постройки там каменной оранжереи, ботанический сад переместился с университетского двора на новую территорию. В 1839 г. к этому участку был при-

[41] Воспоминания Н.П.Вагнера// Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. С. 644.
[42] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета... Т.4. С. 197.

Университет в городском пространстве Казани рубежа XIX – XX веков

куплен еще один, «со строениями». У университетских лекторов иностранных языков Ф.И.Краузе и Ф.И.Лейтера были иные соображения для отказа от университетской квартиры. Тот и другой жили с доходов от частного пансиона, который негласно держали у себя дома. А дом профессора естественной истории К.Ф.Фукса, имевшего обширную медицинскую практику, служил своего рода частной лечебницей. Расположенный в забулачной части Казани (ул.Московская, 58/5), он обслуживал как русских, так и татарских мещан. Частную юридическую практику вел в городе профессор Г.И.Солнцев. Она также требовала территориальной автономии от места службы.

Лодочная пристань на озере Кабан. 1900-е гг.

В XIX в. университетские люди заселяли склоны бывшей Красной слободы (улицы Старо- и Ново-Горшечные, Лядскую, Первую, Вторую и Третью Горы, Гимназический переулок), и довольно редко селились в слободах или предместьях. Исключение составлял профессор ботаники, казенная квартира которого располагалась в университетском ботаническом саду за Архангельской слободой. Отсутствие городского транспорта и плохие дороги довольно жестко привязывали человека к месту его службы или учебы. Впрочем, 200-летняя история университета знает разных людей. Например, хирург Л.К.Сутковский был чрезвычайно скупым человеком и, *«несмотря на порядочные деньги, которые он*

[49] Письмо Ф.К.Броннера к попечителю А.К.Разумовскому от 22 июля 1812 г. // Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758 – 1850). Казань, 1902. С. 424.

Административный корпус загородной обсерватории. 1910-е гг.

Здание главного телескопа. 1910-е гг.

имел, жил в небольшой квартирке» в низменной части города[44]. А профессор-славист В.И.Григорович нанял квартиру в пригородной Ягодной слободе «в верстах пяти от Казани», чтобы иметь ежедневный «моцион»[45]. А во второй половине столетия утвердилась традиция, по которой профессора жили при возглавляемых ими научных кабинетах и клиниках.

Прибывавшие в город выпускники провинциальных гимназий, как правило, останавливались в «Карюкинских номерах», расположенных напротив Владимирской церкви. Это было нечто среднее между постоялым двором и гостиницей. За 30 копеек в сутки постоялец получал комнату с деревянными перегородками, кроватью без тюфяка и маленьким столом[46].

Своекоштные (а иногда и казенно-коштные) студенты жили в домах родителей, родственников, в наемных квартирах или в частных пансионах. Например, после смерти опекунши А.И.Остен-Сакен, переехавшие из Москвы в Казань под опеку П.И.Юшковой братья Дмитрий, Лев и Сергей Толстые жили в 1841 – 1845 гг. в двухэтажном каменном доме Горталова по улице Поперечно-Казанской (ныне ул.Япеева). После поступления Льва на восточный фа-

[44] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1913. С. 32.
[45] Корсаков Д.А. Былое в жизни Казанского университета 1856 – 1860 гг.// Былое из университетской жизни. С. 172.
[46] Л.О. [Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов// Там же. С. 191.

Загородная обсерватория им. Энгельгардта. 1910-е гг.

культет университета братья переехали на квартиру в дом Киселевского на улице Институтской (ныне ул.Толстого, 25/68). А в 1846 – 1847 гг. они сняли пять комнат на втором этаже двухэтажного каменного флигеля в доме, принадлежавшем губернскому архитектору Ф.И.Петонди, по Черноозерской улице (ныне ул.Дзержинского, 11). В пределах этой географии расселялись и прочие обеспеченные студенты, становясь частью городской среды.

Очевидно, имея средства, взять в наем флигель или целый дом в Казани было не очень сложно. Студент Э.П.Янишевский оставил описание нанятой им на двоих с братом квартиры на Большой Проломной улице (ныне ул.Баумана). Она состояла *«из прихожей, двух чистеньких комнат, одна из которых светлая, веселая выходила на чистый двор. Внизу была кухня, тоже очень удобная, оттуда не проникал никакой внутренний запах»*[47]. Затем, когда к ним приехали еще два брата, Янишевские переехали в более дорогую квартиру. Она находилась на Старо-Горшечной улице (ныне улица Щапова) в доме Мари. *«Здесь квартира наша была в отдельном флигеле, во дворе; тремя окнами она выходила на чистый, покрытый лужайкой небольшой двор, а тремя другими на глубокий овраг, отделяющий Старую Горшечную улицу от Износковского сада; квартирка была светлая, чистенькая, уютная и удаленная от всякого городского шума... Она состояла из небольшой прихожей, затем зальца и еще двух небольших комнат, из которых одна была почти совсем темная, из нее свет проходил только через дверь и довольно широкое над ней отверстие в перегородке; через сени была небольшая кухня»*[48].

Другое дело – найти за небольшие деньги хорошую комнату. Приехавший в Казань юноша со скромными возможностями имел мало шансов найти жилье в респектабельной части города – из-за его дороговизны, а в купеческой – из-за репутации студенчества. Один из современников рассказывал: *«В забулачной части города, в купеческих домах – нам решительно объявляли, что студента ни за какие деньги не возьмут на квартиру, потому что студенты народ беспокойный, а в тех улицах, где обыкновенно*

[47] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С. 12.
[48] Там же. С. 81.

Городские дома вокруг университета. 1860 – 1900-е гг.

живут студенты, в так называемых студенческих скитах — я не соглашался жить ни за какие блага в мире – из того же самого страха студентов, которым объяты были мирные домовладельцы Забулачья, Вознесенской улицы и других старокупеческих гнезд Казани»[49].

Общественное мнение оттесняло студентов на Воскресенскую, Рыбнорядскую, Горшечную улицы или в Собачий переулок. Для некоторых приехавших из барского дома юношей переход на квартиру и самостоятельное иждивение был настоящей школой жизни. Так, выходец из отнюдь не бедной семьи 16-летний П.Д.Боборыкин жил со своим «человеком» и товарищем «в маленькой квартирке из двух комнат в знаменитой «Акчуринской казарме» (ныне место, где отстроено кафе «Джузеппе» по ул.Кремлевская). По его признанию, двор «казармы» был очень похож на тот, где проживали у А.М.Горького его супруги Орловы. Сами жильцы чаще всего называли акчуринский дом «лаврой».

После того, как в 1858 г. университет отказался от содержания студентов внутри учебного корпуса, было принято решение о переводе казеннокоштных, пансионных и полупансионных студентов на частные квартиры с выплатой им денежного содержания. В эти годы в университетских «камерах» проживало около 200 юношей. Как правило, все они относились к категории малообеспеченных. Оставшись без университетского жилья, эта масса молодых людей хлынула нанимать «каморы» в дешевых доходных домах.

Тогда-то и родился феномен казанских «скитов», как окрестили сами студенты эти строения. Наиболее популярными среди них были «львов-

[49] Л.О. [Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов// Былое из университетской жизни. С. 200 – 201.

Городские дома – места расселения студентов

ский», «фоминский», «музуровские номера» на Рыбнорядской улице (ныне ул. Пушкина, 10/1), а также каменные доходные дома, принадлежавшие разбогатевшему казанскому сапожнику Луппе Марусову. Расположенные на подъеме из нижней части города в верхний, под обрывом Воскресенского увала (ул. Пушкина, 30), эти доходные дома образовывали целый квартал («Марусовку»), заселенный десятками постояльцев. Сохранилось много литературно-мемуарных описаний этих студенческих жилищ. Наружный вид «скитов», писал бывший студент А.И.Овсянников, был *«чудовищно безобразен: это были старые, почерневшие от времени, двухэтажные дома с мезонинами, с провалившимися крыльцами, с покосившимися дверями и рамами»*[50]. Комнаты в них были холодными и сырыми.

В таких домах снимали комнаты студенты. Улица Ульянова. Фото 2004 г.

Одни студенты так жили по бедности, другие — по исповедываемым идеалам «философствующей нищеты». В типичном студенческом жилище новичка поражала грязь и неопрятность внутренней обстановки. За правило было иметь неубранную кровать, пустые бутылки на окне и на полу, огарки в засаленном подсвечнике, *«на стульях и на полках в беспорядке разбросанные книги и тетради»*[51]. Посреди этого мусора шли споры о смысле бытия и судьбах России.

Маргиналами среди студентов были те, кто жил в чистоте. Такие юноши стремились поселиться изолированно от сокурсников. Есть свидетельства, что эти анахореты селились в Татарской слободе. Описывая одну из подобных квартир, мемуарист писал: *«Комната М-на вполне отвечала моему идеалу студенческого жилища: в ней было необыкновенно чисто, и вследствие этого, несмотря на крайнюю бедноту обстановки, почти уютно. На деревянной тесовой кровати лежал войлок вместо матраса, одна*

[50] Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога// Русская старина. 1899. № 7. С. 679.
[51] Л.О. [Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов// Былое из университетской жизни. С. 198.

Студенческое общежитие. 1900-е гг.

Мемориальный дом-музей студента В.И. Ульянова

подушка и ситцевое одеяло; затем был стол, стул и конторка, в углу чемодан. Книги были в порядке»[52]. Единое пространство расселения студентов в Казани способствовало их тесному общению. *«Маленькие домики Профессорского переулка, Старой Горшечной, Поповой Горы слышали в те годы чуть не ежедневные диспуты между нами»*[53], – вспоминал студент конца 1860-х годов С.В.Смоленский.

Работа, учеба, быт, вся повседневность университетской публики проходила в той городской среде, которую мы условно называем «университетским пространством». К нему относились не только собственно здания университетского комплекса, учебные корпуса с их внутренним устройством, подсобными помещениями, клиниками, садами, библиотекой, но и административные здания. В это пространство входили университетские общежития студентов с их особым интерьером и атмосферой, комнаты и квартиры, снимавшиеся студентами в городских домах, а также частные квартиры преподавателей университета, где в XIX в. содержались частные пансионы и лечебницы, кабинеты юридической помощи, где проходили приватные лекции и занятия, собрания неформального характера. В университетское пространство входят также трактиры, харчевни, кофейни, в которых бывал университетский люд.

Уже в начале XIX в. университет притягивал к себе целый слой горожан. В его интересы были вовлечены люди разных социальных уровней и

[52] Л.О. [Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов// Былое из университетской жизни. С. 210 – 211.
[53] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах// Былое из университетской жизни. С. 258.

Городские улицы, прилегающие к университету. 1890-е гг.

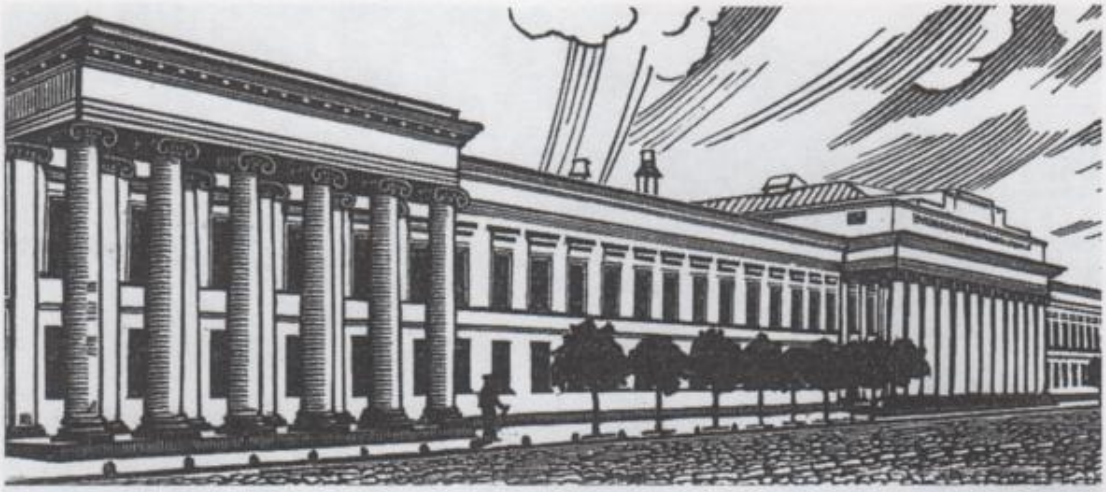
специальностей. Среди них были управляющие предприятиями (например, Осокин — управляющий суконной фабрикой), владельцы лавок (например, владелец лавки железных вещей Яков Салов), крестьяне, занимавшиеся извозом и разными хозяйственными работами. С ними университет заключал либо договор, либо расплачивался за оптовые покупки или разовые работы наличными деньгами.

Город откликался на потребности университета, приспосабливался к ним. Так, поскольку университетские студенты носили форму, то Гостиный двор торговал студенческими шпагами, треуголками, замшевыми перчатками, фуражками. И многие казанские портные специализировались на пошиве студенческих и преподавательских мундиров, сюртуков, тужурок, швейцарских ливрей. Книжные магазины Мясникова и Дубровина тоже располагались вблизи университетского квартала. На ближайших к университету улицах открывались трактиры, кухмистерские, рестораны.

Для организации питания живших за пределами университетского городка преподавателей и студентов еще в конце 1860-х годов в доме Апакова на Воскресенской была открыта столовая[54]. А в 1910 г. на пересечении улиц Ново-Горшечная (ныне ул.Бутлерова) и Поперечно-Горшечная (ныне ул.Маяковского) университет начал строительство двухэтажного здания университетской столовой. Это было место, ранее принадлежавшее обществу вспомоществования недостаточных студентов Императорского Казанского университета[55]. Тогда оно оказалось в центре между университетским кварталом и «новыми» клиниками, в центре местности, заселенной преподавателями и студентами. В результате городская территория от восточной оконечности Воскресенского увала до психиатрической больницы на улице Вторая гора (ныне ул.Волкова) воспринималась как единое университетское пространство.

---

[54] Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога// Русская старина. 1899. Июнь. С. 679.
[55] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 9123, план 1910 г.

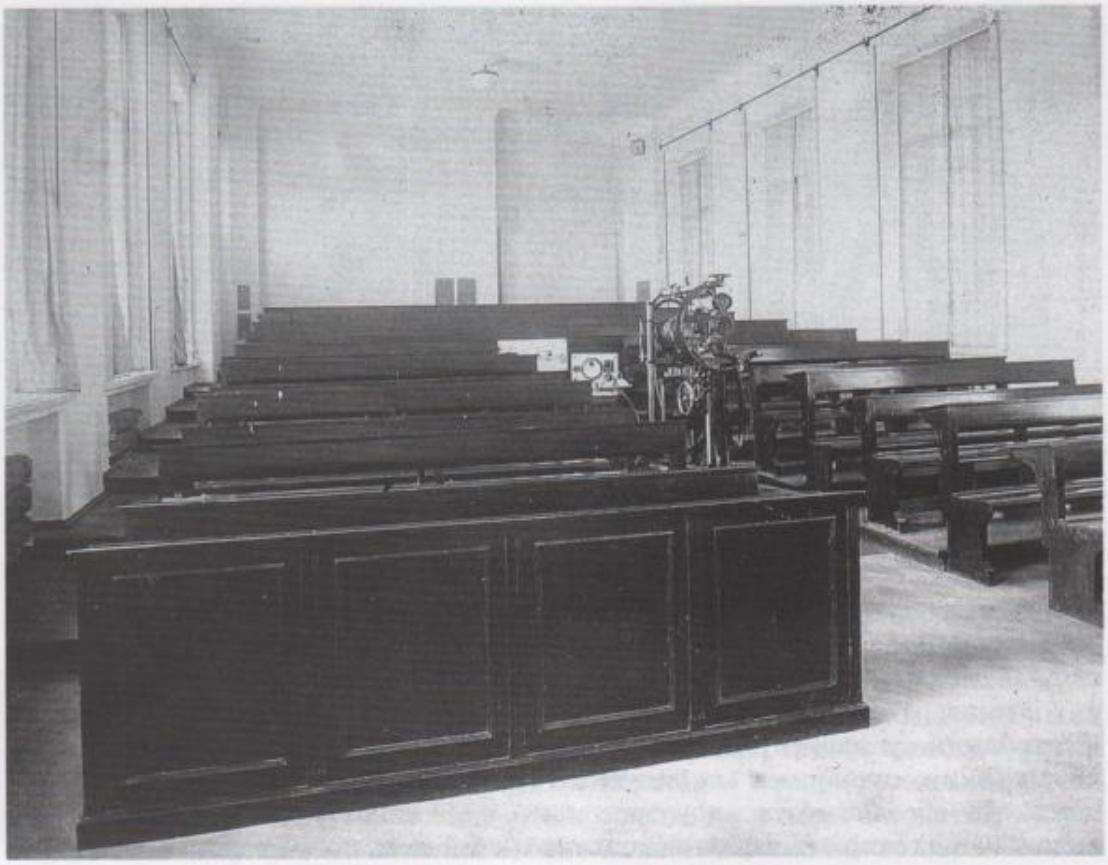
Университет. Гравюра П. Шиллинговского. 1929 г.

Университет в городском пространстве Казани в первые годы советской власти

В первые послереволюционные годы внешний облик Казанского университета изменился мало. Лишь отзвуки артиллерийской и оружейной стрельбы, которыми сопровождалось установление советской власти, долетели до университетского городка[56]. Бои шли в других частях города. Однако без потерь все же не обошлось: пострадали университетские клиники, неожиданно оказавшиеся в эпицентре боевых действий. В докладе профессора Н.А.Мирославского, сделанного им на заседании совета медфака 10 ноября 1917 г., сообщалось о «*разрушениях, произведенных в детской клинике и ее амбулатории 25 октября сего года орудийным огнем, а также о разрушениях от той же причины в клинике кожных и венерических болезней*»[57]. Менее пострадала акушерско-гинекологическая клиника. Из отчета 1917 г. явствует, что «*в конце октября клинические здания в течение целого дня находились в полосе орудийного обстрела, когда снаряды рвались перед самыми окнами клиники, и несколько шрапнельных пуль, пробив стекла, попали внутрь здания*»[58]. Дыры кое-как залатали, и клиники продолжали работать.

Хаос гражданской войны и последующая реконструкция национальной экономики долгое время препятствовали практическим экспериментам в градостроительной сфере. Историк Казанского университета М.К.Корбут называл 1918/19 учебный год «самым нежизненным» годом в университете[59]. Эта «нежизненность» охватила все стороны университетского существования. Новой власти как будто не было до университета никакого дела, а сам он замер, напряженно выжидая, что будет дальше, поэтому ни о каких архитектурно-градостроительных новациях в этот период не было и речи. По свидетельству современников, университет в это время производил впечатление «крайнего запустения». Потускнело золото букв на фронтоне, по-

[56] Необходимые меры безопасности, тем не менее, были приняты. Профессор Б.В.Болгарский впоследствии вспоминал, что в это смутное время ему довелось сдавать госэкзамен по астрономии. Этот экзамен проходил не в аудитории университета, а в старой клинике «из тех соображений, что ее здание построено гораздо основательнее, чем университетское, и сможет выдержать удары бомб» (Болгарский Б.В. Мои воспоминания о Казанском университете // Музей истории КГУ, ф. «Б.В.Болгарский». С.7).
[57] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 5, д. 1, л. 58 – 58 об.
[58] Там же, л. 78.
[59] Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930. Т.2. С. 303 – 304.

Университетская аудитория. 1920-е гг.

темнели некогда белоснежные колонны, кое-где зияли пустые глазницы выбитых окон.

Многие городские здания, в том числе и здание университетской психиатрической клиники были переданы в распоряжение военного ведомства: *«В то время Казань напоминала военный лагерь. Повсюду в лучших помещениях располагались воинские части, лазареты и многочисленные обслуживающие их канцелярии»*[60]. Эксплуатация этих зданий зачастую была просто зверской. В отчете Управления коммунального хозяйства при НКВД ТАССР за 1922 г. отмечалось, что дома, занятые красноармейцами, «оказались разрушенными до необитаемости»[61]. Здание психиатрической клиники — тоже далеко не в лучшем состоянии[62].

Страшным бедствием военной Казани стали пожары. Из строя вышла вся система отопления, в административных зданиях и домах горожан стоял ужасный холод. В университетских аудиториях в связи с отсутствием дров отопление было сведено до минимума. Чернила замерзали в приборах. Самые стойкие профессора, среди них химик А.Я.Богородский и зоолог Н.А.Ливанов, появлялись в аудиториях в валенках и овчинных тулупах. Температура зимой 1921 — 1922 гг. в университетских помещениях нередко опускалась от −1 до 6° мороза. Занятия в 1921 – 1922 гг. были почти полностью отменены; лекции читались редко. В марте 1921 г., заслушав и обсудив вопрос о невозможности чтения лекций в ледяных аудиториях, Совет университета решил чтения теоретических

[60] Рошаль М.Г. Записки из прошлого. М., 1969. С. 105.
[61] Отчет о деятельности Управления коммунального хозяйства при Наркомвнуделе АТССР за период времени с 1 января по 1 октября 1922 г. Казань, 1922. С. 47.
[62] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 1, д. 36, л. 26.

Актовый зал императорского университета. Фото 2004 г.

лекций все же не прекращать, а *«чтение лекций экспериментального характера впредь до доведения температуры не ниже плюс 5 вести, насколько это представляется возможным для лекторов и студентов»*[63].

В университетских помещениях, особенно в тех, где жили преподаватели и сотрудники университета, появились самодельные печки – так называемые «буржуйки», «пчелки» и «лилипутки». Их нужно было чем-то топить, и на топливо шло абсолютно все – документы, мебель, книги, картины. С улицы было видно, как из открытых форточек валил густой дым, покрывавший черной копотью университетский фасад. Некоторые хозяева «пчелок» и «лилипуток» выводили трубы в общие вентиляционные короба и при этом не подозревали, что подвергают университет страшной опасности – короба были обиты войлоком. Из 156 пожаров, происшедших в Казани в 1922 г., 58 произошли от временных печей. Поэтому принятие мер противопожарной безопасности стало в это время одной из насущнейших проблем университетской администрации.

Сильно пострадали зеленые насаждения вокруг университета – деревья и кустарники вырубались на топливо. Был сожжен почти весь паркет в главном корпусе. Практически уничтоженным оказался и уникальный Ботанический сад университета, насчитывавший к 1911 г. более 1000 видов растений. Он был восстановлен усилиями энтузиастов лишь к 1926 г., а впоследствии, в 1931 г., объединен с зоологическим садом.

По ночам Казань погружалась в кромешную тьму. В темных полузамерзших окнах большинства университетских помещений мерцали огоньки коптилок, и только окна главного здания слабо светились тусклым электрическим освещением. Разрушены были и внутригородские транспортные коммуникации. В 1920 – 1921 гг. трамвай работал исключительно на перевозке грузов, а в начале января 1922 г. из-за снежных заносов и недостатка электроэнергии его движение прекратилось совсем и до конца 1922 г. так и не было восстановлено. Поэтому профессора были вынуждены добираться до университета на извозчике, а студенты шли пешком. *«С наступлением весенних дней и до осени,* – вспоминает одна из студенток рабфака тех лет, — *мы, студенты из Заречья, на учебу бегали через луга босиком, а как поднимешься к Кремлю, тогда ходили через Кремль, надевали сшитые самими тряпичные тапочки»*[64].

---

[63] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 1, д. 42, л. 11 – 12.
[64] Лазарева В.Ф. Воспоминания студентки рабфака, 1924 – 1926 гг. // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10090, л. 4.

Актовый зал советского университета. 1950-е гг.

Не имея возможности изменить университетское пространство глобально, новая власть сосредоточила усилия на преобразовании его внутреннего облика, стремясь наделить университет «советскими» признаками. Все началось с актового зала. В первый же год советской власти его стены были очищены от «контрреволюционной» символики (портретов императоров) и украсились символикой советской. В ноябрьском номере газеты «Красная Татария» за 1919 г. есть описание актового зала на момент открытия рабфака: *«На его полупустых стенах, после снятых два года назад царских и генеральских изображений, висели портреты вождей социализма, и выделялся плакат «Высшие учебные заведения – для рабочих и крестьян»*[65]. То, что исчезли со стен портреты понятно, но вместе с ними пропали и великолепные хрустальные люстры, массивные кресла с высокими спинками, венские стулья. Зал был разорен. «Преобразился» и парадный вестибюль университета. Каждый день он становился все более пустынным, и вскоре там не осталось ни одного бюста. Кумиры прежних времен были растащены по частным квартирам.

В остальном же интерьер университетских помещений изменился мало. Против прежних лет в годы гражданской войны более интенсивно стали использоваться подвалы и чердаки. Сюда свозили архивы губернских учреждений царского и Временного правительств, складывали мебель бежавших из города профессоров и преподавателей. В архивных документах содержатся упоминания о «сундуках», «корзинах», «чемоданах», «узлах», «ящиках» с книгами и личными вещами профессоров; о многочисленных «диванах», «креслах», «велосипедах» и даже «старых ружьях», снесенных на чердаки и в подвалы главного корпуса, впопыхах брошенных «в кабинете славянской истории», «практической механики», зоологическом, минералогическом кабинетах, сваленных в подвалах и кабинетах клиник — акушерско-гинекологической, детской, глазной...[66] Обнаруженные вещи и мебель брали на учет, о ценных находках сообщали в ЧК. По правилам тех лет, «бесхозные» вещи, особенно «принадлежавшие убежавшим с белыми», распределялись «среди ответственных работников», а что останется — «среди нуждающихся». Предусматривалась сдача брошенных вещей и мебели в

[65] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 6534, л. 1.
[66] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 1, д. 26, л. 2,4 – 4 об., 15 об., 10 об. – 19об.

Обстановка университетских аудиторий дореволюционного времени сохранялась на протяжении многих десятилетий

специальные склады, находившиеся в ведении отдела коммунального хозяйства, а оттуда уже – выдача ее по норме населению. Однако на практике почти вся брошенная мебель оставалась на хранении в университете и впоследствии, в период «безмебелья» 1920 – 1930-х годов, использовалась для обстановки университетских кафедр, лабораторий и кабинетов.

В 1920-е годы произошло изменение социального состава студенческого контингента, его «пролетаризация». В результате этого университетское обучение стало важнейшим фактором внутригородских перемещений. Бывшая концентрированная и четко очерченная университетская зона двух центральных холмов (Воскресенский увал и Первая – Вторая гора), с одной стороны, размывается, с другой – расширяется до границ всего города. Молодежь с рабочих окраин покидала «привычный» мир заводских предместий и осваивала городской центр с университетом во главе. Для многих этот процесс был сложным и болезненным. «Приобщение» к центру – и «приобщение» к университету, в том числе – было чревато разрушением традиционных жизненных устоев и стиля жизни.

Многие молодые люди, пришедшие в эти годы в университет, выросли в деревне, на городских окраинах и в слободах. Там сформировалась их социальная психология – психология жителя более сельского, чем городского. Они ощущали себя чужими в городском центре, называя его в обиходе «городом». Противопоставление «центр – окраины» до сих пор ощущается казанцами, а в начале прошлого века оно было гораздо острее. Театры, музеи долгое время были для жителей городской периферии чем-то непривычным, чуждым, а поэтому – и не нужным. Частью этого «чуждого мира» был для них и университет.

Очутившись здесь впервые, «новые» студенты испытывали противоречивые ощущения. С одной стороны, сам внешний облик университета, его сильно пострадавшее, но все еще великолепное внутреннее убранство производило на них впечатление дворянского особняка, где в былое время они могли появиться только в качестве прислуги. *«В 35-м году я попала в университет: увидела этот коридор, эти стены... Это – ну, так, как, знаете, вот как влюбляешься в кого-то, вот это влюбление такое»*[67], – такой эмоциональный шок испытала в вестибюле университета рабочая девушка. С другой стороны, в новой обстановке было непривычно и неловко. Непонятно было, как вести себя в этом пространстве и с таким количеством людей. Впрочем, адаптация происходила достаточно быстро. Довольно скоро университет

[67] Интервью с Л.А.Саакян // На корме времени. СПб., 2000. С. 248 — 249.

Крестовоздвиженская церковь университета была переоборудована сначала в физкультурный зал, а затем – в читальный зал библиотеки

превратился в освоенную территорию, в «свое» место, стал частью повседневной жизни университетского человека советского типа.

Оставаясь «центром центра», университет, как и в былое время, определял его лицо, наделял своими функциями – учебной и научной – все окружавшее его городское пространство. Академик А.А.Трофимук вспоминал свое первое впечатление от университета: «*...с берегов Волги на высоком холме величественно возвышались, господствовали над всей местностью Казанский Кремль – олицетворение былого могущества и Казанский университет – храм науки и просвещения. С трепетным волнением проходил я мимо его величественных колонн, читая написанные золотыми буквами слова о высоком предназначении этого здания*»[68]. Но именно такие культурные претензии «бывших» и не устраивали новую власть. Поэтому 1920-е – первая половина 1930-х годов прошли в Казани в попытках создания нового центра города, центра без университета.

Уже в 1924 – 1926 гг. архитектор Ф.П.Гаврилов внес предложения, которые при их реализации придали бы Казани черты социалистического города. По его проекту, по правобережью реки Казанки, за Кизической слободой предполагалось создать новый крупный локус, заселенный преимущественно рабочими. Центр должен был «уйти» со «старой» Воскресенской улицы с ее «дворянско-буржуазным» обликом на площадь под стенами Кремля, где ранее располагалась Ярмарка (ныне ей возвращено название Ярмарочной площади). Здесь же предусматривалось размещение советских культовых зданий – «Дворца труда» и «Дома татарской культуры». Университет, таким образом, оказался бы на периферии. Однако экономические условия и преждевременная кончина архитектора не позволили осуществить его проект.

В 1933 – 1934 гг. появился второй грандиозный план «возведения» Казани. Архитектор В.Н.Дмитриев предлагал создать два обособленных городских образования – «старую» и «новую» Казань. «Старую» – левобережье реки Казанки – предполагалось оставить без изменений, а «новую» – правобережье превратить в городской центр. По существу, образовались бы два самостоятельных города, находящиеся на довольно большом расстоянии друг от друга. Старый город как носитель прошлого был обречен на медленное умирание. Будущее было за городом новым, в котором для университета не

[68] Трофимук А.А. Казанский университет — моя «альма-матер»// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10100, л. 1.

Памятник Ленину перенесен из Ленинского сада в Школьный переулок. Фото 2004 г.

оказалось места. В конце 1934 г. эта схема планировки и застройки Казани была обсуждена и, к счастью, отвергнута.

Университет и смена культурного кода Казани. Не создав принципиально нового города, власти пошли по пути преобразования «буржуазного» ландшафта в «социалистический» посредством уничтожения символов альтернативной культуры. Таковыми являлись культовые здания – многочисленные церкви и монастыри, которыми был так богат город.

Крушение религиозного ландшафта Казани началось в 1928 г. За 2 года в городе уничтожили больше половины храмов, монастырей, мечетей. Естественно, что культовые здания и помещения были ликвидированы и в университете, а также на прилегавшей к нему территории. Уникальная Крестовоздвиженская церковь сначала была опечатана и закрыта, а затем переоборудована в физкультурный зал. Вскоре была снесена и Воскресенская церковь. По замыслу новой власти, университет должны были окружить советские «культовые» постройки. Хотя в 1920 – 1930-е годы в Казани таковых было мало, весьма символично, что одна из первых и наиболее значимых среди них появилась неподалеку от Казанского университета. Речь идет об открытии 7 ноября 1924 г. одного из первых в Казани стационарных «советских» памятников – памятника В.И. Ленину.

Он был установлен в верхней части бывшего Николаевского сквера, расширенного в 1924 г. в сторону университета и соединенного с садом университетской клиники. Первоначально это был бюст, вскоре (25 июня 1925 г.) замененный бронзовой фигурой работы скульптора Н.И.Шильникова. Монумент был необычным для «ленинианы». Воплощенный в нем вождь пролетариата еще не имел канонических черт, поз, одежд, к тому же он вдвое меньше человеческого роста. «Известия ТатЦИК» за 1924 г. отразили полемику, которая велась тогда по поводу места для установки памятника. Предлагалось поставить его на площади Свободы, на берегу Кабана, у вокзала, у пристани. Однако все эти варианты были отклонены. Водворение памятника на верхней террасе зеленой площадки, получившей отныне название «сада им.товарища Ленина» («Ленинским садиком» он зовется казанцами и по сей день, хотя памятника здесь нет уже несколько десятилетий), было оправданным. Благодаря возвышенному месту камерный памятник оказался стоящим над окружающим его пространством, он символизировал устремленность к коммунистическим высотам, и, кроме того, располагался недалеко от места, где молодой Володя Ульянов начинал свою революционную жизнь. Все вместе взятое это придавало знаковый смысл композиции.

«Верхняя» часть Ленинского сада. Гравюра П. Шиллинговского. 1929 г.

Лестница Ленинского сада. Фото 2004 г.

Памятник, как свидетельствуют участники наших опросов, полюбился студентам: «*По общему нашему мнению, он был, если так можно сказать по отношению к неодушевленному предмету, каким-то особенно уютным, соответствуя реальному росту невысокого Ленина в жизни*»[69]. Впоследствии скульптура вождя была перенесена в школьный двор в Гимназический (ныне Школьный) переулок. Изменив прописку, памятник как-то «потерялся» среди окружающих его высоких елей и четырехэтажного здания. А тем временем в городе появились типовые монументы вождя.

Важнейшим средством самовыражения господствующей культуры в пространстве является топонимика. Переименование скверов, площадей, улиц и переулков в Казани началось сразу после установления советской власти. Одной из первых (в конце 1917 г.) была переименована центральная, т.е. Воскресенская улица. Сначала она получила имя Н.Г.Чернышевского. Далее, в связи с подготовкой к празднованию 1 Мая местные власти должны были привести городскую атрибутику и топонимику в соответствие с социалистической идеологией. Примечательно, что, несмотря на политический характер мероприятия, многие улицы получили названия так или иначе связанные с университетом. Так, бывшая Поперечно-Воскресенская улица стала улицей Астрономической, Клиническая гора – Университетской, Ново-Горшечная превратилась в улицу Бутлерова, Старо-Горшечная – в Щапова, 1-я Академическая улица получила имя Вишневского. Довольно долго творцы не могли найти в городе улицу достойную имени Ленина. В 1920 г. оно было присвоено улице Первая гора, где некогда жила семья Ульяновых. Но уж слишком незначительной и удаленной была она для такой чести. В 1958 г. имя Ленина было присвоено улице Чернышевского, а Первая гора превратилась в улицу Ульяновых. Так было до 1995 г., когда бывшая Воскресенская – Чернышевского – Ленина стала Кремлевской. Широкое присутствие университета в советской городской топонимике – свидетельство его вхождения в новое городское сообщество. Социалистический город «принял» университет.

Улица Воскресенская – Чернышевского – Ленина – Кремлевская играла в жизни университета роль пространственного стержня, вокруг которого в XX в. шло развитие университетского городка. До середины 1940-х годов по улице ходил трамвай. По воспоминаниям современницы, «*в 1941 г. многие студенты университета жили в 6-м общежитии, которое находилось на улице Красная Позиция. Сообщение с учебным корпусом на улице Чернышевского было трамваем, который ходил от Арского поля до Кольца, дальше по ул. Университетской на гору к университету, дальше по ул. Чернышевского. В конце ул. Чернышевского вагоновожатый переходил от головы вагона к хвосту, перекидывал дугу и*

[69] Интервью с Ш.А.Гайфуллиным.

ехал обратно. Трамвай был всегда набит студентами, они ездили бесплатно»[70]. После войны трамвайную линию с ул.Чернышевского сняли, так как крутой спуск по ул.Университетской для скоростного транспорта опасен.

Реорганизация частного жилищного пространства преподавателей. Так называемый революционный жилищный передел — объявленная уже в конце 1917 г. всеобщая муниципализация жилья (передача права собственности или пользования имуществом в ведение органов местного самоуправления) и начатое весной 1918 г. перераспределение жилого фонда, породившее пресловутые «коммуналки» — затронул и старую казанскую профессуру. Правда, в Казани этот передел осуществлялся мягче, чем в столицах. На то был целый ряд причин. Основная та, что не было потребности в «уплотнении» населения. После ухода в сентябре 1918 г. из Казани комучевцев, в городе осталось множество брошенных квартир и домов. *«Казань пуста*, — сообщал председатель фронтового ЧК М.Лацис, — *ни одного попа, ни одного монаха, ни буржуя. Некого и расстрелять»*[71].

К тому же в городе сократилось число жителей. Перепись 1920 г. показала, что по сравнению с 1913 г. население Казани уменьшилось на 29 %, т.е. на 60 тысяч человек. Уплотнять было некого. А переселяться из обжитых окраин, где работа и дом были близки друг от друга, в центр рабочие не хотели. Поэтому освободившиеся «буржуазные» помещения в центральной части города занимали не рабочие, а государственные учреждения. Муниципализация шла медленно. К сентябрю 1918 г. было муниципализировано всего 38 домов, а к декабрю того же года — 65. Но все же она шла, и это тревожило университетскую общественность. *«В те времена*, — вспоминал современник, — *Казань довольно четко делилась на каменную и деревянную»*[72]. Муниципализация охватила каменную часть города, т.е. ту, что начиналась от Кремля, а восточными ее границами были улицы Первая Гора (Ульяновых) и Ново-Горшечная (Бутлерова). Дома в этой части казались вполне подходящими для размещения советских учреждений. Но именно здесь и располагалась большая часть квартир университетских профессоров и преподавателей, которые, соответственно, подлежали выселению или уплотнению. Принятый в декабре 1919 г. декрет СНК говорил об их праве на жилье, но наделял таким правом не всех ученых, а только некоторых, включенных в списки ЦеКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых)[73]. Вопрос об уплотнении и выселении профессоров стоял столь остро, что был вынесен на повестку дня специального заседания Ученого Совета. Докладчик, профессор Н.Н.Парфентьев, заявил, что жизнь университетских людей находится «под постоянной угрозой очутиться на другой день на улице»[74]. Совет признал, что «квартирный вопрос имеет самый угрожающий характер» и настоятельно требуется «всеми мерами оградить преподавателей в этом отношении»[75].

Для «личного выяснения в правительственных учреждениях жилищного вопроса» университетский коллектив командировал в Москву профессора С.П.Шестакова[76]. По всей видимости, таких «посланцев» с мест было немало, поскольку под давлением общественности в октябре 1920 г. ученые все

---

[70] Интервью с бывшей студенткой КГУ.
[71] Цит. по: Литвин А.Л. Казань: время гражданской войны. Казань, 1991. С. 73.
[72] Наумов В. Три Казани // Казань. 1998. № 7/8. С. 13.
[73] Организация науки в первые годы Советской власти (1917 — 1925): Сборник документов. Л., 1968. С. 340 — 341.
[74] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 1, д. 34, л. 24 об.
[75] Там же, л. 25.
[76] Там же, л. 29.

Улица Чернышевского. 1934 г.

же получили ряд «льгот». Им предоставлялось право сохранить за собой дополнительную комнату для научных занятий, и гарантировалось «невыселение в административном порядке». Эти права закреплялись специальными охранными свидетельствами, которые выдавались ученым[77]. Однако, несмотря на это, выселения продолжались. Так, в отчете Татарской комиссии по улучшению быта ученых за 1923 г. неоднократно упоминалось о «попытках выселения работников университета из квартир, предотвращенных нарсудом»[78].

Многих университетских профессоров спасло от выселения лишь то, что проживали они не в просторных квартирах Казани «каменной», а в деревянных домах. В большинстве своем они были одно- или двухэтажными, выстроенными по типовому образцу – с внушительными парадными дверьми, крыльцом и навесом, выходившими на улицу, со скромным «черным ходом» во двор, большими окнами, обрамленными наличниками с затейливой резьбой, возвышавшимися декоративными башенками-бельведерами. Между домами солидно громоздились ворота с высокими заборами.

Внутренняя обстановка таких «профессорских» домов тоже была примерно одинаковой. Они были обставлены в дореволюционных буржуазных традициях: с непременными массивными бронзовыми люстрами, настольными лампами в стиле «ампир», с обтянутыми бархатом диванами и креслами, большими зеркалами, роялем и картинами на стенах.

Муниципализация практически не коснулась деревянных домов. И, судя по учебному расписанию, профессора проводили часть занятий у себя «на дому».

НЭП способствовал возрождению такой традиционной городской ценности, как индивидуальная квартира. В «Известиях ТатЦИКа» за 1922 г. одно за другим появляются постановления о демуниципализации (21 февраля), об аренде домов и возврате домов (23 февраля), о порядке истребования иму-

[77] Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 158.
[78] НАРТ, ф. 644, оп. 1, д. 152, л. 9.

Здание Национальной библиотеки Республики Татарстан. Бывший дом З. Ушковой

щества (предметов домашнего обихода) у фактических владельцев (29 марта), о воспрещении выселения и уплотнения (13 июля). В результате в мае 1922 г. из 7748 казанских домов муниципализированных осталось 1645, а демуниципализированных было 6103.

Собственные дома и многокомнатные (из 8 – 9 комнат) квартиры в Казани имели немногие профессора, занимавшиеся частной практикой (медики и юристы). Большинство же преподавателей жили при университете, в его учебных зданиях и клиниках[79]. В отчете о деятельности Татарской комиссии по улучшению быта ученых за 1923 г. говорилось: «*Человек 30 – 40 научных работников университета ютятся по лабораториям и кабинетам, в маленьких комнатах частных квартир, в обстановке, исключающей нормальную научную работу*»[80]. Под жилье преподавателей были приспособлены помещения бывших хозяйственных служб, в том числе и конюшни во дворе главного здания. В них проживали семьи университетских сотрудников вплоть до 1960-х.

Профессор КГУ И.М.Романов вспоминал, что, вернувшись с фронта, он попросил своего заведующего кафедрой Л.В.Попова помочь ему с жильем. Попов и сам был переселенцем. Он сообщил Романову, что «в Казани ему обещали квартиру, а дали «будку». В случае получения квартиры Попов обещал отдать ее Романову. Что же представляло собой это странное жилище? Построенная еще в начале XIX в., «будка» (в прошлом – «каменная беседка») имела куполообразную крышу. Когда-то отсюда И.М.Симонов наблюдал за движением небесных светил. Внутри помещения сохранилась круглая, сложенная из песчаника, невысокая колонна, на которой некогда стоял телескоп. С 1840-х годов, после постройки обсерватории, «беседку» стали использовать в качестве конюшни для ректорского служебного выезда «мощностью в одну лошадиную силу». Потому-то в своей квартире Романов обнаружил прочно вделанное в стену кольцо для привязи лошади. В XX в. в «будке» опять возобновился астрономический практикум. К началу войны строение окончательно обветшало, крыша провалилась, стены отсырели. Тем не менее, его не оставили. Крышу перекрыли, на фундаменте круглой колонны сложили русскую печь и обновленную «будку» передали под квартиру эвакуированным. Живший здесь Романов считал себя «хранителем истории одной из

[79] Например, при каждой университетской клинике должен был проживать хотя бы один ординатор – у изголовья его кровати находился звонок для срочного вызова к больным.
[80] НАРТ, ф. 644, оп. 1, д. 152, л. 15.

Комната Е.К. Завойского. 1947 г.

старейших построек на территории университетского двора»[81]. Все хорошо, но в таких «квартирах» не было коммунальных удобств. Жильцы сами выходили из положения. Так, живший в полуциркульном доме университетских служб историк Г.Н.Вульфсон провел в них воду и установил канализацию. По рассказам другого университетского профессора, в 1950-е годы, когда она с мужем и маленьким сыном жила «во дворе университета» (так обычно именовались эти квартиры в обиходе), у них стали пропадать хранившиеся на комоде бумажные деньги. Впоследствии выяснилось, что купюры таскали в норы огромные крысы, обосновавшиеся в деревянных перекрытиях. «Эти крысы средь бела дня спокойно ходили по квартире и никого не боялись»[82], – вспоминала респондентка.

До войны служители университета с семьями проживали также в подвальных этажах университетских зданий[83]. В случае необходимости подвал, а также научные учреждения использовались как гостиницы для размещения приезжавших ученых. Б.А.Арбузов вспоминал курьезный случай, происшедший во время V Менделеевского съезда в июне 1928 г. Так как в гостиницах не хватало мест, приезжих решили разместить в университетских клиниках. Арбузову было поручено поселить одного из гостей в клинике на ул.Бутлерова: «*Когда я его посадил на извозчика и сказал «Вези на Земляной мост», то извозчик бодро вскрикнул «А! В сумасшедший дом!» Я с ужасом увидел полную растерянность на лице Шкателова*»[84].

Если у преподавателя не было возможности поселиться «при университете», он старался найти для себя жилье где-нибудь поблизости. Улица Чернышевского - Ленина представлялась наиболее подходящей для этой цели, тем

[81] Романов И.М. Зарисовки с натуры // Музей истории КГУ, фонд «Романов», л. 22 – 23.
[82] Из устной беседы с профессором КГУ.
[83] Арбузов Б.А. Из воспоминаний о Казанском университете// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10099/2, л. 22.
[84] Там же, л.7.

Улица Бутлерова (бывшая Ново-Горшечная). 1950-е гг.

более что ряд дореволюционных гостиниц и «нумеров» в 1920-е годы были переделаны под квартиры. Таковым был, например, дом №33, стоявший во дворе одного из самых красивых зданий Казани – дома Зинаиды Ушковой, снесенный в 1970-е при строительстве гуманитарного корпуса университета. В этом доме жили многие преподаватели и их семьи, в том числе и семья будущего академика Е.К.Завойского.

Воспоминания его дочери Натальи живописуют реалии преподавательского быта начала 1940-х годов. *«Жилье наше состояло из двух комнат, – писала она. – Оно располагалось на втором этаже, куда вела крутая чугунная лестница. Квартира начиналась с длинной, темной и холодной кухни, конечно, без газа (тогда его и не было) и действующего водопровода. Мама готовила еду на керосинке. Воду приносили в дом родители. Колонки с водой во дворе не существовало, там была только отвратительно пахнувшая помойка, на которую наша квартира выходила углом. Часто мы брали воду в нынешнем криогенном корпусе университета, в подвале, куда вели заледеневшие ступеньки. Получив драгоценную воду, мы возвращались к себе. При ходьбе вода плескалась в ведрах, и какое-то количество выливалось на дорогу. А так как все ходили по воду, улица Чернышевского представляла собой зимой мозаичный каток. Комнат было две: одна побольше – проходная, другая поменьше с двумя окнами. Мы жили только в первой. Дров для двух печек не хватало. Дрова были «предметом роскоши». Их хранили в сарае, который находился напротив дома. В воскресенье родители ходили их пилить и колоть. Печка хранить тепло не умела. К утру к ней примерзало белье, сушившееся тут же в комнате... Кроме печки в комнате стоял огромный черный шкаф, обычно пустой, так как никаких продуктов в запасе не было. У печки помещалась моя кроватка, над которой висел коврик-аппликация, сделанная руками мамы. Справа от входа – кровать родителей. В пространстве между окном и кроватью помещался шкафчик с книжной полкой наверху. В середине комнаты стоял обеденный стол со стульями. На*

нем часто возвышалась керосинка. Самым красивым предметом в нашем жилище был письменный стол отца, резной, темно-коричневый, на фигурных ножках, доставшийся ему от его отца... Конечно, это была бедность»[85].

Между тем в 1930-е годы отношение властей к частному жилищному пространству резко изменилось. На смену господствовавшему ранее культу простоты и «уравниловки» пришло признание необходимости иерархизации пространств, соответствующей советской иерархии людей. В 1934 г. вышло постановление СНК СССР об улучшении жилищного строительства, положившее начало строительству элитного жилья в СССР. Элитной считалась квартира, где высота потолков составляла 3 – 3,2 м (вместо прежних 2,8 м), толщина стен – не менее 2-х кирпичей, и в которой было 2, 3 и 4 комнаты. Звания и награды за заслуги перед государством, учрежденные в этот период, ученое звание профессора, в том числе, давали их обладателям право на дополнительную и элитную жилплощадь[86]. Однако университет своих домов не строил, поэтому возможности улучшения жилищных условий у преподавателей были относительно невелики. Многие из них по-прежнему испытывали большие трудности с жильем, жили в старых домах без удобств, находившихся в аварийном состоянии. Например, в ужасном состоянии был дом по ул.Щапова, 41, где большинство жильцов были преподавателями университета. Казанцы его называли «домом ученых». В документе, официальной комиссии за 1933 г. сообщалось, что дом «разрушается, в нем холодно (+5° С), замерзла вода в водопроводе»[87].

Ситуация изменилась в 1950-е годы, когда в Казани появились так называемые «сталинские» дома повышенной комфортности. Их строили с пышным архитектурным декором, башнями и шпилями, обильными лепными украшениями на фасадах. Квартиры в «сталинках» были, как правило, из 3, 4 или 5 комнат, с высокими потолками и аристократическими ванными. Хотя большинство их заселялось по прежнему «по-комнатному» принципу, образуя привычные коммуналки, были здесь и квартиры индивидуальные. В них, наряду с представителями творческой интеллигенции и директорами крупных предприятий, жили университетские профессора. В силу публичности профессии преподавателей знали лучше, чем других жильцов, поэтому такие дома казанцы называли «профессорскими». Одним из них был примыкавший к знаменитому «Бегемоту» жилой дом по улице Ленина (Кремлевской), 2а. Здесь имели квартиры профессора многих казанских вузов и университета, в том числе. В 1960-е годы горожане называли этот дом «Дворянским гнездом». Большинство же университетских преподавателей в те годы жили в старом центре Казани, в домах без удобств, занимая порой на всю семью 1 – 2 комнаты, теснясь в пресловутых коммуналках.

С 1930-х годов в советском обществе стало меняться отношение к бытовым удобствам, вещам, декору. В связи с этим произошла реабилитация «буржуазных» интерьеров. Картины, зеркала, гнутая мебель, слоники для комода и прочая мещанская утварь стали объектами желаний новой духовной и политической элиты. Другое дело, что у университетских людей были ограниченные возможности в оформлении жилья. Особенно тяжело было достать мебель. Все респонденты хорошо помнят это. У большинства университетских преподавателей диваны, комоды, шифоньеры, табуреты были либо самодельными, либо сохранившимися с прежних времен. Дореволюционную ме-

---

[85] Завойская Н. Родительский дом // Казань. 1999. № 7/8. С. 99 – 100.
[86] Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1933. Вып. 23. Ст. 128.
[87] НАРТ, ф. 732, оп. 1, д. 2126, л. 266, 352.

бель, особенно письменные столы, кресла и книжные шкафы, можно встретить в квартирах казанских профессоров даже сегодня. Такие образцы передаются по наследству детям или перекупаются внутри университетской корпорации.

Комнаты в коммуналках были обставлены убого и однообразно. Вот как, например, выглядела типичная комната сотрудника университета в 1950-е годы: обеденный стол на круглых точеных ножках, дубовые с высокими спинками стулья, полки с книгами, шифоньер, в большом отделении которого висела одежда, а в маленьком на полках хранились белье и посуда; в дверце шифоньера – зеркало, кровать с металлической сеткой, завешанное белыми короткими занавесками – «задергушками» окно. Все просто – до нищеты, хотя по тем временам считалось вполне приличным.

Преобразование частного жилищного пространства студентов. Частное жилищное пространство преподавателей, его вещно-предметный мир, в общем, довольно мало беспокоили власть предержащих. Гораздо больше их заботила организация студенческой повседневности. В этой связи общежитие должно было стать местом формирования нового советского быта, свободного от пережитков «проклятого прошлого». В первые годы советской власти осуществить эти коллективистские замыслы в Казани не было возможности, поскольку общежитиями университет в то время не располагал. Однако практика коллективного проживания студентов существовала. По старой дореволюционной традиции учащиеся на паях снимали комнаты (иногда – «углы» в них). Как правило, они находились в домах, стоящих поблизости от места учебы. Д.Я.Мартынов вспоминал, что жители «охотно брали их к себе «на хлеба», вот только «хлебов»-то и не было, предоставлялось лишь жильё»[88]. Особенно власть заботилась о рабфаковцах – будущей рабоче-крестьянской интеллигенции[89]. Коммунальным отделам исполкомов вменялось в обязанность создать для них общежития и оборудовать их столами, стульями, койками, кипятильниками и пр. Казанскому рабфаку была отдана гостиница «Франция» на бывшей Воскресенской улице. А учащиеся «непривилигерованных» факультетов жили в арендованных под общежития деревянных домах без удобств. Они, по свидетельству очевидцев, представляли собой «старые, полуразвалившиеся помещения, отнюдь не стимулирующие умственной деятельности», «маленькие, неблагоустроенные здания»[90]. Комнаты, где ютилось по 30 – 40 человек, были до отказа забиты койками. Книги приходилось читать «при колеблющемся свете крошечных коптилок», и в этом же помещении жильцы готовили пищу «на чадящих железных печурках». А между тем, жившие в таких условиях студенты почитались счастливчиками. В 1925/26 учебном году в Казанском университете училось 2027 студентов, а в общежитиях проживало лишь 320 человек[91]. По воспоминаниям одного из профессоров, для приехавших из провинции студентов ночевка на вокзале являлась обычным делом.

В 1920 –1930-е годы популярной формой студенческого общежития стали дома-коммуны. Как вспоминал академик А.А.Трофимук, студентов университета подвигло на их создание желание «быть примером для своих сверстников в борьбе за достижение идеалов коммунизма»[92]. Основным условием существования коммуны было обобществление предметов индивидуального пользования — одежды, книг, посуды и, естественно, стипендии. Коммунары организовывали совместный быт и досуг. Первые университетские коммуны «Авангард» и «Прогресс» состояли из 10–15 человек. Их распорядок дня

---

[88] Мартынов Д.Я. Недавнее былое// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10103, л. 2.
[89] Ленинские декреты: 1917 – 1922. Библиография. М., 1974. С. 394.
[90] Мартынов Д.Я. Недавнее былое, л. 2.
[91] Ключевич А.С. Воспоминания химика – выпускника КГУ. Казань, 2002. С. 13.
[92] Трофимук А. Моя альма матер // Казань. 1999. № 7/8. С. 83.

Общежитие по улице Гоголя. Фото 2004 г.

строился таким образом: утром всех будил дежурный, и в 7.45 коммунары стройными рядами отправлялись на зарядку, затем с песнями шли обратно в общежитие. После завтрака они направлялись на занятия, по возвращении обедали, отдыхали, занимались. Коллективными в коммуне были все мероприятия – от бани до культпохода. Ее учреждение было делом увлекательным, но трудным из-за сложностей в организации совместного, компактного проживания в общежитии[93].

Но одной из коммун власти пошли навстречу. Для коммуны численностью в 100 человек было выделено двухэтажное здание по улице Кооперативной (позднее – ул.Куйбышева). Верхний этаж отводился под спальни и кабинеты, а нижний – для кухни, столовой, красного уголка, продовольственных и культурных служб. Как писал в воспоминаниях коммунар Трофимук, *«в первые месяцы пребывания в коммуне каждый из нас – коммунаров находился в состоянии высочайшего удовлетворения. Нам казалось, что мы уже олицетворяем собою будущих созидателей коммунизма, показываем хороший пример тем, кто еще не созрел до понимания идеалов нового общества. Каждый из нас, отдежурив на кухне или в прачечной, в остальные дни наслаждался радостью беззаботного потребления пищи, бытовых и культурных мероприятий. Правда, к концу третьего месяца у некоторых коммунаров возникли мелкие конфликты по поводу того, что им не нравилась или плохо подходила чужая одежда, некоторые коммунары избегали участия в культпоходах или других мероприятиях коммуны. Однако эти мелочи нас мало волновали. С недовольными или уклоняющимися проводились беседы. Никто из нас не подозревал, что, казалось бы, мелкое происшествие сумеет взорвать коммуну изнутри. А случилось непредвиденное. Один из дежурных по пищеблоку получил для коммуны около 10 литров сметаны и во время дежурства, когда все коммунары находились в университетских аудиториях, всю ее единолично съел. Коммунары не только остались без существенной части обеда, но и предметно уяснили, что они*

[93] Ленинец. 1929. № 3. С. 3; № 5. С. 5.

еще далеко не созрели для жизни в коммуне... Коммуна, стихийно возникшая, столь же стихийно и прекратила свое существование»[94].

Социальные эксперименты исчерпали себя к середине 1930-х годов. И тогда университет начал обзаводиться классическими общежитиями. Под студенческое жилье были приспособлены учебные помещения в здании бывшей духовной семинарии по ул. Чернышевского. Условия проживания в них были поистине спартанскими: комнаты были большими и холодными, по 35 — 40 человек. Кровати простые, без сеток; под матрацы приходилось класть доски[95]. Не лучше была обстановка аспирантского общежития, расположенного в 1930-х годах на ул. Сакко и Ванцетти. Оно представляло собой череду «малюсеньких комнат с одним окном», в которых с трудом умещались кровать, стол, тумбочка и два стула. В каждой из таких комнат, как правило, проживала семья с одним, а то и с двумя детьми[96].

Несмотря на суровые условия жизни, магия университета способствовала притоку в Казань юношей и девушек из далеких и близких городов Советского Союза. Особенно он усилился в середине 1930-х годов, когда был пройден «университетский кризис» и власть признала важным подготовку молодых специалистов. Такая легализация и одобрение функции университетов повлекли за собой повышение уровня жизни их корпораций. Получив финансовую поддержку, в 1936 г. Казанский университет смог отстроить комфортабельное для тех лет студенческое общежитие по улице Гоголя на 250 мест. А в 1940 г. был возведен еще один студенческий дом (на 500 мест) по улице Красная Позиция. В их строительстве впервые была использована рабочая сила самих учащихся[97]. Впоследствии этот опыт стал нормой университетской жизни.

Университет и университетский городок в конце 1920-х – 1930-е годы. В 1929 г. университету было передано здание духовной семинарии. Туда переехал геолого-почвенный факультет, который до того ютился в маленьких комнатах на третьем этаже старой медицинской клиники. Здесь, по воспоминаниям современника, «скопилось в коллекциях столько минералов и горных пород, что мощные перекрытия этого старинного здания не выдерживают нагрузки»[98]. Вот как описывает переезд геофака в предоставленное ему новое помещение современница: *«...в один прекрасный день движение по улице Чернышевского было прекращено, после чего студенты университета вышли на улицу и построились в две шеренги. Они начали передавать по шеренге лотки с коллекциями геологического музея, переселяя его из Старой клиники в новое помещение»*[99].

И, тем не менее, обретение второго учебного корпуса не сильно разгрузило разросшийся университет. В его отчетах красной нитью проходит тема о «близком к катастрофическому» положении с помещениями[100]. Надежда на то, что 125-летний юбилей позволит решить насущные проблемы, не оправдалась. Но средств на его подготовку и проведение университет не получил и, соответственно, не смог не только развернуть строительство новых зданий, но и отреставрировать старые. Тогда университетские люди лишь побелили фасад главного корпуса и убрали стеклянный тамбур у его входа, тот самый, что по сло-

[94] Ленинец, 1929. №3. С. 3; № 5. С. 5.
[95] Габбасова М.А. Незабываемое// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10076, л. 2.
[96] Там же. Л.5.
[97] Тефанова Т.А. Из истории геологического факультета КГУ// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10096/1, л. 32; она же. А путь и далек и долог// Там же, ед.хр. 10025, л. 5.
[98] Трофимук А.А. Казанский университет – моя «альма-матер» // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 101001, л. 6.
[99] Тефанова Т.А. Из истории геологического факультета КГУ// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10096/1, л. 8.
[100] Отчет КГУ за 1924 – 1925 учебный год. С. 27.

Здесь на первом этаже в здании геологического факультета в 1930-е годы располагалось студенческое общежитие. Фото 2004 г.

вам современника, «своей неуклюжей формой портил общее впечатление главного подъезда»[101]. Над дверьми, ведущими в главный корпус, восстановили лепные украшения – рыцарский шлем с плюмажем и совой – древний символ университетских привилегий. А тем временем местные газетчики мечтали о том, что университетский «фасад-вампир закроется революционными украшениями»[102].

В 1930-е годы началось обустройство пространства, окружающего университет: была залита асфальтом улица перед главным корпусом, разбиты цветочные клумбы во дворе. Одна из них воспроизводила географическую карту СССР.

Юбилей прошел и университет остался наедине со своими проблемами. Дефицит учебных площадей буквально душил его. Наука развивалась, появлялись новые специальности и факультеты, росло число преподавателей и студентов, а размер университета оставался на уровне 1910-х годов, а после выделения медицинского института, места стало еще меньше. И если в конце 1920-х годов каждая из двух зоологических кафедр биологического отделения физмата «занимала по целому этажу»[103], то в 1934/35 г. под кабинеты физиологии растений, микробиологии, физики использовались коридоры. В 1939 г. на физмате на 30 учебных групп приходилось всего 18 маленьких аудиторий. В лабораториях неорганической и аналитической химии из-за тесноты не соблюдалась техника безопасности[104]. В момент восстановления в том же году историко-филологического факультета ему были предоставлены сдвоенная аудитория плюс крохотный кабинет декана[105].

Установка советской власти на поддержку прикладных специальностей обусловила приоритетное внимание к специализированным учебным заведе-

---

[101] Корнилов П.Е. Ремонт памятников ТССР в 1927 году // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Отдел по делам музеев. Казань, 1928. Вып.2. С. 78.
[102] Мартынов Д.Я. Недавнее былое // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10103, л. 15.
[103] Курбангалиева Х.М. Годы учебы в Казанском университете// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10083/2, л. 5.
[104] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 29, д. 72, л. 44 об. Цит. по: Сидорова И.Б. От «великого перелома» к началу стабилизации: 1930 –1940 гг.// Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 190.
[105] Акулинина Е.Н. Воспоминания // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10086/2, л. 1.

Дом общежития по улице Лядской. 1920-е гг.

ниям. Это проявлялось во всем, в том числе и в финансировании капитального строительства. Будущее здание химико-технологического института на ул.К.Маркса первоначально предназначалось для химического факультета университета. В 1930 г. он выделился в самостоятельный институт и занял новое здание. Когда же в 1931 г. химфак в университете был восстановлен, его помещения остались в ведении КХТИ[106].

Констатируя критическую ситуацию, в октябре 1939 г. ректор К.П.Ситников писал: *«За двадцать два года существования Советской власти университет ничего не построил»* и требовал выделения финансирования[107]. Наконец, в результате многочисленных просьб университету удалось получить ассигнования на строительство химического корпуса. Фундамент под него стали закладывать в 1936 г. Тогда университетские люди надеялись, что строительство будет вестись ударными темпами и завершится к сентябрю 1937 г. Но сначала нерегулярное и ограниченное финансирование, а затем война остановили стройку.

В предвоенные годы все основные учебные аудитории находились в главном корпусе. Студенты 1930-х годов признавались, что *«весь облик этого монументального, строгого здания, окрашенного в белую краску, вызывал у нас глубокое уважение, как и у всех, кто им любовался»*[108]. В нем всегда было так приятно находиться: летом прохладно, зимой тепло. И в этом чувствовалась забота предков о своих потомках: между потолочным перекрытием и крышей лежал толстый слой пробки. В те годы в вестибюле главного корпуса стоял застекленный киоск, где продавали газированную и охлажденную питьевую воду. А в правом крыле под лестницей приютился книжный киоск, который любили студенты и преподаватели.

Территория университета была заповедной для посторонних. У входных дверей стояли барьерные загородки, где дежурили швейцары. Университетский двор огораживала высокая кирпичная стена. И у каждых из двух ворот в будках сидели сторожа, которым входящие предъявляли удостоверения или студенческие билеты. Университетский двор, по воспоминаниям совре-

---

[106] Ключевич А.С. Воспоминания химика – выпускника КГУ. Казань, 2002. С.36.
[107] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 32, д. 176, л. 26 об. Цит. по: Сидорова И.Б. Там же. С. 191.
[108] Краснов П.А. Записки горного экономиста...// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10085, л. 2.

менников, «был чист, тенист и зелен»[109]. Дорога от ворот на ул.Чернышевского до обрамленных красивой лепной аркой ворот на ул.Университетскую была в те годы выложена кирпичом и булыжником, все дорожки устланы каменными плитами палевого цвета – такими же, как крылечки «бутлеровского» института и библиотеки. Между главной дорогой и университетским корпусом слева по направлению к Университетской находились два дворика. Там за деревянным забором хранились дрова для котлов и печей. Дорожка за зданием анатомического театра вела в университетский сад. Университетские люди называли его «садиком Ковальского» или просто – «Ковалька».

У входа в сад стояла оранжерея. Посредине ее зала был сделан цементный бассейн, в его центре, на постаменте росла огромная пальма, а вокруг вились влаголюбивые растения. Оранжерея погибла в годы войны: дров не хватало, и отопительные трубы полопались. Студенты и сотрудники старались спасти редкие растения в своих квартирах, но повсеместный холод настиг нежные создания и там.

В 1841 г. Н.И.Лобачевский выписал из Императорского ботанического сада в Пензе богатый набор растений для озеленения университетского двора. Многие из этих красивейших деревьев и кустарников украшали университетский двор и в начале 1940-х годов. От ворот с ул.Чернышевского до астрономической обсерватории тянулась великолепная липовая аллея. Весь двор буквально утопал в сирени. Она росла в скверике у дороги, у геометрического корпуса, у астрономической обсерватории. Белоствольные березы, могучие вязы, желтая акация, американский клен, дикий жасмин, цветущий шиповник придавали университетскому двору особое очарование. К сожалению, сегодня здесь нет ни одного вида деревьев и кустарников из списка Лобачевского.

Университетское пространство в годы Великой Отечественной войны. Реформирование внешнего и внутреннего университетского облика в период войны было наглядным образцом преобразования пространства высшего учебного заведения в экстремальных условиях. По свидетельству современника, «все боялись, что вот-вот немцы доберутся до Казани. К этому готовились»[110]. В садах и парках города, в том числе и в университетском дворе, рылись бомбоубежища. От его былой ухоженности не осталось и следа. Те, кто его видел тогда вспоминали, что он был «крайне неблагоустроен, а в непогоду – просто непроходим»[111]. Окна научных зданий были оклеены крест-накрест бумажными лентами. По вечерам их «затемняли» ради «светомаскировки». Сам же университет с наступлением вечера погружался во тьму – были введены ограничения на пользование электричеством до пяти киловатт-часов в месяц на человека. Потухли фонари на улице перед главным корпусом.

В связи с эвакуацией предприятий из фронтовой зоны на территории Казанского университета предполагалось разместить ряд промышленных объектов военного назначения. Б.Е.Арбузов вспоминал: *«Как сейчас помню – это было 19 или 20 июля 1941 г., я находился в лаборатории, когда меня вызвал к себе ректор К.П.Ситников и объявил приказ И.В.Сталина – старый химический корпус университета отдается под завод. Надлежит в течение суток вынести в библиотечное здание КГУ все ценное, включая мебель из помещений лаборатории. С тяжелым сердцем мы хотели приступить к выполнению распоряжения рек-*

[109] Иванова Р.Г. Те памятные 40-е // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10082, л. 4.
[110] Носов Н. Версты любви. Моя родословная // Казань, 1995. № 1/2. С. 59.
[111] Интервью с Л.С.Ачкасовой.

Дом Арбузовых в Школьном переулке. Фото 2004 г.

тора»[112]. Но уже буквально через час, сообщал он далее, положение изменилось: из Москвы был получен приказ Эвакуационного совета при СНК СССР о размещении в Казанском университете эвакуируемых из Москвы и Ленинграда институтов Академии наук.

В Казань приехали 33 из 85 академических учреждений. 19 из них, в том числе Физический институт им. П.Н.Лебедева (ФИАН), Институт физических проблем, Физико-технический институт, Институт химической физики, Институт органической химии, Институт общей и неорганической химии, Коллоидно-электрохимический институт, Радиевый институт, Математический институт им. В.А.Стеклова, Институт горючих ископаемых, Институт механики, Институт машиноведения, Энергетический институт им. Г.М.Кржижановского, Институт теоретической геофизики, Физиологический институт им. И.Павлова, Институт эволюционной физиологии, Ботанический институт, Институт русской литературы («Пушкинский Дом»), Институт теоретической астрономии, а также Президиум АН СССР, работали в годы войны в Казанском университете. Все вместе они насчитывали 1889 научных сотрудника, а с семьями это составляло около 5 тысяч человек. Из них 39 имели звание академиков и 44 члена-корреспондента Академии наук.

Чтобы разместить всю эту массу людей и оборудования, нужно было както реструктурировать и без того тесное пространство. После прибытия эвакуированных институтов университет стал казаться крошечным. Академик И.М.Франк, в то время сотрудник одной из лабораторий ФИАН, вспоминал, что научное оборудование разместить было негде – из Москвы вывезли почти все, а в Казани под лабораторию выделили всего одну комнату. Большая часть оборудования пролежала в ящиках всю войну. Они загромождали все университетские коридоры, а когда требовалось достать какой-нибудь прибор, при-

[112] Арбузов Б. С внуками Марковникова. Из воспоминаний о Казанском университете // Казань. 1999. № 7/8. С. 53.

ходилось снимать множество тяжелых ящиков, а затем вновь водружать их друг на друга[113].

Городскую астрономическую лабораторию заняли геофизики, причем «великолепные шкафы с книгами были опустошены для гостей от книг, а книги в изрядном беспорядке были вынесены по настоянию проректора И.А.Дюкова в фундаментальную библиотеку университета, свалены там без тенденции к обработке... Многое исчезло безвозвратно»[114].

Гостиная и спальня в Доме-музее Арбузовых. Фото 2004 г.

Физико-технический институт разместился в помещении этнографического музея. По воспоминаниям академика И.Е.Тамма, один из сотрудников использовал экспонаты музея по прямому назначению: добытую где-то горстку ржи он смолол с помощью примитивных жерновов, принадлежавших индейскому племени[115]. В старом химическом корпусе поселился Институт органической химии. Студенты и преподаватели химфака полностью лишились аудиторий и лабораторий и вынуждены были заниматься в двух комнатах биофака[116]. В таком же положении оказались и другие факультеты. К декабрю 1941 г. в университете осталось лишь 25 учебных аудиторий[117]. По воспоминаниям студентки биофака тех лет, «мы слушали лекции в каких-то закутках, чаще всего в темном коридоре на третьем этаже, на территории бывшей кафедры систематики растений»[118]. Потесниться пришлось и административным службам — например, деканаты историко-филологического, химического и биолого-почвенного факультетов находились в одном помещении[119].

Ряд университетских помещений был занят под производственные нужды. Например, в вестибюле, выходящем во двор главного здания к университетской библиотеке, была размещена установка, вырабатывавшая жидкий кислород для оборонных заводов Казани. *«Эта установка работала почти круглосуточно, сотрясая весь первый этаж того крыла здания. Со двора подъезжали подводы, которые увозили жидкий кислород»*[120].

---

[113] Писарева С. Линия научной обороны. Спустя десятилетия // Казань. 1999. № 7/8. С. 68.
[114] Мартынов Д. Непогашенные звезды // Казань. 1999. № 7/8. С. 50.
[115] Писарева С. Указ.соч. С. 68.
[116] Арбузов Б. С внуками Марковникова. С. 54.
[117] Телишев В.Ф. Военное лихолетье: 1941 – 1945 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 225.
[118] Иванова Р.Г. Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10078, л. 3.
[119] Там же, л.2.
[120] Герасимов М.В. Так закалялось мое поколение// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 90091/2, л. 5.

Часть интерьера в Доме-музее Арбузовых.Фото 2004 г.

Жилищным размещением эвакуированных руководил вице-президент АН СССР О.Ю.Шмидт. Он закупил все имевшиеся в магазинах и на складах Казани подушки и кровати с матрасами. По его приказу они были расставлены в актовом, предактовом, спортивном и читальных залах университета. В помещении бывшей университетской церкви стояло 150 кроватей, отгороженных друг от друга простынями и картонками. Проходов между ними не было и раздеваться можно было только присев на корточки. В зале был полумрак и несмолкающий шум голосов и примусов[121]. По университетским коридорам бегали дети, играли, катались на велосипедах. В считанные дни университет превратился в огромную коммуналку.

О.Ю.Шмидт и А.Ф.Иоффе жили в здании астрономической лаборатории. Вице-президент АН СССР Л.А.Орбели и академик Е.А.Чудаков с семьями были поселены в «ректорском флигеле». Там же во дворе были квартиры академиков А.Н.Крылова и П.Л.Капицы.

Многие эвакуированные поселились в семьях сотрудников университета. Академики А.Е.Ферсман и А.Н.Фрумкин с семьями жили в доме Арбузовых в Школьном переулке. Академик В.И.Гольданский впоследствии писал: *«Братское гостеприимство хозяев дома прекрасно гармонировало с деликатностью жильцов – позднее я узнал от Бориса Александровича Арбузова, как смущен бывал Александр Наумович Фрумкин, когда требовалось согнать кошку с ее привычного места на кровати, как старался он избежать этой необходимости»*[122]. К Чеботаревым подселили Ландсбергов, к Широковым – Делоне и т.д. Известный математик А.И.Плеснер с женой были вселены в комнату казанского доцента В.В.Морозова и отделены от него шкафа-

[121] Из беседы с С.В.Писаревой; из беседы с Е.В.Соболевой.
[122] Гольданский В. Афродита Александра Наумовича. Каким помню А.Н.Фрумкина // Казань. 1999. № 7/8. С. 57.

Дом, в котором жила семья академика А.П. Александрова во время эвакуации

ми. Морозов шутил, что они «ведут позиционную войну, передвигая шкафы в свою пользу в отсутствие противника»[123]. В квартирах сотрудников университета жили и студенты, поскольку студенческие общежития были заняты эвакуированными[124].

В воспоминаниях, написанных через много лет после войны, академики, членкоры и рядовые сотрудники Академии наук с большой теплотой писали о приютившем их Казанском университете, о его сотрудниках, о простых казанцах, ставших для них родными. Университет открыл эвакуированным не только свои двери, но и сердце, и они об этом не забыли.

Расширение университетского пространства в 1950 – 1960-е годы. В послевоенные годы университет восстанавливал свой облик. По свидетельству очевидцев, после отъезда Академии наук аудитории являли жалкое зрелище: «всюду мусор, разбитые склянки, пустые ящики»[125]. Преподаватели и студенты чистили кафедры, коридоры, учебные помещения: *«За перегородкой второго этажа,* – вспоминал один из них, – *нас ожидала страшная картина погрома и разорения. Амфитеатр в аудитории №4 был снят, в ней временно размещалась группа сотрудников П.С. Капицы. Здесь же сотрудники группы и члены их семей проживали, ночевали, готовили пищу. На полу валялись картофельные очистки, обглоданные скелеты селедок, рваная обувь, тряпье, газовая арматура, сгоревшие моторы, стояли две буржуйки с самоварными трубами, пропущенными через окно, вообще – не рабочее помещение, а конюшни*

[123] Чеботарев Г. Зимы над Казанкою. Невыдуманные рассказы // Казань. 1999. № 7/8. С. 64.
[124] Габбасова М.А. Незабываемое. Л. 7.
[125] Богоявленский А.Ф. Наш химический факультет// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10097, л. 16.

Мемориальная доска, напоминающая о пребывании институтов АН СССР в университете в годы Великой Отечественной войны

царя Авгия. Было стыдно за сотрудников академического института, оставивших после себя свинарник»[126]. В таких хлопотах и заботах прошли послевоенные 1940-е годы.

А в начале 1950-х годов университет наконец-то обрел долгожданный химический корпус. Его строительство велось с размахом. Здание возводилось на месте бывшей Воскресенской церкви в модном неоклассическом стиле, который впоследствии стали называть «сталинский ампир»: пышный декор, мощные колонны, нарядные фасады с лепными украшениями. В новом здании разместились химический и историко-филологический факультеты.

Для уставших от тесноты людей здание казалось дворцом – широкая парадная лестница, огромные окна, впускающие море света, высокие потолки, широкие коридоры. Жаль только, что оно не вписывалось в общий архитектурный контекст университетского городка. Впрочем, новоселы об этом не задумывались, а у архитекторов был свой резон: новое, сверкающее белизной колонн и лепнины здание выигрывало на фоне обветшалого наследия. Так советский университет утверждал свой приоритет по отношению к университету императорскому.

В 1950-е годы были сделаны и другие, менее значительные шаги по расширению университетского пространства. Так, относительно малозатратным и удачно спроектированным оказался южный пристрой к главному зданию. Ректор М.Т.Нужин с трудом преодолевал многочисленные бюрократические препоны, стоявшие на пути этого строительства. Двухэтажная пристройка возводилась точно по оси главного корпуса, на ее оконечности, обращенной в университетский двор. При этом был воспроизведен внешний облик центральной части фасада – таким, каким он был создан более сотни лет назад по проекту П.Г.Пятницкого[127]. На втором его этаже разместился спортивный зал, а в освобожденной бывшей университетской церкви был устроен читальный зал. На церемонии открытия М.Т.Нужин обещал коллегам, что теперь силы и средства будут брошены на реконструкцию ветхого Восточного крыла. Но прошло почти 50 лет, прежде чем эти намерения сбылись[128]. В преддверии 150-летия университета изменилось внешнее университетское пространство. Центральная университетская площадь была перенесена со двора на территорию перед главным учебным корпусом. Старая полуциркульная площадь давно уже утратила былую классическую строгость и красоту. А городские власти не интересовало как будет выглядеть

[126] Романов И.М. Физмат КГУ в последний военный год// Музей истории КГУ, фонд «Романов», л. 8, 10, 11.
[127] Королев В.С., Жигунин В.Д. «Эпоха Нужина»: 1954 – 1979 гг. // Очерки истории Казанского университета. С. 293.
[128] Об этом см.: Казанский университет. 2003. Апр. (№ 5/6). Примечательно, что аналогичные препятствия пришлось преодолеть и нынешнему ректору М.Х.Салахову на пути к реконструкции Восточного крыла главного корпуса.

Открытие памятника В. Ульянову работы скульптора В.Е. Цигаля на университетской площади - «сковородке». 1954 г.

университетский двор, гораздо значимее было университетское «лицо», иначе говоря, главное здание и прилегающая к нему территория, которая не отличалась великолепием.

Площадь перед главным зданием расширили за счет территории верхней части Ленинского сада. Ей была придана привычная университетским людям полуциркульная форма. Ее почти сразу окрестили «сковородкой», тем более что официального названия она так и не обрела. В центре площади в ноябре 1954 г. был установлен памятник студенту Володе Ульянову, созданный из бронзы и гранита скульптором В.Е.Цигалем.

Университетская площадь и поныне имеет полифункциональный характер, сочетая в себе черты историко-мемориальной, властно-административной, сакральной и празднично-рекреативной зоны. В 1990-е годы, когда на волне необузданных политических эмоций многие памятники Ленину были демонтированы, в Казани никто не помышлял об этом применительно к скульптуре юного Ильича. Под воздействием меняющегося политического сознания поменялась лишь ее семантико-культурологическая интерпретация. Судя по результатам опросов, для университетских людей данный памятник является деперсонифицированным, собирательным образом дореволюционного студента Казанского университета.

Хотя и университетская корпорация, и местные власти стремились гармонизировать архитектурные отношения университета и города, его облик продолжал контрастировать с окружавшим его ландшафтом. Контраст был особенно заметен тем студентам, что проживали на городских окраинах. По воспоминаниям студента историко-филологического факультета второй половины 1950-х годов, *«весь университетский городок разительно отличался от улиц и домов моего местожительства: здесь – старинные красивые здания и улицы, вызывающие воспоминания об исторических событиях в Казани, навеянные прочитанными книгами, радиопередачами, рассказами родителей... А у себя – отдельные невыразительные дома социалистической постройки среди*

Химический корпус. 1954 г.

деревянных частных домов с палисадниками, деревенская часть города, где с наступлением темноты ходят ночные сторожа с колотушками, извещая барабанного типа звуками жителей о том, что они на страже и стерегут их покой и безопасность. А по утрам и вечерам фабричные гудки извещают рабочий люд о начале или конце рабочего дня. Полный контраст»[129].

«Ленинский» университет в пространстве советского города: 1970 – 1980-е годы. В 1970-е годы университет значительно разросся. В 1966 г. правительство приняло решение финансировать строительство учебно-лабораторных корпусов, студенческих общежитий и жилого дома для сотрудников[130]. Теперь предстояло решить, где строить и как. Рассматривались два варианта: строительство на территории университетского городка и строительство на берегу реки Казанки за ветеринарным институтом. У каждого варианта были свои плюсы и минусы. В соответствии с первым вариантом не нарушалась целостность университетского пространства, но здесь не было свободных площадей для крупномасштабного строительства. Пускать же близлежащие старые дома по ул. Университетской под снос (что, кстати говоря, было успешно и без всякого ущерба для города осуществлено на рубеже 1990 – 2000-х годов) городские власти не планировали. Поэтому неизбежным следствием такого варианта являлось высотное строительство.

По второму плану университет получал под строительство большую территорию, но оказывался разбитым на части. Его перемещение за городскую черту неизбежно влекло за собой создание инфраструктуры. А это требовало боль-

[129] Интервью с Ш.А.Гайфуллиным.

[130] Королев В.С., Жигунин В.Д. Указ. соч. С. 294 – 296.

Главный корпус. 1950-е гг.

ших затрат. Кроме того, создавался прецедент вытеснения университета из городского центра. А в то время уже проявились негативные последствия строительства новых корпусов Ленинградского университета в Старом Петергофе и корпусов Московского университета на Ленинских горах. Поэтому в Казани решили строить корпуса в непосредственной близости от главного здания. Коллектив архитекторов и инженеров под руководством В.П.Бондаренко и О.А.Кашинцевой разработал проект застройки университетской площади перед главным корпусом. К 100-летию со дня рождения В.И.Ленина приурочивалось строительство 14-этажного учебно-лабораторного корпуса физического факультета по ул. Ленина (Кремлевская), 16, сданного в эксплуатацию в 1973 г. В то время это было самое большое учебное здание в городе: его полезная площадь составляла 13300 м^2 и была рассчитана на одновременное пребывание в нем 1500 человек. Здесь разместились физический и отчасти – механико-математический факультеты.

Принимая во внимание современные для того времени градостроительные требования, проектировщики пытались вписать высотку в ансамбль университетских строений XIX в. Для этого, во-первых, она была отодвинута вглубь квартала и зрительно выпадала из старого архитектурного университетского ансамбля. Во-вторых, под стать зданиям университета стеновые панели физического корпуса были белого цвета с добавлением мраморной крошки и слюды. Высотный корпус украсил город и обогатил его силуэт. И вместе с тем, он усилил эклектичность университетского городка. Многоэтажное здание возвышалось над соседними строениями, как великан над лилипутами, и подавляло своей громоздкостью все вокруг.

Стройка высотного корпуса университета. 1970-е гг.

Оно перестало выглядеть столь одиноким, когда в 1978 г. обрело своего высотного двойника – 20-этажный корпус с примыкающей к нему библиотекой. В проектной документации это здание проходило, как гуманитарный корпус, хотя уже в момент открытия здесь, наряду с историческим и филологическим факультетами разместился целый ряд негуманитарных факультетов, в частности, механико-математический, вычислительной математики и кибернетики и географический. Кстати, как рассказывают очевидцы, вопрос о высотном строительстве данного корпуса породил немало разногласий среди университетского и республиканского руководства. Долго сомневались, что будет лучше – «поставить» корпус или «положить». Наконец, решение было принято в пользу «поставить»[131].

Студентки на строительстве университетских высоток. 1979 гг.

Появление высотных корпусов стало событием не только в жизни университета, но и города. Современники вспоминают, как они радовались переезду. Здесь было светло, удобно, просторно. Университетских людей окружала новая, современная мебель. Всех поражал великолепный вид из окон верхних этажей. И сегодня гости Казани просят отвести их туда, чтобы взглянуть на город с высоты птичьего полета. Ощущение комфорта создавали финского производства лифты. В те годы люди не были избалованы техническими новинками.

Всех восхищал библиотечный корпус. Для людей, привыкших к тесноте старой библиотеки,

[131] Из беседы с Р.Г.Кашафутдиновым.

где в каталоге была вечная толкотня и трудно было пробиться к нужному ящику, где в читальных залах вечно не хватало мест и занять их удавалось лишь придя к открытию, где даже гардероб всегда был переполнен и некуда было повесить пальто, новые читальные залы казались чем-то фантастическим. Современники вспоминали, что их друзья и знакомые завидовали их возможности работать в 20-этажном корпусе и просились на экскурсию по новому зданию. Высотки кардинально изменили городской ландшафт. В.Трофименко писал:

> Штрих далеко не пустяковый
> И удивительного нет,
> Что отовсюду виден новый
> Казанский университет[132].

На строительстве университетских корпусов

Оформление пространства новой университетской площади завершилось введением в строй в 1989 г. здания культурно-спортивного комплекса УНИКС (архитектор В.П.Скачков и др.). Он включает 9 спортивных и 2 зрелищных зала (большой на 1000 и малый на 450 мест). С началом его функционирования университет стал центром культурной и спортивной жизни города. В отличие от высотных корпусов, архитектура фасада УНИКСа построена на спокойном ритме лаконичных объемов, что позволяло сохранить исторически сложившийся масштаб площади.

Ряд университетских объектов в этот период все же были выведены за пределы университетского городка. Так, в 1970 г. было построено здание Вычислительного центра на пересечении Сибирского тракта и ул.Попова, где разместился НИИММ им. Н.Г.Чеботарева. Но в начале 1980-х годов руководство университета добилось его обмена на «старую клинику», принадлежавшую медицинскому институту[133].

К прежним общежитиям в 1957 г. университет добавил еще одно – на 800 мест. Оно также расположилось на Красной Позиции. Его строительство было осуществлено за рекордно короткий срок – три летних месяца. По воспоминаниям современницы, студенческий начальник строительства Алексей Кондратьев «наводил ужас на строителей-профессионалов, так как раздобывал всеми средствами стройматериалы. *«Мы боялись его, как огня,* – рассказывал один инженер, – *бывало, как только увидим его в окне, идущего к нам, прятались кто куда. Ведь если мы ему не дадим что-нибудь, он до обко-*

[132] Трофименко В. Сходка // Студенческий меридиан. 1978. № 12. С. 11.
[133] Королев В.С., Жигунин В.Д. Указ. соч. С. 294.

Возведение второго учебного корпуса. 1970-е гг.

ма партии дойдет». Студентам так хотелось обрести жилье, что работали даже по выходным. *«...Прораб стройки, желая, чтобы они [студенты] хоть немного передохнули, инструменты закрывал на замок на втором этаже. Тогда, став друг другу на плечи, студенты влезали в окно и доставали их»*[134]. Осенью общежитие было готово. Назвали его «Комсомольским». Студенты сами распределяли комнаты в нем и руководили его жизнью. А в 1970-е годы рядом с ним выросли еще два, теперь уже 9-этажных общежития. Все вместе они составили единую студенческую зону, наличие которой и сегодня оказывает воздействие на ближайшее городское окружение. Вокруг нее выросло множество круглосуточных магазинчиков, кафе, баров, пунктов проката и прочее. Движение городского транспорта между учебными корпусами университета и его студенческими общежитиями окрашено стихией молодости, смеха, проказ. Жизнь общежитий – это жизнь молодежной части университетской корпорации во внеучебное время. Здесь проводились общественные мероприятия и празднования, предназначенные для всех студентов. Ее особым стилем окрашены воспоминания выпускников о собственном студенческом бытии.

А для преподавательского состава университета огромным событием стала сдача в апреле 1968 г. первого 100-квартирного жилого дома по ул.Галеева. Это был уникальный опыт. Его строили своими руками, доставая стройматериалы, оформляя документацию, убеждая министерство выделить под него финансирование. Удаленность дома от университетского административного и учебного центра не омрачила радости обладателей новеньких квартир. До сих пор это единственный и удачный случай совместного проживания университетских семей. В последующем университет предо-

[134] Тефанова Т.А. А путь и далек и долог// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10095, л. 24.

ставлял своим людям отдельные квартиры в городских («межвузовских») домах (по ул. Чехова, Чуйкова, на ул. Чистопольской). В целом же, в Казани нет места локального проживания университетской корпорации.

Большие планы по переустройству университета предусматривались на 1980-е годы. Тогда предполагалось возвести химико-биологический корпус (между улицами Ленина, Дзержинского и Лобачевского), пристроить восточный флигель к главному зданию, реконструировать южную сторону университетского двора (снести пристрой к библиотечному корпусу и, как встарь, колоннадой соединить здание анатомического театра с библиотечным корпусом и химическим институтом). Напротив центральной части дворового фасада главного здания, перед анатомическим театром, где когда-то стоял памятник Г.Р.Державину, планировалось установить монумент.

Но глубокий политический и экономический кризис, парализовавший страну, губительно отразился на Казанском университете. Финансирование высшей школы сократилось в несколько раз. Университетское строительство заглохло, университетские корпуса медленно, но верно разрушались. К счастью, с середины 1990-х годов положение начало меняться к лучшему.

23 ноября 2002 г. был вырыт первый кубометр грунта под фундамент восточного крыла главного корпуса. При площади в 5400 м², оно рассчитано на 411 учебных мест. Ныне здесь размещен биолого-почвенный факультет университета. Зимой 2004 г. началась реконструкция главного корпуса. Финансировалось строительство из федерального бюджета России. Генеральный проектировщик – ЗАО Казанский Гипроинавиапром, генподрядчик – Ленинградская фирма «Ренессанс констракшн», которая вела строительство Санкт-Петербургского университета. Работа по реконструкции и ремонту университетских корпусов привела к восстановлению уни-

Университетское общежитие по улице Красная Позиция. 1957 г.

Университетское общежитие по улице Аделя Кутуя. 1979 г.

Физический корпус

УНИКС. Фото 2004 г.

кального памятника русской архитектуры XIX в. – ансамбля Казанского университета.

То пространство, в котором живет сегодня университетская культура в Казани, многослойно. В нем отложились следы многих идей о назначении университета: хранитель истины, храм науки, источник мудрости, высшая школа, кузница кадров, государственное учреждение, носитель прогресса, сокровищница традиций... Они воплотились в разных архитектурных формах – классицизме, позднем классицизме, эклектике, конструктивизме, «сталинском» ампире и модерне.

Основу университетского комплекса составляет ансамбль, созданный по проекту Пятницкого в 1830-е годы. В сознании университетского человека и сегодня внешний облик университета олицетворяется классическими постройками XIX в., а не высотками и не новыми архитектурными конструкциями. «Непреходящая историчность» университета является предметом законной гордости его обитателей и эта «историчность», по их мнению, придает особую красоту и благородство облику Казани. *«Университетский городок вызывал у меня гордость за свой город как за исторический центр»*, *«Здания университета поражали своей монументальностью, чистотой и красотой*, – признаются студенты разных выпусков. – *Мне всегда нравилось ходить по улице Ленина, любоваться строгими колоннами главного здания. От университета веяло стариной – аж дух захватывало!»*[135]. *«Мое первое впечатление, навсегда оставшееся в памяти (было это во время школьной экскурсии по ленинским местам) – впечатление величественности и торжественности, так контрастирующей с бездушными пространствами и коробками домов района, где я жил. Уже сам вестибюль с непривычно изогнутыми, нависающими сводами и узкими коридорами, таинственно уходящими*

[135] Интервью с В.К.Вырупаевым.

Реконструкция главного здания. Лето 2004 г.

куда-то влево и вправо, напомнил мне вид изнутри то ли средневековых замков, то ли храмов, знакомых по историческим фильмам и иллюстрациям в книгах»[136].

Университет и поныне декларируется жителями Казани как эстетическая жемчужина города. «*Основное ядро университетского комплекса,* – сообщает путеводитель, – *представляет целостный архитектурный ансамбль, созданный в духе русского классицизма 20 – 30-х годов XIX в. Высокохудожественность, стилевое и композиционное единство, градостроительная значимость ставят университетский ансамбль в один ряд с наиболее выдающимися памятниками русского зодчества*»[137]. Но эта декларация имеет сейчас оттенок архаичности. Об университетском комплексе говорится как о прекрасном «прошлом, которое мы потеряли». «*Казанский университет,* – писала историк архитектуры Н.А.Евсина, – *с его великолепным главным корпусом, дворовыми постройками и зданием клиник на другой стороне улицы, являлся лучшим университетским комплексом прошлого столетия*»[138]. Это так, если рассматривать университет лишь как мемориальную зону. Но он живой растущий организм, впитывающий в процессе роста веяния времен.

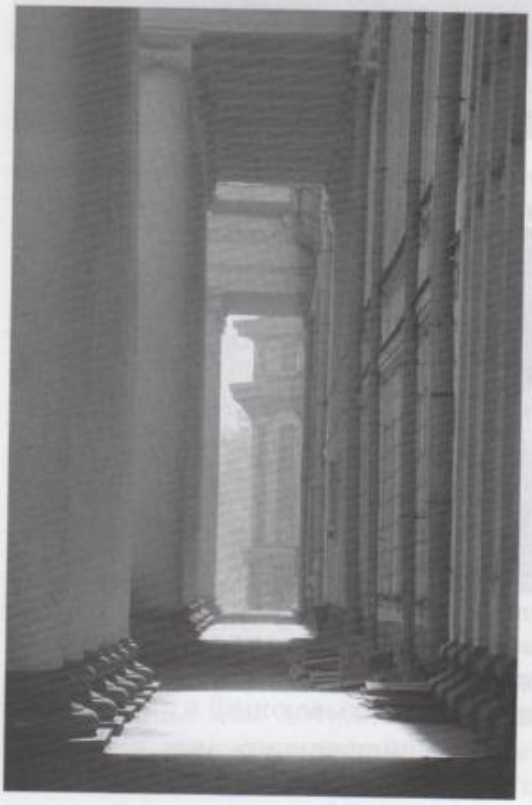
[136] Интервью с Ш.А.Гайфуллиным.
[137] Казань в памятниках истории и культуры. Казань, 1982. С. 169 – 170.
[138] Евсина Н.А. Здания Казанского университета// Памятники культуры: исследование и реставрация. М.; Л., 1963. Вып.4. С. 127.

Восточное крыло главного здания.
Фото 2004 г.

Интерьер восточного крыла .
Фото 2004 г.

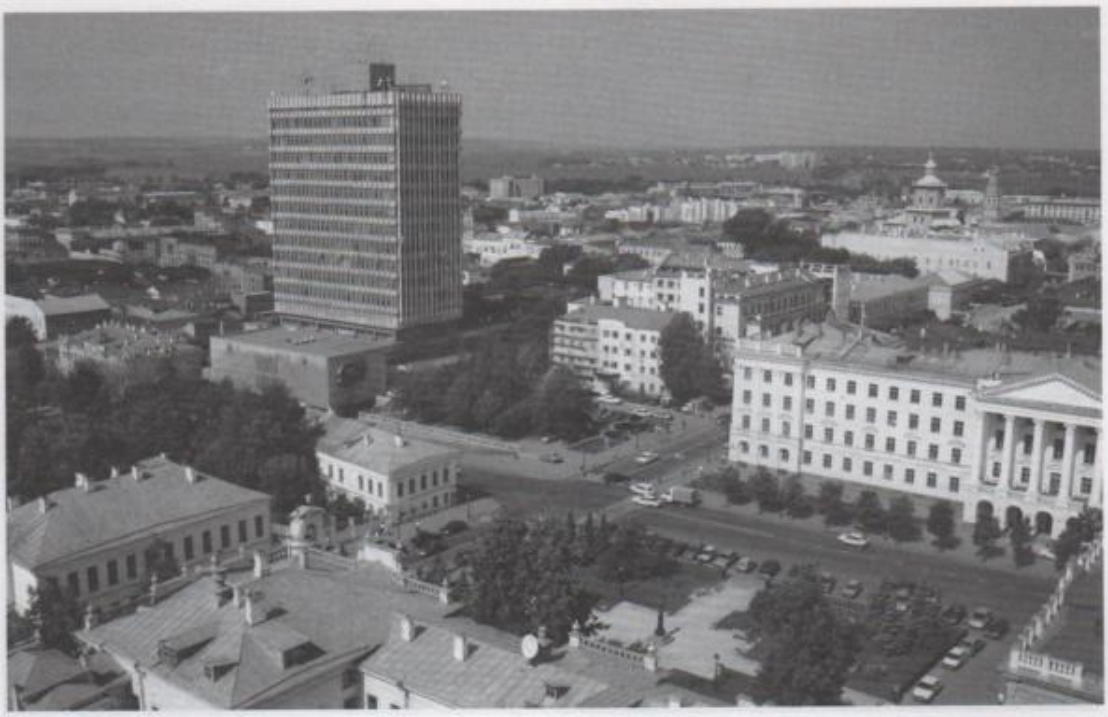
Колоннада главного корпуса.
Фото 2004 г.

Важно, что в историческом процессе пространственного расширения Казанский университет сохранил свое единство. По крайней мере, в отличие от Московского и Петербургского университетов, в Казани не произошло территориального деления на гуманитарные и естественные факультеты.

И в отличие от Харьковского университета Казанский сохранил свое историческое место в центре города. Наверное, в будущем появятся новые идеи о культурном, государственном, цивилизационном назначении университета, и Казань примет их новое воплощение в камне, бетоне, стекле и прочих материалах. Но, дай Бог ему сберечь себя как универсум.

Благодаря высокой культуре, символической насыщенности, архитектурному своеобразию, внутренней автономии университет оказал большое влияние на градостроительные принципы губернской Казани. А в сложных взаимоотношениях «университет – город» в XX в. был найден некий компромисс. Университет оказался «вписанным» в ландшафт социалистической Казани, а городское пространство расписано университетскими понятиями и символами. Как будут развиваться эти отношения дальше, покажет жизнь. Ясно лишь одно: университет настолько широко и столь глубоко пророс в теле Казани, что с десятилетиями образовалась единая зона их жизнедеятельности. И сегодня эта зона столь обширна и столь жизненно важна для обоих, что их рассечение на два автономных организма, даже чисто теоретически, невозможно. Поэтому развитие города и университета может идти только во взаимосвязи: кризис одного будет неизменно порождать кризисные явления другого.

Сейчас университет если не физически, то духовно занимает тот квартал, который предназначался ему в момент его учреждения. Место, что не было ему продано домовладельцем Паповым, ныне занял университетский сквер им. Н.И.Лобачевского – место

Панорама с крыши второго высотного корпуса. Фото 2004 г.

встреч и отдыха университетских людей. Участок земли, который в XIX в. университет не смог откупить у Молоствова, ныне занят Национальной библиотекой РТ, которую университетские люди считают «своей». Родственным учреждением для университета является и Академия наук Татарстана, разместившаяся в университетском квартале, в бывшем здании Ксенинской гимназии и пристроенном к ней флигеле: многие сотрудники Академии являются одновременно университетскими преподавателями.

Библиотечный корпус. Фото 2004 г.

Вид на университет с улицы Пушкина. Фото 2004 г.

Университетский городок Казани сегодня — это архитектурно-мемориальная зона. Только зона не законсервированная, а живая и развивающаяся. В ней заинтересованный взгляд легко выхватит яркие образцы архитектуры московского барокко (здание геологического факультета), стилизованный под античные мотивы классический ансамбль (анатомический театр, обсерватория, главный корпус, «старая» библиотека, Бутлеровский институт), строения в духе позднего классицизма («старая» клиника), образец «сталинского ампира» (химический корпус), яркие примеры советского конструктивизма 1970-х годов (высотки физического и гуманитарного корпусов), кубические конструкции 1980-х годов (здание УНИКСа). При всем

Университетский двор после реконструкции. Фото 2004 г.

том, университетский квартал остается одной из наиболее динамично развивающихся городских зон. Ныне идет активное освоение склонов прежнего Воскресенского увала. На нем возводятся жилые дома, а со стороны Театральной площади бывший увал окаймило полукруглое здание ресторана.

Университет — организм, удивительно приспособляемый к реалиям жизни. Он адекватен ей, он реагирует на ее изменения. И это отражается в его внешнем и внутреннем облике. Казанский университет не закостенел в своих исторических формах. Он впитал и сохранил архитектурное наследие двух веков отечественной истории. И это наследие живое, оказывающее свое влияние как на университетскую, так и на городскую культуру.

Глава 2

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КОРПОРАЦИЯ

В европейском Средневековье понятие «Universitas» обозначало просто корпорацию. Университет, действительно, формировался не как учреждение, а как объединение интеллектуалов, и, складываясь как таковой, он использовал организационный опыт своих современников – ремесленных цехов и монашеских орденов. Подобно цеху университет объединял мастеров, подмастерьев и учеников. Одновременно строй университетской жизни воспроизводил процедуры и традиции средневековых монашеских орденов.

Университетский человек неизменно опирался на опыт предшественников и апеллировал к грядущим последователям, брал на себя роль посредника между прошлым и будущим. О сакральности его ремесла и сегодня напоминают кафедры, с которых он, как и столетия назад, проповедует, учит, наставляет. Процесс «наследования» – научного, духовного, морально-этического – занимает особое место в университетской жизни. И по сей день, при всех новшествах информационных и образовательных технологий в университете основной остается наиболее древняя форма передачи знания – «лицом к лицу», от учителя к ученику. Поэтому в организации корпорации сильны неформальные связи, а отношения между людьми напоминают большую патриархальную семью с разветвленными родственными отношениями. Эта семья может быть большой или малой, дружной или конфликтной, но все же это объединение родственных душ.

Первые средневековые корпорации интеллектуалов-мирян создавались для защиты от чужаков, в том числе от магистров, которые в обход установленных в университете процедур покупали ученые степени у церковных иерархов. Чтобы не допустить дискредитации привилегированного статуса ученого человека, прошедшие обучение и ставшие учителями интеллектуалы давали друг другу клятву «университета магистров и студентов». И первое, за что бралась корпорация, так это за введение правил преподавания и за присуждение степеней. Она отстаивала их незыблемость, организовывала корпоративный суд. Все эти формы университетской жизни Казанский университет получил вместе с Уставом 1804 г. Его первый параграф гласил: «Императорский Казанский университет есть высшее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное»[1].

Поскольку съезжавшиеся из разных земель средневековой Европы студиозусы часто становились жертвами нападений городских и деревенских парней, бродячих шаек разбойников, то довольно скоро в университетах возникли студенческие объединения – сначала «нации», созданные по языковому признаку, затем землячества, объединявшие учащихся юношей – земляков. Эти объединения выработали формы выживания – добивались от властей права носить оружие, занимались фехтованием, отвоевывали у города корчмы, договаривались о единстве костюма или иных опознавательных знаках, формировали этику университетских отношений.

С современной точки зрения, университетская система Средневековья не была эффективной: дипломы получали единицы, а уровень научной подготовки был ниже, чем в монастырских школах. Но это не снижало социальной привлекательности университета для современников. Он был притягателен тем, что признавался «высшей», или «всеобщей», школой для всей Европы. Несмотря на различия в условиях существования, университеты Средневековья создали единую систему со схожими принципами организации, однотипными программами преподавания, общими требованиями к

[1] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1: Царствование императора Александра I. 1802 – 1825. 2-е изд. СПб., 1875. С. 295.

обучающим и обучающимся, с единой системой научных степеней. И главное состояло в том, что степень, присужденная любым из них, даже самым маленьким и слабым, признавалась во всем христианском мире.[2]

Другим важным свойством университетской степени в те времена была ее принципиальная общедоступность. Она снимала социальные различия среди интеллектуалов. Университетский человек ценился не по происхождению, не по физическим данным, не по возрасту или сану, а по интеллектуальным способностям. Этот основополагающий принцип университетской культуры был, насколько это позволяли местные условия, воспроизведен и в России.[3]

На формирование университетской корпорации повлияли многие факторы: восприятие университета в обществе, изменчивые принципы выбора заведения для обучения детей и для службы университетских выпускников. Воздействие оказывали также интересы государства в деле образования. Но еще большее влияние на формирующуюся корпорацию оказывало представление об идеальных учащихся и учащих, принятые в данный момент нормы поведения университетского человека, ожидания студентов и преподавателей. Ведь именно по этим критериям отбирались будущие студенты и принимались решения об избрании кандидата в члены университетского сообщества.

Идеальный и негативный образы профессора присутствуют в мемуарах бывших воспитанников университета. Рассказывая о любимых педагогах, выпускники создавали некий собирательный портрет университетского кумира. Преподаватели же вспоминали о своих питомцах в мемуарах редко, но образы студентов запечатлены в других источниках: протоколах заседаний ученого совета, инспекторских журналах, фиксирующих казусы студенческой жизни. Сопоставив образы студента и преподавателя, мы получим картину ожиданий и разочарований, надежд и радости обретения учителей и их воспитанников.

* * *

[2] Studentische Verbindungen in Frankfurt am Main: Ausstellung im Juni 1986/ Helma Brunck. Historisches Museum, Kelkheim: Kunz, 1986. S. 21 – 22.

[3] О европейских традициях в университетской культуре императорской России см.: Уваров П.Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе. М., 2000; он же. Российская гастроль университетской идеи// Вопросы философии. 1998. № 11; он же. Университеты и идея европейской общности// Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1993; он же. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков»)// Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып.7.

Преподаватели. Современные люди редко задумываются над тем, чем порождено влечение интеллектуалов в стены университета, желание институтов называться университетами, стремление политиков обрести университетскую научную степень. Мы просто привычно констатируем наличие университетской социальной магии. Иной была ситуация вокруг университета в начале XIX в., когда привлекательность университетских степеней, равно как и образования, не была столь очевидной для современников. Убеждение в «ценности« университетов складывалось десятилетиями, и не последнюю роль в данном процессе играли дарованные им государственной властью привилегии. Главной из них было то, что, подобно своим европейским собратьям, российские университеты с самого начала получили право присваивать ученые степени, которые признавались по всей империи и соответствовали чинам «Табели о рангах». В результате студент, успешно окончивший университет, принимался на службу с 14-м чином коллежского регистратора. Это был низший чин, но о нем мечтали все канцелярские чиновники недворянского происхождения – ведь поступающий на службу разночинец должен был отслужить несколько лет, прежде чем ему мог быть пожалован первый классный чин.

За кандидатскую степень, соответствующую современному диплому с отличием, выпускник получал 12-й чин (губернский секретарь) и, тем самым, становился личным дворянином. Защитив магистерскую диссертацию, близкую к нынешней кандидатской, человек обретал 9-й чин – титулярного советника. А получив степень доктора наук, он автоматически становился коллежским асессором в 8-м чине. Этот уровень бюрократической иерархии давал права потомственного дворянства. В административном плане соотношение должности и чина распределялось следующим образом: магистр имел 9-й класс, адъюнкт и экстраординарный профессор – 8-й, ординарный – 7-й, а ректор получал 4-й класс «Табели о рангах«[4]. Прослуживший 25 лет профессор удо-

[4] Утвердительная грамота Императорского Казанского университета// Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1: Царствование императора Александра I. С. 288.

Е. В. Врангель. 1810-е гг.

стаивался звания «заслуженного». В 1822 г. император утвердил новые привилегии для университетских людей. Отныне выпускник университета сразу получал преимущества дворянина. Он принимался на службу в 12-м чине, а отличившемуся в поведении и научных успехах студенту-кандидату присуждался сразу 10-й[5]. С 1832 г. университетский диплом давал его обладателю право выйти из податного сословия.

Университетская карьера позволяла обрести социальные права и привилегированный статус за личные заслуги и интеллектуальный капитал. Таким образом, наряду с бюрократической и военной лестницей в Российской империи была создана еще одна лестница социального восхождения – научная. Университет давал шанс даже самым бедным людям подняться, изменить траекторию своей судьбы[6].

Впрочем, осознание новых возможностей пришло к современникам не сразу. К тому же воспользоваться ими мог довольно ограниченный круг образованных лиц. Проблема набора студентов и кадров на преподавательские места была актуальной для Казанского университета на протяжении всего имперского периода его жизни.

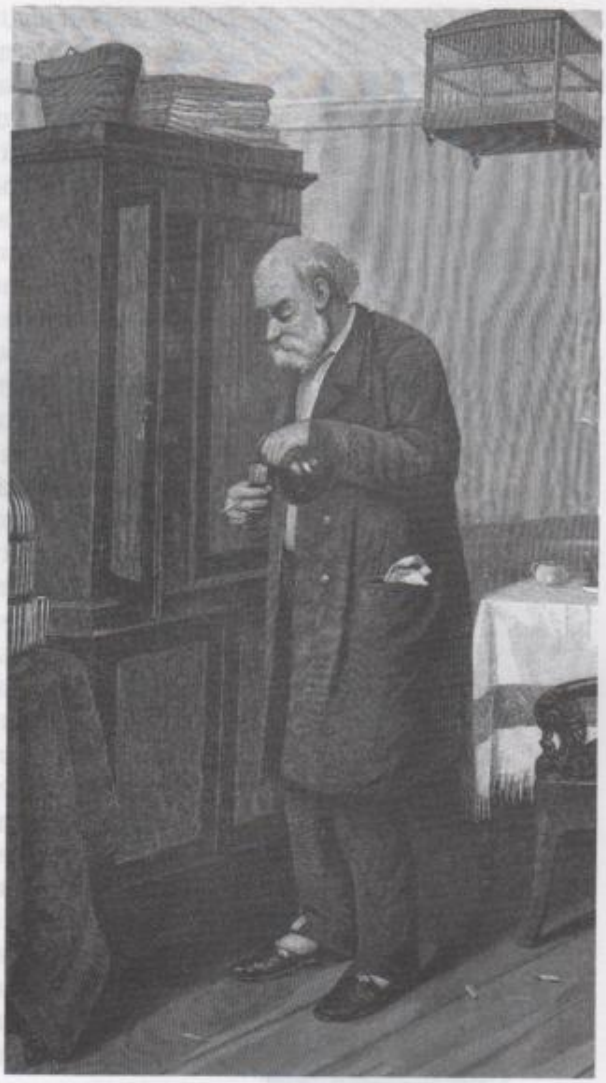
Поначалу университету полагалось иметь четыре отделения, или факультета: отделение нравственных и политических наук; словесных наук; физических и математических наук; врачебных и медицинских наук. Преподавательский корпус состоял из 64 человек: 28 профессоров, 12 адъюнктов, 12 магистров и 12 готовившихся к преподавательской деятельности студентов-кандидатов. По Уставу 1835 г. во всех университетах вместо четырех отделений было организовано три факультета: юридический, медицинский и философский (из двух отделений: словесного и естественного). Количество кафедр и, соответственно, профессоров было увеличено до 39, а число адъюнктов сокращено до 8.

Одновременно с этим, правительство потребовало повысить уровень подготовленности профессорско-преподавательского состава. Чтобы занять вакантную должность на кафедре, претендент должен был принять участие в конкурсе. Для этого он представлял свидетельства о происхождении и состоянии, диплом доктора или магистра, изданный или рукописный труд по

[5] РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 9, л. 2.

[6] В студенческой среде героями нередко были те, кто пришел в университет в лаптях и благодаря своим способностям и усердию смог выкарабкаться из социальных низов. «*Зачем ты не подражаешь тем беднякам, которые, подобно тебе, стеснены обстоятельствами?* – спрашивал герой воспоминаний Воронова своего отчаявшегося сокурсника. – *Посмотри: вот одни из них согнулись, зачахли под этим гнетом, но все идут вперед и вперед, все выбиваются и выбиваются из этого омута, и выбьются, непременно выбьются... Вот это люди, вот это характеры, вот это энергия!*» (Воронов М.А. Из воспоминаний// Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. СПб., 1904. С. 94).

предмету искомой кафедры, ученые труды, по которым приобретена степень, и составленные программы курса. В отличие от Александровской эпохи, в правление Николая I при отборе кандидата на место преподавателя предпочтение отдавалось отечественным специалистам, но, чтобы тем самым не снизить профессиональный уровень ученого сословия, власти финансировали стажировки российских воспитанников в прославленных западноевропейских научно – учебных центрах.

Старый профессор

Учитывая опыт университетской жизни предшествующих десятилетий, правительство требовало от университетских советов реальной ротации кадров, освобождения корпорации от лиц преклонного возраста. Отслужив 25 лет, профессор получал звание «заслуженного» и автоматически увольнялся из университета. В таком случае объявлялся конкурс на замещение вакантного места, и уволенный по выслуге лет профессор имел право принять в нем участие вместе с остальными претендентами. Вторичное избрание имело ограничения в сроке – 5 лет. Потом вопрос о разрешении «заслуженному профессору» заниматься преподаванием решал уже министр. Время от времени секретными предписаниями министерство требовало от казанского попечителя «заменить устарелых и отсталых преподавателей» подающей надежды молодежью[7].

Но где было ее взять? Поскольку преподавателей в Казанском университете всегда не хватало, профессора служили в нем до тех пор, пока могли ходить на службу. Кроме того, здесь широко практиковалось замещение двух – трех кафедр одним преподавателем. Особенно острое положение с научными и преподавательскими кадрами сложилось в 1840 – 1850-е годы, вследствие «столичноцентристской» политики министра народного просвещения С.С.Уварова, стянувшего в Москву и Петербург лучших педагогов страны. Выделяющиеся исследовательскими способностями и лекторским мастерством молодые люди получали приглашение занять профессорское место в столичном университете, что, безусловно, положительно сказывалось на их научной карьере и материальном положении, но подрывало университетские корпорации провинциальных университетов империи.

[7] РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 74, л. 23.

Ф. К. Броннер. 1810-е гг.

Х. Д. Френ. 1810-е гг.

К середине века Казанский университет испытывал острый дефицит в педагогах. Без притока молодых ученых его корпорация «старела» и слабела в научном отношении. В 1864 г., при потребности в 90 педагогов, в университете работало чуть более 30[8]. Кафедры многих факультетов были вакантными или замещались одним преподавателем[9].

По Уставу 1863 г. во всех университетах империи были восстановлены четыре факультета: физико-математический, юридический, историко-филологический и медицинский. Общее число кафедр возросло до 57. Наряду со званиями заслуженного, ординарного и экстраординарного профессоров было введено звание приват-доцента. Обладатели данного звания не были штатными сотрудниками университета и читали курсы лекций «в параллель» с профессорами, составляя, таким образом, конкуренцию штатным членам корпорации. В эти годы, не отказываясь от практики зарубежного стипендиатства, правительство взяло курс на подготовку будущих профессоров при российских университетах. В результате была создана аспирантура с «профессорскими стипендиатами».

В 1860-е годы проблему вакансий Казань пыталась решить за счет приглашения воспитанников и известных ученых из других университетских городов, а также предлагая вакансии выпускникам Духовной академии[10]. Но, тем не менее, вплоть до появления Устава 1884 г. обеспечить все дисциплины квалифицированными педагогами университету так и не удалось. В 1883 г. в штате Казанского университета состоял 81 преподаватель, соответственно, 10 кафедр оставались свободными.

Новый устав увеличил количество университетских кафедр на три, т.е. довел до 60. Тогда же Александр III утвердил корпоративные права приват-доцентов, разрешив им участвовать в профессорском совете. В результате в университете произошло изменение соотношения штатных и сверхштатных педагогов, был снижен дефицит преподавателей по целому ряду дисциплин. Вместе с тем Устав 1884 г. ужесточил требования к кандидатам на преподавательские вакансии. Если раньше «лица, неизвестные своим преподаванием», могли занять преподавательское место после прочтения двух пробных лекций, то теперь способность к преподавательской деятельности надо было доказывать трехлетней службой в звании приват-доцента[11].

---

[8] Астафьев В.В. Между двух университетских уставов: 1863 –1883 гг.// Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 81.

[9] Л.О. [Лаврский К.]. Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов// Былое из университетской жизни. С. 222.

[10] Хасанова С.И. Правительственная политика в области высшего образования и формирование интеллигенции в России (60 – 90-е годы XIX в.): Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1982.

[11] Хакимова А.С. Казанский университет в 80 – 90-е гг. XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1997. С. 141.

К началу 1886/87 учебного года, когда новый устав был внедрен в жизнь, число преподавателей в Казани составило 93 человека: из них 60 были профессорами и 28 приват-доцентами. Через 10 лет численность преподавательской корпорации увеличилась до 116 человек (69 профессоров и 42 – приват-доцента).[12]

К. Ф. Фукс. 1810-е гг.

В начале XX в. преподавательские корпорации всех российских университетов жили под оппозиционным прессингом революционного студенчества. Госпожа «Политика» все навязчивее вторгалась в университетскую жизнь, наводя в ней свой порядок, диктуя свои условия. Обсуждая на заседании Государственной Думы вопрос о механизме обновления профессорской корпорации, П.Н.Милюков уверял собравшихся, что доцентура – это единственное средство от замкнутости, «кумовства» и застоя профессорской среды. В ответ его оппонент В.М.Пуришкевич напомнил коллеге, что в конкурентной борьбе доценты сплошь и рядом противопоставляют профессорам не научную активность, а игру на политических пристрастиях слушателей. В результате их лекции превращаются в агитационные выступления и собирают толпы людей. *«Разве события последних лет в стенах русского университета вам не показали,* – обращался Пуришкевич к «думцам», – *как гг. студенты топтали в грязь самые чистые, самые светлые научные имена только за то, что эти имена сплошь и рядом не шли по тем путям, на которые толкало их революционное студенчество?»*[13]. Через эти кризисы прошло и казанское университетское сообщество. Но хотя увольнения по политическим мотивам стали в те годы обыденным явлением в университетской среде, корпорация стремительно разрасталась. В 1911 г. профессорско-преподавательский корпус Казанского университета состоял из 261 человека: из них 69 были профессорами и 52 доцентами[14]. Эти данные свидетельствовали о росте общественной потребности в университетских образовательных услугах.

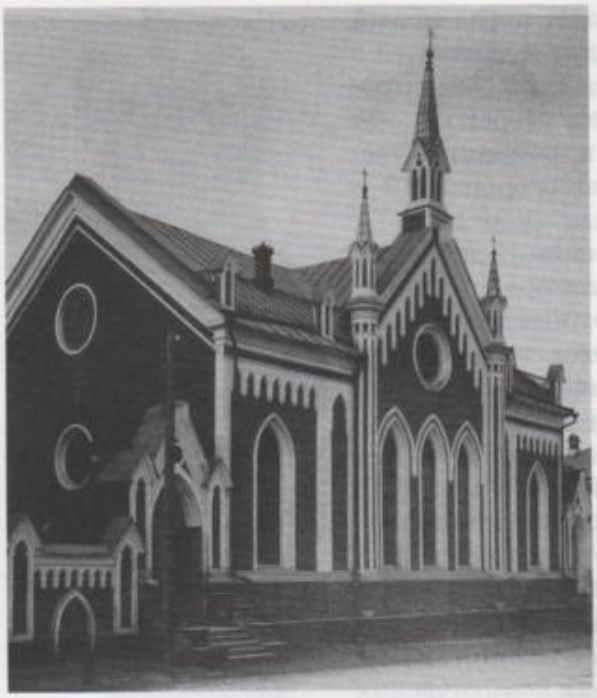

М. Ф. Бартельс. 1810-е гг.

На протяжении всей своей истории корпорация Казанского университета была полиэтничной и многоконфессиональной. В момент учреждения ее составили учителя местной гимназии, преподаватели, направленные в Казань из столичных учебных заведений (Медико-хирургической академии, кадетских корпусов), а также ученые, прибывшие из немецких университетов[15]. Тогда соотношение отечественных и зарубежных специалистов было явно в пользу выходцев из Германии. Кроме немцев, в преподавательскую корпорацию Казан-

---

[12] Смыков Ю.И. В конце XIX века: 1884 – 1900 гг.// Очерки истории Казанского университета. С. 106.
[13] Государственная Дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1914. Сессия вторая. Ч.V. Заседания 98 – 11. СПб., 1914. С. 1141.
[14] Смыков Ю.И., Шишкин В.И. Последние годы под двуглавым орлом: 1901 – 1917 гг.// Очерки истории Казанского университета. С. 129.
[15] Ехать в Россию иностранцев побуждали обстоятельства европейской войны и закрытие немецких университетов (см.: Мюльпфордт Г. Система образования в Галле и ее значение для России 1696 – 1831 (ученые, учителя, училища, школьные реформы, книги, дидактика)// Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 168).

Немецкая кирха в Казани

ского императорского университета входили англичане, французы, итальянцы, служившие, как правило, лекторами иностранных языков, учителями музыки, танцев, фехтования[16].

Во второй четверти XIX столетия за университетские кафедры встали питомцы из русских, кроме того, начиная с 1820-х годов, в профессорский совет стали входить польские преподаватели, переведенные в Казанский университет из университета Вильно, затем Варшавы и Киевской медико-хирургической академии. Особенно много поляков и «малороссов» появилось в Казани после упразднения в начале 1840-х годов Виленской медико-хирургической академии, а также после польского восстания 1863 г. За столетие существования местного университета в нем в разные годы прошли службу более 60 поляков[17]. Открытие в 1835 г. Восточного разряда сделало возможным вхождение в университетскую корпорацию представителей «восточных народов». Татары М.Махмутов, И.Хальфин, уроженец Мекки Ахмет-Бен Хусейн, азербайджанец – Казем-Бек, выходцы из Мезендерана (Персия) Ходжа Мир Абуталиб и Мир Моминов, китайский мусульманин Абу-Каримов, армянин С.Назарьянц, бурят Доржи Банзаров и другие стали органичной частью казанской профессуры.

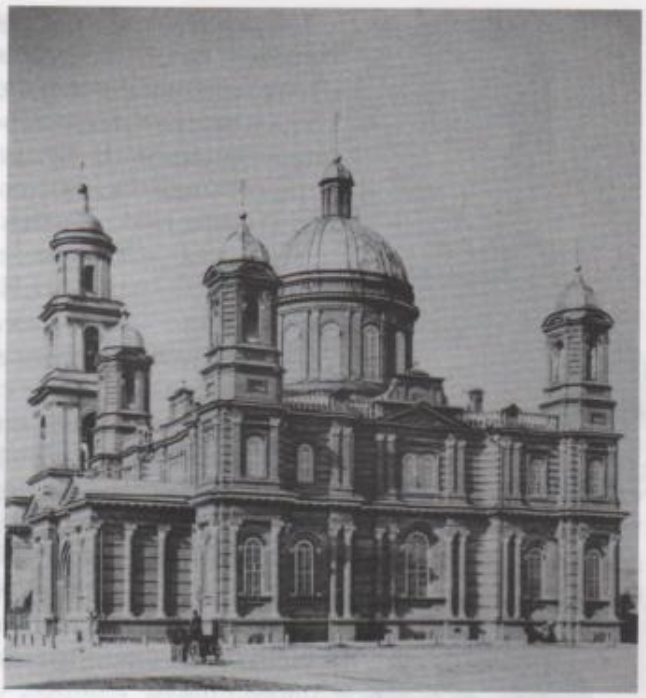
Университетские педагоги исповедовали православие, протестантизм, католицизм, ислам. При этом у нас нет свидетельств о религиозных дискриминациях в университете. Здесь имели место терпимость и известный космополитизм. К тому же более актуальным, чем конфессиональный, для университетской среды был вопрос об отношении просвещенного человека, и особенно ученого, к религии вообще. И если в первой половине столетия современники не видели противоречия в том, что университетский преподаватель был верующим, то в дальнейшем ситуация менялась.

Университетская культура России унаследовала одну из функций европейских школ: наблюдение за благочестием членов корпорации. Поэтому университетская жизнь Казани начала XIX века включала многие события и действия наполненные религиозным смыслом: церковные праздники, чтение духовной литературы, христианскую благотворительность, апелляции к религиозным ценностям, богослужения в честь императора. Эти настроения исследователи увязывают с именем казанского попечителя М.Л.Магницкого (1819 – 1826 гг.). Но так было и до него, и после него. Речь профессора А.Лубкина на торжественном акте 1815 г. была специально посвящена *«Рассуждению о*

[16] Ратнер Ф.Л. Иностранные языки в дореволюционной высшей школе. Казань, 1983; Шанская Т.А. Восприятие французской культуры русским дворянством в первой четверти XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2001.

[17] Шарифжанов И.И. Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете. Казань, 2002.

том, возможно ли нравоучению дать твердое основание независимо от религии»[18]. Лектор заверял собравшихся в том, что без религии нравственность невозможна, что никакая философия и никакие знания ее не образуют. И спустя 20 лет в «Инструкции инспектора студентов Казанского университета» было записано: *«Религия есть тот краеугольный камень, на котором незыблемо зиждется чистая добрая нравственность»*[19].

Воскресенский собор

Университетская администрация усиленно приобщала студентов к церковным обрядам, а инспектор следил за регулярным посещением воспитанниками церкви, проверял их знание молитв. Легко предположить, что, бюрократизируя религиозную жизнь питомцев, власти стремились получить дополнительные рычаги воздействия на души и помыслы молодых людей. Не без того, но примечательно, что, несмотря на православную идеологию Николаевского царствования, в университетских предписаниях речь шла не о православной церкви и даже не о православии, а о религиозности воспитанников вообще.

Все университетские профессора той поры были верующими людьми, и прогрессивно мыслящие ученые не составляли исключения. Вспоминая о знаменитом геометре Н.И.Лобачевском, профессор богословия М.М.Зефиров говорил: *«В отношении религии Н.И. был также своеобычен, как и во всем другом; его воззрения не укладывались в рамки определенного вероисповедания; но могу сказать вполне искренно: христианина такой глубины я более не встречал в своей жизни»*[20]. Свидетельства критического отношения современников к религиозной жизни казанских профессоров содержатся в мемуарах 1870 – 1890-х годов. А это была уже другая культурная эпоха— эпоха, когда в массовом сознании России прогресс стал устойчиво ассоциироваться с секуляризированной культурой и знанием, когда обозначился кризис религиозного сознания русской интеллигенции.

Осознавая университет особым миром, преподаватели искали критерии принадлежности к своей среде, конструировали собственную идентичность. Это был необходимый для становления корпорации, но весьма болезненный процесс. Многочисленные протоколы заседаний университетского совета, письма профессоров и директора к попечителю, дневники и воспоминания раскрывают перипетии и конфликты, сопровождавшие его.

---

[18] НАРТ, ф. 977, оп. «Истфилфак», д. 10, л. 13 об.
[19] РГИА, ф. 733, оп. 41, д. 199, л. 41.
[20] Пономарев П.А. К биографии Н.И.Лобачевского (по неизданному письму и записям со слов современников)// Известия Физико-математического общества при Императорском Казанском университете. Сер.2. Т.17. Казань, 1913.

В письмах друг к другу, в выступлениях на торжественных актах и публичных диспутах, провозглашая тост и забивая последний гвоздь в крышку гроба, университетские люди говорили о своей преданности делу просвещения. В культурных категориях XIX в. она прочитывалась как монашеский обет, послушание, «трудничество». Особенно громко и торжественно университетский идеал звучал в некрологах. В помещенных на смерть Н.И.Лобачевского отзывах говорилось: *«Для него не существовало ничего второстепенного ни в службе, ни в науке; за что ни брался он, все становилось в его глазах предметом первой важности, все делал он с особенным усердием и с глубоким убеждением в пользе своего дела»*[21]. В перечне заслуг и качеств почитаемого профессора на первом месте значились – преданность службе, готовность помочь коллегам, научная эрудиция, лекторский дар, бесстрастность, оригинальность суждений.

Конечно, как в любой семье, в Казанском университете были умные и талантливые преподаватели, которыми гордились; были пьяницы, которых порицали и вместе с тем жалели; были глупые, над которыми смеялись; были пройдохи, от которых либо молча страдали, либо пытались с ними бороться; были больные и старые, о которых заботились. Все эти люди составляли университет, были в нем приняты и терпимы. Избавлялась корпорация лишь от тех, кто разрушал семью, кто раскачивал «семейную лодку» и попирал домашний патриотизм.

Впервые увольнения за некомпетентность, несоответствие этическим нормам воспитателя, игнорирование обязанностей службы, по состоянию здоровья и по идейным соображениям были осуществлены в 1819 г. по результатам ревизии Магницкого. Действия казанского ревизора вызвали тогда возмущение и непонимание у современников, породили у них ощущение вторжения в их дом чуждой и враждебной силы – внешней власти. Да и впоследствии, когда в бюрократических ведомствах практика политических увольнений и квалификационных экспертиз стала привычной, в университете сохранялся патриархальный характер корпоративных связей. В результате, несмотря на указы и постановления правительства, здесь не действовали формальные нормы очищения корпорации. Университетские люди сочувственно относились к слабостям коллег. *«В мои студенческие годы Котельников был уже очень стар,* – вспоминал студент середины 1860-х годов. – *Бывало, мы почтительно давали ему дорогу в университетском коридоре: старец шел уже по стенке, с неизменным красным платком и табакеркой в руке, извиняясь без всякого повода»*[22]. Старики оставались на университетской службе до тех пор, пока могли на нее приходить. Их «прикрывали» молодые и более сильные. Из чувства благодарности, из жалости, из-за страха за собственную старость бывшие ученики брали на себя учебную нагрузку и административные поручения своих престарелых учителей.

---

[21] Попов А.Ф. Воспоминание о службе и трудах профессора Казанского университета Лобачевского// Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1857, Кн. 4. С. 156.
[22] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах// Былое из университетской жизни. С. 256.

И, может быть, именно потому, что корпорация была столь терпима к своим членам, она была столь строга к отбору неофитов. К кандидату на должность преподавателя предъявлялись высокие культурные, профессиональные и этические требования. Во второй половине столетия они стали столь высоки, что нередкими были случаи, когда кандидаты, много лет готовившие себя к преподавательской деятельности, уходили из университета, сочтя себя недостойными этого высокого звания[23].

Жизнь университета побуждала преподавателей заниматься наукой. Рассказывавший о своём исследовательском опыте ученый был интереснее студентам, чем лектор, зачитывавший научный трактат. В течение XIX в. университетская наука превратилась из средства просвещения в самостоятельный инструмент познания и овладения действительностью.

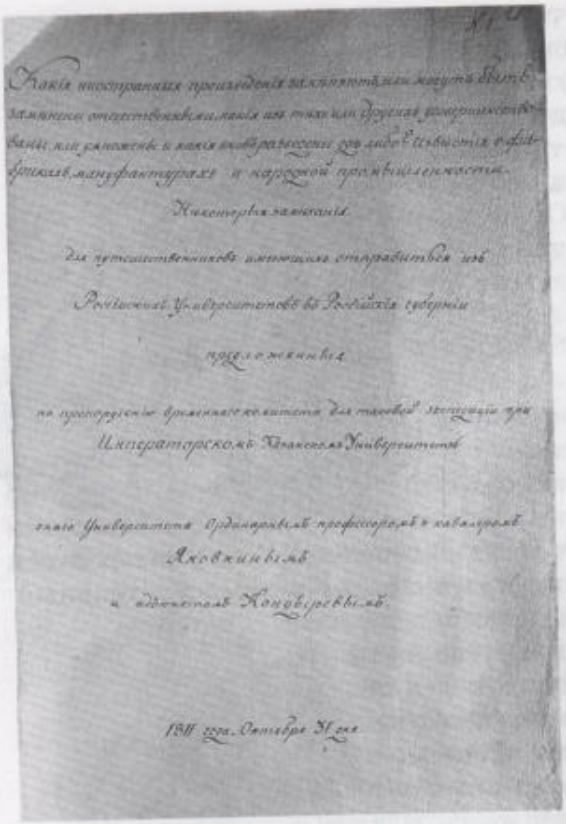

Научный облик казанской профессуры начала века, конечно, сильно отличался от облика поколения профессоров, освобожденных от кураторства над школами округа, от груза хозяйственно-финансовых, административных и, отчасти, воспитательных обязанностей. Эта «разгрузка», а также вхождение в мировой научный процесс, финансирование научных исследований, создание экспериментальной базы способствовали развитию науки в Казанском университете, становлению его научных школ. Постепенно исследовательские способности стали одним из важных критериев принадлежности к корпорации. А в конце XIX столетия научные результаты были непременным требованием, предъявляемым к университетскому человеку.

И, вместе с тем, профессор никогда не был «чистым ученым». Его культурно-психологическое лицо «творили» и сохраняли ученики. Преподаватели присутствовали в студенческих мемуарах как некое окружение главного героя. И, в отличие от «приглаженных» воспоминаний коллег, для студента это окружение не всегда было благоприятным. Так, рассказывая о своем становлении, отставной майор, губернский гласный Н.И.Мамаев называл творцом своей личности только себя и вовсе не был склонен делиться этой заслугой с университетскими наставниками. *«Зная способ преподавания и бездарность некоторых тогдашних профессоров, приходишь к тому заключению*, – писал он об отделении нравственно-политических наук начала 1830-х годов, – *что они скорее способны были убить в зародыше всякую любознательность, чем развить ее»*[24]. Такое свидетельство – исключение. Как правило, в мемуарах оценка преподавателям давалась не в категориях полезности, а в категориях любви. Потому образы университетских наставников

---

[23] Л.О. [Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов. С. 223 – 224.
[24] Мамаев Н.И. Из воспоминаний// Былое из университетской жизни. С. 49.

невсегда были адекватны их реальным личностям. На это указывают противоречия мемуарных свидетельств и биографических сведений.

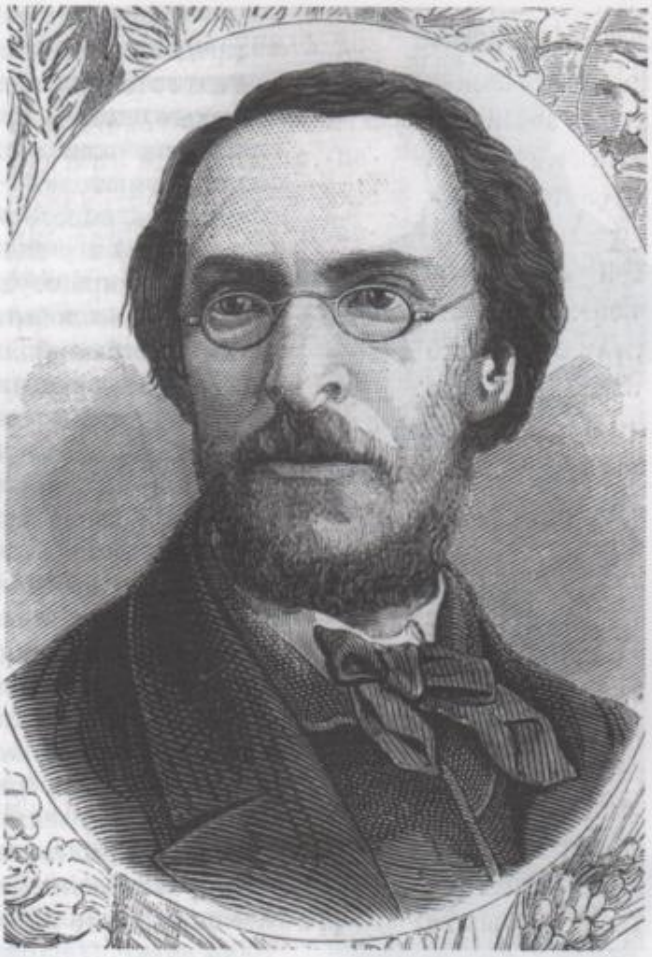
Например Э.П.Янишевский запомнил своих учителей так: Э.А.Эверсманн – «почтенный старик», П.И.Вагнер – «толстый седой старик с большими навыкате глазами», К.К.Клаус – «весьма живой старичок», М.П.Коринфский – «старик с длинным красным носом», Ф.В.Берви – «длинный старик с длинным носом», Г.Л.Фогель – «седой, довольно высокий старик». Между тем, старшему из них, Коринфскому, было тогда 58 лет, а младшему, Фогелю – 41 год.

Подобные искажения присутствовали и при оценке профессионализма преподавателей. Читатель студенческих воспоминаний сталкивался со свидетельствами о низком научном уровне немецких профессоров. Совершенно обескураживал аргумент таких рассуждений: преподаватель плохо или с акцентом говорил на русском языке. Эти оценки были характерны для студентов 1830 – 1850-х годов. В начале века их предшественников, Н.И.Лобачевского и И.М.Симонова, учил М.Ф.Бартельс, вовсе не знавший русского языка, но его слушатели знали немецкий язык и потому могли оценить лектора. Впоследствии уровень владения европейскими языками и латынью сильно снизился. Это породило языковой барьер и как следствие – проблему непонимания. Между тем, среди немецких педагогов, служивших в Казанском университете, было немало ярких ученых. Так, студенты откровенно смеялись над профессором Ф.И.Фатером, а между тем академик А.Н.Пыпин писал: *«Сколько могу судить теперь, это был основательный филолог»*[25].

Преподаватели оценивались студентами по силе их воздействия на аудиторию. Слабыми профессорами считались те, на занятия которых студенты шли с неохотой. Так, по свидетельству Янишевского, к профессору А.П.Норману его сверстники ходили первые две недели и то только затем, чтобы посмеяться. Профессор физики А.С.Савельев, по признанию мемуариста, *«был очень способный человек... Но сильно кутил, часто пропускал лекции»*. А профессор архитектуры М.П.Коринфский был просто «никудышным» лектором. Не пользовался популярностью у студентов и профессор права Г.Л.Фогель, который, читая курс, садился на кафедру, зажимал в кулаке носовой платок, подпирал им щеку и монотонно выводил: «Если кто-либо когда-либо учинит...»[26]. К таким преподавателям студенты «отряжали из своей среды слушателей по очереди», чтобы профессор не читал лекции голым стенам.

---

[25] Пыпин А.Н. Мои заметки. М., 1910. С. 34.
[26] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С. 18 – 19, 25, 38, 47.

Н. П. Вагнер. 1830-е гг.

Конечно, наряду с нелюбимыми в университете всегда были признанные лекторы. Так, профессор анатомии Е.Ф.Аристов, как утверждали его слушатели, *«действительно владел мастерским описательным языком, и считалось как-то унизительным пропустить хоть одну его лекцию»*[27]. «Не обладал блестящим даром слова», но был чрезвычайно последователен, логичен и рационален Н.И.Лобачевский[28]. Одним из лучших преподавателей считался профессор математики А.Ф.Попов. *«Если у кого из нас впоследствии выработался ясный и точный математический слог, то этим мы обязаны исключительно Попову»*[29], – вспоминали бывшие слушатели. Отлично знал и преподавал механику П.И.Котельников. Хорошо и «внятно» читал лекции астроном И.М.Симонов. Студентам нравились занятия у химика К.К.Клауса, который сопровождал свои выступления опытами. «Ясно и толково» описывал минералы Н.П.Вагнер. Из студенческих рассказов об университетских занятиях явствует, что хороший лектор учебный материал рассказывал, а не читал по записям, излагал просто, ясно, полно, с демонстрацией опытов или показом экспонатов. Слушателями ценилась правильная речь преподавателя.

Виртуозами лекторского искусства в Казани были правовед Д.И.Мейер, историки Н.А.Иванов, С.В.Ешевский, А.П.Щапов, Н.Н.Фирсов, филолог Н.Н.Булич. Лекции Мейера казались четкими и логичными, а сам педагог «был требователен и всячески подтягивал своих слушателей, заставлял их читать специальные сочинения, звал к себе на беседы»[30]. Лекции Иванова и Булича отличались красноречием, хорошим знанием предмета, умением подать «острый» материал, эмоциональностью. *«Иванов обладал прекрасным даром слова. Звучный голос его, мастерская декламация, заимствованная им от лучших профессоров, живое изложение придавали его лекциям особенный блеск»*[31], – вспоминал И.И.Михайлов. *«На кафедре [Иванов] священнодействовал»*[32], – писал А.Н.Пыпин.

---

[27] Боборыкин П. За полвека. Из воспоминаний. М., 2002. С. 63.
[28] Михайлов И.И. Казанская старина. Из воспоминаний// Русская старина. 1899. № 11. С. 404.
[29] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. С. 92.
[30] Боборыкин П. За полвека. С. 61.
[31] Михайлов И.И. Казанская старина. С. 410.
[32] Пыпин А.Н. Мои заметки. С. 32.

Э. П. Янишевский. 1870-е гг.

И. С. Бердников. 1870-е гг.

В отличие от своего зычного и артистичного предшественника, Ешевский был обладателем тихого и болезненного голоса. Он «проглатывал целые слова и произносил некоторые звуки так, как я не слыхал ни у кого, – вспоминал один из его слушателей. – Вместо *к* он например выговаривал *ч*, вместо *л* – *р* и наоборот»[33]. Плохая дикция была и у сменившего Ешевского А.П.Щапова – кумира студентов начала 1860-х годов. Оба лектора воздействовали на аудиторию силой слова, глубиной мысли, актуальностью поднимавшихся ими научных вопросов. Они апеллировали не к воображению, а к интеллекту и эмоциям. И, по мере рассказа, на глазах происходило перевоплощение: Ешевский *«как бы вырастал физически, лицо его одухотворялось, и он просто приковывал к себе слушателя»*[34].

Силу воздействия слов Щапова один из его слушателей описал следующим образом: *«Г.Щапов оборвал лекцию чуть ли не на полуслове, и быстрым движением скрылся из зала. Онемевшая толпа расступилась перед ним с инстинктивным почтением. Несколько секунд в зале еще длилась мертвая тишина, но вдруг, как гремучий удар летней грозы, разразился страшный гром рукоплесканий. Это продолжалось с минуту, толпа не двигалась с места, продолжая рукоплескать. Профессора и сам попечитель делали тоже. Потом начались какие-то восторженные крики, наконец, ко всему этому присоединился оглушительный треск мебели, ломавшейся под напором толпы, устремившейся, наконец, вслед за профессором. Некоторые неистово стучали в пол стульями и ногами. Все куда-то спешили, бежали, сами не зная куда, и думаю, не прошло полчаса, как весь город знал о необычайном событии, совершившемся в университете»*[35].

В XIX в. нормальным было явление, когда яркий лектор собирал в аудитории студентов со всех факультетов. Так, Н.Н.Булич в письме брату сообщал: «Начал лекции, читал две, сегодня третья. Народу много: студенты, профессора, попы, офицеры. Читаю в трех аудиториях разом. Из самой большой отворяются двери в соседние, и они полны»[36]. Властителем дум казанского студенчества в 1890-е годы был историк Н.Н.Фирсов. Он *«являлся в Казани своего рода московским Ключевским,* – вспоминал медик М.В.Танский. – *Молодой, выше среднего роста, сухощавый, с одухотворенным лицом, с зачесанными назад длинными волосами, он выглядел скорее поэтом, чем мужем ученым. Лекции читал неторопливо, плавно и гладко, хорошо выработанным литературным языком... Провожали лектора всякий раз громом аплодис-*

[33] Корсаков Д.А. Былое в жизни Казанского университета 1856 – 1860 гг. Из воспоминаний о прошлом// Былое из университетской жизни. С. 179.
[34] Там же. С. 180.
[35] Л.О. [К.Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов. С. 235 – 236.
[36] Цит. по: Сидорова М. «Необходимо верить в себя и знать, что никто не смеет упрекнуть тебя...»// Татарстан. 1995. № 1/2. С. 89.

ментов»[37]. Конец XIX столетия был временем, когда литература, и особенно поэзия, стали выразителями народного духа. Внешний вид и лекторская манера Фирсова соответствовали этому статусу.

П. С. Сергеев. 1850-е гг.

Но не только лекторские способности ценились студентами в их наставниках. Сами по себе эрудиция и научный опыт были только предпосылками для возникновения уважения и доверия. Они не гарантировали понимания и общности между двумя частями университетской корпорации. Студенты признавались, что, как таковые, занятия не имели для них большого значения, а вот «личность профессора, с его преданностью науке, с его энтузиазмом» оказывала сильное воздействие на слушателей[38]. Для некоторых именно это послужило импульсом для прихода в науку.

Очевидно, понимание между учениками и учителями возникало при общности их культурных типов. Прочитывая мемуарные свидетельства университетских воспитанников как единый текст, можно заметить, как менялся культурный тип почитаемого профессора. Студент первого выпуска С.Т.Аксаков восторженно писал о преподавателе математики Г.И.Карташевском. С его слов, это был строгий педагог, наставлявший своего ученика не только в науках, но и в жизненных вопросах, поддерживавший тесные связи с родителями воспитанника. Идеальный преподаватель того времени должен был обладать свойствами Отца: быть заботливым, всезнающим, контролирующим все сферы детской жизни, наказывающим за шалости и проступки в силу обычного права старшего. В этом качестве университетский профессор тех лет был близок к образу гимназического наставника.

Д. И. Мейер. 1850-е гг.

Иным был образ преподавателя, почитаемого студентами 1830-х годов. Математик Н.И.Лобачевский *«с первого взгляда казался необыкновенно мрачным. Его наружность напоминала ученого, постоянно углубленного в свой предмет,* – передавал свои студенческие впечатления И.И.Михайлов. – *Чувствовалось присутствие высшей силы. Что-то властное, безапелляционное слышалось в этой логической речи, в этом невозмутимом спокойствии, с которым он относился к студентам... Всякого обращающегося к нему с какой-нибудь просьбою он выслушивал со вниманием, отвечал, приводил основания, если приходилось отказывать, подавал иному дружеский совет; другого журил, если тот был виновен в чем-нибудь предосудительном, – но без гнева, не выходя из себя»*[39].

В Николаевскую эпоху в университетской среде сложилось четкое представление о «настоящем» профессоре, установились признаки его идентичности. Они включали чувство собственного достоинства, умеренную оппозиционность к чиновникам, снисходительность к нижестоящим, духовную и

[37] Танский М.В. Казанский университет в 1890-х гг.// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 8035, л. 4 – 5.
[38] Пыпин А.Н. Мои заметки. С. 39.
[39] Михайлов И.И. Казанская старина. С. 405.

М. Я. Капустин. 1880-е гг.

материальную независимость. Это был некий кодекс привилегированного сословия. Он диктовал не только внутренние установки, но имел и внешние проявления: неторопливость движений и речи, красивый полувоенный мундир, наличие экипажа для передвижения по городу, домашние приемы и т.д.

И.И.Михайлов нарисовал образы профессоров, привлекательные для студентов 1840-х годов. *«Профессор Дубовицкий составлял светлое явление в среде Казанского университета,* – писал он. – *Как человек инициативы, он пытался ввести некоторые преобразования; будучи с большим состоянием, он делал пожертвования... Он был ниже среднего роста, довольно тучный для своих лет, но необыкновенно хорош собой; манеры его были свободны и совсем не напоминали стесненных или педантических манер профессора, а вполне светского человека»*[40]. Образ любимого преподавателя выстраивался из противопоставления его гимназическому учителю – человеку низкого социального и материального положения, психологически зависимого, морально забитого начальством и бытовыми проблемами, озлобленного и заискивающего одновременно.

Н. М. Любимов. 1880-е гг.

А вот образы тех, кого любили студенты 1850-х годов. Профессор механики Котельников был *«среднего роста, очень худой, некрасивый собой и крайне близорукий, отчего и носил постоянно очки. Необыкновенно застенчивый со всеми, а в особенности с барынями, он, однако же, два раза был женат и имел много детей... Ходил он очень быстро и, несмотря на то, что глядел вперед во все глаза, часто по своей близорукости натыкался на прохожих или на фонарный столб, жестоко конфузился, извинялся и бежал дальше»*[41]. Профессор математики А.Ф.Попов тоже *«был большим чудаком; с молоду, говорили, сильно кутил... [но потом] стал аккуратнейшим преподавателем и постоянно занимался математикой и исключительно ею одной, ничего иного не читал, никакой беллетристики не признавал заслуживающей внимания... Это был в высшей степени справедливый и честный человек, стоявший в стороне от всяких партий и глубоко уважаемый его слушателями»*[42].

Репутацией чудака пользовался славист В.И.Григорович. Студенты рассказывали анекдоты о его феноменальной рассеянности. По их мнению, профессор *«представлял тип ученого, поглощенного своим предметом всецело и ни о чем постороннем не думавшего. Не светский, не ловкий, но как человек возвышенной студенческой бесхитростной души, в лучшем значении этого слова, отзывчивой на все благородное и негодующей при малейшей неспра-*

---

[40] Михайлов И.И. Казанская старина. С. 409.
[41] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. С. 93 – 94.
[42] Там же. С. 92.

ведливости»[43]. Далеко не всегда у него складывались отношения с коллегами, но *«дверь его была открыта для всех студентов, и всякий желающий слушать его советы и указания, иногда простой товарищеский разговор, но поучительный, встречал у него радушный прием»*[44]. Юристы вспоминали своего любимца: *«Отрешившись от привычной недоступности своих коллег, относясь тепло и участливо к своим слушателям, профессор Мейер с первых же дней сделался предметом обожания студентов»*[45]. Его восторженное отношение к науке, к своему предмету передавалось слушателям. Судя по всему, в тяжелое для университетской жизни время конца 1840-х – первой половины 1850-х годов героем студенческой аудитории был чудаковатый профессор-аскет, погруженный в науку, романтик, «не от мира сего», добрый и справедливый человек, выделяющийся из массы «человеков в футляре».

В. М. Бехтерев. 1890-е гг.

Н. Н. Феноменов. 1890-е гг.

Иным по складу характера и внешнему образу стал студенческий кумир 1860 – 1870-х годов. Сохранилась характеристика, данная одному из любимых студентами профессоров, Буличу: *«Основными чертами характера Николая Никитича были склонность к сатире, нередко беспощадно бичующей окружающих его людей, и остроумие, то веселое и безобидное, то переходящее в язвительную, полную сарказма насмешку. Беспощадно строгий к самому себе во всем обиходе своей жизни и привычек, ученый-аскет, с головой отдававший все свое время научным занятиям и самообразованию, не позволяющий себе ни малейшей человеческой слабости, аккуратный до пунктуальности..., всегда с утра безукоризненно элегантно одетый, Николай Никитич был также беспощадно строг и к другим, бичуя недостойную человеческую распущенность и разгильдяйство нередко довольно язвительной насмешкой»*[46]. Это был социально активный человек, творящий себя и внешний мир, ведущий за собой молодежь; человек эрудированный и современный, знающий цену себе и окружающим его людям. Видимо, именно он соответствовал духовным потребностям основной массы молодых людей, сидевших в его аудитории. Профессор медицины Н.А.Виноградов запомнился студентам 1880-х годов как человек «щегольски одетый, с изящными манерами». Его движения, жесты, поведение были исполнены важности и достоинства. Он *«не позволял ни с кем фамильярности, всегда спокойный, никогда не позволял возвышать голоса; в нем чувствовалась моральная сила, заставлявшая себя признавать, подчиняться и побаиваться»*[47].

---

[43] Михайлов И.И. Казанская старина. С. 412.
[44] Там же.
[45] Воспоминания о Д.И.Мейере и др.// Былое из университетской жизни. С. 64.
[46] Сидорова М. «Необходимо верить в себя и знать, что никто не смеет упрекнуть тебя...». С. 86.
[47] Флёрин Н.Ф. Медицинский факультет Казанского университета полвека тому назад// Казанский медицинский журнал. 1930. № 5/6. С. 488.

Мы говорим о признаваемом студентами идеале университетского профессора. Но смена культурных поколений студентов происходила подчас быстрее, чем ротация преподавателей в университете. Профессорская корпорация состояла из людей разных генераций, в ней сосуществовали представители различных социально-психологических типов. С одной стороны, это обеспечивало культурную преемственность и здоровый консерватизм, свойственные университетской среде. С другой стороны, порождало элементы стагнации в университетской жизни.

Профессора, бывшие нормой для одного поколения, нередко воспринимались следующим поколением студентов как элемент архаики. *«В то время,* – писал И.И.Михайлов о 1836 г., – *между профессорами было еще много монстров, оставшихся от старого времени. Такими допотопными созданиями наполнены были словесный и юридический факультеты; им давали время на выслугу полного пансиона»*[48]. В середине 30-х годов *«старые профессора»* (так называли часть университетской корпорации, которая сложилась в Александровскую эпоху), особенно контрастировали на фоне «берлинцев» (молодых магистрантов, прошедших научную и педагогическую стажировку в Берлинском университете). Студенты прислушивались к молодым и игнорировали «устаревших», с их точки зрения, педагогов.

Между тем, в конце 1850-х годов уже смешными выглядели кумиры 1840-х, а в 1860-е годы – кумиры 1850-х. Слушавший лекции В.И.Григоровича студент Д.А.Корсаков писал: *«Это был мыслитель и ученый старого типа»*[49]. Впрочем, далеко не всегда в университетском лексиконе «старый» означало «плохой». Иногда, наоборот, «старый профессор» противопоставлялся его коллегам – «новым и ненастоящим».

В специфической и, вместе с тем, типичной для университета возрастной ситуации заложены были истоки поколенческих и идейных конфликтов, возникавших внутри корпорации. Но они не были разрушительными, так как обладали конструктивным потенциалом, стимулирующим развитие университетской культуры. Беда заключалась в другом – талантливых лекторов и педагогов Казани влекли более крупные российские университеты. И потому Д.И.Мейер покинул Казань и поступил на службу в Петербургский университет, Н.А.Иванов перебрался в Дерпт, В.И.Григорович уехал в Одессу, О.М.Ковалевский – в Варшаву, медик П.А.Дубовицкий получил приглашение в Петербургскую медицинскую академию, Н.П.Вагнер – в Петербургский университет, С.В.Ешевский, И.К.Бабст, Н.А.Попов заняли кафедры в Московском университете. Был близок к такому решению своей судьбы и Булич. Этого не произошло почти по случайным обстоятельствам. А любимого студентами А.П.Щапова Казанский университет потерял в пучине политических событий 1860-х годов.

Впервые об «утечке мозгов» из Казанского университета написал попечитель Молоствов в 1856 г. Казанский университет, заверял он министра, сделан переходным для профессоров в другие учебные заведения. *«Мы видим, что столичные университеты, несмотря на совершенно другое свое положение, пользуются приготовленными уже в провинции учеными, завлекая их к себе и высшими окладами жалования, и возможностью занимать посторонние должности, и богатством своих учебных пособий, и большим кругом ученых людей, и сочувствием самой публики к интересам науки»*[50]. Казань теряла элиту университетской корпорации, ее цвет. В местном университете оставались либо отчаянные патриоты, либо не востребованные в других местах преподаватели.

---

[48] Михайлов И.И. Казанская старина.С. 109.
[49] Корсаков Д.А. Былое в жизни Казанского университета 1856 – 1860 гг. С. 170.
[50] РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 74, л. 1.

Преподаватели медицинского факультета. 1900-е гг.

Правда, забирая местных интеллектуалов в столицы, власти переводили в Казань «политически неблагонадежных» польских профессоров. И среди них были люди весьма достойные. Так, в 1834 г. Казанский университет обрел талантливого хирурга Ф.О.Елачича, которого мемуаристы называли «столпом Казанского университета вообще и медицинского факультета в особенности»[51]. Кроме того, министерство отправляло в Казань вернувшихся из зарубежных стажировок магистрантов. Но в процентном отношении число уехавших явно преобладало над прибывшими.

На студенческое восприятие преподавателей накладывались некие априорные ожидания. Они формировались в соответствии с теми идеалами, которые внушили университетские профессора обществу. От учителей ждали мессианства, откровения, в них желали видеть наставников жизни, мудрецов. Молодые люди входили в учебную аудиторию с трепетным желанием познать чудесный, окутанный легендами мир иного, «чистого», правильного знания, невольно примеряя свои фантазии и представления к наблюдаемой реальности. Нередко воображаемый мир оказывался ярче и богаче того, что составляло университетскую действительность. Передавая подобные настроения первокурсников, С.В.Смоленский писал: *«Мы жадно искали совпадения впечатлений с неясными для нас самих симпатиями к тому или другому ряду знаний. Нигде не читалось однако ни о Писареве, ни о Некрасове, ни о гласности, о значении прессы, о земстве... часто говорилось многое непонятное, прямо раздражавшее своей трудностью к усвоению, либо говорилось «не идущее прямо в дело», не отвечающее на наши будто бы «неотложные запросы»*[52]. Это порождало разочарование и вносило коррективы в портрет преподавателя.

[51]Князев А.К. Из воспоминаний о Казани (1849 – 1859) // Былое из университетской жизни. С. 99.
[52]Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах. С. 258 – 259.

Университетским людям были присущи специфические способы социализации. Они были порождены двойственной природой общественного сознания российского интеллектуала. С одной стороны, он ощущал свою исключительность и элитарность, что рождало чувство корпоративной замкнутости. С другой, он осознавал себя миссионером, несущим обществу свет истины, и в этом качестве нуждался в социальном признании. Оно пришло к университетским людям Казани далеко не сразу и не было безусловным. Документы свидетельствуют, что в первой половине XIX в. культурно-психологической проблемой для университета было противоречие между его высокой самооценкой и его низкой социальной репутацией. Вспоминая об этом, бывший инспектор студентов И.И.Лажечников негодовал на то, что «провинциальная аристократия, казалось, оградила себя каменной стеной от ученых плебеев»[53].

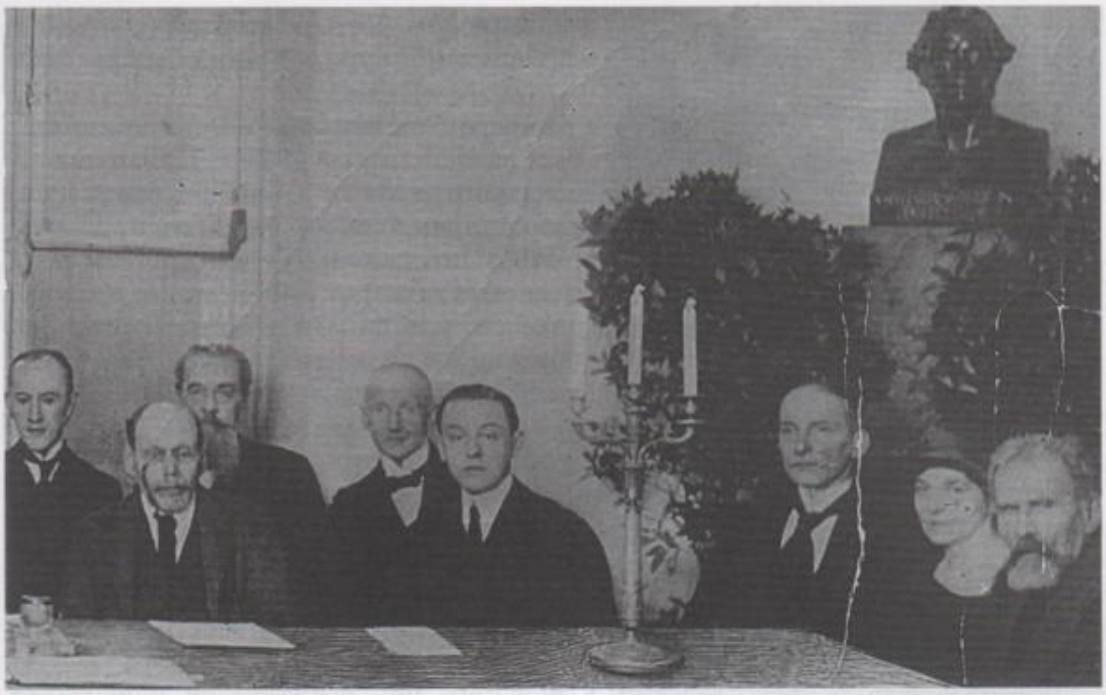
Отношение местных жителей к миру университета, почти открытая демонстрация ненужности его социальных услуг были типичными для российской провинции. В те годы сам министр народного просвещения П.В.Завадовский признавал: *«Не спорю, что мало учеников, но потому, что еще мал у нас вкус к наукам»*[54]. И попечитель Харьковского учебного округа сетовал, что с местными жителями приходится «быть крайне осторожными, чтобы не отвратить их от наук, которых они и без того недолюбливают»[55].

Мысль о связи карьеры и университетского аттестата утвердилась в общественном сознании лишь в 1830-е годы. Впрочем, и тогда, и много позже, пока преподаватель не достиг чинов, давших право на потомственное дворянство, он не был частым посетителем казанских гостиных. Бывавший там студент-дворянин Боборыкин утверждал: *«Казань славилась тем, что в «общество» не попадали даже крупные чиновники, если их не считали из «того же круга»»*[56]. И потому, в отличие от студентов-дворян, профессора участвовали в этих светских раутах редко. По свидетельству очевидцев, в 1850-е годы в светских гостиных Казани бывал почти единственно профессор И.К.Бабст.

Конечно, участие в приёмах – не самый сильный аргумент в пользу роста престижа университетской должности. Многие профессора и не стремились войти в казанский «бомонд». Их поле общения с городским окружением было иным. Они учили и воспитывали детей казанских дворян, чиновников и духовных лиц. Университетские люди издавали газеты «Казанские известия», «Справочный листок города Казани», «Волжский вестник», журналы «Казанский вестник», «Заволжский муравей», «Ученые записки Казанского университета», редактировали «Казанские губернские ведомости». Они читали публичные лекции, консультировали предпринимателей, лечили горожан. Особенно высоким было социальное положение университетских медиков. Яркий в этом отношении пример представляет профессор оперативной хирургии Ф.О.Елачич. От его искусства зависела жизнь не только многих казанцев, но и жителей Поволжья и Сибири[57]. А со знаниями и опытом профессора судебной медицины И.М.Гвоздева считались представители казанской прокуратуры. С открытием в 1870 г. Казан-

---

[53] Лажечников И.И. Как я знал М.Л. Магницкого// Лажечников И.И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1991. С. 494.
[54] Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. 1086 – 1856. СПб. 1899. Ч.2. С. 266.
[55] Сухомлинов М.И. Материалы для истории просвещения в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1865, окт.
[56] Боборыкин П. За полвека. С. 65.
[57] Князев А.К. Из воспоминаний о Казани. С. 101.

Преподаватели. 1910-е гг.

ского судебного округа общественное признание получили университетские юристы. Многие из них заняли места в окружном суде и судебной палате, «оправдывая, по крайней мере, в большинстве случаев, оказанное им доверие»[58].

К концу XIX в. университетские преподаватели чувствовали себя в местном обществе весьма уверенно: их ценили и даже признавали их исключительность. Правда, и тогда людям извне социальные притязания университетских профессоров нередко казались чрезмерными. К тому же престиж университетского человека снижали конфликты, периодически выплескивавшиеся из стен заведения в местное сообщество. Описывая одну из таких «историй», мемуарист признавался, что рассказы враждовавших сторон производили «странное» впечатление на городских обывателей и низвергали профессоров с Олимпа его полудетского сознания[59].

Студенты. В Уставе 1804 г. устанавливались правила поступления юношей в университет. В начале века студентом мог стать каждый молодой человек, прошедший «испытания в предварительных познаниях». Поначалу верховной власти университет виделся небольшим учебным пансионом. Правительство предполагало, что Московский и Виленский университеты смогут содержать и учить по 100 казеннокоштных воспитанников, Казанский и Дерптский – по 40, Харьковский – 20[60]. В 1819 г. в «медицинских институтах», созданных при соответствующих факультетах, число казеннокоштных студентов разрешалось увеличить. Кроме того, закреплялось существование педагогического института, куда могли поступить учиться выпускники, получившие степень кандидата. Полный срок обучения в университете начала века составлял три года

[58] С.Г. [Глинка С.Ф.]. Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877) // Былое из университетской жизни. С. 288.
[59] Там же. С. 287.
[60] Петров Ф.А., Гутнов Д.А. Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. Вып.3: Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 195 – 196.

на всех факультетах и четыре – на медицинском. Четырехлетний (соответственно, на медицинском факультете – пятилетний) курс обучения был введен в 1835 г.

Сначала возраст поступающих в университет юношей не оговаривался. Нижний возрастной барьер в 17 лет был введен лишь в 1820 г. Правительственные документы признавали две категории студентов: своекоштных и казеннокоштных. В последнюю категорию включались молодые люди, официально подтвердившие свою бедность. Чтобы компенсировать затраченные на их обучение средства, казеннокоштные выпускники должны были отслужить в больнице или училище не менее 6 лет или оплатить понесенные государством расходы. В результате в зависимости от подготовки и от источников содержания студенты подразделялись на шесть неустойчивых категорий: «казеннокоштные студенты», «казеннокоштные слушатели», «пансионеры – студенты», «пансионеры – слушатели», «своекоштные студенты» и «своекоштные слушатели»[61]. В течение всего учебного года университетский совет принимал решения о переводе слушателей в студенты, о принятии пансионеров на казенный кошт или о записи в слушатели выпускников семинарий и гимназий. Поэтому, учесть сколько тогда казенных студентов единовременно жило и обучалось в университете оказывается довольно сложно[62].

Долгое время после открытия Казанского университета он испытывал сложности с набором и качеством подготовки абитуриентов. В феврале 1805 г. избранных из старших учеников гимназии и способных слушать лекции оказалось только 33 человека. Вплоть до полного открытия университета (1814 г.) число его воспитанников колебалось от 33 до 52 человек[63]. В это же время в Виленском университете училось 525 студентов, в Дерптском – 193, в Московском – 135, в Харьковском – 82[64]. К тому же далеко не все записанные в студенты юноши становились выпускниками. Родителей привлекало казенное содержание, но отпугивала перспектива шестилетней службы учителем в гимназии или училище. Поэтому, проучившись год или два, студенты отчислялись по состоянию здоровья здоровья или семейным обстоятельствам, а в 1807 г., в связи с началом войны с Францией, 24 человека, т.е. почти 50% всего студенческого состава ушли на военную службу.

Бывшие воспитанники весьма низко оценивали свою подготовленность к университетским занятиям. Переведенный в 1813 г. из гимназии Н.В.Веригин писал: *«Меня перетащили в университет. Признаюсь, один недостаток студентов по числу профессоров многим из нас дал возможность поступить в университет, но, при строгом экзамене, мы не стоили быть даже в высших классах гимназии, а не только быть произведенными в студенты»*[65]. Многие, подобно записанному в студенты 14-летнему С.Т.Аксакову, вынуждены были доучиваться в старших классах гимназии и одновременно слушать лекции в университете, благо оба учебных заведения находились под одной крышей.

В дальнейшем проблема набора студентов еще более обострилась еще более. Казанская гимназия выпускала воспитанников меньше, чем требова-

---

[61] Своекоштные студенты и пансионеры жили и учились на собственном иждивении и различались лишь тем, что пансионер покупал себе содержание, стол и место проживания в университете. Кроме того, те и другие оплачивали обучение танцам, рисованию и музыке. Многие записанные в университет юноши были не готовы к восприятию лекций и в этой связи получали статус слушателей.
[62] Императорского Казанского университета список о студентах (1804 – 1839 гг.) / Изд. подг. Ю.А. Лексина, Ю.В. Чугунова, Э.И. Амерханова. Казань, 2000.
[63] Цит. по: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. СПб. 1904. Ч.1. С. 387 – 389.
[64] Петров Ф.А., Гутнов Д.А. Российские университеты. С. 143.
[65] Записки Николая Викторовича Веригина. 1796 – 1872 // Русская старина. 1892. Т.76. С. 49.

лось университету. К тому же многие гимназисты сразу уходили на гражданскую службу или в кадетские корпуса, ускорявшие прохождение по лестнице военных чинов. Отпрыски тех дворянских семей, в которых ценилось образование, уезжали учиться за границу или в столичные учебные заведения[66]. Конечно, возможность отправиться из провинции в Петербург или Москву зависела от финансового состояния семьи и от признания родителями ценности образования. Но в результате этого в открывшийся в Казани университет редко записывались дети дворян крепкого материального состояния и высоких культурных запросов. Как правило, его воспитанниками становились либо разночинцы, либо малоимущие дворяне, либо те, кто рассматривал местный университет лишь как подготовку к предстоящей поездке в столицу.

Профессорский сын – гимназист

Проблема набора воспитанников была решена тогда, когда выросло число гимназий в Казанском учебном округе, а их лучшие воспитанники получили право поступать в местный университет без экзаменов. С 1826 г. по 1840 г. число студентов возросло со 109 до 250, в 1840 – 1850-е годы оно составляло более 300, а в начале 1860-х годов достигало 400 человек[67]. Увеличивая наборы учащихся, Казанский университет превращался из учебного пансиона в высшую школу в современном ее значении.

Постепенно изменились и мотивы, побуждавшие выпускников гимназий и семинарий идти в университет. Размышляя о них, П.Д.Боборыкин вспоминал, что *«идея науки, обаяние университета, мечта о высшем образовании наполняли многих из нас. Теперешнего карьеризма и жуиризма в самых юных экземплярах мы не знали»*[68]. Впрочем, и тогда мотивация была разная. Далеко не всегда молодые люди руководствовались научными соображениями. *«Привлекал университет,* – спустя несколько строк признавался тот же мемуарист, – *и, прежде всего, потому, что он для нас являлся символом нашего освобождения от запретов и зависимости жизни «малолетков», от унизительного положения школьников, от домашнего надзора»*[69]. Сходные чувства вражали и другие студенты[70].

Поступавших в университет юношей в Казани называли «футурусами». Стать студентом гимназисту было несложно. Когда в гимназиях был введен экзамен «зрелости», то полученная на нем оценка стала решающей для записи воспитанника в университет[71]. «Футурус» подавал прошение ректору, тот

---

[66] Лексина Ю.А. Гимназии Казанского учебного округа в первой четверти XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1997.
[67] Михайлова С.М. От Лобачевского до Бутлерова: 1827 – 1862 гг.// Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 53.
[68] Боборыкин П. За полвека. С. 57.
[69] Там же. С. 58 – 59.
[70] Воронов М.А. Из воспоминаний. С. 84.
[71] Лебедев В.А. Учебные воспоминания// Русская старина. 1908. № 7. С. 26.

проверял оценки в аттестате, делал пометку, и документы направлялись в университетскую канцелярию. Вступительные экзамены сдавали лишь обладатели «плохих» аттестатов, а также семинаристы и молодые люди не из Казанского учебного округа.

Выбор факультета для многих молодых людей оказывался довольно случайным[72]. Поступавшие в университет плохо представляли себе, чем занимались на том или ином факультете, признавая лишь деление на факультеты «словесные» и «положительных наук». Отправляя сына в Казань, родители, как правило, не знали, на какой из факультетов он запишется. П.Д.Боборыкин вспоминал, что когда он 16-летним юношей подал прошение о поступлении в «камералисты», его родители были недовольны этим выбором[73]: во-первых, потому что сын переменил первоначальное решение стать юристом, а во-вторых, потому что о «камералах» ничего толком не знали. Выбирая тот или иной факультет, юноши редко ориентировались на будущую службу, исключение составляли, пожалуй, лишь медики.

В течение XIX в. статус «престижного», как тогда говорили «популярного», переходил от одного факультета к другому. С конца 1820-х годов до середины 1850-х одним из наиболее сильных был Восточный разряд. Наряду с ним, с 1840-х годов и до середины столетия престижным считался камеральный разряд, на котором обучали как гуманитарным, так и естественным дисциплинам[74]. Как правило, сюда поступали обеспеченные юноши. Студенты же других факультетов называли камеральный разряд «утешительным», полагая, что учеба на нем не требует большого напряжения и особых способностей[75]. На медицинский факультет, напротив, записывались бедные разночинцы. Много их училось и на физико-математическом факультете. С 1870-х годов, вследствие судебной реформы и возросшей потребности в юристах, особой популярностью стал пользоваться юридический факультет. Впрочем, престиж факультета или специальности определялся не столько потребностью в специалистах, сколько его преподавательским составом. Бывший студент медицинского факультета вспоминал, что его сверстники с других факультетов, прослушав несколько ярких лекций Е.Ф.Аристова, «делались медиками»[76]. А в 1907 г. 28,2% студентов юридического факультета написали о своем разочаровании в выборе специальности. Их сокурсник Н.Астров объяснял это тем, что «многие поступали на юридический факультет лишь потому, что на другие факультеты поступить было много труднее, а для некоторых совсем невозможно»[77].

Соотношение специальностей в Казанском университете менялось следующим образом: в 1826 г. 25% воспитанников изучали юриспруденцию, 19% обучалось на физико-математическом и столько же на медицинском

---

[72] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и70-х годах . С. 259.
[73] Боборыкин П. За полвека. М., 2002. С. 56.
[74] Рысаева Г.Р. Подготовка инженерно-технических кадров в Казанском университете в XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1988.
[75] Корсаков Д.А. Былое из жизни Казанского университета 1856 – 1860 гг. С. 144.
[76] Волжский странник. Волжская библиотека. Н.- Новгород, 1899. С. 4.
[77] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 7294, л. 28.

факультетах и 37% были «словесниками»[78]. В 1851 г. 29% студентов готовились стать юристами, 17% учились на физико-математическом факультете, 45% желали быть врачами и 9% составляли воспитанники историко-филологического факультета[79]. На рубеже XIX – XX вв. 25% студентов составляли будущие «законники», 15% – проходили цикл физико-математических наук, 56% хотели стать врачами и только 4,4% были «словесниками»[80]. Из преимущественно гуманитарного в начале века Казанский университет превратился в преимущественно медицинский в конце столетия.

До 1870-х годов выпускников духовных семинарий среди студентов было немного и держались они от гимназистов обособленно. Ситуация изменилась после того, как вышло распоряжение правительства о праве детей духовного звания свободно записываться в другие сословия. Воспитанники духовных школ устремились в университеты и создали серьезную конкуренцию для гимназистов. Кроме того, в эти годы университетская корпорация перестала быть замкнутым мужским сообществом. В 1862 г. при медицинском факультете был открыт Институт повивального искусства, куда ежегодно поступало около 50 слушательниц[81]. После двух лет обучения на акушерских курсах им присваивалось звание повивальной бабки. И хотя девушки слушали лекции в тех же аудиториях, что и юноши, проходили практику в клинике и анатомическом театре, тем не менее, строго соблюдалось правило не допускать совместных занятий будущих акушерок и студентов.

По Уставу 1884 г. без экзаменов в число студентов следовало принимать выпускников классических гимназий («классиков»). Так называемые «реалисты», т.е. воспитанники реальных училищ, должны были сдавать латынь (и греческий – на историко-филологический факультет) по специальной программе. В результате университет формировался в основном из юношей с гимназическим и семинарским прошлым. В 1887 г. ему было запрещено принимать в студенты детей «крестьянина, казака, рядового, лакея, дворника, прачки», что нарушало университетский принцип равных возможностей. Впрочем, администрация Казанского университета не соблюдала спущенные сверху «национальные» и «социальные» нормы. За это ректора Н.П.Загоскина не раз упрекали в Петербурге.

---

[78] РГВИА, ф. 214, оп. 1, д. 24, л. 13.

[79] В 1851 г. на историко-филологическом факультете 15 человек учились в разряде общей словесности и 15 – в разряде восточной словесности. На физико-математическом факультете 34 человека обучались в разряде математических наук и 22 – в разряде естественных наук. На юридическом факультете 45 человек учились в разряде юридических наук и 52 – в разряде камеральных наук. Врачебный факультет не делился на разряды, там в общей сложности обучалось 146 человек (См.: РГИА, ф. 733, оп. 46, д. 1, л. 70).

[80] Смыков Ю.И. В конце XIX века: 1884 – 1900 гг.// Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 101 – 102.

[81] Положение о Повивальном Институте при императорском Казанском университете. Казань, 1905; Жучкова Н.И. Повивальный институт при Казанском университете// Фельдшер и акушерка. 1968. № 10. С. 40 – 44.

Необычным оказался набор студентов 1906 г. Тогда из далеких сибирских городов в Казань устремились семинаристы, прослышавшие, что их будут принимать в университет без экзаменов. Действительно, такое намерение было, но министерство пресекло эту инициативу. Тем не менее, прибывшие «поповичи» были записаны в студенты. В результате набор 1906/07 учебного года оказался почти полностью «семинарским». В эти же годы среди студентов появились первые девушки[82].

Университет выпускал гораздо меньше воспитанников, чем принимал на обучение. В XIX в. высоким был «отсев» неспособных студентов, многие уходили на службу, не доучившись, из университета исключали по политическим мотивам. Так, по признанию Н.Ф.Флёрина, из 105 юношей, поступивших в начале 1870-х годов на медицинский факультет, получили диплом только 40 воспитанников[83]. И все же год от года университет выпускал все больше дипломированных специалистов. Начав свое существование с 33 футурусов, в 1886 г. университет обучал 967 юношей[84], а в 1913 г. – 2012[85].

Анализ точных данных национального состава казанских студентов затруднен, так как в делопроизводственной документации фиксировалось только вероисповедание, а этот показатель применительно к учащимся является весьма условным. Анкетирование, проведенное в 1907 г. среди воспитанников юридического факультета, показало, что, согласно записи в личном деле, 92,9% студентов были православными, 3,5% – иудеями, 1,1% – людьми армяно-григорианского исповедания, 1,3% – католиками, 0,6% – мусульманами, 0,4% – старообрядцами и 0,2% протестантами. Когда же вопрос был поставлен о религиозной самоидентичности, то выяснилось, что православными себя считали только 11,8% опрошенных, 12,9% считали себя «христианами», 19,1% – атеистами, 48,9% не разделяли никакого исповедания, 4,5% относили себя к протестантам[86].

Тем не менее, с уверенностью можно утверждать, что национальный состав казанских учащихся был весьма пестрым. Территория учебного округа охватывала полиэтничные регионы империи. К тому же в Казань ехали учиться поляки и «малороссы». Выделить их из общей студенческой массы было нетрудно: почти все поляки исповедовали католицизм. В Казани в течение XIX в. в общей сложности получили образование 1123 поляка[87].

Благодаря правительственным сборам сведений об иудеях, обучавшихся в российских университетах, имеются данные об их распределении по университетам страны и даже по факультетам. В 1885/86 учебном году из 925 казанских студентов 59 были евреями[88]. Сопоставляя казанскую ситуацию с другими университетскими городами, автор статьи «Евреи в русских университетах» утверждал, что за период с 1877 по 1886 гг. число евреев в Казанском университете возросло в 12 раз. Подавляющее большинство их готовились стать врачами[89].

В Казани учились и мусульмане. За период с 1840 г. по 1895 г. университетский курс обучения прошли 64 студента татарского, башкирского и казахского происхождения. Среди них многие были стипендиатами либо башкиро-мещерякского, либо Оренбургского казачьего войск. Такие целевые направления, как правило, диктовались потребностью военных и граждан-

[82] Виноградов Н.А. Из воспоминаний // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 9131, л. 3.
[83] Флёрин Н.Ф. Медицинский факультет Казанского университета полвека тому назад. С. 482.
[84] НАРТ, ф. 977, оп. «Совет», д. 7589, л. 2.
[85] Отчет министра народного просвещения за 1913 г. СПб., 1915.
[86] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 7294, л. 22 – 24.
[87] Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX). Казань, 1991. С. 336 – 337.
[88] НАРТ, ф. 977, оп. «Совет», д. 7589, л. 2.
[89] Евреи в русских университетах// Волжский вестник. 1887. 14 июля.

ВХОДНЫЙ БИЛЕТЪ

на 191 годъ.

Для предъявленія при входѣ въ Университетъ.

ских властей в квалифицированных ветеринарах, врачах и канцеляристах. А вот татар в списках студентов были буквально единицы. По традиции просвещенные мусульмане получали духовное образование в медресе Средней Азии, а после ее присоединения к Российской империи – в Египте. В начале XX в. при безусловном преобладании лиц «православного вероисповедания» (88,6% в 1906 г.), количество студентов-евреев в Казанском университете увеличилось с 89 (1906 г.) до 122 человек (1913 г.), а число студентов-мусульман – с 7 до 27 человек[90].

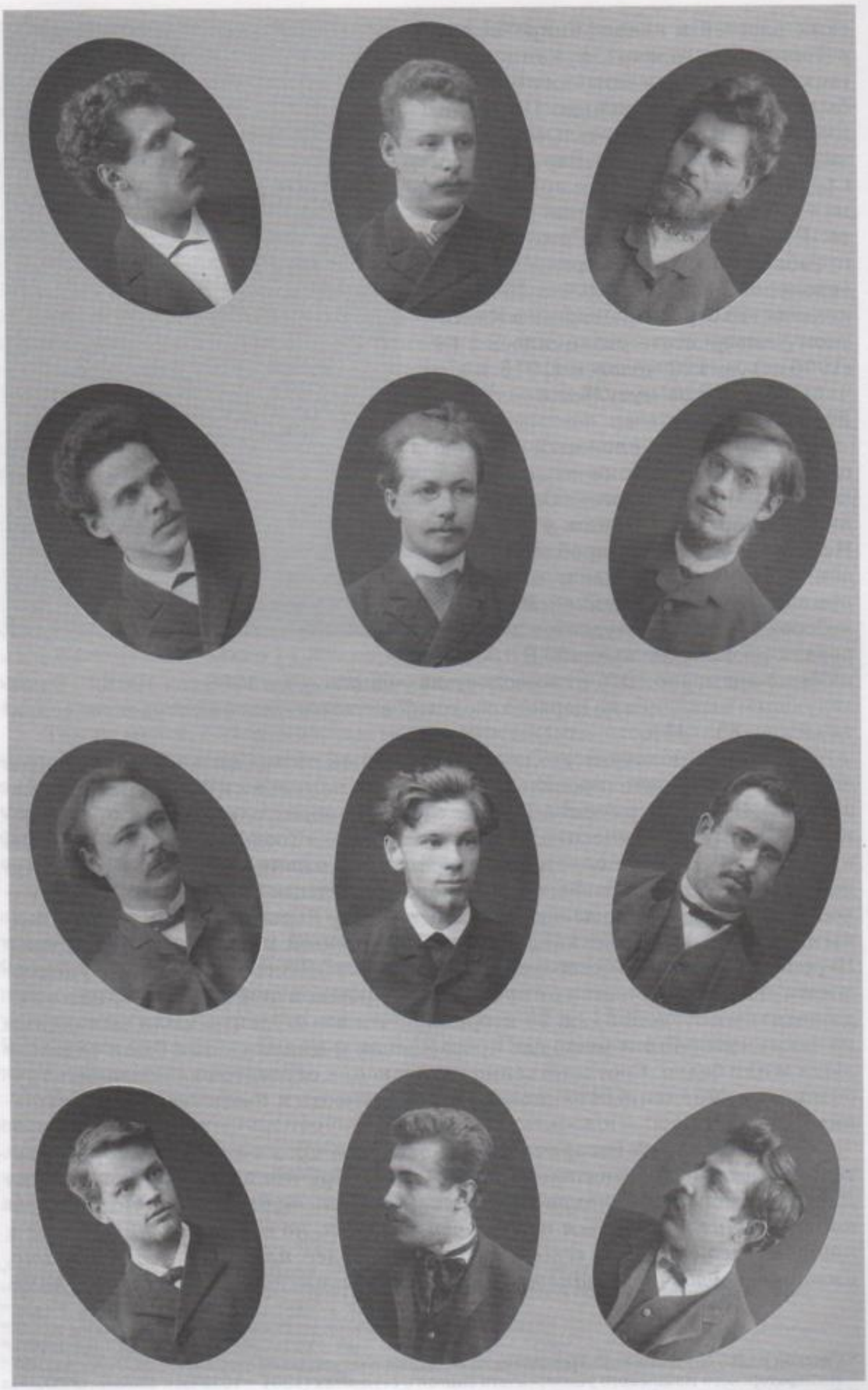
Несмотря на сложный этнический состав, казанское студенчество не делилось на «нации». Определенная общность была лишь у поляков. Не стала фактором дробления или объединения в группы и сословная принадлежность учащихся. В первых наборах казанских студентов доминировали дворянские юноши. В 1805 г. их было примерно 70 % от всего состава учащихся, а в 1806 г. – 100%[91]. В последующем выходцев из первого сословия в среде казанских студентов сократилась до 35 – 45%.

Во второй половине столетия социальный состав казанских студентов еще более демократизировался. И дело было не только в формальных показателях. В пореформенной России сословия перестали играть определяющую роль в процессе социализации человека. «Сословная рознь не имела никакого значения, – вспоминал современник о конце 1860-х годов, – в студенческой семье все равны»[92]. Для характеристики студенческой идентичности важнее то, что казанские воспитанники были по преимуществу бедными и глубоко провинциальными. Приехавший в Казань в 1857 г. граф Перовский извещал императора, что студенческий состав местного университета сильно отличается от прочих. Во-первых, в нем 1/3 составляли «люди податных сословий», а, во-вторых, почти все студенты были выходцами из таких губерний и мест, где просвещение и цивилизация были слабы, а люди жили бедно. Соответственно, у казанских студентов наблюдались грубые нравы, низменные наклонности, склонность к пьянству и непослушанию[93].

В выводах граф погорячился, но оказался прав в том, что «аристократов» в Казани, действительно, было мало. Причем здесь, как вспоминал Д.А.Корсаков, *«аристократами» назывались студенты, не только принадлежавшие к местным помещичьим семьям, но вообще люди богатые и притом светские, то есть одевавшиеся более или менее франтовато, имевшие порядочные манеры, водившие знакомство в дворянских поме-*

---

[90] Смыков Ю.И., Шишкин В.И. Последние годы под двуглавым орлом. С. 145.
[91] Императорского Казанского университета список о студентах (1804 – 1839 гг.). Казань, 2000.
[92] Волжский странник. Волжская библиотека. С. 30.
[93] РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 84, л. 26 – 27.

Студенты медицинского факультета. 1800-е гг.

щичьих кружках и участвовавшие в тогдашних развлечениях этих кружков: балах, вечерах, домашних и «благородных» спектаклях, пикниках и т.п.»[94].

Как правило, у этих людей была низкая мотивация получения университетского образования, поэтому со временем они либо переводились в столичные университеты, либо бросали учебу, либо тянули ее, как тягло. На языке казанских студентов слово «аристократ» означало «шалопай и пустозвон»[95]. И поскольку богатых или просто обеспеченных юношей в Казанском университете было мало, то они вынужденно подчинялись культурным нормам «бедного» большинства. В 1870-е годы, в период отмены студенческой формы, они, подобно прочим казанским воспитанникам, носили длинные волосы, косоворотки, пледы, длинные сапоги, не подъезжали к университету на собственных экипажах. Щегольские костюмы «аристократы» позволяли себе только вне учебы, в своем кругу.

Лицо и дух Казанского университета рубежа второй половины столетия определяли разночинцы. И если в 1899 г. студенты из дворян и чиновников еще составляли 50,1%, а выходцы из мещан, цеховых и крестьян в общей сложности давали 32,3% всех учащихся, то в 1913 г. это соотношение было уже иным: 37,7 и 39,5% соответственно[96]. Особенно демократичными по составу были историко-филологический и медицинский факультеты, чьи воспитанники происходили даже не из мещан, а из сельского духовенства. Их присутствие, а затем и доминирование, сказывались на культуре отношений студентов. Современники отмечали произошедший «поворот от прежних – так сказать, казенных форм корпорации к новому корпоративному быту, в основу которого ложился принцип свободы отношений и чувство братства между студентами»[97]. Уже в 1870-е годы самой страшной карой для университетского питомца было исключение из рядов корпорации, даже при его формальном присутствии на занятиях. Нарушившему корпоративный кодекс чести студенту запрещалось входить в «курительную» комнату, где шли собрания, участвовать во взаимно-вспомогательной кассе. Он умирал как член сообщества.

Корпоративное сознание у студентов формировалось через противопоставление себя другим. И если в начале века университетские юноши делили себя на дворян и не-дворян, в 1830-е годы определяли себя как нечто единое перед лицом экзаменующего их преподавателя, в 1840 – 1850-е годы осознавали собственную общность в драках с горожанами и в конфликтах с полицейскими, то в 1860-е годы студенческое «мы» крепло в интеллектуальных спорах с «академистами» и «ветеринарами», а, начиная с конца 1870-х годов, – в конфронтации с университетской администрацией и верховной властью.

В региональном отношении молодые люди, приехавшие в Казань на учебу, представляли восточную часть России – они были выпускниками Астраханской, Самарской, Оренбургской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Тобольской, Саратовской и других гимназий, воспитанниками местных семинарий. Связь университета с губерниями и уездами держалась на двух столпах: во-первых, университет курировал школы учебного округа, и, во-вторых, его люди не порывали отношений со своей прежней средой. Если могли, родители помогали студенту деньгами, навещали его, а он ездил до-

---

[94] Корсаков Д.А. Былое из жизни Казанского университета 1856 – 1860 гг. С. 144.
[95] Там же.
[96] Отчет министра народного просвещения за 1899 г. СПб., 1901; То же за 1913 г. СПб., 1915. Подсчеты приводятся по: Смыков Ю.И., Шишкин В.И. Последние годы под двуглавым орлом. С. 141.
[97] Л.О. [Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов. С. 216.

Студентка. 1900-е гг.

мой на вакации. За старшим сыном нередко в университет тянулись его младшие братья, кузены, племянники и свояки. В результате одновременно в Казани училось по несколько родственников, которые снимали для себя общее жилье и вели общее хозяйство. В дальнейшем эти родственно-семейные общности стали расширяться, включая в себя знакомых, соседей и земляков.

Студенческие объединения в Казани стали складываться в 1830-е годы. Первоначально это были землячества. Данную форму самоорганизации знали все европейские школы. Более того, в некоторых из них, например, во Франции, землячества играли значительную политическую и социальную роль. Вероятно, знания об этих общностях в Казань были завезены дерптскими магистрантами и «берлинскими» стажерами. Их укоренению среди казенно-коштных студентов способствовали перебравшиеся сюда студенты Виленского и Киевского университетов. В университетской среде их комнаты, расположенные в 1830 – 1840-е годах на первом этаже главного здания, так и назывались – комнаты «ссыльных виленцев» и «ссыльных киевлян»[98].

Мемуары позволяют выделить сибирское, симбирское, пензенское, саратовское, нижегородское землячества. Видимо, они состояли не только из учащихся студентов, но и из выпускников университета и были разными. Так, в 1850-е годы в саратовском землячестве насчитывалось 13 человек[99], в 1870-е годы в сибирском – 40[100]. Последнее было одним из наиболее многочисленных и сплоченных землячеств Казани. Именно при нем появились первая студенческая библиотека и касса взаимопомощи. Средства в кассу поступали за счет сборов от благотворительных концертов и спектаклей, которые устраивались в разных городах Сибири в пользу учащейся молодежи.

Землячества играли в университете роль институтов социальной адаптации: они вводили новых членов в университетское сообщество, знакомили их с ритуалами и негласными правилами. «Достаточные» студенты «держали на своих плечах» нуждавшихся земляков[101]. Конечно, землячества оказывали поддержку, главным образом, студентам и магистрам, но, возможно, существовала поддержка между приехавшими из одного города студентами и профессорами. Чувство региональной солидарности обнаруживало себя во время пиршеств и в организации бытовой жизни.

Кроме землячеств, в 1830-е годы в Казани появляются аналоги европейских «solidatia» – товарищества студентов, совместно снимавших жилье. Здесь такие объединения назывались «студенческими семьями». Создавались они и

---

[98] Страницы из дневника Ф.Залеского / Пер. с польского М.Козыревой // Личный архив Л.А.Сыченковой.
[99] Воронов М.А. Из воспоминаний. С. 93.
[100] С.Г. [Глинка С.Ф.] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877). С. 295.
[101] Воронов М.А. Из воспоминаний// Там же. С. 95; С.Г. [Глинка С.Ф.] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877)// Там же. С. 295.

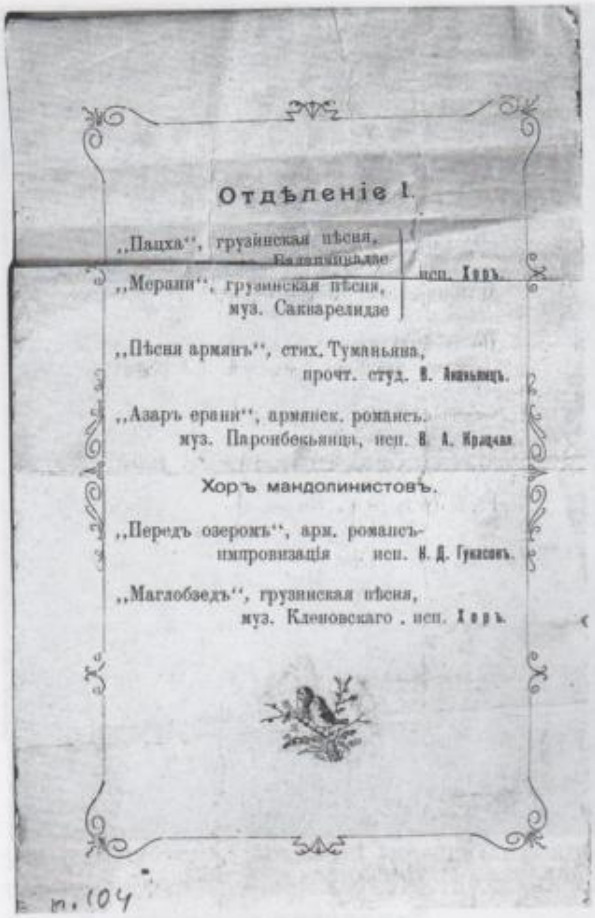
Слушательницы и преподаватели акушерских курсов

из земляков, и из одногруппников. Главным мотивом их объединения была выгодность «артельного» проживания[102]. Некоторые из «артелей» имели самоназвания. Так, из донесения III Отделения Е.И.В.Канцелярии явствует, что в 1856 г. внимание полиции привлекла квартира трех казанских студентов-саратовцев, называвшаяся «колония головастиков». В ней проходили посиделки, во время которых молодые люди (среди них были и сибиряки) обсуждали политические вопросы, распивали спиртное и ругали умершего императора и «все правительственное»[103].

Облик казанского студента формировался в соответствии с государственным заказом на университетскую «продукцию». Но на его формирование оказывали влияние также надежды и чаяния преподавателей. Открывая Казанский университет, верховная власть желала видеть в его выпускниках «европейцев». А спустя 20 лет казанский попечитель говорил уже о *«воспитании верных сынов православной церкви, верных подданных государю, добрых и полезных граждан Отечеству»*[104]. В правление Николая I требовалось, чтобы студент был «скромным, пристойным и вежливым»[105]. Плохим считался воспитанник «заносчивый, упрямый и имеющий влияние на товарищей», тот, кто «пренебрегает внушениями ближайшего начальства и изысканно прихотлив»[106].

---

[102] Волжский странник. Волжская библиотека. С. 30.
[103] РГИА, ф. 733, оп. 46, д. 188, л. 34.
[104] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1: Царствование императора Александра I. С. 1320.
[105] РГИА, ф. 733, оп. 41, д. 199, л. 46.
[106] РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 84, л. 24, 94 об. и 108; «Непокорность, упрямство и высокомерие» считались самыми пагубными чертами учащегося юноши (НАРТ, ф. 977, оп. «Инспектор студентов», д. 12, л. 70).

Отдѣленіе I.

„Пацха", грузинская пѣсня, Казанчиадзе — исп. Хоръ.

„Мерани", грузинская пѣсня, муз. Сакварелидзе

„Пѣсня армянъ", стих. Туманьяна, прочт. студ. В. Аванесянцъ.

„Азаръ ерани", армянск. романсъ, муз. Паронбекьянцъ, исп. В. А. Крадская.

Хоръ мандолинистовъ.

„Передъ озеромъ", арм. романсъ-импровизація исп. В. Д. Гукасянъ.

„Маглобэдъ", грузинская пѣсня, муз. Клеповскаго . исп. Хоръ.

п. 104

Программа концерта кавказкого землячества

Полученные от власти параметры желаемого выпускника корректировались в университетской среде, и на их основе вырабатывался воспитательный идеал преподавательской корпорации. В нем правительственные наказы сплавлялись с интеллектуальными потребностями общества и возможностями самой корпорации.

Как правило, университетские преподаватели формулировали воспитательный идеал в ситуациях, когда надо было принять решение о наказании или определить пределы дозволенного для студентов. В таких случаях казанские профессора говорили о хорошей или плохой нравственности воспитанника. Причем, в емкое понятие нравственности включались представления о доброте, отсутствие «дурных наклонностей», очевидная *«любовь к Отечеству, благочестие и приверженность к религии отцов наших»*[107]. Профессора открыто признавали, что судят «о поступке по намерению, с каким он сделан»[108].

В 1814 г. профессор П.С.Кондырев предлагал коллегам рассматривать «студента во всех отношениях, со всех сторон, касательно его ума и сердца, нравственности, поведения, занятия и учения, дабы он мог быть со временем истинно полезен государю и отечеству на службе, начальству как подчиненный, обществу как член, семейству как отец». Принимая во внимание заказ правительства, университетским наставникам предстояло соотнести свои желания с намерениями власти и, следовательно, учесть интересы «разных родов служб, отечественные нравы и обыкновения, народный дух и разные состояния»[109]. Реализация этого идеала требовала от педагога больших усилий по созданию из воспитанника гармоничной личности.

А в 1830-е годы Н.И.Лобачевский считал университетского студента прежде всего будущим специалистом. Лучшим для него был тот, кто был погружен в науку. С точки зрения воспитания, университету предстояло сформировать в воспитаннике четкую профессиональную этику. В конце 1840-х годов университетский совет стремился добиться от вверенных ему юношей послушания и покорности. Подводя в конце 1850-х годов неутешительный итог длительной и безрезультатной борьбы со студенческой вольницей, попечитель Молоствов вынужден признавался: *«На студентов нельзя уже смотреть*

---

[107] Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера (1810 – 1817)// Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758 – 1850). Казань, 1902. С. 20.
[108] Там же. С. 18.
[109] Цит. по: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. Казань, 1891. Ч. 2. С. 373.

как на детей и подвергать их надзору, какому подвергаются дети, воспитывающиеся в пансионах и гимназиях. Между студентами мы находим по большей части молодых людей, перешедших уже 20-летний возраст». А спустя еще 20 лет профессора отказались от воспитательных функций и перестали формулировать соответствующий идеал своего слушателя. В 1880-е годы студент не казался профессорам мальчиком, которого надо готовить стать отцом, подданным, служащим. Учащийся должен был обладать исследовательскими способностями и интеллектом – это было главным условим его вхождения в университетскую корпорацию и жизни в ней.

Служители. Университетская корпорация состояла не только из преподавателей и студентов, но и из служителей. В средневековой Европе их называли «родственники университета». И это слово точно отражало их роль в жизни корпорации. Между тем, в официальных историях университета они незаслуженно проигнорировались. Конечно, писать о них было сложно: служители не составляли автобиографий и мемуаров, их письма и документы не откладывались в архивах. Их роль в университетской жизни, их влияние на судьбы профессоров и студентов можно проследить лишь по отдельным упоминаниям в делопроизводственной документации и в воспоминаниях.

Жившие в университете или приходившие в него учить или учиться люди ежедневно сталкивались с целой группой лиц, его обслуживающих. По ночам университетские дома обходили часовые, одетые по зиме в тулуп и малахай. Утром приходивих на занятия студентов и преподавателей встречал одетый в специальную ливрею швейцар. Университет, как довольно крупное для провинциального города правительственное учреждение, имел большое хозяйство и предоставлял рабочие места многочисленным горожанам: нанимал садовников, трубочистов, кухарок, уборщиц, банщиков, прачек, портных, сапожников, «чистоделов», слесарей, плотников, часовых, конюхов, кузнецов; содержал инвалидную команду.

В начале века университетская инвалидная команда состояла из двух унтер-офицеров и 37 рядовых – пожилых солдат, отслуживших свой 25-летний срок в армии. Они были одеты в специально пошитую для них серую шинель или серый сюртук с панталонами. Жалование инвалидов было небольшим – от 30 до 48 руб. в год. И поскольку многие из них имели семьи, то их жены («солдатки») нередко работали тут же, в университете – кашеварили, мыли полы, помогали в ботаническом саду или оранжерее.

По мере превращения университета в разветвленное учебно-научное заведение состав его служащих стал пополняться за счет введения должностей канцелярских переписчиков, казначеев, библиотечных и архивных работников, служащих научных кабинетов, музеев и т.д. Судя по отзывам студентов, в середине века канцелярские чиновники университета мало чем отличались от их собратьев в губернских канцеляриях и городских магистратах. Такие служащие присутствуют в университетских текстах некой обезличенной массой. *«Все это – лысое, седое, в старомодных одеяниях,* – вспоминал С.В.Смоленский, – *писало, отписывалось, характерно просиживая кожаные сиденья стульев, скрипя гусиными перьями, судача между собою об архиерейской службе, новой колокольне, о присланных «в губернию» наградах и т.п.»*[110]. Это был автономный от университетской жизни канцелярский мир. Он жил по своим законам, иными интересами, обладал собственным, часто негативным мнением об университетских людях. И это сказывалось на

[110] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах. С. 271.

внутриуниверситетских отношениях. Профессора и студенты считали канцеляристов «анахронизмами», «чужаками» в родной alma mater.

Иным было их отношение к тем служителям (нередко простым и безграмотным людям), что с почтением воспринимали «храм науки и просвещения». В этом романтизме они оказались близки ученой корпорации, поэтому университет даровал им бессмертие, вписав их имена и образы в свои анналы. Среди них – швейцар Козловский, служивший университету верой и правдой более 50 лет. О нем студенты вспоминали с неизменной теплотой и нежностью. *«Вхожу в университет,* – писал Ф.Залеский, – *еще не подошел к дверям, а швейцар их уже отворяет»*[111].

Многие воспитанники и педагоги воспринимали Козловского живым символом университета, неким вековечным дубом, «пред глазами которого и до сих пор с незапамятных времен проходят одно за другим студенческие поколения»[112].

Повариха

«Чрез его «конторку», равно и с помощью объявлений у его комнаты, – вспоминал С.В.Смоленский, – *совершалось множество наших малых операций всякого рода: продажа и передача лекций, книг, вещей, театральных билетов, публикация всяких «протестов», письменных голосований и пр. Эта же конторка была и нашим почтово-телеграфным отделением»*[113]. Добродушный швейцар оказывал воспитанникам и их наставникам многочисленные неформальные услуги: отправлял домой подгулявших студентов, ссуживал их мелкими деньгами, выступал защитником за них перед инспектором и др.

Запальчивому профессору или декану Козловский мог припомнить их студенческие шалости и в этом смысле был совестью корпорации. Студенты и преподаватели считали швейцара своим человеком. Хоронили его по всем канонам профессорского похоронного обряда.

Многие студенты вспоминали казначея Савельева – доброго старичка, любителя нумизматики, мучившего студентов стихами собственного изготовления[114], и услужливого буфетчика Григория Ивановича, «вероятно, не одной тысяче студентов памятного за свой веселый нрав и широкий кредит»[115].

Особенностью Казанского университета было то, что среди его служителей было много татар. По данным на 1829 г., 14 человек, т.е. более одной трети всех «инвалидов», были татарами[116]. Их охотно брали на службу в научные кабине-

---

[111] Страницы из дневника Ф.Залеского.
[112] Л.О. [Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов. С. 198.
[113] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах// Былое из университетской жизни. С. 270.
[114] С.Г. [Глинка С.Ф.] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877). С. 276.
[115] Л.О. [Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов . С. 215.
[116] РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 365, л. 5.

Образы горожан

ты. Один из мемуаристов объяснял это двумя обстоятельствами: предрасположенностью к ним преподавателей – немцев и негативным отношением мусульман к пьянству[117]. Последнее было особенно важным для анатомического театра и зоологического музея, где в спирту хранились медицинские препараты. Принятый в 1870-е годы служителем анатомического театра Хасан (Гайнул Гибад Хассанов) проработал здесь более 40 лет. *«У кого из старых студентов и врачей не запечатлелась эта типичная фигура в национальном костюме?»*[118], – вопрошал у коллег профессор М.М.Гран. Хассанов не только овладел анатомией сам, но и написал первый анатомический учебник на татарском языке.

---

[117] С.Г. [Глинка С.Ф.] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877) С. 281.
[118] Очерки по нормальной анатомии человека вместе с понятием о некоторых наиболее частых заболеваниях. Казань, 1909. На татар. яз.

Образы горожан

От добросовестности служителя научного кабинета зависел не только порядок и организация учебного процесса, но порой и жизни университетских людей. Такая ответственность особенно ощущалась при проведении химических опытов. Мемуаристы с благодарностью и гордостью упоминали имена служителей физиологической лаборатории Латыфа (Латыфа Курмычева) и физического кабинета Файзуллы. Ни тот, ни другой не имели систематического образования, но об их мастерстве знали даже европейские академики. Латыф помнил названия всех костей человеческого скелета и «не только проводил все опыты на лекциях и практических занятиях со студентами, но был талантливым конструктором всевозможных препаратов»[119], а Файзулла прекрасно разбирался в механических и электрических машинах[120]. В 1830-е годы об окончании лекций в университете оповещал долгожданный звонок Валида Назирова. Обыгрывая его обязанности, студенты прозвали служителя «Валидка-Сатурн». Он честно исполнял свою почетную миссию в храме наук и, несмотря на горячие просьбы воспитанников, никогда не соглашался «дать звонок» раньше времени[121]. В конце столетия среди университетских служителей и лабо-

[119] Гран М.М. Служители – «научные сотрудники» Казанского университета// Казанский медицинский журнал. 1930. № 5/6. С. 522.
[120] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах. С. 271; С.Г. [Глинка С.Ф.] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877) . С. 281.
[121] Мамаев Н.И. Из воспоминаний. С. 44.

рантов появились женщины. Первая женщина-ассистент была принята на службу в анатомический театр в 1870 г. Это была ученица акушерских курсов Евгения Степановна Мужскова. Необходимость ее привлечения на службу профессор П.Ф.Лесгафт обосновывал тем, что ассистенты-мужчины с изготовлением анатомических препаратов не справляются, а Мужскова занимается этим по 12 – 14 часов, проявляя удивительную ловкость и терпение[122]. С согласия профессорского совета девушка была принята в университет по найму на один учебный год. Это было веянием новой эпохи для университетской корпорации.

"Фомич" – служитель в клинике

В начале XX в. в университете утвердилась практика оставлять на служительских местах при научных кабинетах перспективных выпускников. Они служили одновременно, подготовляя диссертации или ожидая, пока освободится преподавательское место. Особенно широко этим пользовались в университетских клиниках. *«Сверхштатные ординаторы,* – вспоминал М.В.Танский, – *работали два года бесплатно, и только на третий год два из них получали звание штатных с окладом жалованья 50 рублей в месяц, а один с обязательством жить в клинике»*[123]. Чтобы как-то поддержать молодых коллег, профессора иногда брали их на операцию в частную клинику, где ординатору перепадал подарок от благодарного пациента.

Корпоративное сознание. Университетская корпорация всегда была объединена не только официальным статусом, функциями и привилегиями, но и общим сознанием, общей гордостью за свое коллективное прошлое. Мемуары, письма, выступления на собраниях изобилуют декларациями об особом культурном и цивилизационном назначении университетских людей, фразами, выдающими присутствие в этой социальной среде культа корпоративных настроений.

По всей видимости, патриотизм как идеология начал складываться здесь с момента основания университета. Романтизм профессии создал почву для его обильных всходов. Несмотря на корпоративные противоречия и демонстрацию собственной независимости, для большинства профессоров университет был домом-убежищем и домом-кормильцем. Он был пространством всех сфер жизни университетского человека. Чтобы чувствовать себя комфортно, ему надо было научиться гордиться университетом, его надо было

[122] НАРТ, ф. 977, оп. «Совет», д. 5500, л. 1.
[123] Танский М.В. Казанский университет в 1890-х гг., л. 19.

Молочница

Зеленщица

полюбить. Ощущая себя носителями высокой культуры,университетские люди осознавали элитарность образуемого ими сообщества.

Судя по воспоминаниям, это ощущение было присуще не только профессорам, но даже служащим и студентам. Пока юноши учились и испытывали прессинг дидактического принуждения, это чувство жило в них подспудно. *«Уже тринадцатый год я влачу это подлое школьное существование,*– писал в дневнике студент Ф.Залеский, *готовясь к выпускным экзаменам – так мне это надоело, что даже не знаю, что бы я стал делать, если бы пришлось мне еще хотя бы год оставаться этом положении. Сомневаюсь, что когда-нибудь это все покажется мне далеким прошлым, которое предстанет в моем воображении в приятном свете»*[124]. Но вышедших из-под защиты университетских стен во взрослый мир жестких правил университетских выпускников начинало неумолимо тянуть назад, и прошлое окрашивалось в светлые, лучистые тона. Спустя четыре года по окончании университета тот же Залеский вернулся в него, чтобы поступить на медицинский факультет, а потом остался в Казани приват-доцентом.

Университетским людям университет виделся источником цивилизующего влияния на общество, он ассоциировался с прогрессом человечества. *«Благодаря университетам, движение прогресса в области знания совершалось безостановочно»*,– вторили профессорам их воспитанники[125]. За годы обучения в Казани они проникались миссией носителей «широкой терпимости, правды и прогресса»[126]. Эта приобщенность к великим ценностям цивилизации, «посвященность» в тайную логику мироздания были идеями-эмблемами, которые сближали членов университетского сообщества и заставляли их поддерживать многолетние связи, помогать друг другу.

Университетская дружба имела большое значение для судеб людей. Они помогали друг другу деньгами, связями, влиянием и социальным положением, составляли друг другу протекции по службе. Один из ранних приме-

[124] Страницы из дневника Ф.Залеского.
[125] П.Т. Что такое университет? (Письмо из Елабуги)// Волжский вестник. 1887, 20 ноября (№ 303).
[126] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах. С.272.

ров тому дает биография первого адъюнкта математики Г.И.Карташевского. Уволенный в ходе конфликта с директором университета, он, благодаря рекомендации своего бывшего воспитанника С.Т.Аксакова, получил место в правительственной Комиссии составления законов. А прибывший в 1890-е гг. в казачью станицу выпускник медфака Тезяков неожиданно для себя получил полицейскую поддержку и помощь от бывшего сокурсника-оппозиционера. И таких примеров много.

"Синий чулок"

Иногда университетские выпускники составляли целые объединения для взаимодействия и помощи друг другу. В конце столетия такая организация – «Общество вспомоществования бывшим воспитанникам Императорского Казанского университета», – сложилась в Петербурге. С 1887 г. каждый год, 5 ноября, «казанские питерцы» собирались, чтобы отметить день основания alma mater, окунуться в негу воспоминаний, а в случае нужды оказать помощь друг другу. К 100-летнему юбилею университета их «иждивением» в Петербурге вышли сборник мемуаров «Былое из университетской жизни» и песенник «Песни казанских студентов». То и другое издания привлекли внимание столичных читателей к университетской культуре губернской Казани.

С каждым выпуском университетская семья прирастала. И только человек, утративший веру в просветительские идеалы, «умирал» для этой семьи. Он оказывался за ее пределами. История университета сложена биографиями тысяч людей. Среди них, конечно, были и те, кто вспоминал университетские годы с горечью, досадой или вовсе вычеркивал их из своей памяти. Так, освободившись от очарования магии университета и обращаясь к образам своих наставников, М.А.Воронов писал: *«Все сделались теперь наследием могильного червя, правда, еще и при жизни уже достаточно подточившего и вас самих, и вашу науку. Но как хотелось верить и как верилось когда-то вашим словам. С каким жаром выслушивались ваши смешные и досадные лекции, и с какою наивностью заучивались иногда ваши мудрые изречения, ваши полуистлевшие и рутинные доводы и мысли!»*[127]. Как правило, такое «прозрение» осеняло воспитанников, впоследствии оказавшихся в корпорациях с собственной идеологией, с собственным патриотизмом (например, на военной службе или в Академии наук).

При всем том в восклицании Воронова видно болезненное столкновение идеалов обывателя и университетского человека. У университета есть своя логика жизни, которая чужда людям, живущим вне его пространства. Университетская корпорация создает социальные идеалы и отстаивает их жизнеспособность. Конечно, в этом есть определенная уязвимость. Ведь нахо-

[127] Воронов М.А. Из воспоминаний. С.80.

дясь под «стеклянным колпаком» идеалов, легко потерять адекватность современным проблемам текущей жизни, обзавестись сектантским мышлением и психологией, ощутить себя непризнанными гениями, непонятой элитой. Более того, в конце столетия, когда страну лихорадило от студенческих беспорядков, суицида, политического терроризма, современники откровенно признавали, что университет и жизнь находятся в диссонансе, «в непримиримом противоречии». Ибо «благородство нравственных помышлений, нравственных теорий – далеко не всегда дает в результате благородство поступков, вполне нравственных дел»[128].

Но цинизм еще более опасен, он разрушителен для университетской культуры, как культуры, по преимуществу, воспитательной. На нем невозможно выстроить «воображаемый» и привлекательный мир, к которому устремится ищущий своего места во взрослом мире юноша. Поиск оптимального соотношения мира «воображаемого» (ценностей, идеалов, патриотизма) и мира «прозаического» (бытовых и материальных проблем, политических и профессиональных потребностей) продолжается на протяжении всей истории университета. А в их сочетании – залог живучести университетского духа.

Университетские люди болезненно относились и порицали любые прецеденты критики со стороны бывших членов корпорации. Так, когда уехавший из Казани ориенталист Х.Д.Френ написал рецензию на труд своего коллеги Ф.И.Эрдмана, в котором скептически высказался относительно казанских условий развития науки, ректор Г.Б.Никольский обиделся за университет. *«Г. Френ,* – сообщал он попечителю,– *на конце своей рецензии говорит обидно и даже против себя, что в Казани ревность к учению мало распространена, ибо и он некогда был казанским профессором. Г-да антикварии иногда заговариваются»*[129]. Но особенно остро воспринимались обличения, посланные коллегами в министерство или на имя императора. В таких случаях, отвечая на запросы верховной власти о справедливости изложенных данных, профессорский совет говорил не просто о клевете и наветах, но об «оскорблении чести университета»[130].

Такое отношение прослеживалось на всех уровнях университетской корпорации. Рану в университетской памяти оставило обличительное письмо уехавшего в Дерпт студента П.Д.Боборыкина. Бывший казанский воспитанник *«громил казанщину, проводя параллель между нею и Дерптом. Письмо, помнится, написано было мастерски»*,– вспоминал А.Гациский[131]. Получившие его казанские сверстники были обескуражены. С одной стороны, возмущала выходка бывшего «своего», была обидной критика. С другой, многое описанное в письме казалось справедливым. *«Мы обиделись им,* – признавался А.Гациский,– *хотели отвечать, но не ответили, видно, потому, что нечего было отвечать, а обиделись потому, что правда глаза колола: не щадились профессора, за исключением, конечно, тех, о которых ничего нельзя было сказать дурного, но не щадились и студенты с их бездельничанием и повальными кутежами»*[132]. И хотя письмо задело, защитной реакции на него не последовало – в конце-концов оно было частным сообщением.

Но когда П.Б.Боборыкин опубликовал автобиографическую повесть «В путь-дорогу». Она была воспринята как откровенное предательство, как «вынесенный из

[128] П.Т. Что такое университет? (Письмо из Елабуги).
[129] Письма в черновиках ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому //ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр.4019 , л.75.
[130] РГИА, ф.733, оп.40, д.113 «Дело об увольнении профессора Пальмина» 1824 –1835, л.50.
[131] Гациский А. Воспоминания об А.М.Бутлерове, С.В.Ешевском и др. профессорах 1850-х годов// Былое из университетской жизни. С.113.
[132] Там же.

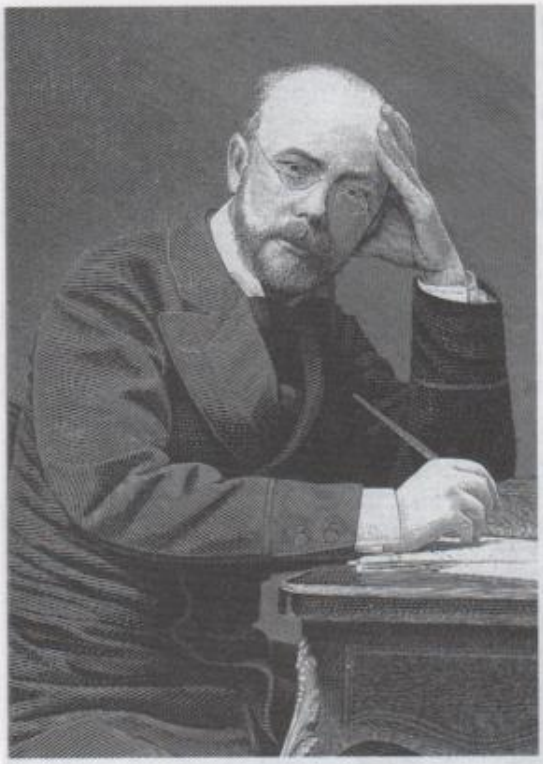
Студенты, ассистенты и преподаватели медицинского факультета

избы сор». Публичный ответ «ренегату» казанские выпускники дали в юбилейном сборнике воспоминаний. Сама 100-летняя годовщина alma mater создавала выигрышную полемическую позицию. Расположенные в хронологическом порядке мемуары разных, зачастую ставших известными государственными деятелями в Казани, лиц рисовали картину трудного становления университетской жизни, научной традиции. Опираясь на их свидетельства, в статье с подзаголовком «О письме П.Д.Боборыкина из Дерпта в Казань», С.Глинка заявил: *«Нам кажется, что если бы герой романа «В путь-дорогу» в Казани сумел также близко стать к университету и его научной жизни, как он сделал это в Дерпте,... взгляд П.Д. на Казанский университет не имел бы столь одностороннего характера»*[133].

Отстаивая честь воспитавшей их школы, выпускники подчеркивали пристрастность обличителя, порожденную его юностью; скоропалительность выводов, ставших следствием слабого знакомства автора с подлинной жизнью университета. По их мнению, во все времена из университета бежали те, кто «прошел мимо идеи университета», кого «засосала» неблагоприятная среда. И оставались те, для кого университет был полем действия, пространством для раскрытия своих возможностей. Иначе из Казанского университета не вышли бы Бутлеровы и Зинины – прототипы созданного в другом романе Боборыкина образа ученого-идеалиста Крутицына.

Окончивший служебный путь в университете профессор мог иметь недоброжелателей и даже врагов внутри корпорации, мог считать коллег пристрастными и неблагодарными, но почти никогда эти негативные ощущения не переносились им на университет в целом. Это был его дом, дом, который он любил, которому был предан. И потому преподаватель нес сюда свой интеллектуаль-

[133] С.Г. [Глинка] Несколько слов по поводу предыдущей статьи (О письме П.Д.Боборыкина из Дерпта в Казань)// Былое из университетской жизни. С.118.

П. Д. Боборыкин

ный капитал при жизни и завещал его (в виде библиотек, коллекций монет, минералов, а иногда домов и прочего) после смерти.

Бывшие выпускники клялись в любви и благодарности университету. При этом многим казалось, что данное чувство присуще только их поколению. *«В мои студенческие годы моя «mater» была именно «alma». Такова эта «mater» в моем сердце до сих пор, и с этой любовью и с этой почтительной благодарностью я лягу в могилу»*, – заверяли многие, подобно С.В.Смоленскому[134], и порицали неблагодарную молодежь. Но проходили годы, и воспоминания бывших «молодых» наполнялись такими же признаниями.

Советская вузовская интеллигенция

В XX в. понятия «университет» и «корпорация» оказались разведены. Университет обрел устойчивое значение государственного образовательного учреждения, а слово «корпорация» растворилось в обезличенных терминах «советская вузовская интеллигенция» и «коллектив университета». Именно эти термины использовались тогда самими членами корпорации. Процесс вхождения российских университетов в советское политическое пространство неизбежно предполагал изменение их «анатомии», внутренней структуры, формирование университетской корпорации на качественно новых принципах.

Казалось, что в проблеме преобразования университетского сообщества на социалистический лад нет ничего сложного. В самом деле, российская профессура (не говоря уже о студенчестве) в большинстве своем отличалась широтой и либеральностью взглядов, живо откликалась на разного рода прогрессивные начинания, находилась в привычной оппозиции к имперской власти. Поэтому на первых порах ее вполне можно было «приспособить» к работе в советской высшей школе, впоследствии постепенно заменяя «буржуазных» преподавателей новыми, «красными» профессорами (по мере их подготовки и появления). Контингент «нового» студенчества, как представлялось большевикам, должна была составить буквально атакующая университетские аудитории рабоче-крестьянская масса. Саму же структуру университетов предполагалось выстроить таким образом, чтобы она соответствовала, в первую очередь, утилитарным потребностям социалистического строительства и была нацелена не столько на подготовку «кабинетных» ученых, сколько на обучение будущих практиков.

Реальность внесла коррективы в эти планы. Перестройка университетского организма на новый лад оказалась делом трудным и болезненным. Навязы-

---

[134] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах. С.240.

ваемые извне нормы и ценности зачастую выглядели непонятными, сомнительными, иногда – и прямо противоположными тем, что формировались в российских университетах на протяжении многих десятилетий, традиционно бытовали и практиковались внутри университетской корпорации, в соответствии с которыми было воспитано не одно поколение университетских питомцев. Корпоративные установки оказались сильнее и устойчивее, чем политическая конъюнктура, они прорастали в новых людях, в новых поколениях и продолжали властвовать над членами университетского сообщества, определяя стиль поведения и образ мыслей этих людей.

Первые симптомы грядущих революционных перемен в жизни университета члены университетской корпорации ощутили сразу после Февральской революции 1917 г.

Так, попытки Временного правительства демократизировать состав студенчества были восприняты как покушение на традиционные корпоративные устои и натолкнулись на латентное сопротивление профессуры. В апреле 1917 г. в ответ на предложение Министерства народного просвещения расширить студенческий контингент за счет лиц женского пола и лиц, не имевших классического образования, университет, дав формальное согласие, сохранил вступительный экзамен по латинскому языку и провозгласил преимущества мужчин в получении высшего образования («женщин только на оставшиеся вакансии»). Уделом девушек, как и прежде, оставались Высшие женские курсы и Повивальный институт[135].

Еще сильнее по высшей школе ударили события октября 1917 г. Именно они положили начало растянувшемуся на долгие годы процессу слома российской университетской системы. Этот политический эксперимент был призван полностью изменить лицо университетской корпорации – как мир студентов, так и мир преподавателей. Осознавая, что более консервативной ее частью, прочно связанной с многовековой европейской университетской культурой, является профессура, советские власти сделали ставку на студенчество. Быстрая сменяемость этой части университетской корпорации, возможность регулировать «сверху» состав новых поколений учащихся, свойственный молодежи интерес ко всему новому, а также юношеский максимализм и неприятие авторитетов – все это создавало благоприятные предпосылки для проведения политики новой власти в вузах с опорой на студенчество. Юный революционный пыл студенчества должен был задавать тон советским преобразованиям в университете.

Студенты. К реформированию высшей школы советская власть приступила весной 1918 г. До этого времени сохранялась прежняя организационная структура университета, практически не менялся профессорско-преподавательский состав, по старым правилам осуществлялся прием студентов на первый курс, использовались «дореволюционные» учебные планы и программы. *«До него [университета] не было никому дела,* – писал М.К.Корбут, – *а сам он отнюдь не интересовался принятием на себя каких бы то ни было обязательств»*[136]. Хотя с января 1918 г. в Казань приходили отдельные документы, исходившие из отдела высших учебных заведений Наркомпроса, они носили не директивный, а по преимуществу разъясняющий или констатирующий характер[137].

---

[135] Тихомирнова О.А. О профессоре Николае Александровиче Ливанове // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10079, л. 2.
[136] Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930. Т.2. С. 301.
[137] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 1, д. 4, л. 53.

Приближение «красногвардейской атаки» на «старую» школу ускорила разгоравшаяся в России гражданская война. События лета-осени 1918 г. в Казани, связанные с почти единогласной поддержкой Комуча Советом Казанского университета и последующим уходом с отступающей армией многих профессоров, преподавателей и студентов, окончательно развеяли надежды советской власти на лояльность высшей школы. Большевики решили полностью обновить университет.

В августе 1918 г. вышло постановление СНК «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства»[138], которым вводился свободный прием в вузы без экзаменов и предъявления аттестата о среднем образовании. Двери Казанского университета открылись для неподготовленных, но желавших учиться рабочих и крестьян. Плата за обучение отменялась. Произведенный ранее на основании аттестатов или конкурсных экзаменов набор на первый курс на 1918/19 учебный год был аннулирован. Для того, чтобы предоставить возможность поступить в университет в соответствии с новыми правилами всем желающим, срок подачи заявлений о зачислении был продлен вначале до 15 октября 1918 г., а затем и до 1 января 1919 г. Реально же запись студентов шла весь год. Количество заявлений возросло почти в 2 раза, и все желающие были приняты. *«О такой колоссальной нагрузке, как в ту пору,* – вспоминал профессор Н.А.Ливанов, – *я не знал ни раньше, ни позже. Читаешь, бывало, в самой большой аудитории, рассчитанной на 400 студентов, а набирается вся тысяча»*[139].

Поставленные перед необходимостью учить высшей математике людей, не знавших даже таблицу умножения, профессора использовали любой повод, чтобы вернуться к прежней системе фильтрации новобранцев. Для желавших участвовать в практических занятиях в первом семестре была установлена предварительная проверка знаний. Пользуясь этим, университет в октябре 1918 г. ввел на всех факультетах предварительные испытания. Однако студенты пригрозили жалобой в местный комитет просвещения, и экзамены были отменены. Вопрос о допущении студентов к практическим занятиям решался теперь при участии студенческого старостата[140].

В октябре-декабре 1918 г. Совет университета принял к исполнению декреты СНК о перенесении лекций и практических занятий на вечернее время («в целях дать возможность всем трудящимся обучаться в высших учебных заведениях») и об отмене государственных экзаменов и дипломов[141]. Отныне в высшей школе упразднялись все официальные экзамены, отменялись сессии, балльная система; студенты, независимо от года поступления и времени пребывания в вузе, могли сдавать экзамены в любое время, по взаимному соглашению с преподавателем. Так, весной 1919 г., в конце первого года обучения в университете, студента лесного факультета Бориса Арбузова просто вызвали в деканат и спросили, считает ли он себя достойным учебы на втором курсе. Он ответил утвердительно и стал второкурсником[142].

Все предпринятые меры должны были резко изменить состав университетского студенчества с точки зрения его социального происхождения. СНК РСФСР рекомендовал при зачислении студентов в университеты придерживаться принципа «классового отбора». Однако успехи новой власти по «пролетаризации» студенческого контингента оказались не столь очевидными и

---

[138] Собрание декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. М., 1921. Вып.2. С. 8, 14, 72.
[139] Казанский университет, 1804 – 1979. Очерки истории. Казань, 1979. С. 103.
[140] Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова - Ленина за 125 лет. Т.2. С. 305.
[141] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 2, д. 9, л. 28.
[142] Подольская М. Раифская живица // Казань, 1999. № 7/8. С. 46.

стремительными, как бы ей того хотелось. Из 1885 студентов, зачисленных в Казанский университет в 1917 г., детей потомственных дворян было 89, личных дворян и чиновников – 765, лиц духовного звания – 370, почетных граждан и купцов – 167, мещан и цеховых – 472, казаков – 16, крестьян – 288, иностранцев – 9, прочих – 9[143]. И все эти (в большинстве своем «классово чуждые») люди продолжали учиться в университете в последующие годы.

Несмотря на предоставление рабоче-крестьянской молодежи реальных льгот, она, как показали результаты «первого свободного демократического» приема 1918 г., шла в университет вяло и неохотно. Происходило это во многом потому, что юридические привилегии не были подкреплены знаниями, позволявшими бы выдерживать конкуренцию с непролетарской молодежью. В силу исключительно слабой (а подчас – и вовсе никакой) подготовки «новые» студенты долго в университете не задерживались. *«Пока были только лекции – ничего,* – вспоминал впоследствии А.В.Луначарский, – *отдавят друг другу бока, но слушают, а когда дошло до лабораторий, до анатомического театра, дело пошло хуже»*[144]. В студенческой среде в те годы был распространен анекдот: на робкий и наивный вопрос студента-пролетария: «Что такое интеграл?», старый профессор хватался за голову и стонал: «Милейший, в Германии даже лошади интегрируют».

Кроме того, в семьях рабочих и крестьян существовала своя система ценностей, свои традиционные представления об образовании детей и их будущем. Университету среди них, как правило, не было места. По воспоминаниям одного из студентов тех лет, родители ежедневно говорили ему одно и то же: «Брось, сынок, учиться, обувь бить»[145]. Несмотря на желание многих молодых людей получить высшее образование, принято было отдавать учиться не в университет, а «ремеслу». Особенно строгие патриархальные традиции сохранялись в отношении девочек. Домашние функции жен и воспитательниц детей оставались здесь главными по сравнению с профессиональной карьерой. Что касается крестьянской молодежи, то в единоличном крестьянском хозяйстве она была главным работником, расстаться с которым было просто немыслимо.

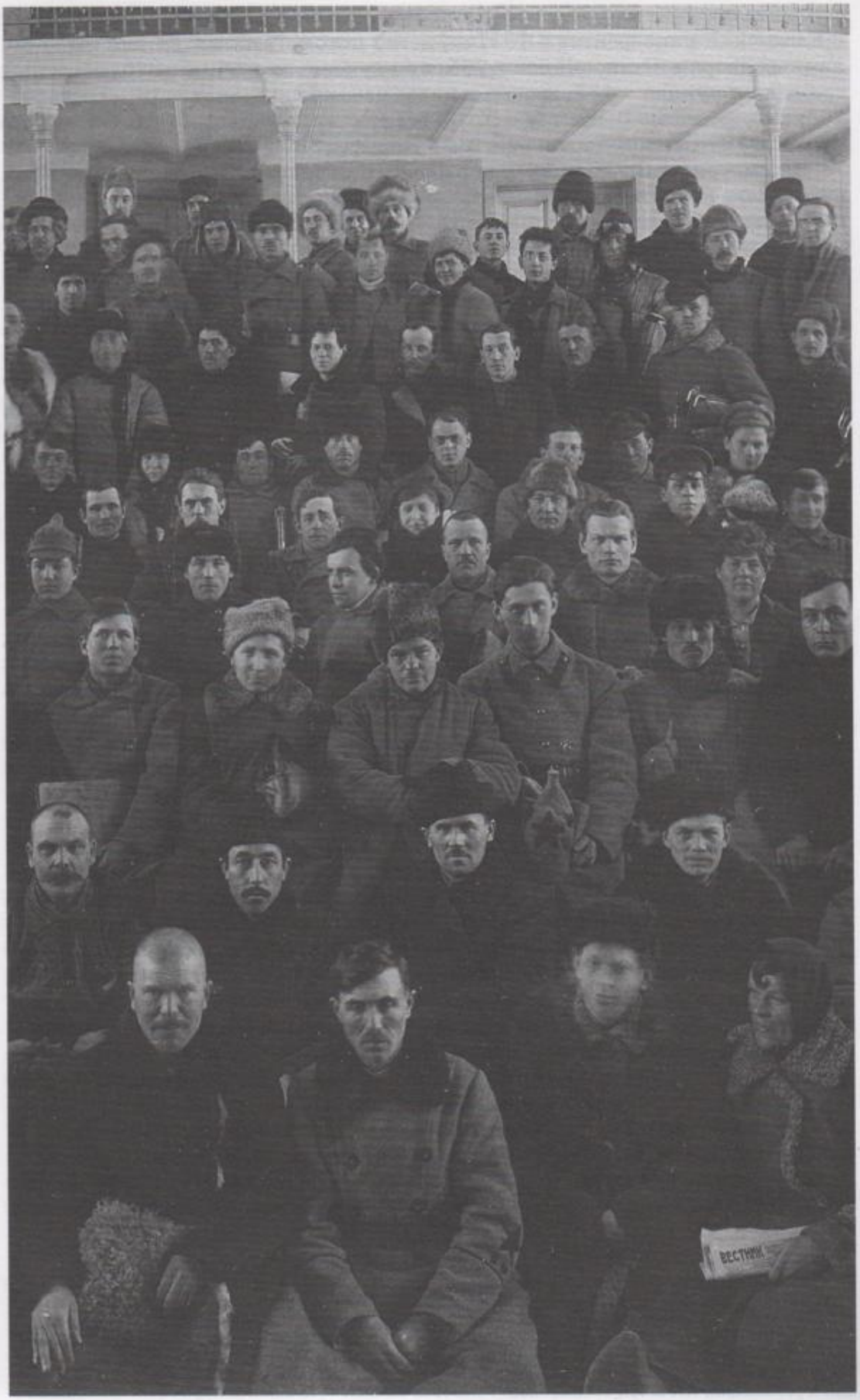
Нельзя не учитывать и того факта, что наиболее передовая и грамотная часть «новой» молодежи, прежде всего из рабочих, воевала тогда на фронтах гражданской войны. Как писал впоследствии М.Н.Покровский, все живое из пролетарской среды тянулось на фронт, а в высшую школу «густой струей шла «нейтральная» мелкая буржуазия, на войну с белыми не стремившаяся»[146].

В итоге, в 1918 г. рабоче-крестьянская прослойка в казанском студенчестве составляла всего 8,5%[147]. Но и эта цифра вряд ли соответствовала действительности. В служебных автобиографиях того времени прослеживается так называемая «ложная самоидентификация», когда социальное происхождение определялось не занятиями и положением родителей, а собственными политическими пристрастиями или конъюнктурными соображениями.

Чтобы поступить в университет, некоторые дворяне скрывали свое социальное происхождение. Распространенными способами сокрытия были «утеря» документов и указание в анкетах в графе «социальное происхождение» профессии родителей вместо сословия: «Метрику мою настоящую ба-

---

[143] ОРРК НБЛ КГУ, ф. «Казанский университет», д. 6746, л. 1.
[144] Луначарский А.В. Ленин и народное образование. М., 1960. С. 44.
[145] Рыбников Н.А. Автобиографии рабочих и их изучение. М., 1930. С. 51.
[146] Покровский М.Н. К съезду рабочих факультетов // Правда. 1923. 16 февр. Цит. по: Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 85.
[147] Султанбеков Б.Ф. Научная интеллигенция Поволжья в годы гражданской войны // Интеллигенция и революция, XX в. М., 1985. С. 228.

ВЕСТНИК

бушка в свое время сожгла и получила мне обыкновенную советскую метрику. При поступлении в анкете она мне велела писать: отец – военнослужащий, мать – медсестра»[148].

Одним из путей быстрой «пролетаризации» университета могла стать его немедленная структурная реорганизация, направленная на ликвидацию наименее демократичных по студенческому и преподавательскому составу и наиболее проникнутых «буржуазной» идеологией факультетов. Таковыми считались гуманитарные факультеты – юридический и историко-филологический.

На заседании ВЦИК в декабре 1918 г. военный комиссар Казани И.И.Межлаук возмущался тем, что юристы продолжают читать лекции по полицейскому, церковному праву и другим «архаичным» предметам. Он уверял собравшихся, что профессора пытаются доказать незаконность советской власти, тем самым превращая юридические факультеты в «явное контрреволюционное гнездо»[149]. В марте 1919 г. юридический факультет был упразднен, а в апреле на его основе был создан факультет общественных наук (ФОН) с юридическо – политическим, экономическим и историческим отделениями[150]. В июне 1921 г. был закрыт «рассадник консерватизма» – историко-филологический факультет[151]. Истфилфак был влит в состав ФОНа.

Но и последний просуществовал недолго. Хотя летом 1921 г. были выработаны новые правила, предписывавшие зачислять на ФОНы в первую очередь лиц, командированных наркоматами, губкомами партии и профсоюзами[152], реальной их «пролетаризации» достичь тоже не удалось. Имея в основе своей бывшие юридический и историко-филологический факультеты, ФОН, как указывалось в докладных документах того времени, по-прежнему оставался «самым консервативным», наряду с физматом, факультетом университета. Поэтому в августе 1922 г. ФОН Казанского университета был закрыт, а его преподаватели переведены во вновь созданный Восточный педагогический институт. Эти эксперименты первых советских лет показали, что университетская корпорация владеет сложными механизмами сопротивления «реформам». Профессуре удавалось спустить на тормозах все начинания советского правительства. И потому поистине гениальным изобретением новой власти в этих условиях было открытие в соответствии с декретом СНК от 17 сентября 1919 г. рабочих факультетов. А.В.Луначарский образно назвал их пожарными лестницами[153], по которым пролетарская молодежь проникала в вузы, минуя предусмотренные архитектурой прежней образовательной системы длинные коридоры.

И, действительно, именно рабфаки дали рабочим и крестьянам реальную возможность учиться в университете. Их комплектование осуществлялось через систему разверстки и откомандирования. Поступавшие представляли рекомендации профсоюзов, фабзавкомов, партийных, советских органов или органов народного образования и подтверждали «чистоту» происхождения. Не быть крестьянином или рабочим мог только член РКП(б) и РКСМ. Но в любом случае рабочие должны были составлять не менее 50% всего контингента учащихся[154].

---

[148] Интервью с И.Е.Гедройц. Цит по: Чуйкина С. Дворяне на советском рынке труда // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920 – 1930-е годы. СПб., 2000. С. 172.
[149] Народное просвещение. 1918. № 6/7. С. 84.
[150] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 2, д. 1, л. 23.
[151] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 2, д. 3, л. 22; оп. 1, д. 42, л. 42 – 43.
[152] Бюллетень Главпрофобра. 1921. № 35. С. 10.
[153] Луначарский А.В. К десятилетнему юбилею рабфаков // 10 лет строительства рабфаков. М.; Л., 1929. С. 23.
[154] Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М., 1931. С. 160.

Студент. 1919 г.

С точки зрения учебной подготовки, от поступавших требовалось лишь умение читать, писать, выполнять четыре арифметических действия над целыми числами и иметь простейшие представления об общественном развитии. Все, кто знал сверх того, зачислялись на старшие курсы. На деле же даже эти элементарные требования игнорировались, если претендент шел «от станка» или «от сохи». Именно рабфаки явились наиболее эффективным орудием пролетаризации высшей школы – рабоче-крестьянская прослойка в Казанском университете в 1920 г. составила уже 33%[155].

Поскольку советская власть провозглашала себя освободительницей прежде угнетавшихся народов империи, то университет был обязан обучать представителей этих национальностей, создать им возможности для обучения на родном языке. Для этого были созданы две «татарские» группы по 30 человек в каждой, а несколько позднее – «чувашская» группа и «марийско-вотский сектор». А в 1924 г. были объявлены новые льготы для национальных меньшинств[156]. В эти годы на «русских» отделениях студенты учились 3 – 4 года, а на «национальных» отделениях – 4 – 5 лет[157]. Образовательные льготы получила еще одна угнетенная категория населения – женщины. Однако не все, а только работницы и крестьянки. Их квоту предписывалось довести, по крайней мере, до 25% от общего числа учащихся.

Позже, в 1930-е годы здесь реализовывалась программа «коренизации» студенческого контингента. Согласно замыслу, к лету 1933 г. в Казанском университете предполагалось создать 20 групп с татарским языком обучения. В действительности создали только 6. Но и они просуществовали лишь два года, а затем были слиты с «русскими» группами. Поскольку квалифицированных преподавателей, свободно владевших татарским языком, было мало, то качество обучения в этих группах оказалось низким. Университетской администрации пришлось выбирать: либо национальное обучение, либо научный уровень. Выбор был сделан в пользу науки[158].

К июню 1920 г. рабфаковцы составляли шестую часть университетского совета. Большевики не ошиблись в них. Социальная и политическая активность новых студентов переродила императорский университет. Они издавали газету и журналы, организовывали коммуны и кружки марксизма-ленинизма, политэкономии, антирелигиозный, текущей политики и др. Лозунги, развешанные в аудиториях, призывали: «Все в кружки, никого вне кружков»[159]. Учебные занятия заканчивались пением «Интернационала». В 1922 г. благо-

---

[155] Султанбеков Б.Ф. Научная интеллигенция поволжья в годы гражданской войны.. С. 228.
[156] Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 157.
[157] Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 157; Афанасьев Т.П. Прошлые эпохи Университета // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10074, л. 1.
[158] Курбангалиева Х.М. Годы учебы в Казанском университете // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10083/2, л. 12; Габбасова. М.А. Незабываемое // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10076, л. 3.
[159] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 1, д. 28, л. 97.

даря рабфаку в университете появилась ячейка РКСМ. Тогда в ней насчитывалось 12 комсомольцев и 2 коммуниста, но на ее заседании было принято решение «обязать всех товарищей до 20 лет вступить в Союз». На следующий год ячейка разрослась до 95 человек. Дальнейшему ее расширению мешал солидный возраст учащихся. Современница вспоминала, что рабфак состоял из людей широкого возрастного диапазона – от 16 до 60 лет[160].

Однако создание рабфака имело и другую сторону: он расколол студентов на два антагонистических мира. Рабфаковцы презирали студентов других факультетов, называли их «мещанами», «обывателями», «отсталыми элементами» и избегали контактов с ними. Последние тоже не оставались в долгу, и вслед рабфаковцам летело: «дрянь», «чернь», «шваль», «быдло». Они были слишком разные – эти студенты первых лет советской власти. Одни, «новые» – нищие, голодные, плохо одетые, малограмотные, но полные революционного задора и веры в будущее. Другие, «старые» – тоже не очень сытые, с особым шиком донашивавшие старую университетскую форму (мундиры, шинели, фуражки – предмет особой гордости, столь ненавистный «пролетарскому студенчеству» символ «старого мира»), ощущавшие свое интеллектуальное превосходство ввиду приобщенности к «прежней» культуре и втайне гордившиеся этим.

Такая неоднородность изначально заключала в себе острые конфликты и противоречия, без которых не обходилась жизнь казанского студенчества начала 1920-х годов. Особой нетерпимостью и максимализмом отличались студенты, прошедшие через горнило гражданской войны. Даже внешний вид этих людей, связанный с их недавним прошлым, подчеркивал приверженность революционным ценностям. По воспоминаниям очевидца, в середине 1920-х годов многие студенты носили шинели, кожаные куртки, кители, браунинги на ремне[161]. Открытый в 1918 г. лесной факультет почти полностью состоял из демобилизованных. А рядом с ни-

Б. А. Арбузов. Раифа. 1925 г.

Передовая работница льнокомбината пишет заявление о поступлении на рабфак. 1920-е гг.

[160] Тефанова Т.А. Из истории геологического факультета КГУ // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10096/1, л. 5.
[161] Тефанова Т.А. Из истории геологического факультета КГУ.; Шаламов В. Двадцатые годы // Записки очевидца. Воспоминания, дневники. М., 1991. С. 554.

Рабфак. 1920-е гг.

ми на студенческой скамье сидели застенчивые деревенские мальчики в самодельной одежде. В 1925 г. будущий профессор В.С.Абрамов приехал из чувашской деревни сдавать вступительные экзамены в лаптях; будущий профессор и ректор Чувашского университета С.Ф.Сайкин сдавал экзамены в галошах, надетых на белые шерстяные носки домашней вязки[162].

Непросто складывались и отношения «рабочих» студентов с профессорами и преподавателями. В числе последних было немало лиц, демонстрировавших негативное отношение к новому порядку, лиц, не желавших видеть «чернь» в университетских аудиториях и считавших невозможным научить этих людей чему-либо. Выступая в 1922 г. перед студентами-выпускниками медфака последнего предреволюционного набора 1917 г., декан медицинского факультета Г.Я.Трошин с горечью говорил: «Вы – последние могикане. Вместе с вами кончится настоящее студенчество. Остальные – шваль. Погибает Россия»[163]. Многие «старые» профессора считали рабфак «исчадием ада», явившимся для «разрушения российской науки»[164].

Обострению конфликта способствовало введение в 1920 г. студентов-пролетариев во все органы университетского управления. Большинство профессоров возражали против этого, полагая, что «яйца курицу не учат», и студентам нечего делать на заседаниях ученого совета. Лишенные легальных методов борьбы, они избрали тактику бойкота. Бывало, что члены совета собирались на его заседание часа за два до назначенного срока, решали все вопросы, а при появлении студентов ректор провозглашал: «Прошу садиться, господа». И, сделав паузу, добавлял: «Благодарю вас. Заседание прошу считать закрытым»[165].

Именно неприятием «нового» студенчества, а также непрестижностью и безусловной трудностью, непривычностью работы с новым контингентом объяснялось нежелание старой профессуры работать на рабфаке. Первоначально к работе здесь пришлось привлекать учителей средней и даже начальной школы.

---

[162] Ключевич А.С. Воспоминания химика–выпускника КГУ. Казань, 2002. С. 13.
[163] Корбут М.К. Указ.соч. Т.2. С. 330.
[164] Известия ВЦИК. 1922. 3 февр.
[165] Из беседы с Н.Н.Ступишиным.

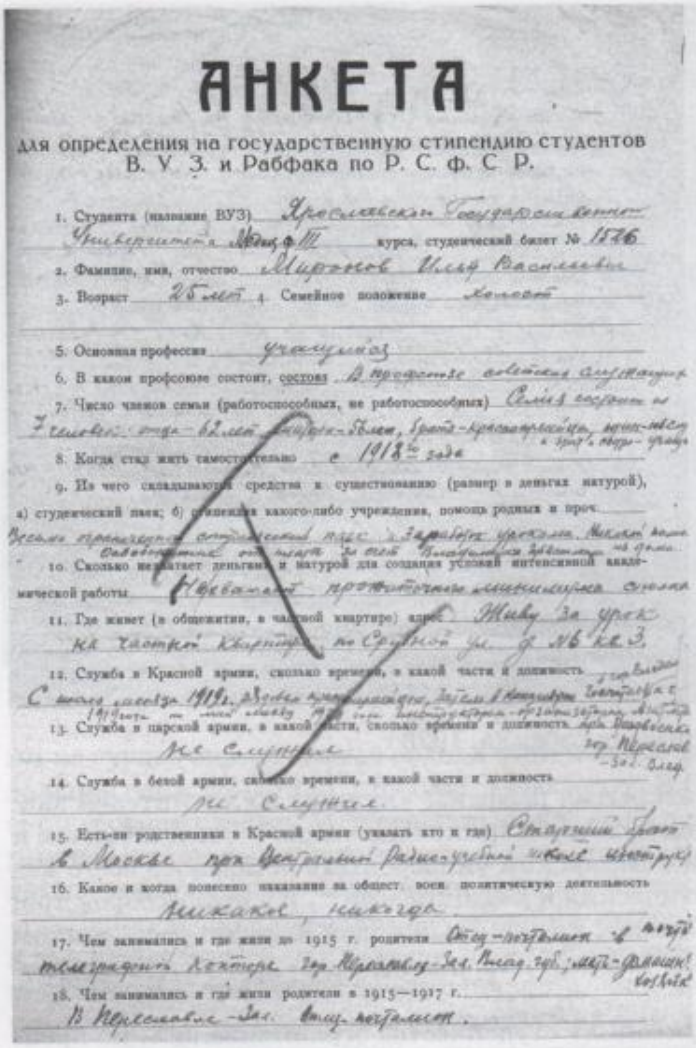
Слушатели рабфака. 1923 г.

Однако через два года после открытия рабфака, «лучшие из хранителей знаний» считали за честь иметь здесь хотя бы несколько часов[166]. Это и понятно: к началу 1922/23 учебного года в Казанском университете оставалось всего два факультета: физико – математический и медицинский[167], и у профессоров просто не оставалось выбора[168]. Физмат, признанный новой властью рассадником «чистой науки», «абстрактных знаний», «нежизненным» факультетом, уцелел только чудом[169].

Первоначально «пролетаризация» студенчества ограничивалась, по преимуществу, рамками рабфака. Но затем вытеснение представителей «социально чуждых слоев» из новой университетской корпорации стало происходить в общеуниверситетском масштабе. Этому способствовал ряд особых мер, предпринятых советским правительством.

В «Положении о высших учебных заведениях РСФСР» от 2 сентября 1921 г. говорилось, что основной задачей университетов является распространение «научных знаний среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых во всей деятельности учебного заведения должны стоять на первом плане»[170]. В соответствии с этим положением, в 1922/23 учебном году в университете был произведен первый прием в число студентов на основе социального набора и системы командирования, прежде практиковавшийся лишь на рабфаке и ФОНе. Этот порядок сохранился практически без изменений вплоть до 1932 г.[171] Во время приемных испытаний предусматривалось обязательное определение уровня «гражданско-политиче-

[166] Известия ВЦИК. 1922. 3 февр.
[167] До июля 1930 г. рабфак считался самостоятельным учебным заведением при КГУ.
[168] 30 декабря 1918 г. при Казанском университете был открыт новый, лесной факультет. Но с мая 1922 г. на его основе в Казани был создан Институт сельского хозяйства и лесоводства.
[169] К 1927 г. в СССР физико-математические факультеты сохранились только в Московском, Ленинградском, Казанском и Томском университетах. См.: Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. С. 191.
[170] СУ РСФСР. 1921. № 65. Ст. 486.
[171] История Казанского государственного университета. С. 135.

АНКЕТА

для определения на государственную стипендию студентов В. У. З. и Рабфака по Р. С. ф. С. Р.

1. Студента (название ВУЗ) Ярославский Государственный Университет курса III, студенческий билет № 1576
2. Фамилия, имя, отчество Мирошков Илья Васильевич
3. Возраст 25 лет 4. Семейное положение холост
5. Основная профессия учащийся
6. В каком профсоюзе состоит, состоял В профсоюзе советских служащих
7. Число членов семьи (работоспособных, не работоспособных) Семья состоит из 7 человек: отец 62 лет [illegible], брат-красноармеец, мать-мещ[illegible] и брат, мать-[illegible]
8. Когда стал жить самостоятельно с 1918 года
9. Из чего складывались средства к существованию (размер в деньгах натурой), а) студенческий паек; б) стипендия какого-либо учреждения, помощь родных и проч. Всем пользуюсь от отца, служащего 1 разр. Заработок урывочный. Живу на средства, получаемые от него
10. Сколько недостает деньгами и натурой для создания условий интенсивной академической работы Необходимый прожиточный минимум около
11. Где живет (в общежитии, в частной квартире) адрес Живу за урок на частной квартире по Срубной ул. д. №6 кв. 3.
12. Служба в Красной армии, сколько времени, в какой части и должность С весны 1919 г. в Ярославле [illegible]
13. Служба в царской армии, в какой части, сколько времени и должность Не служил
14. Служба в белой армии, сколько времени, в какой части и должность Не служил
15. Есть-ли родственники в Красной армии (указать кто и где) Старший брат в Москве при Центральной Радио-учебной мастерской
16. Какое и когда понесено наказание за общест. воен. политическую деятельность Никакое, никогда
17. Чем занимались и где жили до 1915 г. родители Отец-почтальон в городе Переславле Залесском, мать-домашняя хозяйка
18. Чем занимались и где жили родители в 1915—1917 г. В Переславле-Зал. отец-почтальон.

ского развития» абитуриента. При прочих равных условиях преимущество отдавалось лицам пролетарского происхождения. Во второй половине 1920-х годов конкурс в Казанский университет составлял между рабочими и крестьянами 2 – 3 человека на место, а между служащими – от 5 до 10 человек.

Одним из инструментов «пролетаризации» состава студенчества являлась практика «чисток» его состава. Так, в мае 1924 г. была проведена академическая «чистка». Тогда из университета было исключено 387 человек, т.е. 19% всего студенческого состава, большинство из них – по социальным причинам. В то время среди казанского студенчества была популярной песенка: «Дайте мне за рупь с полтиной папу от станка, маму от сохи...»[172]. Под «чистку» попали блестяще успевавшие студенты, в том числе и «сын буржуазного профессора» Борис Арбузов. Его обязательно бы отчислили, если бы не сокурсники из «пролетарского контингента», которые взяли «несознательного» товарища на поруки.

И все же, несмотря на все старания советской власти, даже к 1929 г. рабочие и крестьяне составляли лишь половину от общего числа студентов КГУ. Вопреки ограничениям, здесь по-прежнему училось много «бывших» – неуклонно рос процент детей служащих, преподавателей и специалистов. Это было возможным благодаря льготам, которые получили от властей представители некоторых профессий. «Правила приема» 1923 г. предусматривали бесплатные места для детей профессоров, преподавателей и обслуживающего персонала вузов, а также школьных учителей. Таким образом, те из «бывших», кому удалось обрести профессиональный статус, могли дать высшее образование своим детям. Такие привилегии способствовали сохранению университетских династий. Категория дворян в отчетах КГУ за вторую половину 1920-х годов не фигурирует. Это, впрочем, совсем не означало реального отсутствия дворян в университете. Скорее всего, нежелательность такой статистики просто заставляла приемную комиссию закрывать глаза на благоразумную замену в анкетах компрометирующего «из дворян» на нейтральное «из служащих».

---

[172] Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917 – 1926). М., 1928. С. 37.

Дети интеллигенции проходили университетское обучение в ускоренном темпе. Так, сын профессора Н.А.Ливанова Михаил, будущий академик, учился всего 3 года. Администрация была рада побыстрее избавиться от «нежелательного студенческого контингента»[173]. Вообще, положение в университете студентов «из бывших» было далеко не простым – они должны были постоянно доказывать свою «пригодность» к обучению в советском вузе. Как писала впоследствии дочь академика Е.К.Завойского Наталия, «если рассматривать жизнь и творчество, как постоянную борьбу, то у Евгения Константиновича ее было более, чем достаточно: борьба за право учиться в школе, борьба за право учиться в университете, а затем работать там же»[174].

В 1920-е гг. сохранялась сегрегированность социальных и возрастных групп внутри студенчества. Так, даже для прохождения семинаров студенты делились в конце 1920-х годов на «вчерашних школьников», «практических работников» и «практических работников, не оставивших работу», причем, в последней группе не было ни одного человека моложе 40 лет[175].

Угроза окончательной утраты единства университетской корпорацией, однако, исходила не только от провоцировавшихся новой властью конфликтов и противоречий внутри нее. В конце 1929 г. существование университетской корпорации оказалось под угрозой ввиду планов расчленения универси-

---

[173] Ливанов Н. Микеля родом из Неаполя // Казань. 1999. № 7/8. С. 88.
[174] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10042, л. 3.
[175] Краснов П.А. Записки горного экономиста... // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10085, л. 13; Трофимук А.А. Казанский университет – моя «альма-матер» // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10100/1, л. 3.

Аспирант. 1930-е гг.

тета[176]. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» от 23 июля 1930 г.[177] предписывалось преобразовать факультеты многопрофильных вузов в самостоятельные отраслевые учебные заведения и передать их в ведение соответствующих наркоматов.

В советской печати того времени появились многочисленные статьи, утверждавшие, что «в век технизации» университетам нет места среди высших учебных заведений, что эти «расплывшиеся махины», пережитки феодализма, оправдывали себя лишь тогда, когда науки были «элементарны»[178]. Осенью 1930 г. конференция Пролетстуда КГУ приняла решение распустить alma mater. И хотя оно не было реализовано полностью, но университетская корпорация сильно сократилась. В 1930 – 1931 гг. из состава университета выделились Химико-технологический, Медицинский, Финансово-экономический, Авиационный институты, Институт советского строительства и Институт советского права[179].

Аналогичное деление на основе замкнутых отраслевых образований предлагалось ввести и внутри самого университета, который должен был функционировать теперь на манер втуза. Весной 1931 г. были упразднены факультеты и кафедры, а на смену им предполагалось создать специализированные институты, разобщив университетское сообщество по производственному принципу. Это решение было осуществлено в сентябре 1931 г. Но новая структура оказалась нежизнеспособной и уже на следующий год была отменена. Правительство признало ошибочность эксперимента и объявило

[176] Собрание законов СССР. 1930. № 38. Ст.411.
[177] СЗ СССР. 1930. № 38. Ст.411.
[178] Красное студенчество. 1929/30 учебный год. № 3. С. 10 – 11; № 16. С. 12 и др.
[179] Об этом подробно см.: Сидорова И.Б. От «великого перелома» к началу стабилизации: 1930 – 1940 гг. // Очерки истории Казанского университета. С. 182 – 194.

Студенты. 1923 г.

университеты центрами фундаментальных исследований и «подготовки высококвалифицированных специалистов по общенаучным дисциплинам»[180].

А спустя несколько лет власть окончательно отказалась от радикальных экспериментов в сфере высшего образования. Из чехарды реформ Казанский университет вышел много претерпевшим, но не забывшим ни своей истории, ни общественного назначения. Подбадривая коллег, ректор Г.Х.Камай говорил: университет «был богат и славен. Богатство его увезли, но слава осталась»[181]. К 1933 г. университет располагал четырьмя факультетами – биологическим, геолого-почвенно-географическим, физико-математическим и химическим. В 1939 г. к ним добавился историко-филологический факультет. В эти годы по числу воспитанников университет находился на уровне 70-х годов XIX в., а конкурс на приёмных экзаменах из года в год падал. Кроме прочего, это было связано с отношением советских людей к классическому образованию.

В 1930-е годы в связи с интенсивной индустриализацией страны, очень модной и востребованной, стала профессия инженера. Обучение во втузах воспринималось как престижное, дававшее в руки конкретную профессию, в отличие от обучения в университетах, наделявших по преимуществу теоретическими знаниями. Несмотря на появление в КГУ в 1930-е годы ряда специальностей прикладного характера и введение в 1928 г. производственной практики, общая установка на получение фундаментальных знаний «отпугивала» от университета детей рабочих и крестьян, предпочитавших специализированные вузы. Университетское образование котировалось лишь среди интеллигенции.

---

[180] Народное образование в СССР. (1917 – 1973). Сборник документов. М., 1974. С. 425.
[181] Цит. по: Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. С. 201 – 202.

Студенты лесного факультета. 1920-е гг.

С 1933 г. роль социального происхождения для поступления в вузы начала постепенно снижаться: в университет перестали принимать «парттысячников» и «профтысячников» – коммунистов и передовиков производства, направленных по партийным и профсоюзным ходатайствам. Если до 1933 г., по свидетельству современницы, «принимали по анкете, и даже никаких экзаменов, поэтому некоторые шли работать на завод, чтобы идти как рабочие», то с 1933 г. в вузах были введены вступительные экзамены, а с 1940 г. – плата за обучение. С 1936 г. дискриминация абитуриентов по социальному происхождению была отменена Конституцией. Теперь студентов отчисляли из вузов не за социальное происхождение, а за неуспеваемость. В 1938 г. в Казанском университете закрылся рабфак – к этому времени в стране была создана нормально функционирующая десятилетняя общеобразовательная школа, и считалось, что необходимость в разного рода «лестницах» и «мостах» для поступления рабоче-крестьянской молодежи в вузы отпала. Все эти изменения привели к тому, что изменилось социальное лицо студенчества. В нем постоянно рос процент служащих, а доля выходцев из рабочих снижалась. Выросло и количество учащихся-женщин. Именно с этого времени факультеты приобрели мужское и женское «лица»: «мужским» по составу был мехмат, «женскими» – биофак и истфилфак. Но на звание «лучших студентов» университета все же по-прежнему могли претендовать только люди определенного социального происхождения. Так, в 1933 г. была учреждена «Всетатарская Красная доска имени XVII съезда ВКП(б)». Лучшими студентами университета, чьи портреты были помещены на этой доске, были признаны «колхозник», парторг группы Ким Ян Цен и «дочь рабочего» Ахмадуллина[182].

Благодаря указанным мерам во многом была ликвидирована почва для социальных конфликтов и противоречий внутри университетской корпорации. В 30-е годы проросли первые ростки столь вожделенной властью советской

[182] Красная Татария. 1933. 29 дек. № 296 (4769). С. 1.

Студенты биологи. 1932 г.

идентичности. И пусть к 1941 г. многие из 61,7% комсомольцев-студентов, судя по воспоминаниям, состояли в организации формально, а некоторые были «антикомсомольцами в какой-то степени, подспудно»[183], и даже, бывало, высмеивали на «капустнике» «чересчур партийных» однокашников[184], все же, есть основание говорить об обретении университетской корпорацией советской идентичности. Тем более болезненным ударом и испытанием для вновь обретенной лояльности стали необоснованные репрессии и сопровождавшие их кадровые «чистки».

Университетская многотиражка пестрела призывами типа: «Усилим бдительность в борьбе с классовым врагом!», «Очищаем партию от социально чуждых, потерявших пролетарское чутье и разложившихся», «Большевистский отпор предателям и двурушникам», «Разоблачим кулацко-вредительскую идеологию правого оппортунизма», «Изгоним из ленинских рядов агентуру враждебного класса». *«Это была тяжелая пора,* – вспоминает современница. *– В 1937 – 1938 гг. начались в университете комсомольские собрания с проработкой и с исчезновением многих студентов»*[185].

Беда, обрушившаяся на страну в 1941 г., уравняв в несчастье всех и каждого, сплотила университетское сообщество во имя победы. Рост патриотического самосознания укрепил советскую идентичность корпорации. Это была «особая эпоха». Учеба перестала быть главным в жизни университета: занятия

[183] Интервью с Л.А.Исаакян. //На корме времени. СПб., 2000. С. 251.
[184] Трофимук А. Моя альма матер // Казань. 1999. № 7/8. С. 83.
[185] Интервью с Л.А.Исаакян. С. 253.

Студенты. 1930-е гг.

шли нерегулярно, а в первом семестре 1941/42 учебного года не проводились совсем[186]. С первых дней войны в комитете комсомола было введено круглосуточное дежурство. Комитет создавал студенческие отряды для строительства знаменитого 331-километрового «Казанского обвода» на правом берегу Волги, принимал заявления от добровольцев, рвавшихся на фронт.

В результате мобилизации к январю 1942 г. университет потерял около 72% своего состава, а в 1943 г. – более 77%[187]. Многие студенты вынуждены были работать, и не у всех хватало времени и сил для того, чтобы совмещать работу и учебу. «Нас было очень мало», – рассказывает студентка тех лет, впоследствии доцент КГУ Л.С.Ачкасова[188]. В 1939 г. на первый курс исторического факультета поступило 65 человек, в 1944 г. университет окончили 13 историков. На биофак в 1940 г. было зачислено 155 студентов, окончили его в 1945 г. – 8 человек. После того, как представитель Военно-воздушной академии им. Н.Е.Жуковского отобрал для обучения в ней физиков старших курсов, на физмате Казанского университета осталось 18 студентов[189].

Несмотря на ряд льгот, например, освобождение детей рядовых и младших командиров от платы за обучение и прием абитуриентов без вступительных экзаменов, в 1941 г. в университете был недобор. А это грозило ликвидацией вуза. Чтобы избежать его, университет расширил заочное обучение, ввел экстернат, начал обучать по индивидуальному плану, обеспечил всех учащихся стипендией. План приема 1942 и 1943 гг. был выполнен, но в 1944 г. вместо 420 студентов было вновь зачислено всего 256. Осенью 1941 г. в университете появились первые демобилизованные – раненые, к концу войны

---

[186] Об этом см. подробнее: Телишев В.Ф. Военное лихолетье: 1941 – 1945 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 223.
[187] Интервью с Л.С.Ачкасовой.
[188] Там же.
[189] Бондаренко В.А. Наш Плакатин // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10070, л. 1, 5; Иванова Р.Г. Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10078, л. 1; Романов И.М. Зарисовки с натуры// Музей истории КГУ, ф. «Романов», л. 14; Кузнецова Н.К. Перелистывая дневники // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10093/2, л. 6 – 7.

их насчитывалось 37, а в 1948 г. – 282 человека. Фронтовики «задавали тон» в студенческих группах: к ним прислушивались, их уважали[190]. Они возглавляли комсомольские и партийные организации факультетов и университета и способствовали сплочению студенчества, служили примером для своих товарищей как в учебе, так и в общественной деятельности.

Вместе с тем, в годы войны университет расширил географию обучения. Тогда в Казани учились юноши и девушки, эвакуированные из Ленинграда, Тамбова, с Украины и Белоруссии[191]. Они все чувствовали себя единой семьей. Анкетируемые нами коллеги вспоминают о годах военного лихолетья с некоторой долей ностальгии, рассказывая о них как о времени высочайшей корпоративной сплоченности. «В полную меру сил работали – учили и учились, – говорят они. – Вместе радовались победе, наступившему миру. Такой духовной близости во всем – от науки до повседневного быта – между студентами и преподавателями никогда больше не было и нет»[192].

В послевоенные десятилетия стремительно росло число студентов. Если в 1946 г. в университете насчитывалось 1089 студентов, то в 1955 г. – уже 3500, в 1966 г. – 8922, в 1979 г. – 10691[193]. Большое значение, с точки зрения финансовой доступности университетского образования, имела отмена платы за обучение, осуществленная в 1956 г. Расширялась сеть вечернего и заочного образования: более половины учащихся середины 1960-х годов обучались без отрыва от производства[194]. Однако, несмотря на сравнительную краткость и эпизодичность пребывания на студенческой скамье, студенты-заочники и вечерники чувствовали себя неотъемлемой частью университетской семьи, гордились

[190] Усманов Х.У. Формирование новой специализации // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. л. 5 – 6.
[191] Интервью с Л.С.Ачкасовой.
[192] Там же.
[193] Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 251, 291, 315.
[194] История Казанского университета. Казань, 2004. С. 472.

своей причастностью к alma mater, проникались духом студенческого братства и университетской корпоративности. Среди студентов в эти годы появились посланцы из других стран: Болгарии, Венгрии, Кореи, Польши, Кубы, Вьетнама, Китая, ГДР.

Ободренный финансовой поддержкой и благоволением власти, университет открывал новые специальности и факультеты. В 1946 г. здесь работали биологический, географический, геолого-почвенный, историко-филологический, физико-математический и химический факультеты. В 1952 г. к ним присоединился юридический. В 1960 г. физмат был разделен на физический и механико-математический факультеты, а в 1978 г. из мехмата выделился факультет вычислительной математики и кибернетики (ВМК). В 1980 г. разделился на два самостоятельных факультета историко-филологический факультет. На рубеже 1980 – 1990-х годов в КГУ появились факультеты татарской филологии, истории и восточных языков; экологии; журналистики, социологии и психологии; экономический; факультет международных отношений и политологии, а также Институт востоковедения, и Институт языка.

Каждый из этих факультетов был своеобразен. У каждого были отличительные черты, свои, «особые» студенты, свое, «особое» положение в университете и своё место в университетском рейтинге. В 1960-е годы считалось, что на мехмате учатся самые умные, и на этот факультет поступать «по блату» даже и смысла не имело – все равно вылетишь оттуда. Математики высокомерно смотрели на студентов других факультетов, а их факультетский гимн гласил: *«Математика – соль, остальное все – ноль. А историк и химик – дубина»*.

Как полагали современники, на «женском» биофаке учились самые красивые студентки. А вот юридический отличался студентами, отслужившими в армии, знавшими толк в жизни. На историко-филологическом учились люди, видевшие свое призвание либо в науке, либо в политике. В советское

Студенты-фронтовики

время этот факультет был основным «поставщиком» кадров идеологического фронта: партийных, комсомольских, профсоюзных и других функционеров, работников средств массовой информации. Здесь, также как и на юридическом факультете, был высок процент партийных студентов. Но это касалось в основном «историков». Филологическая же часть факультета была по преимуществу «женской», здесь учились не только будущие учителя, но, по расхожему обывательскому мнению, также «будущие жены военных».

Геологи жили какой-то своей, особой жизнью, их окутывал флер романтики, и всегда они были как-то немного «на отшибе» – этому способствовало, наверное, само расположение факультета, его удаленность от основной части университетского городка. А самым престижным считался в те годы физический факультет. На него поступали «лучшие из лучших», самые талантливые и неординарные. С годами статус и популярность факультетов менялись. Бурное развитие естествознания в 1960 – 1970-е годы породило приток абитуриентов на биологические и физико-математические специальности, а перестройка рубежа 1980 – 1990-х годов вызвала беспрецедентный интерес к юридическому и экономическому образованию.

«Соперничество» и взаимное поддразнивание студентов различных факультетов было давней традицией университетского сообщества, одним из «игровых» принципов, на котором строилось его единство. Ведь это соперничество не мешало студентам университета дружно утверждать его превосходство над другими казанскими вузами: «несомненно, на первом месте университет!», «КГУ был выше во всех смыслах»[195]. *«Мы считали себя на голову выше всех остальных, нас отличал от студентов других вузов какой-то особый демократизм, широта взглядов, более высокая эрудиция, сплоченность групп»*[196], – наперебой утверждали студенты разных поколений.

---

[195] Интервью с бывшей студенткой; интервью с З.Ш.Сабировой.
[196] Интервью с Н.Ф.Назаровой.

Студенты-физики. 1960-е гг.

Собранные нами свидетельства студентов второй половины XX века потрясают тем единодушием и восторгом, с которым питомцы университета слагают гимн в его честь. Одни восприняли это от родителей: *«с детства относился к университету с благоговением. Мне казалось, что там учатся самые умные люди»*[197]; *«я всегда, точнее, с самого детства, хотела учиться в КГУ. Здесь работали мои родители, я часто бывала у них, и меня очень привлекала шумная жизнь университетских коридоров»*.

Другие, став студентами, были покорены его историей и духом науки, подлинной культурой: *«университет был одухотворен стариной, величием, здесь учились великие ученые»*[198]; *«сразу перед глазами стояли студенты, которые прославили его на весь мир»*[199]; *«первое чувство, которое я испытала, было чувство гордости. Мы всегда и везде с гордостью говорили о КГУ!»*[200]; *«университет – это был совсем другой мир, это была истинно высокая культура»*[201]; *«это было нечто недосягаемо великое и незыблемое, что заставляло душу трепетать»*[202]; *«университет был для меня храмом знаний. Считал, что люди в нем стремятся к научным открытиям, которые потрясут мир. Все здания университетского городка словно были освящены прошлым»*[203]; *«университет казался мне частью прогресса»*[204]; *«всегда ощущалась его двухвековая история»*[205].

---

[197] Интервью с И.Л.Измайловым.
[198] Интервью с Д.Х.Гимадутдиновым.
[199] Интервью с Г.К.Файзуллиной.
[200] Интервью с Ф.В.Гилемхановой.
[201] Интервью с Н.Ф.Назаровой.
[202] Интервью с Т.А.Глотовой.
[203] Интервью с И.Л.Измайловым.
[204] Интервью с Н.Р.Хисматуллиной.
[205] Интервью с А.В.Семеновым.

Студентов разных лет объединяла любовь и нежность по отношению к alma mater и ее символам: *«Университет с его высокими белыми колоннами производил на меня большое впечатление и притягивал к себе»*[206], а также гордость от принадлежности к университетской корпорации: *«мы всегда жили и учились с ощущением, что мы студенты Казанского государственного университета, и это звучит гордо»*[207]. Студенты ощущали себя наследниками казанских ученых поколений университариев и чувствовали свою ответственность за сохранение и приумножение славы Казанского университета.

В период перестройки многое изменилось в жизни университета. К началу 1990-х годов число студентов в нем резко сократилось. Вследствие недостаточного финансирования на многих факультетах закрылись вечерние отделения, был ликвидирован ряд специальностей, уменьшился прием абитуриентов. В 1991 г. в университете училось 7,048 человек, в 2001 г. – 8,651. На сегодняшний день в Казанском университете на 17 факультетах обучается более 17000 студентов. Произошла коммерциализация образования, в жизни университетских людей появились новые ценности и приоритеты. *«Деньги в наше время были не главное»*, – писали, вспоминая свою молодость, студенты 1950 – 1980-х годов[208]. По своему менталитету, как показывают их ответы на вопросы анкеты, это были «вполне советские» люди. Сегодня все стало по-другому.

Студенты 1990-х годов, особенно второй их половины, сообщают о том, что многие из них учились платно, что информацию о переносе занятий «обычно скидывали преподавателю на пейджер или звонили по сотовому»,

---

[206] Интервью с бывшей студенткой.
[207] Интервью с С.Ф.Камаловой.
[208] Интервью с Р.Р.Абдуллиной.

Студенты. 2000-е гг.

что стипендия уходила у некоторых из них на «ночные клубы и бары», что отныне они хорошо знали не только имена, отчества и ученые звания своих преподавателей, но также и «их машины, которым при встрече всегда уступали дорогу». Они более практичны, студенты нового XXI века, и значение университета для своей жизни они оценивают трезвее, хладнокровнее: «университет дает хороший старт»; «университетское братство поможет нам выстоять в этой непростой жизни»; «университет есть университет, это основательно и солидно».

Однако и их не минует очарованье и магическая притягательность этих белых колонн, высокий дух науки и культуры, два века царящий в этих стенах. И спустя десятилетия, как и другие поколения их предшественников, они будут испытывать гордость и священный трепет при имени «Казанский университет». Все это вполне естественно – изменяется сама жизнь, вместе с ней изменяется и университет, университетское сообщество, его студенческая составляющая.

... Все также, одно за другим, проходят через университетские аудитории новые и новые поколения студентов. Они верят в успешность и процветание своей alma mater, в ее особость и неповторимость: *«Университет был, есть и останется единственным по значимости этого слова, а остальные как были институтами, так ими и будут. Запомнились слова, которые одна из наших преподавателей всегда говорила нам перед началом лекции: «Вы пришли учиться в Казанский университет, запомните это на всю жизнь». И мы запомнили»*[209]; *«Он стоял здесь всегда и будет стоять вечно!»*[210]

---

[209] Интервью с Н.А.Кисляковой.
[210] Интервью с Т.Ф.Тимошевской.

Обложка фотоальбома. 1980-е гг.

Сотрудники. В советское время преподаватели, научные работники и служащие университета были объединены одним общим понятием «сотрудники». Как и весь советский народ, они трудились сообща, а полем их деятельности были образование и наука.

К 1917 г. в университете числилось 79 профессоров, 74 приват-доцента, 79 ассистентов, 60 ординаторов. Если попытаться найти наиболее общую черту, объединяющую настроение и поведение столь большого количества людей в смутный и неопределенный период между двумя революциями 1917 г. и в первые годы советской власти, то таковым, несомненно, являлось стремление к стабильности и сохранению университетского сообщества любой ценой. Угрозу, направленную извне, с бурлящих возбужденным народом, залитых кумачом казанских улиц и площадей, эти люди ощутили уже в марте 1917 г. Недаром в своем заседании 2 марта Совет принял решение об ограждении университета «от беспорядков, от врывательства улицы и вообще посторонних элементов»[211]. Этих «посторонних элементов» профессорско-преподавательская курия боялась, как огня, поскольку проникновение их в университет грозило размыванием университетского сообщества, потерей прež-

[211] Красная Татария. 1929. 10 марта.

них устоев и традиций, на которых десятилетиями основывалась вся жизнь университета, которые составляли самую ее суть.

Любые попытки изменить ритуализированную жизнь неизменно натыкались на противодействие со стороны старших членов корпорации, требовавших строгого соблюдения университетских обычаев. Младшим оставалось только безропотно подчиняться. Как писал современник, *«профессура в Казанском университете всегда стояла высоко»*[212]. Когда весной 1917 г. младшие преподаватели университета робко заикнулись о введении их в состав университетских коллегий с правом решающего голоса, эти просьбы были немедленно пресечены. Профессор Д.А.Гольдгаммер заявил, что молодежь обычно слишком «увлечена политикой», чтобы участвовать в решении серьезных вопросов[213]. 24 июня 1917 г. Временное правительство подтвердило право участия приват-доцентов, прозекторов и астрономов-наблюдателей в заседаниях Совета и факультетских собраний лишь с совещательным голосом.

В тот год отблески революции мелькали в протоколах Совета то упоминанием о стачке металлистов, то сообщениями о «бесчинствах» рабочих. Но все это было слишком далеко, все это пока никак не касалось профессорского корпуса, а потому, по мнению многих, не заслуживало серьезного внимания. Университет как будто спрятался в своей скорлупе и ждал, что же будет дальше...

А дальше произошло то, что прежде казалось невероятным: власть в стране захватили большевики. Поначалу многие профессора полагали, что нужно только приспособиться, переждать, ведь эта власть – ненадолго. Пока «приспосабливались» и «пережидали», в августе 1918 г. в город пришли комучевцы. Но войска Народной армии Комуча не удержались в Казани. 10 сентября 1918 г. здесь вновь установилась советская власть. Поддержка «белых» дорого обошлась университету. С отступающей армией на восток страны ушло более сотни преподавателей.

Эта третья за историю Казанского университета «утечка мозгов» долго отзывалась болью в университетском сознании. В октябре 1918 г. совет просил комиссариат просвещения гарантировать, что пожелавшие вернуться ученые обойдутся «без всяких для них неблагоприятных последствий»[214]. Получив гарантию неприкосновенности, значительная часть из них через несколько лет действительно вернулась. Другие «прижились» в сибирских вузах. В эти первые годы советской власти университет ощущал себя опустошенным. О том, что университет «как-то глохнет и падает», писала в своем дневнике в июне 1919 г. студентка М.В.Нечкина: «Оторванный от заграницы, он сходит на какое-то грубое кустарное производство. Еле-еле держит университет молодежь из профессоров, кое-что добывающая по части новых мыслей. Господи, как скучно»[215]. Ситуация была такова, что нехватку преподавателей вынуждены были компенсировать за счет учащихся старших курсов. «На одно место ассистента принимали двух студентов – их называли «вридассы» (временно исполняющие должность ассистента)[216].

В октябре 1918 г. декретом СНК были упразднены ученые степени доктора и магистра, звания адъюнкта и приват-доцента, отменено деление корпорации на заслуженных, ординарных и экстраординарных профессоров, адъюнкт-профессоров и доцентов. Все лица, ведшие преподавание в вузе, по-

---

[212] Танский М.В. Казанский университет в 1890-х годах, л. 8.
[213] ОРРК НБЛ КГУ. Протоколы заседаний Ученого Совета за 1917 г., л. 5.
[214] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 1, д. 4, л. 249.
[215] Дневник М.В.Нечкиной: Казань и Казанский университет. 1917 – 1924 гг./ Подг. А.Н.Бикташева. Казань, 2003. С. 35.
[216] Тихомирнова О.А. О профессоре Николае Александровиче Ливанове, л. 2.

лучили единое звание профессора, а приват-доценты, не имевшие трехлетнего педагогического стажа, были объявлены «преподавателями». Новая власть считала, что таким образом приват-доценты избавятся от унизительного положения «вьючных лошадей профессуры»[217]. Одновременно с этим университет должен был провести перевыборы всех профессоров, прослуживших 10 лет в университете или 15 лет в вузах вообще. Для подтверждения научных званий был объявлен Всероссийский конкурс, и его участники должны были представить в свою защиту рекомендации известных ученых.

Широко развернутая акция не удалась: «старые» профессора были переизбраны, а пополнившие ряды профессуры приват-доценты воспитывались в дореволюционной высшей школе и потому не могли создать в университете ту обстановку, которая в полной мере отвечала бы интересам советской власти. Подтверждением тому явились события 1922 г., вошедшие в историю как «профессорская забастовка» в Казанском университете. К тому же довольно скоро выяснилось, что проведенная унификация научных званий не отвечает университетским реалиям. «Положение о высших учебных заведениях» СНК РСФСР от 19 сентября 1921 г. ввело новую педагогическую иерархию: отныне профессорско-преподавательский состав делился на профессоров, ведших основные лекционные курсы; преподавателей, ведших вспомогательные курсы; и научных сотрудников, помогавших профессорам и преподавателям обеспечивать учебный процесс.

Впрочем, какие бы реформы не проводила новая власть, вплоть до конца 1920-х годов студентов учили преподаватели, имевшие за плечами школу Императорского университета. Их ряды сильно поредели. Многие не пережили тяжелых лет гражданской войны. В 1920 г. умерли историки Д.А.Корсаков и М.М.Хвостов, в 1921 г. – историк П.Г.Архангельский, в 1921 г. – славист Н.М.Петровский, в 1922 г. – востоковед Н.Ф.Катанов и офтальмолог А.Г.Агабабов. Всех не перечислить! А после «профессорской забастовки» ряд ее участников был выдворен за границу, в том числе профессор статистики А.А.Овчинников, психиатр Г.Я.Трошин, историк И.А.Стратонов[218]. Некоторые преподаватели покинули Казань, осознав свою невостребованность (Н.П.Грацианский, А.Р.Лурия, А.О.Маковельский, М.В.Нечкина, С.А.Пионтковский и др.). В 1924/25 учебном году в составе корпорации насчитывалось всего 48 профессоров и 24 доцента. Совокупно их было меньше, чем в середине XIX в.

Преподавателей явно не хватало, и ряд учебных курсов был изъят из расписания. На физмате не были укомплектованы кафедры анатомии и физиологии растений, географии и этнографии, технической химии, теоретической физики, кафедра им. Н.И.Лобачевского; на медфаке – кафедра патологической анатомии, фармакологии, психиатрии, инфекционных болезней, уха, горла и носа, гигиены. Учебная нагрузка педагогов была огромной, ведь приходилось «совмещать 4 – 5 и более должностей и обязанностей»[219].

По своему социальному положению в первые годы советской власти все профессора и преподаватели принадлежали к «бывшим». В составе корпорации были профессора с мировыми именами: математик Н.Н.Парфентьев, механик Д.Н.Зейлигер, лингвист В.А.Богородицкий, историк Н.Н.Фирсов, зоологи А.А.Остроумов и Н.А.Ливанов, ботаник А.Я.Гордягин, физики

---

[217] Народный комиссариат по просвещению 1917 – октябрь 1920 (краткий отчет). С. 55.
[218] Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы. Казань, 1996. С. 48 – 70; Менделевич Д.М., Малышева С.Ю. Слово о профессоре Г.Я.Трошине // Неврологический вестник. Казань, 2003. Т.35. Вып. 1/2. С. 70 – 75; Менделевич Д.М. Заседание кафедры. Субъективные заметки на полях истории казанской психиатрии. Казань, 2004. С. 18 – 35.
[219] История Казанского государственного университета. С. 140.

В.А.Ульянин и Д.А.Гольдгаммер, химики А.Е.Арбузов и А.И.Луньяк, геолог М.Э.Ноинский, астроном В.А.Баранов, медики А.В.Вишневский, В.С.Груздев, В.В.Чирковский, М.Н.Чебоксаров, А.Н.Мирославский и др. Это были глубоко образованные, интеллигентные люди. Они осуществляли не трансляцию только научных знаний, но и высокой общечеловеческой культуры, жизненных ценностей и идеалов, обеспечивая, таким образом, столь необходимую для нормального развития культуры непрерывность процесса научного и социального наследования.

Студенческие воспоминания тех лет сохранили для нас образы этих людей. Профессор Н.Н.Парфентьев – «высокий и представительный, благородной внешности, он обладал глуховатым голосом, располагавшим к доверительности», «человек кристальной честности, передовых убеждений»[220]. Д.Н.Зейлигер, возглавлявший кафедру механики – «хороший лектор», «общителен и прост со студентами», «очень добросовестно принимал у студентов экзамены – буквально круглый год», любил рассказывать забавные истории, например, об одной даме, принесшей ему часы, в надежде, что уж профессор механики справится с ремонтом, от которого отказались часовщики. Студенты всегда считали его «своим»[221]. А.И.Луньяк – «всегда был готов пошутить, и сам не обижался на шутки. Он учился в Германии, поэтому всегда называл Н не «аш», а «га», что часто было поводом для студенческих шуток»[222]. Химик А.М.Васильев – «это в полном смысле интеллигент времен Чехова: всегда предельно любезен, благожелателен и с неизменной улыбкой. Никто никогда не слышал от него повышенного тона, не видел строгого взгляда»[223]. А.Ф.Герасимов окончил университет в Лозанне. «По европейскому лоску, манере держаться и даже по тому, как во время лекции он брал мел, завертывая его в бумажку, явно проявлялась его высокая культура»[224]. Н.Н.Фирсов «не положил на кафедру ни одного листочка. Как почти все наши профессора, он не нуждался в конспектах и не пользовался шпаргалками». Он, а также профессор-правовед Б.И.Сыромятников – были «живыми олицетворениями канонического образа ученого, профессора»[225]. М.Э.Ноинский – «его одухотворенное лицо интеллигента привлекало к себе внимание подобно тому, как хорошо написанный художником портрет приковывает внимание зрителя. Он еще не сказал пока ни одного слова, но уже внушил нам всем своим видом необходимость услышать и запомнить слова его лекции. Он протянул руку и поднял с лотка обыкновенный булыжник. И вот мы с удивлением увидели, как холеные руки профессора ласкают этот булыжник с нежностью, какой заслуживает разве что бриллиант или самородок золота»[226].

Настоящим человеком-легендой Казанского университета был профессор Н.А.Ливанов. Он прожил долгую жизнь – 98 лет, и 75 из них проработал в университете. Его судьба в первые советские десятилетия представляла собой череду взлетов и падений: то его имя собирались присвоить зоотомическому кабинету, которым он руководил; то обвиняли в «грубых политических ошибках» и увольняли из университета (хотя затем увольнение заменили выговором); то награждали орденом Трудового Красного Знамени, то называли «главой университетских вейсманистов-морганистов». Но то ценимый властью, то незаслуженно обвиняемый, Николай Александрович все эти годы «работал в будни

---

[220] Мартынов Д.Я. Недавнее былое// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10103, л. 7, 9.
[221] Там же., л. 9 – 10.
[222] Ключевич А.С. Воспоминания химика-выпускника КГУ. С. 39.
[223] Богоявленский А.Ф. Наш химический факультет// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10097/2, л. 5.
[224] Там же.
[225] Краснов П.А. Записки горного экономиста, л. 7.
[226] Трофимук А. Моя альма матер. С. 82.

Преподаватели. 1920-е гг.

и воскресные дни с утра до трех-четырех часов дня, после краткого перерыва на обед и отдых – вечером вновь работа в университете в своем кабинете»[227]. Эта когорта «бывших» являла собой классический образ университетского Профессора и российского Интеллигента – людей духа и высокой культуры. Такими они стремились воспитывать и своих учеников.

В 1920-е годы для подготовки к профессорскому званию в университете был оставлен ряд талантливых молодых людей, в последствии составивших славу советской науки, – П.А.Широков, В.А.Яблоков, А.М.Алексеев и др. Все это тоже были преимущественно дети «бывших», которые никак не могли изменить социального портрета преподавательского компонента университетского сообщества. В этом отношении гораздо большие надежды возлагались на преподавателей рабфака. Образцовой в этом смысле была биография заместителя заведующего рабфаком Н.-Б.З.Векслина. Бывший красноармеец, член партии с 1920 г., участвовавший в подавлении Кронштадтского мятежа, выпускник Восточного педагогического института стал впоследствии профессором экономической географии, а с 1931 г. – ректором («директором») КГУ[228].

Профессура Казанского университета отличалась и некоторым своеобразием, которое особенно бросалось в глаза при сопоставлении ее с профессорским корпусом других университетов. Приехавшие для завершения образования в сентябре 1924 г. студенты закрытого Крымского университета отмечали свойственный некоторым казанским профессорам налёт провинциальности. Они впоследствии вспоминали: *«На первых порах нас несколь-*

[227] Порфирьева Н.А. О профессоре Николае Александровиче Ливанове // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10067, л. 2.
[228] Репрессирован в 1937 г.

Е. К. Завойский. 1930-е гг.

Б. М. Козырев. 1930-е гг.

ко удивляли некоторые особенности части казанской профессуры. В Крыму все профессора были петроградцами или москвичами, и все они говорили на строго литературном русском языке. В Казани же мы вскоре после приезда услышали в выступлении профессора: «У нас в прошлом годе было решОно (с ударением на второй слог)». О валенках мы знали только из литературы. Здесь же, с наступлением зимы, увидели на одном из профессоров (речь о другом уже) большущие серые (да еще с красным «разводом» в виде цветка) валенки. Голенища их были у колен надорваны, и верха отогнуты наподобие листьев лопуха»[229]. Однако в последующие годы, как отмечали мемуаристы, налет стирался, и казанские профессора практически ничем не отличались от столичных.

Численно выросшая к началу 1930-х годов корпорация сильно поредела в результате политических репрессий: если в конце 1930-х годов количество преподавателей составляло 319 человек, то в 1940 г. – только 186[230]. Преподавателей вновь стало не хватать, а те, кто остался, несли колоссальную нагрузку. Это продолжалось и в первые послевоенные десятилетия. По воспоминаниям М.А.Габбасовой, жены профессора И.Г.Валидова, супруг в начале 50-х годов «действительно, по 12 – 14 часов в сутки сидел за столом. К восьми утра он уходил на кафедру, обедать приходил к 17,... с 17 и до 19 он отдыхал после обеда дома, а в 19 часов снова уходил на кафедру работать – готовиться к лекции или рецензировать диссертацию – и приходил домой только в 23 или в лучшем случае в 22 часа»[231]. Особенно тяжело для университета было найти профессиональных преподавателей истории. Практически все лекторы вновь открытого в 1939 г. исторического факультета были приглашенными почасовиками из Педагогического института[232]. К тому же вследствие низкой зарплаты в университете наблюдалась постоянная текучесть кадров. Среди преподавателей было мало женщин (в 1940 г. лишь около 25%), и они занимали, как правило, самые низкие должности.

В 1930-е годы все более заметными и значительными становятся в КГУ представители талантливого молодого пополнения, бывшие воспитанники университета – химик Г.Х Камай (один из первых профессоров-татар в КГУ), геолог Л.М.Миропольский, математики Б.М.Гагаев, Б.Л.Лаптев, К.П.Персидский, Н.Г.Четаев, П.А.Широков, В.А.Яблоков, физики Е.К.Завойский, Б.М.Козырев, химик Б.А.Арбузов и др. Однако, несмотря на негласную тради-

---

[229] Ключевич А.С. Воспоминания химика – выпускника КГУ. С. 9.
[230] Сидорова И.Б. От «великого перелома» к началу стабилизации: 1930 – 1940 гг. С. 188.231 Габбасова М.А. Незабываемое// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10076, л. 8 – 9.
[231] Габбасова М.А. Незабываемое// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10076, л. 8 – 9.
[232] НАРТ, ф. 1337, оп. 2, д. 12, л. 6.

цию пополнять преподавательскую курию, в первую очередь, за счет «своих» – выпускников университета, соблюсти этот принцип в 1930-е годы не представлялось возможным, потому что цепь многих научных школ из-за многочисленных экспериментов по реформированию университета была прервана. Как показывает приведенный выше перечень лиц, обеспечить подобную преемственность можно было только на мехмате, который сохранился, как самостоятельный факультет. Поэтому для укрепления преподавательскими кадрами в конце 1920-х – 1930-е годы в Казанский университет были приглашены ученые из других научных и учебных заведений: математик Н.Г.Чеботарев, биологи Д.С.Воронцов, М.Е.Макушок, А.Я.Недошивин, В.Н.Слепков, обществоведы и гуманитарии Т.С.Ищенко, А.П.Плакатин, С.П.Сингалевич, химик Ф.И.Богоявленский, физик М.Г.Матиссон[233] и др. Они быстро инкорпорировались в казанское университетское сообщество, стали «своими» как для коллег, так и для студентов.

Г. Х. Камай. 1930-е гг.

А. С. Ключевич. 1920-е гг.

О доброте и талантливости этих людей, об их научных достижениях и человеческих слабостях коллеги и студенты вспоминали с той же теплотой и восхищением, как и об учителях более старшего поколения. Одним из любимых студентами преподавателем был П.А.Широков. Человек «высокого роста с медленными движениями и медленной речью, [он] слегка заикался и потому был немногословный. Но каждое его слово имело и цену, и вес: его нельзя было не слушать внимательно». Как свидетельствует мемуарист, лекции его были «тщательно подготовленные, доходчивые, врезались в память целыми фрагментами»[234]. Н.Г.Чеботарев являл собой «пример одержимости»: *«я сам был свидетелем того,* – вспоминал бывший студент, – *как он выскочил из библиотеки и, не замечая ничего вокруг, громким шепотом твердил: «Но функция эта мероморфная... Да, мероморфная!» И тут же умчался в сторону геометрического кабинета»*. Б.М.Козырева студенты вспоминали как убежденного гуманиста, истинного интеллигента»[235]. Большое впечатление производили лекции В.А.Яблокова: *«Читал он их очень красиво, артистически»*[236]. А.Я.Недошивин, читавший курс зоологии позвоночных, на экзамене требовал от учеников думать, а не «выдавать» вызубренное. О его дополнительных вопросах среди

---

[233] М.Г.Матиссон приехал в Казанский университет в 1936 г. из Варшавы, но продержался здесь недолго. Проработав полгода и ощутив тяжелую общественно-политическую атмосферу, сложившуюся в университете, он не вернулся из заграничной командировки, «а нам, – вспоминает студент тех лет, – пояснили, что он был польский шпион, сумевший удрать от разоблачения».
[234] Мартынов Д.Я. Недавнее былое, л. 10; Романов И.М. Зарисовки с натуры, л. 12.
[235] Завойский В.К. Фрагменты воспоминаний // Музей истории КГУ, ф. «Завойский», л. 6.
[236] Трофимук А.А. Казанский университет – моя «альма-матер», л.7.

Преподаватели. 1935 г.

студентов ходили легенды[237]. Трогательно вспоминали студенты Б.М.Гагаева: записывая в процессе лекции материал на доске, он увлекался и забывал о тряпке – стирал записи рукавом собственного костюма[238]. Лекции каждого преподавателя тех лет были оригинальными и неповторимыми – безукоризненно построенные лекции Б.Л.Лаптева, методически совершенные – Н.Г.Четаева, темпераментные – К.П.Персидского, доходчивые с блестящими экспериментами – Е.К.Завойского»[239].

Научному росту кадров способствовало введение в 1930-е годы ученых степеней кандидата и доктора наук, а также званий ассистента, доцента и профессора[240]. С этого момента защита диссертаций вновь вернулась в ритуалы университетской жизни. В 1935 г. в КГУ было всего 2 доктора и 5 кандидатов наук, в 1940 г. – уже 20 докторов и 53 кандидата[241].

И все же руководство партии и страны беспокоил «неблагополучный» социальный состав профессорско-преподавательского корпуса и сотрудников в университетах. В 1930 г. рабочая прослойка среди сотрудников КГУ составляла всего лишь 3,3%, включая обслуживающий персонал; преподавателей из рабочих были единицы. 60% научных работников были выходцами из служащих, около 10% – из духовенства. Газета «Ленинец» за 1929 г. в очерке «Незаменимые» с возмущением сообщала: «До сих пор в канцелярском аппарате Казанского университета царят дореволюционные порядки. Все традиции людских взаимоотношений старого, дореволюционного университета господствуют там полностью. Загляните в бухгалтерию, там царит главбух, никто ни слова не вымолвит, когда этот человек обращается: «Господа»... Слово «господа» он произносит без всякой застенчивости. Ну вот, зайдите в кабинет проректора Мирославского. Там сидит поч-

[237] Гаранин В.И. Биофак, 1940-е гг. // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10064, л. 3.
[238] Там же, л. 7.
[239] Романов И.М. Зарисовки с натуры, л. 7.
[240] Собрание законов... СССР. 1934. № 3. Ст.30.
[241] Сидорова И.Б. От «великого перелома» к началу стабилизации. С. 188.

Преподаватели. 1947 г.

тенный (на вид лет ста) человек, с седой бородой, это – Соловьев. Этот человек когда-то, видимо, был в большом уважении. И был он когда-то ктитором университетской церкви. И вот этому человеку Правление доверило держать у себя гербовую печать университета имени В.И.Ленина»[242]. Власти стремились предпринять меры, чтобы заменить «буржуазную» интеллигенцию «трудовой». Особое внимание было обращено на социальное происхождение лидеров университета. В 1928 г. впервые ректором КГУ стал коммунист П.Н.Галанза, не имевший, правда, рабоче-крестьянского происхождения. Все следовавшие за ним ректора были непременно выходцами из рабочих и крестьян: Г.Б.Богаутдинов – участник гражданской войны, человек, занимавший до этого ряд высоких должностей в системе правоохранительных органов, затем его сменил проверенный Н.-Б.З. Векслин, а с 1935 г. – Г.Х.Камай – сын грузчика, активно занимавшийся в молодости агитационно-пропагандистской работой. С 1937 г. до 1951 г. ректором КГУ был К.П.Ситников – выходец из казаков, бывший член ревкома станицы, комиссар продотряда, красноармеец, сотрудник ЧК. Все эти люди, разумеется, являлись членами партии. Между тем, среди рядовых преподавателей партийная прослойка была весьма немногочисленна. В сентябре 1937 г. только 8% научных сотрудников состояли в ВКП(б). Преподавательская корпорация в 30-е годы отличалась гетерогенностью. Контрасты проявлялись и в образовательном уровне, и в поведенческих нормах, и в политических пристрастиях и исповедуемых ценностях. Удивительную картину являли собой отдельные сотрудники рабфака и «общественных» кафедр. Среди них встречались люди со средним и даже с 8-летним образованием, без знания языков. Они так не соответствовали образу дореволюционного преподавателя университета. А между тем, «бывшим» приходилось учиться жить рядом с новыми коллега-

[242] П.А. «Незаменимые» // Ленинец. 1929. № 4 (14). С. 5.

ми и в новых условиях. И многое приходилось постигать на ходу: одним обретать знания, другим – навыки. Воспоминания полны курьезных историй, возникавших в этой ситуации. Так, летом 1941 г. преподаватели были отправлены в деревню на сенокос. Е.К.Завойскому поручили управляться с лошадью-тяжеловозом. Доцент А.Г.Репа показал коллеге, как это нужно делать – стегнуть лошадь и прикрикнуть на нее крепким мужским словом. Но у интеллигентного Завойского получалось: «Но, пошла, гадкая!» или «Ну, черт, пошла!». «Долго учился он ругаться», – вспоминал очевидец[243].

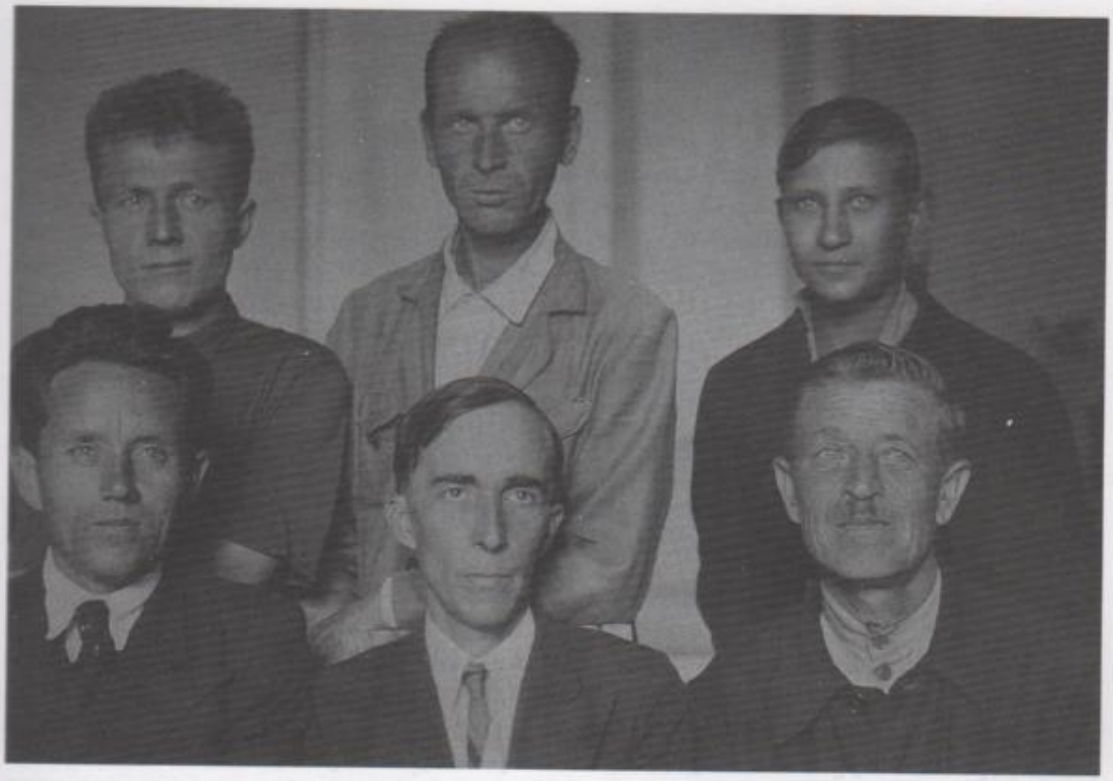
Особым «ругательствам» учили эти люди и своих детей. Когда профессорские сыновья Гриша Чеботарев и Саша Широков нахватались у сельских мальчишек заборных ругательств, Петр Алексеевич Широков сказал: «*Ну что вы ругаетесь «дурак», вот я вас научу!*» И он научил: «синус окаянный», «косинус гаенный». Хозяйка дачи жаловалась, что «*всю жизнь прожила в деревне, каких только хулиганов не видела, а вот таких ругательств ни от кого не слышала*»[244]. А между тем, из этих «хулиганов» получились интеллигентнейшие преподаватели. Одна из студенток писала о Широкове-младшем: «*Это был очень деликатный человек. Он подходил к студентке и спрашивал: «Скажите, пожалуйста, э-э-э... Вы сделали домашнее задание?» Та отвечала: «Нет, я не успела». «Ах, извините»*, – краснел Александр Петрович и отходил в сторонку»[245].

Любые политические катаклизмы болезненно отзываются на научных школах, но особенно сильны были разрушительные последствия войны. За годы Великой Отечественной войны университет потерял многих молодых и талантливых питомцев. Самым тяжелым был 1943/44 учебный год, когда из 171 преподавателя в университете осталось чуть больше половины – только 91. И если количество профессоров сохранялось на довоенном уровне, то число доцентов сократилось на треть, а ассистентов – более чем в 3 раза[246], ведь молодые преподаватели призывались или добровольно уходили на фронт. Ситуацию спасали эвакуированные сотрудники АН СССР. Так, член-корреспондент Академии наук Б.Н.Делоне читал курс аналитической геометрии, академик Л.С.Понтрягин – комбинаторную топологию, академик П.С.Александров – теоретико-множественную топологию, член-корреспондент Л.Н.Иванов – историю международных отношений, академик Е.В.Тарле – историю и т.д. Казанские студенты с интересом присматривались к приезжим, сравнивали их с казанскими преподавателями. Они признавались, что, например, «Понтрягин читал лекции хорошо, но очень быстро», «Александров читал безупречно, читал по памяти настолько точно, как будто считывал с книги»[247].

Большинство приехавших ученых преподавали в университете недолго – год или два: уже с 1943 г. началась реэвакуация Академии. Но их присутствие оставило яркий след в памяти казанских коллег: им стремились подражать, тянулись к самой высокой научной планке. Впрочем, не все было гладко в отношениях между людьми, и без обид тоже не обходилось. Например, когда ректор К.П.Ситников предложил университетским профессорам передать заведование кафедрами вновь прибывшим академикам и членкорреспондентам, да еще заявил: «Наши ученые могут быть сравнены по квалификации только, пожалуй, с лаборантами Академии наук», казанцы спра-

---

[243] Богоявленский А.Ф. Наш химический факультет, л. 10.
[244] Чеботарев Г. Сын двух миров. С. 63.
[245] Свет добра и наук // Казань. 1999. № 12. С. 73.
[246] Телишев В.Ф. Военное лихолетье: 1941 – 1945 гг. С. 231.
[247] Кузнецова Н. Лекции академиков. Из воспоминаний и дневника // Казань. 1999. № 7/8. С. 55.

Преподаватели-физики. 1947 г.

ведливо оскорбились[248]. Впоследствии все эти обиды и противоречия были вытеснены радостью победы, горечью расставания с уезжавшими коллегами, ставшими друзьями.

С 1950-х годов начался период небывалого за весь советский период расцвета и роста университета. Численность преподавателей неуклонно росла: в 1945 г. – 181 человек, в 1955 г. – 310; в 1966 г. – 584, в 1979 г. – 867. Первоначально этот рост был преимущественно количественным: в 1945 – 1955 гг. университет пополнился ассистентами, но за счет естественной смертности численность профессоров тогда же сократилась почти на треть[249]: «старая» профессура «уходила».

«Самым профессорским» в то время был биологический факультет (8 профессоров на 35 сотрудников)[250]. На втором месте по уровню научной квалификации стоял мехмат (9 из 64). Иначе обстояли дела на воссозданных гуманитарных факультетах, где работали в основном «неостепененные» преподаватели – на истфилфаке было всего два профессора, а на юрфаке и общеуниверситетских обществоведческих кафедрах – ни одного. Очевидно, что для воспроизводства кадров университету нужна была прежде всего стабильность и финансовая поддержка властей. И то, и другое в послевоенные годы Казанский университет получил. В результате в 1966 г. в нем было уже 45 докторов наук. А дальше научный уровень университетского сообщества стал расти ускоренными темпами, обеспечив своеобразный квалификационный прорыв. В 1979 г. профессоров было 83 (на 867 человек преподавательского состава),

[248] Завойский Е.К. Казанский университет конца двадцатых – тридцатых годов. Сороковые годы // Чародей эксперимента: Сб. воспоминаний об академике Е.К.Завойском. М., 1993. С. 220.
[249] Ионенко С.И. Первое послевоенное десятилетие: 1946 – 1954 гг. // Очерки истории Казанского университета. С. 253.
[250] Гаранин В.И. Биофак, 1940-е гг., л. 4.

Группа студентов и преподавателей. 1948 г.

в 1991 г. – 122 (на 962), в 2001 г. –179 (на 1122). Понятно, что научная степень – это еще не научное имя, но все же рост докторов наук коррелируется с научной активностью университета.

Возросший уровень научной квалификации отразился и на качестве учебных занятий. Эрудиция, компетентность, подготовленность – это едва ли не важнейшие критерии, по которым студенты оценивали своих учителей. Каким же он был, преподаватель второй половины XX в.? Университет всегда славился лекторами, и преподаватели 50-х гг. XX в. не составляли исключения из этого правила. Студенты вспоминали: *«Среди самых интересных и любимых преподавателей был профессор Полянин. Его лекции всегда были занимательны. Полянин тепло относился к студентам и никогда не отказывал в помощи»*[251]. *«Очень нравились лекции профессора Н.И.Воробьева по этнографии, содержательные, интересные, причем он настолько красиво рассказывал, что порой я не могла записывать, а только слушала. Многие выдержки из его лекций я помню до сих пор»* (студентка географака 1950-х гг.). *«Очень нравились лекции профессора Вагина,* – вспоминает студентка биофака 1960-х гг. – *Он рассказывал нам про цепня, который в нем жил, а потом его удалили, сделали препарат и там так и написали – «извлечен из профессора Вагина». «Нравился преподаватель физиологии растений профессор Алексеев, ему было лет под 100 (так нам казалось), его вводили, ставили у кафедры, и он читал лекцию»*[252]. А физики вспоминают рано ушедшего из жизни, но так много сделавшего для коллег и университета Е.И.Кириллова.

Сильное впечатление производили на студентов преподаватели неординарные, яркие личности. Среди таковых, безусловно, был Г.Н.Вульфсон – специалист по русской истории XIX в., коллекционер, просветитель в самом широком смысле этого слова[253]. Его лекции по истории отечественной культуры слушали не только гуманитарии. Он стремился заразить учеников страстью к исследованию, к познанию прошлого. И по сей день имя Григория Наумовича в университетской среде окутано легендами, байками, сказаниями. В этом смысле его конкурентом на истфаке был только А.В.Сергеев. Студенты боялись его, и передавали от одного курса к другому совет обзаводиться семьей только после

[251] Интервью с Л.И.Измайловым.
[252] Интервью с Т.Д.Агаповой.
[253] Уроки Вульфсона. Казань, 2003.

второго курса, сдав экзамен по истории средних веков. Студенты ценили не только компетентность и оригинальность преподавателя, но и его человеческие качества. Одна из студенток вспоминала, как пришла к А.В.Сергееву на экзамен после тяжелого приступа аппендицита. «Что-то вы, милочка, какая-то бледненькая сегодня!», – посетовал А.В. И, узнав о причине, поверил и без размышлений поставил «пятерку».

Любовь и интерес к студенту, забота о нем, доброта и отзывчивость, интеллигентность – эти человеческие качества преподавателей стояли едва ли не на первом месте в студенческой иерархии ценностей. Студенты разных лет и факультетов вспоминают: *«Воробьев. ... был добрым и отзывчивым человеком... Декан, зная, что я самая бедная, всегда спрашивал, ела ли я сегодня, и выписывал талоны на питание»*[254]; *«наши преподаватели были строгие, но к студентам относились с большим уважением и ко всем одинаково»*; *«самыми добрыми и любимыми преподавателями на факультете были Лаптев, Широков, Чеботарев, Чибрикова»*[255]; *«для меня идеальный университетский преподаватель – это В.И.Адо, истинный интеллигент, человек высокой культуры»*[256]; *«Г.Н.Чеботарев был как отец, учил не только матанализу, но и жизни, хотя мы, молодые, этого тогда не понимали, только сейчас с возрастом это осознается»*[257]; *«мне нравились требовательные профессора. Это как заботливые родители. Полученные от них знания и навыки составили мой интеллектуальный капитал»; «Мы ценим человечность и высокий уровень культуры преподавателя. Не хочется терять драгоценное время на тусклых занятиях у закомплексованных людей. А яркая личность дает своим слушателям больше, чем совокупность фактов, о которых рассказывает. Таким мне видится Я.Я.Гришин»*.

Сравнение любимых педагогов с родителями, а также явное предпочтение, которое студенты оказывают преподавателям старшего поколения, не случайны. В этом проявляется не только массовое архетипическое представление о знании и мудрости как о накопляемом богатстве, но и традиционная для российской университетской культуры патернализм.

Изучая советский университет мы имели дело с созданным в результате анкетирования комплексом «текстов памяти». Из него мы вычленили составляющие понятия «идеальный преподаватель» для XX века. Мы реконструировали его на основе суждений о «любимых», «лучших», «талантливых» педагогах, зафиксированных в анкетах. Их сопоставление дает возможность выявить «общие места» и меняющиеся особенности в представлениях об университетском педагоге, заметить смещение отдельных признаков с центра на периферию оценки и наоборот.

Респонденты сформулировали обобщенный образ идеального преподавателя своего времени. Таким образом:

1960-е годы: «это человек, хорошо разбирающийся в своем предмете, умеющий донести свои знания до студента, читающий интересные, увлекательные лекции, и просто хороший человек»[258]; «любовь к преподавателю зависит от его человеческих качеств и эрудиции»[259]; «идеал преподавателя – подготовленность, профессионализм, высокие нравственные качества, честность, справедливость, гуманизм, доверие»[260].

---

[254] Интервью с Т.Л.Невретдиновой.
[255] Интервью с Д.Х.Гимадутдиновым.
[256] Интервью с Н.Ф.Назаровой.
[257] Интервью с Р.Р.Абдуллиной.
[258] Интервью с Т.Д.Агаповой.
[259] Интервью с Ю.П.Корниловым.
[260] Интервью с П.А.Краевским.

Преподаватели 1970-е гг.

1970-е годы: «таких преподавателей отличает огромная культура общения, энциклопедические знания, умение полностью владеть аудиторией и интересно излагать материал событий далекого прошлого, увязывая его с современностью»[261]; «в преподавателях ценилась, в первую очередь, порядочность, интеллигентность, а главное – справедливость»[262];

1980-е годы: «преподаватель должен быть доброжелательным, компетентным, интересным рассказчиком, строгим, но не придирчивым, с изюминкой»[263];

1990-е годы: «идеальный преподаватель тот, который общается со студентами в непринужденной форме, которому приятно улыбнуться. Преподаватель, который терпимо смотрит на религию, веру, национальность студентов, не разделяет их на «патрициев» и «плебеев»[264];

2000-е годы: «это должен быть успешный и благополучный человек. Хочется заразиться счастьем, понять логику успешной судьбы, найти пути реализации себя. Меня интересует такой человек в науке».

Образ «идеального» преподавателя не оставался статичным, он менялся вместе с новыми студенческими поколениями, вместе с изменяющимся советским обществом, вместе с приходящими нормами и ценностями. Многое из того, что было значимо для студента 1950-х годов, оказалось не востребовано в 1980-е года. И совершенно кардинальные перемены в подходах и оценках пришлись на постсоветский период.

В 1990-е годы университет оказался поставлен в жесткие условия борьбы за выживание. Его сотрудники (и признанные, и начинающие) смогли продолжить заниматься любимым делом, принимая участие в международных научных программах, получая гранты зарубежных фондов. Но в этом же таилась и угроза для корпорации. Скудные условия для проведения исследований, низкая обеспеченность alma mater, с одной стороны, и высокий научный потенци-

[261] Интервью с Н.А.Кисляковой.
[262] Интервью с В.А.Марфиной.
[263] Интервью с бывшей студенткой.
[264] Интервью с Р.Г.Фахриевым.

ал ее кадров, хорошие креативные данные, с другой, породили волну эмиграции университетских преподавателей за границу. Особенно сильно в те годы обескровились естественно-научные факультеты: физический, химический, механико-математический, вычислительной математики и кибернетики. Статистика свидетельствовала, что, например, химический факультет 60% своих аспирантов фактически готовил на экспорт. В Израиль, США, Канаду, Германию, Францию уезжали молодые и талантливые, те, кто должен был со временем составить славу университета, обрасти учениками и воспроизвести себя в них. Вместо этого они составили четвертую волну эмиграции.

Г. Н. Вульфсон. 1990-е гг.

В те годы трудно пришлось и тем, кто уехал, и тем, кто остался. Научным эмигрантам нужно было доказывать свою квалификационную пригодность, на ходу осваивать новые научные технологии, овладевать языком страны проживания, ее бытовыми и коммуникативными традициями. Это давалось ценой колоссального напряжения. Тем же, кто остался, довелось пережить политическую нестабильность, финансовые дефолты, падение престижа преподавания и науки. Это расколотое надвое поколение университетских людей много и напряженно работало, чтобы выжить и остаться в профессии. Университет терял преподавателей и за счет их ухода в другие сферы деятельности, например, в частный бизнес. На некоторых факультетах, прежде всего, на гуманитарных, предпринимательство «вымыло» из корпорации поколение тех, кому в 1990-е годы было немногим более 30 лет. Некоторые из них преуспели, многие разочаровались, единицы вернулись.

Б. Л. Лаптев. 1950-е гг.

Сегодня ситуация в Казанском университете стабилизируется. Политическое и экономическое укрепление России, а также мировой процесс глобализации науки благотворно отразились на нем. Продолжающаяся, хотя и в меньших размерах, «утечка умов» компенсируется встречными движениями – появлением в университете зарубежных специалистов (visiting lecturers), стажировками начинающих преподавателей и аспирантов в европейских и американских научных центрах, аутсорсингом, т.е. работой казанских ученых на зарубежные фирмы с использованием возможностей Интернет-связи. Уехавшие казанцы продолжают сотрудничать со своими коллегами по университету, образуя виртуальные научные коллективы. Результатом этого является рост совместных публикаций, издание работ казанских ученых за рубежом, чтение ими лекций в университетах мира. Ныне Казанский университет как никогда ранее ощущает себя органичной частью мировой университетской культуры.

Анализ анкет показал, что преподаватели ценят свою работу, любят студентов, гордятся университетом. Надо было видеть, как преображались лица людей, узнавших, что студенты отнесли их к категории любимых учителей. Опрошенные преподаватели утверждали, что Казанский университет – один из лучших вузов России, что работать здесь престижно. Для проживших много лет в университетской среде людей характерно некое «единство крови». *«Говоря об университетской семье, скажу,* – признавался один из преподавателей в «отставке», – *что ощущение членства в ней никогда не покидало меня в то время, когда я здесь учился и работал. И теперь, когда иногда подхожу к его белокаменным колоннам, испытываю трепетное чувство волнения и признательности к нему за все, что с ним было связано. Первопричина этого состояния души кроется в заложенном в те памятные годы чувстве семьи единой, университетского братства»*[265].

Университетская корпоративность жива и сейчас. Она зиждется на иных, чем в других социальных общностях, основаниях. В университетскую среду трудно войти, но единожды пришедший – если он соответствует корпоративным стандартам, – обычно остается здесь навсегда. В этой связи на память приходит крылатая фраза ректора М.Т.Нужина: *«В Казанский университет приходят только раз, и случайные люди здесь не задерживаются»*. Она давно уже стала лозунгом университетской жизни.

«Варягу» в университете непросто. Почти все нынешние преподаватели – питомцы Казанского университета. В кулуарах, предшествовавших выборам ректора в апреле 2002 г., участники собрания были едины лишь в одном – ректором должен быть «свой». В этом есть своя правда и свой смысл: для университетской корпорации важно, чтобы ее члены и особенно лидер исповедовали одну «веру», были пропитаны «духом» Казанского университета, берегли его душу. И если это так, то не важно, в каких «чинах» находится университет-

[265] Интервью с Ш.А.Гайфуллиным.

ский человек, лишь бы он был «свой». Такое понятие распространяется не только на преподавательскую курию, а на всю корпорацию, в том числе и на скромных технических служащих, демонстрировавших чудеса преданности университету. Среди них, а не только среди преподавателей, встречались настоящие люди – легенды.

Так, в анкетах и воспоминаниях многократно упоминается имя Мингаса Шайхутдинова, всю жизнь проработавшего в обсерватории им.В.П.Энгельгардта. Он появился в университете в 1920 г. еще мальчиком. Тогда он выполнял всевозможные работы: был возчиком при лошади, ночным сторожем, дворником, участвовал в экспедициях и, хоть и плохо говорил по-русски, но не раз выручал университетских ученых в контактах с татарским населением Башкирии и Казахстана[266]. Таким же старожилом был мастер-механик Л.С.Николаев: *«принесешь ему из астрономички отказавший в работе тонкий прибор*, – вспоминал ученый, – *а он его первый раз видит. Почему-то конфузится и говорит: «оставьте, разберусь», и прибор потом работает, как новый»*[267]. А лаборант кафедры органической химии А.В.Васильев был потомком династии университетских служителей. После военной службы его отец устроился в лабораторию органической химии к профессору А.М.Зайцеву и прослужил до самой смерти. Сын родился в подвальном помещении химического корпуса и здесь же прожил всю свою жизнь. В лаборатории он трудился с утра и до позднего вечера[268].

Студенты и преподаватели геофака вспоминали о Г.В.Десяткове. Он служил еще при церкви Казанской духовной семинарии. Когда семинарское здание перешло к университету, вместе с ним геофаку «достался» Десятков. Он один много лет выполнял всю техническую работу на факультете. Студенты любовно называли его «наш Гаврила»[269]. А биологи рассказывали о таксидермисте зоологического музея Я.П.Коксине, создававшем замечательные биогруппы, о служителе университетской оранжереи Хафизе, спасавшем в годы войны ценнейшие растения[270]. А сколько их было еще незаслуженно забытых – скромных, незаметных членов университетской корпорации, самоотверженно и преданно служивших родному университету!?

Преданность университету – важнейшая составляющая корпоративного духа. И ее демонстрировали и рядовые служащие, и маститые профессора, и университетские руководители. В анналах университетской памяти хранится рассказ о том, как М.Т.Нужин отказался от должности заместителя министра ради того, чтобы на посту ректора «посвятить себя благу Казанского университета».

Так что же представляет собой этот особый «университетский дух»? Наши коллеги и ученики считают, что душу Казанского университета составляет «его история, научные школы, терпимость, единство корпоративных интересов преподавателей и студентов»[271]; «времен связующая нить», «преданность славным традициям российской высшей школы, развитие лучших традиций, сформировавшихся в советское и постсоветское время. Само имя «Казанский университет» определяет меру требовательности, с которой подходят к себе и те, кто в нем учился, и те, кто в нем работал, и те, кто сейчас трудятся в его стенах»[272].

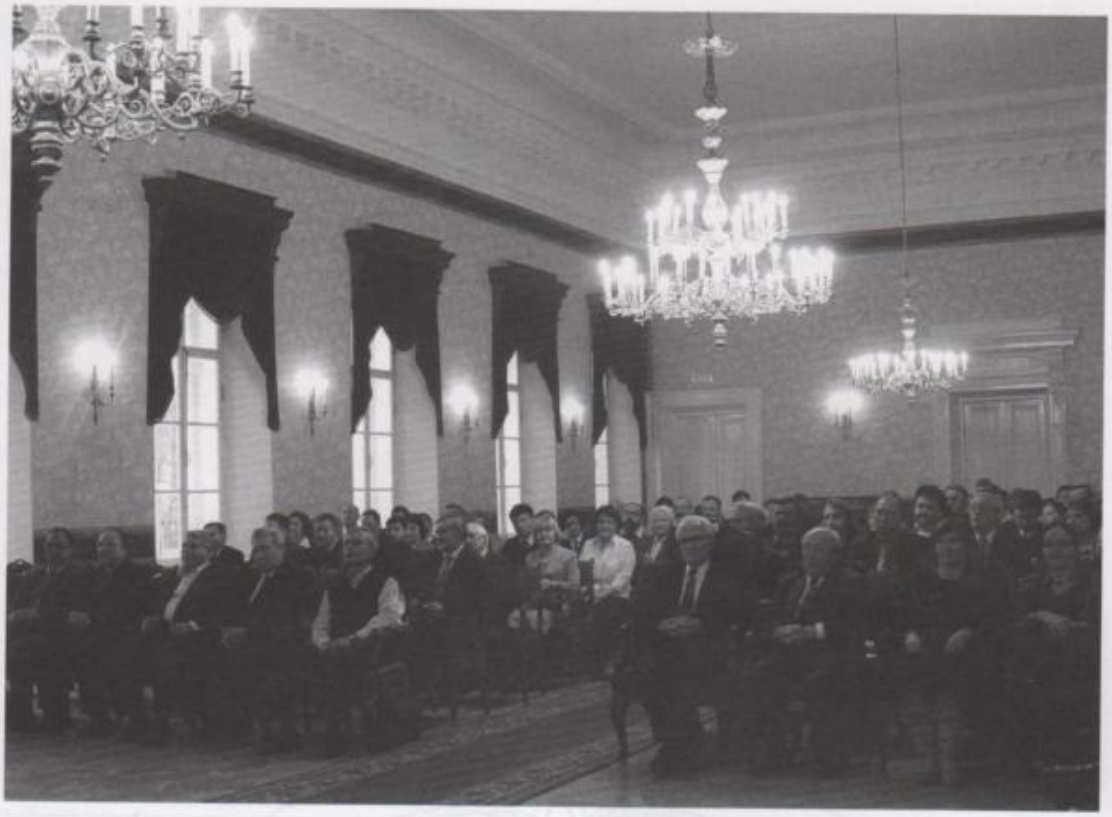
[266] Мартынов Д.Я. Недавнее былое, л. 22.
[267] Ключевич А.С. Воспоминания химика–выпускника КГУ. Казань, 2002. С. 31.
[268] Арбузов Б.А. Из воспоминаний о Казанском университете// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10099/1, л. 22.
[269] Тефанова Т.А. Из истории геологического факультета КГУ, л. 8 – 9.
[270] Гаранин В.И. Биофак, сороковые годы, л. 11; Иванова Р.Г.Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной Войны, л. 3.
[271] Интервью с Е.А.Чиглинцевым.
[272] Интервью с Ш.А.Гайфуллиным.

Выступление ректора М.Х. Салахова на торжественном акте по поводу 200-летия Казанского государственного университета

В советский период на долю университета выпало немало испытаний. Он стал объектом широкомасштабного исторического эксперимента, проводившегося новой властью не только в сфере высшего образования, но и в гораздо более широкой сфере воспитания нового советского человека. Условия проведения этого эксперимента оказались довольно жесткими. Было время, когда университет по существу оказывался на грани полного закрытия и исчезновения, поскольку один за другим закрывались факультеты, и сокращалось количество преподавателей и студентов; было время, когда реформаторы пытались полностью изменить самую сущность университетского образования, придав ему чисто утилитарный характер; было время, когда университет пытались раздробить на отдельные институты, ликвидировав органично присущую ему целостность; было, наконец, и такое время – и не раз! – когда преподавателям нечем было платить зарплату, а студенты откровенно голодали и мерзли в холодных аудиториях. Было все – но университет выстоял, выжил, тем самым доказав свое полное право на существование, свое высокое предназначение и удивительную жизнестойкость. Высокий университетский дух, многолетние университетские традиции оказались сильнее всего мимолетного, мелкого, наносного.

«Они все такие особенные – университетские», – эта фраза, услышанная как-то из уст старой женщины, никогда в университете не учившейся, говорит о многом. Принадлежность к университету – это то, что всегда объединяло и объединяет людей, несмотря на все различия и жизненные перипетии их личных судеб, и одновременно отличает, выделяет их среди других, позволяет найти «своих» среди «чужих» и установить с ними незримый контакт, говорить на одном, понятном друг другу, языке.

Юбилейные торжества по поводу 200-летия
Казанского государственного университета

И хотя Казанский университет отпраздновал два века жизни и по праву может быть назван одним из патриархов российской высшей школы, он по-прежнему удивительно юн, ибо для всех прежних, нынешних и будущих студентов университет – это олицетворение молодости, прекрасной, единственной и неповторимой. Это осознается не сразу, не вдруг, хранится в глубоких кладовых памяти, чтобы однажды, в какой-то неожиданный миг, вспыхнуть ярким воспоминанием, поразить глубокой ностальгией, когда неожиданно все сожмется и затрепещет внутри. И вспомнится: яркий, солнечный сентябрьский день, шорох осыпающихся листьев под ногами, и все быстрее и быстрее, вверх, по Университетской улице, к этому строгому великолепному зданию с белыми колоннами, этому олицетворению юношеских надежд и устремлений. Вот она, сбывшаяся мечта: я – студентка Казанского университета! Объяснить это не познавшим, не испытавшим те же чувства, по-видимому, невозможно, потому как нельзя объяснить эмоцию. Человек, который не любил, никогда не сможет понять, что это такое.

Любовь к нашему университету, наша вечная благодарность и преклонение перед ним – вот то, что объединяло и объединяет университетских людей, всех тех, кто здесь начал путь в большую жизнь, и тех, для кого он, по существу, этой жизнью стал.

Глава 3

КУЛЬТУРА ОТНОШЕНИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Университетские люди легко узнаваемы в любом сообществе по стилю поведения, по присущему им способу выстраивания межличностных отношений. В лучших своих проявлениях университетский человек демонстрирует уважение к чужому миру и защищает автономию мира собственного. Иначе данное качество можно определить как чувство внутреннего достоинства[1]. Вероятно, уважительное отношение к другим действительно предполагает наличие самоуважения, уверенности в себе. Да, университетским людям всегда была свойственна высокая самооценка. Обретение и производство знания нередко рождало социальные претензии на лидерство, на посредничество между суетным миром и миром Истины. Вместе с тем, исследовательский труд формировал привычку ставить под сомнение свои выводы, ощущения, способности (побочным продуктом этого стала свойственная университетской среде самоирония). Наконец, форма коллегиального самоуправления заставляла университетских людей считаться с мнением и чувствами ближнего. Эти культурно-психологические установки образовывали, так сказать, стратегический план университетского пространства межличностных отношений.

Тактический же уровень задавался многими переменными: университетской политикой власти, системой ограничений, накладывавшихся на поведение университетского человека (в том числе инструкциями, наказаниями, наградами и т.д.), спецификой взаимоотношений внутри мужского сообщества, а также возрастной психологией, столь актуальной для университетской среды.

В сознании современников определение "образованный" долгое время было синонимом понятий "просвещенный" и "цивилизованный". Последнее и поныне мыслится, как способность человека управлять своими эмоциями. Это, конечно же, не значит, что университетские люди не были эмоциональны. Отнюдь нет. Но в отношениях с "другими" они признавали необходимость сдерживать свои порывы. Проявления агрессии, оскорбления чести и достоинства здесь воспринимались как эксцессы, требующие моральной компенсации.

"Свои" и "чужие" в императорском университете

Всем своим стилем жизни преподаватель был обязан поддерживать высокую социальную репутацию Университета. Согласно принятым "правилам игры", члену преподавательской корпорации было негоже пасовать пред сильными мира сего (чиновниками, администрацией), утверждаться за счет слабого или младшего (студентов и служащих), попирать права и честь себе равных (коллег). Собственно, в этих поведенческих моделях достоинство университетского человека и "являло себя миру". Но, прежде чем описать эти проявления, нам придется "пробиться" сквозь стереотипы сегодняшних представлений об университете, сквозь мифологизированный образ дореволюционного профессора и студента.

Эти представления покоятся на нескольких мифах, созданных и "запущенных" в массовое сознание университетскими людьми. Они творились ради утверждения социального престижа профессии и признания значимости ремесла – образования юношества. Сегодня они стали частью нашей картины прошлого и исторической памяти о нем.

---

[1] Владимир Даль раскрывал это понятие через "стоимость, ценность, добротность". См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т.1. С.1193.

Собрание профессоров

Университетские люди презентируют себя в обществе как носителей высокой культуры, мудрости и порядка. Но в чем же суть порядка по-университетски? Кажется, ответ прост: внутри университета царят гармония и согласие коллег, отдающих себя святому делу просвещения юношества и добывания научных знаний. Это согласие достигается на советах "мудрейших". Однако человека, вошедшего в университетскую среду на правах студента или волею судеб познакомившегося с реалиями университетской внутренней жизни, всегда поражали и поражают напряженность, конфликтность и противоречия, наполняющие университетскую повседневность. В воспоминаниях часто встречаются утверждения следующего типа: "В казанском обществе было много всяких интриг, и в особенности они процветали в университетском совете. Советское заседание составляло очаг всяких столкновений и распрей"[2]. Так в чем же дело? Почему умным людям так трудно договориться?

Ответ заключен в самой сути университетской демократии. Ее бытование в университетской среде нельзя было "ввести" правительственным указом. История становления университетской культуры – это история соперничества демократии и автократии, иногда в виде откровенной тирании или деспотии. Так, первое десятилетие существования Казанского университета прошло под знаком тиранического управления директора И.Ф.Яковкина. Попытки оппозиционных ему профессоров заставить Совет действовать в соответствии с буквой устава тогда не увенчались успехом[3]. Кроме того, в отличие от авторитарных типов управления, действующих с помощью силь-

[2] Воспоминания Н.П.Вагнера// Материалы для биографии Н.И.Лобачевского/ Собрал и редактировал Л.Б.Модзалевский. М.; Л., 1948. С. 642.
[3] Вишленкова Е.А. И.Ф.Яковкин – первый директор Казанского университета (1805 – 1813) // В кругу учеников, коллег, друзей: К 70-летию И.П.Ермолаева. Казань, 2002. С. 71 – 85.

ных и примитивных средств давления, демократия не упрощала, а усложняла корпоративные отношения. И именно благодаря этому университет сохранял ту самую устойчивость и высокие адаптационные способности, которые он проявлял в разных политических и культурно-региональных условиях.

От университетской же корпорации демократия требовала не просто умения повелевать и подчиняться, а владения особой культурой поведения и процедурами самоуправления, усвоения соответствующего стиля мышления. История университета – это сложный и противоречивый процесс научения демократии.

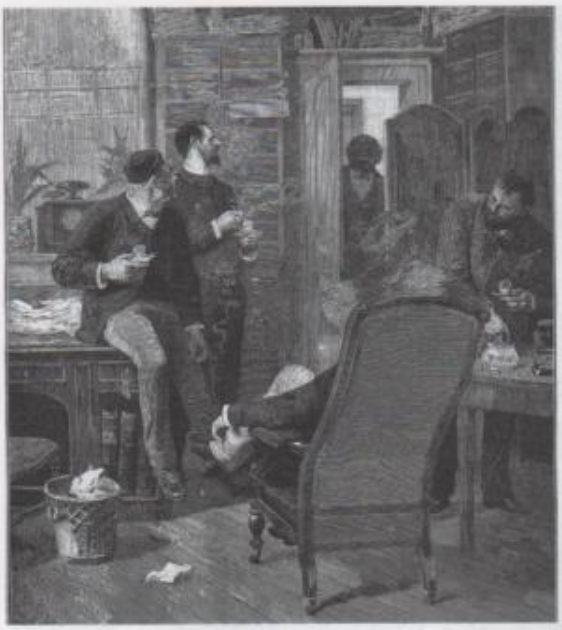

Карикатура на университетскую демократию

С самого начала университетская корпорация России управлялась посредством коллегиальных учреждений: университетского совета, правления, суда ("расправы") и факультетских собраний. Профессора образовывали Совет. Он следил за соответствием университетской жизни правительственным предписаниям, проверял содержание отдельных предметов, рассматривал конкурсные сочинения и заявки на замещение должностей, решал вопросы совместительства, проводил научную аттестацию. На его заседаниях профессора формулировали воспитательный идеал и вырабатывали правила поведения студентов. Кроме того, Совет обладал судебными правами: он решал споры, возникавшие между членами университетской корпорации, в том числе по вопросам профессиональной этики, и принимал решения по проступкам студентов. Даже в случае уголовного преступления университет проводил предварительное расследование и отправлял виновного в судебные органы со своим "мнением" по делу.

Полномочия университетского Совета то расширялись, то сужались в зависимости от характера просветительских настроений верховной власти. Например, Устав 1804 г. возложил на Совет управление учебными заведениями округа, а по Уставу 1835 г. из его ведения были изъяты не только "окружные визитации" (ревизия школ), но и судебные полномочия, а также контрольно-финансовые функции. Они были возвращены университетской профессуре Уставом 1863 г., а в 1884 г. деятельность Совета вновь была ограничена учебными делами и избранием ректора.

Вторым важным фактом университетской власти было Правление. Его составляли ректор, деканы и назначенный попечителем из числа ординарных профессоров непременный заседатель. Поскольку главной функцией университетского правления была функция хозяйственная, на его заседания приглашались кассир, бухгалтер, экзекутор, ведавший университетскими зданиями, а также полицейские служители (командир инвалидной команды) и т.д. Правление распоряжалось суммами, отпускавшимися на содержание университета, "отвечало за их целостность", заключало подряды

и договоры от имени университета, составляло годовые отчеты о расходовании казенных сумм. Оно же должно было выступать в роли гаранта от неоправданных или криминальных растрат. Без его разрешения даже ректор не мог тратить суммы выше установленного уставом минимума.

Факультетские собрания обладали теми же полномочиями, что и университетский совет, но на факультетском уровне. Кафедры же в XIX столетии еще не оформились в структурную единицу университета, и чаще всего под ними подразумевались предметы университетского преподавания.

"Обыкновенные" (не чрезвычайные) советы университета и факультета заседали с периодичностью раз в месяц. Все решения на них принимались открытым (кроме случаев избрания и научной аттестации) голосованием. Причем, их председатели (ректор или декан) голосовали на равне с прочими членами Совета. Номинально тот и другой были "первыми среди равных", и объем их власти обеспечивался скорее административными способностями и авторитетом конкретной личности, нежели официальными документами.

Похоже, что подлинный авторитет ректору в университетской среде придавали его умение подчинить себе волю другого, способность устанавливать связи с "внешней" властью, искусство использовать политическую ситуацию, а также демонстрировавшееся им статусное поведение, в том числе свойственный ему язык жестов. Слабость или, что еще хуже, отсутствие таких черт делало избранника университетской корпорации жертвой, ставило ее право на власть под постоянное сомнение. Соответственно, от личных качеств ректора зависело стяжает ли он уважение коллектива, или его власть будет лишь номинальной. Интересно, что вариантов "превращения в жертву" история университета знает довольно много, а случаев соответствия административного дара и дара научного – мало[4].

Успешности либо неуспешности ректорства немало способствовали и внешние (благоприятные или неблагоприятные) обстоятельства. Например, ректорство И.О.Брауна (1814 – 1819 гг.) пришлось на период хозяйственного упадка и сложное время становления коллегиальных отношений в университете, ректорство Г.Б.Никольского (1820 – 1823 гг.) – на годы "обновления" университета по плану М.Л.Магницкого. Но особенно тяжким бременем ректорство стало в конце XIX – начале XX столетий. Так, в 1887 г. В.П.Энгельгардт писал в Казань Д.И.Дубяго: "*Не сладко теперь ректорское место!*" Спустя несколько лет избранный в ректоры Дубяго признавался в остром желании отказаться от ректорских обязанностей[5].

Идеальным ректором в университетской памяти Казани запечатлен Н.И.Лобачевский. "*Во время ректорства Лобачевского,* – свидетельствовал

[4] Ректоры Казанского университета / Сост. и науч. ред. В.С.Королев. Казань, 2004.
[5] Письмо Д.И.Дубяго к В.П.Энгельгардту за 1887 г. Из личного архива И.А.Дубяго.

Н.П.Вагнер, – *с 1827 года до 40-х годов, деятельность его по устройству университета была изумительна... Лобачевский был умным, рассудительным, сдержанным ректором. В тех случаях, когда какой-нибудь жгучий университетский вопрос обострял отношения двух спорящих сторон, Лобачевский очень круто прерывал все споры и мнения... Николай Иванович в тот же или следующий вечер приглашал к себе главных спорщиков и за чашкой чая приводил их споры к возможному разумному соглашению.*

В следующем заседании совета дело проходило без шума и решалось без споров и пререканий"[6]. С именем Лобачевского связывается подъем Казанского университета: создание восточного и камерального разрядов, первые научные открытия мирового масштаба (неевклидова геометрия, химический элемент "рутений"), значительное увеличение числа студентов и строительство новых университетских корпусов. За столетие с небольшим мифологизированный образ Лобачевского превратился в эталон талантливого и успешного руководства университетом. Этим мерилом казанские профессора определяли всех последующих ректоров. И в процессе сопоставления, в процессе критики действующего лица осовременивался, обновлялся сам идеал. Формулируя желаемые для университетских людей конца XIX в. черты руководителя университета, Э.П.Янишевский писал: "*Вполне преданный университету, безукоризненной честности убеждений, неутомимый в деятельности, энергический, но беспристрастный и всегда уважавший мнения других, действовавший на членов совета только силою убеждения и вследствие этого всеми уважаемый – таков был Лобачевский ректором университета*"[7].

Бывшие воспитанники критиковали всех преемников любимого ректора. В этой связи особенно "досталось" И.М.Симонову. Мемуаристы ставили ему в упрек и предательство Лобачевского, и отсутствие патернализма в отношении студентов и коллег. "*Ректора никто не боялся,* – признавался П.Боборыкин. – *От всего этого начальства не исходило на нас никакого обаяния. Это было нечто вроде наших гимназических властей, только по-*

[6] Воспоминания Н.П.Вагнера // Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. С. 643, 646.
[7] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С 5.

выше рангом. Отношение в студенчестве ко всем этим лицам было насмешливое, вовсе не почтительное, разумеется, про себя"[8].

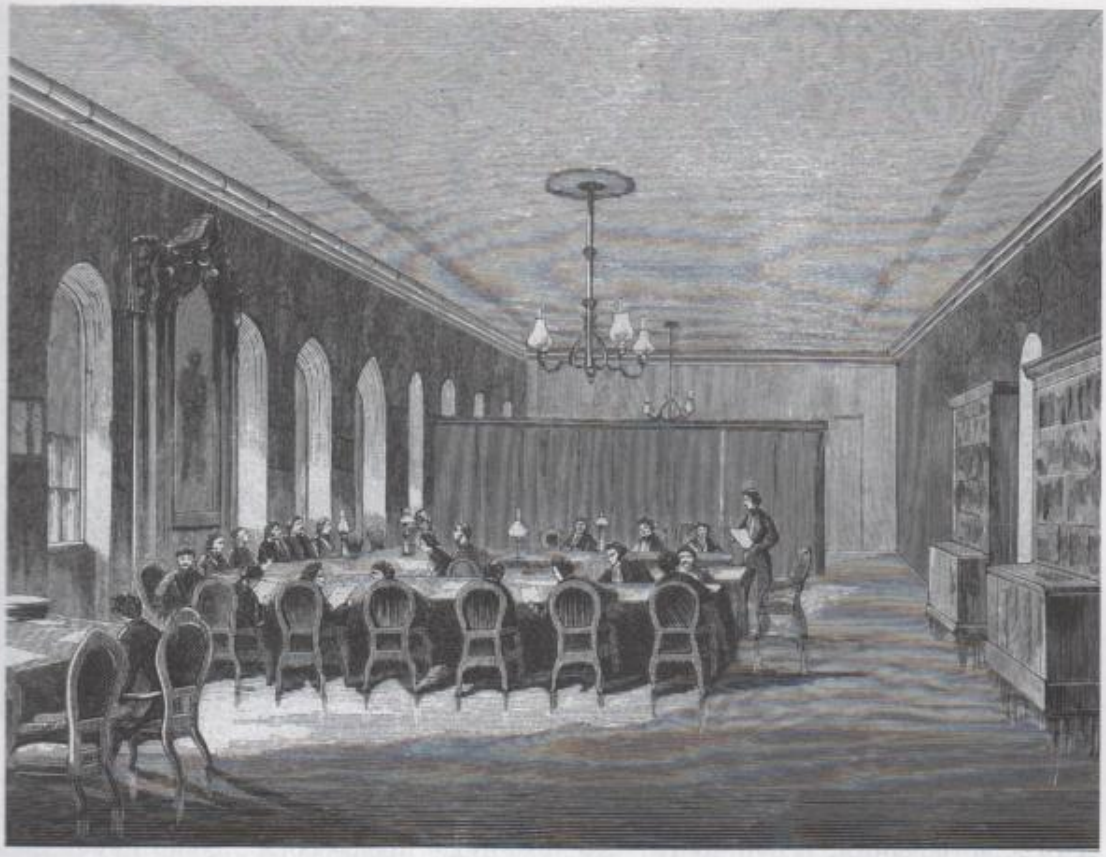
Что касается декана, то его успешность определялась способностью отстоять интересы факультета перед лицом ректора и попечителя, создать условия для приоритетного развития "своего" факультета. Кроме личных качеств, влиятельность декана в университетском совете и в правлении зависела от значимости факультета, который он возглавлял. В отличие от ректорства, деканство обладало скорее символическим значением. Эта должность повышала корпоративный статус преподавателя: она означала признание коллегами авторитета и научных заслуг. Но, в целом, поскольку внутренняя административная вертикаль университетской корпорации была подвижной и не столь жесткой, как чиновничья или военная, в университетской культуре не произошло сакрализации власти декана. Университетские люди относились к этой должности без пиетета.

Нередко более влиятельной силой на факультете, чем декан, была профессорская олигархия – так называемые "университетские старцы". Как правило, это были заслуженные профессора, закаленные многолетним участием в работе Совета, предполагавшей неизбежную борьбу мнений, споры и конфликты. Их право на власть, на особое положение опиралось на почтенный возраст, былые заслуги, долголетнюю службу в университете, "жертвы", принесенные ему, но в еще большей степени – на знание слабостей механизма университетского самоуправления, на наличие в корпорации большого числа преданных им учеников. Как правило, многие из "олигархов" были в свое время деканами, проректорами или даже ректорами. Это обстоятельство добавляло амбиций и претензий экс-администраторам.

В 1895 г., когда все описываемые им персонажи уже умерли, С.И.Сластников рассказал об атмосфере, царившей в годы его учебы на физико-математическом факультете Казанского университета. По его словам, в середине 1870-х годов факультет жил славой и научно-педагогической репутацией трех выдающихся "старцев": декана М.А.Ковальского, профессоров И.А.Больцани и П.И.Котельникова. Именно они определяли его лицо, направление развития, нужды и прочее. Их тактика выстраивания отношений с коллегами дает яркие примеры как специфики возрастной психологии, так и механизмов самоутверждения в корпорации.

---

[8] Боборыкин П. За полвека. М., 2002. С. 59 – 60.

Если Котельников олицетворял собой, по мнению коллег, мудрость и доброту (со всеми ладил, жил тихо, пунктуально исполнял свои обязанности, "безмолвным смиренником сидел на советах и обливался потом, когда при баллотировках его голос являлся решающим"), то Ковальский и Больцани были «громовержцами» факультета. Наблюдателям казалось, что они постоянно конфликтуют и ругаются между собой. Как-то Ковальский задержал студентов на 15 минут на своей лекции за счет занятия Больцани. В следующий раз Больцани не отпускал учеников лишних полчаса. Пределом терпения стала двухчасовая лекция Ковальского, когда воспитанники вообще не явились на следующее занятие. Далее последовало разрешение конфликта: "Старцы жарко объяснились на факультетском совете, и подобные препирательства уже не повторялись"[9]. Посторонним нередко было трудно понять суть противоречий. Очевидцы вспоминали, что "сначала возникал между ними спор на почве науки, а потом, глядь, уж науку побоку, и идет жестокая пикировка с подсмеиваниями и уколами". Нередко Больцани и Ковальский втягивали в свои перепалки не только молодых коллег, но и горожан. Показательной была административная стратегия декана. Демонстрируя студентам свое пренебрежение к младшим коллегам, Ковальский провоцировал воспитанников игнорировать занятия доцентов. На экзаменах же декан принуждал доцентов ставить всем удовлетворительные оценки. Естественно, что при такой ситуации студенты не знали иных предметов, кроме дисциплин, которые читал сам декан и его заслуженный соперник И.Больцани.

[9] С.И.С-ов [Сластников С.И.] Университетские старцы: (Из воспоминаний казанского студента) // Русская старина. 1895. № 8. С.166.

Людям "со стороны" действия и слова "университетских старцев" нередко казались дикими выходками. Между тем, это была выверенная стратегия властвования. В сущности, "заслуженные профессора" давно научились сосуществовать друг с другом, установили пределы допустимого, приемлемые методы воздействия, хорошо знали уязвимые места соперника. Их скандалы менее всего были выяснением отношений между собой или разрешением назревших проблем. Скорее, они разыгрывались для острастки "публики": молодых коллег, учеников, студентов. "Старцы" ругались друг с другом, но "чубы трещали" у доцентов, приват-доцентов, студентов. По-видимому, скандалами и драматическими конфликтами они утверждали свою значимость в корпорации, в очередной раз демонстрируя, "кто в доме хозяин". Вместе с тем, они создавали в университете ситуацию соперничества, побуждая молодых коллег страстно стремиться к самоутверждению.

Становление демократии, следование ее нормам давалось университетской корпорации с большим трудом. Читая протоколы профессорского совета, легко убедиться, что его заседания менее всего были похожи на светские рауты или хладнокровные обсуждения. Как раз наоборот, чаще всего они становились полигоном для бурного выяснения отношений. История университетского совета составляет центральный нерв университетской истории в целом. Приведем лишь один эпизод из жизни Совета. Профессорский конфликт, разразившийся в Казани на рубеже 1860 – 1870-х годов, получил в историографии название "дело Лесгафта" и привел университет на грань катастрофы. В те годы казанским попечителем был П.Д.Шестаков, человек твердый и авторитарный. Обстановка в стране (непрерывные студенческие волнения, террористические акты революционеров, первые неудачи реформ, общественная усталость от политики) способствовала установлению жестких форм управления школой. Министр Д.А.Толстой был готов поддержать попечителя чем угодно, лишь бы тому удалось добиться покорности студентов и спокойствия в подчиненных ему учебных заведениях. В результате в Казанском университете установился порядок, когда попечитель вникал во все мелочи университетской жизни, заставлял профессоров наносить

ему визиты, "непрерывно бомбардировал совет всевозможными предписаниями"[10].

Спорить в такой ситуации было невозможно. Недовольный мог избрать лишь путь "побега" (в Киевский университет перешел Ковалевский, в Петербургский – Вагнер). Но примечательно, что перед лицом общего, казалось бы, врага профессорская корпорация не объединилась, а оказалась расколотой на враждующие группы: на тех, кто смирился со сложившимся положением вещей, кто изолировался от участия в управлении университетской жизнью, и тех немногих, кто возмущался деспотизмом. Ректор Е.Г.Осокин встал на позицию безропотного исполнителя попечительской воли. Итогом этой борьбы и стало печально известное "дело Лесгафта".

Под давлением попечителя, а главным образом в результате содействия большинства членов университетского совета молодой, подававший надежды профессор анатомии П.Ф.Лесгафт был уволен без права поступления на университетскую службу. А вслед за этим на стол попечителя легли прошения об отставке семи ведущих профессоров физико-математического и медицинского факультетов (геолога Н.А.Головкинского, биохимика А.Я.Данилевского, математика В.Г.Имшенецкого, химика В.В.Марковникова, гигиениста А.И.Якобия, гистолога А.Е.Голубева и патолога П.И.Левитского). Все они впоследствии составили славу отечественной науки. Казанский же университет в один момент потерял сильных педагогов.

Попечитель был доволен и подписал прошения. Примечательно, что когда это произошло, противники, еще недавно большинством голосов травившие коллег, растерялись. Очевидно, теперь, когда дело было сделано, азарт прошел, и включилось чувство корпоративного самосохранения. "Удаление из университета таких достойных семи преподавателей, лучших представителей науки, – обескуражено обратился к коллегам С.М.Шпилевский, – составляет столь важную утрату для университета, что совет не может ограничиться только пассивным согласием на их увольнение". Ему вторили профессора М.А.Ковальский, М.Ф.Субботин, А.П.Котельников, Н.Н.Булич, А.Г.Станиславский, желавшие остановить уходивших ученых. Оставаться на брошенном «поле боя» в одиночестве было как-то неуютно и небезопасно[11].

Очевидно, совету не чужда была психология толпы. Каждый его член по отдельности был мудрым и благородным человеком, демократом в душе. Но, собираясь вместе, им так трудно было найти общее решение, удержать единую стратегию жизни. В результате Совет оказывался либо в подчинении авторитарных администраторов, подобных Шестакову, либо его раскачивало из стороны в сторону как легкое судёнышко, попавшее в шторм. И дело, конечно, не в политических пристрастиях членов Совета, и не в том, что одни его члены были герои, а другие – злодеи. Противник Лесгафта профессор А.В.Петров стал впоследствии известным врачом, подвижником социальной медицины. А Бутлеров, знавший о конфликте из писем В.В.Марковникова, осудил оставивших университет коллег, полагая, что они бросили и университет и студентов на произвол судьбы. Жизнь университетских людей во все времена была полна конфликтных ситуаций. Было бы упрощением оценивать их, а также позиции их участников, прибегая лишь к категориям политической лексики (либеральный – консервативный, прогрессивный – реакционный). Рассматриваемые как способ разрешения возникавших проблем, университетские конфликты могут быть разделены на конструктивные и деструктивные. К первым можно отнести конфликты идентич-

---

[10] Романовский С.И. Николай Алексеевич Головкинский. Л., 1979. С. 83.
[11] Платэ А.Ф. Новые материалы к биографии В.В.Марковникова// Материалы по истории отечественной химии. М., 1953. С. 77.

Александр I – основатель Казанского университета

ности. Университетские люди отличались ранимостью. И как исследователь, и как педагог, преподаватель нуждался в поддержке и одобрении коллег. Отсутствие таковых воспринималось как обида, угроза, катастрофа. Выговор или наказание, исходившие от человека "постороннего", не воспринимались университетским человеком столь болезненно, как критика или оскорбление из уст коллеги.

Поскольку движение по университетской «вертикали» опиралось на субъективные оценки личности и творчества ученого (его избирали, его труды обсуждали, он проходил через публичные защиты с баллотировкой), то противоречие между высокой (или завышенной) самооценкой университетского человека и его низкой (или заниженной) оценкой коллегами порождало психологический дискомфорт, заставляло его вступать в конфронтации с корпорацией. Впрочем, признание или не признание научного авторитета ученого далеко не всегда адекватно отражало значение его деятельности, оно во многом зависело от интеллектуального состояния самого сообщества. Так, во времена, когда университетская корпорация или ее часть жила в "схоластическом режиме", поклонялась величественным текстам прошлого, которые, как считалось, содержали всю полноту мудрости, коллективное признание получали стражи этой классики. Когда же интеллектуальное сообщество ориентировалось на инновации, значимыми личностями в университетском коллективе становились те, кто создавали новое поле, на котором могли работать другие исследователи[12]. На скрижалях же университетской истории остаются имена наиболее плодовитых ученых (по количеству публикаций) или педагогов (по числу учеников). Чаще всего это профессора, долгое время проработавшие в своей научной области.

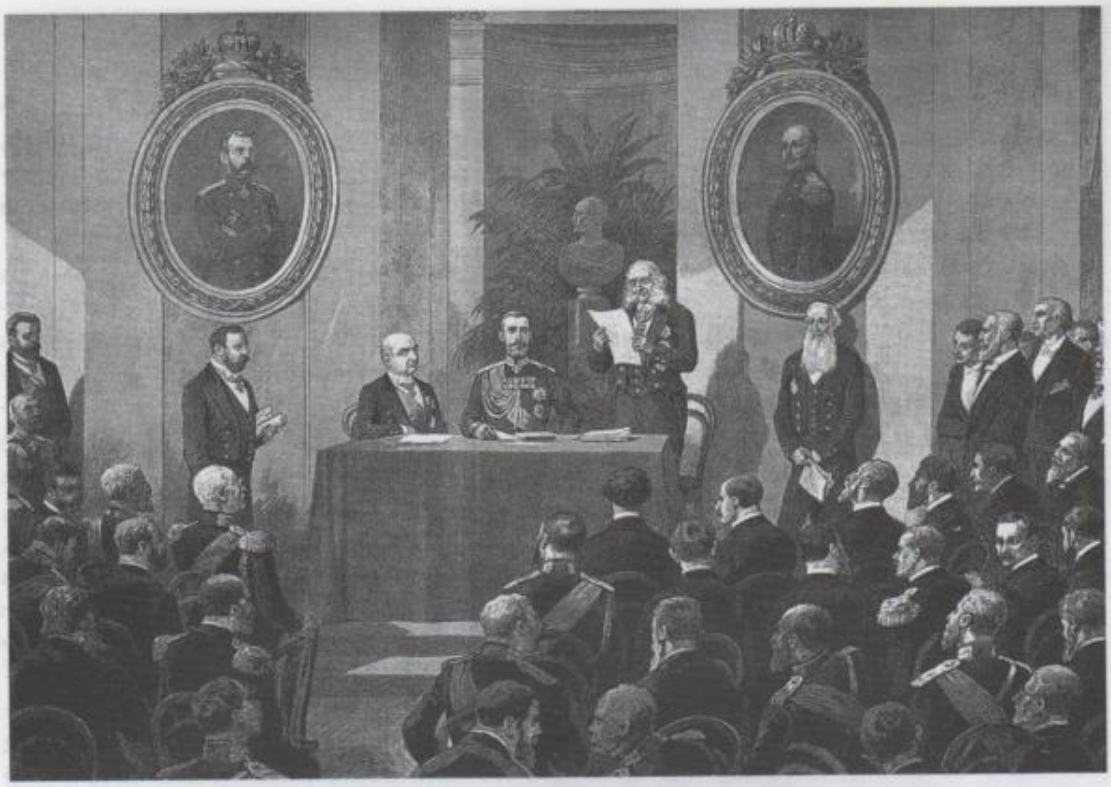
Конфликт идентичности – один из постоянных, внутренне присущих университетской жизни конфликтов. Внутри него, в пылу полемики и обличений, формировались критерии принадлежности к профессии, вырабатывались нормы университетской жизни, определялась этика корпоративных отношений, т.е. происходило "утверждение ценностей". На заседаниях Совета преподаватели выясняли границы собственной автономии и пределы допустимого вмешательства в их частную жизнь, а избранные на пост декана или ректора профессора доказывали своё право судить о качестве преподавания коллег, формулировать интересы факультета и университета в целом.

Коммуникативная ситуация в университете оставляла людям выбор формы социализации в корпорации. Одни становились рупорами или ее неформальными лидерами, другие почти намеренно разрывали связи с коллегами, "создавая вокруг себя атмосферу недовольства и обиды" (примером тому – профессор Н.А.Иванов[13]), третьи творили свой микрокосм из близких друзей – единомышленников.

Но есть конфликты, разрушающие корпоративную идентичность. К таким относятся, например, конфликты, связанные со случаями коррупции. Очевидно, мздоимство зародилось в российском университете с момента его основания, но отследить это по документам довольно сложно. Одним из первых свидетельств существования коррупции в Казанском университете яв-

[12] Мысль была высказана Р.Коллинзом (см.: Collins R. Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Harvard, 1998); он же. Интерактивные ритуалы и социологическое объяснение интеллектуального творчества // Компаративистика-II: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2002. С. 45.

[13] Руднева Я.Б. Н.А.Иванов: жизнь и научно-педагогическая деятельность: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

Прием императора

ляются материалы ревизии 1819 г. Ревизор М.Л.Магницкий обвинил И.Ф.Яковкина, директора университета и председателя комиссии по приему экзаменов у чиновников, как минимум, в злоупотреблениях при выдаче университетских свидетельств[14]. Оправдательное письмо ректора Г.Б.Никольского попечителю М.Л.Магницкому. *"Говорят, что к нам студенты поступают с приданым,*– писал он. *–Больно слышать сие, а еще больнее говорить. А как слух, распространяясь, растет, то я обязанностию поставляю донести Вам, что узнал о сем. Некоторые из г-д университетских и гимназических преподавателей, как то Грацинский, Полиновский, Рыбушкин, Юферев, Потехин и проч., давали лекции желающим подвергнуться испытанию для поступления в университет, за что получали плату. Слышал я, но за достоверность слуха не ручаюсь, что некоторые богатые отцы, после испытаний и одобрения к принятию в университет, в знак благодарности дарили, а кого именно и чем, неизвестно. Доподлинно знаю один только случай, что богатая помещица г-жа Мотовилова, по окончании испытания сыну ее, хорошему, впрочем, мальчику, подарила г. Городчанинову серебряную табакерку, а мне какой-то незначащий ковер, который и девать, не знаю куда. В малом моем жилище он не надобен, а потому и решил я отдать его в будущую нашу церковь. Г. Грацинскому за лекции она также что-то подарила. Г. Городчанинов в сем случае не подлежит подозрению, ибо матери угодно было отдать сына ему на воспитание. А моя вина только в том, что я не выбросил коврика, который мне вовсе не нужен, но это показалось бы с моей стороны невежеством"*[15].

Впрочем, в университетской среде взятки являлись делом табуированным: разоблачений в их получении не столько боялись, сколько стыдились.

---

[14] РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 259.
[15] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 4019, л. 73 – 73 об..

Ведь рано или поздно преподаватели, заподозренные в коррупции, оттеснялись на обочину корпоративной общности, а современниками воспринимались как педагоги-оборотни.

Страсти буквально кипели на заседаниях Совета и Правления. В ходе бурных прений на научных конференциях и диспутах происходили кристаллизация групп, обмен культурным капиталом, эмоциональной энергией, формулирование интеллектуальных позиций, соперничество за пространство внимания, борьба за репутации. При этом участники конфликтов старались облачить все это в "цивилизованную" ("ритуальную") словесную форму, что не исключало столкновений, становившихся подчас источником личных трагедий для вовлеченных в них людей.

Лики бюрократии

Однако при всей болезненности этих процессов, утвердившиеся в университетской среде способы разрешения конфликтных ситуаций и преодоления коммуникативных, административных проблем вырабатывали у университетского человека уважение к иному мнению, привычку считаться с ним, стремление понять аргументы противника, слышать другого и быть терпимыми. Вспоминая профессора Н.П.Загоскина, его дочь писала: *"Отличительной чертой характера отца была большая терпимость и уважение к чужому мнению. Сам он никогда, ни при каких обстоятельствах и выгодах не поступался своими убеждениями и другим не навязывал своих убеждений"*[16]. Возможно эта характеристика несколько идеализированна. Но терпимость – именно то качество, которое признавалось ценным в университетской среде. Тех, кто им не обладал, осуждали.

Складывавшиеся нормы университетской повседневности входили в плоть и кровь университетского человека, оказывая затем подспудное влияние на формы его мышления и поведения. Будь то во Франции, Германии, Петербурге, Москве или Казани, университетские преподаватели были "людьми совета", предпочитавшими авторитарным методам коллегиальное принятие решений в результате многочисленных обсуждений и споров[17]. Во многом именно эти черты университетских людей обусловили то обстоятельство, что университеты России стали оплотом либеральных ценностей и либерального мышления.

---

[16] Загоскина О.П. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине. Казань, 2003. С. 13.
[17] Уваров П.Ю. Парижский университет: европейский универсализм, местные интересы и идея представительства// Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.4. Extra muros: город, общество, государство. М., 2000. С. 62 – 63.

Попечитель С.Я.Румовский

Попечитель М.А.Салтыков

Отечественный университет подарил феномен российской интеллигенции, людей со специфической социальной психологией и мировоззрением. Политическая идентичность университетского человека немало повлияла не только на формирование интеллигенции, но и определила ее значение в социально - политических процессах в России.

По отношению к "внешнему миру" университет демонстрировал политическую и культурную автономию, считая ее самым верным признаком либерализма[18]. Но если всмотреться в это явление пристальнее, то станет ясно, что система органов внутреннего самоуправления университетов родилась задолго до появления либерализма.

В Западной Европе средневековые коллегиальные институты оказались легко приспособляемы к условиям общества Нового времени. В обстоятельствах же Российской империи автономия, а, следовательно, и "либерализм" были дарованы университетской коллегии имперской властью. Соответственно, полнота и реальность автономии зависели от складывавшихся отношений университетских людей с правительством, от взгляда «сановников от просвещения» и самого императора на назначение университетов в империи. И отечественные профессора всегда ощущали эту зависимость – так сказать, «длину поводка», на котором удерживалась университетская свобода. Данное обстоятельство обусловливало нестабильность отношений «благодетеля» и «облагодетельствованных», а также программировало сбои в университетском самоуправлении.

Казанский университет был создан в пору краткого периода гармонии власти и общества[19]. В первые годы своего правления Александр I не видел опасности для империи и для себя в приобщении подданных к ценностям образования.

---

[18] Джанишев Г.А. Университетская автономия// Джанишев Г.А. Из эпохи великих реформ. М., 1893; Яковлев В.П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905 – 1910 гг.) // Вестник ЛГУ: История, язык, литература. 1969. Вып.1; Иванов А.Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905 – 1907 годов// Отечественная история. 1995. № 6; Соскин В. Высшая школа - конец автономии (1921 – 1922) // Alma mater. 1998. № 1/2; Ушакин С.А. Университеты и власть// Общественные науки и современность. 1999. № 2; Аврус А.И. Власть и университеты в России// Диалог со временем. 2003. № 10.

[19] Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань, 2003.

Усвоенная им концепция власти представляла государство большой семьей и отводила императору роль заботливого, умного и строгого Отца, который, помимо прочего, должен был озаботиться просвещением подданных. На это была нацелена проведенная в первые годы XIX в. реформа образования. Люди, составлявшие в первое десятилетие XIX в. близкий круг Александра I, а также вошедшие в состав Министерства народного просвещения, в большинстве своем были вельможами, которые покровительствовали наукам и культуре. Нормой для них было патерналистское отношение к школе, благотворительность по отношению к ней.

Попечитель М.Л.Магницкий

С точки зрения императорской власти, университет виделся новым средством социализации российских подданных, неким фильтром для отбора политической и духовной элиты империи. Кроме того, у верховной власти была надежда на сотрудничество: университет мог дать рациональное обоснование существовавшему в империи политическому порядку вещей. Александр I рассчитывал, что профессорская корпорация будет "советом мудрейших" при императоре, и объявил об особом ей покровительстве.

Впрочем, уже в 1820-е годы, в связи с чередой европейских революций и студенческими волнениями в Пруссии, власть стала весьма настороженно присматриваться к побегам российского образования и к отечественной профессуре[20]. И по мере развития университетской системы эта подозрительность усиливалась. В течение эпохи правления Николая I официальная концепция университетского образования приобрела аскетические черты –она была направлена на регламентации и ограничения университетской жизни. Но особенно жестким тон власти стал в обращениях к университетам в конце 1840-х – первой половине 1850-х годов, когда в связи с европейскими революциями и политическим процессом над "петрашевцами" они стали восприниматься как источники социальной опасности.

Попечитель В.П.Молоствов

Наряду и в связи с этим менялось отношение университетских людей к верховной власти. Судя по материалам Казанского университета, в Александровскую эпоху в императоре и столичных сановниках преподаватели

[20] Flynn J.T. The University Reform of Tsar Alexander I. 1802 – 1835. Washington, 1988.

Карцер Тюбингенского университета

видели покровителей образования, устроителей университета. Потому столь частыми были их обращения за помощью и советом к "благодетелям", ссылки в ходе конфликтов на мнение высокопоставленных лиц и т.п. И это не было проявлением беспомощности, низкой самооценки или униженности. Ведь именно верховная власть основала университет в Казани и, с точки зрения университетских людей, кто как ни она была заинтересована в его процветании. Но в дальнейшем такие обращения становились все более редкими. Жалобы профессоров в министерство уже в конце 1820-х годов расценивались коллегами как действия, порочившие честь заведения. Формализация общественной жизни империи требовала регламентации и дистанцирования от власти.

По мере развития коллегиальной культуры, университетские люди не только в столице, но и в провинциальной Казани стали испытывать щекотливое и колкое чувство оппозиционности по отношению к правившим кругам. Вопреки ожиданиям властей, университетская среда производила не официальную идеологию, а идеологию оппозиционных сил. Университетские люди становились не только поклонниками, но и проводниками либеральных идей. Шквалом аплодисментов были встречены в 1861 г. в Казанском университете слова молодого бакалавра А.П.Щапова: "*Не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской истории*"[21].

Такого рода социальная активность воспринималась правительством как потенциальная опасность, а сам университет виделся источником идей и сообществом людей, подрывавших политическую систему империи. Он творил метафоры и воспитывал стиль мышления, разрушавшие идеологические и поведенческие стереотипы российских подданных. В этой связи спектр отношений государственной власти и университета простирался от заявлений о "сердечном попечении" до состояний острой конфронтации.

[21] Л.О. [Лаврский К.В.]. Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х гг.// Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. СПб., 1904. С. 230.

Так, Устав 1863 г. провозгласил: "Все университеты состоят под особым покровительством Его Императорского Величества и носят имя Императорских"[22], а в Уставе 1884 г. этот пункт был снят. Во второй половине столетия университетский вопрос стал частью большой политики, крупной проблемой социальной жизни империи.

Очевидно, концепция "университет – западноевропейский либеральный институт" так нравилась дореволюционной профессуре в силу ее скрытой оппозиционности. Этот тезис неизменно звучал в контексте описания университетской политики власти: ее отношения с университетами трактовались как борьба реакции с прогрессом и просвещением. В этом убеждении была и доля истины, и доля нарочитой мистификации. В определенном смысле отношения университета с российской властью, действительно, представляли собой соперничество двух разных моделей административного устройства, властных дискурсов и социальных стереотипов. И демократическая модель представительного управления, которая так или иначе бытовала в университете, виделась современникам более эффективной и, следовательно, прогрессивной.

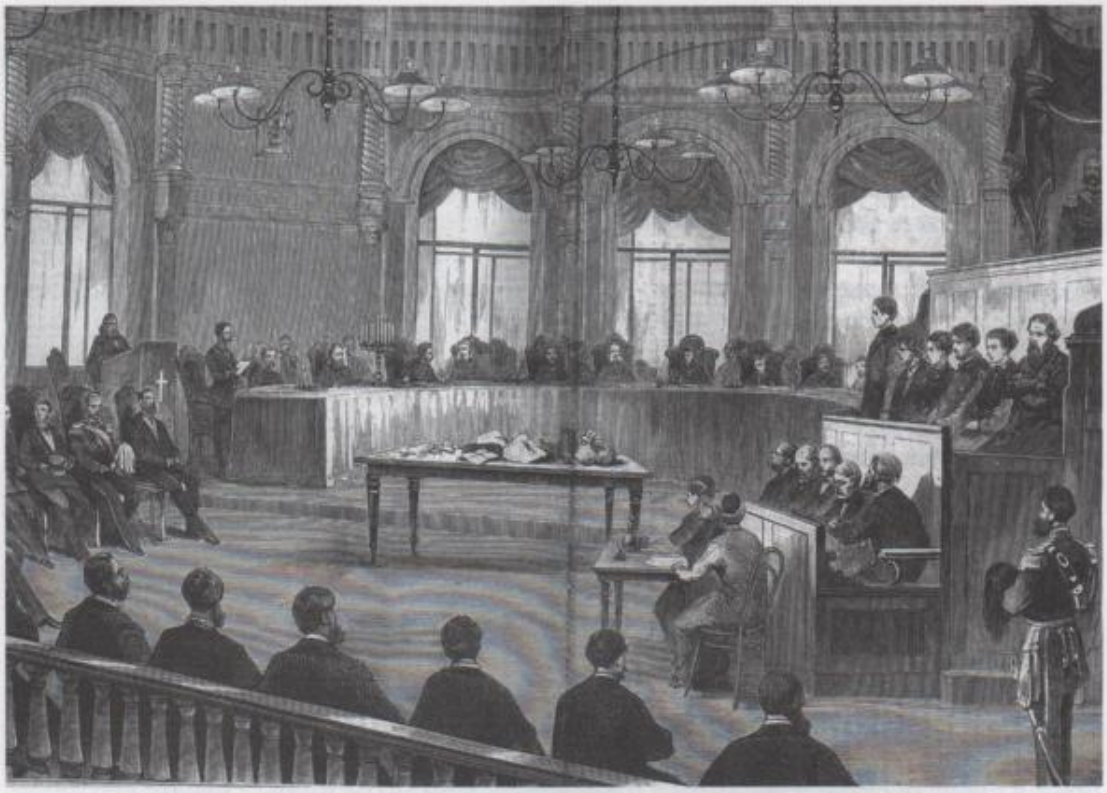
Но, с другой стороны, университетские люди всегда осознавали свою зависимость от верховной власти, ее опеки и внимания к образованию, понимали ограниченность своей автономии. Университетскому преподавателю, в сущности, было некуда деваться. Он не мог, подобно своему европейскому собрату, "хлопнуть дверью" одного университета и переехать в другой. Однажды зарекомендовав себя неблагонадежным, российский профессор лишался средств существования в профессии. Сколь бы ни был высок его научный рейтинг, ни один из университетов страны не решился бы принять его на службу или не получил бы на то позволения министерства. Таких трагедий история российских университетов знает массу. Приведем лишь один пример. В 1885 г. экстраординарный профессор международного права Казанского университета Н.П.Иванов был вынужден ходатайствовать об отставке "по состоянию здоровья". Причиной такого решения было официальное осуждение его магистерской диссертации "Основание частной международной юрисдикции". Получив соответствующий аттестат, он не смог найти для себя места службы ни в одном из университетов империи. В 1903 г. 54-летний профессор скончался[23].

Внутренняя свобода и достоинство российского ученого ограничивались сознанием его зависимости от благожелательности властей. Поэтому, университетские люди России так остро и болезненно переживали назначения на пост министра народного просвещения того или иного лица, откликались на политические события (войну, денежную реформу, социальные преобразования, смену правительственного аппарата и т.д.), а также принимали столь активное участие в "сценариях власти". Университет всегда играл ведущую роль в ритуальной жизни империи. Во время визитов монарха или высших сановников он демонстрировал верноподданство. Вся его корпорация участвовала в празднике "въезда правителя". Сценарий праздничного действа, его символика, ритуальное поведение членов императорского дома и их свиты, профессоров и студентов должны были закрепить в сознании современников представление о единстве политических и культурных ценностей университетских людей и правителей. У воспитанников и у городского общества посещения

---

[22] Общий устав императорских российских университетов 1863 г.// Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.3: Царствование императора Александра II. 1855 –1864. 2-е изд. СПб., 1876. С. 1071.

[23] Фельдман Д.И. К истории науки международного права в Казанском университете (1804 – 1917) // УЗКУ. 1956. Т.116, кн.13. С. 44 – 45.

Суд присяжных

должны были пораждать ощущение счастья от встречи с «благодетелями», «прародителями». Традиционно правитель хвалил успехи университета, интересовался качеством его продукции, заверял о покровительстве делу просвещения и науки. В свою очередь, от свиданий с представителями верховной власти университетские люди ждали решения проблем, получения чинов и наград, повышения общественного статуса университета.

Университетские люди осознавали себя творцами и служителями просвещения, прогресса, созидателями лучшего будущего и в этом смысле противопоставляли себя прочим социальным группам российского общества.
В реальной жизни университетский человек был вовлечен в круговорот повседневных отношений с чиновниками разного уровня. Из наиболее близких университетской корпорации был попечитель учебного округа. До некоторой степени его положение было пограничным. В сношениях университета с миром бюрократии он отстаивал интересы подведомственного ему учебного заведения и в этом качестве был "своим" для университетской корпорации. Вместе с тем, он олицетворял для университета государственную власть, "око государево" и, тем самым, был "чужим среди своих". Эта двойственность отразилась в восприятии попечителя университетскими людьми.

Первый казанский попечитель С.Я.Румовский (1804 – 1812 гг.) сам был ученым, имел звание академика в области математики и астрономии. Казанским профессорам представлялось естественным обращаться к нему в решении внутренних и внешних проблем. Попечитель виделся им не чиновником-бюрократом, а арбитром в спорах. Аналогичную позицию по отношению к университету занимал второй его попечитель – М.А. Салтыков (1812 – 1818 гг.). Кто-то из профессоров с ним дружил, кто-то враждовал. Он был "встроен" в университетскую корпорацию, а власть его была едва ли выше власти директора или ректора.

А вот М.Л.Магницкий (1819 – 1826 гг.) воспринимался университетскими людьми иначе. Он вошел в историю Казанского университета как контролер, разоблачитель, представитель власти. Он олицетворял новое время и новые отношения. Университетские люди считали Магницкого "развитее и даровитее" последующих казанских попечителей, но их отпугивали его карьеризм и присущие ему этические качества – "это был низкий интриган, думавший только о собственном возвышении". Потому замена Магницкого М.Н.Мусиным-Пушкиным (1827 – 1845 гг.), пусть "недалеким, но благонамеренным", воспринималась в Казани как благодеяние. "*Конечно, у Пушкина было много недостатков,* – размышлял выпускник Казанского университета И.И.Михайлов. – *Он нередко позволял себе грубые выходки, был непомерно раздражителен, запугивал, оскорблял людей, иногда не разобравши дела, но все знали, что это происходит не от злобы, а была генеральская привычка распекать, в то время это считалось необходимым, как палка для солдата*"[24].

Мемуаристы описывали стиль его руководства университетом, как авторитарный. "*Пушкин,* - передавал рассказы о нем поступивший в университет в 1846 г. Янишевский, – *был чрезвычайно строг и требователен к исполнению обязанностей всеми служащими в университете, аккуратное чтение лекций, посещение их студентами, чистота и порядок в университетских зданиях и учреждениях требовались Пушкиным неуклонно*"[25]. Попечитель во главе свиты из преподавателей и инспектора лично обходил столовую, аудитории, спальни, научные кабинеты. Провинившегося служащего Мусин-Пушкин распекал тут же, причем не стесняясь в выражениях, а воспитанников частенько отправлял в карцер. В его долгое попечительство порядок в Казанском университете держался на страхе и почтении перед "отцом родным". "*Всё трепетало перед Пушкиным, и никто из служащих ничего не посмел бы ему возразить*", – вспоминал Янишевский[26].

Вместе с тем, существовали сферы, куда университетские люди не допускали попечителя. Наука была их заповедной территорией и не попечителю было судить о научном достоинстве профессоров. Когда однажды М.Н.Мусин-Пушкин явился на факультетское заседание, где разбирался вопрос о научной репутации двух профессоров-анатомов, обычно чрезвычайно деликатный и скромный Аристов неожиданно резко спросил попечителя: "*Что прикажете, Ваш-во?*". И на объяснение о необходимости попечителю быть в курсе такого нашумевшего дела, заявил: "*Напрасно, во-первых, потому, что медицина для вас дело темное, а анатомия в особенности; во-вторых, дебаты будут происходить на латинском языке, и вы, конечно, ровно ничего не поймете*"[27].

Университетские люди весьма ревниво оберегали от властей любых уровней дарованную им императором привилегию – оценивать научные качества коллег. И поскольку в Николаевское время профессора российских университетов уже ощущали себя членами мирового научного сообщества, а попечители округов назначались из кадровых военных, последние не могли быть для университетских людей авторитетами в профессиональных спорах. Соответственно этому, изменилась этика отношений преподавателей с попечителем. В данном контексте даже слова благодарности ему стали восприниматься в университетской среде как проявление чинопочитания и заискивания

---

[24] Михайлов И.И. Казанская старина. Из воспоминаний// Русская старина. 1899. № 10. С. 107 – 108.
[25] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. С. 4.
[26] Там же. С. 5.
[27] Малышев А.А. В старые годы// Камско-Волжский край. 1896. № 8. С. 3.

"пред сильными мира сего", что само по себе считалось недостойным. Когда на публичном диспуте уважаемый в университетской среде В.И.Григорович поблагодарил попечителя, мемуарист посчитал долгом оправдать его перед читателями: "*В устах всякого другого слова Григоровича показались бы лестью, но никто не решился обвинять его в подхалимстве*"[28].

Все же М.Н.Мусин-Пушкин остался в памяти университетских людей заботливым хозяином. Среди современников ходили упорные слухи, что он перечисляет свое жалование на нужды университета[29]. С именем этого попечителя связано представление о расцвете университета, даже студенты, не заставшие Мусина-Пушкина, воспринимали время его попечительства, как "золотой век" alma mater[30].

Образ В.П.Молоствова был иным, как иным был сам стиль его управления (1846 - 1857 гг.) По описанию студентов, "*это был уже немолодой, толстый, низенький, плешивый человек*"[31]. Учащиеся плохо знали попечителя. Появлялся он только на экзаменах, да и то, по признанию очевидцев, "*плотно позавтракавши, почему, слушая студентов, зачастую предавался сладкой дреме*". Ни почтения, ни любви, ни страха его личность у воспитанников не вызывала. Судя по воспоминаниям, преподаватели относились к попечителю с большим почтением, чем студенты. Например, профессор права Винтер приносил в аудиторию две тетради конспектов. По одной он читал лекции, а другая, "*написанная весьма тщательно, на хорошей бумаге, называлась Cahier normal, ее Винтер клал бережно на окно аудитории, разостлавши на нем предварительно свой носовой платок*"[32]. Эта тетрадь предназначалась для попечителя, если, случись, он заглянет в класс. Однако и преподаватели перестали видеть в попечителе покровителя наук. В актовой речи попечитель В.П.Молоствов заверял университетскую корпорацию: "*Я – старый слуга царя и ни на волос не отступлю от инструкций, данных мне государем императором*". А слушавшие его студенты перешептывались: "*Как будто кто принуждал его нарушать данные инструкции. Он разумел, что он должен быть полицмейстером при учебном округе, не более*" [33].

К тому же время службы Молоствова пришлось на тяжелый в политическом отношении период. Из III Отделения Его Императорского Величества канцелярии на имя министра народного просвещения А.С.Норова регулярно поступали донесения о неблагополучной ситуации в Казанском университете: то студенты в пьяном виде побили полицейского, то разбили окна в публичном доме, то подвыпившие профессора оскорбили владельца кондитерской. По служебной вертикали жалобы спускались к попечителю с требованием разобраться и отчитаться. Поначалу министр запрашивал такие данные "для формальностей": "*Примите сильные меры,* – писал он в июне 1855 г., – *к обузданию (буде оно есть) своеволия студентов, которые в продолжительное отсутствие Ваше из Казани, при болезни помощника Вашего [слепнувшего Лобачевского] и новости положения ректора [И.М.Симонова], могли выйти из пределов должного порядка*". И Молоствов заверял столичные власти в том, что контролирует ситуацию, принимая "все зависящие" от него "меры к отвращению злоупотреблений подведомственных чиновников и не пренебрегая никаким слухом для дознания истины", что в

---

[28] Михайлов И.И. Казанская старина. С. 413.
[29] Малышев А.А. В старые годы. С. 2.
[30] Подробнее см: Галиуллина Р.Х. Михаил Николаевич Мусин-Пушкин – попечитель Казанского учебного округа (1827 – 1845): Дис. ...канд. ист. наук. Казань, 1997.
[31] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. С. 6.
[32] Там же. С. 41.
[33] Михайлов И.И. Казанская старина. С. 416.

"родимом" ему городе "не представляет особого затруднения". Между тем, с каждым новым происшествием тон министерских писем становился все более сухим и жестким. А в комментарии к очередному доносу министр заметил: *"Мудрено предполагать, чтобы доносы могли иметь место, если б все было в порядке"*[34].

Попечитель усиливал контроль и наказания, инспекторы регулярно совершали объезд студенческих квартир, обходили близлежащие к университету трактиры, следили за студентами в театре и на вечерах в Собраниях. Во времена Молоствова карцер редкий день бывал пуст. Конспекты, мундиры, квартиры профессоров – все проверялось. Так прошло 10 лет его управления округом, а в 1856 г. глава тайной политической полиции Л.В.Дубельт сообщил вступившему на престол Александру II, что казанский попечитель не пользуется уважением в университете[35].

Во второй половине столетия власть и полномочия попечителя были сокращены, а претендентами на эту должность становились люди, либо вышедшие из университетской среды, либо близко стоявшие к ней. Соответственно, попечители Э.А.Грубер (1857 –1859 гг.), П.П.Вяземский (1859 –1862 гг.), Ф.Ф.Стендер (1862 – 1865 гг.), П.Д.Шестаков (1865 – 1883 гг.), П.Н.Масленников (1883 – 1890 гг.), Н.Г.Потапов (1890 – 1894 гг.), В.А.Попов (1895 –1899 гг.), М.М.Алексеенко (1899 – 1901 гг.) воспринимались университетскими людьми как члены корпорации, а не как представители бюрократии.

Осознавая себя трансляторами европейской культуры, миссионерами цивилизации, состоящими под особым покровительством верховной власти, университетские люди настороженно относились к любым попыткам местной власти участвовать в жизни университета. Их отношения с губернаторами чаще всего имели оттенок противостояния. Вместе с тем, многое в этих отношениях зависело от личностей конкретных представителей местной власти. В университетских мемуарах описан показательный эпизод. В начале 1830-х годов казанский губернатор С.С.Стрекалов выступил с инициативой провести благотворительный концерт в пользу малоимущих студентов. Организаторами и устроителями музыкального вечера были сами студенты, но при участии губернатора все билеты на концерт быстро раскупили. Финансовый успех мероприятия превзошел все ожидания. В знак благодарности университетские юноши усадили Стрекалова в кресло и на плечах пронесли до самой кареты[36].

---

[34] РГИА, ф. 733, оп. 46, д. 188, л. 24об.
[35] Там же, л. 35.
[36] Малышев А.А. В старые годы. С. 2.

Трапеза немецких студентов

Однако к большинству представителей губернской бюрократии университетские люди, как правило, относились с иронией и явно демонстрировали интеллектуальное превосходство, фрондировали с ними. Ситуация, зафиксированная в одном из архивных дел, довольно типична. Профессор судебной медицины И.М.Гвоздев пожаловался губернатору на то, что полицейские постоянно отрывают его студентов от занятий, привлекая их к вскрытию трупов. На что губернатор надменно заявил: "*Профессорам не надо впутываться в ненадлежащую им сферу деятельности*". Вскоре в университет пришел запрос губернаторской канцелярии о том, "могут ли врачи исправлять должность помощника частного пристава", на который профессор Гвоздев ответил: "*Могут не только это, но и при необходимом навыке и должность губернатора*"[37].

Особенно сложными и неоднозначными отношения университетского человека с губернскими чиновниками стали тогда, когда часть должностей в губернской и городской администрации заняли университетские выпускники. Это поставило их в особое положение к alma mater. Случилось так, что казанский полицмейстер жестко обошелся с попавшими к нему подгулявшими студентами: по его письменному представлению юноши были отчислены из университета. Не будь полицмейстер бывшим воспитанником университета, все восприняли бы происшедшее как должное. Но в данном случае корпорация была возмущена. Много лет спустя, будучи ректором Одесского университета, профессор В.И.Григорович признался сестре полицмейстера: "*Я до сих пор не могу простить его низкой выходки. Как он, бывший студент, сам, будучи небезгрешен, для того, чтоб подслужиться перед губернатором, предал своих собратий, как Иуда*"[38].

С точки зрения университетских людей, подобно тому, как сын сохраняет верность вырастившим его родителям, любовь к братьям и сестрам, воспитанник должен был быть предан университету. Таковым был преемник

---

[37] НАРТ, ф. 6446, оп. 1, д. 165, л. 140 - 141.
[38] Михайлов И.И. Казанская старина. Из воспоминаний // Русская старина. 1899. № 11. С. 412.

провинившегося полицмейстера, воспитанник Дерптского университета, полковник Н.И.Кнорринг, который, вопреки своим служебным обязанностям, покрывал студентов. Это находило понимание и сочувствие в университетской среде[39].

Сотрудничество университетских людей с местной бюрократией обозначилось лишь на рубеже 1850 – 1860-х годов. Тогда оно дало хорошие результаты в деле разработки судебной реформы и реформы образования[40].

В дальнейшем проявившиеся в первой половине столетия тенденции во взаимоотношениях университетских людей с местной властью развивались по разному. Конфронтации, особенно студенческая конфронтация с властями, нарастали, а конструктивное взаимодействие не было закреплено и развито. Бюрократическая имперская ментальность оказалась плохо совместима с либеральным мышлением университетских людей, их представлениями о формах реализации властных ресурсов. Процесс вхождения университетского человека во власть чаще всего сопровождался болезненным перерождением, переходом к иным культурным параметрам.

Среди представителей местной администрации встречались выпускники университета, но почти не было его преподавателей. Объясняя эту ситуацию, один из мемуаристов писал: "*Нам рассказывали, что в Киеве и Харькове профессора принимают участие в финансовых и коммерческих делах, но мы не могли представить профессоров в роли директоров банка или акционерного общества, кроме того, у нас был на глазах пример, как трудно одновременно заниматься чтением лекций в университете и ведением сложного городского хозяйства: при этом должны страдать интересы того или другого дела – в данном случае страдал университет*"[41]. Автор воспоминаний имел в виду профессора всеобщей истории Н.А.Осокина.

Среди его многочисленных занятий были должность гласного в Думе, страхового агента, членство в разных благотворительных обществах, в том числе Святого Гурия, организация в Казани высших женских курсов. В результате, по мнению студентов, он забросил занятия наукой, читал слабые лекции, а после того, как Осокин неожиданно для всех покончил с собой, вскрылась огромная недостача в кассах патронировавшихся им благотворительных и учебных заведений[42]. Эта история произвела тяжелое впечатление на современников. Видимо, университетская среда создавала тип человека, лишенного опыта административно-хозяйственной деятельности. Специализация на интеллектуальном труде не способствовала развитию таких навыков.

Кроме того, в духовной жизни образованных людей пореформенной России утвердились идеалы бескорыстного служения народу. Один из воспитанников Казанского университета 1870-х годов писал: "*Мы понимали лишь возможность для профессора, человека науки, отдавать часть своего времени на бескорыстное служение обществу, например, принимать на себя обязанности земского или городского гласного*"[43]. Занятия же, требовавшие от человека рутинных действий, вызывали отторжение в университетской среде. Так, о коллеге, который занимался в городской думе вопросами хозяйства, профессор И.А.Больцани с сарказмом говорил: "*Не наукой ему заниматься, а в лабазе мукой торговать*[44]".

---

[39] Воспоминания старого казанского студента, 1856 – 1858 // Русская старина. 1892. Май. С. 276.
[40] Хакимова А.С. Казанский университет в 80 – 90-е гг. XIX в.: Дис. ... канд.ист.наук. Казань, 1997.
[41] С.Г. Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877) // Былое из университетской жизни. С. 286.
[42] Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога // Русская старина. 1899. Июнь. С. 687.
[43] [Глинка С.Ф.]. Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877) // Былое из университетской жизни. С. 286.
[44] С.И.С-ов [Сластников С.И.].Университетские старцы: (Из воспоминаний казанского студента). С. 160.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
КАЗАНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.
ВОСПИТАННИКАМЪ ФАКУЛЬТЕТА
СТУДЕНТЫ И САРШАТЕЛИ
1-ГО КУРСА
ЛЕКЦІИ

Гораздо плодотворнее и масштабнее стало взаимодействие университетов с представительными органами власти в начале XX в. Провинциальное общество России, города и "земли" охотно избирали своими депутатами университетских людей. В их лице они получали красноречивых и квалифицированных представителей своих интересов перед лицом правительства. Среди членов Госсовета и Государственных Дум разных созывов 49 человек являлись либо бывшими воспитанниками, либо преподавателями Казанского университета[45].

В университетской системе имеется внутреннее противоречие, основанное на дидактической, бюрократической, возрастной, культурной, символической и прочих видах власти преподавательского "меньшинства" над студенческим "большинством". Оно снимается или затеняется разными стратегиями. Идеальной для университета считается стратегия повышения мотивации учащихся учиться и заниматься наукой. Однако реально всё зависит от социокультурных обстоятельств, в которые погружена жизнь университета, от научного потенциала его корпорации, социального статуса студенчества. В условиях кризиса отношений доминируют полицейско-бюрократические формы принуждения и используется практика стигматиции, то есть "наклеивания ярлыков". О последствиях именно такой практики писали мемуаристы: *"Казанское студенчество почему-то составило себе репутацию пьяного и шумного"*[46], – недоумевал выпускник 1870-х годов, впоследствии ректор Саратовского университета В.И.Разумовский. А воспитанник медицинского факультета Н.И.Тезяков вспоминал, как *"губернатор Анастасьев... выгнал нас (двух земских врачей) только потому, что мы были "студенты" и тем самым "бунтовщики"*[47].

С момента основания в России системы университетского образования в ней была заложена двойственность внутренних связей. С одной стороны, университет жил коллегиальностью, с такими мягкими формами поддержания порядка как мотивация, договор, символическое принуждение (празднества, ритуалы и мифы). С другой стороны, преподаватель и студент были включены в Табель о рангах, получали государственное содержание и чины и в этом качестве являлись частью бюрократической системы, со свойственными ей отношениями.

---

[45] Усманова Д.М. Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России 1906 –1917: Биографические очерки. Казань, 2002. С. 7.
[46] Разумовский В.И. Медицинское образование и жизнь студентов 70-х гг. в Казани // Вестник хирургии и пограничных областей. 1929. Т. 18, кн. 54. С. 19.
[47] Тезяков Н.И. "Из пережитого". Студенческие годы// Казанский медицинский журнал. 1930. № 5/6. С. 506.

Благодаря этому, в императорском университете утвердился и действовал двойной стандарт морали и поведения: один – для профессоров, другой – для студентов. И то, что было дозволено преподавателю, каралось, если дело касалось воспитанников. Это проявлялось и в "большом", и в "малом". Так, университетский архив изобилует делами об отчислении студентов из университета, отдаче их в военную службу за нетрезвое поведение. Между тем, потребление алкоголя наставниками считалось лишь слабостью человека, а отнюдь не преступлением. Никого за это не увольняли и не наказывали.

Университетский педагог весьма ревностно и болезненно относился к проявлениям насилия над собой, к случаям давления, оскорбления самолюбия. Он требовал от коллег уважения его чести и достоинства, готов был бороться за них на любом уровне. И при этом многие профессора, видимо, совершенно искренне полагали, что студенты – народ изначально порочный и ленивый, и заставить их учиться можно только под угрозой низкой оценки, плохого аттестата или свидетельства о поведении, а если не поможет – то карцера, ареста, увольнения, отдачи в рекруты и т.д. В результате в учебной и воспитательной практике отечественного университета широкое распространение получили бюрократическое и административное принуждение.

Конечно, наряду с типом наставника –"укротителя", в университете XIX в. существовал тип профессора-"просветителя", заражавшего учеников своей преданностью науке, подкупавшего многогранностью личности. Такие ученые-идеалисты апеллировали к любознательности воспитанников, поддерживали и разжигали в них искру романтизма, стимулировали жажду познания, увлекали идеей служения Добру и Истине. Благодаря им, в университете жила традиция беззаветной преданности науке. При долговременной службе вокруг таких профессоров формировались целые "научные семьи", с разветвленной системой символических связей ("научные сыновья и братья", "научные внуки"). За идеализм и преданность науке подвижники просветительства обретали бессмертие на страницах мемуаров благодарных учеников. Именно студенческие воспоминания сформировали современное идеализированное представление о профессоре императорского университета, о его предельно корректном и уважительном отношении к воспитанникам.

Реально же лицо университета зависело от соотношения в преподавательской корпорации "формалистов" и "патерналистов". Причем, при всей симпатии к последним, приходится признать, что и для тех, и для других студент был объектом учебного процесса, а не его участником. Такое воззрение на воспитанников поддерживалось не только возрастной и функциональной дистанцией, но и убеждением современников в определенной умственной и нравственной ущербности молодых людей, негласным признанием их частичной дееспособности. Поэтому регламентации подлежала не только сфера профессиональной социализации юношей, но и их повседневная жизнь в стенах университета.

В основе отношений дореволюционного профессора с его учеником лежала узаконенная правительственными документами и постановлениями профессорского совета дискриминация. А поскольку университетские преподаватели и администрация играли роль "агентов социального контроля" над студентами, то значительная часть заседаний профессорского совета была посвящена определению границы между нормой и девиацией в жизни воспитанников. Их соотношение зависело от доминировавшего типа культуры, от государственного заказа на университетскую продукцию и от социально-психологических параметров преподавательской корпорации. В провинциальных университетах Российской империи это соотношение чаще

Студенты Казанского университета
(из дневника Ф.Залеского)

складывалось в пользу "формалистов". Поэтому бюрократические и административные методы воздействия на воспитанников использовались шире, чем в столицах. Это подтверждается свидетельствами различных источников. Например, в процессе расследования в 1856 г. дела о драке казанских студентов с офицерами один из осужденных в письменном показании описал неприглядную жизнь университетской корпорации. *"Я нарисовал,* - вспоминал он, - *картину университетских угнетений, весь ужас перед бесполезным мусором тупых формальностей, кантонистской дисциплины, фарисейской набожности; описал деморализующее влияние тогдашнего университетского строя на 16- и 17-летних юношей, чуть не детей, становящихся студентами".* Лист с данными показания был тут же уничтожен, а арестанту учтиво предложили переписать свои свидетельства при условии смягчения наказания. Интересно, что, впоследствии исключенный из Казанского университета, он был поражен вежливым обращением и заботливым отношением к студентам администрации Петербургского университета. На всю жизнь врезались в его память слова ректора П.А.Плетнева : *"Помните, С-н, что во всяких трудных случаях вашей студенческой жизни и мои двери, и двери князя Щербатова всегда для вас открыты, и, пожалуйста, попросту, хоть днем, хоть вечером и, разумеется, в сюртуке [а не в мундире]"*[48].

В этом свидетельстве можно было бы заподозрить пристрастность обиженного юноши, но вот другое заключение. Переехавший в 1880-е годы из Петербурга в Казань профессор Д.И.Дубяго признавался: *"Я всегда сочувствовал нуждам студенчества, и везде оно бедно, болезненно и истощено силами; но, приехав в Казань, я был поражен в этом отношении... Отношения профессоров здесь к студентам не такие, к которым я привык, и, как мне кажется, не такие, чтобы соответствовать понятию об университете... Глубоко скорблю я, видя это. Ежовые рукавицы, в которых стиснуты студенты, делают свое дело: студенчество до поры молчит, но вдруг, как сдавленный пар, выскакивает иногда наружу, опрокидывая университетские преграды"*[49].

---

[48] С-н [Соковнин] Н.М. Воспоминания старого казанского студента, 1856 – 1858 // Русская старина. 1892. Май. С. 289.
[49] Письмо Д.И.Дубяго к В.П.Энгельгардту за 1885 г. Из личного архива И.А.Дубяго.

Очевидно, специфичность корпоративных отношений в провинциальных университетах России обусловили следующие обстоятельства: во-первых, начиная с середины 1830-х годов, лучшие преподаватели страны перебирались в столичные школы. Со всей империи в Московский и Петербургский университеты съезжались люди, всю свою жизнь отдававшие науке и просвещению. Это были ученые, способные породить в учениках жажду знаний. Во-вторых, столичные университеты поддерживали более тесные, связи с европейскими коллегами, в том числе через научные стажировки магистрантов. При обсуждении отчетов о поездках профессорская корпорация усваивала как положительный так и негативный опыт университетской жизни Пруссии, Австрии, Британии и Франции. В-третьих, в столицах была выше культура бюрократических отношений. Чиновник столичной канцелярии был защищен от произвола администрации лучше, чем служащий провинции[50]. И даже в своем формализме университетская бюрократия столиц более уважительно относилась к личности и достоинству студента, чем их провинциальные коллеги.

Вместе с тем, при наличии определенной специфики, университеты России прошли общий путь развития отношений "профессор-студент". До 1820-х годов граница между нормой и девиацией в поведении студентов не задавалась правительственными документами. Император говорил лишь о желании видеть среди подданных гармонично развитых, по-европейски образованных личностей. Это была эпоха снятой агрессии, воспевания гармонии, культа чувств и семейственности. Поэтому, с точки зрения современников, университетские воспитанники являлись младшими членами университетской семьи, и, вместе с тем, "послушниками" в "храме наук".

Понятие "отеческая забота" звучало в торжественных речах, в заседаниях университетского совета, было прописано в университетском уставе. Порицая формализм в исполнении педагогических обязанностей, члены Совета настаивали на том, чтобы "*вменять преподавателям предотвращать худые поступки студентов отеческою попечительностью*". Педагог должен был внушить воспитанникам уважение к себе, поскольку "*внутреннее в воспитанниках почтение к воспитателям своим есть первое и необходимое условие успешного нравственного образования*"[51]. В университетской семье широко практиковались задушевные беседы с провинившимся воспитанником. Первый директор университета И.Ф.Яковкин вызывал юношу в свой кабинет и вел с ним долгие нравоучительные беседы[52]. В трудных случаях университетская администрация обращалась к родителям своего воспитанника и совместным решением стремилась определить будущность студента, найти индивидуальный подход к нему. Дневник инспектора казеннокоштных студентов Ф.К.Броннера за 1814 – 1816 гг. наполнен описаниями внеаудиторных занятий воспитанников, содержит изложение бесед наставника со студентами, его рекомендации для их работы над собой[53].

Граница между дозволенным и запретным устанавливалась любовью и строгостью профессоров. Предполагалось, что "истинный" педагог определит, что можно и чего нельзя воспитаннику, исходя из здравого смысла, сердечной заботы и личного жизненного опыта. Учиться юноши понуждались не

---

[50] О бюрократической ментальности России XIX в. см.: Очерки русской культуры XIX века. Вып.2.: Власть и культура. М., 2000.
[51] НАРТ, ф. 977, оп. "Совет", д. 322, л. 20 об. - 21.
[52] Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819). Рассказы по архивным документам. Казань, 1887. Ч.1.
[53] Дневник и переписка профессора Ф.К.Броннера (1810 – 1817)// Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758 – 1850). Казань, 1902. С. 1 – 190.

столько угрозами, сколько методами "обычного права" ("так надо", "ты обязан", "так хотят твои родители"). Соответственно, заботу и властей, и педагогов составляли скорее мысли и внутренние побуждения молодых людей, чем их поступки. Проявлением явного приоритета воспитания перед научным образованием была и принятая тогда система оценок. В первые годы существования университета учебные ведомости наполнялись психологическими характеристиками типа: "отличен пред прочими", "благонравен", "лучший из хороших", "очень хорош", "хорош", "гораздо лучше прежнего", "почти хорош", "не всегда хорош", "довольно худ", "неоднократно замечен в грубости и своевольстве"[54]. Тесные контакты и различные формы коммуникации между преподавателями и учащимися тех лет соответствовали ориентации университета на развитие общих интеллектуальных способностей и личности воспитанников, а не на развитие их исследовательских навыков.

Государственный заказ на выпускников, а также характер властных отношений в университетах, изменились к 1819 г.[55] "Европеец" (как идеализированный образ) перестал быть воспитательным идеалом российской власти. Он проявил себя не с лучшей стороны в наполеоновских войнах и в затем охвативших Европу революциях. А после карлсбадского совещания[56] оказалось, что России вряд ли стоит доверять системе обучения и воспитания, применявшейся в немецких университетах. В этом контексте российская власть предпочла получать из отечественных школ всех уровней благочестивых и верноподданных чиновников-специалистов. Правда, идеология «семейственности» сохранилась, но не в качестве содержания, а, скорее, как желаемая форма социальных отношений. Такая установка пронизывала правительственные документы не только конца царствования Александра I, но и времени правления Николая I.

Вместе с тем, этот период в истории России был временем активного бюрократического творчества, в том числе формализации университетской жизни, жесткого регулирования отношений всех со всеми. Именно тогда был разработан общеуниверситетский устав 1835 г., инструкции директору университета, его ректору, инспектору казеннокоштных студентов, определены правила поведения воспитанников, выработаны учебные планы, утверждены конспекты лекций и прочая регламентировавшая университетскую жизнь документация.

С введением этих положений в действие российский университет обрёл ярко выраженную национальную специфику. И это сказалось не столько на кадрах и идеологии, сколько на системе отношений преподавателей и студентов. В отличие от университетской традиции Европы, в России учебные планы (т.е. набор изучаемых дисциплин, их распределение по годам обучения) были жестко фиксированными. За студентами не признавалось право выбора преподавателя, срока обучения, курсов лекций, формы занятий и т.д. Однажды записавшийся на тот или иной факультет юноша имел мало шансов изменить свое решение. Он не мог отказаться от неинтересных занятий, сменить слабого преподавателя и не был защищен от произвола педагога или университетской администрации.

Посещение всех указанных в расписании занятий было обязательным, их пропуск карался тщательно разработанной системой наказаний. В результате университетское образование становилось не итогом добровольного выбора учебных курсов, а рассматривалось современниками, как отрабатываемая

---

[54] НАРТ, ф. 87, оп. 1, д. 8512, л. 14.
[55] Flynn J.T. The University Reform of Tsar Alexander I. 1802 – 1835. Washington, 1988.
[56] Совещание представителей немецких государств, Австрии и Пруссии 1818 г., принявших меры для борьбы со студенческими беспорядками в этих странах.

повинность для получения бюрократического документа – аттестата. В этой ситуации многие пришедшие в "храм науки" к "жрецам истины" "футурусы" переживали разочарование. И оно оказывалось тем сильнее, чем выше были ожидания.

№ 178

ПРЕДЪЯВИТЕЛЬ

сего

Студентъ ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета

историко-филол. фак.

Проректоръ

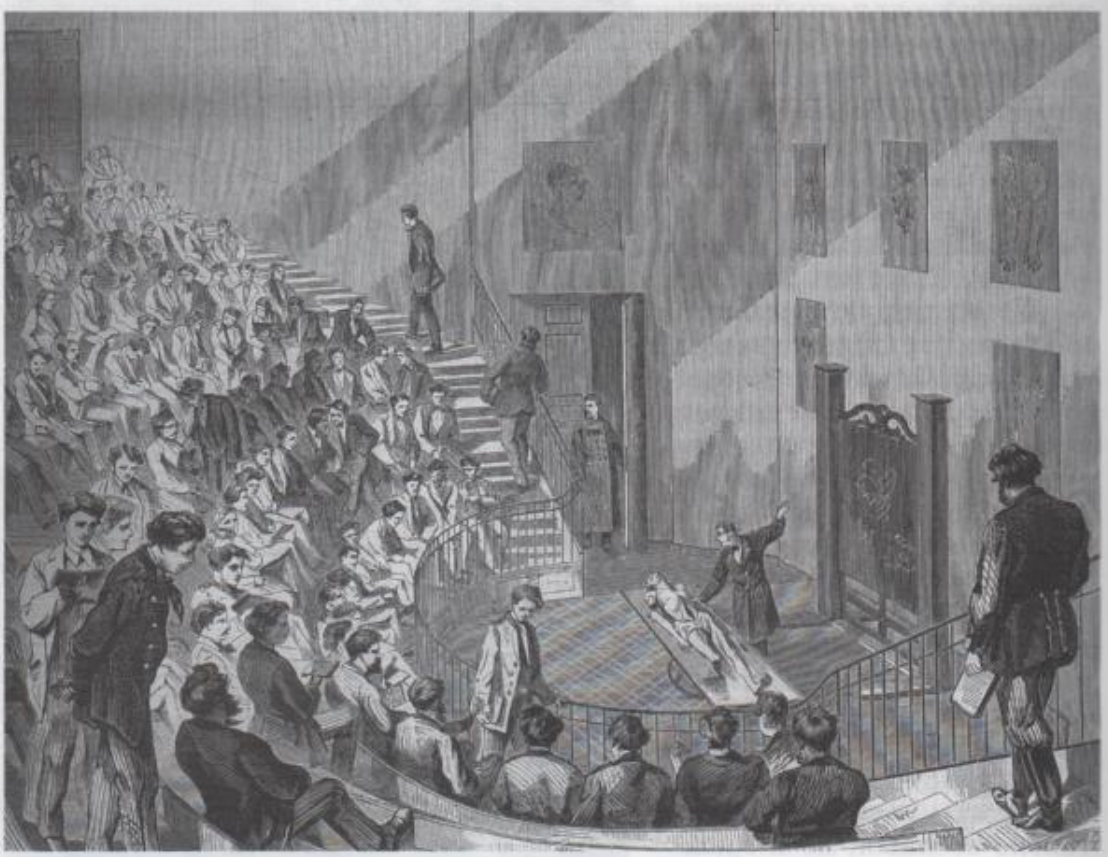
Бытность сей видомъ на жительство служить не можетъ. Предъявляется въ Канцелярію Проректора по взносѣ платы, для отмѣтки о сей, а также въ концѣ каждаго полугодія.

Утверждению формализма, бюрократизации университетских отношений способствовало решение правительства ввести в университетскую корпорацию людей "извне" – кадровых военных. Именно из них набирались в университет инспектор студентов и его помощники. Кандидатура инспектора студентов предлагалась попечителем, а утверждалась министром. И хотя устав декларировал, что эту должность может занять не только военный, но и гражданский чиновник стороннего ведомства, реально кандидатуры гражданских чиновников не получали утверждения в Петербурге.

Инспектор и его помощники выполняли в университетской семье контрольно-полицейские функции. Они отвечали за порядок в помещениях, посещали места пребывания студентов, водили их в баню и на концерты, следили за их частными квартирами, поддерживали связь с городской полицией, нанимали и увольняли университетскую прислугу, следили за чистотой студенческой формы и качеством еды в столовой, за посещением занятий учащимися. И, вместе с тем, инспектора следили за проведением лекций преподавателями. Уставные документы подчеркивали высокий статус этой должности в университете. По своему положению, чинам и жалованию инспектор был приравнен к ординарному профессору и введен в коллегиальные органы университетского самоуправления – профессорский совет и правление. Инспектор отвечал за нравственность воспитанников и должен был "требовать от учащихся безусловного повиновения властям, основанного не столько на присяге каждого верноподданного, но и на сознании той отеческой заботливости, тех щедрых благодеяний, коих они суть предметы"[57]. Так говорилось в инструкции.

Университетская инспекция обладала широкими карательными полномочиями. Она могла "увещевать и делать выговоры", арестовывать, сажать в карцер на хлеб и воду, своекоштных воспитанников исключать из университета, казеннокоштных отдавать в военную службу, могла запретить переход студента на следующий курс, отменить его награждение медалью, выдачу ему благотворительной стипендии, могла отказать в казенном содержа-

[57] РГИА, ф. 733, оп. 41, д. 199, л. 42.

Аудитория в анатомическом театре

нии и многое другое. В результате усиления власти инспектора и попечителя преподаватель и студент оказались "по разные стороны баррикад".

Патернализм университетской администрации в отношении к студентам в Казанском университете сохранялся до середины 1840-х годов, пока им управляли Н.И.Лобачевский и М.Н.Мусин-Пушкин. Очевидно, это была личная позиция людей, сформировавшихся в Александровскую эпоху и воспроизводивших ее стиль и принципы. Их покровительство, отеческая забота нивелировали и смягчали нараставший процесс бюрократизации университетской жизни. Но чем дальше, тем более давала о себе знать новая ситуация.

В 1845 г. ушел с поста ректора Лобачевский, уехал из Казани Мусин-Пушкин, пришел более рьяный инспектор студентов, и атмосфера «семьи» оказалась утраченной. По инструкции инспектору предписывалось участвовать во всех ситуациях общения профессора со студентом. Это «посредничество» обьективно способствовало усилению конфронтации в отношениях профессоров со студентами. Это отразилось, в том числе, в утвердившихся тогда университетских учебных ритуалах: студентов вводил в аудиторию инспектор, они рассаживались на скамьях, преподаватель входил и садился напротив них на возвышение ("на кафедру"). А на экзамене студент стоял перед столом, за которым судьями сидели лектор, ректор и попечитель.

Сама проверка студенческих знаний стала восприниматься в университетской среде, как «пытки» инквизиции, расплата за грехи. И если ранее была естественной ситуация, когда на экзамене педагог брался объяснять воспитаннику недопонятую им тему, то ныне сессия превращалась в угрозу, в наказание за пропущенные лекции, за непочтительное отношение к препо-

В общежитии. 1960-е гг.

вок. За профсоюзную путевку платили лишь 10 – 20 % от их полной стоимости. Семья доцентов с доходом в 640 руб. относилась к категории хорошо обеспеченных советских людей. Их качество жизни было выше, чем качество жизни врачей, инженеров, учителей. Особенно высокой доцентская зарплата в 320 руб. считалась для женщины. В те годы было достигнуто соответствие научной степени и уровня жизни университетского ученого, должностного и материального положения преподавателя. Это служило стимулом для научной работы и административно-педагогической карьеры. "Доцент – он и в Африке доцент", – гласила университетская поговорка 1970-х годов, намекающая на незыблемость данного статуса.

В те же годы в зависимости от выбранной специальности стипендия студентов составляла от 30 до 40 руб. Да и эту сумму давали лишь тем, кто учился без троек, а также сиротам и молодым людям из необеспеченных семей. Кроме того, существовали 15 и 25 %-е надбавки за хорошую учебу и активную общественную работу, и 5-рублевая надбавка для пятикурсников, как они шутили, "за дряхлость". Студенты-отличники получали повышенную стипендию в размере 45 – 55 руб., и до середины 1980-х годов существовали именные стипендии ("ленинские" и др.) для отличников-активистов из числа старшекурсников. Они составляли от 65 до 100 руб.

По казанским ценам такой стипендии хватало на питание, проезд и развлечения. В 1980-е годы билет в кино стоил 35 – 50 коп., в театр – 1 руб. 50 коп.– 2 руб. 50 коп., на концерты приезжих звезд эстрады – не дороже 5 руб. Чтобы купить одежду, обувь, съездить куда-нибудь летом, студент должен был или подрабатывать, или находиться на содержании родителей. Казанские учащиеся работали сторожами, проводниками в поездах, продавцами, почтальонами, гардеробщиками, уборщицами, санитарками, библиотекарями, брались за разовую работу (за ночную смену на хлебозаводе платили 5 руб., столько же за разгрузку железнодорожных вагонов). Девушки шили и вязали, получая за шапочку 5 руб., а за свитер – 25, мыли окна (10 руб. за окно). Летом те и другие отправлялись в пионерские лагеря, стройотряды, на целину в северный Казахстан или на "шабашку" в колхозы.

В 1970-е – начале 1980-х годов среди студентов появились мелкие спекулянты: деньги на перепродаже импортных вещей делались быстро и сравнительно легко. Другое дело, что спекулянт, или на языке тех лет "фарцовщик", рисковал угодить в тюрьму. Деньги можно было добыть и иначе, например, сдавая кровь. За 200 г крови донор получал 23 руб. и талоны на питание в ресторане "Север" на Советской площади.

В общежитии КГУ. 1960-е гг.

В те времена даже самый бедный студент мог довольно сытно пообедать в университетской столовой (располагавшейся в 1950 – 1960-е годы в подвале главного здания, а с конца 1970-х годов – в физкорпусе) или в буфете химфака. Если было свободное время, то молодые люди отправлялись в столовую № 22 на ул. Ленина (ныне Кремлевской), в блинную или пельменную вблизи университета, реже заглядывали в столовую Дома татарской кулинарии на ул. Баумана или Доме Кекина на ул.Горького. В 1960-е годы полный обед можно было получить за 95 коп. – 1 руб. 10 коп., а "комплексный" (с фиксированными блюдами) за 30 – 50 коп. В конце 1980-х – начале 1990-х годов он подорожал до 80 – 90 коп. Преподавателю стандартный обед из трех блюд в 1960-е годы обходился в 1 руб. – 1 руб. 20 коп.

Доступными были цены и на услуги городского транспорта: все последние 30 лет советской власти проезд на казанском трамвае стоил 2 – 3 коп., на троллейбусе – 5, на автобусе – 6 коп. В конце каждого месяца агенты гортранспорта убеждали студентов приобрести льготные проездные билеты. При необходимости можно было проехать и на такси: от Дворца химиков до университета это удовольствие с зеленым огоньком и шахматной символикой обходилось максимум в 1 руб. Тогда же университетские люди появились за столиками казанских ресторанов. Ужин в "Доме татарской кулинарии" обходился приблизительно в 10 руб., а днем пообедать там можно было и за 5 руб.

В эти годы изменился внешний вид человека из университетской среды. Он стал лучше одеваться. 1960-е годы вобрали в себя два стиля в моде. В аудиториях еще попадались на глаза стиляги, но эталон внешности уже перехватили бородатые последователи Э.Хемингуэя. Интеллигенты-шестидесятники были неторопливы в движениях, мужественны, носили свитера грубой вязки и задумчиво курили трубку. В возобладавшем стиле поведения

В университетской столовой. 1970-е гг.

галстук, бижутерия и парфюмерия были неприемлемы. Всем своим видом "шестидесятник" боролся с "мещанством", с ценностями жизни, которые исповедовали "непросвещенные" соотечественники.

В контексте этого вещи стали предметом бурных обсуждений в интеллектуальной среде. Однако несмотря на все дискуссии, женщины стали одеваться смелее и свободнее: яркие цвета, крупные серьги и броши, пряжки, прозрачные блузки, узкие и короткие юбки. Настоящую революцию в одежде произвели женские брюки. Первые студентки в брюках появились в университете в конце 1960-х годов и вызвали гнев преподавателей. А уже в 1970-х годы учащиеся почти поголовно были в брюках. Многие молодые люди, носили длинные волосы, усы, бороду, привнося в университет стиль "хиппи".

Зимой отдельные студенты и преподаватели облачались в дубленки различных моделей. С середины 1970-х годов безусловным фаворитом в молодежной среде стали джинсы. Это был "самый шик". Как признавались наши респонденты, о джинсах мечтали все, но купить их было сложно. Доставали вожделенный товар у спекулянтов или приобретали на "сорочке". По "черным ценам" "фирменные" (были еще и "самопальные", т.е. подделки под фирменную продукцию) джинсы стоили в Казани 200 – 250 руб. Их носили везде: и на занятия и на праздник.

В описываемое время преподаватели могли чаще обновлять свой гардероб и тщательнее следить за модой. В 1960-е годы в учебной аудитории педагоги обычно появлялись в одежде классического стиля. Мужчины читали лекции в строгих темных костюмах, носимых в сочетании со светлыми рубашками и темными галстуками. Аналогичная "униформа" была и у их коллег женского пола – темный костюм со светлой блузкой, туфли на каблуке. Но уже в 1970-е годы преподавательницы стали активнее носить украшения (бусы из природных камней, броши, бижутерию, кольца и серьги из драгоценных металлов), пользоваться косметикой, парфюмерией, лаком для ногтей. В конце 1970-х годов некоторые преподавательницы облачились в брюки: стали носить брючные костюмы и даже джинсы. А молодые педагоги-мужчины приходили на занятия в свитерах. Особенно стильно выглядели, кто побывал в загранкомандировках. Впрочем, наши респонденты единодуш-

Студенческое застолье. Начало 1980-х гг.

ны в том, что казанские преподаватели всегда и практически все одевались "достойно"[248], "со вкусом"[249] и элегантно.

В 1970-е годы почти у всех преподавателей, да и у студентов, были телевизоры, швейные и стиральные машины, пылесосы, холодильники отечественного производства. С тех пор бытовая техника стала необходимым атрибутом повседневной жизни, а не предметом роскоши, как это было всего несколько лет тому назад. А вот автомобиль по-прежнему оставался малодоступным для университетского человека. Помимо дороговизны (даже "Запорожец" стоил в 1960-е годы 1600 руб.), препятствием для покупки было то, что машину можно было приобрести только по записи, через профком. Исключение делалось для инвалидов и участников войны. Среди университетских коллег инвалид войны И.М.Романов считался самым "заслуженным" и опытным автомобилистом. Еще в 1944 г. он оседлал трофейный мотоцикл, потом сменил его на трофейный "Опель-кадет", далее – на "Победу", для которой разработал конструкцию ручного управления, а в 1959 г. купил за 40 тыс. руб. "Волгу М-21".Впрочем, в сознании университетского человека тех лет, похоже, отсутствовал культ вещей. Да, конечно, всем хотелось хорошо одеться, иметь дома бытовую технику, приобрести дачу для отдыха. Но, как правило, желания не выходили за пределы разумных потребностей: только необходимое, то, что позволяет сократить время на быт и освободить его для любимой профессии. Несмотря на относительно высокие зарплаты, большинство преподавателей, по нынешним понятиям, жили очень даже скромно. Но такой уровень жизни соответствовал господствовавшим тогда представлениям о достатке, комфорте и уюте. Зато в квартире почти каждого была богатая библиотека, картины казанских художников, печатная машинка и стопки писчей бумаги. Эти вещи служили опознавательными знаками для "своих".

Фактором, ограничившим потребление университетского человека, стала введенная в середине 1970-х годов система лимитированного распределения.

[248] Интервью с В.А.Дергуновым.
[249] Интервью Г.В.Морозовой.

"Стипендия!" 1987 г.

Эпоха так называемого "брежневского застоя" запомнилась тотальным дефицитом продуктов и товаров. В магазине покупателя встречали полупустые полки и скудный ассортимент. Ливерная колбаса, овощные и рыбные консервы (типа памятных "Завтрака туриста" и "Килек в томате"), супы в стеклянных банках, растительное сало, помадка, пастила и сахар, водка и вино под совокупным названием "бормотуха" – вот что составляло основу розничной торговли. Качественный товар нельзя было купить – его надо было добыть. Само слово "купить" в бытовой лексике заменялось понятием "достать". Несмотря на то, что в 1981 г. за спекуляцию было введено уголовное наказание (штраф в 100 руб.), в стране ширился "черный" рынок товаров и услуг. Вещи покупали и продавали "из-под прилавка", "из-под полы".

В этих условиях университетская публика совершенствовала способы выживания. Массовой практикой стал вывоз продуктов из "заевшейся", как тогда говорили казанцы, Москвы. Люди ехали в столицу на конференции, повышение квалификации, в библиотеки и архивы и значительную часть времени проводили в очередях. Огромный спрос на билеты в фирменный поезд "Татарстан" сообщением Казань – Москва заставил руководство железной дороги пустить по данному маршруту второй "колбасный" состав[250].

Обиженные провинциалы сетовали на унизительную систему продуктового распределения в стране. Чтобы снизить накал недовольства, в 1978 г. в Казани и ряде других поволжских городов ввели талоны на масло и колбасу[251]. В месяц человеку полагалось съесть 400 – 600 г вареной колбасы или 1400 г мяса и 200 – 400 г сливочного масла. Теперь все стало иначе. Очередей не было, продукты красовались на прилавках со скромной надписью "По заказам". Талонную систему постоянно "совершенствовали". В 1980-е – начале 1990-х годов на каждого казанца полагалось по 2 кг мяса по 2 руб. за кг, полкило сливочного масла по 3 руб. 50 коп. за кг, 5 коробков спичек по 1 коп. коробок, политра водки по 5 руб. 30 коп. (для совершеннолетних), 1 кг сахарного песка по 84 коп. за кг, 10 штук яиц по цене от 80 коп. до 1 руб. 20 коп.

Вот как вспоминая это время восьмиклассник одной из казанских школ дитя университетских преподавателей: "*В магазинах тогда было пусто, везде очереди, все продавалось по спискам и талонам. Я помню, как мы с мамой разрезали талоны на продукты и раскладывали их по кармашкам в специальном кошельке. Купить какие-либо вещи без знакомства было трудно, хотя стоили они дешево. Приобретение каждой вещи становилось радостью. Я помню, как мы с папой случайно купили в магазине стол. Это было зимой. Папа погрузил стол на санки, сверху посадил меня и вез до самого дома. Мы были очень рады*"[252]. В этом незатейливом описании – картина и большого мира советской

[250] Наумов В. Три Казани... С. 50.
[251] Недорезов В.А. Старое житье . С. 48.
[252] Цит. по: Сальникова А.А. Постсоветская Россия глазами детей // Россия и современный мир. 2002. № 1(34). С. 123.

В общежитии КГУ. 2004 г.

страны и маленького мира университетской семьи со всеми ее сложностями и проблемами.

Университетский человек в постсоветское время. В начале 1990-х годов из свободной продажи исчезло почти все. На прилавках стояли батареи бутылок с уксусом и пачки с солью. Университетские люди жили в напряжении какой-то глобальной и страстной игры. На каждом факультете выстроились длинные "виртуальные" очереди на приобретение бытовой техники, мебели, одежды. Раз в году председатели профбюро участвовали в проводившемся розыгрыше мебельных гарнитуров: факультет получал 1 – 2 наименования комплектов, а что именно – решала судьба. Люди не отказывались ни от чего. И на заседания знаменитого "Общества книголюбов" ходили не столько для того, чтобы приобщиться к классической литературе, сколько для участия в книжной лотерее. Книги "в самой читающей стране мира" были тоже дефицитом.

Эпоха перехода к рыночной экономике стала временем испытаний университетского человека на его преданность профессии и alma mater. Реформы сопровождались резким вздорожанием жизни, инфляцией и, наконец, дефолтом "черного" августа 1998 г., когда преподаватели, доверившие сбережения государству, в одночасье лишились всех своих накоплений. Оставшись без стабильного государственного содержания, люди могли рассчитывать только на себя, свои силы и способности. Зарплата, исчислявшаяся до дефолта сотнями рублей, вдруг превратилась в тысячи. Но теперь эти тысячи мало что значили. Каждый день продавцы переписывали ценники на товарах. И на зарплату преподавателя прожить стало невозможно. К тому же она выплачивалась нерегулярно, с большими задержками. Многим семьям педагогов не на что было купить основные продукты, в структуру питания вновь вернулись "дешевые" пироги и каши. Преподаватели стали срочно обзаводиться огородами и выращивать на них овощи.

14-летняя дочь одного из университетских сотрудников тогда написала: "*Мама всегда говорит, что, когда меня еще не было (т.е. в советское время), они жили очень хорошо. Иногда я чувствую, будто это я во всем виновата. Теперь мама говорит, что мы должны экономить на каждой копейке. Раньше я думала, что в жизни не самое главное – деньги, но в нынешнее время я все больше думаю, что я не права*"[253]. Не каждый мог отнестись философски к таким рассуждениям ребенка. Часть преподавателей ушла из профессии, уехала из страны или, отложив научные интересы, читала лекцию за лекцией в вузах, лицеях, гимназиях, школах, давали частные уроки.

---

[253] Цит. по: Сальникова А.А. Постсоветская Россия глазами детей. С. 122.

Кафе "Лоза". Фото 2004 г.

В середине 1990-х годов благодаря помощи Института "Открытое Общество" (фонд Дж.Сороса) в университете был создан Интернет-центр. Именно он позволил снизить остроту дилеммы: наука или хлеб насущный. Доступ к информационным ресурсам дал возможность и профессорам, и студентам участвовать в системе грантовой поддержки научных исследований. И тогда для многих университетских людей самой большой сложностью на пути получения финансирования научных изысканий стал языковой барьер. Казанские интеллектуалы преодолевали его, кто как мог. Грантовая поддержка и выход в сети Интернет помогли университетским людям не только удержаться в науке, не только сократить разрыв между уровнем международных исследований и своим собственным, но и создать для себя и своей семьи приемлемые условия существования. В университете появился новый тип ученого – респектабельного, зарабатывающего на науке, "человека мира".

Разной жизнью живут сегодня университетские преподаватели. Одни ютятся в малометражных "хрущовках", другие занимают элитные двухуровневые квартиры или коттеджи. Одни ездят на работу в общественном транспорте, другие – на автомобилях престижных марок. Одни довольствуются летним отдыхом на дачных участках, другим доступны комфортабельные курорты мира. Ныне уровень жизни преподавателя мало зависит от его научного звания или занимаемой должности. Нередко молодой и мало известный в научном мире доцент живет куда лучше маститого профессора. Вписаться в рынок образовательных услуг, научиться выгодно продавать интеллектуальный капитал смогли немногие.

Те же проблемы пришлось решать и воспитанникам университета: выжить на стипендию было невозможно. Совмещение учебы и работы стало реалией жизни современного студента. В этих условиях преподавателям приходится мириться с тем, что учащиеся дневного отделения время от времени пропускают занятия. Как правило, они устраиваются на работу в государственные учреждения или частные компании. Но есть и такие воспитанники, которые

успешно ведут свое собственное дело. Нынешняя студенческая среда Казанского университета весьма неоднородна. В учебной аудитории рядом сидят те, кто весьма ограничен в средствах, и те, кто приехал на лекцию в дорогой иномарке. Машины, шубы и драгоценности, мобильные телефоны внезапно изменили облик студента и буквально за несколько лет разрушили его традиционный образ.

Время "дикого капитализма", как назвали эти годы современники, изменило отношение университетских людей к миру вещей и повседневных благ. Приметой расслоения студенческой среды стало не просто появление символов "престижности", но и конструирование из них пограничной "самости". Большинство учащихся ощущают себя не только студентами, но и бизнесменами, моделями, менеджерами и т.д. И одежда встроена в ресурсы престижного потребления, позволяет поддерживать статусность выполняемой функции. Сегодня "бедные" и "богатые" студенты покупают не просто различающиеся по цене вещи, но делают это в разных пространствах: одни – на рынке, другие – в дорогих бутиках. Внешний вид современных учащихся отличается не стилем, а качеством вещей и их приращенной символической стоимостью ("фирменностью").

Наличие в университете контрастных уровней жизни прослеживается и в питании. Состоятельные студенты, особенно так называемые "мажоры" (дети крупных политиков, администраторов и бизнесменов), предпочитают обедать в расположившихся вокруг университета ресторанах ("Мясной удар", "Медведь", "Колизей") или в частном кафе "Лоза" (название, составленное из первых слогов фамилий Лобачевского и Завойского, чьи барельефы украшают это помещение в главном здании). Основная же масса воспитанников питается в университетской столовой, в кафе "УНИКСа", в недорогих "блинках", расположенных в центральной части города или поблизости от общежитий.

Повседневность казанских интеллектуалов распалась на множество "повседневностей", слабо пересекающихся между собой. Расхождения прослеживаются как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне. Ныне исторически сложившиеся ступени научно-педагогической лестницы отнюдь не соответствуют реальному материальному положению и качеству жизни занимающих эти ступени людей. Таковы условия жизни университетского человека в новой постсоветской России.

Большая часть XX в. для университетского человека была временем нормированного потребления продовольственных и промышленных товаров, временем дефицита, лишений и тягот. Продовольственные и промтоварные "карточки", "купоны", "ордера", "заборные книжки", "талоны", "хвосты" или "очереди", "сумки-авоськи", "пайки", "печки-буржуйки" и многие другие слова-знаки образуют особый семантический комплекс, понятный людям советской эпохи. Это своеобразный культурный код, передающий неустойчивость и непредсказуемость повседневной жизни, вынужденный аскетизм, незащищенность и постоянное беспокойство за "хлеб насущный" – чувства, которые сопровождали жизнь университетского человека в России XX столетия.

Глава 5

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ СТИЛЬ ЖИЗНИ

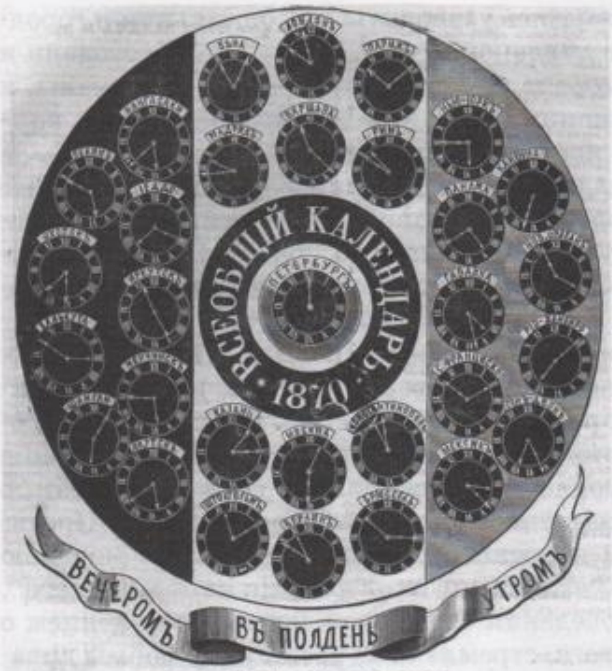
Университетские люди стремились утвердиться в социальном и городском окружении в качестве духовной элиты. Этому способствовали и созданная корпоративная мораль, и система ценностей, и ритуалы, и стиль жизни. И если в признании норм университетской морали, в утвердившихся ценностях, в исполняемых ритуалах корпорация была едина, то в жизненных укладах она демонстрировала миру полярные варианты повседневности: образцы "эталонной" – "маргинальной" или экстравертной – интравертной культуры. Очевидно, дуальность университетской повседневности была заложена сочетанием в университетской жизни задач науки и образования.

Погружение в научное исследование, поиски решения поставленных интеллектуальных проблем требовали от университетского человека уединения, внутренних напряженных размышлений, сосредоточения. И эта особенность формировала стиль жизни ученого-анахорета, что проявлялось в отношении ученого к службе, к коллегам, в восприятии себя во времени, в организации быта, в принципах семейного уклада, в формах досуга. Презирающих обывательские ценности и пренебрегающих мещанской моралью профессоров горожане именовали "чудаками" или "людьми не от мира сего". Другой вариант повседневного поведения был порожден представлением о высокой социальной миссии педагога, стремлением расширить формы дидактического воздействия на учащихся и общество. Такие представления заставляли университетского человека стремиться к утверждению себя в качестве полноправного члена российской элиты. Подобная стилистика жизни давала образец экстравертного поведения, направленного на создание и поддержание социального имиджа.

Вместе с тем, университетскую корпорацию составляли учащиеся (студенты, кандидаты, профессорские стипендиаты), люди с пограничным социальным положением. Для их состояния было характерно частичное пребывание внутри "ученого сословия" и частичное – вне его. В среде городского населения университетские воспитанники образовывали мужскую группу, состоящую в подавляющем большинстве своем из молодых и холостых людей. Несмотря на введение церковных дисциплин в курс обучения и насаждение церковного поведения во внеучебную повседневность[1], эта группа имела слабую клерикальную ориентацию и легко нарушала предписанные ей принципы жизни: целомудрие, трезвость, неучастие в насилии. Осознавая свою "особость" в городском сообществе, а также имея в виду силу юридических привилегий, обеспечивавших им щадящие наказания, студенты учиняли беспорядки, на которые их подвигали возраст, пребывание на чужбине, принадлежность к двум социально активным группам – дворянству и духовенству. При внимательном рассмотрении в студенческих шалостях можно заметить элементы социальной оппозиции городским обывателям – мещанам и буржуа. В этом отношении казанские студиозусы были такими же продолжателями традиций средневековых "бедных школяров" и "праздношатающихся клириков", как и их сверстники в Москве, Дерпте, Геттингене и любом другом университетском городе[2].

Конечно, "скандальное" поведение было более характерно для студенческой массы, но участие в рискованных мероприятиях (например, в экспедициях и раскопках), нарушение общественного спокойствия (в частности – проведение научных экспериментов), участие в азартных играх, посещение

[1] НАРТ, ф. 977, оп. 1, д. 80.
[2] Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002. С.128 – 129.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЪ

(въ красной обвертнѣ съ часами)

на **1870** годъ.

Изданіе ГЕРМАНА ГОППЕ.

ВЪ С-ПЕТЕРБУРГѢ.

Символ времени

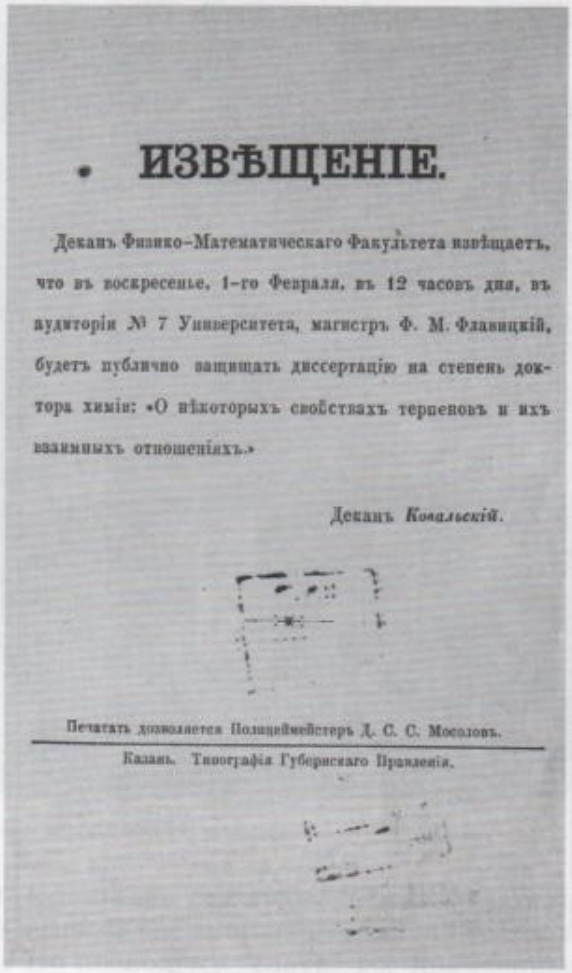
проституток и питейных заведений было неотъемлемой частью образа жизни молодых преподавателей, стоящих на нижних ступенях университетской иерархии (магистры, адъюнкты, доценты). При этом их поведенческие нормы отнюдь не исключали самозабвенного погружения в мир науки, благотворительность и просветительство.

Учебная повседневность сформировала у университетских людей особое ощущение времени, его ритма и присутствия.

"Длинное время" было линейным. Для студентов его составлял период их ученичества, т.е. полный курс обучения в университете. Применительно к XIX в. данный период мог быть неопределенно продолжительным. Согласно Уставу 1804 г., университетский курс обучения укладывался в 4 года на факультете врачебных наук и в 3 года – на всех остальных факультетах. С 1835 г. полный курс медицинских наук студенты стали проходить за 5 лет, остальные воспитанники учились 4 года. Но реально у многих обучающихся срок пребывания в университете был больше. За время учебы юноши отчислялись (по неуспеваемости, состоянию здоровья своему или родителей, по бедности), возвращались к учебе вновь, переводились на другие факультеты и довольно часто переезжали в иные университетские города. Часть выпускников возвращалась в университет, чтобы получить образование на другом факультете. Конечно, власти стремились ввести этот процесс в определенные временные рамки и тем самым контролировать его. Так, Устав 1863 г. предупреждал, что студент не может оставаться на второй год на одном и том же курсе более 2 - х раз. Но, судя по биографиям университетских выпускников, усилия власти не были успешными. И потому во второй половине XIX в. родилось понятие "вечный студент".

Для университетских преподавателей "длинное время" измерялось сроком их службы. Он был размечен такими событиями, как окончание университета, защита (кандидатской, затем магистерской и, наконец, докторской) диссертаций. Почти синхронно этому следовала смена должностей: кандидат, магистр, адъюнкт, экстраординарный профессор или приват-доцент, ординарный профессор. При благоприятном стечении обстоятельств вехи научно-преподавательской карьеры разделяли определенные стабильные промежутки времени. В первой половине столетия успешным считалось в 17 лет поступить в университет, в 21 – 22 года окончить его и стать кандидатом,

через 2 года защитить магистерскую диссертацию и стать магистром, еще через 3 года претендовать на должность адъюнкта, через 4 – 5 – на должность экстраординарного профессора, а лет в 37 получить статус ординарного профессора. Это была оптимально короткая дистанция научного восхождения. В большинстве случаев она оказывалась гораздо длиннее. Впрочем, заведенный порядок вещей не оставался неизменным. И во второй половине столетия претендент на профессорское место мог долгие годы служить приват-доцентом, не получая регулярного жалования. Поэтому образ российского дореволюционного профессора часто ассоциируется у нас со старостью.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Деканъ Физико-Математическаго Факультета извѣщаетъ, что въ воскресенье, 1-го Февраля, въ 12 часовъ дня, въ аудиторіи № 7 Университета, магистръ Ф. М. Флавицкій, будетъ публично защищать диссертацію на степень доктора химіи: «О нѣкоторыхъ свойствахъ терпеновъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.»

Деканъ *Ковальскій*.

Печатать дозволяется Полицеймейстеръ Д. С. С. Мосоловъ.

Казань. Типографія Губернскаго Правленія.

Извещение о защите диссертации

В начале века университет принимал прошения от желающих в нем учиться в период с 22 июля по 15 августа. А с 1863 г. прием документов стал осуществляться с 1 июля по 20 августа. Юноше следовало предоставить ректору: прошение с указанием факультета, на который он желает быть зачислен; свидетельство о рождении и крещении из Духовной консистории; свидетельство врача о здоровье и сделанной прививке от оспы. Дворянин сдавал еще и копию протокола Дворянского депутатского собрания, а дети чиновников приносили копию формулярного списка отца. Юноши, приписанные к податному сословию, должны были иметь на руках увольнительные свидетельства от их общества и паспорт на свободное проживание в городе. Собрав документы, ректор назначал приемную комиссию для проведения испытаний. Она работала с 16 августа по 1 сентября. От испытаний освобождались выпускники гимназий с отличными и хорошими оценками. Все, кто выдержал испытания, зачислялись в студенты, не выдержавших записывали в слушатели.

Если все население Российской империи отмеряло время "гражданскими", т.е. календарными годами, то учащие и учащиеся – "академическими" годами, т.е. годами. В Александровскую эпоху учебный год в университете начинался в середине августа, и до 1 октября "футурус" мог свободно поменять факультет. Позже этой даты переводы на другие факультеты осуществлялись лишь по особому распоряжению ректора, а, начиная со второго полугодия, – только по результатам специальных переводных экзаменов. Во второй половине века учебный год открывался 1 сентября, и студентам разрешалось менять факультеты в течение всего первого полугодия обучения.

В начале века годичный курс заканчивался 1 июня, далее 10 дней шли экзамены, после чего следовали каникулы. В конце столетия "переводные испытания" стали начинаться 1 мая и заканчивались 21 мая. Каникулярное время

РОСПИСАНІЕ ЛЕКЦІЙ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

СЪ 21 ІЮЛЯ 1837 ПО 21 ІЮНЯ 1838 ГОДА.

1-го ОТДѢЛЕНІЯ ФИЛОСОФСКАГО ФАКУЛЬТЕТА.

(Разрядъ общей гимназіи).

Часы	Понедѣльникъ	Вторникъ	Средѣ	Четвергъ	Пятницѣ	Субботѣ
ПЕРВЫЙ КУРСЪ.						
IX.	Истор. Рос. слов. Ад. Хилковск.	Француз. языкъ Уч. Деливрон.	Француз. языкъ Уч. Деливрон.	Нѣм. Рос. языкъ Ад. Хилковск.	Француз. языкъ Уч. Деливрон.	Француз. языкъ Уч. Деливрон.
X.	Политич. Экономія О. П. Викторск.			Нѣмецкій языкъ О. П. Викторск.	Англійскій языкъ Доц. Турчаниновъ.	Англійскій языкъ Доц. Турчаниновъ.
XI.	Логика и Психол. Арх. Гавріилов.	Церков. Исторія Арх. Гавріилов.		Логика и Психол. Арх. Гавріилов.	Древняя исторія О. П. Эрдманн.	
XII.	Древняя исторія О. П. Эрдманн.	Греческій языкъ О. П. Мостовск.	Англійскій языкъ Доц. Турчаниновъ.		Церков. Исторія. Арх. Гавріилов.	Исторія литерат. Ад. Фойгта.
I.	Греческій языкъ О. П. Мостовск.	Нѣмецкій языкъ Учит. Нордстед.		Исторія литерат. Ад. Фойгта.	Реторика Ад. Хилковск.	
III.	Рисованіе Учит. Крюков.		Музыка Уч. Тофлемпер.	Рисованіе Учит. Крюков.		Музыка Уч. Тофлемпер.
IV.		Англійскій языкъ Доц. Турчаниновъ.				
V.	Латинскій языкъ О. П. Шерръ.	Танцованіе Уч. Серебренник.	Нѣмецкій языкъ Учит. Нордстед.	Латинскій языкъ О. П. Шерръ.	Танцованіе Уч. Серебренник.	
VI.			Реторика Ад. Хилковск.	Упраж. въ стил. Ад. Хилковск.		
ВТОРЫЙ КУРСЪ.						
IX.	Тактич. учрежд. Ад. Фишеръ.	Нѣмецкій языкъ Учит. Нордстед.	Француз. языкъ Ад. Клеръ.	Государст. учрежд. Ад. Фишеръ.		
X.	Исторія средняя О. П. Сурминск.	Финансистика О. П. Викторск.	Теорія языка О. П. Сурминск.	Нѣмецкій языкъ Учит. Нордстед.	Исторія средняя О. П. Сурминск.	
XI.		Теорія языка О. П. Сурминск.	Догмат. Богосл. Арх. Гавріилов.	Теорія языка О. П. Сурминск.	Россійск. исторія О. П. Бутковск.	Догмат. Богосл. Арх. Гавріилов.
XII.	Мет. и энцикл. Фил. Арх. Гавріилов.		Рос. исторія О. П. Бутковск.	Мет. и энцикл. Фил. Арх. Гавріилов.		Исторія литерат. Ад. Фойгта.
I.	Россійск. исторія О. П. Бутковск.	Греческій языкъ О. П. Мостовск.	Греческій языкъ О. П. Мостовск.	Исторія Литерат. Ад. Фойгта.	Греческій языкъ О. П. Мостовск.	Физическое нрав. О. П. Викторск.
III.	Рисованіе Учит. Крюков.	Англійскій языкъ Доц. Турчаниновъ.	Музыка Уч. Тофлемпер.	Рисованіе Учит. Крюков.		Музыка Уч. Тофлемпер.
IV.					Нѣмецкій языкъ Учит. Нордстед.	
V.	Французск. языкъ Ад. Клеръ.	Танцованіе Уч. Серебренник.	Латинскій языкъ О. П. Шерръ.		Танцованіе Уч. Серебренник.	
VI.			Французск. языкъ Ад. Клеръ.	Латинскій языкъ О. П. Шерръ.		
ТРЕТІЙ КУРСЪ.						
IX.			Исторія литер. Ад. Фойгта.			
X.	Исал. исторія О.П.Каландатов.	Рос. законовѣд. О. П. Сурминск.	Рос. статистика О. П. Бутковск.		Греческій языкъ О. П. Мостовск.	Нѣмецкій языкъ Учит. Нордстед.
XI.	Греческій языкъ О. П. Мостовск.	Рос. исторія О. П. Бутковск.	Нѣмецкій языкъ Учит. Нордстед.	Россійск. исторія О. П. Бутковск.	Практическ. Богосл. Арх. Гавріилов.	Россійск. словесн. О. П. Сурминск.
XII.	Упр. въ Рос. слов. О. П. Сурминск.	Нов. Философія Арх. Гавріилов.		Новая Исторія О.П.Каландатов.	Латинскій языкъ О. П. Шерръ.	Россійск. исторія О. П. Бутковск.
I.		Археологія О. П. Шерръ.			Рос. статистика О. П. Бутковск.	Греческій языкъ О. П. Мостовск.
III.	Рисованіе Учит. Крюков.	Француз. языкъ Ад. Клеръ.	Музыка Уч. Тофлемпер.	Рисованіе Учит. Крюков.		Музыка Уч. Тофлемпер.
IV.						
V.		Танцованіе Уч. Серебренник.	Француз. языкъ Ад. Клеръ.	Француз. языкъ Ад. Клеръ.	Танцованіе Уч. Серебренник.	
VI.	Нѣмецкій языкъ	Уч. Серебренник.	Археологія			

Расписание занятий

в императорском университете называлось "вакацией". "Вакатным" также был период с 21 декабря по 9 января – время зимних рождественских и новогодних праздников. В начале столетия оно не ограничивалось точным количеством календарных дней. Студенты начинали разъезжаться из университета на новогодние и рождественские праздники с середины декабря, а их возвращение затягивалось до конца января. Такая же ситуация была с пасхальными (с середины марта) и летними (с начала июля по 12 августа) каникулами. В Уставе 1835 г. вакации были жестко зафиксированы и ограничены. Они назначались 2 раза в год: с 10 июня по 22 июля и с 20 декабря по 12 января. И такая структура учебного года сохранялась на протяжении всего XIX – начала XX вв.

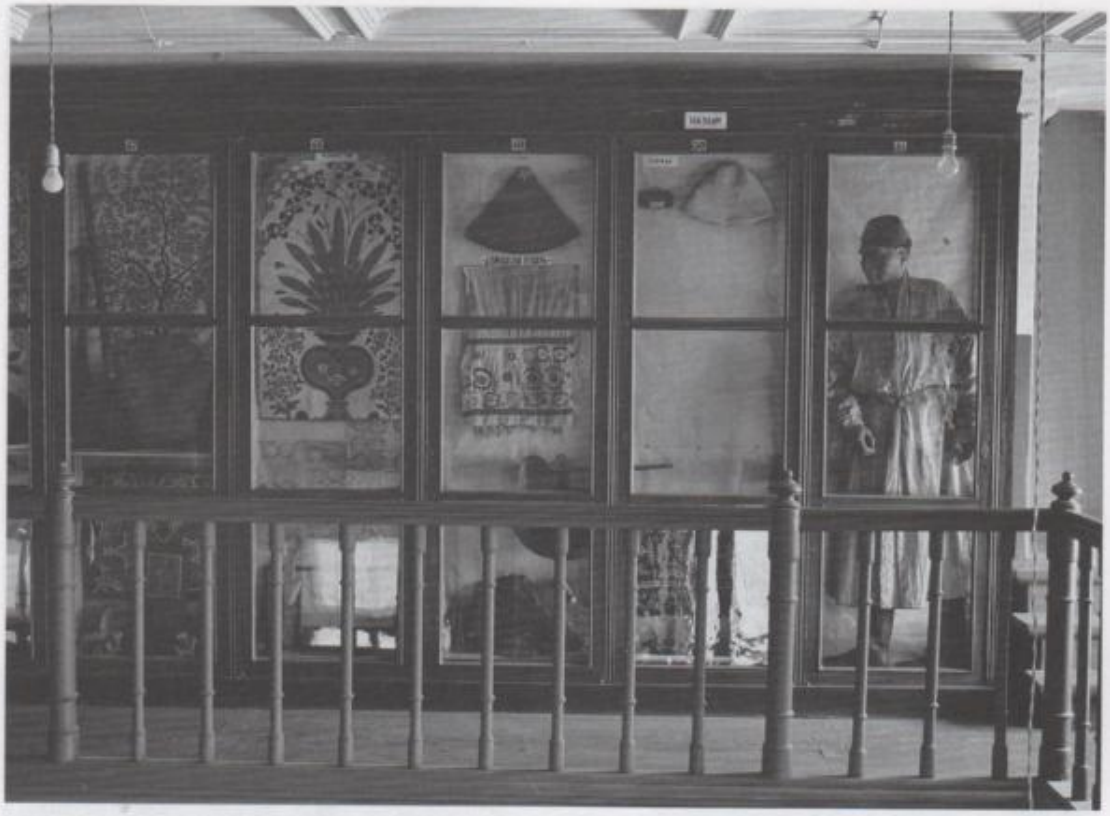
Преподаватели и служащие университета имели право на отпуск в 29 дней во время летних каникул студентов, плюс к нему с 1884 г. профессорам стал дополнительно предоставляться отпуск в размере 8 дней в любое удобное для них время. Помимо воскресений и вакаций, занятия прерывались на церковные и гражданские праздники. Среди последних было немало торжеств по поводу коронации, бракосочетания, именин или юбилейных дат членов многочисленного императорского дома[3].

Весь учебный год делился на "полугодия" (с 20 августа по 20 декабря и с 15 января по 30 мая), а учебная неделя в университете состояла из шести дней (воскресенье – выходной) по восемь занятий в каждом. Впрочем, реально в Казанском университете лекций и семинаров было намного меньше: то преподаватель заболел, то не вернулся из отпуска, то уехал на визитацию училищ округа, то отправлен "по казенной нужде", то начальство прибыло, то праздник начался. К этому добавлялись самовольные пропуски лекций студентами, а во второй половине столетия – студенческие сходки и следующие за ними судебные разбирательства, приостановки деятельности университета.

В 1880-е годы установившаяся хронология учебной повседневности подверглась кардинальной ломке. Устав 1884 г. отменил деление университетского обучения на курсы и ввел зачет учебного времени по семестрам (10 семестров – на медфаке и 8 – на остальных факультетах)[4]. Студент, если был способен к этому, имел возможность окончить обучение за год, а мог учиться десяток лет. В те годы стала широко использоваться практика экстерната.

[3] НАРТ, ф. 977, оп. "Совет", д. 7123; 9393; РГИА, ф. 733, оп. 46, д. 128.

[4] Залеский В.Ф. К столетию Императорского Казанского университета (1804 – 1904)// Журнал Министерства народного просвещения. 1903, декабрь. С. 362.

Коллекции Этнографического музея

Обучающийся в стенах университета юноша мог сам выбрать последовательность прохождения дисциплин, а экзамен за все пройденное сдавал государственной испытательной комиссии. Но поскольку "сдать" все пройденные курсы разом было очень трудно, то вскоре были введены промежуточные экзамены. А еще через несколько лет факультеты сначала рекомендовали, а потом стали настаивать на определенной последовательности прохождения учебных дисциплин. Поэтому в 1890-е годы эксперимент со "свободой обучения" признали неудавшимся. В академическую повседневность вернулись полукурсовые испытания, а учебное время вновь поделилось на курсы.

В начале XIX в. занятия в университете начинались рано: в 7 ч. 15 мин. по солнечным часам. 4 часа студенты учились до обеда и 4 часа – после него. В 8 часов вечера для казеннокоштных студентов устраивался ужин, в 9 воспитанники должны были находиться на своих местах в камере, а в 10 часов инспектор проверял их сон. С 1830-х годов учебный день стал начинаться позже, в 8 часов утра. В 12 часов все отправлялись обедать, и после обеда занятия продолжались еще 2 – 3 часа[5].

Во все времена посещение лекций для воспитанников Казанского университета было строго обязательным. Переклички и перепись присутствующих в аудитории студентов проводили инспектор, его помощники и "старшие" студенты. Уставом и правилами предписывалось не допускать опоздания слушателей на занятия. Задолго до их начала приходящие своекоштные воспитанники, слушатели, пансионеры, полупансионеры и казенные студенты должны были собраться в "сборном университетском зале", откуда их разводили по аудиториям. По окончании лекций инспектор отводил казен-

[5] Научное наследство. Т.12: Новые материалы к биографии Н.И.Лобачевского/ Сост. Б.В.Федоренко. Л., 1988. С. 122.

Экспонат коллекции Геологического музея

ных студентов в занимательные комнаты и наблюдал, чтобы они выполняли полученные от профессоров задания, приносил для них из библиотеки учебную и научную литературу. В 6 часов пополудни проживающим в университете воспитанникам предлагался сбитень, в 10 все приглашались на ужин, а в 11 часов дежурный солдат инвалидной роты проходил по коридорам университета с колокольчиком – сигнал тушить свечи. Поскольку данный распорядок воспроизводился изо дня в день, в сознании многих студентов время измерялось "от молитвы до завтрака", "от сбитня до ужина".

В 1860-е годы за студентами следили не столь строго. Тогда некоторые университеты вовсе отказались от обязательности посещения воспитанниками занятий. Считалось, что платящие за обучение юноши сами осознают такую необходимость. Но преподаватели Казанского университета настояли на сохранении этого правила в университетском уставе. Вскоре опыт более "демократичных" университетских корпораций показал, что без контроля и принуждения воспитанники начинали учиться, лишь почувствовав угрозу приближающегося экзамена. Поэтому в 1872 г., после обсуждения данного вопроса с профессорскими советами всех университетов, министерство предписало признать посещение учебных занятий обязанностью студентов[6].

В Александровское время насыщенность учебной недели занятиями была не равномерной. В определенные дни студентам читалось пять лекций, в некоторые – три. В первой четверти столетия продолжительность университетской лекции составляла 1 час, а в дальнейшем – 1,5 часа с перерывом. Но и тогда, и позже перерыв не был строгим правилом. Его наличие зависело и от инициативы лектора, и от желания сократить продолжи-

[6] НАРТ, ф. 977, оп. "Совет", д. 5439, л. 15.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета

тельность учебного дня, освободив тем самым время для самостоятельных занятий студентов, и от дефицита учебных аудиторий.

Специальный служитель следил за временем по напольным английским часам, установленным в университетском коридоре, и по прошествии установленного интервала брал колокольчик и проходил с ним по университетским рекреациям, возвещая об окончании занятий. По сложившейся в первой половине столетия традиции после обеда первокурсники слушали лекцию из церковно-библейской истории, остальные студенты по желанию занимались обучением "искусствам": танцам, музыке, живописи, церковному пению. С 1863 г. обучение "изящным искусствам" в университете прекратилось.

С 1814 г. учебный курс в университете делился на "приуготовительный" и специальный. Под "приуготовительными" (впоследствии их называли "общими" или "вспомогательными") подразумевались общеобразовательные предметы. В начале XIX в. они доминировали над специальными. Независимо от факультета обучения, всех университетских воспитанников обучали философии, математике, физике, естественной истории, российской истории, теории красноречия, российскому стихотворству, латинскому, греческому, французскому, немецкому языкам и истории наук. В попечительство М.Л.Магницкого (в 1821 г.) объем "приуготовительных" дисциплин сократился. Теперь студенты должны были усвоить философию, всеобщую и российскую историю, теорию красноречия, стихотворство, латинский, греческий, немецкий и славянский языки и логику. Устав 1835 г. еще более урезал общеобразовательный курс. В нем сохранились лишь логика, психология, всеобщая и российская история, статистика, российская словесность, латин-

ский и немецкий языки. Их слушали воспитанники всех факультетов. А с 1863 г. в учебных курсах остались лишь специальные и дополнительные дисциплины[7].

В свободное от аудиторных часов время студенты должны были заниматься самообразованием: выполнять задания профессоров, совершенствовать латинский язык, вести дневниковые записи, читать литературу. В начале века для практики студентов в иностранных языках некоторые предметы читались по-французски или по-немецки. И поскольку далеко не у всех воспитанников наличествовали необходимые для их понимания языковые навыки, те, кто мог себе позволить, покупали пансион в доме преподавателей иностранных языков. В правление Николая I, когда пансионы, особенно содержавшиеся иностранцами, стали закрываться, а языком преподавания и науки стал русский, университетские воспитанники перестали свободно владеть иностранными языками. В перспективе это создало трудности научного общения отечественных ученых с их зарубежными коллегами, негативно сказалось на развитии ряда научных направлений.

Учебную повседневность в университете определяли используемые в то или иное время формы обучения воспитанников. В первой половине столетия очень немногие из казанских профессоров преподавали по изданным учебным пособиям. Учебников вообще было крайне мало, а те, что имелись, были изданы за рубежом и существовали в университетской библиотеке в единичном экземпляре. В связи с этим большинство лекторов читали свой курс лекций по рукописным конспектам. При этом редко кто из преподавателей давал студентам переписать свои рукописи, большинство "наговаривали" их текст во время занятий. Поэтому студентам приходилось записывать слова лектора. И так как студенты, за редким исключением, стенографией не владели, то, как признавались современники, *"потом каждый из нас, по заведенной очереди, отбирал от других записанные таким образом лекции, из всего составлял одну общую и носил профессору для просмотра"*[8]. Исправленные преподавателем конспекты студенты переписывали в специальную тетрадь. Так появлялись учебные пособия. На их создание у воспитанников уходило все свободное от занятий время. Только весьма "достаточные" студенты нанимали для переписи лекций кантонистов или семинаристов. В таком случае они имели больше свободного времени.

В конце 1840-х годов у российских студентов появилась техническая возможность изготовлять литографические копии с конспектов лекций. Студенты Москвы и Петербурга ею пользовались довольно широко. Правда, правительство требовало, чтобы профессор, дозволивший копирование, брал на себя ответственность за каждое воспроизведенное слово, а студенты – расходы за изготовление копий. Поскольку профессора это обременяло и в плане ответственности, и в смысле дополнительной нагрузки, а для студентов это было накладно, то в Казани изготовление литографированных конспектов практиковалось в основном на юридическом факультете[9].

Готовя Устав 1863 г., правительство признало, что "скудость учебных пособий", а также "излишняя разнообразность обязательных для студентов предметов" изучения явились причинами слабости их подготовки[10]. Во второй половине века учебников стало гораздо больше, в том числе появились

---

[7] Залеский В.Ф. К столетию Императорского Казанского университета (1804 – 1904). С. 360 – 361.
[8] Мамаев Н.И. Из воспоминаний// Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. СПб., 1904. С. 45.
[9] НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 7276.
[10] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.III: Царствование императора Александра II. 1855 – 1864. СПб., 1876. С. 1091.

отечественные издания. Университетская и земляческая библиотеки имели в своих фондах учебники, закупленные на благотворительные или на собранные студентами "в складчину" средства. В это же время в университетский учебный курс стали активно вводиться практические занятия[11]. Теперь внеаудиторное время студентов заполнилось самостоятельной и исследовательской работой под руководством преподавателей.

Учебная повседневность императорского университета состояла из ситуаций, когда учителя и их ученики оказывались друг с другом "лицом к лицу" (лекции, семинары, конференции, диспуты, научные кружки). Такая форма передачи знания, опыта, ценностей и мировоззренческих представлений являлась наиболее устойчивой на протяжении всей истории интеллектуальных сообществ. Ее устойчивость обеспечивалась ритуальным характером действа. Ведь лекция или диспут собирали интеллектуалов, фокусировали их внимание на общем для всех объекте и усиливали эмоции вокруг него. Интеллектуальная власть преподавателя над студентами, главным образом, обеспечивалась тем, что он в продолжение длительного времени заставлял аудиторию слушать себя, понимать и впитывать высказываемые им суждения. В идеале используемое в университете дидактическое принуждение должно было эксплуатировать любопытство, интерес, естественную для юношей жажду нового знания, быть основано на передаче культурного капитала от учителя к ученику.

В этом отношении учебная повседневность университета разительно отличалась от организации рутинной жизни в других учебных заведениях империи, где принуждение носило преимущественно полицейско-административный характер. Такой слом привычного уклада жизни многие бывшие гимназисты и семинаристы переживали как "стресс первого курса"[12]. Сначала свобода вызывала у первокурсников восторг. Но вскоре он сменялся растерянностью. Обнаруживалась неготовность молодых людей самостоятельно планировать свое время. И это сбивало многих, пришедших в университет[13]. Бывшие гимназисты "тонули" в многообразии впечатлений[14]. Более плавным и органичным, чем у гимназистов, было вхождение в университетские учебные будни бывших семинаристов. Привыкшие к самостоятельной работе "поповичи" чувствовали себя в новой реальности довольно уверено. В результате уже на I курсе они сдавали "коллоквиумы"[15], дающие право на получение стипендии.

Учебная повседневность различалась у студентов разных факультетов. Во все времена наиболее загруженными были медики. У них почти не остава-

---

[11] Практические занятия были введены в научные курсы университетов Уставом 1884 г. Но на историко-филологическом факультете Казанского университета они появились намного раньше. В конце 1860-х годов по инициативе профессора Н.А.Осокина студенты стали заниматься в "ученно-исторических и педагогических историко-географических семинариях" (см.: НАРТ, ф. 977, оп. "Ист.-фил. фак.", д. 1777, л. 5).

[12] "В первые недели, с непривычки, даже сказывалась по утрам гимназическая забота попасть вовремя к началу уроков, а по вечерам – о приготовлении тех же уроков, – вспоминал С.В.Смоленский. – И вдруг – никаких уроков, никакого контроля, кроме собственного, никакого стеснения!" (Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах// Былое из университетской жизни. С. 259).

[13] "Я должен сознаться, – писал один из студентов, – что привыкнуть к университетским занятиям мне было трудно, так как лекционная система преподавания требовала известной самостоятельности и умения пользоваться временем, – привыкнув в гимназии к урокам, задаваемым изо дня в день, мы как-то растерялись" (С.Г. Глинка, отрывки из воспоминаний (1874 – 1877) // Былое из университетской жизни. С. 277 – 278).

[14] Студент-филолог конца 1860-х годов вспоминал: "ходили без разбора в каждый свободный час на всякие лекции, попадая с славянских наречий на гистологию, с русской истории на сферическую геометрию, с греческой литературы на минералогию, или гражданское право, или анатомию... занесло нас однажды и на химию" (Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах. С. 258).

[15] Коллоквиумы для студентов I курса, претендующих на стипендию или пособие, проходили с 1 по 15 сентября.

лось свободного от занятий времени. Тяжелым считался историко-филологический факультет, в учебный курс которого включалось много языковых предметов, требующих систематических самостоятельных упражнений[16]. Самым легким во все времена считался юридический факультет.

В течение XIX в. в университете использовалась практика поощрения исследовательской работы студентов посредством заказных тем. За их лучшие исполнения воспитанники получали наградную медаль: золотую – за решение конкурсных задач и серебряные – за создание конкурсного сочинения. В студенческой среде конкурсные сочинения назывались "сочинение на тему" или "на медаль". Темы и задачи на следующий академический год объявлялись сначала во время летнего Торжественного собрания, а во второй половине столетия – во время дня рождения университета 5 ноября. Воспитанник сам решал – участвовать ему в конкурсе или нет. Тот же, кто подготовил конкурсную задачу или сочинение, запечатывал результаты в специальный пакет, на котором писал свой девиз. Только спустя год, на следующем собрании члены конкурсной комиссии узнавали имена победителей. При переходе с курса на курс обучающиеся проходили через курсовые и полукурсовые ("репетиции") испытания. Устав 1835 г. предписывал проводить их в "словесной форме". При этом, если экзаменатор признавал знания студента неудовлетворительными, воспитанник оставался учиться на том же курсе еще на год. В случае, если и тогда студент не усвоил определенного объема знаний по предмету, Правление должно было "отпустить его из Университета с одним только аттестатом о его поведении"[17].

Так выглядели общие предписания для всех университетов страны. Реальная же жизнь была богаче и разнообразнее. Например, в ректорство Н.И.Лобачевского университетские преподаватели контролировали успеваемость воспитанников частыми проверками их знаний. Прочитав 5 – 6 лекций, профессор устраивал "опрос". Переводные с курса на курс или выпускные экзамены проводились в торжественной обстановке Актового зала, "публично", в присутствии ректора, попечителя и публики[18]. Попечитель вызывал воспитанников по списку, задавал им вопросы и сравнивал их ответ с конспектом. Иногда продолжительность студенческого ответа достигала полутора часов. При этом случалось, что прямо на экзамене преподаватель начинал объяснять юноше недопонятую им тему.

К концу всего срока обучения выпускник сдавал определенный минимум обязательных и необязательных дисциплин, чтобы быть допущенным к выпускным экзаменам. Последние проводились специально назначаемой министром для каждого факультета комиссией. При желании выпускник мог проходить испытания сразу на звание кандидата. Выдержавшие выпускные экзамены студенты получали соответственно качеству показанных знаний аттестаты или дипломы. Согласно принятому в 1866 г. постановлению, экзамен должен был проходить в два приема. Его проводила комиссия, состоящая из лектора, декана и депутата от факультета. С заданиями сту-

---

[16] Потому-то, желая освободить внеаудиторное время для занятий музыкой, студент С.В.Смоленский перешел с "трудного" историко-филологического факультета на юридический. "Кроме большей легкости курсов этого факультета, от которых получалась большая свобода в домашних занятиях, я выигрывал еще и в избавлении себя от латыни и греческого языка; к тому же гимназия не подготовила меня и к какой-либо возможности легкого усвоения славянских наречий", – признавался он (Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах. С. 264).

[17] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1: Царствование императора Александра I. 1802 – 1825. СПб., 1875. С. 318.

[18] "Совет Императорского Казанского Университета, – гласило приглашение 1829 г., – прилагая расписание, в каком порядке будет происходить испытание гг. студентам, просит любителей наук сделать честь удостоить своим посещением". (НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 2906, л. 6).

денты знакомились за две недели до испытаний, а на экзамене каждый отвечал на один устный и один письменный вопросы. Успешность ответов оценивалась по пятибалльной системе, и решение принималось коллегиально. Оставленный в университете для подготовки к преподаванию кандидат через год мог претендовать на испытание его готовности к степени магистра, а через год после защиты магистерской диссертации – на степень доктора. Если же претендент испытания не выдерживал, то ему разрешалось спустя год сделать еще одну, на этот раз последнюю попытку.

В то время как интенсивность учебной повседневности студента измерялась количеством прослушанных им лекций, а во второй половине столетия – еще и объемом учебных практик, служебная повседневность преподавателя определялась количеством занятий, которые он проводил у студентов, объемом его административных поручений и его научной активностью. Согласно Уставу 1835 г., профессор был обязан прочитать не менее 8 лекций в неделю, для ректора эта нагрузка сокращалась в 2 раза. Но при нехватке преподавателей и низком жаловании в Казанском университете нагрузка профессора была значительно выше. Например, в 1841/42 академическом году профессор русской истории Н.А.Иванов читал по 56 часов лекций в неделю[19]. По Уставу 1884 г. профессорской нормой стало 6 лекционных часов в неделю.

Университетское время всегда культурно освоено людьми, его проживающими. Студенты разных поколений писали о себе как о "шестидесятниках", "семидесятниках", размечали университетскую жизнь "своим временем", т.е. временем их обучения в alma mater. Университетское сознание вычленяло в протяженной истории родного университета именные эпохи: "эпоху Лобачевского" (как символ расцвета), "эпоху Магницкого" (как символ упадка), "Мурзинцевское время" (период похождений студенческой компании под руководством Мурзинцева).

Частная жизнь многих университетских людей выстраивалась либо как продолжение, либо как альтернатива учебной повседневности. Большую часть времени они проводили в университетской корпорации, среди довольно узкого круга лиц, с которыми проходила "служба". Кроме выполнения учебных (лекция, семинар, экзамен), научных (диспут, конференция), административных (заседания советов, правления, разного рода комиссии) и публичных (молебствия, благотворительные концерты и спектакли, торжественные акты) ритуалов, эта служба предполагала активное, и не всегда дружеское, общение. Во всех этих коммуникативных актах университетский человек оказывался в ситуациях психологического напряжения. Он должен был убедить аудиторию, удержать ее внимание, отстоять свое мнение и при этом "сохранить лицо", сдержать эмоции и порывы, не выйти за пределы любезности.

С одной стороны, академические нормы и профессиональная этика, которые доминировали в жизненном пространстве и системе ценностей университета, обеспечивали крепость корпорации. А, с другой, жесткая научная конкуренция, конфликтность органов самоуправления, постоянное внимание к преподавателю со стороны властей, университетского начальства, коллег, студентов, а также городских обывателей порождали у него внутреннее напряжение и социальную тревогу. Среди причин, их рождающих, не последнюю роль играла угроза заниженной оценки.

В ситуации такого психологического давления частная жизнь педагога формировалась на основе стремления обрести автономное эмоциональное

[19] Руднева Я.Б. Н.А.Иванов – профессор Казанского университета: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. С. 68.

На пикнике

пространство, где он получил бы возможность расслабиться и дать выход эмоциям. Действительно, университетские люди постоянно искали способов создания для себя такого поля – реального или иллюзорного. Реальное поле выстраивалось на основе заключения брачного союза и создания "дома" для него. Иллюзорное – в виде "ухода" от реальности в мир научных фантазий, создания социальных утопий.

В понятие "профессорский дом" входили те, кто проживал рядом и образовывал эмоциональную среду хозяина. А это, как правило, были не только жена и дети, но и "дальние" ближние – родственники, прислуга, частые посетители, в том числе коллеги и студенты. Источником суждений о брачном выборе и возрасте "дореволюционных" преподавателей могут служить свидетельства, которые администрация университета выдавала им для совершения обряда венчания. Анализ заявлений и полученных свидетельств показывает, что средний возраст решившегося на создание семьи преподавателя составлял в XIX в. в среднем 32 – 35 лет[20]. Как правило, к этому времени мужчина достигал уровня экстраординарного профессора или доцента. Представители этой категории университетских педагогов составляли основную массу брачующихся. Крайне редко на создание семьи решались магистры и адъюнкты, несколько чаще – ординаторы клиник, прозекторы и другие служащие.

В XIX в. брак рассматривался современниками не столько как союз двух людей, сколько как альянс семей. Но, в отличие от большинства обывателей, университетский преподаватель был, как правило, оторван от своих родителей, живших далеко от сына и зачастую находившихся в более низком социальном и культурном положении, нежели он. Поэтому его женитьба была вхождением в семью невесты, обзаведением родственниками, которые проживали в Казани и находились в одном социальном слое с женихом. Женами казанских профессоров становились девушки из дворянских семей, дочери городских священников, встречались и наследницы казачьих есаулов. Многие такие свадьбы обеспечили университетских людей социальными связями и способствовали укреплению статуса университета в местном сообществе.

---

[20] НАРТ, ф. 977, оп. "Ректор", д. 399; 548; 549; 593; 594; 1023 и т.д.

Тем не менее, мотивами женитьбы редко служили меркантильные интересы и почти никогда – интересы карьеры. Университетские жены не влияли на служебный рост своих мужей. Другое дело – материальный достаток и положение в обществе. С девушкой из семьи местного дворянина к университетскому человеку приходило социальное признание. А приданое супруги давало ему достаток, свободу от материальных забот. Так, женитьба профессора К.Ф.Фукса на урожденной А.А.Апехтиной обеспечила ему безбедное и независимое от университетского жалованья существование[21]. Получил приданое за женой и ректор Н.И.Лобачевский. О профессоре химии А.М.Бутлерове говорили, как о "едва ли не единственном из местных помещиков с хорошими средствами". Причем унаследованное им состояние увеличилось благодаря женитьбе на Н.М.Глумилиной, племяннице писателя и в свое время студента Казанского университета С.Т.Аксакова[22]. Но, в основном, жены казанских профессоров не были особами с крупным состоянием. Как правило, преподаватель предлагал свою руку и сердце девушке одного с ним достатка и сословного уровня.

Большое значение в выборе будущей супруги имело вероисповедание ее семьи. Вследствие этого лютеранская диаспора немецких ученых Казани буквально через несколько десятилетий после открытия университета стала общиной родственников. По всей видимости, немецкие профессора были ограничены в брачном выборе. Профессор умозрительной философии К.Т.Фойгт приехал в Казань с женой, которая приходилась кузиной жене академика Н.И.Фуса и внучкой прославленному математику, академику Л.Эйлеру. После смерти мужа (1811 г.) она стала женой его коллеги, профессора И.О.Брауна, а после его кончины (1819 г.) вышла замуж за профессора восточных языков Ф.И.Эрдмана. Судьба этой женщины не была уникальной. Жена профессора П.С.Кондырева, урожденная Грубер, после его смерти тоже не осталась одинокой вдовой, выйдя замуж за профессора П.И.Вагнера. Такие ситуации были типичными для преподавательской корпорации Казани первой четверти XIX в.

Позднее брачный выбор преподавателей расширился за счет подросших дочерей коллег, а также благодаря научным поездкам и стажировкам в другие города и страны. Да и связи профессоров с местным дворянством стали теснее. Но и тогда, как свидетельствуют брачные свидетельства, преподаватели предпочитали брать в жены дочерей и родственниц своих коллег. Особенно это относилось к немецким профессорам. И потому ориенталист Ф.Ф.Боллензен женился на дочери профессора Г.И.Блосфельда, профессор Ф.И.Фатер на дочери академика Х.Д.Френа, профессор В.Ф.Берви на дочери инспектора студентов В.И.Ланге и т.д.[23]

Большинство же оказавшихся в Казани поляков-католиков женились на русских невестах. Дело в том, что до прибытия в Казанский университет ссыльных "виленцев" в городе не существовало католической общины. А переведенные сюда польские студенты и преподаватели, как правило, не имели семей. И поскольку, согласно государственным законам, ребенок, рожденный от смешанного брака, должен был быть крещен в православие, дети польских профессоров, сохранив фамилию отца, считали себя русскими[24].

---

[21] Гарзавина А.В. "В Казань, профессору К.Ф.Фуксу...". Казань, 1987.
[22] Боборыкин П. За полвека. Из воспоминаний. М., 2002. С.80 – 81; Вагнер Н.П. Воспоминания об Александре Михайловиче Бутлерове// Бутлеров А.М. Статьи по медиумизму. СПб., 1889. С.IV.
[23] НАРТ, ф. 977, оп. "Ректор", д. 548; 543; 1023; ф. 92, оп. 1, д. 5315.
[24] Залеский В.Ф. Опыт характеристики. Харьков, 1914. С. 3 – 4.

Детский праздник

Женами университетских преподавателей мусульманского исповедания, как правило, становились дочери казанских купцов. Для заключения такого брака не требовалось свидетельства с места службы. Поэтому университетская корпорация получала сведения о мусульманских женах своих коллег либо в результате их жалоб на поведение супруга, либо после смерти преподавателя, когда решался вопрос о том, кому из жен ушедшего платить пенсию и сколько[25].

Вероисповедание и достаток – дело, безусловно, важное, но для большинства университетских профессоров главной заботой и желанием было иметь рядом с собой женщину, уважительно относящуюся к его ремеслу. Глядя на свою постаревшую супругу, профессор медицины, герой повести А.П.Чехова "Скучная история", недоумевал: "Неужели эта женщина была когда-то той самой тоненькой Варею, которую я страстно полюбил за хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту и, как Отелло Дездемону, за "состраданье" к моей науке?"[26]. Именно эти требования к будущей спутнице жизни были, видимо, причиной того, что университетская история почти не знает случаев женитьбы профессора или доцента на купеческой дочери или на дочери фабриканта. По мере роста университетской корпорации браки в ней становились более корпоративными. Университетские преподаватели женились на сестрах своих бывших сокурсников и учеников, на дочерях коллег и учителей, на про-

[25] Такие дела были заведены в связи с разводом, а потом смертью лектора персидского языка Мир Абуталиб Мир Моминова (см.: НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 5452), а также в связи с семейной ссорой супругов Хальфиных (см.: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819). Рассказы по архивным документам. СПб., 1904. Ч.2. С. 368 – 369).

[26] Чехов А.П. Скучная история// Чехов А.П. Степь. Повести. Рассказы. М., 1980. С.146.

Рождественская елка

фессорских вдовах[27]. Во времена, когда женское образование еще не получило широкого распространения, дочери университетских профессоров, сестры университетских адъюнктов и магистров оказывались чуть ли не единственными представительницами женского пола, кто был в состоянии разделить с университетским мужчиной его веру в ценность науки и просвещения, понять его беззаветное поклонение истине, согласиться с непомерными для семьи тратами на книги. Дети, выросшие в университетской среде, подсознательно впитывали в себя уважительное отношение к научной и педагогической работе преподавателя, с детства получали навыки общения со студентами и педагогами. И как бы не складывались эмоциональные отношения выросшей в такой обстановке девушки с ее супругом, она могла создать для мужа благоприятные условия, способствовавшие его профессиональному и карьерному росту.

[27] Рассказывая о преподавателях 1840-х годов, Янишевский поведал о семейной дружбе трех профессоров, приехавших в Казань после научной стажировки в Берлинском университете. Перенесенные в молодости невзгоды и общность памяти связали их узами тесного общения на всю оставшуюся жизнь. Впоследствии, когда старшая дочь Котельникова стала женой профессора Троцкого, дружба была скреплена семейными узами (см.: Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С. 93).

Эмоциональным центром большинства университетских семей были дети. Многие казанские профессора являлись многодетными отцами, воспитывая в среднем по 4 – 5 детей. Как правило, и преподаватель, и его супруга отличались чадолюбием и демонстрировали это окружающим. Они сами воспитывали потомство, нанимая для ухода за детьми няню, а для подросших сыновей – репетиторов-студентов, тем самым, предоставляя последним средства к существованию или "стол"[28]. Малышей водили на университетские праздники, крестили и причащали в университетской церкви. В конце XIX в. многие университетские семьи устраивали музыкальные и литературные вечера для детей[29].

С самого детства профессорские сыновья и дочери были погружены в атмосферу университета, жили его интересами и ритмом. Каждому ребенку старались дать образование, оделить тем символическим капиталом, которым владел отец. С течением времени университетская корпорация Казани стала тяготеть к наследственности, так что ее история наполнена научными династиями профессоров Вагнеров, Васильевых, Догелей, Зайцевых, Залеских, Ковалевских, Лукашевских, Мельниковых, Петровских, Сорокиных, Фирсовых, Фойгтов, Эверсманов, Янишевских.

Как правило, характер семейных отношений определялся мужчиной. Его занятия были тем стержнем, который задавал уровень, темп, стиль жизни всех домочадцев, их формы и интенсивность общения с окружающими. Прочтение мемуарных свидетельств и переписки университетских людей позволяет выделить два доминирующих типа семей.

В тех случаях, когда профессор был ярко выраженным лидером и реализовавшимся в университетской среде человеком, его семья оказывалась открытой для членов университетского сообщества. Жены таких преподавателей нередко играли роль главы дома, хозяйки салона. Супруга профессора, особенно если он становился деканом или ректором, должна была уметь вести беседу с приходящими в дом учеными и учениками, всем своим поведением поддерживая положительный имидж мужа. Нередко, тем самым, она оказывала влияние на административную карьеру супруга. Вовлеченные в жизнь университетской корпорации дети были свидетелями почтительного отношения взрослых к занятиям их отца, гордились любовью к нему студентов. Воспитательное значение имел уже самый "свет из-под двери отцовского кабинета". Не случайно, образ домашнего кабинета запечатлен во многих воспоминаниях университетских детей.

Другой тип семьи создавали люди, воспринимающие университет как зону жесткой конкуренции и противостояния. Семья была для них альтернативным жизненным пространством, тихой пристанью, где можно было отдохнуть от борьбы. Преподаватель стремился отделить и даже изолировать семью от университетской жизни. Это была территория, свободная от академических ритуалов и правил. Супругами таких людей нередко становились женщины "ведомые" – заботливые, ставящие во главу угла интересы мужа, окружающие его вниманием и нежностью, являющиеся как бы тенью своего лучезарного супруга. При этом, жесткие с коллегами и студентами, главы таких семей были удивительно трогательны и заботливы по отношению к женам, чадолюбивы; они ревностно оберегали свое частное пространство от вторжений. Другое дело, что деспотия властного отца, его нереализованные амбиции нередко тяжелым грузом ложились на судь-

---

[28] Сына профессора Ф.Ф.Залеского учили студенты-медики и студент-филолог (см.: Залеский В.Ф. Опыт характеристики. С. 4); Студент-математик А.Князев учил детей профессора Е.Ф.Елачича и жил в его доме (см.: Князев А. // Былое из университетской жизни. СПб., 1904. С. 99).
[29] Попелянский Я.Ю. Профессор Ливерий Осипович Даркшевич. Казань, 1976. С. 104.

Семья Мюфке – Арбузовых

бы детей. Отец возлагал на них непомерно большие надежды, понуждая строить жизнь по предписанному им сценарию.

Брак университетского человека предполагал взаимные моральные обязательства супругов по отношению друг к другу. Их нарушение воспринималось как трагедия. Измена молодой супруги приехавшего в Казань адъюнкта Г.Б.Никольского с его коллегой Е.И.Срезневским стала причиной глубокой депрессии у начинающего ученого и предметом оживленных разговоров в университетской среде. "*Бедный муж был настолько сражен этим открытием, что пострадали его здоровье и разум... Бог знает, чем закончится эта история*"[30], – сокрушался один из его коллег. Такие случаи становились основанием для пересудов и вынесения приговора "изменнику".

Поскольку в императорском университете не было свободных от семьи женщин, а круг внеуниверситетского общения преподавателя был довольно ограничен, случаи измены или внебрачной связи профессора были чрезвычайно редким явлением. Очевидно поэтому, по мнению горожан, преподаватели были хорошими и верными мужьями. Конечно же, это не значит, что семейная жизнь всех университетских мужчин была ясной и безоблачной, наполненной только любовью и согласием. Но в случае неудачного или "исчерпавшего себя" брака эмоциональной отдушиной для преподавателя становились либо студенты и наука (библиотека, лаборатория), либо политика и литературное творчество.

Упоминаемый герой повести А.П.Чехова, стоя за стеной учебной аудитории, волновался, словно влюбленный юноша: "Я, Петр Игнатьевич и Ни-

[30] Письма профессора Ф.К.Броннера к попечителю А.М.Салтыкову// Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его Дневник и Переписка (1758 – 1850). Казань, 1902. Ч.2. С. 305.

колай говорим вполголоса. Нам немножко не по себе. Чувствуешь что-то особенное, когда за дверью морем гудит аудитория. За тридцать лет я не привык к этому чувству и испытываю его каждое утро... Я знаю, о чем буду читать, но не знаю, как буду читать, с чего начну и чем кончу... Никакой спорт, никакие развлечения и игры никогда не доставляли мне такого наслаждения, как чтение лекций. Только на лекции я мог весь отдаваться страсти и понимал, что вдохновение не выдумка поэтов, а существует на самом деле"[31].

Семья Арбузовых

В свою очередь, тяжелый характер того или иного наставника, излишнюю строгость по отношению к ученикам современники часто объясняли семейными неудачами. О чрезмерно жестком профессоре Н.А.Иванове говорили, что его злость порождена неудачным браком с графиней А.С.Толстой[32].

В университетской среде всегда находились мужчины, для которых не любовь к женщине, а наука была подлинной страстью. Для многих университетских людей она оказывалась той зыбкой сферой, где получали удовлетворение амбиции, где подвергалось искушениям самолюбие, где периоды мучительных сомнений сменялись радостью обретения. Ее владения оказывались той иллюзорной реальностью, где университетский человек находил себя, свое признание и реализацию.

Поскольку во второй половине столетия занятие наукой требовало от ее преданных поклонников всего времени, всех сил и даже материальных средств, то любовь и семья стали рассматриваться в университетской среде как помеха, а то и как неодолимое препятствие для научной карьеры. Не случайно А.М.Бутлеров советовал своему ученику не торопиться с женитьбой. "*Меня он,* – вспоминал П.Д.Боборыкин, – *считал самым верным идее науки, желанию идти дальше, не довольствоваться степенью кандидата камеральных наук, и он неспроста повторял мне, чтобы я не торопился жениться*"[33]. Сам Бутлеров женился рано, едва став магистром. Но его, в силу крепкого материального положения, не заботил "оклад". Большинство же молодых преподавателей, желавших научной реализации, женились поздно, получив профессорское звание, признание и соответствующее жалование. Иногда их избранницам приходилось ждать дня свадьбы несколько лет. Не каждая девушка, полюбившая молодого ученого, могла это себе позволить: ведь такого рода ожидание было сопряжено и с риском разочарования, и с сопротивлением воле родителей.

---

[31] Чехов А.П. Скучная история. С.152 – 153.
[32] Корсаков Д.А. Иванов Николай Алексеевич... СПб., 1897. С. 25.
[33] Боборыкин П.Д. За полвека. С. 81.

Профессорская семья

В действительности, трудно сказать, насколько семья мешала научной карьере. История университетской науки представлена разными биографиями. Некоторые ученые женились вскоре по окончании университета, некоторые обрели семью в зрелом возрасте. Но, оказавшись перед выбором – любимая женщина или наука, университетские мужчины почти всегда делали его в пользу долгосрочной, неистребимой страсти к знанию. *"Один как перст,* – писал современник о профессоре анатомии Е.Ф.Аристове, – *без семьи и друзей, весь беззаветно преданный истине"*[34]. Судьба карала их за это одиночеством, которое они испытывали, даже находясь среди множества людей, но утешала радостью научного признания, любовью учеников. Научное творчество вбирало в себя всю энергию и эмоции молодых преподавателей, и в жизни неженатых мужчин проститутки выполняли функцию суррогатных жен, давая отдохновение усталому телу. Регулярное обращение к их услугам оказывалось чреватым для здоровья, а в некоторых случаях и для жизни молодых и талантливых ученых Казанского университета[35].

Конечно, речь идет о средних показателях и общих тенденциях, выявленных на основании огромного и разнородного источникового материала за целое столетие. Эти тенденции складывались из непростых судеб конкретных людей. Чтобы представить дух времени и границы нормы, имеет смысл прочесть хотя бы две "персональные истории", характерные для университетской жизни начала и конца столетия. Материалы одной из них были опубликованы в 1887 г. Н.Н.Буличем[36]. Это тексты служебных писем и выступлений участников профессорского совета, посвященных разбору обстоятельств брака молодого немецкого ученого Х.Ф.Френа. В 1811 г. его женитьба на служанке спровоцировала бурное обсуждение в университетской корпорации двух острых вопросов: о пределах автономии личной жизни университетского педагога и о "приличных" ему мотивах вступления в брак.

Фабула истории такова. В ноябре 1811 г. в Петербург к С.Я.Румовскому пришло два письма от казанских профессоров. Сообщая попечителю о своем бракосочетании, Френ писал: *"Брак мой доставляет мне величайшее личное счастье, а это, конечно, главное"*. Автор другого послания, директор университета И.Ф.Яковкин, комментировал это событие иначе: *"Наши иностранные чудаки,* – иронизировал он, – *не перестают проказами своими наносить университету новые причины к бесславию и нареканию"*. Честь

[34] Волжский странник. Волжская библиотека. Н.– Новгород, 1899. С. 14.
[35] НАРТ, ф. 977, оп. "Ректор", д.1017.
[36] Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819). СПб., 1904. Ч.1. С.184 – 190.

Семья профессора М.Казем-Бека

заведения, по мнению директора, была задета нравственным обликом невесты. Представляя попечителю свою супругу, Френ признавался: *"Давно уже познакомился я с одною девушкою немкою, урожденкою Москвы; и увидел, что она соединяла в себе все те хорошие свойства, которые необходимы для брачной жизни. Я нашел в ней скромность и умеренность, простоту и нелюбовь к роскоши; она думает только о домашнем хозяйстве и в нем совершенно опытна... Найдя в душе этой девушки полную гармонию с моею, чего я напрасно искал в других, и глубокую любовь ко мне, я нисколько не поколебался предложить, в доказательство неизменной любви своей, руку ей"*. Яковкин же преподносил мотивы Френа вступить в законный брак следующим образом: *"Некогда я имел честь донести Вашему Превосходительству, что у последнего (Френа) жила публичная блудница, непотребствовавшая прежде у многих как у немцев, так и русских, пришедшая к нему с кузовом и вытряхнувшая у него мальчика, признанного от Френа сыном"*.

Обсуждение обстоятельств данного брака раскололо университетскую корпорацию на две части. Одни одобряли и поддерживали поступок Френа, другие – негодовали и протестовали. Так, вместе с письмами, Румовский получил заявление от профессора Финке, уверявшего, что он *"не может сидеть рядом с человеком, который браком своим, позорным для профессора, нанес оскорбление университету"*. И, раз речь зашла о сословной чести, то *"рассуждение о свойствах брака профессора, о нравственных качествах той, которую он пред алтарем назвал своею женой"*, было вынесено на обсуждение специального заседания совета.

На нем с обширным докладом на латинском языке выступил авторитетный педагог, опытный в решении конфликтных ситуаций, профессор Ф.К.Броннер. Он настаивал на том, что брак Френа не может служить основанием для лишения его гражданской чести. *"Честь университета зависит вовсе не от тех или других профессорских браков, а от познаний, нравов и честности самих его членов"*, – убеждал он. Более того, Броннер считал, что профессор должен противопоставить ханжеской морали обывателей представления об "истинном" долге и подлинно "высокой" нравственности: *"Никто, полагаю, не станет отрицать ни достоинств, ни известности г.Френа в науке,* – внушал он собравшимся, – *но и нравственности и честности его этот брак служит доказательством... Он мог, конечно, последовать жалкому, обыкновенному и довольно употребительному примеру людей развращенных... Но он поступил благородно, справедливо, гуманно; честность его одержала победу над ложным стыдом, презрев ничтожные сплетни"*.

Отец и сын:
профессора Петровские

Собственно, для семейной жизни будущего прославленного академика, ориенталиста Френа эти словопрения значения не имели. Он сделал свой независимый от мнения коллег выбор и создал свой дом. Для университетской же культуры эта история имела долгосрочные последствия. "Демократия не самая приятная вещь, но лучше ее еще никто ничего не придумал". То, что приходилось отстаивать, доказывать, защищать в конфликтных и в небезупречных с этической точки зрения ситуациях в начале столетия, в его конце стало нормой жизни. Тот же Булич, спустя 70 лет после описываемых событий, комментировал брак Френа "как возможный всегда для людей занятых и преданных делу, но не утративших естественных человеческих потребностей". В отличие от профессоров Александровской эпохи, его смущало не добрачное прошлое супруги Френа, а то, что ученый решился связать свою жизнь с "неравноправной подругой, которая могла бы разделять его умственные интересы и стремления, а с хозяйкой или, как тогда выражались, – домоводкой"[37]. Это университетскому человеку конца столетия было непонятно.

В те годы нормальным казался уже совершенно иной тип супружеских отношений. Молодая жена профессора слависта М.Н.Петровского, Эмма Генриховна Ге, была дочерью учителя гимназии. Выйдя в 19 лет замуж, она полностью разделила интересы и образ жизни супруга. На протяжении всей своей долгой жизни (1840 – 1926?) Эмма Генриховна была безотлучно при муже во всех его многочисленных командировках и экспедициях, поддерживала переписку с его коллегами и друзьями из разных стран, делала для него выписки из архивов и библиотек, сама изучила в совершенстве чешский язык и стала профессиональной переводчицей чешской литературы. Примечательно, что когда в 1876 г., при активном участии профессоров Казанского университета, открылись Высшие женские курсы, среди первых слушательниц были многие профессорские дочери и жены, в том числе и Петровская.

Семья Петровских, так же как профессорская семья их родственников Ге, не была многодетной и отличалась большой отеческой преданностью. После рождения сына свои интересы родители полностью подчинили его воспитанию, образованию и профессиональному становлению. Нестор пошел по стопам отца. Совместные научные поездки, общие друзья и коллеги, заботы о приобретении книг и рукописей, о лекциях и студентах – все это еще более скрепило семью. Естественно, что сын стал преемником отца по кафедре славянской

[37] Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819). Ч.1. С. 184.

Профессорское чаепитие

филологии. Вспоминая Эмму Генриховну, ее внучка писала: *"Удивительная преданность мужу и сыну, исполнение жизненного долга, деятельное участие в духовной жизни подчеркивают в натуре Э.Г. житейскую мудрость и незаурядный ум"*[38]. Видимо, это то, что наследовали девочки из университетских семей.

На представлениях университетских мужчин о семье сказывались не только их личные приоритеты, но и общественные стереотипы. Так, в Александровскую эпоху, когда любые социальные отношения прочитывались в категориях семьи, апелляция к семейным интересам, ценностям, нуждам пронизывала тексты с политической, художественной, публицистической семантикой. В те времена для многих образованных людей удобство и комфорт частной жизни стояли на первом месте. Именно они являлись символами свободы и индивидуальности, именно в этой сфере человек раскрепощался и реализовывал себя.

Семья как идеальная форма организации общественной и государственной жизни провозглашалась и правительством Николая I. Но ее смысл и назначение изменились. В 1830 – 1850-е годы семья перестала быть частным делом индивида. Само государство претендовало на роль большой, подлинной семьи для каждого подданного. Его интересы он должен был ставить выше интересов личных. В этой связи служебная сфера человека вышла на первый план и была противопоставлена его частной жизни.

Это подтверждают и утверждения членов университетского профессорского совета, зафиксированные в протоколах. Приведем лишь один пример. На заседании совета 1823 г. решался вопрос о том, кому поручить преподавание славянского языка. Вакансия образовалась неожиданно, и найти подготовленного специалиста было сложно. Между тем, у всех преподавателей имелась своя и немалая нагрузка, домашние проблемы, научные или материальные интересы,

[38] Петровская М.Н. О моих предках (с документальными приложениями)// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10007, л.115.

Пригласительный билет

а потому желающих добровольно и без вознаграждения взяться за дополнительные занятия не нашлось. Когда же члены совета стали настаивать на том, чтобы поручить данный курс Г.И.Суровцову, тот заявил, что *"и до сего времени возложенные на него обязанности весьма тяжки, что он не ... (не разборчиво) и что не хочет прежде времени издохнуть"*. Показательно, что возразил ему ректор. *"Служба,* – парировал Г.Б.Никольский, – *заставляет иногда и ночи не спать, что и с (Суровцовым) это может случиться"*[39]. В структуре социальных ценностей николаевского времени частная жизнь медленно, но неумолимо оттеснялась на второй план.

Менялись поколения университетских людей, а тенденция дискриминации частной сферы становилась все более отчетливой. К концу XIX столетия профессор олицетворял собой не только служителя науки, производителя чистого знания, но претендовал на роль беспристрастного выразителя интересов и чаяний общества. И потому с точки зрения университетского человека начала XX в. было совершенно естественно, что для него на первом месте стоит не столько служебная, сколько публичная миссия. Эксплуатируя это чувство, правительство побуждало преподавателей брать на себя не только выполнение "штатных" обязанностей, но и бескорыстно участвовать в общественных организациях, "сближаться" со студентами во внеслужебное время[40]. Частная сфера жизни профессора рассматривалась его современниками как нечто малозначительное, а им самим – как дань человеческим слабостям.

Специфика университетской корпорации состояла и в том, что студенты олицетворяли в университетской семье младшее поколение, поколение детей. Возрастная дистанция закладывала некую дискриминационную по отноше-

[39] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 4019, л. 51.
[40] НАРТ. ф. 977, оп. "Ист.фил.фак.", д. 1177, л. 5.

нию к воспитанникам линию поведения педагога. Ведь с точки зрения взрослых мужчин молодость их учеников была сопряжена не только со здоровьем и радостью, но и с наличием в них определенной умственной и нравственной ущербности. В юношах 15 – 19 лет их учителя подозревали ограниченную дееспособность, и потому регламентации и контролю подлежала не только сфера профессиональной, но и бытовой жизни университетского воспитанника. В университетской драматургии мужчины-преподаватели играли роль агентов социального контроля над юношами-студентами. Старшие определяли пространство нормального и аномального, соотношение проступка и наказания, уровень допустимого вмешательства в частную жизнь младших.

Так случилось, что в 1814 – 1817 гг. инспектором казеннокоштных студентов в Казанском университете был воспитанник монахов-иезуитов профессор Ф.К.Броннер. Все эти годы он вел подробный дневник наблюдений, в котором фиксировал казусы и записывал размышления о повседневной жизни воспитанников. Благодаря этому появился уникальный документ, в котором размечено пространство нормы и "не-нормы" студенческой жизни.

Прежде всего профессора беспокоила нравственность проживающих в университете юношей. О ее состоянии Броннер судил по целомудренному и добродетельному поведению студента. Речь не шла о женщинах. Они фигурировали на страницах дневника либо в качестве жен преподавателей, либо в качестве прислуги. В тексте они были безмолвны и страдательны, но не вызывали симпатии автора, так как служили источником вечного соблазна для университетских мужчин. Директор, ректор и попечитель следили за тем, с кем живут преподаватели, а инспектор лично отвечал за то, чтобы женщина никогда не появлялась в студенческих камерах. Ее нахождение там воспринималось как эксцесс, и он вызывал бурную, порой несдержанную реакцию[41].

Как правило, на хозяйственные работы в университет старались принимать пожилых и некрасивых женщин. Принимая такое решение, профессора ссылались на заботу не только о студентах, но и о молодых особах, которым пришлось бы выносить нападки и агрессию несдержанных юношей[42]. Женщины были маргинальным явлением в университетской жизни и потому вынужденно принимали навязанные им мужские правила общежития.

Гораздо большую озабоченность университетского инспектора, а вслед за ним и других членов профессорского совета, вызывала проблема распространения гомосексуальных отношений среди воспитанников. О том, что "содомский грех", по терминологии того времени, имел широкое хождение среди студентов, свидетельствовали записи в "Книге о поведении студентов", письма профессоров, прошения воспитанников к ректору.

Судя по всему, в первой четверти XIX в. такие отношения между юношами не были делом чрезвычайным, а содомиты не вызывали удивления и возмущения. Явления гомосексуализма воспринимались современниками подобно проявлениям болезни. Они вызывали сожаление у преподавателей, отвращение у не вовлеченных в такие отношения сокурсников и страх у ро-

---

[41] Так, поэтический и морализирующий профессор Ф.К.Броннер при виде молодой кухарки, сидящей на кровати студента, разразился ругательствами и вытолкнул женщину из комнаты пинками (см.: Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера (1810 – 1817) // Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его Дневник и Переписка (1758 – 1850). С. 137).

[42] В "Книге о поведении" не раз встречаются свидетельства студенческих притеснений по отношению к молоденькой служанке профессора Брейтенбаха: "Пьяные студенты Дмитрий Соловьев и Уфимцев грубо обошлись со служанкой проф. Брейтенбаха", "В 2 часа пополудни прибежала ко мне служанка проф. Брейтенбаха с жалобой на студента Базилева-младшего, что он в отсутствие профессора вошел в его спальную и стал приставать к ней, но когда она отказала, он надавал ей пощечин" (Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера (1810 – 1817). С.177, 187).

Студенческий бал в Дворянском собрании

дителей. Выявленных "больных" следовало изолировать, дабы не "заразить" здоровых. Сама ситуация мужского общежития с довольно строгой изоляцией от мира, соответствующие тенденции в отечественной культуре того времени делали вариант гомосексуальных отношений возможным и распространенным явлением в учебных заведениях пансионного типа. Иначе к таким явлениям в частной жизни студентов власти и педагоги стали относиться с середины 1820-х годов. Если раньше студентов журили, сажали в карцер, в особо тяжелых случаях исключали из университета, то теперь провинившихся в пристрастии к содомии юношей отправляли в солдаты[43].

Тем не менее, жесткие меры не искоренили гомосексуализм окончательно. Обстановка комнат, в которых в конце 1830-х годов проживало по 8 – 15 человек (а впоследствии и больше), создавала много неудобств. "Инструкция", разработанная в 1835 г., признавала, что *"учащиеся в университете большею частию в тех летах, когда воображение, страсти и самые физические силы достигают высшего периода развития"*. Потому инспектору предписывалось строго следить "за пороком и развратом" среди воспитанников. Попечитель предупреждал преподавательскую корпорацию, что власти не потерпят гомосексуализма среди студентов "даже при отличных их способностях и успехах". Впрочем, спустя 20 лет, его преемник вынужден был признать безуспешность предпринятой тогда борьбы. *"Настоящее положение казенных студентов,* – писал он в 1856 г., – *имеет следующие невыгоды: молодые люди по большей части разного образа мыслей и различных наклонностей, собранные (общим числом около 80 человек) в ограниченном помещении, взаимно стесняют друг друга в своих занятиях"*[44]. Жесткий

[43] Собственно, министерское распоряжение по этому поводу было сделано еще в 1811 г., но до начала 1820-х годов им не пользовались. Первыми пострадавшими стали студенты-медики Дмитриевский, Левенгов и студент словесного отделения Бовин. За ликер из кондитерской лавки юноши поплатились солдатской службой. Впрочем, после увольнения в 1826 г. Магницкого все трое были реабилитированы как "понесшие незаслуженно суровое наказание" (см.: РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 119).

[44] РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 74, л. 14.

Аллегория Нового года

контроль над личной жизнью, ограничения в передвижении, общении, отсутствие автономии сосуществования сами по себе провоцировали девиантное поведение. Добиваясь от министерства разрешения ликвидировать университетский пансион, попечитель доказывал, что студенты, *"живя на частных квартирах, и, будучи более причастны к семейной жизни, всегда благотворной для молодых людей их возраста, отклонялись бы от вредных увлечений, происходящих от их изолированного положения"*[45].

Тема частной жизни почти полностью отсутствует в мемуарной литературе, созданной студентами. Их воспоминания представляют собой событийную автобиографическую летопись, описание мужских форм взросления и самоутверждения. Историю студенческих эмоций и страстей раскрывают их песни и стихи. Вино и женщины были главными персонажами студенческого стихотворчества. До некоторой степени они, вернее, их наличие, являлись частью студенческой субкультуры.

Кто к рому и водке
Не индифферент,
Кто счастлив с красоткой,
Тот истинный студент![46] –

гласила популярная среди университетских воспитанников песенка.

Героиня студенческой лирики – не эфемерная "прекрасная дама", а существо из плоти и крови. Она плачет, целует, шепчет, смеется. Любовь к ней студента основана, как правило, на физическом влечении. Соответственно, хорошенькое личико было предпочтительнее душевной красоты. Осознавая себя школярами, бродягами, повесами, студенты предпочитали видеть рядом с собой девушек легкого поведения. И связывало их с ними не только

[45] РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 74, л. 14.
[46] Аристов А.П. Песни казанских студентов. 1840 – 1868. СПб., 1904. С. 70.

единение тел, но и родство несчастных судеб, умение радоваться сегодняшнему дню и ощущение беспросветности будущего.

О чем грустишь ты, дочь порока,
О чем горючи слезы льешь,
Уже ль удары злого рока
Впервые в жизни узнаешь?

Так точно было и со мною:
Не раз отчаянье, тоска
Владели всей моей душою...[47]

То, что это не поэтический миф, свидетельствуют сохранившиеся воспоминания. Мемуаристы рассказывали, что в начале 1850-х годов многие своекоштные воспитанники обитали в "акчуринских квартирах с нумерами, в которых студенческая братия проживала вперемешку с особами прекрасного пола и легкого поведения"[48]. Эта привычка сохранилась и в дальнейшем. Описывая в "Моих университетах" знаменитую казанскую "Марусовку" 1880-х годов, А.М.Горький сообщал: *"Я поселился в странной, веселой трущобе - "марусовке", вероятно, знакомой не одному поколению казанских студентов. Это был большой полуразрушенный дом на Рыбнорядской улице, как будто завоеванный у владельцев его голодными студентами, проститутками и какими-то призраками людей, изживших себя"*[49].

В XIX в. университетский юноша не был полноправным участником брачного рынка. Он еще не служил, не имел устойчивых средств к существованию и не рассматривался городскими обывателями в качестве потенциального жениха для дочери. Потому в домах добропорядочных горожан "бедный студент" редко мог найти себе подругу. Его любовь к "домашним" барышням могла быть только запретным, сорванным в тайне плодом. Собираясь "гуртом" и подогрев себя вином, студенты затягивали:

В одной знакомой улице,
Я помню старый дом.
С высокой темной лестницей,
С завешенным окном.

Никто не знал, какая там
Красавица жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла.

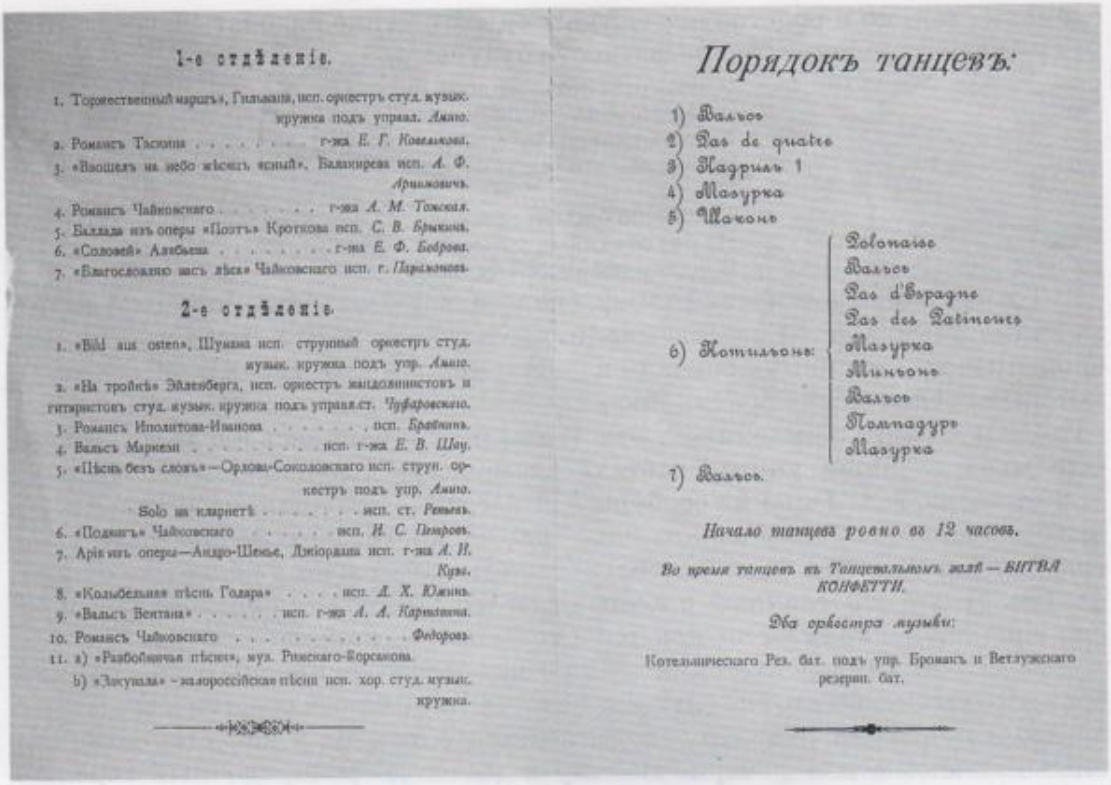
Как не по-детски, пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
"Мой милый, убежим!..."[50].

"Правила для учащихся университета" предписывали за "доказанное обольщение девицы беспорочного поведения" изгонять молодца из университета и предавать его уголовному суду. И коль такая статья наказания имелась, то имелись и подвергшиеся ему. Такова природа всех правил.

Мемуарные свидетельства подтверждают куртуазные настроения казанских студентов. *"В наше время,* – вспоминал П.Д.Боборыкин о середине 1850-х годов, – *дико было представить себе женатого студента; и в Казани, и еще более в Дерпте, кутилы или зубрилы – все одинаково далеко стояли от брачных мыслей, смотрели на себя как на учащихся, а не как на обывателей в треуголках с голубым околышем"*[51].

---

[47] Аристов А.П. Песни казанских студентов. С. 42.
[48] Лебедев В.А. Учебные воспоминания// Русская старина. 1908. № 7. С. 33.
[49] Казань в художественной литературе. Казань, 1977. С. 97.
[50] Аристов А.П. Песни Казанских студентов. С. 69.
[51] Боборыкин П. За полвека. С. 81.

1-е отдѣленіе.

1. Торжественный маршъ», Гильмана, исп. оркестръ студ. музык. кружка подъ управл. *Амато.*
2. Романсъ Татьяны . . . . . г-жа *Е. Г. Комиссаровой.*
3. «Вошелъ на небо жёлтый, ясный», Балакирева исп. *А. Ф. Аринковичъ.*
4. Романсъ Чайковскаго . . . . . г-жа *А. М. Томсонъ.*
5. Баллада изъ оперы «Поэтъ» Кроткова исп. *С. В. Брыкинъ.*
6. «Соловей» Алябьева . . . . . г-жа *Е. Ф. Боброва.*
7. «Благословляю васъ лѣса» Чайковскаго исп. г. *Парамоновъ.*

2-е отдѣленіе.

1. «Bild aus osten», Шумана исп. струнный оркестръ студ. музык. кружка подъ упр. *Амато.*
2. «На тройкѣ» Эйленберга, исп. оркестръ мандолинистовъ и гитаристовъ студ. музык. кружка подъ управл. ст. *Чуфаровскаго.*
3. Романсъ Ипполитова-Иванова . . . . . , исп. *Брабецъ.*
4. Вальсъ Маркези . . . . . исп. г-жа *Е. В. Шау.*
5. «Пѣснь безъ словъ»—Орлова-Соколовскаго исп. струн. оркестръ подъ упр. *Амато.*
   Solo на кларнетѣ . . . . . исп. ст. *Ремезъ.*
6. «Подвигъ» Чайковскаго . . . . . исп. *И. С. Петровъ.*
7. Арія изъ оперы—Андро-Шенье, Джіорадна исп. г-жа *А. И. Кузи.*
8. «Колыбельная пѣснь Голара» . . . . исп. *Д. Х. Южинъ.*
9. «Вальсъ Бенгала» . . . . . исп. г-жа *А. А. Карпинина.*
10. Романсъ Чайковскаго . . . . . *Федоровъ.*
11. а) «Разбойничья пѣсня», муз. Римскаго-Корсакова.
    b) «Закувала» - малороссійская пѣсня исп. хор. студ. музык. кружка.

Порядокъ танцевъ:

1) Вальсъ
2) Pas de quatre
3) Падэпань 1
4) Мазурка
5) Шаконъ
6) Котильонъ:
   - Polonaise
   - Вальсъ
   - Pas d'Espagne
   - Pas des Patineurs
   - Мазурка
   - Миньонъ
   - Вальсъ
   - Полпадуръ
   - Мазурка
7) Вальсъ.

Начало танцевъ ровно въ 12 часовъ.

Во время танцевъ въ Танцевальномъ залѣ — БИТВА КОНФЕТТИ.

На оркестра музыки:

Котельническаго Рез. бат. подъ упр. Бровацъ и Ветлужскаго резерв. бат.

Программа студенческого вечера

Во время застолий и празднеств студенты воспевали свободу, преданность Бахусу и Венере.

Нет, не в силах, красные,
Вас я разлюбить,
Не хочу красавиц всех
На одну сменить[52].

И уж если выстраивать иерархию ценностей, то вино и студенческое братство ставилось гораздо выше любовных привязанностей. *"Вообще, сентиментального оттенка в чувствах к другому полу,*– вспоминал П.Д.Боборыкин, – *замечалось очень мало. О какой-нибудь роковой истории, вроде самоубийства одного или обоих возлюбленных, никогда и ни от кого я не слыхал"*[53]. И, крепя друг в друге презрение к романтическим отношениям, студенты громко запевали:

Вина, вина скорей сюда!
Пускай блаженство разольется,
Нам рюмок звонкий поцелуй
Милей и краше юной девы[54].

С открытием при Казанском университете Повивального института (1862 г.), а затем Высших женских курсов (1876 г.) у университетских юношей появилась возможность легального общения с образованными сверстницами. Мемуаристы вспоминают совместные гуляния с курсистками, переписку и дружбу с ними. Учившийся в 1870-е годы В.И.Разумовский припоминал, что впоследствии из этих компаний образовалось несколько семейных пар[55].

---

[52] Аристов А.П. Песни казанских студентов. 1840 – 1868. С. 51.
[53] Боборыкин П.Д. За полвека. С. 81.
[54] Аристов А.П. Песни казанских студентов. 1840 – 1868. С. 63.
[55] Разумовский В.И. Медицинское образование и жизнь студентов 70-х гг. в Казани// Вестник хирургии и пограничных областей. Л., 1929. Т.XVIII. Кн.54. С.18 – 19.

Впрочем, браки в студенческой среде были редкостью и во второй половине столетия. Но если для начала века причина безбрачия состояла в молодости университетских воспитанников (12 – 23 года), то впоследствии ситуация изменилась. Студенчество Казанского университета к концу столетия заметно возмужало. Проводя анкетирование своих сокурсников по юридическому факультету, Н.Астров фиксировал возрастные параметры респондентов в диапазоне от 18 до 38 лет[56]. Это была уже иная возрастная группа.

Соответственно, если ранее вопрос о создании студенческой семьи не был актуальным, то теперь правительство всерьез озаботилось данной проблемой[57]. Судя по всему, власти никак не могли решить: семья для студента – это хорошо или плохо? Обсуждению данного вопроса была посвящена обширная переписка чиновников министерства и университета. Примечательно, что, несмотря на меняющиеся аргументы, по данному вопросу всегда выносился один и тот же вердикт: запретить студентам иметь семью и не принимать в университет женатых мужчин[58]. По мнению чиновников, университетским воспитанникам не следовало вступать в брачные отношения по причине их повсеместной бедности, загруженности учебой и самостоятельной исследовательской работой, а также из-за юношеской легкомысленности. Исключения делались, но по специальному решению министерства[59]. В 1889 г. из 856 студентов Казанского университета семью имели только 53 человека, т.е. 6,2%, 7 из них поступили в университет, будучи женатыми, а 46 обвенчались во время студенчества[60]. Судя по донесению инспектора П.Кочкина,

[56] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 7294.
[57] НАРТ, ф. 977, оп. "Совет", д. 5522.
[58] Там же, д. 6708.
[59] НАРТ, ф. 977, оп. "Совет", д. 6675.
[60] Там же, д. 9884, л. 3. В студенческие годы женился Н.А.Головкинский, будущий профессор Казанского и Новороссийского университетов. Семьи жениха и невесты были довольно обеспеченными, соответственно, молодой супруг мог завершить образование и посвятить себя науке.

их опыт жизни не был удачным. Обеспеченными являлись менее половины семейных студентов, остальные же еле сводили концы с концами и часто обращались за "вспомоществованием".

В отличие от вопроса о браке, "любовная" тема в документах официального производства не зафиксировалась, и она почти полностью отсутствует в сохранившихся воспоминаниях и письмах. К тому же не сохранились образцы фольклорного творчества за этот период. Поиск в данном направлении неожиданно оказался результативным при изучении периодики. На ее страницах тема любви связывалась с проблемой суицида и проституции в студенческой среде. Судя по появлявшимся сообщениям, а главное, по комментариям к ним, в 1870 – 1890-е годы влюбленность была табуированным чувством среди университетских воспитанников. А потому внезапно оборвавшаяся жизнь студента-физика расценивалась его сокурсниками, как сценарий, где любовь к женщине – это путь к смерти[61]. В их суждениях гибель товарища была запрограммирована с самого начала, поскольку вообще любовь сопряжена с жертвой. Другое дело, чему и кому эта жертва предназначалась. Осуждавшие погибшего юношу сверстники считали единственно достойной любовь к народу, к чему - то абстрактному и глобальному. Жертва, принесенная на алтарь такой любви, казалась им благородной. Любовь же к реальной женщине представлялась чем-то аномальным в силу недостойности объекта поклонения.

Сопоставив представления студентов с установками власти и университетских чиновников, становится ясным, почему дискриминационные меры, ограничивающие свободу частной жизни, не вызывали сопротивления в студенческой среде. Распоряжения начальства, воспрещающие брак, истолковывались учившимися в университете молодыми мужчинами как проявление отеческой заботы, очерчивание вокруг них "заговоренного круга", спасающего от соблазна мещанством, искушения обывательщиной.

Согласно понятиям тогдашней молодежи, жизнь уважающего себя мужчины должна была быть лишена эмоций и привязанностей, а удовлетворение сексуальных потребностей следовало получать в соответствующих заведениях за плату. Поэтому во второй половине столетия столь частыми стали посещения студентами публичных домов. Юноши, прибывшие на учебу в Казань из разных городов востока и юга России, проходили здесь не только школу знаний, но и "школу жизни". В этом отношении город предоставлял большие возможности. Дело в том, что большую часть городского населения составляли тогда молодые и зрелые мужчины, приехавшие в губернский центр на заработки из деревень. По данным переписи 1897 г., пришлое население составляло 64,5% жителей Казани[62]. Кроме того, в Казани были расквартированы воинские части, находились мужские лечебные и учебные заведения (госпиталь, гимназии, духовная семинария, академия). Такая "половая" асимметрия задавала специфическую стилистику городской жизни. Спрос рождал предложение, и улицы Казани пестрели вывесками трактиров, портерных, кофейных домов, "биргаловок", кухмистерских, кондитерских, ресторацій. Казань не многим уступала столичным и портовым городам империи по числу проституток и количеству домов терпимости. Особенно популярными в студенческой среде были заведения, расположенные в Суконной слободе на улице Пески. Казанские полицейские называли эту улицу "Калифорнией", намекая на ее доходность[63].

---

[61] Чириков Е. Был ли он прав?// Волжский Вестник. 1887, 18 (30) окт. № 272.
[62] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.XIV. Казанская губерния. СПб., 1904.
[63] Агафонов Н. Казань и казанцы. Казань, 1907. Вып.II. С. 60.

В рассматриваемое время посещение дома под "красным фонарем" стало одной из устойчивых форм досуга казанских студентов. Один из современников в 1900 г. писал: "*Еще в 70-х гг. наша казанская университетская молодежь, в том числе и будущие врачи, собирались гуртом, партиями в публичные дома*"[64]. В такие дни из окон дома терпимости лилась разухабистая студенческая песнь:

Не любить – загубить,
Значит, жизнь молодую.
В жизни рай – выбирай
Себе деву любую!

Проведемте ж, друзья,
Эту ночь веселей,
Пусть студентов семья
Соберется тесней[65].

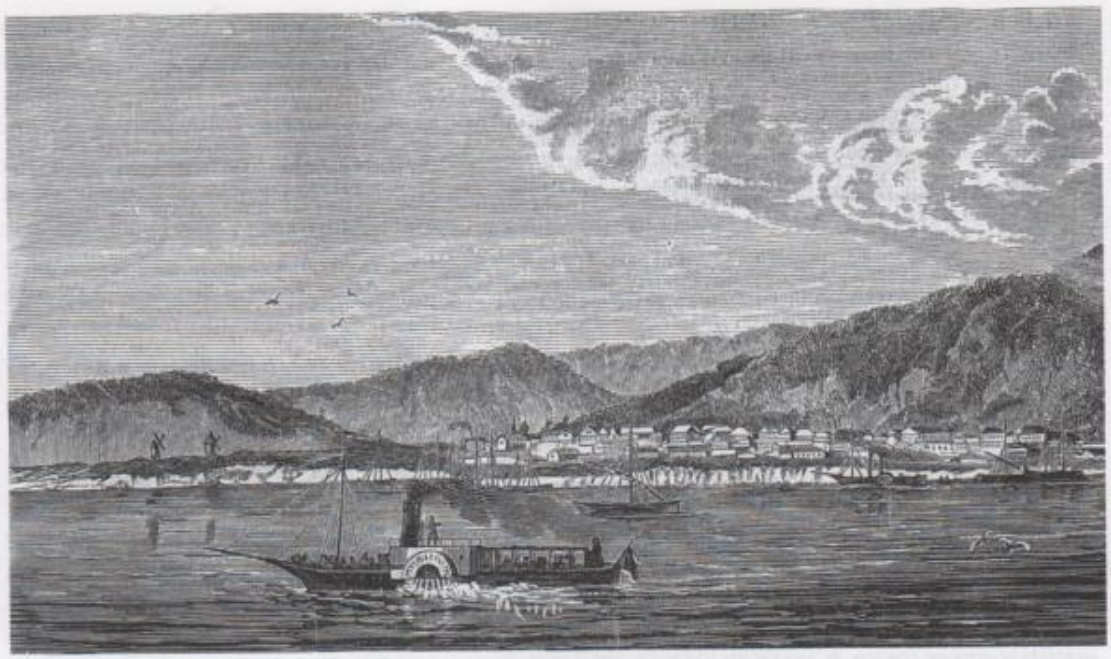
С публичными девушками было беззаботно, необременительно и приятно. Но веселое коллективное времяпрепровождение для многих университетских воспитанников оборачивалось необходимостью длительного лечения. Обличая пороки современной молодежи, приват-доцент университета А.И.Елистратов приводил медицинскую статистику. Из нее явствовало, что "*современное культурное студенчество, по крайней мере, на четверть состоит из лиц, страдающих или болевших венерическими заболеваниями*"[66]. Такая ситуация на рубеже веков была характерна не только для Казани, но и для других университетских городов России, например, для Дерпта.

Из студенческих "самопереписей" начала XX в. явствует, что из 538 опрошенных молодых людей женатыми были только 53 (т.е. 10%), остальные находились в статусе холостяков. Впрочем, на основе анализа полученных ответов автор анкеты пришел к заключению, что еще небольшая часть студентов жила в гражданском браке. Как правило, вести необременительную в плане обязательств, стабильную и безопасную для здоровья сексуальную жизнь могли позволить себе только бывшие гимназисты, выросшие в Казани и имеющие хорошие знакомства в местном обществе. Среди мотивов жениться студенты назвали любовь (72,1%), гигиенические соображения (11,5%), "убеждение, что семейная жизнь лучше холостой" (6,5%), остальные писали об увлечении или экономических основаниях[67].

Непрофессиональная сфера жизни. В силу своего заданного, ритуального характера учебная повседневность, характерная для XIX в., объединяла и уравнивала разных по своему психическому складу людей. Сфера же частной жизни и досуга (так называемая "непрофессиональная жизнь") оказывалась полем для реализации индивидуальных особенностей человека. Именно там преподаватель мог отвлечься от исполняемой им профессиональной роли. И как в семейных отношениях, так и в использовании свободного времени университетская корпорация являла миру два альтернативных варианта организации свободного существования. Одни преподаватели сознательно самоизолировались от социума, избегали общественных форм жизни, как бы "скрывая" от зрителей себя, частного. Это было сделать тем более просто, что, по свидетельству современника, "*жизнь в таком сравнительно небольшом городе, как Казань, при отсутствии лихорадочной суеты больших городов, имела ту хорошую сторону, что давала возможность профессорам свободно отдаваться избранным ими занятиям*"[68]. И этим

---

[64] О проститутах и проститутках// Деятель. 1900. № 12. С. 571.
[65] Аристов А.П. Песни казанских студентов. С. 20.
[66] Елистратов А. К вопросу о судьбе домов терпимости в г. Казани// Деятель. 1900. № 11. С. 513.
[67] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 7294, л. 34.
[68] С.Г. [Глинка] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877 гг.). С. 291.

Пригород Казани: деревня Моркваши

пользовались. Во многих мемуарах содержатся уверения в том, что яркие педагоги и ученые буквально жили в университете или занимались научной работой у себя дома[69]. Как правило, такие свидетельства особенно характерны для текстов, освещающих события второй половины XIX в.

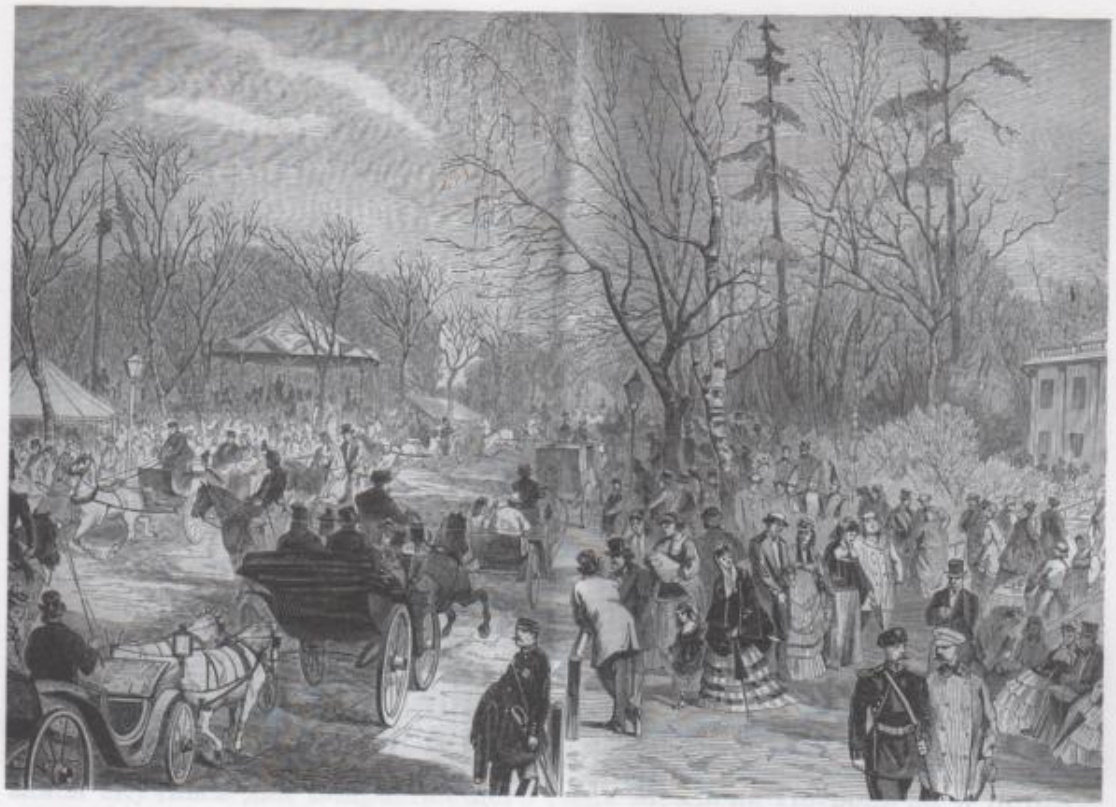
Даже летом, в каникулярное время, университетские люди продолжали работать. Более того, именно в это время, когда не было лекций, практических занятий, утомительной необходимости присутствовать на разного рода научных и административных заседаниях, преподаватель мог полностью посвятить себя научному творчеству. Такая потребность породила специфическое для университетской среды второй половины XIX столетия времяпрепровождение – дачную жизнь. При ограниченных средствах, не позволявших предпринимать дальние путешествия, пригородная дача позволяла поправить здоровье на свежем воздухе, побыть с детьми и, в то же время, использовать обретенную свободу для исследовательской работы. Последнее условие для ученого всегда было очень важно, так как перерыв в размышлениях над темой восполнялся с большим трудом. Описывая летние месяцы, которые в начале XX в. ее семья проводила на даче в Васильсурске, дочь профессора Н.М.Петровского вспоминала отца, склонившегося над рукописями. На даче, также, как и в городской квартире, имелся рабочий кабинет с богатой библиотекой. Единственное удовольствие, которое позволял себе ученый – это купаться в речке Суре и работать не в помещении, а на большом балконе, глядя на проплывающие по Волге пароходы[70].

Стиль жизни университетских преподавателей был нередко контрастным. Для "камерных", по своему психологическому мироощущению, людей сферы учебной и частной жизни разделялись плотным занавесом и отличались одна от другой, как жизнь "фасадная" и "закулисная": одна предназначалась для широкого зрителя, другая – для немногих посвященных. Круг

---

[69] "Аристов по страсти своей к науке, весь отдался своей специальности. Помимо лекций, он почти не покидал анатомического театра", – писал А.А.Малышев (Малышев А.А. В старые годы// Камско-Волжский край. 1896. № 8. С. 2).

[70] Петровская М.Н. О моих предках, л. 162.

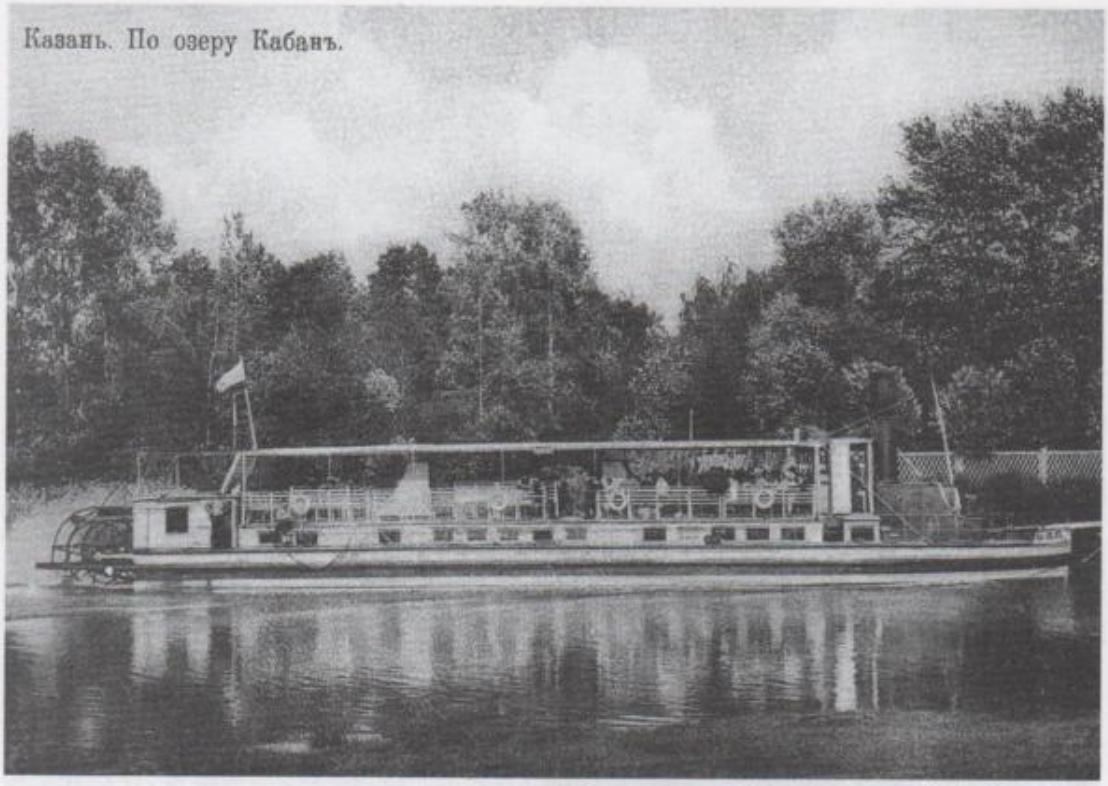

Народные гуляния

общения и интересы ученых выглядели со стороны весьма ограниченными и специфичными. Такая позиция делала человека менее уязвимым: "не ввязываясь" в социальные проекты, не участвуя в общественных инициативах, он не допускал ошибок, не нес ответственности за текущую жизнь. Стороннему наблюдателю люди научного мира казались лишенными амбиций. Но это был поверхностный взгляд на вещи. Просто роль экспертов их деятельности возлагалась ими не на суетных современников, а на потомков. Результатам фундаментальных научных исследований предназначалась долгая жизнь. Своими публикациями и рукописями университетские ученые ковали будущую славу своей alma mater.

Другой тип университетского преподавателя – "человек-оркестр" – в частной жизни не только не менял "костюмов и грима", но, напротив, как будто бы обретал более широкий социальный простор, получал возможность выступать не только исполнителем, но и постановщиком "спектакля". В университетской среде всегда были люди, заставлявшие жизнь кипеть вокруг себя. Об одном из них, профессоре Ф.Г.Мищенко, современник отзывался как о человеке, рядом с которым стыдно было бездействовать: "*Везде и всюду Ф.Г. Мищенко являлся руководителем и вдохновителем*"[71]. Такие люди организовывали научные и литературные общества, публичные лекции[72], университетские музеи, сотрудничали с казанскими газетами и журналами, поддерживали связи с гимназиями и училищами, предпринимателями, актерами, художниками, проводили конференции и съезды, собирали вокруг университета казанскую общественность. Объективно их кипучая энергия и активная деятель-

[71] Краткий исторический очерк о деятельности Семейно-педагогического кружка в городе Казани за 10 лет его существования (1899 – 1909). Казань, 1914. С. 68.
[72] Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета XIX века. Казань, 2002.

Прогулка по озеру Кабан

ность способствовали созданию благоприятного впечатления об университете, утверждали в сознании современников высокий социальный статус университетского преподавателя, создавали привлекательный имидж интеллектуала, придавали престиж корпорации.

Университетские люди по-своему оценивали жизненный сценарий университетских людей, называя одних "кабинетными учеными", "чудаками", а других – "просветителями", воздавая хвалу и почести общественным деятелям, талантливым педагогам, воспитавшим много хороших учеников. К "кабинетным ученым" признание, как правило, приходило после смерти[73]. Спустя десятилетия потомки начинали гордиться количеством и качеством созданных ими трудов. Студенты же делили своих наставников на "доступных" и "недоступных".

Различия в стиле жизни преподавателей проявлялись отнюдь не в наличии или отсутствии у них свободного времени. Времени не было ни у кого: ни у "кабинетных ученых", ни у "просветителей". И те, и другие, выполняя свое назначение, жертвовали сном, тратили много физических сил и энергии, подвергались эмоциональному истощению. Отличие проявлялось, скорее, в том, что у человека, посвятившего себя служению современникам (заботе об их здоровье, общественном благополучии, счастье, просвещении), деление жизни на профессиональную и частную было стерто в большей степени, нежели чем у его "кабинетного" коллеги. О профессоре хирургии Е.Ф.Елачиче говорили, что у него *"каждый день был служебным, так как, несмотря ни на какую погоду и на какие-либо праздники и торжества, он не отменял своих обязательных занятий (операций и обхода больных)"*[74]. И это касалось не только профессоров

[73] Лишь после смерти получила признание неэвклидова геометрия Н.И.Лобачевского (Лаптев Б.Л. Николай Иванович Лобачевский// Рассказы о казанских ученых. Казань, 1983. С. 15 – 18).
[74] Князев А.К. // Былое из университетской жизни. С. 101.

медицины. Дочь профессора истории русского права Н.П.Загоскина вспоминала: *"Отец был очень увлекающийся человек. С жаром и любовью он одновременно занимался наукой, газетой, археологией, искусством (брал уроки сольфеджио, гармонии и пения у композитора В.Н. Пасхалова). Он очень любил музыку и всегда сам писал музыкальные рецензии... Его квартира была местом сборища цвета тогдашней передовой интеллигенции"*[75]. Современники вспоминали, что квартира профессора анатомии Е.Ф.Аристова постоянно "осаждалась массой нуждающегося люда; между ними, естественно, первое место занимали студенты"[76].

Приходя домой после занятий, такой преподаватель нередко заставал у себя сослуживцев, городских знакомых, приезжих коллег, профессорских стипендиатов или какого-либо студента, пришедшего "за книгой". И, по уверению бывших воспитанников, они всегда *"встречали радушный прием и в разговоре имели возможность выяснить то, что представлялось не совсем понятным на лекции"*[77]. Трудно назвать досугом в чистом виде и те спектакли и концерты, которые профессора и члены их семей давали "для вспомоществования недостаточных студентов".

"Кабинетный же человек", каковым был, например, М.П.Петровский, предпочитал, чтобы дома его не беспокоили, не отрывали от любимых занятий славянской филологией. Здесь не приветствовались спонтанные визиты, внеплановые развлечения или неожиданные поездки. Все было размеренно и привычно. Жизнь подчинялась однажды заведенному порядку, удобному для хозяина и его домочадцев. Возможно, такой стиль жизни казался скучным для подрастающего сына Мемнона Петровича, и потому, став самостоятельным человеком, профессором, он организовал свою жизнь иначе. Петровский-младший являлся председателем литературного общества, организатором Пушкинского дома в Казани, состоял членом Общества археологии, истории и этнографии, читал публичные лекции, исполнял обязанности библиотекаря Казанского губернского музея, редактора филологического отдела журнала "Казанский библиофил", вел обширную переписку. Его дом был всегда открыт для посетителей[78].

Если позволяли политические и материальные условия, люди выбирали тот стиль жизни, который наиболее соответствовал их внутреннему миру и давал возможности для реализации их потенций. Очевидно, у Петровского-старшего существовала потребность в сосредоточенности, некой социальной изоляции. Он не был мизантропом. Более того, его переводы стихов славянских поэтов выдают в нем человека трогательно тонкого, чуткого к человеческим страстям и эмоциям. Просто лично ему было трудно испытать вдохновение в суете движения, общения, забот. Для любого ученого сладостен миг прозрения, открытия, чуда, но ждать его можно годами: готовиться к нему, трудиться не только над объектом исследования, но, главным образом, над собой. Нынешних исследователей поражает объем и глубина творческого наследия М.П.Петровского. Оборотной же стороной такого образа жизни было неотступное чувство одиночества. Профессор и стремился к нему, и тяготился им. Младший его коллега, профессор греческой словесности П.Д.Шестаков выразил это напряжение души в следующих стихотворных строках:

---

[75] Загоскина О.Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине. Казань, 2003. С. 7 – 8.
[76] Волжский странник. Волжская библиотека. С. 7.
[77] С.Г. [Глинка] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877 гг.). С. 291.
[78] Чугунова Н.С. Петровский Нестор Мемнонович// Казанский университет: 1804 – 2004. Биобиблиограф. словарь/ Ред. Г.Н.Вульфсон. Т.1: 1804 – 1904. Казань, 2002. С. 408.

Ты знаешь ли, как сладко одинокому
В загадочной беззвучной тишине
Лететь душой туда-туда, к далекому,
Что только раз пригрезилося мне[79].

Стихи, музыка, живопись не были приоритетными занятиями "словесников". Для представителей технических и естественных специальностей "прекрасные искусства" служили не профессией, а скорее средством удовлетворения свойственной человеку потребности в гармонии. Стихи и литературные произведения писали многие университетские люди. Так, глубоким знатоком живописи и "изящной словесности" слыл геолог Н.А.Головкинский. Свои художественные произведения он издавал в "толстых" столичных журналах под псевдонимом "Н.Томский"[80]. Профессор ботаники Н.П.Вагнер был известен тысячам маленьких читателей России, а также их родителям, как автор "Кота-мурлыки". Видимо, слово – это тот обоюдоострый меч, которым вооружен преподаватель любой специальности. Университетский человек мог им ранить, воскресить и мог увековечить. Искусство владения словом проявляло себя повсюду: в полемике на защите, в конфликте на совете, в лекции в учебной аудитории, в публичном выступлении перед горожанами и в литературном творчестве.

Реальный университетский человек играл не одну, а множество социальных ролей: мужа, отца, педагога, члена совета, декана, общественного деятеля, ученого, читателя, писателя, художника, театрала, музыканта-любителя, практикующего врача или юриста, коллекционера или библиофила и т.д. Часть из них являлась результатом свободного выбора, а часть – вынужденно принималась под "давлением обстоятельств". Например, А.М.Бутлеров по своему темпераменту не был человеком борьбы или карьеры. Более того, дру-

[79] Шестаков Д.П. "Ты знаешь ли, как сладко одинокому..."// Поэты 1880 – 1890-х годов/ Сост. Л.К.Долгополов и Л.А.Николаева. Л., 1972. С. 591.
[80] Романовский С.И. Николай Алексеевич Головкинский. Л., 1979. С. 10.

зья характеризовали его как "квиетиста"[81]. "*Его интересы*, – писал Н.П.Вагнер, – *сосредоточивались в мирной семейной, прибавлю – деревенской жизни. Его любимое развлечение была охота, его любимые занятия, кроме лабораторных работ, были пчеловодство и цветоводство. Он страстно любил музыку, в особенности вокальную*"[82]. В непрофессиональной области прославленный химик явно тяготел к камерному стилю жизни. Однако университетская демократия наделяла властью (а в данном случае обременяла властью) не только тех, кто к ней стремился, но и тех, кто ею тяготился. Вопреки своему желанию, Бутлеров целый ряд лет исполнял роль административного главы университета, болезненно переживая конфликты со студентами, непонимание коллег. Лаборатория, деревенская природа и музыка спасали его от внутренних разногласий.

Среди преподавателей встречались совершенно фанатичные любители театра. Таким запомнился казанским студентам профессор русской истории Н.А.Попов. Это о нем Д.А.Корсаков писал: "*Чтение лекций, писанье диссертации, изучение местной истории и занятие публицистикой не наполняли, однако, всего времени молодого и даровитого профессора. Он посещал вечера, балы и почти не пропускал ни одного представления с участием актера Милославского, тогдашней казанской театральной знаменитости*"[83]. Завзятым театралом был и ректор Н.П.Загоскин, неизменно приобретавший ежегодный театральный абонемент.

Многие казанские профессора являлись музыкально одаренными людьми, и это оказывало влияние на их учеников. "*Я, с детства любивший музыку*, – писал выпускник юридического факультета С.В.Смоленский, впоследствии основавший в Петербурге хоровую капеллу и ставший крупнейшим специалистом по истории музыки, – *обязан Котельникову знакомством с сочинениями Себастьяна Баха, фуги которого он постоянно играл на фортепьяно в промежутках между своими математическими вычислениями*"[84]. Вспоминая семейные вечера, О.Н.Загоскина писала: "*Залеские жили недалеко от нас, против университета и почти каждый вечер бывали у нас и занимались музыкой. Залеский хорошо играл на рояле, жена его пела. Иногда целый вечер они вдвоем исполняли какую-нибудь оперу, пели за все партии и хор*"[85]. Хорошим скрипачом и гармонистом был химик А.Е.Арбузов. "*Музыку он любил всю свою жизнь*, – вспоминал о нем Н.П.Гречкин, – *и понимал ее очень глубоко. Особенно любимым его композитором был А.П.Бородин. Известны литературные работы Александра Ерминингельдовича о Бородине и "Могучей кучке"*[86]. Университетские люди были лучшими и профессиональными критиками всех явлений и событий в театральной и музыкальной жизни Казани. Их перу принадлежали почти все театральные и литературные рецензии в местной периодике. У университетских профессоров установились тесные связи с людьми искусства. "*Перед каждой премьерой Казанской оперы артисты и музыканты собирались в гостиной у Загоскиных, там шла как бы репетиция предстоящего спектакля, и певцы чутко прислушивались к указаниям Николая Павловича*"[87]. Такие ситуации характерны для истории университета.

---

[81] "Квиетист" в данном случае поклонник уединения и тишины.
[82] Вагнер Н.П. Воспоминания// Бутлеров А.М. По материалам современников. М., 1978. С. 35.
[83] Корсаков Д.А. Былое в жизни Казанского университета 1856 – 1860 гг.// Былое из университетской жизни. СПб., 1904.
[84] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах. С. 255.
[85] Загоскина О.Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине. С. 14.
[86] Академик А.Е.Арбузов – каким он был: Сборник воспоминаний. Казань, 1975. С. 91.
[87] Загоскина О.Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине. С. 16.

Университетские люди находили отдохновение и вдохновение в живописи, в музыке, в стихотворчестве, в цветоводстве или еще в чем-либо. Занятия могли быть разными, но главное, что почти все яркие ученые и педагоги были одарены эстетическим чувством. Очевидно, они обладали тонким ощущением прекрасного. И потому то, что писал А.Е.Лагорио о профессоре Н.А.Головкинском, можно отнести к очень многим университетским преподавателям: *"Всякая резкость, всякое превышение и нарушение меры осуждались не только его умом, но и сердцем"*[88]. И это пронизывало все области жизни университетского человека. Даже применительно к обезличенному опыту, к истине ученые применяли эстетические определения: "красивая, хорошая, простая, понятная, совершенная, живая, забавная" и т.д.

Пожалуй, самым распространенным и любимым видом досуга университетских людей во все времена являлось дружеское общение. О спорах коллег, об обсуждении ими научных, общественных, литературных, политических и прочих вопросов упоминали многие их современники. *"Его "Болванка",* – вспоминал В.С.Смоленский о профессоре В.И.Григоровиче, – *то есть неразлучная с ним собачонка (и предрянная!), была известна всей Казани. Если долго сидит "Болванка" на извозчике, или у какого-либо крыльца, то означало, что сюда приехал или пришел Виктор Иванович, что он увлекся, и в том доме переживаются хорошие, пожалуй, и незабвенные часы"*[89].

Общение проходило по-разному, не всегда высокоинтеллектуально. Порой в компании обсуждались бытовые проблемы, пересказывались слухи, переживались университетские конфликты. В первой половине века, особенно в Александровскую эпоху, когда круг социального общения университетских людей был узок, а досуговая культура Казани низкой, профессора частенько позволяли себе расслабиться за рюмкой ликера или вина. Тогда их употребление не считалось серьезным пороком. И потому о профессоре русской словесности

[88] Лагорио А.Е. Памяти Н.А.Головкинского. Оттиск из Ежегодника по геологии и минералогии России. 1897. Т.II. С. 5.
[89] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах. С. 256 – 257.

Г.Н.Городчанинове ректор Г.Б.Никольский писал: *"Правда, что он употребляет вино, но не упивается. Желательно было бы, чтобы он совсем его бросил, но, видно, с долговременной привычкой трудно расстаться"*[90]. Конечно, в университете радовались, когда коллегам удавалось избавиться от "пагубной страсти", подобно тому, как избавился от нее профессор математики А.Ф.Попов, но не у всех это получалось.

В Александровское время контрольно-полицейские меры властей по ограничению потребления спиртного[91] воспринимались в университетской среде едва ли не острее, чем покушение на университетскую автономию. Описывая "мрачные годы" Магницкого, И.И.Лажечников как аргумент в пользу реакционности попечителя указывал на его борьбу с пьянством. *"За профессорами,– писал он в воспоминаниях, – наблюдали, чтоб они не пили вина. Из числа их, некоторые весьма воздержанные, но привыкшие перед обедом выпивать по рюмке водки, в свой адмиральский час, ставили у наружных дверей на караул прислугу, чтоб предупредить грозу нечаянного дозора"*[92]. На торжественных актах преподаватели поднимали тосты, налив в бокалы не шампанское, а мед.

В 1830-е годы, в минуту благодушного настроения, университетские преподаватели любили заглянуть в Суксинский или Коровинский трактиры, в 1840-е годы – в кофейный дом или кондитерскую, чтобы в компании пропустить рюмку другую водки, бальзама или хереса. Беда была в том, что в эти годы жизнь преподавателя находилась под постоянным наблюдением и вездесущих студентов, и университетской администрации. Да и городские обыватели были не прочь сообщить заинтересованным лицам о виденных им "преступлениях" профессоров. В 1855 г. к попечителю из Петербурга пришло гневное письмо министра, требовавшего выяснить, что за профессора навещают новую кондитерскую и пьют там ликер[93]. Пойманные "преступники" могли лишиться места службы и, соответственно, видов на пенсию, потому застолья предпочитали устраивать в кругу семьи или за закрытыми дверями.

Во второй половине столетия питейная культура отечественной интеллигенции сильно изменилась. Алкоголь перестал быть стимулятором дружеского общения, и пристрастие к "зелью" проявляли, скорее, неблагополучные люди, например, те, у кого не сложилась профессиональная карьера или те, кто испытывал психологические проблемы. К концу столетия ряд университетских профессоров стали даже инициаторами основания городского Общества трезвости. В 1892 г. у его истоков стояли профессор нервных болезней Л.О.Даркшевич, историк Н.П.Загоскин, языковед Н.Ф.Катанов, гистолог Н.М.Догель. Целью Общества стала борьба с алкогольной зависимостью и пропаганда здорового образа жизни. Комитет основал в городе дешевую, почти бесплатную столовую, при ней была открыта библиотека-читальня. Для неграмотного люда здесь устраивались "громкие" чтения назидательных брошюр и демонстрировались немые фильмы. В 1896 г. на средства Общества были открыты городская лечебница для алкоголиков и основаны филиалы в Свияжске, Тетюшах, Адмиралтейской слободе.

В конце XIX столетия в университетской среде оставалось мало тех, кто считал себя в праве уходить от реальной жизни, изолироваться от нужд страны. Знания преподавателей, их лекторские навыки оказались востребованы в стремительных процессах становления гражданского общества. И это захватывало университетских людей. Они организовывали кружки, общества, союзы,

---

[90] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 4019, л. 13.
[91] НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 1742.
[92] Лажечников И.И. Как я знал М.Л. Магницкого// Лажечников И.И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1991. С. 492.
[93] РГИА, ф. 733, оп. 46, д. 188, л. 30.

Профессорские "посиделки"

благотворительные объединения, принимали активное участие в их работе. Нормой стало то, что профессор являлся членом трех-четырех таких организаций и одновременно еще и руководителем студенческого кружка. Так, Л.О.Даркшевич, человек отнюдь не "симфонический", возглавлял не только казанское Общество трезвости, но и городское Общество врачей, Общество невропатологов и студенческий медицинский кружок[94]. Помимо просветительной работы, публичных лекций, заседаний, ведения протоколов, переписки с иногородними членами, он уделял много внимания пропаганде медицинских знаний и становлению медицинской культуры. С его подачи все названные общественно-профессиональные объединения издавали медицинские журналы, некоторые из них, например, "Казанский медицинский журнал", пережили не только своего основателя, но успешно существовали и в советское время.

А ведь Даркшевич в университетской среде начала XX в. не был уникальным или исключительным явлением. Подобно ему жили многие. Например, профессор Ф.Г.Мищенко был основателем казанского Семейно-педагогического кружка[95], профессора А.Смирнов и Н.В.Сорокин входили в правление Казанского общества любителей шахматной игры[96], тот же Н.В.Сорокин был председателем Казанского фотографического общества[97], приват-доцент юридического факультета А.И.Елистратов входил в Казанское общество защиты несчастных женщин, ведшего борьбу с проституцией[98], профессор истории русского права Н.П.Загоскин издавал самую популярную в Казани газету "Волжский Вестник".

Конечно, у одних преподавателей диапазон исполняемых ими социальных ролей был шире, у других – уже, но и в том, и в другом случае их гра-

---

[94] Попелянский Я.Ю. Профессор Ливерий Осипович Даркшевич. С. 63 – 67.
[95] Краткий исторический очерк о деятельности Семейно-педагогического кружка в городе Казани за 10 лет его существования (1899 – 1909). С. 68. Кружок издавал популярную педагогическую литературу.
[96] Устав общества любителей шахматной игры в городе Казани. Казань, 1884. Общество распространяло переводы с французского языка учебных пособий по игре в шахматы.
[97] Протоколы общих собраний Казанского фотографического общества. Казань, 1897. С.3. Общество издавало свои собственные "Труды".
[98] Общество издавало журнал "Деятель".

Аллегория "Борьба с пьянством"

ницы в университетской среде фиксировались довольно жестко. Корпорация зорко следила за тем, каких ролей в репертуаре университетского человека наличествовать вообще не должно (например, вора) и какие нежелательны (например, коммерсанта, доносчика, скандалиста).

Почти каждый преподаватель испытывал известное напряжение от сочетания в своей жизни трудно совместимых ролей лектора и исследователя; педагога и ученого. В какой-то момент он оказывался перед выбором и делал его в пользу либо науки, либо обучения и воспитания. При этом, как правило, социально активные личности посвящали себя людям, а интравертные личности – текстам (письменам, формулам, языкам и пр.).

Впрочем, как и во всем, здесь не было статичности. Такое деление являлось условным и вовсе не означало, что люди деятельные, открытые для общения, увлекающиеся, общественно активные были слабыми учеными. Отнюдь нет. Об академике А.Е.Арбузове мемуаристы писали и как о страстном ученом ("понятия "рабочий день" для него не существовало"), и как о личности с разносторонними интересами (литература, музыка, стеклодувное искусство, садоводство, дизайн, рыболовство), и даже как о любителе шумных компаний[99].

[99] Гречкин Н.П. Воспоминания// Академик А.Е.Арбузов – каким он был. С.79 – 92.

Более того, увлечения приносили университетскому человеку не только психологическую разрядку и отдохновение, но и опыт, который в том или ином виде ложился в основу его исследований. *"Из охотничьих скитаний в Поволжье в дни юности,* – отмечали биографы зоолога М.Н.Богданова, – *из научных экспедиций более зрелых лет, из огромной работы над литературой и музейными материалами вырос тот большой запас знаний о русской фауне, который дал возможность Модесту Николаевичу делать крупные теоретические обобщения"*[100].

Целью творчества университетского преподавателя была самоотдача. Он обретал отдавая. Профессора и преподаватели находили разные поприща для реализации дарований, делали это в разной форме, но каждый из них применительно к своей жизни мог бы сказать вслед за А.П.Чеховым: "Не надо толкаться". Научное и общественное творчество подразумевало отсутствие суетности, умения отделить значимое от незначимого, нетленное от сиюминутного. И это был своеобразный девиз жизни казанского профессора.

Для проживающих в университетском пансионе студентов деление жизни на учебу и досуг также представлялось весьма условным. Судя по дневникам профессора Ф.К.Броннера, студенты Александровской эпохи во время отдыха играли в шашки и карты, собирались с гитарой или цитрой, танцевали под наигранную на них мелодию, увлекались домашними театральными постановками, писали стихи и прозаические произведения для местного литературного общества. Стихи некоторых из них публиковались в центральном и весьма престижном "Вестнике Европы". А написанный в студенческие годы кант П.С.Кондырева долгое время был официальным гимном Казанского университета. В конце 1830-х годов "эстетствующие" студенты развлекали себя верховой ездой и музыкальными концертами, прочие же пробавлялись разговорами и трапезами. В дневнике казеннокоштного студента Ф.Залеского, учившегося тогда в Казани, сохранилось уникальное описание вечернего времяпрепровождения обитателей его "камеры", комнаты поляков-старшекурсников.

"Вечер. Пятеро уже зажгли свечи, а скоро их будет восемь. Санкевич возле печи – поставил табурет на накренившийся стол и что-то пишет. Дальше

[100] Банина Н.Н., Кованько Г.Н. Модест Николаевич Богданов. Л., 1972. С. 117.

Рынцкий около забитых дверей за столом и двумя стульями, на которых вечно лежит и читает какую-нибудь Тегллу или Абеггу... Толстый Озембловский допивает уже третий стакан молока и доедает третью булку. Монюшко, обложенный множеством книг и бумаг, пишет диссертацию. Тхоржевский стоит около невероятно высокого стола... и читает какое-то сочинение древних авторов, поочередно хватается то за Тацита, то за Ливия, то за Цицерона, то наклоняется к другим, тоже лежащим перед ним. Жилевич сидит на табурете перед столом, опершись спиной на стену, читает английскую книгу "The Little Visitors"... Я сажусь около своего стола, вытаскиваю sexsterna sexterniki и конспекты и начинаю работать над диссертацией... Озембловский тоже зажег свечи и переписывает ноты для барышни-немки, в которую влюблен. Так проходит вечер"[101].

В других комнатах студенты коротали время несколько иначе. Зашедший к младшим студентам Залеский обнаружил 15 человек, сидящими у печи и играющими "в три листика". Группа студентов забилась в угол, распивая бутылку рома и кизлярской водки. В комнате кандидатов вечер занимали разговорами, историями, анекдотами, приправленными трубкой с табаком. В комнате "сосланных виленцев" каждый вечер играли в шашки, а у "киевлян" забавлялись самоваром или пуншем. О том, что речь шла о каждодневном времяпрепровождении студентов, свидетельствует фраза: "такими или почти такими были вообще все мои вечера в Казани"[102]. Залеский упоминал, что в одной из комнат нестройный хор мужских голосов выводил песню "Как по матушке по Волге". Ему аккомпанировал ансамбль из флейты, кларнета, гитары и скрипки. Музыкальная культура студентов в XIX в. была настолько массовой, что знание широкого репертуара народных песен, оперных и опереточных арий, владение музыкальными инструментами воспринимались как вещи совершенно естественные, они составляли часть повседневности образованного человека.

В праздничные дни казеннокоштные студенты получали от ректора или инспектора письменное разрешение отлучиться из университета. Некоторые из приехавших в Казань на учебу юношей имели в городе родственников или знакомых, но для многих, поступивших в университет из семинарий, университетом ограничивался весь круг их городского общения. В 1850-е годы, когда все проступки студентов вносились в "кондуитную книгу" (своеобразное "личное дело"), напротив большинства студенческих фамилий стояла запись: "живёт между студентами и бывает только в их обществе"[103].

В отпуске университетские воспитанники могли навестить родных и друзей, погулять по городу и его окрестностям. На многодневные праздники (например, на Пасху) и на каникулы многие воспитанники уезжали к родителям. Провинившихся этого права лишали. Напротив, отличившимся ученикам предоставлялась льгота на отпуск без визового разрешения "впредь до ее отмены"[104]. Не вернувшиеся в указанное время юноши рисковали в дальнейшем остаться без отпуска. Такое решение принимал инспектор в зависимости от того, сколь основательными были причины задержки. "*Николаев,* – писал инспектор Броннер, – *объясняет просрочку полевыми работами в хозяйстве отца, препятствовавшими отъезду, Макаров... заявил, что разлив Камы помешал своевременному возвращению*"[105], "*Бутлер извинился тем, что отец его собирался в далекий путь, в виду чего он*

---

[101] Страницы из дневника Франца Залеского // ГОМ РТ, отдел письменных источников.
[102] Там же.
[103] [illegible], оп. 47, д. 64, л. 23 – 24.
[104] Дневник профессора Ф.К.Броннера. С. 25.
[105] Там же. С. 17.

Парк "Русская Швейцария"

и пробыл у него дольше... Евреинов объяснял свое отсутствие тем, что, увлекшись обществом, позабыл о сроке возвращения"[106].

Если судить по распоряжениям попечителя и ректора, особенно строгим был режим жизни студентов во времена Магницкого. Их досуг должны были наполнять духовное чтение, молитвенное уединение, соблюдение религиозных ритуалов. Особенно строго попечитель боролся с пьянством.

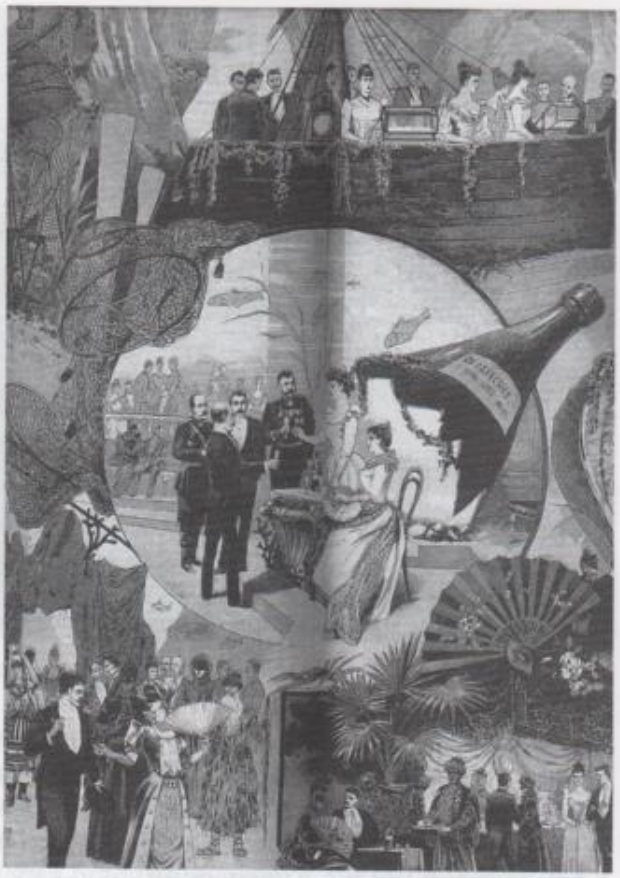
Вместе с тем, из анонимного доноса на казанского попечителя явствует, что в "1824 и 1825 гг. студенты, в таковом смиренномудрии воспитанные, давали в залах университета с разрешения своего начальства публичные маскарады и до утра танцевали с девицами и дамами"[107]. По заверению доносителя, мероприятие, проведенное университетом, получило в городе большой резонанс, и в маскараде 1825 г. принимали участие около 500 человек. Видимо, развлекательная культура в университете не умирала и во времена грозного попечителя.

В николаевское правление власти стремились привить студентам дворянские представления о чести и достоинстве, выработать у них психологию привилегированного сословия и соответствующую манеру держать себя в обществе. Инспектору студентов – дворянину, бывшему военному долженствовало указывать воспитанникам на их "странности и неприличия в приемах, походке и телодвижениях". Дабы облагородить приехавших в Казань разночинцев, студентов заставляли заниматься в танцевальном зале. Впрочем, учиться танцам они могли по желанию, а вот вырабатывать привычку правильно "входить, кланяться и держать себя в обществе благовоспитанных людей" были просто обязаны[108]. Попечитель и ректор побуждали студентов, принимать участие в балах Дворянского собрания, стимулировали их "выход в свет". Посетивший в 1836 г. университет и местный дворянский бал император "изволил объявить за то ректору свое высочайшее удовольствие"[109].

---

[106] Дневник профессора Ф.К.Броннера. С. 27.
[107] ОРРК ГПБ, ф. 1000 "Собр. отд. пост.", оп.2, ед.хр. 792, л. 18 об.
[108] РГИА, ф. 733, оп. 41, д. 199, л. 47.
[109] Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. М.; Л., 1948. С. 500.

Очевидно, меры университетских преподавателей и начальства дали положительные результаты. В середине столетия, по свидетельству очевидца, "студенты были хорошо принимаемы в обществе и играли в нем выдающуюся роль. Многие слыли хорошими танцорами и потому были видными дамскими кавалерами. Почти ни один бал или вечер, даже в аристократических домах, не обходился без значительного числа студентов"[110]. Конечно, в данном случае речь шла, прежде всего, о студентах из дворянских семей. Снабженный рекомендательными письмами от родственников и знакомых, П.Д.Боборыкин вспоминал: "*Я в первую же зиму стал бывать в казанских гостиных. Мундир позволял играть роль молодого человека; на извозчика не из чего было много тратить, а танцевать в чистых замшевых перчатках стоило недорого, потому что они мылись*"[111].

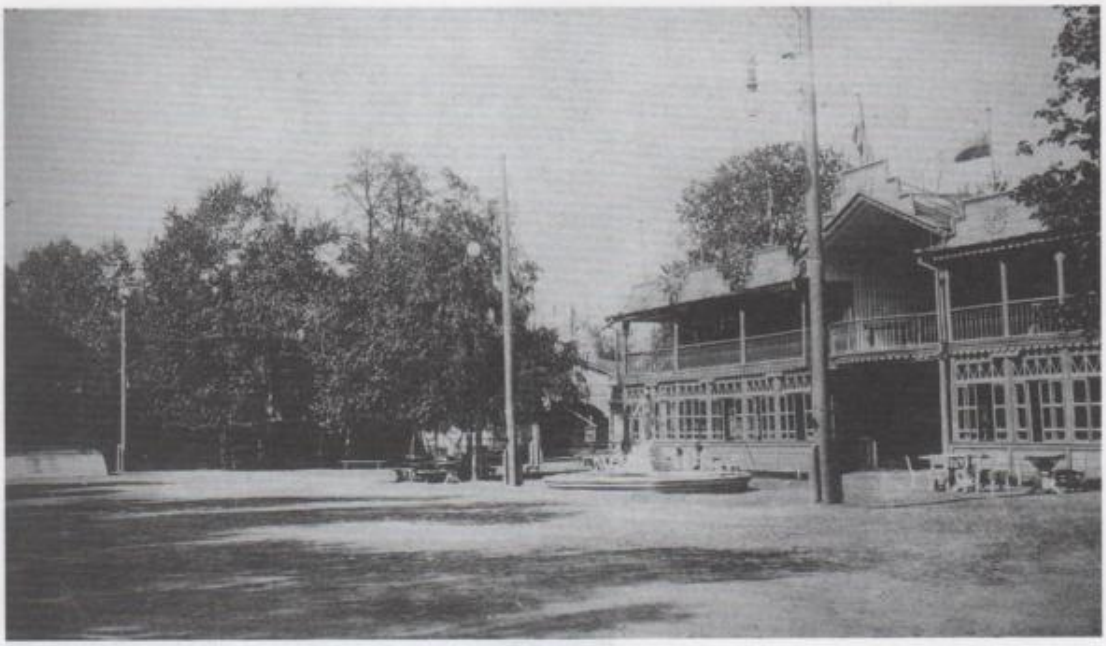

Объявление о бале-маскараде

Впрочем, не все было так безоблачно. И контакты университетских студентов с горожанами осложнялись неожиданными казусами и происшествиями. Например, студентов обижало то особое почтение, с которым местные девицы и их родители относились к молодым офицерам, особенно гвардейцам. Пришедшие на бал студенты бывали оскорблены тем, что еще вчера кокетничающие с ними барышни вдруг отказывались от приглашения на мазурку, предпочитая ангажемент усатого корнета. К тому же гвардейцы не упускали случая поддеть местных повес. Источником обиды мог оказаться и отец девицы, настороженно следящий за партнерами дочери. Студенты по-своему реагировали на такое неуважение. Собираясь "гуртом", они требовали объяснений от офицеров, демонстрировали свое призрение высокомерному папаше (могли и камень в его окно бросить), а изменчивую барышню принуждали выйти из экипажа и покружить в танце на снегу. Городские обыватели опасались товарищества студентов и мстили им слухами о постоянных попойках и драках университетских воспитанников. Поощряя общественные контакты своих питомцев, университетская администрация запрещала им участвовать в маскарадах, которые устраивали Дворянское или Купеческое собрания. Это делалось из тех соображений, что без мундира университетских юношей невозможно было отличить от других гостей и проконтролировать их поведение. Впрочем, студенты легко нарушали запреты, даже если расплачиваться за это приходилось карцером.

---

[110] Ильинский А.И. За полстолетия. 1841 – 1892. Воспоминания о пережитом. Ч.1. Гл.V// Русская Старина. 1894. № 4 (апрель). Т.XXV. С. 34.
[111] Боборыкин П. За полвека. С. 65.

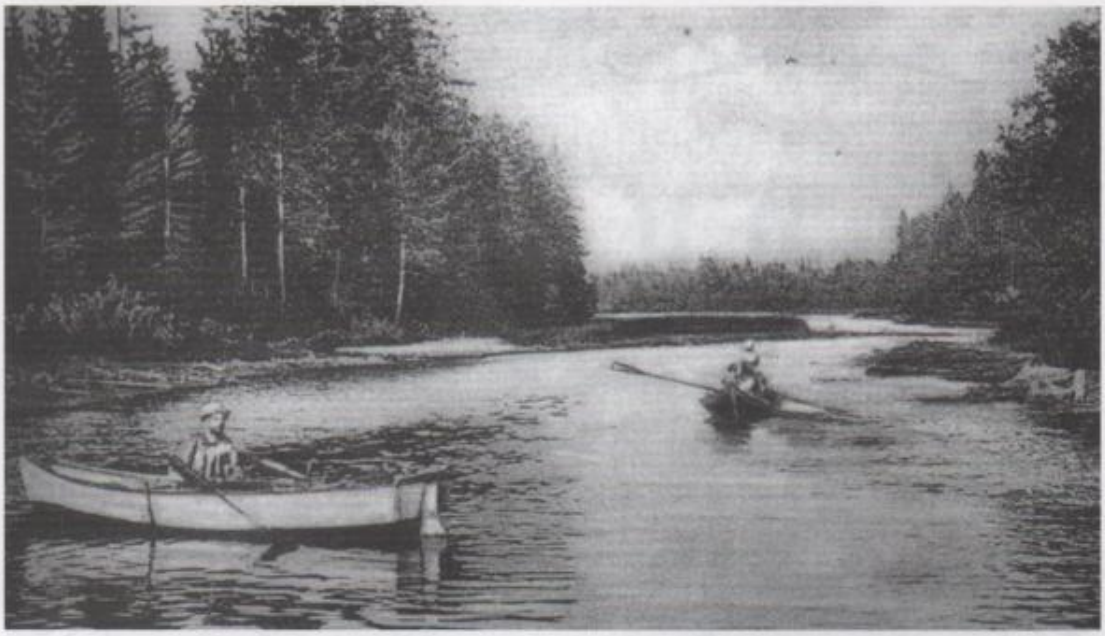
Апанаевский сад

Во все времена университетские воспитанники активно участвовали в народных гуляниях. Особой траты средств это не предвещало, а удовольствия можно было получить много. В Казани местами гуляний горожан служили так называемое Устье, Булак, загородный сад "Русская Швейцария", Биржа, Кремлевский (он же Купеческий) бульвар, сад "Аркадия" на Кабане, общественные и частные сады в пределах городской черты: Черное озеро, Николаевский сквер, Державинский сад, Театральный сад, Лядской, Интендантский садик, Панаевский, Износковский сад, сад Тиволи, сад Крупенниковых, Андреевский сад в Адмиралтейской слободе[112]. Лядской садик студенты окрестили "Садом Любви".

Из городских садов и парков студенты выбирали те, что были бесплатными и позволяли чувствовать себя вольно. Чаще всего они собирались на аллеях Черного озера, а если имелось больше свободного времени, то отправлялись в "Русскую" или "Немецкую Швейцарию" или за город. Поляк Залеский со щемящим чувством тоски вспоминал дни, когда, наняв лодку, он с друзьями выплывал на гладь Кабана: *"Дмитриевский начинает играть на кларнете, и эхо подхватывает мелодию чудесным образом, что характерно именно для этого места. Из окна маленького домика при Ботаническом саде эхо повторяет целые пассажи и мелодии, сыгранные на инструменте"*[113].

Такие прогулки пользовались популярностью и в начале, и в конце века. Это было и место уединения и место коллективных увеселений. *"Весною, в теплые вечера,* – вспоминал выпускник 1860-х годов А.Овсянников,– *студенты делали экскурсии или на лодках по обширному озеру Кабану, или гурьбою отправлялись в живописные окрестности Казани, расположенные на берегу реки Казанки, в так называемую "Русскую Швейцарию" или "Немецкую"... Вот тут-то студенчество располагалось с дешевой закуской, отдаваясь искреннему веселью, спутнику молодости и здоровья"*[114]. В "Троицкую неде-

[112] Зорин А.Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 253 – 259.
[113] Страницы из дневника Ф.Залеского.
[114] Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога// Русская старина. 1899, июнь. Г.XXX. С. 681.

Лебяжье озеро в окрестностях Казани

лю" в "Русской Швейцарии" устанавливали карусели, балаганы, работали буфеты. Рассказывая о "своем времени", о 1870-х годах, Разумовский вспоминал, что в речных и озерных катаниях студентов принимали участие и профессора. "*Преподаватели в Казани,* – уверял он читателя, – *всегда были близки к студенчеству, а некоторые (Несчастливцев, Виноградов и др.) и покучивали со студентами*"[115]. Зимой университетские питомцы встречались со своими наставниками на снежных горках в Адмиралтейской слободе. Особенно часто с санками там появлялся А.М.Бутлеров[116].

Университетские воспитанники любили городские празднества. Самым веселым была, конечно, масленица. В эти дни из татарских селений в город стекались подводы. За 5 копеек ассигнациями татарин-извозчик катал ездоков из одного конца города в другой – "делал далекий конец". Обычно местом найма подводы являлся берег озера Кабан близ "Татарского" моста. В 1840-е годы наблюдатели считали, что "катание на татарах" прижилось в Казани вследствие отсутствия организованных развлечений. "*Сие увеселение,* – полагал журналист, – *служит для черни вместо гор, которых здесь не делают к масленице, хотя и можно было бы поставить оныя на озере Кабане*"[117]. Двадцать лет спустя данная традиция осознавалась горожанами как особенность праздничной культуры Казани. В те годы в городе сложили горки, на Николаевской площади близ университета запестрели балаганы со зверинцами, цирком, открытым театром, но катание "на татарах" оставалось центральным аккордом масленицы. "*Все казанские улицы,* – писал "Справочный листок города Казани" за 1867 г., – *с воскресенья покрываются парными, раскатистыми санями татар, их приезжает из казанского и других уездов для извоза на масленицу очень много, иногда бывало их до 6 тыс.; в последнее время вместе с татарами стали появляться и русские, но извоз татар на масленице считается какой-то привилегией их, дарованной им чуть ли не Петром Великим... Татары*

[115] Разумовский В.И. Медицинское образование и жизнь студентов 70-х гг. в Казани// Вестник хирургии и пограничных областей. 1929. Т.XVIII. Кн. 54. С. 18.
[116] Гацисский А.С. Страничка из жизни 50-х гг.// Казанский литературный сборник. Казань, 1878. С. 170.
[117] Казанские губернские ведомости. 1844. № 7 (14 февр.).

являются с предложением своих услуг, упрашивая пешехода садиться: "садись, пожалуйста, хозяин; садись, пожалуйста, знакомый"; "гуля'м, бачка!". По крику "айда" (ступай), "кувала! кувала!" (скорей, скорей), татарин мчит свою пару лошадей, украшенных ленточками"[118]. Университетские воспитанники с удовольствием сбегались на берег Кабана, чтобы покататься, посмеяться, поваляться в снегу и поиграть в снежки.

Студенты любили наблюдать татарские праздники. Их экзотичность особенно восхищала воспитанников, приехавших в Казань из западных или центральных российских губерний. *"Вчера я ходил за город,* – писал в дневнике Ф.Залеский, – *где проходил праздник татар под названием Сабан. Собираются татары, старые и молодые, мужчины и незамужние татарки на поле, гуляют, бегают. Наконец, собирается большое количество народу и усаживается на восточный манер, образуя большое кольцо, а сзади, за сидящими, стоят, чтобы лучше было видно, и татары, и москали, и чуваши, и многие другие. Среди них были и я, Антоний Станиславский, Тилли, Виткевич"*[119]. Необычность происходящего подтолкнула некоторых воспитанников зафиксировать увиденное в дневнике или рассказать об этом в письме к родным. Так через университетских воспитанников осуществлялось познание и освоение разных культур в пределах империи.

Самой распространенной формой студенческого досуга были застолья. При этом алкогольные напитки неизменно сопровождали студенческие сборища, беседы, посиделки. Ими отмечали успешно сданные экзамены, встречу земляков, дни рождения и другие события. Вино и водка не только сопровождали праздник, но подчас и заменяли его в повседневной жизни. Особенно широко питейная традиция охватила казанских студентов в 1830 – 1850-е годы. Хронологически это совпало с появлением в Казани университетских

[118] Масленица// Справочный листок города Казани. 1867. 21 февр.
[119] Страницы из дневника Ф.Залеского.

землячеств, solidatia, с распространением студенческой застольной песни. Очевидно, эти элементы были заимствованы казанцами из европейской, прежде всего немецкой, университетской культуры. Судя по официальным документам, питейные настроения были весьма распространены в немецких университетах. Проверив в 1833 г. состояние Дерптского университета, министр С.С.Уваров сообщал императору: "*В тамошней университетской молодежи заметны остатки врожденных предрассудков в смешении с некоторыми давнишними обычаями германских университетов: наклонность к поединкам и к шумным увеселениям на открытом воздухе*"[120]. И только одно, по мнению министра, оправдывало дерптских воспитанников – газет почти не читают и политикой не увлекаются. Все же для улучшения студенческих нравов в том же году появились указ "Об ограничении числа трактирных заведений в Дерпте"[121] и "Правила для студентов Дерптского университета"[122]. Несколько разделов в "Правилах" посвящались наказаниям за пьянство, азартные игры, мотовство. Вскоре аналогичные инструкции были распространены на Московский[123] и Казанский университеты[124].

Немецкие традиции студенческой ритуальной культуры пришли в Казань вместе с вернувшимися из Дерпта магистрантами, с возвращением из Берлинского университета профессорских стипендиатов, с переводом в Казань дерптских и польских студентов. Видимо, их рассказы о стиле жизни немецких студиозусов легли на благодатную почву.

Свидетельства мемуаристов изобилуют рассказами о студенческих застольях и пирушках. В зависимости от достатка, во время их употреблялись разные напитки. Л.Н.Толстой уверял, что юноши дворянского происхождения пили в основном слабые напитки: "*в то время мы из вина ничего, кроме шампанского, не пили*"[125]. Однако количество выпитого шампанского позволяло опьянеть и от него. Большинство же студентов предпочитали более крепкие напитки: ликёр, херес, бальзам, настойки, водку.

В конце 1840-х годов, когда казеннокоштным студентам выдавали раз в квартал 3 рубля серебром на перья и чернила, в среде казанских студентов установилась практика их совместного пропивания. В дни выдачи "писарских денег" гурьба юношей в студенческой форме направлялась в свой любимый трактир "Китай" на Воскресенскую улицу к купцу Белозерову (ныне магазин "Красный Восток" по ул. Кремлевской) [126]. Там посетитель мог заказать обед, выпить чай, почитать газеты, поиграть в бильярд. По соглашению, заключенному между университетской администрацией и городской полицией, владельцы трактиров, ресторанов, кофейных домов и кондитерских обязаны были сообщать инспектору о пьющих студентах. Но кто отказался бы от столь благодатных клиентов? И, чтобы оградить покой университетской молодежи, владелец "Китая" закрыл дверь в одну из комнат огромным шифоньером, устроив, таким образом, тайный зал. Молодые люди проникали в него, проходя сквозь платяной шкаф. Сколько пирушек прошло в этой комнате, пока студентов и их покровителя не выдал инспектору один из сокурсников! Во многих студенческих мемуарах есть строки, посвященные Белозерову и его заведению. Ему были благодарны десятки университетских воспитанников.

---

[120] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.II: Царствование императора Николая I. 1825 – 1855. Отд.I: 1825 – 1839. 2-е изд. СПб., 1875. С. 591 – 592.
[121] Там же. С. 639.
[122] Там же. С. 718.
[123] Там же. С. 826.
[124] Там же. С. 902.
[125] Цит.по: Знаменитые люди о Казанском крае. Казань, 1987. С. 90.
[126] Ильинский А.И. За полстолетия. 1841 – 1892. Воспоминания о пережитом. Ч.1. Гл.V // Русская Старина. 1894. № 4 (апрель). Г.XXV. С. 33.

Зарисовка казанской лавки из дневника Ф.Залеского

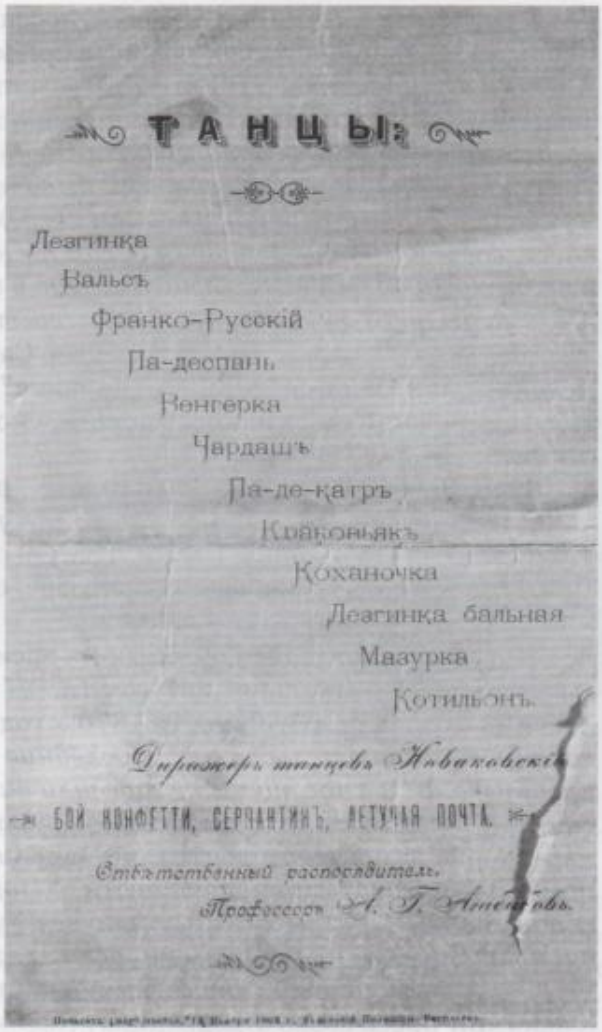
Другим популярным в студенческой среде тех лет местом был винный погребок Станге. Туда можно было заглянуть, быстро пропустить бокал-другой и отправиться восвояси. Это позволяло избежать расплаты карцером, но удовольствия от общения не получалось. Поэтому чаще всего студенты собирались на квартире своего своекоштного собрата. Устроенный обед по случаю получения провизии из дома или с целью укрепления дружбы собирал вместе своекоштных и казеннокоштных воспитанников. Пирушки сопровождались песнями, рассказами, рассуждениями о жизни и о себе.

Сольно или хором молодые люди исполняли "Gaudeamus igitur" или одну из его многочисленных латинских или русскоязычных версий. В Казани были популярны "Докторский Gaudeamus" и "Gaudeamus Киндлебена". Кроме того, университетские умельцы клали на музыку собственные переводы Беранже, стихи Некрасова, Лермонтова, Плещеева. В студенческой среде существовали свои признанные поэты-песенники (В.Курочкин, А.С.Гацисский и др.), но большинство песен дошли до нас анонимными, как плод коллективного творчества. Собственно, многие таковыми и являлись. Их строфика проста, стихи обычно связаны парными рифмами, мелодия однотипна, а целый ряд песен являют собой версии одной и той же питейной темы. Несмотря на запреты, ночью городские улицы оглашались нестройными голосами подвыпивших студентов, воспевающих гимны любви и вину.

Безусловно, речь не идет о поголовном студенческом пьянстве. Те, что не принимали идеологии средневековых вагантов, селились подальше от Собачьего переулка и "акчуринских" номеров. Да и мемуаристы время от времени спохватывались и заверяли: "Конечно, не все студенты были кутилы и повесы. Повесническо-кутежное направление было только преобладающим и ясно указывало на отсутствие в студенческой массе серьезных стремлений"[127]. Но воспитанники, не участвующие в коллективных застольях и трапезах, воспринимались их сверстниками некими аутсайдерами и именовались "зубрилами".

---

[127] Корсаков Д.А. Былое в жизни Казанского университета 1856 – 1860-х гг.// Былое из университетской жизни. С. 143.

ТАНЦЫ:

Лезгинка
Вальсъ
Франко-Русскій
Па-деспань
Венгерка
Чардашъ
Па-де-катръ
Краковякъ
Коханочка
Лезгинка бальная
Мазурка
Котильонъ.

Дирижеръ танцевъ Живаковскій

БОЙ КОНФЕТТИ, СЕРПАНТИНЪ, ЛЕТУЧАЯ ПОЧТА.

Отвѣтственный распорядитель,
Профессоръ А. Г. Аметистовъ.

И не они задавали тон в студенческой жизни, не они ее сплачивали. Прибывающих в Казань футурусов их старшие товарищи подвергали испытанию на прочность. Алкоголь становился первым и наиболее простым средством вхождения новичков в студенческую семью. С.Гацисский вспоминал: *"Моя уединенная жизнь продолжалась только в течение первого полугодия, со второго я сошелся со многими товарищами и вошел во вкус тогдашнего студенчества, преимущественно выражавшегося, за отсутствием других интересов, в дружных попойках, ночных прогулках с громкими песнями"*[128].

Анализируя причины пьянства среди сверстников, С.Глинка видел их в возрастной психологии, в потребности в общении и самоутверждении, в распространенности пьянства среди населения, в низком уровне досуговой культуры в Казани, в традициях немецких университетов[129].

И все же воспроизводимый в мемуарах во множестве вариаций миф о Казанском университете как "самом пьяном университете империи" – не более чем шутливое сказание. Все университетские города могли претендовать на это первенство[130]. Праздничная культура казанских студентов была богаче, чем может показаться после прочтения мемуаров. *"Наши "сезоны", особенно "на блинах", отдельных у филологов или математиков и др., паче же того "проводы" после "20 мая", были очень оживленны,* – вспоминал студент 1870-х годов. – *Бывало, что и катавшиеся на Кабане казанцы иной раз узнавали, что математики "сдавали астрономию у Ковальского", а медики "анатомию у Лесгафта", а иные "сдали Булича или Кремлева"*[131]. *Такие события отмечались в "Чертовом углу", Бутырках, на Волге, в Свияжске. "Наши "советы нечестивых", как и незабвенные "мертвецкие" были полны самого высокого благородства"*[132], – уверял он.

В 1870-е годы, когда застольная форма досуга сменилась на политические и интеллектуальные формы времяпрепровождения, студенты стали предпочитать слабые алкогольные напитки, так называемое "долгое питьё". В эти годы

---

[128] Гацисский С. Страничка из жизни 50-х годов // Былое из университетской жизни. С. 171.
[129] С.Г. [Глинка] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877) . С.296 – 302.
[130] О пьянстве московских студентов см: Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVIII – XIX веков. М., 2002. С. 189.
[131] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и Казанском университете в 60 и 70 годах. С. 260.
[132] Там же. С. 261.

университетские питомцы любили посещать "бирґалку" на Николаевской площади – пивной погребок под названием "Bier-Halle". Его хозяина, некоего Алексея Степановича, студенты прозвали "Дарвином", считая похожим на знаменитого натуралиста. *"Я лично считаю этого "Дарвина" положительно вредным для студенчества моего времени,* – писал С.В.Смоленский, – *своим напускным радушием, рассказами бывалого человека (он, кажется, служил на судах военного флота), умением вовремя принять участие в оживленном споре, вовремя спеть недурным басом песню, он добился того, что студенты у него сидели целыми вечерами, а иногда и целыми днями, пили пиво сами, угощали друг друга, вели живые беседы, составляли хоры и незаметно напивались допьяна"*[133]. А вот будущий ректор Саратовского университета В.И.Разумовский, напротив, вспоминал "Дарвина" очень тепло и заверял, что студенты не приносили ему никакого дохода, скорее убытки. Но он любил общаться с ними и угощал в долг[134].

В 1870-е гг., в отличие от 1840-х гг., цель студенческого застолья заключалась отнюдь не в опьянении. Место Бахуса на пьедестале студенческого сознания заняли Политика и Наука. Трапезы сопровождались выяснением политических и мировоззренческих вопросов, обсуждением прочитанных статей и книг, громким чтением газет.

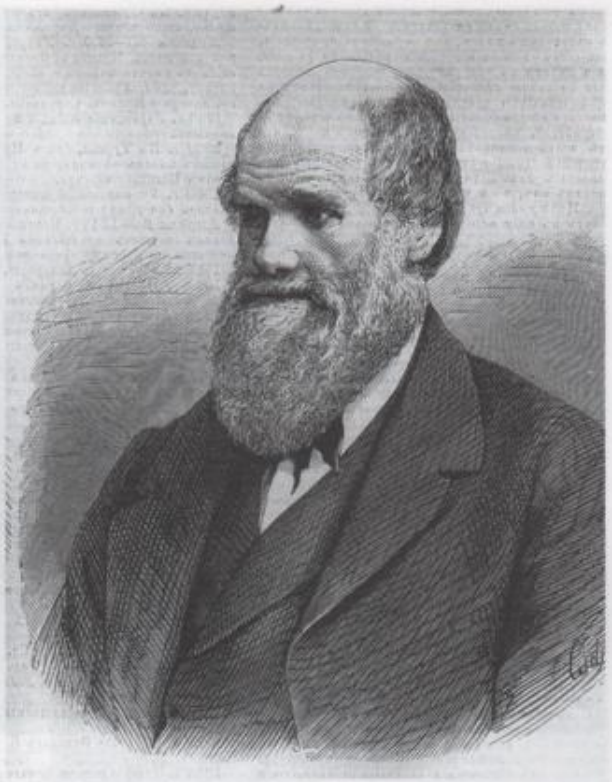
Конечно, и тогда питейная форма времяпрепровождения являлась неотъемлемой частью студенческого досуга. *"И в нашем кружке,* – писал С.В.Смоленский о своих сверстниках из 1870-х годов, – *иногда не допевались "по независящим обстоятельствам" последние куплеты "gaudeamus", "младая кровь играла" и в нас, но мы не задевали ничьего достоинства, ничьего спокойствия и веселились без знакомства с полицией"*[135]. Такая форма досуга была характерна для всех студентов, независимо от их вероисповедания, социальной и этнической принадлежности. *"Покучивали и студенты-татары,* – вспоминал В.И.Разумовский, – *что не помешало им потом в жизни сделаться почтенными культурными деятелями (Ахмеров, Алкин, Терегулов и др.)"*[136]. А легендарный "папа" "всепьянейшей коллегии", студент С. стал впоследствии профессором медицины. Впрочем, исход студенческих шалостей мог быть и иным. Так, глава веселого "мурзинцевского скита" скончался через 10 лет от цирроза печени[137].

В 1880-е годы, когда университеты России захлестнула волна студенческих сходок, преподаватели стали смотреть на студенческие вечеринки со спиртным, как на милую шалость.

В отличие от "политиков", студенты-"академики" тратили свое свободное от занятий время не на сходки и землячества, а на работу в библиотеке, в лабораториях и в научных кружках. Создание последних стимулировалось Уставом 1884 г. и последовавшими за ним распорядительными документами. В конце XIX – начале XX в. университетские общества, студии, объединения стали массовым явлением в академической жизни. При одном только историко-филологическом факультете, самом малочисленном в Казанском университете, работали Пушкинское общество литературы и искусства, в 1899 г. переименованное в Общество любителей русской словесности памяти А.С.Пушкина, кружок любителей драматического искусства, философский кружок, психологический кружок, педагогический кружок, научно-исто-

[133] С.Г. [Глинка] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877). С. 300.
[134] Разумовский В.И. Медицинское образование и жизнь студентов 70-х гг. в Казани. С. 18.
[135] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и Казанском университете в 60 и 70 годах. С. 260.
[136] Разумовский В.И. Медицинское образование и жизнь студентов 70-х гг. в Казани. С. 18.
[137] Там же. С. 19 – 20.

рическое общество[138]. Студенты становились участниками конференций, экспедиций, научных съездов[139].

Вообще кружковая культура – это особое явление в мировой и отечественной истории. Ее можно рассматривать в контексте мировой культуры, на фоне традиции литературных салонов, художественных и философских школ, существовавших и в Древнем мире, и в эпоху Возрождения[140]. В России кружки пришли на смену масонским ложам, бывшим на протяжении почти полувека одной из основных форм объединения интеллигенции. Созданные в конце XIX столетия студенческие организации были не только формой эстетической и научной деятельности, культурного досуга, но и способом общения людей-единомышленников, и даже средством их защиты от политической агрессии, все более и более захлестывавшей страну.

Большое место в жизни студентов императорского университета играл театр, его постановки, дружба университетских людей с актерами[141]. Первый публичный театр в Казани был открыт в 1798 г. на средства казанского помещика П.П.Есипова. Тогда актерами в нем служили крепостные люди, получившие специальную подготовку в Петербурге. Этот театр просуществовал 17 лет, сгорев в пожаре 1815 г. Передавая ностальгию о нем соотечественников, в 1844 г. "Казанские губернские ведомости" писали: "*Рассказывают, что труды Есипова увенчались таким прекрасным успехом, что все спектакли, даваемые на его сцене, своим достоинством почти не уступали столичным. Конечно, может быть, молва современников и излишком увеличила эти достоинства: однако, по всей вероятности, по своему времени театр Есипова был гораздо совершеннее и блестящее нынешних театров*"[142].

И верховная власть, и университетские преподаватели поощряли театральные увлечения воспитанников, полагая, что участие в постановках способствует развитию литературного и эстетического вкуса, содействует нравственному просвещению молодых людей. Впрочем, постоянного университетского театра в Казани так и не возникло.

Массовое паломничество студентов в городской театр отобрало у бедных горожан дешевые театральные места. Поскольку "*ходить часто в партер*

---

[138] НАРТ, ф. 977, оп. "Ист.фил.фак.", д. 1764; 1777; 1805; 1862; 1975; 1976; 2055.
[139] Там же, д. 1827.
[140] Найдич Л. Кружковая культура и ленинградские филологические семинары // След на песке. СПб., 1995. С. 98 – 99.
[141] Благов Ю.А. В содружестве с Мельпоменой. Казанский университет и театр: к истории взаимосвязей. Казань, 2003.
[142] Казанские губернские ведомости. 1844, № 23 (5 июня).

Игра в крокет

или кресла студенты были не в состоянии (место в партере стоило рубль, а кресло два рубля пятьдесят копеек ассигнациями, а потому мы постоянно ходили в раек, плата за вход двадцать пять копеек медью), – рассказывал С.Т.Аксаков о 1805 – 1806 гг., – *чтобы занять для товарищей передние лавки в райке, специально назначенные посланцы отправлялись в театр задолго до начала представления*"[143]. Сначала такая дерзость университетских воспитанников вызывала противодействие и ссоры с горожанами, но потом к такому порядку в городе привыкли и воспринимали за норму.

Кроме того, в начале века существовала практика, согласно которой владелец казанского театра П.П.Есипов посылал написанные в конторе театра афиши с названием спектакля и фамилиями актеров почетным лицам города. Все остальные обыватели могли получить такую информацию из объявления, прибитого к колонне или стене главного театрального подъезда. Поскольку студенты регулярно воровали эту афишу, Есипов дал им позволение получать письменное объявление в конторе.

Увлечение театром стимулировало в первые годы существования университета студенческие пробы в драматическом искусстве. Воспитанники разыгрывали отрывки из пьес на домашней сцене, а иногда и в учебной аудитории. В 1806 г. в университете возникло литературное общество, состоящее из учителей гимназии и студентов. "*Мы собирались каждую неделю по субботам и читали свои сочинения и переводы в стихах и прозе*, – вспоминал будущий писатель С.Т.Аксаков. – *Всякий имел право делать замечания, и статьи нередко тут же исправлялись, если сочинитель соглашался в справедливости замечаний; споров никогда не было. Принятое сочинение или перевод вписывался в заведенную для того книгу*". Впоследствии из этих посиделок выросло многочисленное и серьезное "Общество любителей русской словесности

[143] Аксаков С.Т. Воспоминания. Собр.соч. СПб., 1909. Т. 3. С. 71.

при Казанском университете". Его участники стали организаторами первых университетских спектаклей.

Постоянный каменный театр в Казани работал с 1851 г. по 1860 г. В первый же сезон в нем давала концерты итальянская оперная труппа. Далее сменявшие друг друга директора Грабовский и Мирцев сформировали местную труппу, по утверждению очевидцев, "весьма хорошую, доставившую казанскому театру самую лучшую репутацию из провинциальных театров". В 1850-е годы в театре постоянно был аншлаг. На его сцене шли классические европейские и русские постановки. Современники увязывали успех и качество тогдашнего казанского театра с университетом. *"От влияния ли университета, или большого круга любителей-лицедеев, дававших "благородные" (!) спектакли, в казанском театре можно было получить много "высоких наслаждений"*[144], – вспоминал С.В.Смоленский.

г. Казань 1906 года.
Программа
КАВКАЗСКАГО
СТУДЕНЧЕСКАГО ВЕЧЕРА
19-го ноября
ВЪ ЗАЛЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ.
Начало въ 8½ час. вечера.

Программа вечера кавказского землячества Казани

Студенты заполняли театральные "раек" и "галерею". Их неистовое поведение смущало благонравную публику партера и лож. В ходе спектакля сверху раздавались то шумные овации, то свист и шиканье. Университетская инспекция безуспешно боролась со студенческим буйством, пытаясь ввести театральные эмоции студентов в рамки приличия. Все университетские люди знали артистов в лицо и по имени, а завзятые театралы делились на группы по имени "звезды". *"Между молодыми людьми, особенно студентами университета,* – вспоминал П. Васильев, – *образовались даже две партии "стрелковисты" и "прокофисты", по имени двух артисток"*[145].

В 1859 г. талантливый антрепренер Мирцев отказался от управления театром, и собранная им труппа распалась. Вновь назначенный директором Хотунцев привез в Казань начинающих актеров из Москвы, которые, по мнению зрителей, "превратили театр в балаган". Летом и в начале осени в театральном помещении шли представления заезжего фокусника, потом горожанам демонстрировали зверинец. Наконец, в октябре театральное здание снял содержатель итальянской труппы Бергер. Но тут случился пожар, и казанцы вновь остались без стационарного театра. Вместо сгоревшего театра на Арском поле был построен временный деревянный. По словам современников, *"снаружи он представлялся некрасивым, это был простой доща-*

[144] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах. С. 251.
[145] Васильев П. Материалы для истории казанского театра (1851 – 1859)// Справочный листок города Казани. 1867. 2 июля.

тый огромный балаган, но внутри он был отделан недурно и вмещал довольно большую сцену, два ряда лож, с балконами и амфитеатром над ними, и рядов 12 кресел"[146]. И хотя, по признанию очевидцев, большая часть прошедших в нем спектаклей оставляли желать лучшего, а театр довольно часто был пуст, у его посетителей бывали и эстетические радости. На его сцене казанцы видели гастроли Виноградова, Иловайского, Трусовой, Айра-Ольриджа, слушали итальянских оперных певцов. Судя по воспоминаниям, студенты не пропускали постановок итальянской оперной труппы. А после реконструкции театрального помещения в 1870-е годы они стали участниками регулярных драматических и оперных постановок. Впрочем, массовому приобщению студентов к театральному искусству в эти годы мешали их бедность и дороговизна театральных билетов. В этом обстоятельстве современники видели одну из причин распространения в среде студенчества политических настроений.

Воодушевленные проводимыми реформами студенты чутко прислушивались к новым веяниям из столиц. Либерализация в отношениях с университетской администрацией и преподавателями способствовала увлечению учащихся научными и политическими теориями мироустройства. В 1870-е годы нередки были случаи, когда, по словам современника, *"зимнее утро, заглянув в замерзшие окна нашей студенческой квартиры, заставало нас*

[146] Открытие летнего театра в Александровском саду// Справочный листок города Казани. 1867. 27 апр.

еще в спорах, начавшихся с вечера"[147]. Студенты стихийно образовывали кружки для чтения вслух и последующего обсуждения философских и политических трактатов (например, читали Фихте и Конта)[148]. Круг участвующих в этих диспутах юношей расширялся за счет воспитанников Духовной академии.

На апогее политических преобразований и гласности в университете была открыта "курительная" комната – событие огромной важности. Под нее отвели два обширных помещения на первом этаже главного корпуса. В центре их стоял стол, а по периметру располагались диваны. К.Лаврский писал, что *"эти комнаты правильнее было бы назвать газетными, так как сюда собирались студенты не только днем, но и вечером – главным образом для того, чтобы читать газеты и журналы, выписывавшиеся в складчину"*[149].

Бал-маскарад

"Курительная" довольно быстро стала центром студенческой жизни: в ней проходили интеллектуальные споры, заседания студенческого суда, чтение и обсуждение литературных новинок, политических событий, совершались "сговоры" студентов против администрации. Учитывая, что многие учащиеся жили в тяжелых жилищных условиях, легко понять, почему "курительная" не пустовала до поздней ночи. *"В продолжение дня, здесь в густых облаках дыма всегда толпились целые массы студентов, шли оживленные толки, иногда устраивались экспромтом диспуты, привлекавшие общее внимание: здесь каждый чувствовал себя легко, свободно, лучше, чем дома"*[150]. Впервые в университетской истории учащихся объединил ни быт, ни учебная повседневность, ни материальные заботы, а идеи, составившие отныне стержень их досуга.

Впрочем, эти новые явления затронули отнюдь не всех, не всех они волновали. Например, немногочисленные в те годы "семинаристы" держались от "курительных" и прочих сборищ поодаль, за это остальные сокурсники называли их "безыдейными". В глазах воодушевленного большинства, "семинаристы", посвящавшие все время учебе, выглядели "не то забитыми, не то больными"[151].

---

[147] Л.О. [К.Лаврский] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов// Былое из университетской жизни. С. 205.
[148] Там же. С. 208.
[149] Там же. С. 214.
[150] Там же.
[151] Волжский странник. Волжская библиотека. С. 32.

Казанский городской театр

В 1860-е годы у студентов появились неформальные библиотеки. Коллективно приобретенные книги и журналы по специальности имелись у филологов, медиков, математиков. Художественная и публицистическая литература приобреталась в складчину землячествами. Особенно богатой была библиотека сибиряков. В эти годы чтение художественной и публицистической литературы стало духовной потребностью студенческой молодежи. Именно тогда появился негласный список обязательных для прочтения образованным человеком текстов. *"Свежая книжка журнала "Современник", сочинения Огюста Конта, брошюры Бюхнера, статьи известных критиков Джона Стюарта Милля и т.д. – вот чем увлекалась университетская молодежь начала 60-х годов"*[152], – свидетельствовал А.И.Овсянников.

Хождение этих книг очерчивало границы общности, создавало то самое воображаемое сообщество интеллектуалов, каковыми желали быть казанские студенты пореформенной России. Лаврский эту претензию сформулировал так: *"достоинство студента* (курсив в тексте) *как представителя всех лучших идей своего времени"*[153]. В 1870-е годы каждый прогрессивно мыслящий интеллектуал должен был прочитать сочинения Фохта, Льиса, Молешотта, Бокля, Спенсера. Очень популярны были книги и статьи публициста Д.И.Писарева, отечественных писателей и критиков И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.Н.Некрасова, Н.Г.Чернышевского, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Н.А.Добролюбова, Н.К.Михайловского. Казанские студенты внимательно следили за публикациями высланного в Сибирь А.П.Щапова, читали журнал "Знание"[154].

В эти годы студенты соединили отдельные книжные собрания в одно и сняли для созданной таким образом библиотеки специальное помещение на втором этаже дома на углу Малой Проломной и Рыбнорядской улиц. Не

---

[152] Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога. С. 684.
[153] Л.О. [К.Лаврский] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов. С. 217.
[154] Разумовский В.И. Медицинское образование и жизнь студентов 70-х гг. в Казани. С. 13 – 14.

Студенческая курительная комната

имевшие права быть содержателями частной библиотеки учащиеся записывали ее на имя кого-либо из профессоров или доцентов. "Заведывало этою библиотекой депутатское собрание, оно выбирало библиотекаря, исключительно из студентов, который имел комнату при библиотеке и получал денежное вознаграждение. Оно распоряжалось выпискою книг"[155].

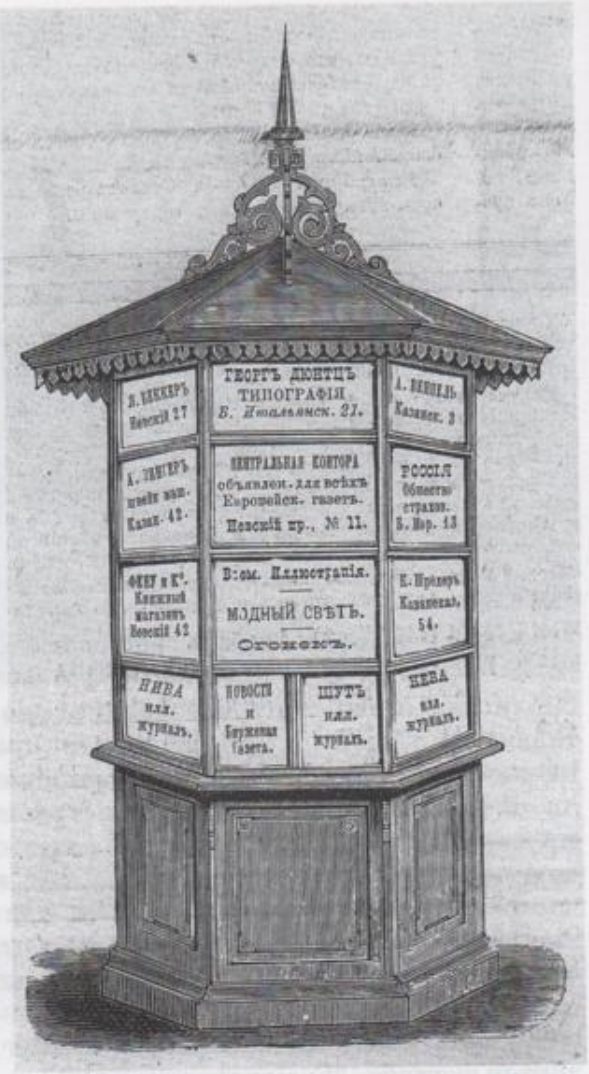
В конце столетия чтение для студентов стало чем-то большим, чем форма времяпрепровождения. Тогда литература активно формировала жизненную позицию, политические ценности, эстетические вкусы российских подданных. В писателях студенты видели не просто профессионалов пера, а пророков: от них ждали откровений, открытия смысла жизни. Их личные судьбы переживались в общероссийском масштабе, как судьбы мучеников[156].

Характерно, что в начале XX в. круг интеллектуальных интересов у студентов сузился. "Самоперепись" 1907 г. показала, что университетские воспитанники прочим философам предпочитали К.Маркса (17,7%), Н.К.Михайловского (8,1%), Л.Н.Толстого (7,1%), П.Л.Лаврова (6,7%) и Ф.Ницше (6,7%). Среди публицистов на первом месте по популярности стоял Г.Петров, затем шли А.В.Амфитеатров, Г.В.Плеханов, В.М.Дорошевич и В.М.Чернов. Рейтинг любимых писателей состоял исключительно из отечественных мастеров пера. Его возглавляли Л.Н.Андреев и А.М.Горький, затем шли А.П.Чехов, Л.Н.Толстой, В.Г.Короленко, М.П.Арцыбашев[157].

С первого десятилетия XX в. одной из самых излюбленных и доступных форм досуга университетских преподавателей и студентов становится кинематограф. В начале XX в. в Казани появились стационарные кинотеатры – "электротеатры": "Буфф", "Пассаж", "Олимп", "Фурор", "Урания", "Фе-

[155] С.Г. [Глинка] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877). С. 277.
[156] 8 ноября 1910 г. помощники проректора Казанского университета докладывали ректору: "К 10 часам утра в главном здании университета собралась масса студентов, которые группировались преимущественно в главном вестибюле, частию же в нижнем коридоре нового пристроя и в буфете... студенты стояли группами и тихо разговаривали. В начале 11-го часа вернулись из квартиры г. ректора три студента и сообщили, что ректор общестуденческое собрание не разрешил. Тогда, около 10 1/2 часов, студенты сплошной массой, около 1500 человек, двинулись из вестибюля в новый пристрой, в коридор 2-го этажа. После троекратного пения "вечной памяти" была прочтена телеграмма, посланная медиками V курса по поводу смерти Л.Н.Толстого". Трое студентов и вольнослушательница отправились депутатами от Казанского университета возлагать венок на могилу великого властителя дум в Ясную Поляну (НАРТ, ф. 92, оп. 3, д. 741, л. 136).
[157] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 7294, л. 25 – 27.

никс", "Патэ", "Аполло", "Люкс" и др. В 1908 – 1914 гг. казанский зритель увидел в них фильмы "Стенька Разин", "Жизнь Франца-Иосифа, императора австрийского", "Легенду о фантоме", "Талисман Фьеретты", "Жизнь Л.Андреева", хронику жизни и похорон Л.Толстого, "Войну будущего", "Вий", "Воцарение Дома Романовых". Преподавателей, однако, беспокоило то, что, как и везде, в казанском "прокате" процветала порнография, вызывающая интерес учащихся и приносящая хорошие доходы владельцам кинотеатров. По ходатайству преподавателей в 1908 г. губернатор запретил студентам и гимназистам посещать кинематографы, пивные и трактиры[158].

Итак, в императорский период жизни Казанского университета в нем сформировалась особая студенческая субкультура. Пространство академической повседневности всегда было территорией, на которой господствовали преподаватели. В нормальных условиях именно они определяли границы, правила, нормы, перечень преступлений и наказаний для учащихся, они задавали темп и формы учебной жизни и, совместно с государственными властями и администрацией, создавали хронологию академических лет. Студент во всем этом был воспринимающей, а не творящей стороной. В стенах университета ему отводилась одна социальная роль – роль ученика. Соответственно, внеучебная жизнь стала для студентов той самой "закулисной" сферой, где разыгрывались многообразные сценарии взрослой жизни, где юноша освобождался от страха и принуждения, где он был творцом своей судьбы и своей личности. Речь идет о едином студенческом стиле жизни, о студенческом времяпрепровождении, подразумевавшем некоторую усредненность, общность. Реально же единство направления складывалось из множества разнонаправленных векторов, общность – из разных типов личностей. Важно помнить, что в студенческой корпорации сосуществовали, дружили, ссорились, помогали друг другу и учились люди разных социально-психологических установок, с отличающимся опытом жизни, с широким спектром интересов.

Эта гетерогенность студенческой среды нашла свое отражение в воспоминаниях выпускника университета начала 1870-х годов, скрывшегося под

---

[158] Алексеева Е. Живые картины. История зарождения кинематографа в Казани // Казань. 2001. № 9/10. С. 18 – 39.

Пригласительный билет на студенческий вечер. 1900-е годы

псевдонимом "Волжский странник". Автор сделал зарисовки своих сокурсников. И получилось, что один "вечно устраивал какой-нибудь концерт, вечер, базар, подписку, ездил и хлопотал". Другой "то всецело отдавался науке, то целый месяц посвящал кутежам". Третий, никогда не терявший оптимизма, "отправлялся на поиски фрака, чтобы идти на приглашенный вечер, где он плясал до глубокой ночи, пил, веселился, играл, пел, затем возвращался "домой", где остаток ночи проводил на голых досках, а рано утром принимался за науку и бежал в университет и на уроки". Были и те, чьи "идеалы, как и самая жизнь, были бледны и бесцветны"[159].

Университетская инспекция всегда с трудом контролировала область внеучебной жизни воспитанников, а власти и педагоги тщетно искали панацею от студенческих вольностей, шалостей и беспорядков. Для студенческой субкультуры было характерно поведение, которое можно интерпретировать как нацеленное на сопротивление установленным культурным порядкам. Сами эти порядки менялись, соответственно, менялись и формы сопротивления им. Мечтой учащегося начала века было сбежать из университета "в город", в 1830 – 1850-е годы студенты желали социального признания себя взрослыми людьми, их преемники в 1860 – 1870-е годы хотели равных прав с преподавателями, а выпускники 1880 – 1900-х годов грезили о переустройстве мира и видели себя во главе этого процесса. Вместе с сознанием менялся внешний вид и образ жизни университетских воспитанников. Из мальчика, из "старшего гимназиста", каким он представал в начале XIX в., по прошествии 100 лет студент превратился в молодого мужчину, интеллигента предреволюционной России.

И, конечно, осознание своей самобытности происходило у студентов не только и не столько на учебной скамье, в университетской аудитории. "Переселенные" в конце 1850-х годов "в город", они стали его неотъемлемой частью. В ходе коммуникативных столкновений с горожанами (лавочниками,

[159] Волжский странник. Волжская библиотека. С. 38, 39, 59, 61.

На лыжной прогулке

околоточными, квартальными, хозяевами погребков, соседями по съемному жилью, прислугой, владельцами кухмистерских, актерами, балаганщиками, книгопродавцами, курсистками, публичными женщинами и пр.) университетские воспитанники познавали специфичность своих интересов, языка, образа жизни, мышления, культурных запросов. На основании этого ощущения формировалась корпоративная общность университетских воспитанников, со свойственной ей культурой общения, ритуалами и символами.

Стиль жизни университетского человека в XX веке

В течение XIX в. университетские люди претендовали на роль носителей "высокой" культуры в пространстве провинциального города. Но как не была университетская корпорация однородной, так не была одномерной и университетская культура. На ее полюсах присутствовали крайности – от элитаризма на уровне профессорской корпорации до культурного нигилизма, проявлявшегося в студенческой среде. При всем том эта культура существовала как специфическая, корпоративная – в XIX в. противостоящая культурным нормам городского окружения, а в начале XX столетия ставшая лидером городской жизни. В условиях Казани именно университетская, а не мещанская культура (как на Западе или в российских столицах), стала тем

медиумом, который соединил культурные модели и образцы с традиционными нормами жизни перебравшегося в город сельчанина. Университетская культура сформировала из этого сплава специфическую масс-культуру города.

В советское время весь уклад жизни "дореволюционной" университетской корпорации был сначала размыт, а потом уничтожен вместе с людьми, его воплощавшими. Примечательно, что особенно недолговечной оказалась культура дореволюционного студенчества. Юноша-интеллигент, с его тоской о судьбах страны и неизменным чувством вины перед народом, в 1920-е годы полностью ушел со сцены. Его место в университете заняла жизнерадостная разнополая, разновозрастная толпа, лицо которой определяли сыновья и дочери "гегемона истории". Они исповедовали иные ценности, поклонялись иной морали и создавали новый образ жизни студенческой молодежи.

Культурный тип дореволюционного профессора сохранялся в Казани дольше, чем культурный тип студента. Память о профессорах "из старого времени" хранится в университетском сознании Казани и поныне. Долгое время после революции 1917 г. "бывшие" служили сотрудниками кафедр, научных кабинетов, музеев, архива и библиотеки. Их манера одеваться, держаться, их образ жизни так контрастировали с унифицированным советским укладом повседневности, что делали их объектом повышенного внимания и не всегда здорового любопытства. Кто-то их обвинял, кто-то их откровенно боялся, а кто-то им подражал. Сохранению этой маргинальной культуры в университете способствовали и периодические "вливания старого вина в новые меха". В конце 1940-х годов университетскую корпорацию Казани "разбавили" представители российской интеллигенции, выехавшие их Шанхая. А в середине 1950-х годов в Казанский университет были отправлены (фактически, сосланы) вернувшиеся в Россию ученые-эмигранты.

В целом, в советское время статус и социальная роль университетской культуры подверглись значительным изменениям. С одной стороны, эта эволюция стала закономерным результатом тех политических процессов, которые происходили в стране, а с другой – итогом последовавших вслед за 1917г. культурных экспериментов. В образовательном поле советского государства университеты оказывались то на грани уничтожения, то в ранге элитарных школ. А в постсоветское время целый ряд специализированных институтов и академий стали университетами, вступив тем самым на путь перерождения. Следствием данного процесса стало появление в массовом сознании понятия "классический университет", под которым подразумевалась и подразумевается заповедная форма высшей школы.

Ученые корпорации институтов и академий Казани, сформированные либо полностью из университетских воспитанников, либо находящиеся под сильным влиянием университетской среды, имели тот же уклад жизни, что и университетские люди, вместе с ними образуя социальный и культурный слой советской научной интеллигенции города. В результате в советское время преподаватели университета стали частью довольно широкого слоя отечественной вузовской интеллигенции, а студенческая модель поведения воплотила в себе молодежную культуру города. Ныне мы уже не можем говорить о специфичном именно для университета стиле жизни. Но все же в организации повседневности людей, составляющих университетскую корпорацию, есть особый "университетский дух".

Казанский университет является частью мировой университетской культуры и подпитывается ею. Сейчас его люди поддерживают тесные контакты с зарубежными коллегами. Они более глубоко, чем иные горожане, в том числе и бизнесмены, соприкасаются с повседневной жизнью европей-

ских и американских интеллектуалов. Длительные зарубежные стажировки студентов, аспирантов и преподавателей, частые международные конференции, симпозиумы, чтение лекций профессорами в зарубежных университетах позволяют понять смысл и логику европейской повседневности. Такой опыт приводит не к поверхностной стилизации, а порождает культурное обогащение. И если ранее человека, "пожившего там", соотечественники определяли по одежде и вещам, то теперь отличительным признаком коллег, интегрированных в университетскую культуру Запада, становятся широта культурных интересов, разнообразие форм досуга, манера держать себя в обществе, язык жестов, отношение к учебе и профессиональной деятельности и т.д.

После революции 1917 г. стиль жизни университетского человека начал постепенно меняться, приспосабливаясь к новой реальности и все отчетливее наделяясь элементами "советскости". Иначе и быть не могло, поскольку университетское сообщество не было отграничено от окружающей его радикально преобразуемой действительности, а каждый его представитель так или иначе соприкасался с имевшими место преобразованиями и, по большому счету, являлся их объектом. Другое дело, что изменение стиля жизни могло осуществляться университетскими людьми сознательно, а могло происходить помимо их желания и воли, под давлением складывавшихся условий и обстоятельств.

Стиль жизни университетского человека в советский период – это сложный, подчас странный и причудливый конгломерат традиций, правил и норм нового, "советского" поведения и устойчиво сохранявшихся (а иногда и свято хранимых), трудно искореняемых и разделяемых абсолютным большинством преподавателей и студентов специфических особенностей собственно "университетского" бытия.

История интеллектуального сообщества Казани демонстрирует устойчивость и живучесть этого особого "стиля". В самом деле, после обновления состава корпорации в нее влились люди, многие из которых до того стояли довольно далеко не только от университетской культуры, но и вообще от "высокой" культуры, как таковой. Войдя в состав университетского сообщества, они привнесли сюда не просто отдельные черты своего традиционного жизненного уклада, но – в связи с массовостью присутствия – и весь свой стиль жизни как особый тренд, как особую характеристику повседневного поведения и межличностных отношений. К тому же, "новая культура жизни" пропагандировалась властями, поощрялась и насаждалась "сверху", что, безусловно, способствовало ее распространению и укоренению.

Однако вот что странно. Носители "нового" уклада довольно быстро оказались под обаянием магии Университета. Сначала они присматривались, а затем и воспроизводили "университетский стиль", его правила, черты и манеры, ибо оказалось, что без них университетская жизнь лишена своей "самости" и смысла. Без них это был уже не университет, куда большинство этих людей, действительно, искренне стремились попасть, не храм науки, а обычное советское учреждение, населенное советскими служащими. Конечно, интеграция в интеллектуальную культуру была и затяжной, и болезненной. Выстроить свой стиль жизни в соответствии с университетскими традициями удавалось не каждому и не сразу. Но, так или иначе, молодые люди, пришедшие сюда из иной культурной среды, встраивались в академическую повседневность, наполняя "большую" университетскую жизнь опытом "маленьких" частных жизней.

Геологическая экспедиция Казанского университета

Академическая повседневность. В первые послереволюционные годы в университете начались эксперименты с хронологией учебной жизни. В 1919 г. был введен летний семестр (триместр), продолжавшийся с 21 апреля по 20 июля[160], в декабре 1929 г. – "пятидневка", а в 1932/33 учебном году – "шестидневка" (с единым днем отдыха, приходившимся, соответственно, на пятый или шестой день)[161]. В военные годы учебное время еще более уплотнилось. КГУ перешел на трехлетнюю форму обучения, были отменены выходные дни и отпуска преподавателей, сокращены до одного месяца летние каникулы и до одной недели – зимние[162]. В те годы учебная нагрузка преподавателя составляла 42 часа в неделю. А в "свободное" время студенты и их учителя трудились в колхозах и совхозах, на разгрузке барж и вагонов, работали в госпиталях и на заводах, в мастерских. В 1946 г. в университете был восстановлен 8-часовой рабочий день, ежегодные оплачиваемые отпуска, воскресный выходной. Студентам вернули каникулы: двухнедельные зимой и двухмесячные летом. С тех пор структура времени труда и отдыха университетского человека практически не менялась.

Учебное время в любом университете размечено часами занятий. Их форма сохраняется в неизменном виде в течение почти тысячелетия: лекция, семинар, практикум, коллоквиум, зачет, экзамен, публичный диспут (или защита результатов исследовательской работы). Судьба Казанского университета показала, что попытки отменить классические для нашей страны формы обуче-

[160] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 2, д. 1, л. 25 об.
[161] Сидорова И.Б. От "великого перелома" к началу стабилизации: 1930 – 1940 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 196, 197.
[162] Телишев В.Ф. Военное лихолетье: 1941 – 1945 гг. // Очерки истории Казанского университета. С. 223.

Студенты-журналисты на практике. 1962 г.

ния ведут к разрушению университетской жизни. Опробовать новые методы организации учебного процесса и проверки знаний пытались здесь с первых лет советской власти. Наиболее радикальными они были во второй половине 1920-х годов и наиболее сильно коснулись жизни рабочего факультета. Уже в 1924 г. выпускные испытания там были заменены "коллективным зачетом", в ходе которого группа студентов выясняла у своего товарища качество усвоения учебного материала, дисциплинированность и активность в общественной работе[163]. А после введения в 1926 г. новых учебных программ многие лекционные курсы были ликвидированы вовсе и заменены практическими занятиями[164]. Вместо параллельного изучения нескольких предметов было введено "циклическое" освоение блока дисциплин. Таким образом, студенты изучали одновременно не более 3 – 4 учебных курсов[165]. Это, по мнению сторонников "концентрации", должно было освободить преподавателей для исследовательской работы и повысить студенческую успеваемость. В 1927 – 1928 учебных годах посещение лекций было объявлено делом свободной воли учащихся. Полученные знания оценивались в категориях "удовлетворительно" и "весьма удовлетворительно"[166]. Срок обучения студентов сократился до трех-четырех лет. А сам учебный год начинался в разные осенние месяцы. К тому же с декабря 1929 г. было отменено семестровое расписание, так как в университете занимались по пятидневкам[167].

[163] Корбут М.К. Об учетной кампании на рабфаках// Голос пролетарского студенчества. 1924. № 2. С. 21 – 22.
[164] Бикташева А.Н. Вместо императорского – государственный: 1922 – 1929 гг. // Очерки истории Казанского университета. С. 174.
[165] Сементовский В. О концентрации дисциплин и распределении академического года// Ленинец. 1929. № 4 (14).
[166] Курбангалиева Х.М. Годы учебы в Казанском университете// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10083/2, л. 4.
[167] Сидорова И.Б. От "великого перелома" к началу стабилизации: 1930 – 1940 гг. С. 196.

Студент-биолог на практике. Новая Земля 1980-е годы.

В 1930 г. университет перешел на заимствованный из практики средней школы так называемый "активный бригадно-лабораторный метод обучения". При нем академические группы должны были делиться на бригады, состоящие из 3 – 5 студентов. Однако из-за дефицита преподавателей, в КГУ они обычно составляли 6 – 8 человек[168]. Эти группы самостоятельно занимались "проработкой" учебных заданий, а затем на семинарском занятии или на особых проверочных встречах коллективно отчитывались перед преподавателем. Соответственно этому, и оценка знаний производилась не посредством индивидуальной беседы с каждым студентом, а на основании коллективных отчетов бригад о выполнении полученных заданий. Место общих и специальных курсов заняли вступительные лекции, предваряющие самостоятельную работу студентов.

По заверениям инициаторов бригадно-лабораторного метода, его применение должно было способствовать развитию у учащихся чувства коллективизма, взаимопомощи, взаимного контроля, а, следовательно, привести к лучшему овладению знаниями. Реально же его введение имело протекционистскую подоплеку – нужно было создать особые условия для неподготовленных к обучению в университете выходцев из числа рабочих и крестьян. Та же идея лежала в основе созданного в эти годы института "выдвиженцев". Это была своеобразная пред-аспирантура, но рекомендацию в не – давали не университетские преподаватели, а партийные и комсомольские организации.

Учебные бригады комплектовались таким образом, чтобы в их числе были и "гегемоны", и студенты, пришедшие в университет со школьной скамьи. Вчерашние школьники должны были "внимательно слушать и конспектировать лекции, изучать по учебникам и дополнительной литературе читаемые курсы, а затем передавать приобретенные знания старшим товарищам по бригаде, готовить их к зачету". При этом "старшие товарищи" напоминали "молодым", что "мы девятилеток не кончали, поэтому ваша обязанность и долг помочь нам овладеть университетской наукой хотя бы за то, что мы своим трудом помогли вам получить полное среднее образование"[169]. Классовая риторика была в те го-

[168] Афанасьева Т.П. Прошлые эпохи университета // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10074, л. 4.
[169] Трофимук А.А. Казанский университет – моя «альма-матер» // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10100/1, л. 3.

Педагогическая практика в пионерском лагере. 1985 г.

ды типичным явлением и воспринималась как нечто само собой разумеющееся, а бригадный метод имел свой глубокий смысл: она сглаживала уж очень разную подготовку студентов.

Творческий подъем и энтузиазм, охвативший многих студентов и преподавателей в годы первой пятилетки, некоторое время скрывал несостоятельность "бригадно-лабораторного метода", хотя уже в первый год его применения были отмечены такие серьезные недостатки, как отчужденность профессорско-преподавательского состава от студенчества[170] и низкая успеваемость учащихся. Но приверженцы "метода" объясняли это его новизной, неумелым применением и не допускали критики самой системы. Для осуществления данного метода, действительно, требовались особые условия обучения: прежде всего, наличие хорошей материальной базы (аудиторий, лабораторий, оборудования, учебных пособий), а также достаточное число преподавателей, так как студенты нуждались в постоянных консультациях. Поскольку таких условий в КГУ не было, бригадно-лабораторный метод обучения здесь, как, впрочем, и везде не был успешным.

"Старая" профессура откровенно бойкотировала новый метод, протестовала против профанации университетского обучения. Это послужило поводом для специальной проверки Казанского университета Рабоче-крестьянской инспекцией. По ее результатам 13 декабря 1930 г. вышло постановление Наркомпроса, в котором указывалось на "недопустимо оппортунистическое отношение некоторой части профессорско-преподавательского состава" к бригадно-лабораторному методу, коллективу предлагалось "выявлять" и разоблачать его "срывателей"[171].

---

[170] В конце 1920-х – 1930-е годы регулярная, посвященная учебной жизни, полоса "Академический листок" в университетской газете "Ленинец" нередко предварялась лозунгом: "Профессура должна стать ближе к студенчеству!"

[171] Цит.по: Сидорова И.Б. От "великого перелома" к началу стабилизации: 1930 – 1940 гг. С. 197.

Отстаивая право на реальную оценку знаний учащихся, профессора оказывались в конфликте с идейными студентами. Так, профессор-физиолог А.М.Алексеев отказался ставить зачет девушке, не ответившей на контрольные вопросы. В ответ "бригада" отказалась покинуть аудиторию. Профессор вызвал служителя, который и выставил бунтарей[172]. Бурно проходили и заседания так называемых "предметных комиссий", в которые входили представители студенчества. Здесь постоянно шли дебаты о методах преподавания. Студенты упрекали профессоров за приверженность буржуазным приемам – лекциям, зачетам, экзаменам, преподаватели осуждали воспитанников за нежелание учиться и дискредитацию университетского образования[173].

Почва для такого рода конфликтов исчезла только в 1932 г., когда постановлением ВЦИК в университет была возвращена индивидуальная форма проверки знаний в форме зачетов и экзаменов. Тогда же возродились трехбальная система оценок, полугодовые зачетно-экзаменационные сессии, пятилетний срок обучения и защита дипломных работ (с 1937 г. – госэкзамены), шестидневная неделя с единым днем отдыха и твердым расписанием занятий. С 1936 г. лекция вновь стала одной из основных форм обучения. Однако пережитки бригадно-лабораторного метода (например, групповая проработка лекционного материала) сохранялись в Казани вплоть до 1936 г.

Академическая повседневность КГУ в карикатурах, опубликованных в газете "Ленинец". 1930-е годы

Постановлением 1932 г. в аспирантуру рекомендовалось брать студентов только с высокими показателями в учебе и по рекомендации кафедр и советов, а не по социально-политическим мотивам. В эти годы в учебный процесс стали возвращаться испытанные десятилетиями формы и ритуалы. С восстановлением ученых степеней в университете ожил ритуал публичной защиты диссертаций[174]. С тех пор и до наших дней академическая повседневность Казанского университета складывается из тех же норм и форм учебной и научной жизни, что и повседневность любого классического университета Европы.

---

[172] Курбангалиева Х.М. Годы учебы в Казанском университете, л. 4 – 5.
[173] Арбузов Б.А. Из воспоминаний о Казанском университете // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10099/1, л. 9.
[174] Так, 11 декабря 1938 г. прошла первая на геологическом факультете защита кандидатской диссертации А.А.Трофимука, вызвавшая огромный интерес: зал был набит до отказа аспирантами, студентами и преподавателями всех факультетов (см.: Трофимук А.А. Казанский университет – моя «альма-матер»// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10100/1, л. 20).

На экзамене

Но, в отличие от европейских коллег, важной частью повседневности советского профессора, доцента, ассистента и студента была общественная работа и общественно-полезный труд. Партийные, профсоюзные и комсомольские собрания, ленинские уроки и зачеты, чтение лекций по линии общества "Знание", поездки в колхозы и совхозы, освоение целины, сбор колосков и веточного корма, работа на стройках, на подшефных предприятиях, на хлебозаводах и овощных базах, уборка городских территорий, участие в культмассовых и спортивных мероприятиях, в избирательных и переписных кампаниях заполняли день университетского человека. И во многих из них он не был инициатором или добровольным исполнителем. Количество общественных нагрузок у многих достигало полудюжины, а то и больше. И если в начале XX в. активное участие университетских людей в общественной жизни было следствием убеждения, то в советское время эта мотивация сильно изменилась.

Конечно, в университете всегда были энтузиасты общественной работы. Они делали ее с удовольствием, самоотверженно. Некоторые из них создавали свою, отличную от академической, карьеру и, в случае успеха, продвигались по партийной, профсоюзной или комсомольской линии. Университет оказывался для них стартовой площадкой в административной или политической сфере. Рядовыми же участниками коллективных мероприятий общественная жизнь воспринималась как цикличный ритуал: в определенное время и в определенном месте встречались люди для совместных действий. Безусловно, эти действия сближали их участников. Не случайно, в те годы университетские люди знали друг друга намного лучше, чем сейчас, а отношения преподавателей и студентов были гораздо более близкими и не столь формальными, как сегодня. Но у общественной жизни было и другое лицо. Принудительное распределение поручений создавало сложную ситуацию для людей, стремившихся не к политической или административной, а к научной и педагогической карьере. Особенно тяжело приходилось начинающим преподавателям. При раздаче общественных нагрузок им доставалось больше всех. Уклонение же от поручений или от их выполнения грозило университетским людям серьезными неприятностями. У преподавателя могли возникнуть проблемы при перевыборах на новый срок, студент-отличник лишался повышенной стипендии, комсомольцы могли не сдать Ле-

Общественная жизнь КГУ 1930-х годов в карикатурах газеты "Ленинец"

нинский зачет. "Общественное" в те годы ставилось выше "личного", а потому ссылки на семейные обстоятельства, на нежелание, неспособность или на право частной жизни в расчет не принимались. Против всего этого выдвигался один, но непобедимый риторический контраргумент: *"Вы же комсомолец (член партии, советский преподаватель и т.д.)!"*

Временами эта проблема достигала гипертрофированных размеров. Например, в 1920-е годы вопрос, что важнее – учеба или политическая активность – решался однозначно в пользу общественной деятельности. "Академика", как тогда называли учебную повседневность, считалась вторичной, периферийной в жизни университетского человека. Но начиная с 1930-х годов приоритеты изменились. В этом году газета "Ленинец" опубликовала рассказ, главный герой которого, некий "активист", предстал перед читателем как персонаж высмеиваемый и негативный. Открывает повествование дневниковая запись типичного для той поры студента:

"4 часа – заседание профделегатов курса,
5 часов – заседание АПО комиссий коллектива КСМ,
5 часов 30 минут – собрание фракции научного кружка,
6 часов – заседание комиссии по работе с перестками,
7 часов – собрание агитационной группы,
7 часов – собрание корреспондентов".

Далее автор рассказа красочно описывает, как его герой судорожно мечется с одного заседания на другое, ничего не успевая и катастрофически запуская учебу, и заключает: *"Таков в большинстве тип активиста. Этот активист – он не только не нужен, но он вреден для организации. Занимаясь всем, он не делает ничего. Больше нужно уделять внимания человеческому материалу"*[175]. Поворот был сделан и сделан окончательно. Однако признав значимость учебы для университетской жизни, власти и местная администрация не освободили студентов от использования их в качестве бесплатной рабочей силы. Лишь физические отклонения позволяли избежать всеобщей участи. Один из наших респондентов рассказывал: *"Мне очень повезло. Когда я учился, в своей группе я был ростом самый маленький. Нашу группу*

[175] Л.П. Активист // Ленинец. 1930. № 9. С. 7.

Студенты КГУ на военных сборах. 1950-е годы

постоянно снимали с занятий – то вагоны разгружать, то дрова пилить, то на стройку какую-нибудь. А я, и еще парочка таких же как я, за всех учились. В результате я стал хорошим инженером".

Специфика организации трудовой повседневности университетских преподавателей – отсутствие фиксированного 8-часового рабочего дня. Обычно это является предметом зависти людей, не посвященных в трудности и сложности педагогического ремесла. Часто можно услышать: "Им хорошо! У них отпуск – почти два месяца, причем летом, на работу ходят не каждый день, да и там не особо утруждаются – проведут пару занятий, поработают часа три, а остальное время – свободны". При этом напряженная подготовительная работа, остается как бы "за занавесом" и не очевидна для стороннего наблюдателя.

Но каждый, кто когда-либо читал лекции, знает, как трудно впервые прочитать большой лекционный курс, как нелегко это сделать и во второй, и в третий раз, и только лет через 5 – 6 преподаватель начинает чувствовать себя более-менее уверенно перед аудиторией. Однако процесс подготовки к лекциям не прекращается и после этого: сколько бы лет не читался лекционный курс, каждый раз его необходимо совершенствовать и обновлять, вводить в него новые результаты научных исследований. Только тогда эти лекции будут интересны студентам, и только тогда самому будет не стыдно их читать.

Хороший лектор стремится овладеть аудиторией, захватить ее внимание, удержать его в непрерывном напряжении, и, вместе с тем, донести до сознания слушателей свои идеи и мысли. Такая задача требует не только знания материала и отличной памяти, но и предварительной подготовки. На некоторых факультетах Казанского университета чтение лекций по конспекту традиционно отвергается, поэтому лектор перед каждым занятием "прогоняет" весь материал, а иногда – и не один раз! А у многих преподавателей гуманитарных факультетов, где лекция является едва ли не основной формой обучения, годовая "голосовая" нагрузка часто составляет по 230 – 250 часов, что нелегко и психологически, и чисто физически.

Увлечь огромную аудиторию в несколько десятков, а то и в сотню человек, заставить ее не просто слушать лектора, а стать активным соучастником процесса обретения знания способен далеко не каждый, пусть даже и та-

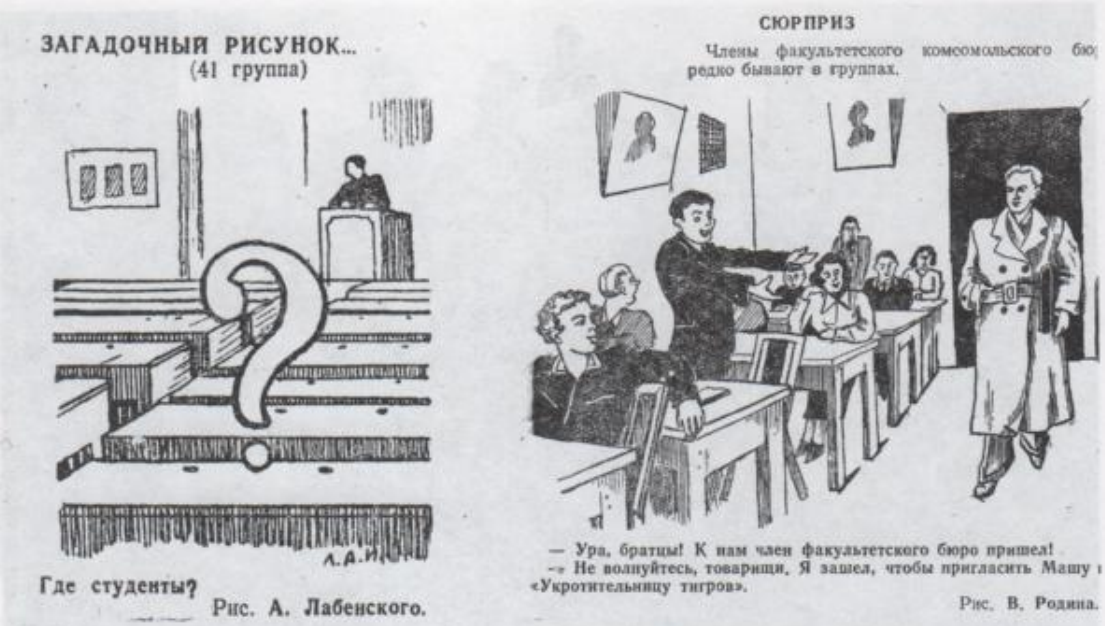
Лекция Е.К.Завойского. 1939 год

лантливый исследователь. Лекция – это маленький спектакль или "маленькая жизнь", проживаемая преподавателем и его слушателями. Завоевать доверие и любовь "зрительного зала" – счастье и творческая удача для университетского человека. Соответственно, для успеха в профессии в университете мало быть хорошим ученым и увлеченным исследователем, преподавателю нужен артистизм и любовь к людям. По словам В.О.Ключевского, надо "*любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь*"[176].

Вместе с тем, в отличие от коллег из других учебных заведений неотъемлемую часть трудовой повседневности университетского преподавателя составляет научно-исследовательская работа. Ее результатом являются не только научные публикации, не только признание коллег и известность в научном мире, но и уважение студентов, которые гордятся своими учителями. Университетский человек осуществляет перевод "научного" знания в "нормативное" посредством создания лекций и учебников. Все это вместе взятое обеспечивает сложный, но столь необходимый процесс непрерывности и преемственности научных идей и традиций, сосуществования научных направлений и школ. Вспоминаются невзначай услышанные разговоры студентов, когда они хвастались друг перед другом научными результатами своих руководителей. В то же время никак не забыть и брошенную вскользь ироничную фразу: "*Я его (названо имя преподавателя) за все пять лет учебы в университете в библиотеке ни разу не видел!*"

Так сложилось, что в практике многих сотрудников Казанского университета научная работа поглощает все время, остающееся после проведения учебных занятий и осуществления административной, и методической работы. Научные успехи даются либо за счет безумной интенсивности труда, либо за счет частной жизни и "минимализма" повседневных желаний. Но когда у молодого исследователя появляется соблазн сделать науку приоритет-

[176] Ключевский В.О. Сочинение в девяти томах. М., 1990. Т.IX. С. 371.

Учебная повседневность КГУ второй половины 1940-х – 1950-х годов в карикатурах газеты "Ленинец"

ной по отношению к преподаванию, то качество его лекций и практических занятий охраняется не только формальными проверками и контролем администрации, но и профессиональной честью корпорации. И потому на исследовательскую работу остаются только выходные дни, долгожданные праздники, каникулярные месяцы. Для многих наших коллег отпуск является единственной возможностью поработать в российских и зарубежных архивах, библиотеках, институтах и лабораториях (во время "учебного процесса" уехать нельзя!). И даже пребывание "на больничном" воспринимается университетскими людьми как случай заняться нужной работой "на дому". Одна из опрошенных респонденток вспоминала, как навещала в больнице коллегу, перенесшего инфаркт: *"Заглядываю в палату. Палата – на четверых. Трое лежат, отдыхают, один – примостился бочком и что-то пишет". Онто и оказался заболевшим коллегой, который писал очередную научную статью – "ведь неудобно, обещал же!"*. Тема "профессор в больнице" – одна из популярных в шутках казанских врачей. Все знают, что преподаватели – это самые неудобные, "сумасшедшие" пациенты, вечно рвущиеся на работу.

К счастью, сегодня научное творчество университетских людей поддерживается системой отечественных и международных грантов. Они позволяют и молодым, и зрелым ученым получить доступ к информационным системам, войти в международное научное сообщество, освоить новые технологии производства знания. Вместе с тем, система распределения и получения финансовой поддержки не только способствует значительной интенсификации научного труда, но и устанавливает иерархию исследовательских проблем, ориентированную на вкусы учредителей фондов или их экспертов. Но как бы к ней не относились, как бы на нее не сетовали, эта система вошла в университетскую жизнь и стала характерной чертой повседневной жизни преподавателя.Сегодня она в значительной мере определяет ритм и стиль его жизни.

Учебная, научно-исследовательская, общественная работа– три важнейших компонента трудовой повседневности университетского человека. Но рассказ о стиле жизни был бы явно не полным, если обойти вниманием сферу его частного повседневного существования.

Частная жизнь. Революция 1917 г. распахнула двери университета не только для выходцев из рабочей и крестьянской среды, но и для женщин. В состав университета были включены Высшие женские курсы и Повивальный институт, что существенно изменило не только классовую, но и половую структуру студенчества. В 1919 г. на 2035 мужчин-студентов приходилось 635 женщин, в 1921 г. на 2367 – 365. В 1929 г. из 480 студентов, принятых в Казанский университет, 223 человека составляли женщины[177]. Это соотношение сохранялось и в дальнейшем. Советская власть гарантировала равные права всем угнетенным, и женщины должны были стать равноправными строителями новой жизни.

Дайте шире нам дорогу,
К свету мы идти хотим,
Из обломков и развалин
Наш фундамент создадим! –

писала студентка – рабфаковка в 1922г.[178].

Политика формирования "новой женщины" отражалась не только в нормативных актах публично-правового характера, но и в документах, определявших положение женщины в сфере семейно-брачных и частно-интимных отношений. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. узаконил гражданскую форму брака, облегчил процедуру развода, отменил ограничения для вступления в брак (разрешение родителей или опекунов, разноверие и т.д.). Место "маленькой"семьи в жизни нового человека должна была занять "большая советская семья" и в этой связи пересматривалась сама идея родства: родство по крови заменялось родством идеологическим.

В 1920 г. в России был легализован медицинский аборт. Женщина последовательно освобождалась от семьи и прочих патриархальных пережитков "проклятого прошлого". В те годы большую популярность в молодежной, а особенно в студенческой среде приобрели идеи Александры Коллонтай, активно пропагандировавшей революцию нравов, новые формы семьи и брака: "Любящая пара, а живут врозь. Даже при регистрации брака. Видятся урывками. Оба работают. Дело, общественная обязанность – прежде всего. При этом муж демонстрирует большую ориентацию на квартиру, дом и жену. А жена уходит и не хочет такой семьи. Хочет работать. И лучше разойтись, чем жить по-прежнему!"[179], – учила властительница женских дум.

Новая гендерная политика воплотилась и в популярных в студенческой среде теориях "стакана воды" и любви "без черемухи", пропагандировавших полное сексуальное раскрепощение. Эти идеи легли на благодатную почву школярской вольницы и легко прижились в университете. Ведь, несмотря на изменившиеся времена, казанские студенты 1920-х годов, так же как и их дореволюционные предшественники, любили заглядывать в публичные дома в районе Мокрой слободы и так же, как и повесы прошлого столетия, воспевать хвалы Венере:

Любви немножко,
Красы чуть-чуть,
Денег побольше –
Вот в чем вся суть[180].

И трезвенниками университетских юношей тех лет тоже никто не решился бы назвать. "Настоящих пьяниц среди студентов, кажется, не было, –

---

[177] Итоги приема 1929 года // Ленинец. 1929. 12 окт. С. 4.
[178] Чекменова М. Дорогу красным студентам // Красный студент. 1922. № 2. Л. 2 об.
[179] Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство. Пг.; Харьков, 1922. С. 15.
[180] М.В. Дом № 914 // Красный студент. 1924. № 3. С. 12.

Студентка КГУ 1920-х годов

вспоминали очевидцы, – но нашлись все же и такие, что брали в работу (перекристаллизация спирта) избыток исходных веществ, вели перекристаллизацию продукта из воды. Спирта им доставалось глотка два – три"[181].

Что касается девушек, то пришедшие в университетские аудитории воспитанницы быстро усваивали мужские поведенческие стандарты, стремились подражать своим коллегам – мужчинам. Отказавшись от женской идентичности, студентки с трудом и не без жертв создавали свою новую самость. Этому способствовала и общая социокультурная ситуация в стране. Героиня популярного в студенческой среде рассказа Пантелеймона Романова "Без черемухи" (1926) убеждала современниц в том, что "солдатам революции не до нежностей и сантиментов", что "любви у нас нет, у нас есть только половые отношения", что "право на существование имеет только физиология"[182]. Советские девушки-студентки не мечтали о принце на белом коне. Идеал возлюбленного был таков: "Я... терпеть не могу мужчин маленьких, слабеньких, скромных. Мужчина должен быть высок, силен; он говорит громко, глаза у него большие, огненные, а чувства смелые, не знающие никаких препятствий. Пожелал и сделал – вот мужчина"[183].

Менялись не только сами женщины. В 1920 – 1930-е годы университетские мужчины создали своеобразный эталон женской красоты. Студентам-юношам нравилась девушка крепкая, плотная, с мужскими повадками и жестким характером. Причем это не было вопросом личного эстетического вкуса. За проявления женственности студенток исключали из коммун и комсомольской организации. "Часто меняет туалеты, чересчур чистоплотна и вообще... мещанка", "кисейная барышня", "какая она коммунарка, - нежная, хрупкая, ей самой нужна нянька, а, кроме того, она ест двумя пальчиками" - такова стандартная аргументация в процессе деления корпорации на "своих" и "чужих"[184]. Впрочем, несмотря на культурные запреты, образ прекрасного женского тела все же прорывался на страницы рукописной студенческой периодики. "*Недалеко от него был его кумир,* – фантазировал студент Савельев. – *Она была во всем белом. Изящное короткое пла-*

[181] Ключевич А.С. Воспоминания химика – выпускника КГУ. Казань, 2002.
[182] Романов П. Без черемухи. М., 1990. С. 315.
[183] Гайсов Г. Женский характер // Красный студент. 1924. № 1. Л. 10.
[184] Пролаза. Балласт // Ленинец. 1929. 27 нояб. С. 5.

тье облегало ее тонкую талию и пышную грудь. На ногах были изящные ботинки и ажурные белые чулки: сквозь последние, как ему показалось, просвечивало ослепительное белое тело"[185].

Свобода в выборе полового партнера стала реальностью и в жизни последователей нетрадиционных форм сексуальных отношений, например, гомосексуалистов. В декабре 1917 г. были отменены наказания за такие связи. Нет подобных репрессивных статей и в уголовных кодексах 1922 и 1926 гг.

В те годы в университетской среде были чрезвычайно популярны внебрачные отношения. Причем нередко их инициаторами выступали студентки и преподавательницы, которые легко сходились с мужчиной на короткие сроки (на неделю или даже на ночь). На человека, который ждал от любви нечто большего, чем физическое удовлетворение, смотрели как на "белую ворону" и подозревали в мещанстве. Пропаганда свободной любви привела не только к росту абортов в студенческой среде, но и к увеличению числа беспризорников. Молодые мамы с такой же легкостью отдавали своих новорожденных детей на воспитание государству, как и лишали себя материнства. Правда, побуждали их к тому не только свободолюбивые идеи, но и объективные причины. Экономические возможности молодой советской республики были чрезвычайно ограничены, и прокормить детей, рожденных в свободных браках, они были не в состоянии.

Складывавшаяся в университете ситуация не способствовала нормальной учебе и активному участию студентов, и особенно студенток, в общественной работе. Подводя итоги приема абитуриентов на рабфак в 1922 г., его заведующий М.К.Корбут писал: *"Женщин принято незначительное число, но об этом не приходится жалеть, хотя я не противник того, чтобы женщины учились на рабфаке, но все же скажу, что женщины мало выявляют свои способности на рабфаке, мало проявляют активную работу и частенько, не закончив образование, из старших групп выбывают с рабфака"*[186].

"Освободив" женщину и декларировав свободу сексуальных отношений, советское государство, тем не менее, не отказалось от контроля над частной жизнью граждан. И падение нравов студентов всерьез беспокоило партийное руководство и университетскую администрацию. В конце-концов, сегодняшний учащийся должен был стать завтрашним партийным или хозяйственным лидером. Споры вокруг морального облика современной молодежи велись почти на каждом собрании университетской партячейки. Правда, некоторые участники этих дискуссий полагали, что учащиеся просто устали от революции и гражданской войны, что скоро они "успокоятся". Но большинство спорящих не были склонны пускать жизнь на самотек и требовали принятия решительных мер.

Упорядочение ситуации началось с досуга. Журнал рабфака "Красный студент" в 1922 г. бурно обсуждал формы студенческого времяпрепровождения. Чем занимаются юноши и девушки, живущие в университетском общежитии? В серии статей анонимный журналист, скрывающийся под псевдонимом "Доброжелатель", описывал свои наблюдения: "Начали играть. Все по очереди подбегали к столу, узнавая свой жребий. Один из товарищей, "В", должно быть, старший в игре, и как только с хохотом вынимал жребий, то спрашивали остальные, что ему делать. "Горячий поцелуй", – командовал старший, комната наполнялась сплошным хохотом, и парочка почти что с раскрасневшимися лицами целовались друг с другом"[187], "сначала танцы, потом все со-

---

[185] Савельев П.Е. Майской ночью (набросок) // Красный студент. 1922. № 1. Л. 10 об.
[186] В.М. Студентки // Красный студент. 1923. № 1. Л. 5.
[187] Доброжелатель. Как мы живем в общежитии // Красный студент. 1922. № 2. Л. 12 об.

бравшиеся в кружок смотрят на какого-нибудь Ваньку, который, постукивая во всю мочь каблуками, которые являются наследием невежества и тьмы, както "Фантик" и поцелуи, или веревочка, где кавалер, желая поцеловать красивенькую барышню, бьет ее по рукам и целует"[188]. Понятно, что автор был возмущен этими сантиментами, он заявлял, что такие игры позорят советского красного студента. И хотя некий "Филантроп" миротворчески уверял, что ничего страшного не происходит, что в общежитии живут молодые люди, "которые иногда могут возыметь фантазии такого рода", что "человек – стадное животное и желает время от времени собираться в кучку и побыть вместе", что "лучше устроить товарищескую вечеринку, чем целыми вечерами валяться в койках"[189], тем не менее, из Москвы пришло четкое указание прекратить мещанство. Студенческая газета озвучила это распоряжение "сверху" в виде следующего призыва: "Наше ли это, все эти "салонные" игры, фанты, поцелуи, грязные анекдоты? Нет, товарищи казанцы, это не наше, не рабочее, не так мы должны отдыхать и развлекаться"[190].

Советская власть наводила порядок не только в делах, но и в мыслях и чувствах молодых граждан. Опыт показал, что, разрушая семью, пропагандируя свободные сексуальные отношения, власть утрачивала контроль над молодежью. С конца 1920-х годов прослеживаются попытки регламентировать отношения между молодыми людьми, в том числе и в студенческом коллективе. "*Ш.С. девушка рабочая,* – комментировала происходящие в студенческой коммуне события университетская газета. – *Из коммуны ее исключают за нарушение устава. Главное к ней обвинение – это то, что она извращает быт, у нее на постели два раза сидел молодой парень до двенадцати часов, и потом... ее видели в учебной комнате; там она тоже сидела с парнишкой до двенадцати*"[191]. С годами мораль советского общества становилась строже и целомудреннее, все более обретая пуританскую и даже ханжескую окраску.

Реабилитация семьи и семейных ценностей потребовала восстановления традиционных норм поведения мужчин и женщин. И, переходя в другую крайность, университетские активисты стали клеймить флирт и кокетство, выискивая в них проявления морального упадка. Отныне симпатия и любовь почитались "полностью предосудительными" и расценивались как остатки "гнилого мелкобуржуазного поведения". Семейные отношения советских людей должны были быть наполнены разделяемыми идеями и стремлениями, нацелены на выполнение детородного долга перед государством.

В 1930-е годы частная жизнь стала объектом публичного анализа и показательных процессов. Неверные супруги и провинившиеся отцы подвергались общественному осуждению. Эталонной считалась крепкая семья единомышленников, ее устройство всячески поощрялось. Но для студентов семейная жизнь представляла альтернативу учебной. Как правило, учащиеся не имели достаточных материальных средств, чтобы содержать супругу. "*До учебы в техникуме жениться было еще рано,* – припоминает И.Г.Валидов, – *тем более, какой же я был жених, когда отец на каждом шагу ругал, что я не смогу заработать и себе на пропитание*"[192]. Женитьба влекла за собой и заботу о детях. Родившись в семье студентов или аспирантов, они оказывались в крайне стесненных условиях. "*Летом 1935 года, после окончания 3 курса, я вышла замуж за Ибрагима*

---

[188] Доброжелатель. Слово о делах в общежитии // Красный студент. 1922. № 3. Л. 13 об.
[189] Филантроп. Несколько слов по поводу статей об общежитии // Красный студент. 1923. № 1. Л. 19 об.
[190] Доброжелатель. К статье "Филантропа" // Красный студент. 1923. № 1. Л. 21.
[191] Пролаза. Об одной чистке // Ленинец. 1929. 27 нояб. С. 5.
[192] Женился Валидов только после защиты диссертации и нескольких лет работы ассистентом. Ему тогда было 33 года (Валидов И.Г. Воспоминания // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10065, л. 13).

Гильмановича и переехала к нему в аспирантское общежитие на улице Сакко и Ванцетти, – свидетельствовала М.А.Габбасова. – *Комната была в одно окно, а всю мебель составляли кровать, стол, тумбочка и два стула. Квартиру во дворе университета мы получили много позднее, а шесть лет прожили в этой комнатенке, учились, трудились, растили дочь*"[193]. Такие воспоминания типичны для университетских людей тех лет. Женатые студенты выдерживали колоссальную нагрузку, ведь в 1930-е годы человек не принадлежал себе, он был собственностью государства и партии. В соответствии с этим, университетские люди всех рангов и любого положения были обязаны заниматься общественной работой, которая отнимала массу времени и подчас требовала полной самоотдачи.

Однако молодость, да еще студенческая, всегда легкомысленна и мечтательна. Когда в Казанском университете начала издаваться газета "На вузовской стройке", на призыв присылать корреспонденцию откликнулись многие. Что же волновало студентов? Может быть, учеба, зачеты? Или социалистическое строительство и пятилетки? Нет – любовь и только любовь. Вот образцы заглавий присланных в газету стихов: "Греза", "Грезы", "К ней", "Мечты", "Любовь", "Осеннее раздумье". А это образец студенческой лирики тех лет:

Она пришла и завладела мной,
Наполнила собой и переобразила.

Автора критической статьи, в которой анализировались эти "романтические сочинения", беспокоило то, что они никогда не позволят сделать газету "деловой, отражающей наш быт"[194].

Стремление восстановить семью легко обнаруживается и в законодательстве 1930-х годов. Принятые законы вводили коллективную ответственность семьи за вину, допущенную одним из ее членов. Государство запретило аборты и усложнило процедуру развода. В то же время сексуальная тематика, обсуждение которой было столь характерно для 1920-х годов, исчезла со страниц газет и журналов. Ее нет ни в университетской периодике, ни в материалах студенческих опросов, ни в личных воспоминаниях современников. Для нового поколения университетских людей это была табуированная тема. Умалчивание о собственном интимном опыте стало нормой, рассказ о нем – патологией.

Как показывают документы, общая атмосфера в Казанском университете в конце 1930-х годов стала сентиментальной и романтической. Ухаживания больше не расценивались как влияние буржуазной идеологии, студентки и преподавательницы стремились подчеркнуть свою женственность, выглядеть красивыми и привлекательными. Судя по проводимым тогда опросам, идеалом красоты стали литературные Татьяна Ларина и Наташа Ростова. А вот объектом девичьих грез был отнюдь не литературный образ, а сконструированный советской пропагандой социалистический герой – стахановец, отличник, целеустремленный, воспитанный и дисциплинированный человек, преданный муж и заботливый отец.

Война изменила умонастроения людей. Студенты и преподаватели уходили на фронт. "*В начале 1942 года возобновились наши учебные занятия,* – вспоминали воспитанники тех лет. – *Студентов оставалось все меньше: в основном девушки и те из мужчин, которые не были призваны в Красную Армию или не пошли в военные академии*"[195]. "*В 1940 году на биологический фа-*

[193] Габбасова М.А. Незабываемое // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10076, л. 5.
[194] Фонштейн Л.Н. О стихах и о прочем // На вузовской стройке. 1928. 22 окт. С. 3.
[195] Герасимов М.В. Из жизни Казанского университета в начале Великой Отечественной войны // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10077, л. 5.

Е.И.Тихвинская с детьми

Супруга Е.К.Завойского с сыном

культет было зачислено студентами 155 человек. Окончило же университет из их числа в 1945 году только 8: Аня Мурзина, Аня Старцева, Римма Зацепина, Вера Копнина, Наташа Куликова, Надя Машкова, Валя Кочернина и я"[196]. В этих условиях женщины выполняли несвойственные им социальные роли – занимались теми видами деятельности, которые традиционно считались уделом мужчин.

И именно к этому периоду относится становление женщины как университетского преподавателя. После Октября 1917 г., несмотря на провозглашенное равенство полов, мужчины сохраняли доминирующую позицию в университете. В первые годы советской власти женщины, не имея соответствующей подготовки, работали в Казанском университете в основном в качестве лаборанток или младшего, обслуживающего персонала. Например, на 1 ноября 1927 г. из 47 преподавателей рабфака только 8 были женщинами, четверо из них работали в литературно-лингвистической предметной комиссии и преподавали либо иностранные языки, либо русский язык и литературу[197]. Это были, как правило, особы, выросшие в интеллигентных семьях, превосходно владевшие иностранными языками, но не получившие высшего образования. И по сей день преподаватели иностранных языков в КГУ, за редким исключением, женщины[198]. Первые упоминания лекторов с женскими именами как лекторов встречаются в воспоминаниях, относящихся к периоду войны. Как правило, они занимали самую низшую преподавательскую должность – ассистента. "*Практику вела замечательный знаток ботаники ассистент, Иулита Яковлевна Яковлева,* – вспоминали учащиеся. – *Работать с ней было одно удовольствие, она, что говорится, вталкивала в нас свои обширные знания*"[199].

А вот в послевоенные годы статьи, посвященные женщинам, их научным и педагогическим успехам, стали обычным явлением в университетской периодике. По традиции особенно много таких публикаций появлялось в марте. И неизменно среди них фигурировала заметка, статья или фотогра-

[196] Иванова Р.Г. Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны // ОРРК НБЛ, ед.хр. 10078, л. 1.
[197] Преподаватели рабфака на 1 ноября 1927 года// На путях к высшей школе. 8 лет работы (1919 – 1927). Казань, 1927.
[198] Петровская М.Н. О моих предках. Л. 431.
[199] Иванова Р.Г. Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 1.

фия Евгении Ивановны Тихвинской, первой женщины-профессора Казанского университета, доктора геолого-минералогических наук, депутата Верховного Совета ТАССР. В дальнейшем на страницы газет вышли имена доцентов Е.К.Бахмутовой, Х.М.Курбангалеевой, А.С.Шкляевой, В.Ф.Тороповой. Обычно в таких публикациях подчеркивалась "готовность женщин нашего университета", как и всех советских женщин, "оправдать сталинскую заботу", "готовность отдать все свои силы и знания на укрепление могущества нашей Родины, во имя полного торжества коммунизма". И вместе с тем, социалистическая идентичность накладывалась на университетский романтизм, порождая такие стихотворные строки:

Девичьи косы, пышные, как хмель.
Студентка с золотистыми глазами
Такой была недавно...
А теперь,
Взволнованный, я ей сдаю экзамен.
Наверно, вспомнила,
Как вот в такой же вечер
Робела перед экзаменом своим[200].

Студентка военной поры

После окончания войны университет ожил, и на этой волне возрождения поднялась символическая ценность немногочисленных по тем временам мужчин, особенно фронтовиков, увенчанных победными лаврами. Они были объектом повышенного внимания и заботы однокурсниц. Половая диспропорция создавала ситуацию широкого брачного выбора для мужчин и почву для супружеских измен. Проблема аморального поведения встала тогда, как никогда, остро. Ее широкому обсуждению способствовало и приобретшее массовый характер обращение женщин к университетскому руководству и в партийные органы по поводу внутрисемейных конфликтов. В результате любое разногласие супругов становилось достоянием общественности.

После войны широкое распространение в университете получает "многоженство". В апреле 1949 г. партбюро университета рассматривало персональное дело: "Студент 5 курса историко-филологического факультета [фамилия] обвинялся в нарушении моральной этики, в аморальном поступке – многоженстве (нарушив закон о браке и разводе, дважды, не разводясь, женился и бросал жен), а также в растрате государственных средств"[201]. В протоколе закрытого собрания парторганизации КГУ от 31 мая 1950 г. упоминается об исключении из партии студента за крещение дочери и многоженство[202].

Появились случаи, когда студенты отказывались содержать своих детей. В деле студента 5 курса исторического факультета есть следующая запись: "*В феврале выехали вместе со студенткой 2 курса медучилища [фами-*

[200] Фирсов В. Ученому // Ленинец. 1949. 12 марта. С. 1.
[201] ЦГА ИПД РТ, ф. 624, оп. 1, д. 255, л. 18 – 21.
[202] Там же, л. 72 – 77.

лия] на каникулы. Своим родственникам он рекомендовал Аню как жену. В мае она почувствовала беременность и известила родителей, после чего все встречи прекратились. При беседе он [фамилия студента] мотивирует это тем, что она [фамилия студентки] – развратная девушка, что ему известны ее прежние связи с мужчинами и беременность не от него"[203]. Партбюро было завалено "делами" такого рода. Наказания за них варьировались от "исключения из рядов ВЛКСМ" до "строгого выговора с занесением в учетную карточку". Жениться или признать ребенка на заседаниях не заставляли, устанавливать отцовство через суд было запрещено, и "преступник", как правило, выходил сухим из воды. Мужской дефицит порождал весьма терпимое отношение коллектива к вольностям холостяков.

В те годы положение женщин было вообще довольно трудным. У многих семейных учащихся и преподавательниц на руках оказались мужья-инвалиды, осиротевшие родственники, больные родители. Прокормить их в те нелегкие голодные годы было очень сложно. А тут еще дети. И хотя до 1955 г. аборты были официально запрещены, их все равно делали. Типичным было следующее "преступление и наказание": *"Студентка физико-математического факультета; замужняя,* – гласят бесстрастные строки официального протокола, – *муж-студент КГУ, инвалид-слепой. Имеют детей – 1 ребенка. По сообщению органов милиции, она в феврале 1951 года, будучи беременной, совершила криминальный аборт, что является уголовным преступлением и подлежит суду. Потребовали от нее впредь не допускать подобных явлений"*[204].

В 1950-е годы сущим бичом университета стало пьянство. Случаи пьяных дебошей в общежитии были предметом регулярных партийных собраний. Результаты таких разбирательств были самые неожиданные. Вопрошая, например, студента, что толкает его к выпивке и как он оценивает свое поведение (попал в вытрезвитель), университетское руководство узнало, что: "студенческая скамья его расхолаживает, безделье толкает к выпивке"[205]. Протоколы свидетельствуют, что пьянство поражало не только студентов, но и аспирантов[206].

Снижение морали учащейся молодежи волновало власти всех уровней. Бороться с этим пытались разными способами. Провинившихся публично "разбирали" на заседаниях парткома, в студенческих группах велась работа по насаждению "высоких принципов коммунистической морали". Аморальные поступки студентов обсуждали в комсомольских группой. Считалось, что публичное осуждение имеет большую силу, чем административное наказание: *"Студент, совершивший отрицательный поступок, все время находится под контролем группы, и это оказывает решающее значение в деле воспитания студента"*[207].

Таким образом, начиная с послевоенных лет, личная жизнь университетского человека вновь становится публичной. Ее судьями, критиками и контролерами являлись партийно-комсомольские органы и структуры, официальные документы которых являются свидетельствами проблем, волновавших университетских людей во внеучебное время. Повышенная критичность данного источника, его сосредоточенность на аномальных явлениях не позволяют на его основании судить о норме в сфере частно-семейных практик. Представление о них дают мемуары, устные рассказы, опросы.

---

[203] ЦГА ИПД РТ, ф. 624, оп. 1, д. 85, л. 18.
[204] Там же, д. 720, л. 57.
[205] Там же, д. 549, л. 107.
[206] Там же, д. 493, л. 87.
[207] Там же, д. 387, л. 121.

Аспиранты. 1950-е годы

По воспоминаниям выпускников 1950 – 1990-х годов, студенческие группы в Казанском университете были сплоченными мини-корпорациями. Безусловно, различия внутри них существовали и поначалу ощущались довольно остро, как писала современница – "*немножко смущало то, что студенты были разновозрастные, из различных социальных слоев, кто-то пришел после школы, кто-то после рабфака*". Но после первого же года обучения на авансцену студенческой жизни выходили родство, близость интересов и образа жизни. Большую роль в объединении учащихся играла коллективистская организация жизни в университете – общественный "*труд очень всех сплачивал: вместе жили, вместе работали, вместе получали зарплату*". Это была и целина, и выезды в колхозы на сельхозработы, и труд на стройках, в том числе и на строительстве университетских объектов, и знакомые всем "овощные базы", и сбор "веточного корма" и т.д. После месяцев совместного проживания в бараках и деревенских домах, после перенесенных тягот люди становились друг другу либо ближе родственников, либо расходились навсегда. Во всяком случае, каждый знал реальную цену каждому.

Не меньшую роль в сплочении сообщества играли браки. Университетские браки создавались в различных комбинациях: "студент – студентка", "преподаватель – студентка" или "преподавательница – студент". Приблизительно половина студентов обретали семью в студенческие годы и находили свою "вторую половину" в учебных аудиториях.

Сегодня можно говорить не только об университетских браках, но и об университетских династиях. Как показал анализ проведенных опросов, не всегда дети выбирают тот факультет, где учились их родители, но, как пра-

Студенческий стройотряд

На сельхозработах

Целинный поезд

вило, все они приходят учиться именно в университет. В этом отношении Казанский университет следует традиции своих европейских собратьев. Семейный принцип корпорации наиболее прочный. Наследственность вырабатывает у детей вкус к профессии родителей, воспроизводит порядок, структуру, делает ее стабильной.

После распада Советского Союза в начале 1990-х годов государство утратило монополию в деле регулирования личной жизни своих граждан. Начавшийся процесс обновления морали, который не закончился и в настоящий момент, не прошел мимо университетского сообщества. Современное студенчество, с одной стороны, более раскрепощено в сексуальном плане: эротическая, порнографическая и другая секс-продукция буквально обступает нашего современника в его повседневной жизни. С другой стороны, оно более инфантильно в смысле готовности взять на себя ответственность за принятые решения и осуществленный выбор. Кризисы власти и сопровождавшие их финансовые спады привели к тому, что в университете увеличилось число холостых и незамужних преподавателей. Реальная оценка своих материальных возможностей, тревога за судьбу будущих детей стали причиной настоящего демографического кризиса 1990-х годов. Перед нынешним поколением университетских людей стоят те же проблемы, что и перед их предшественниками – как достичь гармонии, как совместить науку с личной жизнью, как быть счастливым и успешным. Только каждое поколение решает их по-своему.

Студенческая свадьба. 1978 г.

Непрофессиональная сфера жизни. В XX в. университетский человек – будь то преподаватель или студент – располагал определенным запасом времени, которое мог проводить вне университетских кафедр и аудиторий. Именно в этом временном поле складывалась особая досуговая университетская культура со всеми ее специфическими формами и проявлениями, смыслами и выражениями, в чем-то так похожая на досуговую культуру века предшествующего, но в общем так разительно от нее отличающаяся.

Да, безусловно, после 1917 г. в университетской досуговой культуре был силен элемент "советскости". Свободное времяпровождение было той сферой жизни, которая имманентно и изначально располагает поистине неисчерпаемым "воспитательно-преобразовательным" потенциалом и в силу своей продолжительности и повторяемости, и (если можно так выразиться) в силу "приятности" самих методов, способов, форм и приемов воспитательного воздействия на преобразуемого субъекта. И советская власть этим активно пользовалась.

Начиная с 1920-х годов, внеучебная жизнь университетского человека испытала на себе мощный прессинг политики. Она была жестко интегрирована в систему сформированной в СССР унифицированной развлекательной культуры, диктовавшей формы отдыха и празднования "одной шестой части суши". Качество повседневной жизни тех лет (отсутствие и некомфортность жилья, перенаселенность коммуналок и общежитий и т.д.) заставляло студентов, преподавателей и сотрудников значительную часть свободного времени проводить вне дома. Наличие развитой сети общедоступных учреждений и публичных пространств для организации "культурного досуга" (клубы, дворцы культуры, библиотеки, кинотеатры, парки отдыха, водные станции), мощное воздействие массовой пропаганды "здорового образа жизни" (в частности, спорта), подкрепленной созданием спортивных обществ и стадионов и другие факторы формировали новую сферу отдыха, массовую

усредненную модель советского досуга, общую не только для всех университетских людей, но и для советского общества в целом.

Майская демонстрация. Конец 1940-х годов

Приобщаясь к советским развлечениям и праздникам, участвуя в них и находя в них свои прелести и достоинства, университетский человек не мог отринуть от себя прежние досуговые формы, складывавшиеся в университете десятилетиями и представлявшие по существу образцы классического времяпровождения российской духовной элиты (отдых на дачах, чтение, коллекционирование, посещение театров, выставок и концертов, проведение музыкальных и литературных вечеров, балов и вечеринок, создание интеллектуальных объединений). В университетской среде своеобразно переплелись традиции "нового" (советского) и "старого" (университетского) досуга, причем последние сохранялись достаточно долго. В этом переплетении и заключалась специфика непрофессиональной сферы жизни университетских людей в советское время.

В первые послереволюционные годы в стране был введен новый праздничный календарь. С 1918 г. нерабочими днями стали 1 января (Новый год); 22 января (день 9 января 1905 г. – Кровавое воскресенье); 12 марта (день низвержения самодержавия); 18 марта (день Парижской Коммуны); 1 мая (день Интернационала); 7 ноября (день Пролетарской революции)[208]. Религиозные праздники, называемые тогда "особыми днями отдыха", еще не были запрещены, но их число ограничили 10 днями в году[209]. В 1920-е годы пышно, шумно, ярко, с широкомасштабными театрализованными представлениями проводились революционные праздники[210]. Их назначение виделось в том, чтобы утвердить в массах новую систему ценностей, новое видение прошлого и будущего. В их инсценировках и сценариях неизменно принимали активное участие университетские преподаватели и студенты. Так, 5 ноября 1921 г. в Актовом зале КГУ прошел большой литературно-художественный праздник и вечер воспоминаний участников Октябрьской революции,

---

[208] Декреты Советской власти. Т. 4. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 123; Массовые празднества. Сборник комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 56.
[209] Декреты Советской власти. Т. 4. С. 124.
[210] Постановление Президиума Казгорсовета "О мероприятиях по иллюминированию и украшению зданий и площадей г. Казани в дни празднования 10-й годовщины Октябрьской революции". 6 октября 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1927. № 53. С. 643 – 644.

Октябрьская демонстрация. 1958 г.

а 7 ноября 1922 г. – "революционный" праздник и концерт артистов оперы, открывшийся исполнением "Интернационала". Студенчество (в немалой степени уже "красное") активно приветствовало такие мероприятия: так, в ноябрьском праздновании 1922 г. участвовало две тысячи юношей и девушек[211].

3 августа 1924 г. в Казани было проведено общегородское празднество – инсценировка "Империалистическая война", приуроченное к 10-летию ее начала. Помимо 2000 непосредственных актеров, в нем в качестве статистов, изображавших "движение масс", приняли участие еще 10 000 казанцев, в том числе и студенты. Действо разворачивалось на Театральной площади, где "Николай II" принимал военные парады, где действовали "Корнилов", "Керенский", "Милюков", где заседали "Государственная Дума", "Петросовет" и "Московское государственное совещание". 10-тысячная толпа, в ходе 6-часового действа изображавшая "революционный народ", участвовала в "демонстрациях" и стычках с "полицией", строила баррикады из мебели, вытащенной из близлежащих учреждений и домов, била уличные фонари. Такой праздник трудно было не запомнить.

В 1930-е годы советская праздничная культура стала проявлять себя в новых формах. Именно тогда повсеместными стали октябрьские и первомайские

[211] НАРТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 127, л. 96, 72, 34 об.

На субботнике. 1966 г.

демонстрации. Для участия в них факультеты КГУ формировали праздничные колонны. Во главе с командирами, со знаменами, транспарантами, плакатами и портретами вождей они проходили через главную площадь города, демонстрируя корпоративное единство и лояльность тогдашней власти[212]. Первым всегда шел тот факультет, который показал самые высокие учебные и научные результаты. Например, 1 мая 1941 г. праздничную колонну университета возглавляли студенты историко-филологического факультета[213].

Как свидетельствуют опрашиваемые, университетские люди ходили на демонстрацию с удовольствием. Это была возможность пообщаться, посмеяться, попеть песни, потанцевать. Веселье в праздничных колоннах было искренним и искрометным. После демонстрации все собирались за праздничным столом, а вечером участвовали в уличных гуляниях. Обязательным атрибутом политических празднеств являлись и проводимые в стенах университета торжественные митинги. Таким образом, праздник охватывал как публичное, так и частное жилищное пространство, в пределах университета он создавал особые сакрально-рекреационные территории (Актовый зал, спортивный зал, позднее – площадь перед главным зданием, Мраморный зал и т.д.).

Политические праздники стали утрачивать элементы искренности и непосредственности, перерождаться в официальные "обязаловки"[214] в 1970-е годы. К тому времени в советской стране выросло поколение людей, которое не испытывало восторга от публичного и показного выражения своей политической лояльности. Изменился и университетский студент. Принудительность праздничных мероприятий (каждый факультет по разнарядке выставлял определенное количество людей) не добавила им привлекательности в глазах молодежи. Особенно "горевали" те участники демонстрации, которым приходилось нести атрибуты праздничной символики – флаги, транспаранты, тяжелые портреты и т.д. Все это выдавалось "под расписку", под нее же и сдавалось. Как вспоминал один из студентов 1970-х годов, "мало того, что я, как дурак, должен был маршировать по площади с этим флагом, так потом еще следовало тащить его в университет". Отмену обязательных демонстраций в 1980-е годы университетские люди восприняли как облегче-

[212] ЦГА ИПД РТ, ф. 6951, оп. 1, д. 19, л. 18.
[213] Бондаренко В.А. Наш Плакатин // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10070, л. 2.
[214] Интервью с Н.И.Айметдиновой, Т.В.Шаймардановой, Ф.Г.Хасановой-Шигаповой, С.Е.Шашниковым, В.И.Гильдеевой.

ние. А вот сейчас в воспоминаниях старшего поколения звучат ностальгические ноты по ушедшим праздничным ритуалам советского строя.

"Снежный десант". 1970-е годы

Окончание Великой Отечественной войны дало жизнь новому, любимому и священному для многих поколений университетских людей празднику – Дню Победы. 9 мая 1945 г. был незабываемым днем. Накануне казанцы несколько дней не выключали радиоточки. В ночь со вторника 8 мая на среду 9 мая по радио передали сообщение о капитуляции фашистской Германии. Услышав это, весь город высыпал на ночные улицы. Военные на радостях стреляли в воздух, раненые выходили из госпиталей, чтобы примкнуть к ликующим толпам. На площади Свободы и у Кремля, на улицах колыхалось народное море. Играли оркестры, звучали песни, люди танцевали, фронтовиков поднимали на руки и качали, женщины вручали им цветы. Незнакомые люди обнимались и целовались.

Утро застало людей на улицах, танцы и песни продолжались[215]. В тот день студенты, преподаватели и сотрудники собрались в университете на стихийный митинг. Его открыл ректор К.П.Ситников. Сердечные, прочувствованные речи произносили члены-корреспонденты Академии наук, профессора, учащиеся. В завершение ректор объявил, что, по случаю Победы, вечером в Актовом зале будут устроены танцы[216]. Потом университетский народ отправился гулять на улицу Баумана[217]. С балконов Дома печати, как стаи белых голубей, разлетались листовки с последними информационными сводками. Из раскрытых окон кинотеатра "Электро" слышались духовые залпы победного марша[218]. А в это время над площадью Свободы спускались и вновь взмывали в небо два самолета "Пе-2", рассыпая над толпой листовки "С победой, товарищи!". Такие же листовки бросали из окон Дома офицеров и с крыш. А потом, вспоминал мемуарист, "*над площадью чистым серебром запели фанфары и мы увидели слона. Огромный серый лоб и спина слона плыли над толпой, а на спине стоял мальчик - униформист с трубой. А за слоном горделиво шествовал ученый верблюд. Это был цирк Дурова, гастролировавший тогда в Казани. В полном составе он вышел на улицы, чтобы поздравить горожан. И вся эта немыслимая кавалькада прошла через площадь Свободы, потом по улице Лобачевского, мимо Черного озера, потом по Чернышевского к нашему белому Кремлю, потом спустилась на улицу Баумана и докатилась до Кольца и снова вверх по улице Куйбышева к площади Свободы, и все это в серебряном пении фанфар, в*

[215] Дьяконов В.М. // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань, 1989 г. С. 60 – 61; Носов Н. Версты любви // Казань. 1994. № 9/10. С. 24 – 25.
[216] Муньков Н.П. Вспоминая прошлое. С. 173; Иванова Р.Г. Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 24.
[217] Муньков Н.П. Вспоминая прошлое. С. 173.
[218] Калинин Н.Ф. Казань. Казань, 1955. С. 337; Носов Н. Версты любви. С. 24 – 25.

Аспиранты играют в домино. 1959 г.

Занятие в секции фехтования. 1966 г.

мелькании самых ярких красок под абсолютно голубым небом, и так они топали, цокали, бренчали, трубили, словно отделяя этим своим шествием для всех ребят военные, прошлые годы от будущих – мирных"[219].

Воспоминания об этом дне до сих пор порождают слезы на глазах тех, кто его пережил. *"Я много бы дал, чтобы вернуть тот день"*[220], – говорил нам один из университетских профессоров. Никогда в университете День Победы не воспринимали как советский праздник. Почти для каждого университетского человека он был национальным праздником скорби и радости – днем поминовения погибших родственников, коллег, соотечественников.

Трепетное отношение к войне сохранила и студенческая молодежь. Пример тому – уникальное военно-патриотическое движение "Снежный десант", возникшее в университете в 1960-е годы. В зимние каникулы 1967 г. в рейд по местам сражений из университета отправился первый "Снежный десант", а к лету 1984 г. в КГУ функционировало 27 таких отрядов[221]. Вскоре движение охватило все факультеты, в них участвовали (и участвуют до сих пор) студенты и преподаватели, в них рождалась особая университетская дружба, закреплялась Память о Великой войне. Люди приходили в "Десант" по зову души и сердца, и именно этим можно объяснить успешность, стабильность и перспективность этого общественного объединения.

После войны праздничный календарь в университете изменился мало. Статус "государственных праздников" тогда получили 1 января (Новый год), 23 февраля (День Советской Армии), 8 марта (Международный женский день), 1 и 2 мая (День международной солидарности трудящихся), 9 мая (День Победы), 7 и 8 ноября (годовщина Великой Октябрьской революции); до 1977 г. –

---

[219] Аксенов В. На площади и за рекой // Казанский университет. 2002. май. № 7; см. также воспоминания об этом: Носов Н. Версты любви. С. 24 – 25.
[220] Из беседы с Г.Н. Вульфсоном.
[221] ЦГА ИПД РТ, ф. 6951, оп. 1, д.399, л. 136 – 137.

Страница альбома выпускника КГУ

5 декабря, а после 1977 г. 7 октября (День Конституции СССР). Почти все они, кроме 23 февраля, были выходными днями. Однако самыми главными считались "майские" (1 и 2 мая) и "октябрьские" (7 и 8 ноября), 8 марта, 9 мая и Новый год. По существу, все они сохранились и в постсоветской России (правда, одни из них сменили дату, как День конституции, другие – свой первоначальный смысл, например, 1 мая и 7 ноября). Они отмечаются и в современном Казанском университете, но празднование их обрело более камерный, бытовой характер, их политическое содержание стерлось.

Важную роль в воспитании студента призваны были сыграть и создававшиеся советской властью многочисленные общественные объединения и организации. Молодежь 1920 – 1930-х годов мечтала о приключениях, подвигах, дальних перелетах и путешествиях, бредила небом. Культ здорового, красивого, сильного тела, вообще свойственный молодости, прекрасно подпитывался этими мечтами и устремлениями. Неудивительно поэтому, что многие общественные организации того времени носили спортивный, более того – военно-спортивный характер. Ведь идеал спортсмена, вырабатывавшийся в СССР, был близок к идеалу воина – здорового, атлетически сложенного мужчины, готового ко всему (кроме эротики, которая из идейных соображений табуировалась очень жестко), некоего советского супермена, достойно выходящего из любой кризисной ситуации. Студенты (да и студентки) с удовольствием вступали в Осоавиахим, сдавали нормы "Ворошиловского стрелка", нормы ГТО, сплавлялись по Волге.

Карикатура из газеты "Ленинец". 1930-е годы

Университетские воспитанники посещали курсы подготовки снайперов, летчиков, парашютистов, сандружинниц, кружки планерный и шахматный (в университете тогда было много шахматистов, сборная КГУ по шахматам являлась сильнейшей в городе[222]), легкоатлетический, охотничий, боксерский, альпинистский. В предвоенные годы в главном здании была проведена первая общеуниверситетская олимпиада[223], ставшая затем традиционной. И в годы войны студенты и преподаватели устраивали военно-спортивные соревнования: так, в 1943 г. в рамках празднования 25-летия Красной Армии в университете прошли лыжно-стрелковые командные гонки[224]. Спортом занимались даже профессора. Так, профессор П.Н.Толстой каждое воскресное утро отправлялся из университета на лыжах, вызывая почтительное изумление местного швейцара[225].

Эти спортивные традиции университет сохранял и в послевоенные десятилетия. Вплоть до начала 1990-х годов регулярно проводились университетские спартакиады, зимний профсоюзно-комсомольский кросс, "спортивные понедельники", "день бегуна", "день лыжника" и общефакультетские спортивные праздники[226]. Постепенно спорт "демилитаризовывался". Нынешние физкультурные праздники и мероприятия приближаются скорее к праздничному шоу.

Советские студенты и аспиранты должны были быть патриотами своей страны, "активными общественниками"[227]. Они таковыми и были: ликвидировали неграмотность рабочих, проводили антирелигиозные вечера в Доме Красной Армии, обсуждали вопросы философии в Клубе научных работников, участвовали в работе МОПРа (в университете выходила даже газета "Мопровец"[228]) и Доброхима, по поручению комсомольской организации ездили по деревням и селам с просветительскими и антирелигиозными беседами, ставили там агитационно-пропагандистские спектакли. Многие преподаватели и учащиеся являлись активными членами "бригадмила" (бригады помощи милиции – аналоги более поздних БКД – боевых комсомольских дружин) и в этом качестве, в частности, боролись с тогдашними стилягами ("джанти") – насильственно стригли длинноволосых модников на месте поимки.

---

[222] Кузнецова Н.К. Перелистывая дневники // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10093/2, л. 2.
[223] Вульфсон Г.Н. Воскрешают в памяти первые годы истфака// Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань, 1999. С. 164.
[224] НАРТ, ф. 624, оп. 1, д. 203, л. 1, 30 – 31.
[225] Краснов П.А. Учителя и ученики // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10085, л. 32 – 33.
[226] ЦГАИПД РТ, ф. 6951, оп. 1, д. 32, л. 163 – 164.
[227] Габбасова М.А. Незабываемое // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10076, л. 4.
[228] Кузнецова Н.К. Перелистывая дневники. Л. 2.

И в 1960 – 1980-е годы студенты патрулировали городские улицы в составе добровольных народных дружин (ДНД), принимали участие в оперативной работе ОКОД. В 1980-е годы в состав университетской ДНД входило 10 факультетских дружин, дружины подразделений, ОКОД, спецотдела, отдела ГАИ[229]. Однако уже в 1980-е годы деятельность ДНД формализовалась, стала принудительной: комсомольские организации обязывали всех студентов (в том числе и девушек) патрулировать улицы, что придало в общем-то хорошей идее шаржированный характер.

Самой веселой и приятной разновидностью "общественной деятельности" во все времена была художественная самодеятельность. В конце 1920-х – в 1930-е годы в университете работали и пользовались большой популярностью татарский и русский хоры, струнный и духовой оркестры, кружок сольного пения, балетный кружок, ансамбль красноармейской песни и пляски, драматический кружок. В марте 1936 г. в КГУ впервые прошла олимпиада художественной самодеятельности, ставшая позже ежегодной. Участвующих в ней было так много, что концерты длились без перерывов несколько дней.

С конца 1950-х годов в университете стали проводиться весенние факультетские фестивали-смотры. Зачинателем в этом деле был геологический факультет. В его фестивале, состоявшемся в марте 1957 г., приняли участие 360 человек – почти все университетские геологи[230]. Из их сюжетов родилась традиция университетских фестивалей и "Студенческая весна", проводившиеся уже в 1960-е годы.

Студенты с удовольствием работали в кружках. Но и тут они были несвободны: содержание самодеятельных концертов и спектаклей контролировалось комсомольской и партийной организациями университета. Когда в 1930 г. студенты-первокурсники геолого-почвенного факультета организовали в общежитии "капустник" и прошлись по своим "чересчур партийным" наставникам из числа старшекурсников, их подвергли товарищескому суду с вынесением строгого предупреждения[231]. Вообще, студенты университета должны были петь "советские" песни, танцевать "советские" танцы, читать "советские" книги, смотреть "советские" фильмы. Другое дело, что делали они это с радостью, вдохновенно и талантливо.

Во второй половине 1920-х и особенно в 1930-е годы необычайно широкое распространение в Казани получили танцевальные вечера. В городских клубах и домах культуры, в общежитиях и даже в учебных аудиториях студенты осваивали модные в то время вальс, фокстрот и танго. В университете существовала даже своя платная танцевальная школа[232]. Танцевали не только в помещениях, но и на открытом воздухе. С наступлением тепла в городе начинали работать танцплощадки в "Ленинском саду", в Парке культуры, в городских скверах.

Университетские студенты предпочитали "Ленинский сад". На верхнем уровне этого парка располагались открытая эстрада и танцплощадка. Под музыку духового оркестра пары кружились в вальсе-бостоне, танцевали польку-бабочку, а также "уродливые порождения буржуазной культуры Запада" – шимми, танго, румбу, фокстрот, чарльстон, даже па-де-катр и па-д-эспань[233]. И все же самым любимым был фокстрот[234]. В университетской много-

---

[229] Габбасова М.А. Незабываемое. Л. 4.
[230] Тефанова Т.А. Из истории геологического факультета Казанского университета , л. 30.
[231] Трофимук А.А. Казанский университет – моя «альма-матер». Л. 14.
[232] Кузнецова Н.К. Перелистывая дневники. Л. 2.
[233] Наумов В. Три Казани // Казань. № 7/8. С. 16 – 17.
[234] Адо В.И. Вспоминая о прошлом... записки русского интилегента XX века. // Казань. № 10. С. 103.

Танцы на университетском дворе

тиражке и на комсомольских собраниях его обличали как "нечто расслабляющее, возбуждающее, грубое, пошлое, нечто принижающее достоинство человека". И, несмотря на это, фокстрот танцевали все и везде. *"Любой танец (хоть похоронный марш)*, – мрачно комментировал автор обследования быта молодежи тех лет, – *танцуется сейчас "под фокстрот"*[235].

Хотя в 1934 г. казанский Дом ученых подвергся обличительной критике за существование кружка "пошлых" западных танцев, в нем продолжали проводить конкурсы фокстрота. Победителей награждали трудами Ф.Энгельса[236]. "Эпидемию" фокстрота, танго и бостона, как считают мемуаристы, в Казань занесли иностранцы, прибывшие сюда на работу[237].

"Развращающим" танцевальным вечеринкам и танцплощадкам противопоставлялись организованные советские вечера отдыха. Таковые проводились и в Актовом зале университета. Как правило, они приурочивались к какому-нибудь празднику – 1 мая или 7 ноября и предварялись лекцией "о международном положении" или "текущем политическом моменте". Молодежь с нетерпением ждала окончания "вступительной" части, чтобы, наконец, вволю потанцевать. Для проведения вечера нередко объединялись два факультета ("мужской", например, физмат и "женский", например, биофак)[238]. Приглашались студенты других казанских вузов. Такие совместные вечера получили название "смычки"[239]. Как вспоминали студенты тех лет, "в Актовом зале танцевать было одно удовольствие, пол был всегда чист и натерт до блеска, да к тому же еще техническая служащая ходила среди танцующих, отстругивал от свечки и роняла на пол кусочки стеарина, отчего паркет делался более скользким. Ноги, казалось, сами неслись по полу"[240].

---

[235] Каган А.Г. Молодежь после гудка. М.; Л., 1930. С. 41, 43, 59.
[236] Донская И., Подольская М. Благородное собрание казанских ученых // Казань. 1999. № 7/8. С. 132.
[237] Носов Н. Версты любви // Казань. 1994. № 9/10. С. 14.
[238] Иванова Р.Г. Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 8.
[239] Сидорова И.Б. От "великого перелома" к началу стабилизации: 1930 – 1940 гг. С. 210.
[240] Носов Н. Версты любви // Казань. 1994. № 9/10. С. 14.

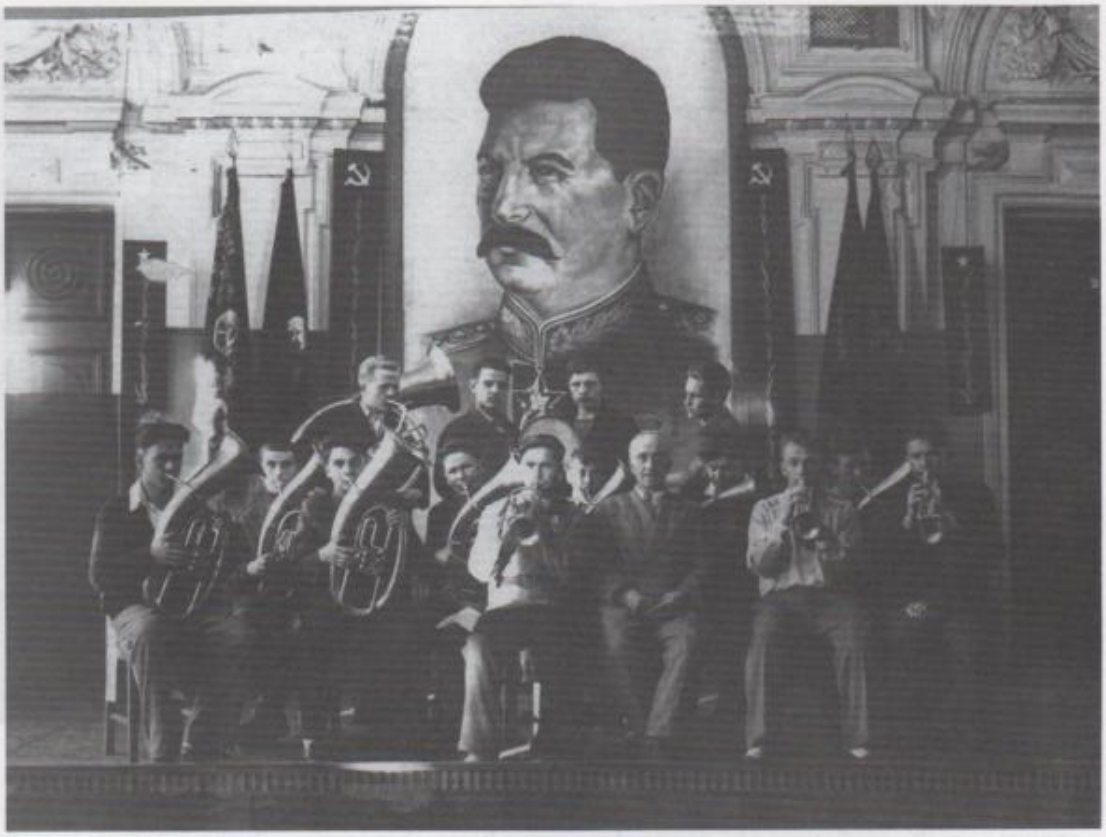
Казанский джаз-ансамбль. 1930-е годы

Особенно широко и весело прошел в университете первомайский вечер 1945 г. Как свидетельствовал дежуривший по главному зданию преподаватель, в Актовый зал, где шли танцы, было "*протиснуться невозможно. В зале такая толпа, что он выглядел, как вагон трамвая в часы пик. Уму непостижимо, как тут еще танцевать ухитряются*". В тот вечер Актовый зал, как магнитом, притягивал молодежь города. Кавалеры, не попавшие в здание (в основном молодые лейтенанты и курсанты), после безуспешного штурма главного входа, вышибли дверь со стороны двора у физико-математического факультета и пробрались-таки в здание. Дежурному пришлось "прореживать" зал с помощью вызванной патрульной команды[241].

Четкому контролю подлежали и музыкальные пристрастия молодого советского человека. "*Прежний студент хорошо знал "Gaudeamus"*, – писал по этому поводу в 1924 г. М.К.Корбут. – *Новый студент его совершенно не знает, даже нередко и по названию. Новый студент поет общепролетарский гимн "Интернационал"*, чем он подчеркивает свое органическое сродство с рабочим классом, задачами коего живет и к целям которого стремится... И не надо создавать было никакого своего гимна, ибо если и есть какие-либо у студенчества свои студенческие интересы, то они ничтожны пред интересами общепролетарскими"[242].

Всячески поощрялись и пропагандировались революционные, патриотические и народные песни. Ничего не имела советская власть и против классики: в университете проводились лекции, посвященные музыкальному творчеству М.И.Глинки, П.И.Чайковского, А.П.Бородина, Л.Бетховена. Для любителей классической музыки в Актовом зале устраивались симфонические и камерные концерты. Нередко их исполнителями были сами преподаватели и сту-

[241] Ишмаев Ф.М. Будничные заботы военных лет // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10101/1, л.11 – 12.
[242] Корбут М.К. Рабочие факультеты и высшая школа // 5 лет рабочего факультета Казанского гос. университета им.В.И.Ульянова (Ленина). Казань, 1924. С. 9.

Студенческий оркестр. Конец 1940-х годов

денты. Их поддерживали и эвакуированные "академики". В анкетах не однократно упоминались музыкальные вечера, которые готовил аспирант физмата А.Н.Хованский[243].

А в конце 1920-х годов в жизнь казанской интеллигенции властно ворвался Его Величество Джаз. Джазовая музыка была в те годы настолько любима, что студенты создали свой мюзик-холл[244]. Казань просто "болела" блюзами и бандами. Пластинки (тогда джаз хоть и не одобрялся, но не был запрещен) с записями оркестра Дюка Эллингтона (знаменитый "Экспресс"), львовского тео-джаза Генриха Варса, джаз-оркестра Александра Цфасмана, Клавдии Шульженко с джазом Семенова крутились на патефонах до полустертого состояния[245]. А в годы войны популярность этой музыки еще более возросла. Ее поддерживали не только пластинки. Накануне победы на киноэкранах появились американские музыкальные фильмы с аранжировками Глена Миллера: "Джордж из Динки-джаза", "Серенада Солнечной долины".

Мелодии из "Серенады" и песня об "Экспрессе голубом" в исполнении джаз-оркестра Д.Покрасса[246], а также джаз приехавшего в 1947 г. с реэмигрантами-"шанхайцами" оркестра Олега Лундстрема (он выступал в Доме офицеров и в клубе им. М.Горького с шлягерами "Караван", "Чай вдвоем", "Серенада лунного света", "Дождливый сентябрь", "Штормовая погода", "Настроение"[247]), оркестр Виктора Деринга, игравший в ресторане "Ка-

[243] Иванова Р.Г. Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 24.
[244] Носов Н. Версты любви // Казань. 1994. № 9/10. С. 14.
[245] Там же. С. 55 – 56.
[246] Носов Н. Версты любви // Казань. 1995. № 1/2. С. 49.
[247] Серебряков В. Своя песня // Казань. 1997. № 5/6. С. 66; Носов Н. Негаснущие свечи // Там же. С. 88 – 89.

зань"[248], определяли культурные интересы университетских людей тех лет. Были в Казани и студенческие джазовые коллективы. Современники помнят джаз-оркестр Бориса Евлампиева, который играл на танцплощадке Ленинского сада[249].

Приверженцами и пропагандистами джаза были, в первую очередь, казанские стиляги. С помощью старенького приемника они часами охотились за обрывками западных музыкальных передач, записывали их на самодельные пластинки, изготовленные из рентгеновских пленок (так называемый "джаз на костях"). В те годы их центром был Дом ученых, директор которого Лазарь Ванштейн покровительствовал "нестандартной" молодежи. По субботам здесь работал буфет, бильярдная, играл студенческий джаз-оркестр, которым руководил физик Юрий Яковлев. Тон этих вечеров задавал лидер казанских "чуваков" и "чувих", студент-медик и будущий писатель Василий Аксенов[250].

Гонения на джаз – "музыку толстых", по крылатому определению М.Горького, – и на стиляг обрушились в период борьбы с космополитизмом. Длинноволосых стали исключать из комсомола и отчислять из университета. Пластинки с записями джаза уничтожали прямо в музыкальных магазинах[251]. Тогда у джазовых оркестров стали изымать саксофоны, издававшие "буржуазные звуки" и подозрительно смахивавшие на знак американского доллара. А в политическом лексиконе бдительных цензоров от культуры появились слоганы типа "Сегодня ты играешь джаз, а завтра Родину продашь!", "От саксофона до ножа – один шаг"[252]. "Культурным репрессиям" подверглась и эстрада. Песни Вадима Козина, Изабеллы Юрьевой, Ляли Черной, Тамары Церетелли, Кето Джапаридзе не были запрещены, но осуждались как "цыганщина"[253]. Их поклонникам, среди которых было немало представителей старшего и среднего поколения университетских людей, приходилось скрывать свои музыкальные пристрастия.

Своеобразной контр-культурой российской интеллигенции периода "оттепели" стал такой замечательный музыкально-поэтический феномен, как бардовская песня. Университетские студенты исполняли песни "всероссийских" (Б.Окуджавы, В.Высоцкого, Ю.Визбора, Ю.Городницкого, А.Дольского, Е.Клячкина, Т. и С.Никитиных и др.) бардов и ходили на концерты местных певцов (например, "на В.Бокова" или в мединститут "на В.Муравьева"), участвовали в бардовских фестивалях, покупали абонементы в Клуб самодеятельной песни.

В 1960-х годах на западном музыкальном небосклоне взошли две яркие звезды, ставшие кумирами советской "продвинутой" молодежи 1960 – 1970-х годов – группы "The Beatles" and "The Rolling Stones". Студенты КГУ – выпускники спецшкол, хорошо владевшие английским языком – знали их песни буквально наизусть. Тогда же появилась необычайно модная и стильная музыкальная "фишка" – рок-опера "Jesus Christ - Super Star". Любовь к западным группам доходила подчас до неистового поклонения: в университете имелись "битломаны", одетые в узкие брюки, пиджаки без воротников, круглые очки, были и любители "Роллинг Стоунз", облаченные в узкие джинсы и пятнистые футболки.

---

[248] Носов Н. Версты любви // Казань. 1995. № 1/2. С. 67.
[249] Там же. С. 65.
[250] Там же. С. 66.
[251] Там же. С. 57, 59, 63.
[252] Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху "Оттепели": метаморфозы стиля. Учебное пособие. М., 2001. С. 53.
[253] Носов Н. Версты любви // Казань. 1995. № 1/2. С. 57, 59, 63.

Видимо, это было протестное музыкальное движение, противостоящее сладкозвучному политизированному и зачастую бессодержательному лепету советской "попсы". Позднее аналогичную протестную роль стали играть российские рок-группы "Машина времени", "Аквариум", "Воскресенье". Таким образом, музыкальные вкусы университетской молодежи нередко шли вразрез с официально одобряемыми и поощряемыми. Так было всегда, но 1950 – 1980-е годы в этом отношении были особенно "диссидентскими". Именно тогда сложился двойной стандарт музыкальных идеалов советского студенчества: один – "на показ", другой – "для себя".

Важную роль в структуре досуга университетского человека всегда занимало чтение. В советское время структура чтения сильно изменилась. В круг литературных пристрастий университетских преподавателей и студентов стали входить произведения советской литературы. И, тем не менее, на протяжении всего XX в. университетская среда была неизменной поклонницей классики – произведений, созданных писателями и поэтами дореволюционной России[254]. 20-летняя студентка в 1926 г. признавалась, что увлекается чтением *"до крайности. Читала все без разбору. Особенно любила наших классиков, – ими положительно захлебывалась; ночью вставала и потихоньку при свете ночника дочитывала интересную книгу; попрошайничала у всех книги"*[255]. Работы современных литераторов воспринимались в университете весьма настороженно и критично. Так, когда в 1927 г. в Казанском университете выступал В.В.Маяковский, "по запискам угадывалось, что в зале немало людей, недооценивающих или плохо знающих поэзию Маяковского, или даже отвергающих" ее[256]. Конечно, впоследствии и советская литература создала свою "классику", признанную университетскими людьми. Но в силу концентрации здесь образованных читателей и наличия уникальной богатейшей библиотеки, пополнившейся в послеоктябрьские годы частными коллекциями и книгами из библиотек закрытых учебных заведений, в университете существовала критическая среда для апробации литературных новинок. Советским писателям аудитория интеллектуалов представлялась самой тяжелой для освоения, но ... и самой желанной.

Опросы студентов, проведенные в середине 1920-х годов, показали, что наибольшей популярностью у юношей пользовались авантюрные романы (22,4% опрошенных), у девушек – "изящная" литература (21 %); из писателей – Тургенев (14,4 и 12%, соответственно), Толстой (11,2 и 10,5%) и Достоевский (9 и 10,5%)[257].

Власти стремились управлять умственными настроениями и чтением масс: из библиотек изымалась религиозная и философская литература, произведения "неугодных" писателей, труды вчерашних советских лидеров, объявленных "врагами народа". Все они были спрятаны в "спецхраны" и тем самым сохранены. До недавних времен свой спецхран существовал и в научной библиотеке им.Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

В годы борьбы с космополитизмом круг чтения университетского человека вновь подвергся ограничениям: из библиотеки были изъяты книги Михаила Зощенко, Анны Ахматовой, Лидии Сейфуллиной, Сергея Есенина, норвежского писателя Кнута Гамсуна[258]. Но преподаватели и студенты их все равно читали, так как немало такой литературы отложилось в домашних би-

---

[254] Лаптев Б.Л. Воспоминания о П.А.Широкове // Очерки истории НИИ математики и механики имени Н.Г.Чеботарева. Казань, 1989. С. 147.
[255] Рубинштейн М.М. Юность по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928. С. 109.
[256] Ключевич А.С. Воспоминания химика – выпускника КГУ. С. 38.
[257] Рубинштейн М.М. Указ. соч. С. 107.
[258] Носов Н. Версты любви // Казань. 1995. № 1/2. С. 57, 59, 63.

блиотеках. Вообще домашние библиотеки университетских людей были настоящим кладезем сокровищ для интеллигентов. Вспоминается, как в начале 1980-х годов при работе в спецхране тогдашней библиотеки им. В.И.Ленина в Москве одному из авторов этой книги отказали в доступе к работам Л.Троцкого ("На Троцкого нужно особое разрешение!"). Выход был найден быстро – Троцкий оказался в личной библиотеке старшего коллеги – профессора исторического факультета.

Студенческий хор. Конец 1940-х годов

Участники студенческого спектакля

"Оттепель" рубежа 1950 – 1960-х годов ознаменовалась возрождением романтической лирики – это было время легендарных и триумфальных выступлений поэтов в Политехническом институте в Москве. В Казани тогда тоже зачитывались стихами А.Вознесенского, Б.Ахмадуллиной, Е.Евтушенко, Э.Асадова, Р.Рождественского. "Культ поэзии", рожденный в те годы, спровоцировал мощный всплеск поэтического творчества студентов и преподавателей. В редакции газеты "Ленинец" начала работать поэтическая студия "АРС", из которой вышло немало талантливых поэтов[259]. 1960-е годы для советского читателя-интеллектуала прошли под знаком Эрнеста Хемингуэя, а в 1970 – 1980-е годы властителями дум казанских университетских людей стали Э.М.Ремарк и другие писатели "потерянного поколения". В жизни вузовской интеллигенции Казани, как и у их дореволюционных предшественников, были "обязательные" для прочтения книги и статьи. Только теперь это были, в первую очередь, партийные и комсомольские периодические издания: подписка на газету "Правда" для коммунистов и "Комсомольскую правду" – для комсомольцев была обязательной.

Впрочем, университетские люди всегда стремились выйти за рамки дозволенного, особенно в отношении духовных координат, поэтому в этой среде такое широкое хождение получила запрещенная литература. Еще в 1956 г. по ру-

[259] Королев В.С., Жигунин В.Д. "Эпоха Нужина"(1954 – 1979 гг.) // Очерки истории Казанского университета. Указ. соч. С. 298.

кам у студентов ходила рукописная копия доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС[260]. Учащиеся умудрялись доставать и читать запрятанные в спецхраны труды философов. Но за это приходилось расплачиваться. В 1959 г. был исключен из комсомола и университета студент юридического факультета, читавший А.Шопенгауэра[261].

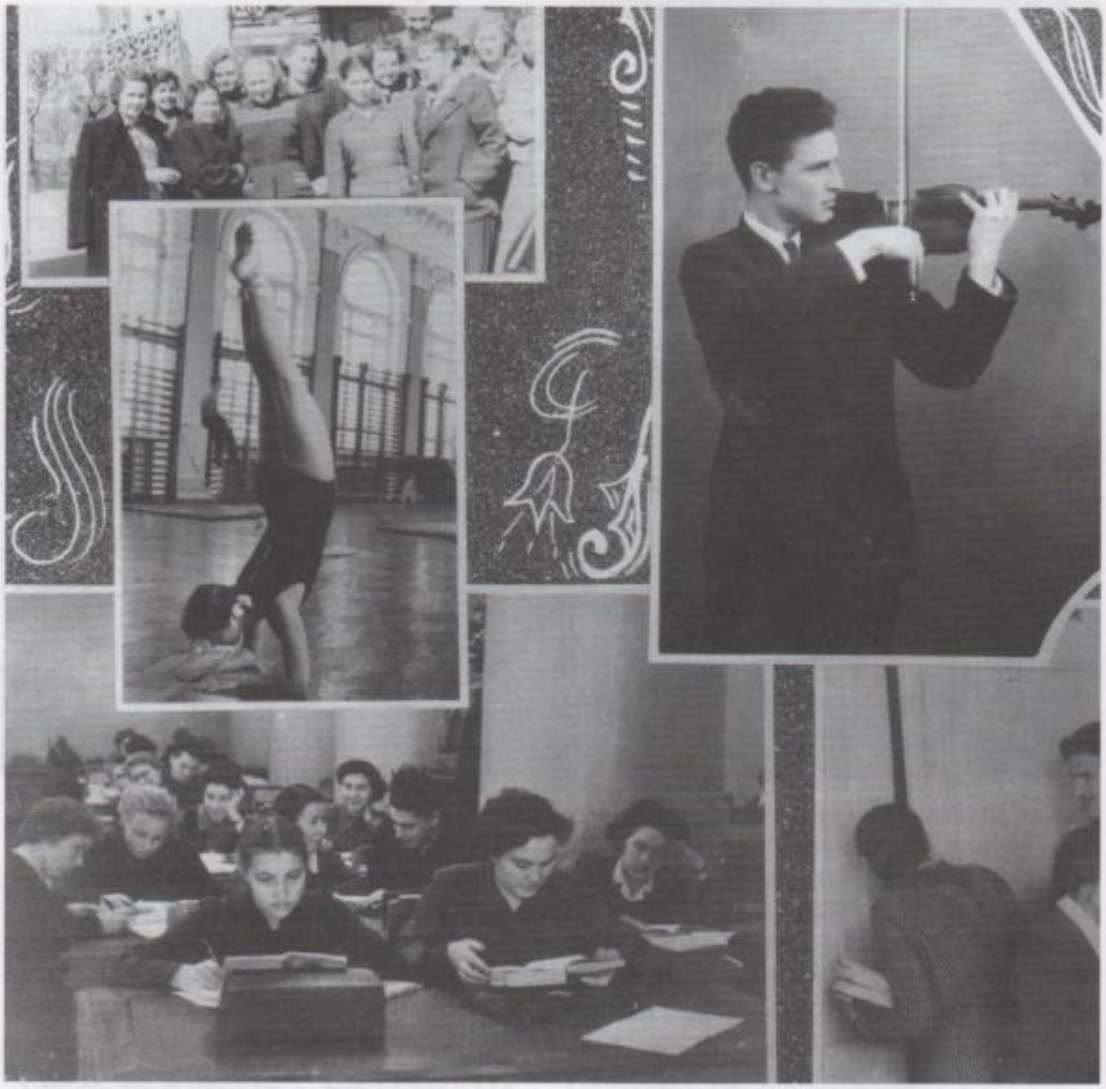
В 1970 – 1980-е годы по университету "ходили" бледные переплетенные машинописные экземпляры изданных за рубежом (как тогда говорили, в "тамиздате") книг эмигрантов и диссидентов (например, "Двадцать писем к другу" С.Аллилуевой). "Самиздатовские" (нелегально изданные в СССР) книги А.Солженицына, В.Набокова, И.Бродского, Б.Пастернака, Д.Мережковского, И.Мандельштама, Н.Гумилева, М.Цветаевой. Их украдкой давали друг другу почитать буквально на день или даже "на ночь"[262], ни в коем случае не называя "первоисточник" – человека, который дал книгу, хорошо представляя, что может быть за "распространение антисоветской литературы". Читали в университете и не запрещенных, но и не приветствуемых властями писателей разных лет – братьев Стругацких, В.Высоцкого, М.Зощенко, С.Есенина, И.Бунина. Среди культовых книг той эпохи современники называют "Мастера и Маргариту" М.Булгакова. Ее передавали в машинописной копии. Чтение запрещенной литературы дополнялось прослушиванием "Голоса Америки" и других западных радиостанций.

Кстати, раздобыть вновь изданные книги в "самой читающей стране мира" было всегда сложно: приходилось выстаивать многочасовые очереди и покупать книги "с нагрузкой", разыгрывать их в лотерею в Обществе книголюбов, специально ездить за ними в сельские магазины, где книжный спрос был ниже. Вот тогда-то книга, действительно, была "лучшим подарком".

Одной из базовых доминант советской культурной политики был, безусловно, театр. В первые годы советской власти казанские театры и их репертуар существенно обновились. В помещении Большого театра на Большой Проломной (ныне театр им. В.И.Качалова) давала спектакли труппа погоревшего в 1919 г. Городского театра. Постановки Малого театра шли на Покровской улице. Ежедневно открывали свои двери посетителям театры в Пассаже и в Коммунистическом клубе напротив него. Свои театральные труппы имели Народный дом и Дом железнодорожника. В помещении бывшего Северного банка на Б.Проломной работала Казанская экспериментальная мастерская современного театра (КЭМСТ), чьи постановки вызывали ожесточенные споры в интеллектуальной среде города[263]. Спектакли ставили и татарские коллективы "Сайяр" и "Нур"[264]. Кроме того, университетские студенты любили Красноармейский дворец, куда приезжали с гастролями оперные, опереточные и драматические труппы[265].

В 1930-е годы театральная жизнь Казани стала еще более насыщенной. В распоряжении местной интеллигенции были Большой драматический театр им. А.Н.Луначарского, Дом Красной Армии, Татарский академический театр, Театр юного зрителя, открытый в 1939 г., Татарский театр оперы и балета[266]. В этой ситуации университетское студенчество выступало в качестве "организованного зрителя". В контексте борьбы "за новый быт" и в целях "по-

[260] НАРТ, ф. 624, оп. 1, д. 311, л. 45 – 56.
[261] ЦГА ИПД РТ, ф. 6951, оп. 1, д. 91, л. 38 – 42.
[262] Интервью с Л.В.Ивановой.
[263] Благов Ю.А. Кешнер и К°. История одной казанской семьи. Казань, 2001. С. 19.
[264] Габаши А. Верность призванию // Казань. 2002. № 3/4. С. 134.
[265] Адо В.И. Воспоминания о прошлом. № 8. С. 50 – 51, 53 – 55; № 9. С. 48 – 50.
[266] Тарасова Г.Б. Немного об отце (Векслине Носон-Бер Залмановиче)// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10087, л. 4; Лаптев Б.Л. Воспоминания о П.А.Широкове. С. 147.

Из альбома выпускника КГУ 1950-х годов

вышения уровня культурности" партийные и комсомольские органы приобщали студенчество, особенно рабфаковцев, к театру, предоставляли им бесплатные билеты.

Театры в Казани работали и в военные годы. Но так как помещения многих из них были отданы под госпитали, то оперный, татарский академический и Большой драматический театры давали спектакли в одном помещении – в здании Большого драматического театра. В то время основу их репертуара составляли спектакли патриотической, антифашистской направленности: "Таймасовы" Т.Гиззата, "Парень из нашего города" К.Симонова, "Профессор Мамлок" В.Вольфа, "Русские люди" К.Симонова[267], "Фельдмаршал Кутузов"[268].

Быть театралом в университетской среде всегда считалось престижным. Собранные нами анкеты пестрят рассказами о посещении балетов, опер, концертов, драматических спектаклей. Правда, если преподаватели более охотно

[267] История Казани. Казань, 1991. Кн. 2. С. 264 – 265.
[268] Вовченко (Кузнецова) Г.Л. Из дневниковых записей (июнь–декабрь 1941 г.) // Во имя Отчизны. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1975. С. 290.

Из альбома выпускника КГУ 1950-х годов

посещали оперу, то студенты предпочитали драматические спектакли на основе русской классики или современную драматургию. При всем том театр оставался элитарным видом досуга. Такой же налет элитарности лежал и на музеях, хотя советская власть расценивала музейно-экскурсионную деятельность как один из реальных и широкодоступных способов "окультуривания масс". В 1920-е годы в понятие "культурного досуга" студента КГУ входило обязательное посещение Центрального музея, Музея революции, санитарно-гигиенического музея, музея социальной гигиены, музея при Доме крестьянина. А вот кинематограф относился скорее к популярным видам досуга. Причем эта популярность росла из года в год. Осенью 1917 г. количество работающих кинотеатров в Казани резко сократилось. Но после их муниципализации в 1918 г. они вновь возобновили свою работу. Посещения кинотеатров "Электро" (после войны – "Татарстан"), "Унион" (после войны – "Родина"), "Пионер" (в здании Пассажа), "Красная звезда" (в Адмиралтейской слободе), "Чаткы" (на Тукаевской ул.), "Маяк" (в Суконной слободе), а также любимейших студентами разных поколений "Вузовца" (у подножия холма, где сейчас установлен памятник М.Вахитову) и летнего кинотеатра "Комсомолец" (на месте нынешнего высотного здания университета) было распространенным приятным времяпрепровождением студентов. Спрос на фильмы был так велик, что стационарные кинотеатры не могли его удовлетворить. В 1920-е годы немые фильмы показывали даже в студенческой столовой на Ново-Горшечной, а в 1930-е – и в начале 1940-х годов в 1-й учебной аудитории.

Репертуар казанских кинотеатров постоянно менялся. После февральской революции 1917 г. экраны заполонили агитационно-пропагандистские фильмы и второсортные памфлеты – "Темные силы Григория Распутина", "Царские холопы", "Вражья сила", "Предатели России Мясоедов и К (", "Под звуки Марсельезы", "Похороны жертв революции". В 1920-е годы студенчество сбегало с занятий на боевик "Шесть девушек ищут ночного пристанища" с

Американские студенты в КГУ

Женни Юго и Георгом Александером в главных ролях, на фильмы "За чужие грехи", "Настоящий джентльмен", "Саламандра", "Норд-ост", "Капитанская дочка", "Право на жизнь", "Закон шторма". В 1930-е годы молодежь отдавала предпочтение кинолентам революционной и советской тематик, среди которых абсолютными лидерами были – "Чапаев", "Депутат Балтики", "Семеро смелых", "Мы из Кронштадта", "Котовский", "Тимур и его команда", "Папанинцы", "Песнь о счастье", "Ленин в Октябре" и "Ленин в 1918 году", трилогия о Максиме. При этом студенты с удовольствием смотрели и развлекательные зарубежные и отечественные киноленты – фильмы с Чарли Чаплином, "Человек-невидимка", "Маленькая мама" (с Франческой Гааль в главной роли), "Девушка спешит на свидание", "Вратарь", "Девушка с Камчатки"[269], "Волга-Волга", "Свинарка и пастух", "Светлый путь", "Трактористы".

В годы войны кино подогревало патриотизм университетского человека. Однако наряду с такими фильмами, как "Богдан Хмельницкий", "Она защищает Родину", "Петр I" в прокате шли и американские ленты ("Серенада Солнечной долины" Глена Миллера, "Джордж из Динки-джаза"), трофейные немецкие ленты ("Девушка моей мечты" с Марикой Рокк в главной роли). В это тяжелое время, как ни странно, для российского зрителя вдруг открылось окно в мир западной масс-культуры. "Путешествие будет опасным", "Под властью доллара", "Судьба солдата в Америке", "Багдадский вор" – эти ленты с вырезанными титрами многие студенты смотрели десятки раз, разбирали на цитаты. В начале 1950-х годов в Казани появились 24 серии популярнейшего тогда американского фильма "Тарзан". Очереди за билетами на него вытягивались на два квартала; студенты носили длинные волосы "под Тарзана".

В 1960 – 1980-е годы на советские экраны вышло много хороших, зачастую – знаковых фильмов. Потрясающее впечатление, судя по воспоминаниям, на студентов 1960-х годов произвели фильмы А.Тарковского "Иваново детст-

[269] Алексеева Е. Из жизни кинозрителя. 1937-й // Казань. 2001. № 9/10. С. 197.

во", М.Хуциева "Мне двадцать лет" ("Застава Ильича"), Г.Данелия "Я шагаю по Москве", М.Калатозова "Летят журавли", а в 1970-е годы – кинофильмы В.Шукшина "Калина красная" и В.Мотыля "Белое солнце пустыни", ставшие культовыми для нескольких поколений советских людей. На кино - и телеэкраны, а также на страницы книг в те годы вышел новый герой – человек науки. Он был особенно близок университетским людям. На экранах Казани с успехом шел фильм М.Ромма "Девять дней одного года". Огромный успех у казанского интеллектуального зрителя имело "умное кино" А.Тарковского – "Сталкер", "Андрей Рублев", "Зеркало", "Солярис", вышедший накануне перестройки антисталинистский художественный фильм Т.Абуладзе "Покаяние" (1984 г.).

Художественный кинематограф был именно той отдушиной, где интеллектуальные пристрастия университетского человека могли быть удовлетворены наиболее полно. Он предоставлял выбор: хочешь – смотри "высокое" кино, хочешь – комедию или мелодраму, хочешь – отечественный фильм, а хочешь – западный (с вырезанными кадрами и даже целыми частями). Вот только "прелюдия" оставалась неизменной: хроникальная документалистика или сатирический "Фитиль". От менторского глаза власти советскому человеку было не скрыться в темноте зрительного зала. Но что не вытерпишь ради хорошего фильма! Ради них же сбегали с лекций. Билеты в "Татарстан" и "Родину" брали заранее. Легче было попасть в "Спутник" – там, как правило, шли "некассовые фильмы", в частности, ленты А.Тарковского.

В 1950-е годы у кинематографа появился достойный конкурент. Уже в 1955 г. несколько энтузиастов, в том числе физики-преподаватели Казанского университета, создали малый любительский телевизионный центр, который два года вел передачи местных программ. С 1959 г. начал функционировать большой, государственный телецентр, а уже 16 марта 1962 г. началась трансляция телепередач из Москвы. Тогда телевизоры были еще редко-

Парк "Черное озеро" . Фото 2004 г.

стью. Но уже в конце 1960-х годов они стояли даже в холле студенческих общежитий. Телевидение вызвало изменения в традиционной структуре досуга университетского человека: просмотр фильмов плавно переместился из публичной сферы – кинотеатров и домов культуры – в сферу частную, домашнюю, из самостоятельной формы досуга стал частью "культурной программы" дружеских или семейных посиделок. Телевидение потеснило чтение.

"Советизация" досуговых форм в равной степени коснулась и закрытых, и открытых рекреационных пространств. Последние еще с дореволюционных времен занимали важное место в структуре отдыха университетского человека. Правда, революция 1917 г. и гражданская война свели к минимуму прежние городские развлечения. Многие популярные до революции сады и парки – "Русская" и "Немецкая Швейцария", "Эрмитаж" и "Панаевский" (переименованные, соответственно, в "Рабочий отдых" и "Красноармейский"[270]), – пришли в запустение. С наступлением сумерек здесь просто небезопасно было появляться. Замерли и опустели казанские улицы и площади.

Но уже в начале 1920-х годов ситуация изменилась кардинально. Начавшаяся эпоха грандиозных революционных праздников способствовала оживлению традиции народных гуляний и возродила городские парки. И хотя профессора и члены их семей не разделяли "бунтарского запала" участников манифестаций, возможности погулять по тенистым аллеям были рады и они. А студенты с удовольствием отправлялись на летние купания и катания на лодках по озеру Кабан, зимой катались с гор на санках[271].

На рубеже 1920-х – 1930-х годов сложилась новая городская инфраструктура досуга, ориентированная на формирование советской "культурности". По замыслу, весь город должен был стать пространством "окультуривания". В связи с этим парки отдыха стали одним из основных "очагов культуры". Все они были созданы по единому образцу и подобию: с одинаковыми аттракционами, развлечениями, убранством и украшениями, едиными агитационно-

[270] НАРТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 126, л. 69.
[271] Адо В.И. Воспоминания о прошлом. № 8. С. 50 – 51, 53 – 55; № 9. С. 48 – 50.

пропагандистскими и воспитательно-развлекательными мероприятиями. В Казани такой парк появился в 1935 г.: это были хорошо известные всем "Швейцарии", носящие отныне гордое название Центрального парка культуры и отдыха им. М.Горького. В теплое время года университетские преподаватели с семьями и студенты проводили здесь довольно много времени, посещали аттракционы, смотрели выступления в летнем театре, играли в шахматы и другие игры[272].

Популярным видом зимнего отдыха было катание на коньках – развлечение, сохранившееся еще с дореволюционных времен. В Казани катки были на стадионах "Динамо", "Трудовые резервы", но самым любимым был каток в парке "Черное озеро". Сюда по вечерам приходили не только учащиеся, но и учащие. Здесь работала "раздевалка", буфет, коньки можно было взять напрокат. Ледовые пары и одиночки кружились под усиленные динамиками звуки радиол, а по праздникам – под музыку духового оркестра[273].

Одной из форм поощрения и, следовательно, управления обществом в советское время был отдых "по путевке" – бесплатной или льготной. Льготы, их ожидание и использование, делили людей на привилегированных и непривилегированных. В 1920 – 1930-е годы сотрудники, преподаватели и студенты университета имели возможность во время отпуска или каникул отдохнуть и подлечиться в санаториях и домах отдыха республики – "Ключищи", "Васильевский", "Берсутский", "Казанский", "Петровский" (около Бугульмы), Ютазинской кумысолечебнице, Морквашинском доме отдыха рабочей молодежи. Но желающих ими воспользоваться было много, а путевок (и самих санаториев) – мало, так что путевки доставались не всем, а только "наиболее достойным" гражданам. Стать обладателем "заветной" путевки было сложно. Пример тому – неоднократные обращения М.К.Корбута в университетскую администрацию: в качестве одного из условий его работы над двухтомником по истории университета он называл предоставление ему санаторной путевки[274].

В 1923 – 1937 гг. Татарская комиссия по улучшению быта ученых, а затем – Комиссия содействия ученым при ТатЦИКе распределяла всего несколько путевок в месяц – редко, когда их число переваливало за десяток. Так, в мае 1924 г. было отдано 8 бесплатных и "полуплатных" путевок в санатории Крыма, в Кисловодск; а 6 платных путевок остались невостребованными[275]. В 1932 – 1933 гг. та же комиссия осчастливила 18 преподавателей путевками в санатории и дома отдыха ЦЕКУБУ (Кисловодск, Ессентуки, Сочи, Бати-лиман, Крамарж, Теберду, Гаспру) плюс еще несколько человек – направлениями в местные санатории и дома отдыха (в частности, кумысолечебницу "Ютаза" и в дом отдыха научных работников в Шеланге)[276]. Последний, созданный в 1932 г., пользовался особой популярностью среди преподавателей. Сюда старались приехать семьей и провести здесь весь отпуск[277]. А в 1942 г. в Шеланге университет организовал пионерский лагерь для детей сотрудников и эвакуированных ученых[278].

В 1970 – 1980-е годы среди казанской интеллигенции получил распространение отдых за границей – в братских социалистических странах, особенно в Болгарии. С финансовой точки зрения отдых на море был вполне доступен, но реально путевки было не достать. Поэтому многие отправлялись

---

[272] НА РТ, ф. 644, оп.1, д. 136, л. 109.
[273] Носов Н. Версты любви // Казань. 1995. № 1/2. С. 56.
[274] НА РТ, ф. Р-1337, оп. 36 л. д. 14, л. 53.
[275] НАРТ, ф. 644, оп. 1, д. 136, л. 109.
[276] НАРТ, ф. 732, оп. 1, д. 2126, л. 527, 669, 691, 693.
[277] Вульфсон Г.Н. Воскрешают в памяти первые годы истфака! С. 164.
[278] Шехтер А. "Грелки" душевной теплоты // Казань. 1999. № 7/8. С. 60 –61.

Сводный стройотряд КГУ. 1970-е годы

на отдых "дикарем" – просто покупали билет до черноморского города или в Прибалтику и снимали там комнату у местных жителей. Справедливости ради, нужно заметить, что при наличии соответствующих медицинских показаний и молодой преподаватель, и студент могли рассчитывать на санаторную путевку – правда, этой категории университетских людей она обычно доставалась "не в сезон" – поздней осенью или ранней весной.

Для молодых и здоровых в 1960 – 1980-е годы была организована специфическая форма каникулярного труда – отдыха – стройотряды. Первые стройбригады появились в Казанском университете в 1957 г. К концу 1960-х годов строительное движение получило широкое распространение: летом на стройки страны из КГУ отправлялось до 30 отрядов[279]. Такая практика просуществовала вплоть до конца 1980-х годов.

Итак, советская власть создавала и новые досуговые формы, и наделяла "советскостью" формы устойчивые, традиционные, исторически сложившиеся. Но у университетского человека во все времена существовало свое, особое "досуговое" пристанище – те сферы и области свободного времяпровождения, которые оставались относительно свободными от властного контроля и вмешательства, те заповедные уголки, где человек был предоставлен сам себе и где он мог конструировать досуг по собственному усмотрению.

До начала 1930-х годов, а в отдельных случаях – и гораздо дольше, университетским людям удавалось сохранить некоторые дореволюционные, характерные для университетской среды, привычки и традиции досуговой культуры. Они оказались необычайно живучими и не утрачены до сих пор.

---

[279] Королев В.С., Жигунин В.Д. "Эпоха Нужина" (1954 – 1979 гг.) С. 297.

Новый год в КГУ

Банкет после защиты диссертации. 1998 г.

Университетские люди всегда любили отдыхать компаниями "по интересам". В результате этого родились интереснейшие досуговые объединения. Одними из самых ранних, еще дореволюционных видов подобных объединений, сохранившихся в 1920 – 1930-е годы, были интеллектуальные салоны некоторых профессоров университета. Коллеги, друзья хозяина и даже студенты регулярно собирались для общения и приятного времяпрепровождения. Такие "салоны" действовали на квартире у профессоров М.Н.Чебоксарова, А.Ф.Самойлова, Н.К.Горяева[280].

Преподаватели собирались компаниями и семьями, образовывали шутливые сообщества, организовывали домашние спектакли, придумывали шарады, устраивали детские праздники. Как вспоминала дочь ректора Н.-Б.З.Векслина, в их доме часто проходили семейные концерты, детские инсценировки[281]. В доме Арбузовых, где царило "дружелюбие, простота и неподдельное веселье", для гостей затевались игры[282], все вместе пели волжские песни[283]. Заведующий кафедрой геометрии П.А.Широков приглашал к себе домой знакомых музыкантов (В.В.Корнрумпфа и др.) и вместе с коллегами слушал в их исполнении фортепьянные переложения симфоний[284].

Коллеги вместе отмечали домашние и семейные торжества. В первые послереволюционные годы эти праздники еще были связаны с религиозными обрядами: крещением или наречением имени (исем кушу), венчанием или никахом и т.д. Часто университетские люди собирались на именины – "день ангела" (позднее – дни рождения и юбилеи). В середине 1920-х годов "советизацию" пытались внедрить и в сферу семейных праздников и обрядов. С 1924 г. центральные и местные газеты запестрели показательными описаниями "красных свадеб", "красных крестин". Газетчики бодро обозвали их "октябринами" и "звездинами". В те годы появились и "красные похороны". К счастью, в университете эти ритуалы не прижились.

---

[280] Болгарский Б.В. Мои воспоминания о КГУ // Музей истории КГУ. Фонд "Б.В. Болгарский".
[281] Тарасова Г.Б. Немного об отце (Векслине Носон-Бер Залмановиче). Л. 4.
[282] Богоявленский А.Ф. Воспоминания о химфаке КГУ // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10097/1, л. 5.
[283] Арбузов Б.А. Из воспоминаний о Казанском университете. Л. 8.
[284] Тарасова Г.Б. Немного об отце (Векслине Носон-Бер Залмановиче). Л. 4; Лаптев Б.Л. Воспоминания о П.А.Широкове. С. 147.

Университетские люди не были особенно религиозными, многие из них соблюдали обряды, отдавая тем самым лишь дань культурной традиции. А после того, как в результате атеистических кампаний 1920-х – начала 1930-х годов религиозные праздники были изгнаны из советского календаря, а их празднование стало преследоваться, очень немногие преподаватели и студенты осмеливались их отмечать. К тому же в те годы в университет пришло новое поколение людей – искренних атеистов. Под натиском антирелигиозной атаки 1928 г. "пал" один из любимейших праздников университетского человека – Рождество. Рождественские елки были запрещены, а Дед Мороз объявлен союзником попа и кулака. Последний раз рождественскую елку в Казани зажигали в январе 1929 г. В последующем, 1930 г., за встречу Нового года с "буржуазным символом" (елкой) стали исключать из комсомола[285].

Но нельзя же было управлять одними запретами. И вскоре власти заменили Рождество Новым годом. В 1936 г. елка вернулась в казанские семьи, но уже в качестве атрибута новогоднего детского праздника. На предприятиях и в учреждениях – в том числе и в университете – для детей сотрудников организовывали новогодние театрализованные представления, готовили угощение и подарки. 31 декабря 1937 г. в Актовом зале университета прошел первый новогодний карнавал[286]. С тех пор Новый год праздновался здесь ежегодно. Ориентируясь на находчивость властей в случае с рождественской елкой, казанская интеллигенция приспосабливала традиции других религиозных праздников под новые советские ритуалы. Например, изготовление пасхальных куличей и крашение яиц приурочивалось к Первомаю[287].

Интенсивность дружеского общения резко снизилась в конце 1930-х годов. Из-за арестов многие казанцы перестали устраивать домашние посиделки и праздники, встречаться компаниями вне общественных мест (на квартирах, дачах). Люди боялись, что их могут обвинить в организации антисоветских сборищ[288]. Ведь такие случаи, действительно, были. Так, созданное в конце 1920-х – начале 1930-х годов начинающими преподавателями математиком Б.Л.Лаптевым, астрономом А.Д.Дубяго и химиком Б.М.Козыревым (будущими известными учеными) шутливое общество "Три кита", участники которого проводили вместе свободное время, разгадывали шарады и устраивали розыгрыши, послужило поводом для ареста А.Д.Дубяго[289].

"Оттепель" 1950-х – начала 1960-х годов, время относительной свободы мысли и творчества, атмосфера "нарастающего праздника"[290], сделали "роскошь человеческого общения" кумиром советской интеллигенции. Точно подмечено, что тогда *"акцент сместился с труда на досуг. Вернее, досуг включил в себя труд. ... Атмосфера дружеского взаимопонимания казалась куда важней производственных задач... Дружба стала и сутью, и формой досуга"*[291]. Культ общения царил в те годы и в Казанском университете. Преподаватели и студенты вместе ходили на лыжах, участвовали в физкультурных мероприятиях, играли в шахматы, организовывали литературно-музыкальные вечера, но особенно много беседовали и спорили – обо всем[292]. Выпускницы биофака вспоми-

---

[285] Носов Н. Версты любви // Казань. 1994. № 9/10. С. 14.
[286] Сидорова И.Б. От "великого перелома" к началу стабилизации: 1930 – 1940 гг.. С. 210.
[287] Адо В.И. Воспоминания о прошлом. № 10. С. 102.
[288] Там же. С. 103.
[289] Козырева Е. Жажда прекрасного. Соприкосновение с духовным миром Б.М.Козырева // Казань. 1999. № 7/8. С. 102; по другим сведениям, общество называлось "Общество двенадцати китов" – см.: Болгарский Б.В. Мои воспоминания о Казанском государственном университете// Музей истории КГУ. Фонд "Б.В. Болгарский".
[290] Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 71 – 72.
[291] Там же. С. 69.
[292] Нафигов Р.И. Истфилфак 50 – 60-х годов // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. С. 180 –-181.

Студенты в спортивно - оздоровительном лагере КГУ на Кордоне. 1966 г.

нали шутливые затеи конца 1950-х годов, реализуемые во время "перекуров" во главе с профессором В.В.Марковым. Одним из них был "конкурс" на лучшую рекламу мыла, когда Марков положил на полочку мыло "Экстра", снабдив его табличкой со стихами: ""Экстра" лучше прочих мыл как ликвидатор грязных рыл!".

В 1960-е годы в среде интеллигенции сложилась традиция "кухонных посиделок" с разговорами о политике, об искусстве, о литературе. Именно здесь у них рождался новый городской фольклор – анекдоты, остроты, песни, формировавшие общественное мнение. "Посиделки" как жанр процветали и на университетских "кухнях". По инициативе того же профессора В.В.Маркова на биофаке устраивались субботние чаепития. Их участники рассказывают об атмосфере искрометного творчества, "размах и жанровое разнообразие которого невозможно передать". Там звучали размышления о художниках и композиторах, рассказывались охотничьи и рыболовные байки и пр.

Культ общения сохранился в университетской среде и после того, как "оттепель" ушла. Вузовские преподаватели Казани создавали корпоративные досуговые сообщества. Таким был учрежденный в 1977 г. студентами и преподавателями истфилфака "Эскадрон имени поручика Ржевского". Вот уже более 25 лет он собирает друзей на сплав в мае и на августовские "съезды" в марийских лесах. Другой долгожитель – созданный в КГУ в 1985 г. литературный клуб любителей фантастики "Странники". Под влиянием "миров" английского писателя Д.Р.Р.Толкиена и молодежного движения ролевых игр "Странники" дали жизнь целому ряду общегородских объединений – клубу "Факел" (директор – выпускница химфака Л.Смеркович), военно-патриотическому клубу "Витязь" (директор – выпускник истфака В.Хабаров),

На даче. Середина 1980-х годов

общественной организации "Игровые технологии в образовании". В 1991 г в УНИКСе КГУ стартовал первый всесоюзный фестиваль фантастики и ролевых игр "Зиланткон", ставший с тех пор ежегодным[293]. В 1996 г. в университете появились клубы интеллектуальных игр "Что, где, когда?" и "Брейн-ринг". Важно, что их участники – смешанные команды преподавателей и студентов – продолжают общаться и помогать друг другу и вне игры. Грань между игрой и жизнью становится более прозрачной. Ныне у каждого клуба есть свои сайты, чаты в Интернете. По электронной почте осуществляется рассылка информации, поддерживается виртуальное единство. Университетские интеллектуальные объединения всегда были лидерами культурной и досуговой жизни казанской интеллигенции и города в целом. Каждое начинание университета рождало аналогичные образования в прочих вузах города.

"Профессорской" формой летнего отдыха в советское время оставались дачи. В 1920-е годы профессора и преподаватели из "бывших" жили на дачах, многие из которых стали символом научных династий, местом сбора выдающихся ученых. Разумеется, уклад дачной жизни изменился, например, не стало приходящих торговцев, продукты приходилось везти из города. Но формы досуга – прогулки, игры, самодеятельные театральные постановки – оставались прежними.

---

[293] Федорова Н.А., Ермолаев А.И. Университет накануне XXI века: 1980 – 2000 гг. // Очерки истории Казанского университета. С. 327.

А вот в канун войны и в первые послевоенные годы дача стала непозволительной роскошью для университетского человека. Владение ею было сопряжено со множеством экономических и политических неудобств. Так, с профессора Н.М.Пауткина, имевшего дачу в Шеланге, власти собирались получить "мясной" налог[294]. Земля под летние домики и лес для их строительства выдавались лишь как льгота военным инвалидам. Именно таким образом отстроил дачу в Васильево профессор Г.Н.Вульфсон. Остальные же преподаватели снимали на лето комнату в сельских домах. Довольно часто преподавательские семьи жили по многу лет у одних и тех же хозяев в Аракчино, Красной Горке, Займище, Куземетьеве, Васильево. Дачники селились по берегам Волги – в Верхнем Услоне (куда их доставлял старенький шведский паром "Волгарь"), Нижнем Услоне, Ключищах, Матюшино, Морквашах, Ташевке, Шеланге[295]. Те, кому не доставалась путевка в Шеланговский Дом отдыха, снимали комнату в деревне и пользовались услугами столовой[296]. В результате в Шеланге всегда было много университетских людей. В 1950 – 1960-е годы "дачный ареал" университета расширился – участки или "сады" стали давать далеко от города. После открытия спортивно-оздоровительного лагеря КГУ на Атаманском Кордоне преподаватели и сотрудники стали строить вокруг него маленькие домики. Размах строительства стал гораздо больше в 1980-е годы. Тогда дачи стали превращаться в загородные коттеджи. Обеспеченные преподаватели стали жить в загородных домах, по своим удобствам мало отличающимся от городского жилья.

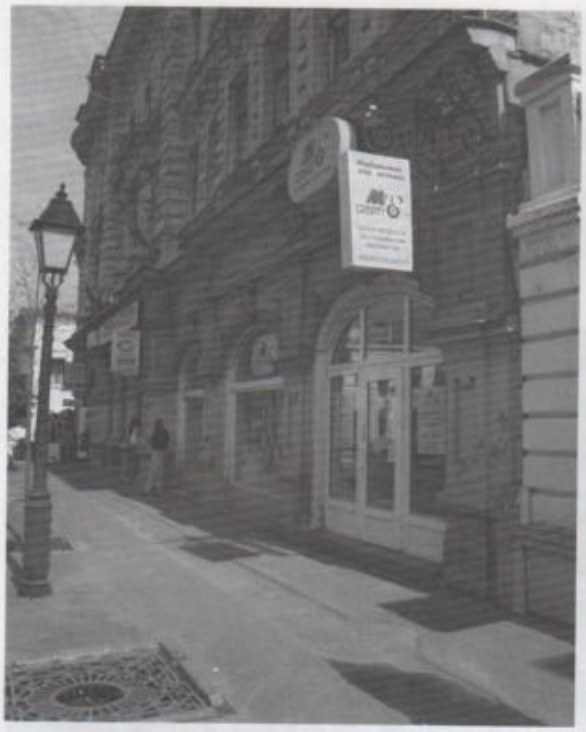
Помимо "нейтральных", официально не поддерживаемых, но и не осуждаемых форм досуга, в университетской культуре жили и такие формы времяпровождения, которые табуировались либо по идейным, либо по морально-этическим соображениям. Таковым являлось, например, посещение церквей и мечетей во время религиозных праздников. Если в 1920-е годы университетские люди ходили туда по убеждению, то в 1960 – 1980-е годы это во многом стало данью моде или проявлением протестного поведения.

Интерес к религиозным (будь то православным или мусульманским) обрядам проявляли и многие студенты. Всеми правдами и неправдами они стремились проникнуть на богослужение в одну из трех действовавших в городе церквей (Никольскую на ул. Баумана, Куртинскую при Арском кладбище и в Царицыно) или в единственную действовавшую мечеть (на ул. К.Насыри). Часто такие попытки пресекались нарядами милиции[297]. На Пасху пространство вокруг церкви на Арском кладбище – от моста на ул. Абжалилова до кладбища – было занято толпой народа. Студенты заранее занимали лучшие места – на заборах и деревьях, "чтобы только не упустить ни одного мгновенья из этого чудного зрелища"[298]. Для борьбы с этим явлением на факультетах вплоть до 1980-х годов ежегодно перед Пасхой проводилась "Неделя по атеистическому воспитанию"[299].

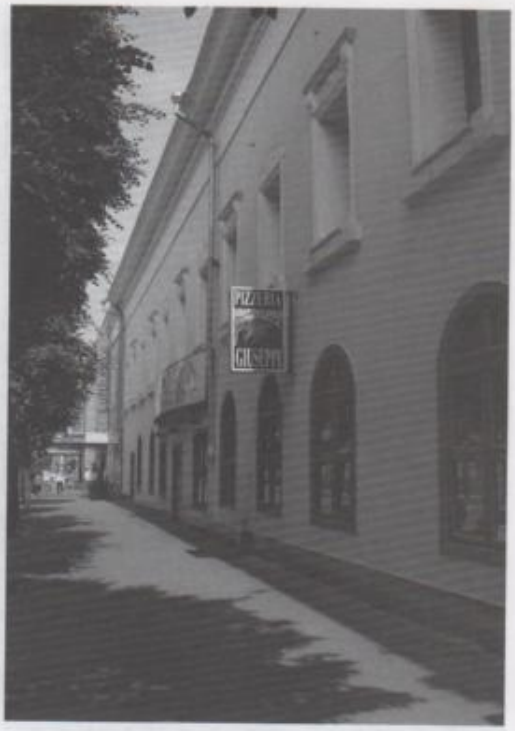
Никогда в университете не поощрялось "бесцельное болтание" по улицам и "вечерние сборища" на "Сковородке". Однако погулять так хотелось! До середины 1950-х годов "гуляли" в основном по Чернышевского (ныне Кремлевской) – от университета до Кремля и далее по кремлевскому бульвару. Влюбленные парочки предпочитали старинные улицы и парки "Казани деревянной" – здесь легко было спрятаться от посторонних глаз, а взгляд от-

---

[294] НАРТ, ф. 732, оп. 1, д. 2126, л. 306.
[295] Крылова Н. Свет любви и милосердия // Казань. 1997. № 3/4. С. 141.
[296] Лаптев Б.Л. Воспоминания о П.А.Широкове. Л. 13.
[297] Интервью с Р.У.Амирхановым.
[298] Интервью с Т.Д.Коршуновой.
[299] ЦГА ИПД РТ, ф. 6951, оп. 1, д. 407, л. 13.

Бывшее кафе "Ял"

Пиццерия "Джузеппе", бывшая столовая КГУ

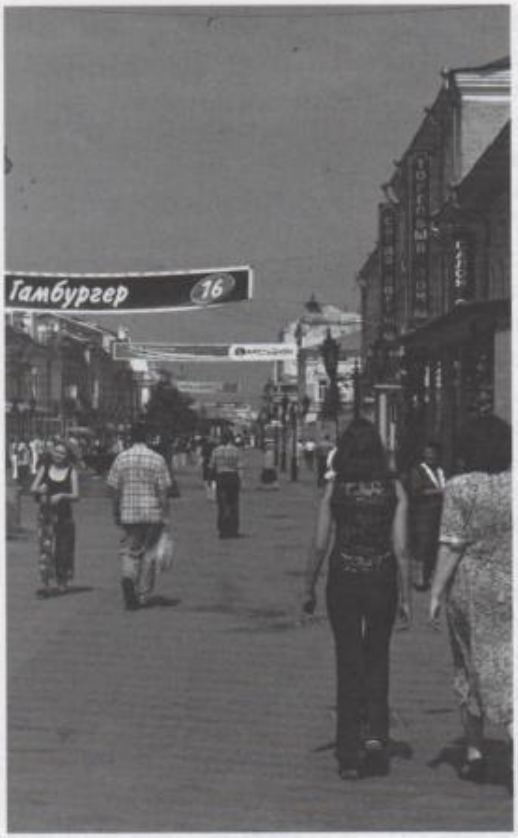
Пивной бар "Бегемот"

Кафе "Лакомка"

Бывшее кафе "Елочка"

На улице Баумана. Фото 2004 г.

дыхал на уютных домиках с ажурной деревянной резьбой. С конца 1950-х годов молодежная "тусовка" спустилась на улицу Баумана, получившую тогда же на молодежном сленге название "Брод"[300] (в подражание Бродвею). Приметной особенностью студенческого образа жизни 1970 – 1980-х годов были драки. Дрались много и охотно. Делали это из-за девушек, из-за оскорбленной чести, защищая товарища, в пылу застолья, а иногда и вовсе без причины. Рассказы тех лет полнятся воспоминаниями о драках "один на один", о столкновениях студенческих групп, и даже отдельных факультетских баталиях[301].

Казанские студенты были, как правило, небогаты и не могли позволить посещение респектабельных заведений. Тем не менее, желание "шикануть", даже и на последние деньги, присутствовало всегда. Еще с довоенных времен весьма популярной у университетских студентов была пивная, прозванная "Львицей" (ныне – магазин "Торис" на ул.Пушкина). Там собиралась пестрая публика – рабочие, интеллигенты, а также бродяги и другие "сомнительные личности". В воздухе стоял гул голосов, висел густой табачный дым. Эта пивная была своеобразным неформальным "клубом" общения для казанского студенчества.

В конце 1950-х годов у университета появилось свое "культовое" место – кафе-мороженое "Елочка" на ул.Баумана. В 1970 – 1980-е годы ее славу перехватило кафе "Ял", расположенное еще ближе к университету – в здании Пассажа на улице Ленина (ныне Кремлевская). Туда ходили целыми студенческими группами, дружескими межфакультетскими компаниями. В маленьком уютном зале царил приятный полумрак, да и мороженое было вкусным, к тому же к нему можно было заказать шампанское или коньяк.

Основная масса студентов в рестораны ходила редко. Богемный образ жизни вели лишь некоторые обеспеченные молодые люди. Встречая своих воспитанников в залах ресторанов "Казань", "Акчарлак", "ДТК", "Татарстан", педагоги ворчали по поводу "студенческой вседозволенности", нежелания учиться и осуждали вольные нравы нынешней молодежи.

Осуждению подвергались и карточные игры. Впрочем, большинство "старых" профессоров сами с удовольствием играли и в карты, и в домино, причем играли много и профессионально (особенно летом на даче), знали массу пасьянсов. Но в этой среде признавались лишь "аристократические" карточные игры – покер, вист, преферанс. Это были следы дореволюционной досуговой культуры.

---

[300] Носов Н. Версты любви // Казань. 1995. № 1/2. С. 63.
[301] Там же. С. 62 – 63; Аксенов В.П. В поисках грустного бэби. М., 1991. С. 265.

Что же касается студенчества, то самой распространенной карточной игрой в этой среде был, несомненно, преферанс. По воспоминаниям одного из воспитанников мехмата 1970-х годов, "в преф играл весь факультет. Играли везде – в аудиториях, коридорах, на лестницах. В общежитии играли все ночи напролет. Ставки были небольшие, но играли только на деньги". Ни партком, ни комсомольская организация оказались не в силах противостоять этой "пагубной страсти". Впоследствии из этих "преферансистов" выросли весьма уважаемые университетские преподаватели".

Итак, досуговые формы советского университетского человека были весьма разнообразны. Несмотря на то, что выбор досуга, по сути своей, есть дело весьма индивидуальное, преподаватели и студенты как носители некой советской субъектности, подпадали под воздействие и воплощали в своей повседневной практике унифицированные формы массового советского досуга. В его воплощении и бытовании наличествовало противоречие между коллективным и частным, между публичным и интимным, между санкционируемым и добровольным, между поощряемым и осуждаемым. На разных временных этапах баланс в этих оппозициях сдвигался в ту или иную сторону. Это было вызвано политическими процессами, происходящими в стране ("оттепель"), их отражением в сознании общества и личности ("шестидесятничество"), изменением качества жизни советских людей и многими другими факторами. Но при том, что очевидна напряженная зависимость университетской жизни от политики и идеологии, частная досуговая сфера преподавателей и студентов устойчиво расширялась и обретала значимость и автономию. Именно в пространство частной жизни – в городские квартиры, кухни, дворы, в компании друзей, единомышленников, близких по духу людей: "перекочевали" досуговые практики, ранее используемые лишь в публичной сфере (в клубах, в публичной библиотеке, дворце культуры, в трудовом коллективе или в кругу "товарищей по партии" и комсомолу). Университетские люди стремились уйти от формализма и заорганизованности коллективного досуга, и тем самым – от государственно-

го контроля. На исходе XX в. сфера досуга университетского человека пережила своеобразную "эмансипацию", связанную с ростом потребности людей в частной жизни, в пространстве, свободном от государства.

В советское время досуг как неотъемлемая сфера человеческой жизни недооценивался. Он совмещался с другими видами деятельности и наделялся идеологическими и воспитательными функциями. В постсоветский период досуг стал более разнообразен, альтернативен и временами даже изыскан. Однако приобщиться к формам "обновленного отдыха" для нынешнего университетского человека не так-то просто. Причина одна – на престижное потребление далеко не у всех есть средства. Досуговые возможности сегодня очень широки, но чтобы их реализовать люди вынуждены использовать свое потенциально досуговое – свободное – время для материального обеспечения этого самого досуга. Таким образом, мы имеем новую бинарную оппозицию, едва ли легче разрешимую, чем противоречия предыдущего периода.

Стиль жизни человека есть категория нравственная. Он менялся на протяжении существования казанского университетского сообщества, но сохранял особые, только ему присущие признаки и черты. Университетская жизнь была сложной, закрытой, с претензией на элитарность, и вместе с тем, демократичной. Она была иногда радостной, иногда – страшной, но в общем – счастливой. Она была насквозь пронизана и связана с историей, которая шла будто бы вокруг университетских людей, но в которой сами они всегда оказывались главными героями.

Глава 6

УНИВЕРСИТЕТ В РИТУАЛАХ, СИМВОЛАХ И МИФАХ

Университетская корпорация – это одновременно "видимое" и "воображаемое" сообщество. Оно периодически сталкивается лицом к лицу (заседания, празднования, конференции), но большую часть времени просто мыслит себя таковым. Ощущать себя университетскими людьми членам корпорации позволяют ритуалы, а также выработанные в ходе их исполнения идеи-эмблемы и символы.

Ритуалы – действия, создающие у людей чувство общности. В этом смысле жизнь университета сплошь ритуализирована, начиная от лекций и заканчивая празднованием юбилеев. В ходе совершения ритуалов стереотипные действия (использование предписанных жестов, облачение в соответствующие одеяния, произнесение словесных формул, декламация стихов, исполнение песен и т.д.) вызывают особый эффект: внимание собравшихся фокусируется, а их чувства усиливаются и нарастают. В результате люди объединяются в общей для них реальности и четко ощущают границу между собой и кем бы то ни было извне. Как правило, при этом они берут на себя взаимные моральные обязательства, а объединяющие их объекты становятся символами, напоминающими о пережитом эмоциональном всплеске, о групповой принадлежности.

Поздравительная папка Казанского университета. 2004 г.

Университетские ритуалы и символы – и имеющие двухсотлетнюю историю, и совсем молодые – интегрируют и причудливо трансформируют элементы традиций многих культур и субкультур: российской и западноевропейской, средневековой и современной, религиозной и светской, военной и гражданской.

Многообразие и эклектичность университетской символики и ритуалов отражают специфику функционирования российской университетской культуры в общемировом культурно-историческом контексте.

Ритуалы. Складывание профессиональной и социальной идентичности университетского человека сопровождалось выработкой церемониальных норм поведения. Созданный в ходе бурных обсуждений этикет начала XIX в. предписывал в письменном обращении к коллегам использовать следующие словесные формулы: "Высокочтимый декан и профессор", "Многоуважаемый преподаватель", "Достопочтенный наставник". К этим чисто университетским формам обращения добавлялись бюрократические штампы, присвоенные определенному чину: "Ваше превосходительство", "Ваше Высокопревосходительство" и т.д. Они употреблялись в официальной переписке. Встречая же друг друга, преподаватели в качестве приветствия наклоняли голову – раскланивались.

В середине столетия декан историко-филологического факультета обращался к коллегам со следующими письменными уведомлениями: "Гг. Члены факультета приглашаются в заседание... для решения текущих дел", "Покорнейше прошу Господ профессоров и преподавателей предста-

Ордена на фронтоне главного корпуса. Фото 2004 г.

Рыцарский шлем с плюмажем и совой над входом в главный корпус напоминают о средневековых привилегиях университета. Фото 2004 г.

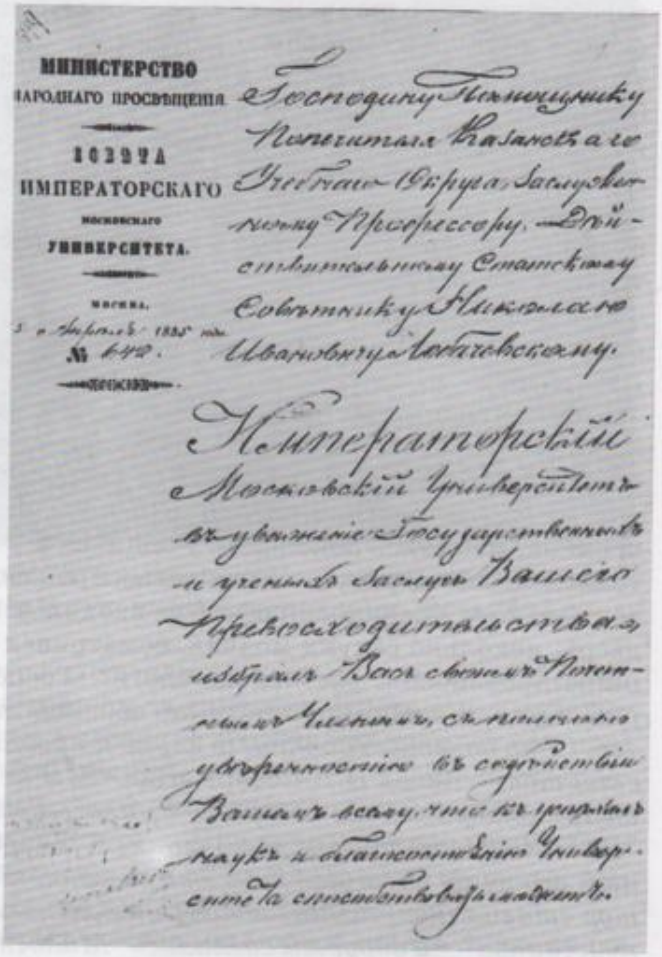
вить...", "Честь имею известить Господ членов факультета...", "Господа члены и преподаватели, благоволите пожаловать в заседание, имеющее быть в профессорской комнате для суждения..."[1]. Получившие такие приглашения преподаватели собирались в профессорском зале, где спорили, выступали с предложениями, обижались и хвалили друг друга, принимали коллективные решения.

На рубеже XIX – XX вв. отношения между коллегами стали более формальными, а их общение – более наполненным символами. Желая провести обсуждение какого-либо вопроса, декан излагал его суть на первых листах специальной тетради и приписывал: "*Имею честь покорнейше просить выразить свое согласие или несогласие*"[2]. Далее бумага отправлялась "в циркуляцию". Каждый преподаватель должен был поставить дату прочтения текста и свою подпись под ним. Желавшие "выразить мнение" вписывали его на пустых страницах тетради. Если вписанные "мнения" противоречили друг другу и требовали согласования, декан проводил собрание преподавателей, если же нет, то отправлял коллегам записки такого рода: "*Ваше замечание, сделанное на циркуляционном листе от 12 минувшего марта за № 140, было принято во внимание*".

Особо церемонным и витиеватым было обращение университетских людей к публике, стекавшейся в праздничные дни под своды Актового зала. "*Имея препоручение от сословия здешнего Университета сообразно наблюдаемому в торжественных ученых собраниях обыкновению...*, – говорил А.Лубкин, обращаясь к участникам Торжественного ака 1815 г., – *я намерен, сколько краткость времени сего дозволяет, войти в рассмотрение сие материи, ласкаясь надеждою благосклонного вашего внимания*"[3].

[1] НАРТ, ф. 977, оп. "Истфилфак", д. 365.
[2] Там же, д. 1951, л. 1.
[3] Там же, д. 10, л. 3.

Формулы обращений студентов к своим наставникам, а также преподавателей к студентам отражали меняющийся характер отношений между ними. В конце 1820-х – 1830-е годы вновь поступивших в университет юношей было принято представлять попечителю округа. В специально объявленный день субинспектор выстраивал неофитов, облаченных в новенький студенческий мундир и треуголку, со шпагой на боку, в профессорском зале и показывал их попечителю, ректору, инспектору и профессорам.

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
КОПІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.
№ 642.

Господину Помощнику Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Заслуженному Профессору, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Николаю Ивановичу Лобачевскому.

Императорскій Московскій Университетъ въ уваженіе Государственныхъ и ученыхъ Вашего Превосходительства заслугъ избралъ Васъ своимъ Почетнымъ Членомъ, съ полною увѣренностію въ содѣйствіи Вашемъ всему, что къ пользѣ наукъ и благосостоянію Университета относиться можетъ.

Бланк официального документа Казанского университета. 1830-е гг.

Далее инспектор обучал новичков принятым в корпорации жестам, и, прежде всего, тому, как приветствовать начальство. Если навстречу шел губернатор, попечитель или ректор, юноше полагалось снять фуражку и держать ее в руке "особым образом"[4]. Не доходя шести шагов до профессора, студент должен был встать "во фрунт" и отдать ему честь, приложив два пальца правой руки к кокарде головного убора. Полувоеные жесты приветствия особенно были распространены в 1830 – 1850-е годы, когда инспекторами служили военные люди, пришедшие в университет из кадетских корпусов. Изменение взаимных отношений в 1870 – 1880-е годы, в период конфронтации студентов и преподавателей, не замедлило сказаться на формах приветствия. Тогда нередкими стали случаи, когда воспитанники на улицах игнорировали своих наставников. В эти же годы студенты обращались друг к другу со словами "коллега" или "брат".

Жесты относятся к языку пространственной коммуникации. Они позволяют передавать информацию на невербальном уровне. И в этом качестве они также участвовали в творении университетской истории. Приведем пример. Рассматривая студентов как пассивный компонент учебного процесса, этикет университетской жизни предписывал им быть лишь молчаливыми участниками событий. Поэтому в качестве жеста приветствия и прощания использовалось нейтральное вставание слушателей. Конечно, не бывало правил без исключений. Со слабым или застенчивым преподавателем студенты могли фамильярничать и выкрикивать: "*Здравствуйте, Александр*

[4] Лебедев В.А. Учебные воспоминания. Казанский университет на рубеже второго пятидесятилетия своей жизни// Русская старина. 1908. Т.39. № 8. С. 245.

Петрович, здравствуйте!"[5]. Но все же идеалом "владения" аудиторией считалась тишина в учебном помещении, где мог звучать только один голос – голос лектора.

Ситуация изменилась в конце 1850-х годов, когда, с одной стороны, в учебный процесс стали внедряться, как сказали бы сегодня, интерактивные формы занятий (семинары, практикумы), а с другой, студенты начали претендовать на роль экспертов профессионального уровня своих наставников. Это выразилось в появлении жестов одобрения или порицания прослушанных лекций. В последнем случае бездарным, с точки зрения воспитанников, лекторам подавались письма-протесты. Такие письма стали причиной ухода в отставку профессоров В.Ф.Берви, В.М.Ведрова, Ф.А.Струве. В случае одобрения , студенты устраивали любимым лекторам овации. Их аплодисменты Н.Н. Буличу возмутили университетскую администрацию, что, в свою очередь, послужило поводом сначала к студенческим сходкам, а затем к отставке помощника попечителя округа Ф.Ф.Веселаги и перевода Булича в Петербург[6].

Если для преподавателей манера обращения к ним студентов была выражением почтения, уважения, благодарности, то формулы приветствия воспитанников лектором имели еще и глубоко символический смысл. Во многих мемуарах описано начало первой университетской лекции. Менялись времена, менялись поколения учащихся и учащих, менялись факультеты и темы лекций, но ритуал ее начала воспроизводился с удивительной устойчивостью. Как правило, профессор входил в аудиторию, закрывал за собой дверь, несколько секунд молчал, осматривая сидящих, а затем в полной тишине произносил, растягивая слоги: "Господа!" или "Милостивые государи!". Судя по воспоминаниям, это обращение сильно действовало на студентов. "*Оно долетело до нашего слуха и пробежало по нервам как электрический ток,* – писал П.Д.Боборыкин. – *Мы не мальчишки, а взрослые слушатели, которым надо говорить "милостивые государи!" и обращаться на "Вы"*[7]. Студент другого поколения, К.Лаврский вспоминал о переполнившем его душу счастье: "*Кто это говорит кому говорят? Давно ли инспектор ставил нас [гимназистов] на колени и кричал зычным голосом: "свиньи, свиньи" – и вдруг мы сделались "Милостивые государи"*[8]. Студенты гордились таким обращением. Они с возмущением передавали друг другу слух, что в Москве профессор Н.И.Крылов обращается к студентам на "ты".

Впрочем, были и другие сценарии. Начиная лекции профессор А.П.Норман, входя в учебный зал, торопливо произносил: "Здравствуйте, господа, пожалусто, прошу вас, садитесь". Иначе начинал лекцию адъюнкт математики М.М. Мельников "*Он вошел, взял губку, провел ею несколько раз по доске, потом снова положил на столик,* – вспоминал Э.П.Янишевский, – *улыбнулся, взглянул на нас, очевидно намереваясь сказать что-то подходящее к только что совершившемуся событию, но раздумал; долго тер себе затылок, наконец, взял мел и начал лекцию*"[9].

Смена церемониальных жестов, как правило, отражала изменения в культуре корпоративных связей. Так, в начале XIX в. традиция предписывала профессору читать лекцию сидя. Для этого внутри кафедры на постаменте был установлен стул. Психологически положение "сидя" делало лектора

[5] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С. 18.
[6] Корсаков Д.А. Былое в жизни Казанского университета 1856 – 1860 гг. Из воспоминаний о прошлом// Былое из университетской жизни. СПб., 1904. С. 156 – 159.
[7] Боборыкин П.Д. За полвека. М., 2002. С. 61.
[8] Л.О. [Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х гг. // Былое из университетской жизни. СПб., 1904. С. 206.
[9] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. С. 23.

Бюсты "великих мужей", стоявшие в XIX в. в вестибюле главного здания. Ныне хранятся в книгохранилище Отдела рукописей и редких книг. Фото 2004 г.

человеком более высокого, чем его слушатели, социального статуса. И с точки зрения профессиональных интересов для диктовки текста такое положение было очень удобным. Когда же в середине столетия изменился сам подход к назначению университетской лекции, когда преподаватель стал делиться со студентами результатами своей исследовательской работы, поменялась и манера его поведения в аудитории. Привычным стало передвижение лектора по учебному пространству, его эмоциональность и, соответственно, богатая мимика, активная игра голосом, жестикуляция.

Об изменении смысла некоторых жестов мы можем судить лишь по реакции на них современников. Так, согласно обычаю, увольняясь со службы, профессор вводил в учебную аудиторию своего преемника. Но вот и новшество, появившееся в привычной церемонии. Уходя, Лобачевский представил студентам А.Ф.Попова. Ранее было принято первым называть не имя преподавателя, а выкликивать имена слушателей, знакомя лектора с его будущей аудиторией. Новшество было воспринято участниками церемонии как знак особого уважения Лобачевского к своим бывшим ученикам[10].

Ритуал "начала" был присущ не только отдельной лекции, но и лекторской карьере университетского человека в целом. Поскольку во второй половине XIX в. корпорация формировалась из воспитанников многих российских и зарубежных университетов, медико-хирургической и духовных академий, педагогического и других институтов, то начинающий педагог должен был прочитать "вступительную", или "программную", лекцию. Она проходила в торжественной обстановке Актового зала, куда собирались студенты всех факультетов, приходили профессора, ректор и попечитель. Слушатели получали программу предстоящей лекции. Эта практика, с одной стороны, придавала значимость преподавательскому ремеслу, с другой, знакомила университетских людей с лекторским уровнем друг друга.

[10] Воспоминания Н.П.Вагнера // Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. М.; Л., 1948. С. 649.

Вензель Казанского императорского университета в решетке ворот. Фото 2004 г.

Ритуальный сценарий имела и публичная защита диссертации. Она, может быть как ни что другое, напоминала современникам о прошлом университетской культуры, о традициях средневековых ремесленных цехов, организацию жизни которых стремилась воспроизвести молодая университетская корпорация. За плату или "за стол" ученик познавал азы профессии, а лучшие из, ставшие подмастерьями, изготовляли под руководством мастера "шедевр". Качество "шедевра" оценивал совет цеховых старейшин. Их одобрение становилось пропуском в цеховую корпорацию. После обильной трапезы и угощения членов цеха бывший подмастерье становился мастером и мог участвовать в выборах руководства, в принятии внутрицеховых решений, мог обзавестись своими учениками[11].

В Казани первой половины XIX столетия обретение научной степени проходило следующим образом. "Ищущий магистерского или докторского достоинства" должен был обратиться с просьбой об этом к декану соответствующего факультета. С двумя коллегами профессорского звания декан проверял общий уровень представленного для защиты сочинения и проводил собеседование с соискателем. В том случае, когда все были единогласны во мнении о достаточности знаний диссертанта, объявлялась публичная защита.

На первом этапе испытуемый на степень магистра отвечал на два, а на степень доктора – на четыре вопроса, вытянутых по жребию. Далее на такое же количество вопросов претенденту следовало ответить в письменной форме. Медики и химики проходили еще и через практические испытания. На втором этапе магистрант читал одну, а докторант – три публичных лекции. Их темы называл совет факультета. После этого наступал черед защиты или публичного диспута. Уставы 1804 и 1835 гг. предписывали проводить их в соответствии с европейской традицией на латыни. Это правило соблюдалось лишь в первой половине XIX столетия, в последующем диспуты в российских университетах стали проходить на русском языке.

---

[11] Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 2000.

Защита диссертации. 1948г.

Традиционно защита проходила в Актовом зале. За стол, установленный на возвышении и застеленный красным сукном, усаживались оппоненты. В первом ряду кресел сидели ректор, попечитель, почетные гости, профессора, за ними магистры и адъюнкты. Далее на венских стульях рассаживались студенты. Претендующий на степень стоял за кафедрой или около доски, вывешенной на боковой стене зала между портретами императоров. Согласно сценарию, до защиты магистрант или докторант должен был произнести небольшое вступление, объяснить собравшимся повод написания диссертации и выразить благодарности.

Защищающий свой труд ученый имел двух официально назначенных оппонентов. В правилах игры была их обвинительная и наступательная функция. Задача состояла в том, чтобы найти и разоблачить противоречия ("противуположения") в логике рассуждений диссертанта, показать уязвимость его позиции. При этом этика требовала уважительного отношения к личностям спорящих, недопустимость оскорбительных высказываний, разговора на повышенных тонах. Воспроизводя ритуал рыцарского поединка, оппонент и магистрант обменивались приветствиями:

"*– Вы взялись за задачу, трудно разрешимую, за которую брались многие серьезные умы. Можете ли вы отвечать на те вопросы, которые я вам предложу?*

– Я готовился усердно, но в какой мере я успел – предоставляю судить моим оппонентам".

И после удовлетворительных ответов оппонент мог заключить:

"*–Вы превзошли мои ожидания. Вы неутомимо и постоянно усовершенствовали ваши познания, и мне тем с большим удовольствием приходится выразить это при всей публике*".

Таким запомнился диалог Н.И.Лобачевского и магистра М.И.Мельникова на математическом диспуте. В правила церемонии входили реверансы в сторону коллег. А потому оппонент П.И.Котельников добавил: "*После отзыва о вас стяжавшего себе известность математика (Лобачевского), на*

Физическое отделение Казанского гос. университета об'являет, что 1 марта, в 12 ч. дня, в аудитории № 3 Физ. отд. состоится

ПУБЛИЧНАЯ ЗАЩИТА НАУЧНЫХ ДИССЕРТАЦИЙ

СЛЕДУЮЩИХ АСПИРАНТОВ:

1. ЗАВОЙСКИЙ Е. К.: „Исследование суперрегенеративного эффекта". Оппоненты: проф. Н. Н. Парфентьев и проф. А. В. Шипчинский.
2. НЕСМЕЛОВ А. В.: „Теория аномальной дисперсии света". Оппоненты: проф. Н. Н. Парфентьев и проф. А. В. Шипчинский.

Приглашаются все желающие. 690.-1--1

Объявление в газете

которого смотрит весь ученый мир, я затрудняюсь сказать что-либо новое. Но долг мой обязывает меня сказать, что как диссертация, так и защита ее не оставляет желать лучшего, а мне остается поблагодарить вас за то удовольствие, которое вы мне доставили вашим спором"[12]. Эти формулы научного общения пережили века и сохранили свою устойчивость и поныне.

Впрочем, тональность диспута могла быть и иной. Например, на защите В.И.Григоровича профессор Н.А.Иванов выступал столь резко, что присутствующие заподозрили его в пристрастности и даже зависти к молодому коллеге. Но и в таком случае соблюдались церемониальные нормы, и диспут шел в принятых формулах словесного раута. Они позволяли выдержать этикет и в то же время выразить мнение и отношение. Так, в случае, когда магистрант пытался опередить возражения оппонента, последний мог урезонить его словами: "*Вы дайте мне предложить вопрос, ваша речь впереди*"[13]. При этом большую роль играла интонация высказывания, жесты и мимика говорящего. Защита считалась успешной, если за присуждение претенденту искомой степени проголосовала (бросила белые шары) большая часть членов факультета.

В течение столетия рос не только научный уровень диссертационных исследований, но и их объем. Представленное в 1906 г. на степень доктора славянской филологии сочинение Н.М.Петровского составляло 780 печатных страниц. К публичному диспуту защищающийся готовил 34 экземпляра работы[14].

Церемония посвящения в университетскую корпорацию имела неофициальный и официальный сценарии. Еще в Александровскую эпоху в среде местных студентов возникла традиция, по которой "младшие" студенты должны были устроить в честь "старших" завтрак с обильными возлияниями[15]. Впоследствии сформировалась привычка отмечать удачный экзамен, окончание сессии, первую операцию и т.д. По воспоминаниям казанских медиков, в конце века, после первой совершенной операции, в ординаторской квартире при клинике устраивался "маленький банкетик-чаепитие с бутылкой легкого вина и холодными закусками". Всегда желанным гостем на нем был ведущий профессор. А на рубеже веков, когда медицинский факультет обзавелся прекрасными клиниками, время их закрытия на летнее каникулярное время (с 15 мая по сентябрь) отмечалось в салоне волжского парохода или в отдельном кабинете Панаевского сада (ныне на его месте находится стадион "Динамо")[16].

---

[12] Михайлов И.И. Казанская старина. Из воспоминаний // Русская старина. 1899. № 11. С. 403.
[13] Там же. С. 413.
[14] Петровская М.Н. О моих предках // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10007, л. 143 – 144.
[15] Дневник и переписка профессора Ф.К.Броннера (1810 – 1817)// Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758 – 1850). Казань, 1902. С. 8.
[16] Танский М.В. Казанский университет в 1890-х гг. девятнадцатого века // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 8035, л. 18.

Ритуал посвящения в географы. 1985 г.

Университетская история знает и шутовские ритуалы. В 1860-е годы в середине марта студенты устраивали именины старейшему служителю университета, швейцару Козловскому. По рукам пускался подписной лист с надписью: "Г.г. студенты приглашаются к пожертвованиям Козловскому на известную потребность". Собранные средства позволяли студентам радовать своего любимца несколько дней.

В конце 1890-х годов существовал ритуал вступления в студенческое общество "Троянская республика", или "Общество пешеходов". Его штаб-квартира находилась в одной из снимаемых студентами комнат в Собачьем переулке (ныне ул. Некрасова). Подобно масонским ложам или католическим орденам, вступающий в Общество должен был пройти через испытание и занять подобающую ему ступень в иерархии званий. "*Управлялось общество папой или генералом,* – рассказывал Гордягин. – *Папа выбирался, если он мог выпить три аршина водки, генералы – соответственно два аршина (рюмки ставились в ряд)*"[17]. В связи со сложностью поставленной задачи, Общество имело генералов, но должность папы оставалась вакантной. Члены Общества, как и прочие студенты, часто переезжали с квартиры на квартиру. Эта процедура имитировала народную свадьбу: "*По Собачьему переулку двигалась процессия из 20 барабусов (сани-розвальни). На каждом из барабусов стоял человек и держал какой-либо домашний предмет (лампу, стекло от лампы и т.п.). Процессию окружали музыканты, играющие на тазах, костях...*"[18].

Профессора, члены их семей, студенты, служащие и чиновники университета соединялись в единое университетское целое в период празднеств. После освящения университетской церкви в 1825 г. 14 сентября – день Воздвижения честного и животворящего креста – стал храмовым праздником казанских студентов и их преподавателей. Ежегодно этот день начинался с обедни, а затем публика переходила в соседний с церковью актовый зал, где слушала актовую речь. Например, в 1852 г. ее темой стала "разница во времени между Казанью и Петербургом"[19]. Поскольку церковь была домовой, или корпоративной, она скрепляла важные даты в жизни университетского человека. Церковная печать стояла на свидетельствах о венчании, о крещении детей, на справках о смерти членов сообщества.

---

[17] Цит. по Арбузов Б.А. Из воспоминаний о Казанском университете // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 1099/1, л. 1.
[18] Арбузов Б.А. Из воспоминаний о Казанском университете, л. 1.
[19] Ильинский А.И. За полстолетия. 1841–1892. Воспоминания о пережитом. Ч.1.Гл.V // Русская старина. 1894. № 4. С. 26 – 28.

Официальным университетским праздником являлся "Публичный акт", так сказать, выход университета к обществу, день его "открытых дверей" и одновременно "день знания". Впервые такой Акт в Казани был проведен 30 августа 1807 г. в день рождения Александра I. Поэтому обычные речи, прославляющие науки, содержали еще и слова благодарности, восхищения в адрес императора-устроителя. В дальнейшем "Акты" приурочивались к окончанию выпускных экзаменов и праздновались 5 июля – в день официального и полного открытия университета в 1814 г. Впрочем, иногда эта дата сдвигалась. Например, в 1825 г. торжество было перенесено на сентябрь в связи с приездом в университет попечителя, а в 1837 г. – на июнь в связи с прибытием в Казань императора.

В архивных документах сохранилось подробное описание празднования, состоявшегося в 1814 г. Тогда вокруг главного университетского корпуса расставили почетный караул, были приглашены военные музыканты, певчие из Духовной академии и архиерейского собора. Торжество сопровождалось освящением здания и праздничным богослужением. А вечером для студентов, кандидатов и магистров накрыли стол с яствами и спиртными напитками. Профессора ужинали в отдельном зале вместе с духовными лицами, светскими и военными чиновниками, с казанским купечеством. Среди приглашенных чиновников некоторые являлись одновременно и родителями университетских воспитанников. Таким образом, торжество проходило в два стола: "взрослый" и "детский".

В дальнейшем ритуал праздника стал более скромным и академичным. На торжественное собрание, проходившее 1 июля 1829 г., публика собиралась по специально разосланным приглашениям. Торжество началось в 4 часа пополудни исполнением университетскими певчими кантаты "Днесь благодать святого духа нас собра". Участники торжества слушали ученые речи на русском, немецком, греческом и персидском языках. Выступления перемежались исполнением симфонических произведений. Затем секретарь совета зачитал отчет о жизни университета и управлении округом за истекший академический год. "*А ты, священный храм, посвящённый музам,* – взывал оратор, – *процветай в благодарение царю, в утверждение добрых нравов, в расширение чистых нравов и в прочный памятник веков*"[20].

Далее ректор перечислил фамилии студентов, окончивших университет, с указанием удостоенной степени, а также фамилии студентов, переведенных на следующий курс. При трубных звуках к попечителю подходили выпускники, награжденные золотыми и серебряными медалями[21]. В заключение весь зал стоя исполнял кантату "Боже, царя храни".

Собравшиеся заворожено следили за происходившим действом, как за таинством посвящения. И спустя почти 30 лет эмоциональные впечатления от этого события не утратили своей яркости. В этот день, как вспоминал П.И.Мельников, "*весь университет собрался в большой университетской зале, обыкновенно называвшейся "желтою". С одной стороны выстроились рядом студенты по факультетам, выставив вперед своих кандидатов и лекарей первой степени.*
С другой стороны встали в ряд все университетские профессоры в мундирах. Хотя в зале было до 500 человек, однако тишина была невозмутимая"[22].

В течение XIX в. "плавающей" была и дата празднования основания университета. Так, собираясь отметить в 1807 г. вторую его годовщину, деректор приурочил ее к 14 февраля – дню посещения университета первым попечите-

---

[20] НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 2906, л. 6.
[21] Мамаев Н.И. Из воспоминаний// Былое из университетской жизни. С. 46.
[22] Воспоминания П.И. Мельникова// Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. С. 613.

лем С.Я.Румовским. Процедура праздника в чем-то напоминала "Публичный акт". В день рождения университета здесь собирались гости: местные чиновники, почетные горожане, духовные лица, родители и родственники студентов, члены семей педагогов. Под своды храма науки возносились торжественные речи на латинском, греческом, немецком, французском и русском языках. Их тематика позволяет увидеть, каким образом университет утверждал в современниках ту самую социальную магию, что не раз спасала его на протяжении двухсотлетней истории.

В первые десятилетия XIX в. для университетских людей было важно закрепить за собой высокое социальное положение, сделать университетскую продукцию социально востребованой и тем самым утвердить общественный престиж храма наук. Потому в день празднования очередной годовщины профессора доказывали собравшейся на торжество публике важность просвещения, в целом и значение отдельных наук, составляющих университет в частности.

Далее в сценарий праздника входило эмоциональное закрепление в памяти зрителей значимости принимающего их заведения. Ему воспевались оды, в его честь звучали гимны. В отличие от сегодняшнего дня, преподаватели и студенты императорского университета не придавали застольной песне средневековых студентов "Gaudeamus" особого, знакового смысла. В празднике он придавался канту, стихи которого написал один из первых студентов университета П.С.Кондырев, а музыку – учитель гимназии А.В.Новиков. Юношеские голоса торжественно и медленно выводили:

Поет тебе, о царь - отец,
Днесь храм казанских муз священный,
Твоей щедротой вознесенный,
Поет тебе хвалу сердец.

Цветущими наук садами
Прославится тобой Казань,
И зрелых сведений плодами
Тебе воздаст святую дань.

В конце праздника интеллектуально и эмоционально переполненную публику вели к праздничному столу.

Во времена попечительства Магницкого днем университета стало 17 января – дата утверждения "Инструкций" для него. Теперь вся постановка праздника должна была убедить корпорацию в наступлении новых времен, внушить ощущение собственной высокой миссии спасения юношества от вольнодумства и безнравственности. Этот праздничный день ушел из жизни университета вместе с увольнением его инициатора.

Вопрос о смещении даты празднования с 14 февраля на 5 ноября возник в начале 1850-х годов в связи с приближающимся 50-летним юбилеем. Тогда преподавательская корпорация доказывала правительственным чиновникам, что начало жизни университета надо исчислять с момета подписания его Устава. С 1866 г. 5 ноября стало официальным днем Казанского университета. И поскольку по мере увеличения количества студентов все труднее становилось подготавливать и достойно проводить "Публичный акт" летом (когда наступала горячая пора выпускных и переводных экзаменов), то по прошению профессорского совета праздник был совмещен с днем основания университета[23]. После этого из двух праздников остался один, но отныне его проводили с большим размахом, чем прежде[24].

---

[23] НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 7584, л. 1.
[24] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 9133, л. 2.

Во второй половине столетия 5 ноября было днем, которого ждали и к которому готовились не только университетские люди, но и многочисленные горожане. После официальных речей и торжеств в Актовом зале празднество переносилось в самое красивое здание Казани, приспособленное под проведение масштабных мероприятий, – Дворянское собрание. Здесь устраивался грандиозный студенческий бал. На него съезжались представители местной администрации всех уровней, собиралось светское общество. Непременно присутствовали ректор, проректора, попечитель и большинство профессоров, особенно, как подчеркивали современники, "любимые профессора". Начинался бал с концерта, устроенного в честь студентов лучшими артистами города, и продолжалось празднование до самого утра. Для пьяных молодых людей была специально подготовлена "мертвецкая" – полутемная комната, куда их отводили отсыпаться. Вплоть до 1910 г. праздничные речи, отчеты и списки выпускников университет ежегодно выпускал отдельными брошюрами и рассылал по крупнейшим библиотекам и университетам империи[25].

Казанскому университету не везло с юбилеями. Войны темной тенью ложились на "круглые даты" его истории. Вскоре после его открытия начался конфликт России с наполеоновской Францией, и было не до торжеств. Предполагавшееся пышное празднование 50-летнего юбилея в 1854 г. столичные власти отменили, по-видимому, в связи с Крымской войной. Не состоялось, т.е. было отложено ad calendas graecas, празднование столетнего юбилея в 1904 г.[26], совпавшее с русско-японской войной. Но в связи с тем, что Россия вступила в Первую мировую войну, Казанскому университету вновь пришлось отказаться от празднования столетия. Оно было перенесено на 1914 г.,как год его "полного открытия"[27].

Согласно европейской традиции, в сценарий подобных юбилеев входили составление "истории" и публикация списков университетских воспитанников. К 50-летнему празднованию в Казанском университете была учреждена комиссия для подготовки таких изданий. По общему решению профессорского совета ее возглавил старейший профессор, бывший ректор, один из первых выпускников университета Н.И.Лобачевский. Но вскоре по распоряжению министра деятельность комиссии была прервана. В резолюции на прошение значилось следующее: "Рано праздновать". А на официальном докладе министра народного просвещения Николай I начертал: "*Пятьдесят лет не есть еще настоящий юбилей, т.е. столетие. Не вижу давать сему дню подобную торжественность. Довольно и простого собрания*"[28].

Для современников такое решение властей осталось непонятным, а казанским профессорам показалось обидным. Ведь буквально за год до того Главный педагогический институт в Петербурге отпраздновал свой 25-летний юбилей, а спустя год университетская корпорация Казани отослала депутатов сначала на 100-летний юбилей Московского, а затем на 50-летний юбилей Петербургского университетов. В юбилейном адресе петербургским коллегам казанские профессора писали: "*Императорский Казанский университет, приветствуя своего петербургского собрата,... вполне осознает труды, подъятые Петербургским университетом на пользу отечественного просвещения, и живо вспоминая судьбу сего рассадника науки на севере Руси, находит в его пятидесятилетней жизни моменты, сближающие его судьбы с судьбами Казанского университета*"[29].

---

[25] В НБЛ имеется конволют, в котором собраны торжественные речи и программы учебных курсов за период с 1812 г. по 1866 г.
[26] Лебедев В. Учебные воспоминания. //Русская старина. 1908. № 7. С. 21.
[27] НАРТ, ф. 977, оп. "Истфилфак", д. 2241.
[28] РГИА, ф. 733, оп. 46, д. 129 а, л. 6 – 7.
[29] НАРТ, ф. 977, оп. "Совет", д. 5173, л. 5 – 6.

90538 ремат.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1805—1819).

Разсказы по архивнымъ документамъ.

Н. Булича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе второе.

Первая "История" Казанского университета

Итак, пятидесятилетие не было обставлено официальными празднествами. Казанский университет не получил, как тогда было принято, высочайшего рескрипта, его преподаватели и служащие остались без юбилейных наград, а студенты – без "милостей". Оказавшись обделенной, университетская корпорация Казани отметила круглую дату своего рождения изданием двухтомного сборника научных статей и студенческим балом, организованным "по подписке". "*Нельзя же предположить*, – писал, вспоминая об этом, выпускник Казанского, а к тому времени – профессор Петербургского университета В.А.Лебедев, – *что убоялись слов "история университета", мешав их со словами "университетская история"*[30]. "Университетскими историями" в конце века современники называли студенческие сходки, волнения, проявления оппозиционности властям.

Однако в середине 1850-х годов "университетские истории" еще были не страшны, да и сам этот термин не был распространен. А вот в начале XX столетия, действительно, не только русско-японская война помешала празднованию. Внутренняя ситуация в университете была такова, что и преподавательская корпорация, и власти всерьез опасались перерастания практически не прекращающихся студенческих сходок в спровоцированные празднествами беспорядки. Основания были: за год до того, 5 ноября 1903 г. студенты устроили демонстрацию у входа в главное здание университета[31]. Многие ее участники на следующий же день были арестованы и оказались в пересыльной тюрьме. Поэтому, получив осенью 1904 г. сообщение о студенческих волнениях в Казани, директор Берлинской обсерватории В.П.Энгельгардт писал: "*В какое критическое время приходится мне поздравлять университет-юбиляр со столетием существования! Более чем когда-либо желаю нашему родному университету благоденственного процветания. Гроза очистит воздух, и университет после реформ зацветёт новой жизнью!*"[32]. Торжества не состоялись, но к столетнему юбилею была проведена колоссальная работа по созданию истории Казанского университета. Сам процесс ее творения являет один из ярких и, может быть, первых примеров размышлений университетского сообщества над самой сущностью университета, над основаниями собственной профессии и корпоративной культуры.

[30] Лебедев В. Учебные воспоминания. С. 22.
[31] Биряльцева А. По казанским следам поэта// Казанские истории. 2003. № 21/22. С. 13.
[32] Письмо В.П.Энгельгардта Д.И.Дубяго за 1904 г. Из личноо архива И.А.Дубяго.

19 февраля 1914 г. на прошение Казанского университета император наложил резолюцию: "устроить это празднование в стенах университета, не превращая его в публичное". Тогда в праздничный комитет было включено немало почетных членов из числа знаменитейших российских и зарубежных ученых: М.Планк, М.Склодовская-Кюри, Ю.М.Шокальский, А.П.Карпинский, К.А.Тимирязев, Н.И.Мечников, А.С.Фаминцын, В.В.Зеленский, Н.Е.Жуковский и др. Многие из них в ответ на избрание прислали благодарственные письма[33].

Празднования закрепляли в сознании и памяти людей ощущение своей принадлежности к корпорации, рождали и крепили в них чувство университетского патриотизма. Спустя годы один из воспитанников признавался, что, несмотря на превратности жизни, каждый год 5 ноября в его воображении, "*как живая, возникала знакомая картина университетского праздника: этот обширный зал университета, это многолюдство всего мыслящего и рвущегося к свету знания, это священное чувство торжества, которое, властно охватывая многочисленное собрание людское, как бы объединяет его одними узами братства, одною идеей беззаветного стремления к свету истины*"[34].

18 ноября 1924 г. университет впервые торжественно отмечал свой юбилей – 120-летие. Праздник проходил в преддверии присвоения университету имени В.И.Ульянова-Ленина. В этот день были отменены занятия, а в полдень в Актовом зале состоялось торжественное заседание Совета с отчетом

[33] СНАРТ, ф. 977, оп. "Совет", д. 19083, л. 20; д. 19531, л. 88.
[34] П.Т. Что такое университет? (Письмо из Елабуги) // Волжский вестник. 1887. 20 нояб. (№ 303).

Юбилейная открытка

ректора В.В.Чирковского и традиционной актовой речью[35]. 125-летний юбилей, который должен был состояться осенью 1929 г., был перенесен на 1930 г. и прошел относительно скромно (университету в то время грозила опасность закрытия): гостей приехало намного меньше, чем ожидалось, не прибыл ни один крупный зарубежный ученый[36].

Так же скромно – только уже ввиду условий военного времени – прошло и 140-летие университета. За 40 минут до начала торжества в городе отключили свет, на весь университет горели одна коптилка в вестибюле и фонарик – в кабинете ректора. При такой "иллюминации", в Актовом зале, по которому еще были раскиданы вещи отъезжающих сотрудников академических институтов, зато под звуки духового оркестра, председатель Президиума Верховного Совета ТАССР Г.А.Динмухаметов вручал ученым награды[37]. 16 преподавателей были удостоены орденов и медалей за помощь фронту и тылу: так Н.Г.Чеботарев получил орден Ленина, Б.А.Арбузов и К.П.Ситников – ордена Трудового Красного Знамени.

Настоящими торжествами сопровождались 150-летие и 175-летие КГУ. Тогда в Казань приехало много гостей, в том числе бывшие воспитанники университета. Встречи с однокурсниками и преподавателями вылились в спонтанный яркий праздник[38]. Они стали точками памяти для целого поколения казанцев, участием в них гордились и преподаватели, и юные перво-

[35] НАРТ, ф. Р-1337, оп. 1, д. 102, л. 2, 9.
[36] Мартынов Д.Я Недавнее былое // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10103, л. 15; Афанасьев Т.П. Прошлые эпохи университета // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10074, л. 3.
[37] Мартынов Д.Я. Недавнее былое, л. 28 – 29.
[38] Трофимук А.А. Казанский университет – моя "альма-матер" // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 1100/1, л. 24 – 25.

Юбилейное заседание, посвященное 175-летию КГУ. Фото 1979 г.

курсники. Годовщины университета его люди и сегодня вспоминают как главные праздники alma mater.

Нынешнее 200-летие осознается в университетской среде как дата, подготовка к празднованию которой сплотила сообщество, позволила физикам, историкам, химикам, биологам, юристам, экономистам, представителям других специальностей осознать, что у всех факультетов есть общее богатое прошлое, единое настоящее и совместное будущее. Предстоящий юбилей объединил корпорацию, заставил ее обратиться к изучению не только собственных научных традиций, но и культурного наследия университета в целом. Широкая предъюбилейная издательская деятельность привела в университетский архив десятки людей разных специальностей, стимулировала их деятельность по сбору воспоминаний, фотодокументов, сохранению личных архивов. Само по себе это всколыхнуло патриотические настроения в университетской среде, создало атмосферу плодотворного сотрудничества факультетов.

Поскольку в XX столетии университет развивался по пути углубления специализаций, укрепления научных школ и направлений, то каждый факультет и каждая кафедра обрастали собственными традициями. По мере автономизации они создавали собственную ритуальную субкультуру. Празднование факультетских юбилеев началось в 1940-е годы. Так, в 1944 г. отмечалось пятилетие исторического факультета: на вечер пришли преподаватели и студенты первого выпуска, звучали речи, было организовано скромное застолье. В 1949 г. истфилфак праздновал 10-летие[39]. В 1999 г. –

[39] Вульфсон Г.Н. Воскрешают в памяти первые годы истфака! // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Сб. ст. С. 166.

отмечался 60-летний юбилей истфака, который создал к этой дате первую версию своей письменной истории.

Осознание себя частью мировой университетской среды проявлялось в празднованиях в Казанском университете юбилеев ученых и писателей, включенных во всемирную "сокровищницу культуры". В ноябре 1943 г., в тяжелых условиях военного времени, университет, Казанское физико-математическое общество и Академия наук СССР организовали торжества, связанные со 150-летием Н.И.Лобачевского. Они включали цикл лекций, математическую конференцию и научную сессию. Благо, что в те годы в Казани находилось множество эвакуированных ученых и не надо было собирать их специально[40]. А в 1949 г. университет праздновал 150-летие со дня рождения А.С.Пушкина. Торжество сопровождалось проведением "Пушкинских вечеров" и "чтений" организовывать которые было решено ежегодно[41].

Церемония награждения КГУ орденом Ленина. Фото 1979 г.

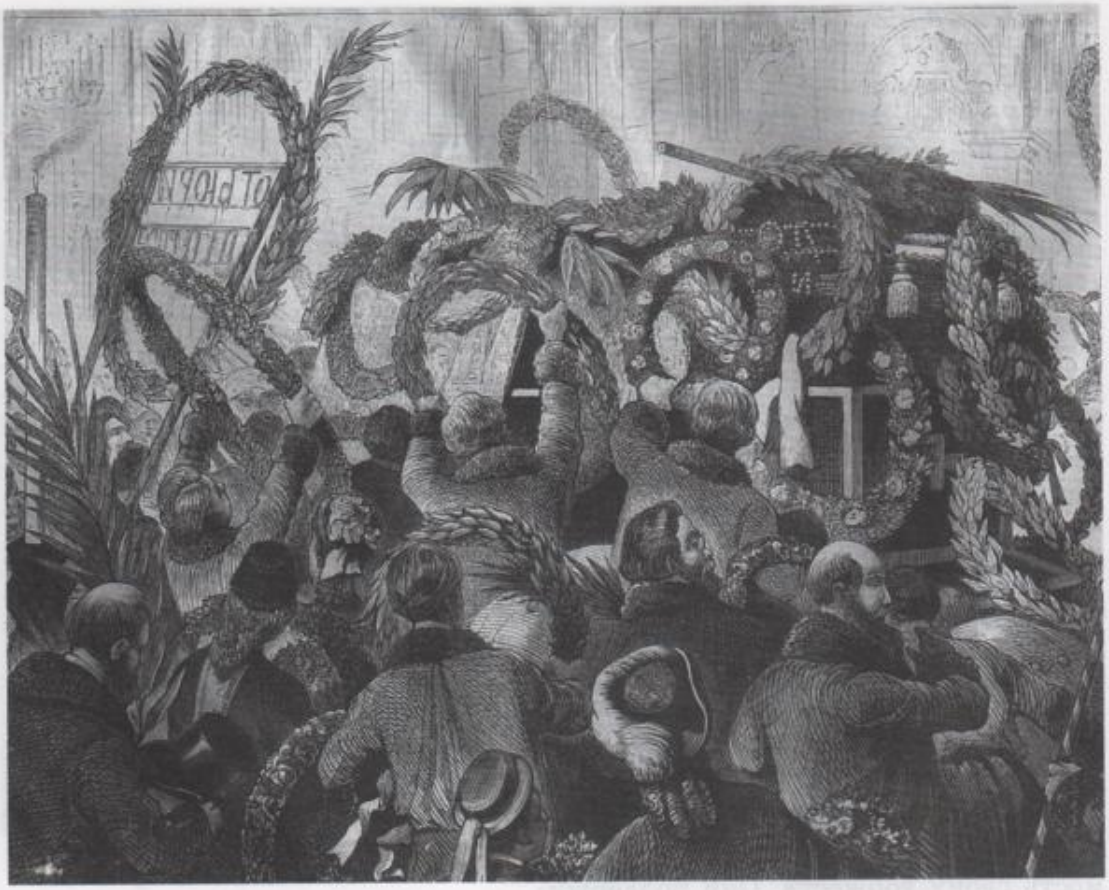
И преподаватели, и студенты всегда осознавали социальную значимость своих торжеств. Они поддерживали в обществе престиж университета, провозглашали значимость образования и науки. И, кроме того, утверждали ценности университетской культуры, делали ее в восприятии современников культурой "модельной", той которой бы хотелось подражать. Поэтому университетские люди так серьезно относились и относятся к организации празднеств, поэтому жаждали они поддержки в том современников и верховной власти.

Кроме праздников, утверждению в обществе престижа университета способствовали ритуальные по своему характеру его посещения "августейшими особами" (советское время – партийными лидерами) и правительственными чиновниками. Такие события вписывались в анналы университетской истории. В XIX в. высоких гостей первым делом вели в университетскую церковь, затем в Актовом зале знакомили с профессорским составом, называя каждого педагога поименно. После этого благодетели осматривали учебные и научные достопримечательности университетского ансамбля[42]. Весь ритуал совершаемого действа должен был подчеркнуть имперский характер заведения, продемонстрировать обществу и воспитанникам особое попечение царствующего дома о просвещении и о конкретном университете.

Верховная власть демонстрировала свое покровительство университету, а он ей – свою лояльность. Аналогичный ритуал воспроизводился и в советское время. Представители партийных и государственных органов "освяща-

---

[40] Лаптев Б.Л. Юбилей великого геометра: (Празднование 150-летия со дня рождения Н.И.Лобачевского) // Во имя Отчизны. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. С. 64 – 72.
[41] НАРТ, ф. 624, оп. 1, д. 255, л. 22 – 24, 85 – 88.
[42] Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. С. 500; НАРТ, ф. 977, оп. "Совет", д. 7870, 9375.

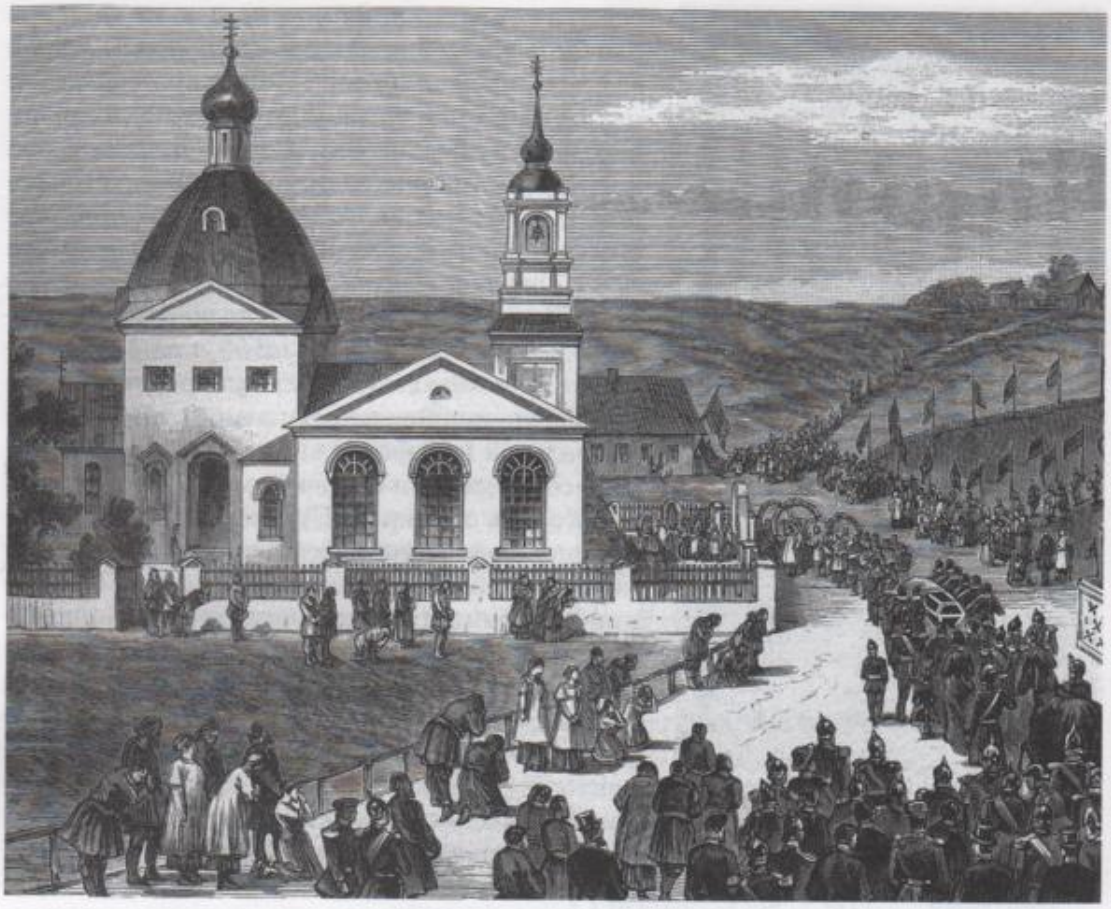

Похороны

ли" своим присутствием годовщины университета. А поскольку празднования 150-летия (1954 г.) и 175-летия (1979 г.) были вынесены в городское пространство, то участие в них партийно-советского руководства и "советской общественности" было максимально расширено. Торжественные заседания проходили, соответственно, в Большом драматическом театре на ул. Баумана и в Театре оперы и балета[43]. И в имперский, и в советский период ритуал празднеств включал церемонию одаривания профессоров наградами, а студентов – милостями. Благодаря этому, сторонние участники действа могли наблюдать союз просвещенной власти и власть просвещения.

Ритуалы объединяли университетских людей не только в дни праздников и радостей, не только в повседневной, рутинной жизни, но и в дни печали и скорби. Погребальный обряд проходил в Казанском университете по определенному сценарию. В XIX в. это был обряд преимущественно "мужской". В нем не было места женским ритуальным стенаниям. Напротив, он был молчалив и торжественнен. В сохранившихся описаниях фиксируется почетный караул из студентов, устанавливаемый на квартире умершего преподавателя. На крышку гроба усопшего клалась пальмовая ветвь, и траурное шествие направлялось в церковь. Во время похорон первого ректора И.О. Брауна во главе погребальной процессии двое служителей попеременно несли университетские иконы. За ними четверо студентов несли крышку гроба. Далее шли колонны из выстроенных по двое гимназистов, семинари-

[43] Трофимук А.А. Казанский университет – моя альма матер. Л. 24 – 25.

Похоронная процессия

стов и университетских воспитанников, кандидатов, учителей искусств, лекторов иностранных языков, магистров, адъюнктов, экстраординарных и ординарных профессоров[44]. В такт их размеренным шагам на бархатных подушках покачивались правительственные награды, дипломы, ордена и медали покойного[45]. Сменяя друг друга, коллеги несли на плечах гроб усопшего ректора, а шестеро студентов держали в руках большие зажженные свечи в подсвечниках. В церковной панихиде принимали участие все члены университетской корпорации[46]. Перед выносом тела из церкви присутствующие получали "надгробные стихи", сочиненные университетскими поэтами.

Во время панихиды коллеги произносили прощальные речи. Со временем они обрели определенный канон. Назначение этого устного жанра, как и краткого некролога, состояло, с одной стороны, в увековечивании памяти усопшего, а, с другой, служило пропаганде идей просвещения, созданию социально значимого, позитивного образа университетского человека. Забыв внутренние противоречия, перед лицом смерти университетская корпорация выступала элитарным сплоченным сообществом. "Предгробное прощальное приветствие" играло роль своего рода духовного завещания. В университетской среде высшей наградой всегда служила благодарность современников и посмертная память потомков. И потому коллеги заверяли: "*Казанский учебный округ и вся Россия чрез его [Н.И.Лобачевского] учеников,*

[44] Казанские известия. 1819. № 6. С.21 – 22.
[45] Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. С. 628.
[46] Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1785 – 1859). С.11.

Д. А. КОРСАКОВЪ.

Николай Никитичъ

БУЛИЧЪ.

(† 25-го мая 1895 г.)

КАЗАНЬ

Некролог профессора

сослуживцев и подчиненных с особенным благоговением всегда будет вспоминать о его великих заслугах"[47]. Жертвуя себя делу науки и просвещения, университетский человек мечтал о бессмертии. Собравшиеся у гроба коллеги обещали ему и это: "*Человек, выбравший цель для жизни в области духовной деятельности, имеет то преимущество пред другими, что долго будет жить его имя память о нем... Человек мысли, кажется, не должен умирать, как и мысль сама; но он и не умрет духовно, потому что мысль не умирает!*"[48].

После церковного отпевания гроб устанавливали на катафалк, запряженный лошадьми в соответствии с чином умершего. Ректору полагалась шестерка. При каждой паре лошадей шел солдат университетской инвалидной команды "в мантии и с факелом". По мере приближения траурной процессии к очередной церкви провожающих встречал похоронный колокольный звон. Казанские кладбища составляли мемориальную зону Казанского университета. В XIX в. преподавателей, студентов и служащих хоронили либо под стенами Кизического монастыря, либо на Арском поле, на так называемом Куртинском кладбище. На последнем существовало несколько зон захоронений: для православных, для протестантов и католиков, и для иудеев.

В первые годы советской власти умерших преподавателей продолжали хоронить по православному или иному религиозному обряду[49]. Затем покойному отдавались почести на публичном заседании Совета, посвященном его памяти. Устаревшие, "старорежимные", с точки зрения новых "красных" профессоров погребальные ритуалы вызывали их резкое неприятие и бурю возмущения. Так, во время похорон в 1829 г. известного филолога-слависта, профессора Е.Ф.Будде, М.К.Корбут публично возмущался по поводу излишней пышности и помпезности традиционного университетского похоронного обряда.[50] Позднее, с утверждением традиции "гражданских" похорон, последнее прощание с членом университетской корпорации стало проходить в Актовом зале (появилось даже выражение "доработать до Актового зала", т.е., до смерти). После постройки новых университетских корпусов ("высоток") прощание с коллегой происходит в том здании, где работал покойный. Однако чести быть "вынесенным" из стен родного вуза удостаиваются не все, а лишь профессора – "генералы" университетской корпорации, а также люди, проработавшие здесь "всю жизнь".

Во все времена "профессорские" похороны символизируют не только реальную смерть человека, но и переход члена корпорации на иную ступень университетской символической структуры. После смерти он становится частью

[47] Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. С. 577.
[48] Речь, произнесенная профессором университета Н.Н.Буличем над гробом Н.И.Лобачевского // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1856. 20 фев.
[49] Петровская М.Н. О моих предках // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10007, л. 187 – 188.
[50] Из беседы с двоюродной племянницей М.К.Корбута Е.П.Ключевской// Личный архив Е.С.Масловой.

истории университета, частью его гордости, "бессмертным" членом интеллектуального сообщества.

И в наши дни пальмовая ветвь продолжает фигурировать в профессорских похоронах как символ долговечности его славы, как знак памяти о нем: он – лучший и его заслуги победят самою смерть.

Преподобный
Авксентий Вифинский.Прорись

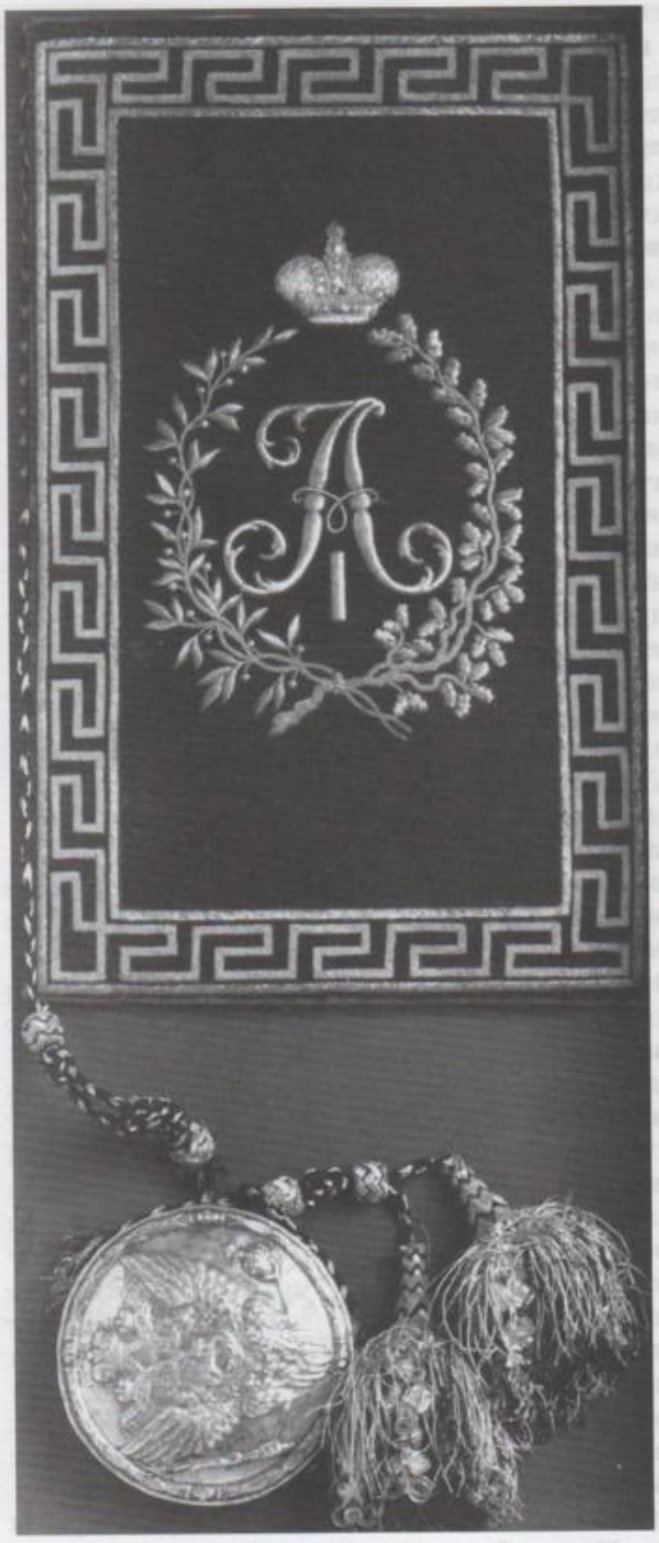

Преподобный
Галактион Емесский.Прорись

Символы. Университетские символы могут быть разделены на три группы: "эмблемы", защищающие от чужаков (дипломы, аттестаты, студенческие билеты, пропуска, зачетки, форма и т.д.); "метки", обозначающие границы правильного (расписание занятий, правила поведения); "боевые знамена", олицетворяющие превосходство университетских людей над другими социальными группами (университетский устав, иконы-покровительницы, надпись на фронтоне: "императорский университет" или "государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина", печать, античная, неоклассическая или модернистская архитектура зданий и т.д.). Все эти символы задают определенный образ действий университетскому человеку даже тогда, когда он находится вне корпорации. В этом смысле они действуют, как линзы, сквозь которые члены сообщества видят свой мир и опознают друг друга. Есть символы вещественные, предметные, а есть абстрактные. Среди абстрактных символов центральным является сакральная ИСТИНА. Это царствующий объект, мерило всей жизни университетской корпорации. На него ссылаются, им защищаются, ему приносят жертвы и во имя его карают.

Часть университетских знаков оказались вневременной и сохранялась на протяжении всей жизни университета, а многие знаки были – забыты и утрачены. Однако все они являлись своеобразными признаками университетской культуры и маркировали университетское пространство Казани. В имперский период жизни университет имел своих святых покровителей: святого мученика Галактиона Емесского и преподобного Авксентия Вифинского[51]. Их

[51] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804 – 1904. Казань, 1902. Т.1. С. 211.

Обложка университетской грамоты 1804 г. с вензелем Александра I и медалью

иконы, а также "ковчег" из красного дерева, в котором хранились утвердительная грамота и устав, напоминали о моменте рождения alma mater. Им поклонялись, воздавали хвалу, закрепляя в памяти ощущение радости, вызванной основанием в Казани храма наук. С возведением главного корпуса над его двухъярусным аттиком в 1825 г. был водружен огромный крест, отмечающий размещенную на втором этаже Крестовоздвиженскую домовую церковь. Тогда же он стал эмблемой университета[52]. Все эти знаки погибли в революционной буре начала XX века.

Между тем христианская символика буквально пронизывала жизнь Казанского университета в первой половине XIX столетия. Она выполняла важнейшую воспитательную функцию. Размещенные на местах сосредоточения внимания сакральные вещи, слова, фразы запечатлевались в подсознании молодых людей. Поэтому, на каждой кафедре, стоящей в учебной аудитории, по приказу попечителя Магницкого было высечено изречение: "В злохудожну душу не видет премудрость, ниже обитает в телеси, повинном греху". Показательно, что после ареста и увольнения Магницкого эти надписи не были стерты. И спустя десятилетия воспитанники признавались: "*Буквы эти, которые я постоянно имел перед глазами в течение трех лет, как огненные буквы Бальтазара, так врeза-*

[52] Ансамбль Казанского университета// ДИНА: Дизайн и новая архитектура. 2002. № 10. С. 33.

лись в мою память, что и через 40 лет я вижу их как бы перед собой"[53].

Титульный лист императорской грамоты

На сознание студента должно было воздействовать "убранство комнаты уединения" – карцера. Его существование было следствием завоеванной средневековыми университетами автономии. Добившись от властей привилегии корпоративного суда, интеллектуалы должны были озаботиться созданием репрессивных мер для пресечения девиантного поведения членов корпорации. А потому подобные комнаты мы обнаружим в каждом старинном университете. Казанский карцер просуществовал до начала 1860-х годов. Это была небольшая (16 шагов по периметру) комната без окон и мебели, расположенная в углу антресольного этажа главного корпуса. Свет в нее проникал через закрытую стеклом трубу, выведенную на крышу. В попечительство Магницкого на стене карцера была написана картина Страшного суда. Сидевший здесь часами и сутками студент вынужден был созерцать это жуткое зрелище. Но вряд ли прославившийся мракобесием казанский попечитель был оригинален. Со стен и потолка карцера, например, Тюбингенского университета библейские картинки смотрели на провинившегося юношу еще в XVIII в. Причем, когда в начале XIX в. для университета было построено новое здание, в нем было воспроизведено то же оформление карцера.

С первых лет учреждения Казанского университета в нем ввели обычай поощрять студентов вынесением публичной благодарности и вручением наград. До 1820 г. воспитанников награждали научными книгами, заключенными в специальный подарочный переплет. На обложке золотом сияла надпись: "За прилежание и успехи господину студенту..."[54]. Они олицетворяли тот символический капитал, который приобретали лучшие воспитанники в стенах alma mater. С 1820 г. администрация стала вручать избранным воспитанникам медали. Сначала их было пять: золотая – за познания в богословии и четыре серебряных – за успехи в учебе. Медальерные изображения заказывал сам М.Л.Магницкий. Естественно, что в духе времени медаль должна была символизировать религиозные ценности, мистический путь

[53] Мамаев Н.И. Из воспоминаний. С. 44.
[54] Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера (1810 – 1817) // Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер... Казань, 1902. С. 83.

Проект наградной медали из фондов РГИА. 1819 г.

Проект наградной медали из фондов РГИА. 1819 г.

Наградная медаль выпускников Казанского университета из фондов Эрмитажа. 1819 – 1835 гг.

Наградная медаль выпускников Казанского университета. 1835 – 1917 гг.

Юбилейная медаль Казанского университета. 2004 г.

Проект юбилейной медали для сотрудников Казанского университета. 2004 г.

познания жизни и таинств природы. Соответственно, здесь предполагалось изобразить "гения наук и искусств, посреди его принадлежностей, освещенного сиянием креста, с неба сходящим, для выражения божественного света евангельского учения, коим отныне должны озариться все науки, в университете преподаваемые"[55]. Под "гением" в те времена подразумевали не столько человека, сколько духа-покровителя. Из представленных проектов попечитель выбрал рисунок медальера В.Е.Алексеева. На оборотной стороне медали была отлита фраза из псалма, ставшая девизом Казанского университета: "В свете твоем узрим свет".

В дальнейшем число наградных медалей росло. Уже в 1825 г. их стало восемь (одна золотая и семь серебряных[56]. А по Уставу 1835 г. Казанский университет, как и все остальные российские университеты, стал вручать выпускникам 8 медалей единого образца: 4 золотые – за решение конкурсных задач и 4 серебряные – за создание лучшего сочинения. На оборотной стороне награды, внутри лаврового венка, красовалась надпись: "преуспевшему"[57].

В начале XIX в. все успевающие студенты по прохождении трехлетнего курса обучения получали свидетельства. Это был обычный лист канцелярской бумаги, куда вписывались сведения о происхождении выпускника, его возрасте и оценках за прослушанные курсы. Запись завершалась ссылками на правительственные постановления и императорские указы, дарующие воспитанникам университета классные чины. Отдельное свидетельство выдавалось за "поведение и нравственность"[58]. Долгое время эти документы были необычным явлением в бюрократической жизни России. Еще в 1820-е годы в университетскую канцелярию приходили запросы из различных присутственных мест, требовавшие подтвердить право университетских выпускников на привилегии. С 1835 г. во всех российских университетах были введены для кандидатов – дипломы, для действительных студентов – аттестаты единого образца. С 1863 г. выпускникам юридического факультета выдавалось еще и удостоверение о благонадежности[59].

Университетский устав 1804 г. предписывал студентам носить единую форму. Мундир, с одной стороны, придавал учению статус государственной службы, а, с другой, – выделял университетскую публику, отличал образованных от неучей, и, таким образом, способствовал формированию корпоративного мировосприятия.

В первые годы существования университета форменная одежда студентов включала башмаки или сапоги, темно-синий мундир, белое "нижнее платье" и треуголку[60]. Студентам вручалась шпага – символ привилегированного сословия. Однако, судя по всему, до ревизии 1819 г. казанские студенты вряд ли носили форму повседневно, скорее, одевали ее в дни особых торжеств. Запись в инспекторском журнале за 9 мая 1816 г. гласит: "*Ректор передал мне предложение попечителя от 14 апреля с.г., что, ввиду ожидаемого приезда в Казань великого князя Николая Павловича,все студенты должны быть одеты в форму*"[61]. К тому же в те годы форма предназначалась только для казеннокоштных воспитанников, своекоштные ходили в "партикулярном платье".

---

[55] РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 280, л. 13.
[56] ОРРК ГПБ, ф. 1000, оп. 2, ед.хр. 792, л. 20 об.
[57] РГИА, ф. 33, оп. 42, д. 181, л. 1 – 4.
[58] РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 9, л.17 – 23.
[59] НАРТ, ф. 977, оп. "Совет", д. 5417, л. 23.
[60] НАРТ, ф. 977, оп. "Училищный комитет", д. 48, л. 1.
[61] Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758 – 1850). С. 141.

Парадный сюртук студента (зимний вариант – слева; летний вариант – справа). 1830–1860-е гг.

Парадный сюртук преподавателей (зимний вариант – слева; летний вариант – справа). 1830–1860-е гг.

Мундир профессора. 1890-е гг.

Парадная ливрея швейцара. 1814 г.

В царствование Николая I власти стали строго следить за внешним видом чиновников от просвещения и их воспитанников. Заставив преподавателей и студентов надеть форменный мундир, правительство было вынуждено согласиться на создание более дешевого его варианта – повседневного вицмундира[62]. С 1819 г. по 1831 г. в комплект форменной одежды казанских студентов входили серая шинель, синий однобортный мундир с фалдами (студенты называли их "хвостиками"), такого же цвета двубортный сюртук с брюками "поверх сапог" и "нижнее платье". Сюртучную и мундирную пары украшали белые плоские металлические пуговицы. С мундиром полагалось носить треуголку и "шпагу без темляка, висевшую на отлете, на двух пасмах кожаной портупеи"[63]. Внешне казанские студенты отличались от столичных тем, что москвичи и питерцы носили синий мундир с красным воротником и красными медными пуговицами.

В те годы цвет и покрой студенческой формы был почти идентичен мундиру преподавателей и чиновников университета. У них тоже имелся темно-синий мундир, но, в отличие от студенческого, со стоячим воротником, с белыми пуговицами, на поверхности которых красовался государственный герб, и с серебряным шитьем, пущенным по воротнику, обшлагам[64] и клапанам[65]. Объем вышивки на мундире точно указывал на чин, которого достиг его обладатель. Ординарные профессора, в том числе ректор и деканы, украшали свой парадный мундир по краям воротника, обшлагам и клапанам серебряными листьями лавра. Кроме того, на поверхность клапанов накладывалась серебряная нить, образующая узор дубовой ветви, и такие же ветви красовались на передних частях воротника и окружали пуговичные петли.

Экстраординарные профессора и адъюнкты могли вышить только воротник и обшлага, преподаватели с 9-м и 10-м чином имели шитье только на воротнике, а чиновники 12-го 14-го классов могли вышить только бортик воротника[66]. Студентам шитья не полагалось вовсе. Кроме того, в отличие от своих воспитанников, преподаватели носили круглую шляпу, и их форма не включала шпагу. Каждая деталь мундира символизировала восхождение человека по ступеням социальной лестницы и становилась объектом желаний и зависти, олицетворением благополучия и успеха.

В 1831 г., когда министерство предписало изменить цвет сукна студенческой формы, шинель осталась серого цвета, а мундирная и сюртучные пары стали темно-зелеными. И только воротник сохранил синий цвет. На его передней части красовались две серебряные петлицы из галуна золотой или серебряной тесьмы. Большинство студентов Казани по бедности вместо петлиц из галуна носили петлицы, вышитые серебряной ниткой, а университетское начальство делало вид, что не замечает этой хитрости[67]. Покрой формы остался прежним. В правилах для студентов 1845 г. содержалось подробное описание студенческой формы. Пуговицы на студенческом костюме теперь стали выпуклыми и с государственным гербом. Специально оговаривалось, чтобы подкладка под мундиром и сюртуком была обязательно черной. С 15 апреля по 15 сентября студентам предписывалось носить белые брюки из демикотона или нанки и шпагу в белой замшевой портупее[68].

---

[62] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.2: Царствование императора Николая I. 1825 – 1855. Отд. I: 1825 – 1839. 2-е изд. СПб., 1875. С. 29.
[63] Темляк – тесьма с кистью на шпаге, знак офицерского чина; портупея – пояс с застежкой для шпаги. Мамаев Н.И. Из воспоминаний. С. 41.
[64] Обшлаг – отворот на конце рукава, а также вообще нижняя пришивная часть рукава.
[65] Клапан – нашивка из куска материи, прикрывающая отверстие кармана или шов на одежде.
[66] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.2; Приложения. С. 5.
[67] Лебедев В.А. Учебные воспоминания. С. 246.
[68] РГИА, ф. 733, оп. 44, д. 26, л. 12.

С точки зрения университетской культуры, важен был не только вид формы, но и отношение университетских людей к костюму, присущая им манера носить его. Ношение формы являлось обязательным. Более того, каждый год студент получал "таблицу", в которой по дням недели было расписано, когда одевать мундир, а когда виц-мундир. За ее выполнением следил инспектор и его помощники. Такие строгости ничуть не снижали привлекательности ношения мундира для молодых людей. Некоторые выпускники гимназий, как свидетельствуют воспоминания, записывались в университет, прельстившись исключительно перспективой ношения студенческой формы. Так, А.С.Гацисский признавался: *"От нас, гимназистов, отбирали подписку "о роде избрания жизни"... Мне почему то очень нравился голубой студенческий воротник.*

Цвет лазури, цвет небес,
Цвет студентов, цвет повес,

и я, не колеблясь, написал, что желаю поступить в университет"[69]. Высокопоставленный сановник и признанный писатель П.И.Мельников-Печерский спустя годы писал: *"Получал я после и чины, и кресты, и перстни, и денежные награды, но не было никакого сравнения с тою радостью, с тем осторгом, который я чувствовал, надевши студенческий виц-мундир и прицепивши с боку шпагу"*[70]. Особенно притягателен для молодых людей был нарядный мундир военного образца. Учившийся в конце 1840-х годов Э.П.Янишевский передал испытанные им чувства "человек в мундире": *"К началу сентября все было готово; десять раз примеренные, поправленные виц-мундиры и мундиры сидели от-*

[69] Гацисский А.С. Воспоминания об А.М.Бутлерове, С.В.Ешевском и других профессорах 1850-х гг.// Былое из университетской жизни. СПб., 1904. С.105.
[70] Мельников-Печерский П.И. Автобиография// Мельников-Печерский П.И. Полное собрание сочинений. СПб., 1987. Т.1. С. 47.

ДИПЛОМ

Ш № 859326

Настоящий диплом выдан Басковой Тамаре Давидовне

в том, что она в 1963 году поступила в Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина

и в 1968 году окончила полный курс названного университета

по специальности физика

Решением Государственной экзаменационной комиссии от 21 июня 1968 г.

Басковой Т.Д.

присвоена квалификация радиофизик. Преподаватель физики средней школы

Председатель Государственной экзаменационной комиссии А. Ржевкин

Ректор

Секретарь

М.П. Казань 21 июня 1968 г.

Регистрационный № 13795

лично... Особенно любовался я на свой виц-мундир – двубортный, с широко расставленными вверху, по тогдашней моде, почти до самых плеч и суживающимися внизу пуговицами с орлами, с маленьким стоячим голубым воротником и с шестью пуговицами на карманах. С каким удовольствием шел я в первый раз в своем новом платье! Думалось, что все как-то особенно на тебя смотрят – и конфузливо, и бесконечно радостно было"[71]. *Своекоштные студенты заказывали форму у портных, и те, по желанию заказчика, вносили в нее дополнительную галантность неприметными для неискушенного глаза деталями. Потому в аудитории так выделялись казеннокоштные студенты, чья форма была совершенно одинаковая... и носимая ими как-то особенно небрежно"*[72], *и вольнослушатели, не имевшие права на мундир и потому ходившие в "партикулярном платье".*

В период 1860 – 1880-х годов обязательность формы в университете была отменена. "Правила для студентов" тех лет гласили: "*Учащиеся должны быть на лекциях в приличном платье, причем не допускается ношение национального платья и каких-либо знаков отдельной народности, товариществ и обществ*"[73]. Казалось бы, отмена униформы отражала либерализацию жизни университетского сообщества. Однако это новшество не вызвало восторга у студентов: "*Мера эта была встречена общим сочувствием со стороны старых студентов, но молодежь, новички, хотя по принципу и одобряли "гражданский" сюртук, однако же не могли удержаться от искушения видеть себя с синим воротником, символом студенчества, и понаделали себе виц-мундиры*"[74].

Очевидно, в данном случае сказалась не только инерция повседневности. При отмене формы менялся весь устой университетских отношений.

---

[71] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С. 13.
[72] Там же. С. 22.
[73] НАРТ, ф. 977, оп. "Совет", д. 5685, л. 16.
[74] Л.О. [Лаврский К.В.] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х гг. // Былое из университетской жизни. С. 213.

Студент, донашивающий солдатскую форму.1920 г.

Студенты и преподаватели разом стали частными людьми, а аудитория потеряла былой официальный вид. "Рваные, засаленные сюртуки, с обычной красной, кумачной рубашкой, встречались сплошь да рядом, – вспоминал А.И.Овсянников, – неряшливость и небрежность в костюме были обычным явлением"[75]. Университетская корпорация утратила одну из важных черт своей идентичности – мундир. Она оказалась "раздетой" и тут же внешне распалась на бедных и богатых. В начале 1880-х годов, чтобы выделиться из толпы обывателей, многие российские студенты стали носить синие очки и длинные волосы. А казанские воспитанники добавляли к этому внушительной толщины палку из карельской березы. Некоторые юноши стали рядиться в нарочито русский костюм или закутывались в плед[76].

Вновь в форму казанские студенты оделись в 1887 г. Это был все тот же "парадный однобортный мундир из тёмно-синего сукна с металлическими пуговицами с государственным гербом (двуглавый орел) или двубортный сюртук с такими же пуговицами и голубым воротником"[77]. В комплект студенческого парадного мундира все еще входила шпага, но теперь ее ношение не являлось обязательным. В повседневной жизни студенты одевались в "тужурку с отложным воротником и голубыми петлицами".

Казалось бы, ношение форменной одежды должно было стереть имущественные различия между студентами, однако, как явствует из воспоминаний, социального расслоения студентов единообразный костюм уже не скрывал. "Щеголи" имели возможность выделиться из общей студенческой массы. В первой половине века они носили портупею для шпаги не из кож, а из черной шелковой муаровой ленты; в отличие от сокурсников, ходивших в сапогах, одевались в модные тогда башмаки со шнурками, за что весь юридический факультет носил прозвище "разряда паркетных шнурков". А в конце столетия "аристократы" являлись на лекцию в парадном мундире, который шили из дорогого сукна и на запрещенной белой подкладке. Поэтому в студенческой среде их именовали "белоподкладочниками".

Спустя годы и даже десятилетия по окончании университета бывшие студенты легко воспроизводили внешний вид своих профессоров: прическу, по-

[75] Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога // Русская старина. 1899. Июнь. С. 677.
[76] Хакимова А.С. Казанский университет в 80 – 90-е гг. XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1997. С. 183.
[77] Танский М.В. Казанский университет в 1890-х гг. девятнадцатого века // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 8035, л. 2.

Нагрудный знак, выдаваемый по окончании Казанского Императорского университета

Знак заслуженного профессора КГУ

Нагрудный знак, выдаваемый по окончании Казанского государственного университета

ходку, мимику, костюм, жесты. Индивидуальная манера ношения костюма, присущие человеку манеры были языком выражения его внутреннего мира. Так, вспоминая "бесцветного" профессора физиологии В.Ф.Берви, Янишевский писал о нем:"*Длинный сухой старик, с длинным носом, седыми зачесанными наперед волосами, в огромнейшем жабо, из которого торчали еще стоячие воротнички, подпиравшие большие уши*"[78]. Запоминались молодым людям те педагоги, которые выделялись из общего "форменного" контекста. Особенности ношения формы, отступления от правил сигнализировали аудитории о необычности ее обладателя, являлись неким кодом для раскрытия его личности. И поэтому ориенталист Казем-Бек, например, воспринимался в своем персидском костюме как человек вольнолюбивый и своенравный[79]. Между тем, Казем-Бек носил свой необычный мундир по специальному разрешению министра[80].

Д.А.Корсаков описывал манеру одеваться, присущую почитаемому им В.И.Григоровичу: "*У себя дома зимой пребывал он в каком-то меховом тулупчике и в туфлях, а в гости являлся не иначе, как во фраке или виц-мундире, с цилиндром в руках... Фрак и виц-мундир были постоянно испачканы, руки грязны, сорочка и цилиндр измяты, а сапоги не чищены*"[81]. В эпоху формализма такая манера одеваться вызывала сочувствие в университетской среде. Ведь большинство заурядных преподавателей тщательнее следили за пуговицами и кантиками мундира, чем за развитием исследований в области их специальности.

В конце столетия изменился не только костюм, но и весь облик университетского человека. Если в 1840-е годы ношение усов на гражданской службе считалось преступлением, то в 1880-е годы редкий казанский профессор был без усов, бороды и пенсне. Для российской интеллигенции того времени эти "аксессуары" являлись символом народности патриотизма. Из профессорской жилетки непременно свисала цепочка от часов. Столь же сильно изменился" и антропологический тип" студента. Университетские правила 1845 г. запрещали воспитанникам носить трости, зонтики, усы, длинные волосы и бакенбарды. С фотографий же конца века на нас смотрят юноши в очках с длинными, зачесанными назад волосами.

В 1918 г. новая власть отменила форму и знаки всех учебных заведений – считалось, что нельзя отличать тех, кто учится, от тех, кто не учится[82]. Между тем, студенты дореволюционных наборов еще долго донашивали старую форму, поскольку сменить ее было просто не на что. В 1950-е годы в Казанском университете предпринимались попытки возродить форменный костюм – он был введен для студентов геологического факультета. Однако это было скорее ведомственное, нежели вузовское или собственно университетское начинание. Да и у геологов форма просуществовала недолго и вскоре была упразднена, хотя, по словам современников, нравилась студентам, повышала их самооценку[83].

В целом, вплоть до сегодняшнего дня официальная символика и эмблематика Казанского университета оставалась на периферии внимания. У него не было ни гимна, ни флага, ни своих постоянных (неюбилейных) памятных знаков и наград, о чем весьма сожалели его воспитанники. Единственное, что ос-

---

[78] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С. 44.
[79] Михайлов И.И. Казанская старина. Из воспоминаний // Русская старина. 1899. № 10. С.110.
[80] РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 370, л. 1.
[81] Корсаков Д.А. Былое в жизни азанского университета 1856 – 1860 гг.// Былое из университетской жизни. С. 173.
[82] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 28. Ст. 361.
[83] Интервью с И.Л.Измайловым.

Колоннада – основной символ Казанского университета

талось у многих из них от студенческих лет – это фотографии, диплом, да "поплавок" или "ромб" государственного образца, введенный в 1950-е годы. Последний воспроизводил основные черты дореволюционного значка, но уже с новыми, "советскими" элементами вместо императорского креста на голубом (позднее – кобальтово-синем) фоне красовался бронзовый герб СССР. Университетский "поплавок" выделял "своих", отличал их от воспитанников прочих учебных заведений. *"Многие, особенно выпускники мужского пола, носили значок на лацканах своих костюмов. Это считалось достоянием, отличительным знаком, им гордились"*, – вспоминают студенты 1960-х годов. Однако в последующем *"все реже можно было встретить человека с этим знаком. Иные времена, иные ценности..."*[84].

Развитие факультетского и кафедрального патриотизма подталкивало членов этих сообществ к разработке собственной символики. Некоторые кафедры обзавелись своими значками. Так, на кафедре физиологии животных биофака КГУ в 1960 – 1970-е годы был введен значок с изображением царевны-лягушки[85]. На значке географа изображался бегемот с рюкзаком[86]. На факультете вычислительной математики и кибернетики существовали значки с надписью "ВМК" и изображением перфокарты и перфоленты, в другом варианте – с изображением человека, опирающегося на букву $\sum$[87]. Геологи носили значок с символикой трех основных специальностей факультета[88]. Значок юристов представлял собой щит с портретом Ф.Э.Дзержинского[89].

---

[84] Интервью с Ш.А.Гайфуллиным.
[85] Интервью с Т.Д.Агаповой.
[86] Интервью с Г.К.Файзуллиной.
[87] Интервью с Е.М.Хадмиевой.
[88] Интервью с И.Н.Андрюхиной.
[89] Интервью с В.В.Султановым.

Бюст профессора Н.И. Лобачевского. Фото 2004 г.

Памятные значки выпускались к юбилеям. Так, к 175-летию появился значок, в центре которого был изображен фрагмент главного здания с колоннами, надпись "175 лет" и две соединенные лавровые ветви, по окружности было помещено полное название вуза, а сверху даты "1804 – 1979". Эти значки вручались не только участникам торжеств, но и всем хорошо успевающим студентам. *"И мы страшно гордились, что у нас эти значки: как ударники труда!"*[90], – вспоминали они впоследствии. Активные участники мероприятий и почетные гости получили еще и кожаные папки с тиснением, изображавшим главное здание, и бронзовую настольную медаль.

Фронтон главного здания университета в советское время украшали два ордена: орден Трудового Красного Знамени, которым университет был награжден 11 июля 1955 г., и орден Ленина, врученный ему 23 октября 1979 г. Ниже, на карнизе, в годы советской власти появилась надпись, сделанная золотыми буквами: "ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.И.Ульянова-Ленина". Эта символика стала настолько привычной, что многие ее просто не замечали. Однако изменение этих знаков произвело на современников неизгладимое впечатление. В середине 1960-х годов в Казани снимался фильм "Первая Бастилия", посвященный началу революционной деятельности В.И.Ленина. Над главным зданием воздвигли бутафорский крест, а современную надпись на фронтоне закрыли надписью "ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ". "Все ходили и смотрели"[91], "меня это очень поразило"[92], – вспоминали очевидцы. После реконструкции ордена остались на прежнем месте, а золотые литеры на фронтоне свидетельствуют: "ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ".

Символы советского времени в Казани сосуществуют с общеуниверситетской и императорской символикой. И по сей день лепные украшения в виде летящих муз на пристроенном фронтоне главного здания, рыцарский шлем с плюмажем и совой над центральным входом в главный корпус напоминают о привилегированном статусе университетских людей. Однако современные студенты, далекие от владения тайнами античной и средневековой сим-

[90] Интервью с Т.Ф.Тимошевской.
[91] Интервью с Г.П.Мягковым; интервью с П.А.Краевским.
[92] Интервью с Е.А.Чиглинцевым.

Памятник В.И. Ульянову-студенту у главного здания КГУ

волики, не могут прочитать эти письмена. "*Я всегда смотрела на эти символы, восхищалась, но об истинном значении так никогда и не узнала*", – призналась одна из анкетируемых.

Круг университетской символики расширялся за счет наделения символическим значением отдельных элементов университетского пространства, обретающих таким образом статус "мест памяти". Проведенный нами опрос показал, что основным местом памяти для преподавателей и студентов было и остается главное здание, его портик из двенадцати колонн по центру фасада. Оно стало не только визуальным маркером, но и поэтической метафорой:

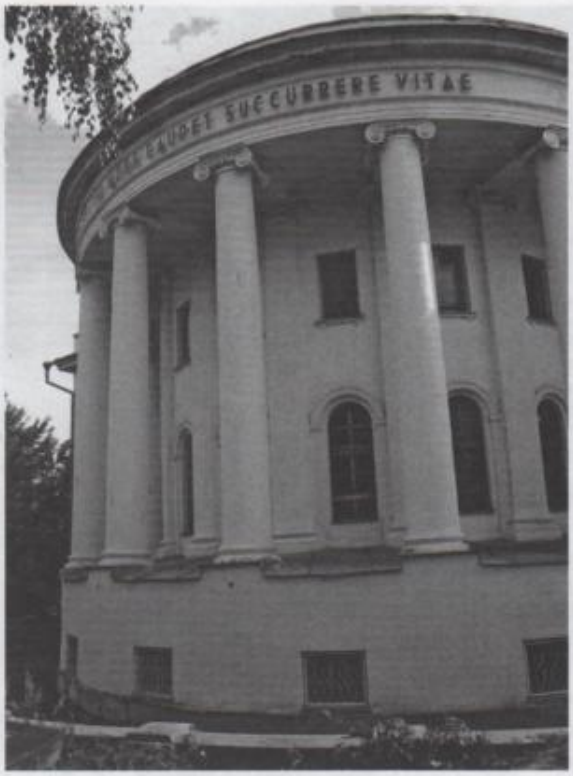
Разве это мы зовем годами?
Пять всего, а сколько перемен!
В море жизни и меня волнами
Унесет из этих старых стен.
Но не забуду ль день светловолосый,
Как смеялся надо мною он,
Как мальчишкой робким и курносым
Я пришел к подножию колонн...

Что ж! Пора! Куда несут нас волны?
Сколько там морей, и гор, и рек...
Только эти старые колонны
В памяти впечатаны навек[93].

Макет главного здания КГУ в советские годы студенты и преподаватели несли впереди университетской праздничной колонны во время ноябрьских и майских демонстраций[94]. Его стилизованное изображение выполняет функцию официального символа для Издательства университета. Ныне это официально утвержденный знак Казанского университета, воспроизводимый в качестве логотипа на бланках, изданиях, сувенирной продукции.

"Местами памяти" для университетских людей Казани являются и "длинные гулкие коридоры[95] главного корпуса ("казалось, что вот сейчас по коридо-

[93] Ленинец. 1940. № 27. С. 2.
[94] Интервью с Е.А.Беговатовым.
[95] Интервью с Э.И.Талмановой.

Надпись на ротонде Анатомического театра: "Hic locus est ubi mors gaudet succurrere vitae" ("Это место, где смерть рада спасти жизнь")

рам будет ходить толпа студентов XIX в., и даже если бы появился сам Н.И.Лобачевский, то это никого не удивило бы")[96], "лестница со старинной решеткой"[97], "вестибюль главного здания"[98], "парты XIX в., от которых пахнет деревом"[99], чугунная решетка университетских ворот. И все же колонны – это, если можно так выразиться, место "высокой памяти", возвышенно-романтический образ университета. "*Свет колонн Казанского университета не меркнет даже в ночи*"[100], – писал Г.Чеботарев.

Среди "высоких" символов бывшие студенты назвали также памятник Н.И.Лобачевскому. Излюбленным местом отдыха, о котором вспоминают с неизменной любовью и ностальгией, был скверик его имени: "Здесь назначались свидания, просто гуляли, когда были "окна" в занятиях"[101]. Особый уют, красоту и прохладу придавали этому скверу высокие, тенистые деревья[102], которые в 1990-е годы были срублены, что лишило скверик столь привлекательной "неофициальности".

В воспоминаниях и анкетах фиксируется и верхняя часть Ленинского сада. Истинно "народным", "неофициальным" символом – олицетворением студенческого братства и веселой школярской жизни – была и остается ныне знаменитая университетская "сковородка", гранитное полукружье со скамьями у памятника студенту В.И. Ульянову. Бывшие и нынешние воспитанники возводят любовь к "сковородке" в ранг университетской традиции. Вот как пишут об этом бывшие студенты КГУ: "Сковородка" пользовалась успехом потому, что находилась близко к университету, и на ней собиралось много народа[103], "здесь студенты загорали и встречались с друзьями в перерывах между занятиями"[104], они "часто отдыхали на "сковородке", обсуждали различные вопросы"[105], "сидели и любовались красотой и жизнью нашего университетского городка!"[106], "сковородка" – это прекрасное место отдыха для студентов"[107], "символом университета для меня была и осталась

[96] Интервью с Т.Ф.Тимошевской.
[97] Интервью с Э.И.Талмановой.
[98] Интервью с Т.Д.Агаповой.
[99] Интервью с Е.А.Чиглинцевым.
[100] Чеботарев Г. Сын двух миров // Казань. 199. № 12. С. 63.
[101] Интервью с Л.З.Никоновой.
[102] Интервью с Г.П.Мягковым; интервью с А.А.Адильзяновой; интервью с А.В.Травиной; интервью с Р.А.Зариповой. Интервьюер Д.Зарипова. Апрель 2003.
[103] Интервью с Т.Л.Невретдиновой.
[104] Интервью с Э.И.Талмановой
[105] Интервью с П.А.Краевским.
[106] Интервью с Ф.В.Гилемхановой.
[107] Интервью с Т.Н.Рябовой.

"сковородка" и тот вид на главное здание, который с нее открывается"[108]. Да и сам памятник Володе Ульянову утратил в университетском сознании официальный смысл и превратился в "нашего Володю", в олицетворение казанского студента: *"Памятник В.И.Ленину на "сковородке" – это символ студенческой свободы, надежды, студенческого стремления жить и учиться"*[109]; *"для меня всегда, где я ни буду, будет вызывать трепет, если я увижу свою родную "сковородку" с памятником Володе"*[110].

Место обитания "духа" Н. И. Лобачевского. Фото 2004 г.

Миниатюрные копии памятника дарились почетным гостям университета. Произвольное сочетание близких, однозначных или, напротив, неоднозначных символов создавало "образный портрет" Казанского университета, который у каждого университетского человека был свой. Он комбинировался из разновременных объектов: *"Памятник молодому Володе Ульянову... И еще – колонны главного здания. Для меня это – университет"*. Сложившаяся знаковая система усиливала притягательность университета как феномена культуры, делала его вневременным, вечным. Несмотря на различия подходов, мировоззрений, университет оставался *"уютным и родным в любое время года и в любую погоду – и это самое важное"*.

Учебная мистика. Ритуалы академической жизни породили специфическое явление – университетскую мистику. Ее культурными кодами являлись табу, приметы, гадания, суеверия, предрассудки. Их правила и стереотипы, порой не осознаваемые носителями, составляли и составляют часть университетской культуры. Важнейшими стереотипами студенческой субкультуры, определяющими поведение ее представителей в таких регулярно повторяющихся "форс-мажорных" обстоятельствах, как сдача зачетов и экзаменов, являются приметы и предрассудки.

Студенческие предрассудки появились на свет одновременно с учреждением в России университетов. Они питались как наследием европейской школьной субкультуры, так и элементами религиозных магических практик. Одни предрассудки оказались темпорально устойчивыми и воспроизводились всеми поколениями учащихся, другие бесследно исчезали. Бывали времена, когда университетскую мистическую традицию власти пытались прервать искусственно. *"Мы были коммунистами и ни во что, кроме партии, не верили"*, – писал об этом выпускник 1940-х годов. Коммунистиче-

[108] Интервью с Е.Б.Филипповым.
[109] Интервью с Ф.В.Гилемхановой.
[110] Интервью с Л.З.Никоновой.

Надгробный памятник на могиле Н.И.Лобачевского на Арском кладбище

ская сознательность и атеизм нового поколения были не единственными причинами отречения от этого "анахронизма". Свое дело сделали и свирепы антирелигиозные кампании, и усилия партийной, а также комсомольской организаций по борьбе с религией. Зато с конца 1940-х годов, когда их накал спал, интерес студентов к разного рода приметам и связанным с ними практикам превратился в настоящий бум. Тогда это стало одним из вариантов преодоления травмированной войной психики. Впрочем, в 1950 – 1960-е годы, когда университетские приметы и суеверия множились и усложнялись: дополнительный интерес к ним был вызван и массовым увлечением парапсихологией[111].

Целый пласт студенческих предрассудков был взят из повседневной практики горожанина-обывателя или восходил к языческим магическим обрядам. Это – универсальные приметы неудачи, которых следовало избегать: число 13 (номер экзаменационного билета), перешедшая дорогу черная кошка, женщина с пустым ведром, попавшаяся навстречу (или просто женщина, а не мужчина, встреченная первой по выходе из дома, хуже этого была только встреча с ребенком), возвращение домой с полдороги (например, за забытой вещью) и т.д. В студенческой среде эти приметы обрастали дополнительными значениями: встретить бабу с пустым ведром – пустой ответ, встретить по выходе из дома ребенка – не скажешь главного на экзамене, встретить черную кошку – "слетишь" на дополнительных вопросах. Весьма популярными у местных школяров были приметы, связанные с магическим значением левой и правой сторон. Обуваться рекомендовалось с левой ноги, а вставать утром с кровати – с правой; входить в аудиторию и вытаскивать билет (и только из средины пачки) следовало правой рукой.

К языческим представлениям восходила и весьма устойчивая традиция не мыться (или не мыть голову) и не стричься перед экзаменом, чтобы "не смыть или не состричь знания"; не одевать чистую или новую одежду, ходить на экзамены в одной и той же, "счастливой", "везучей". Вариации той же "антигигиенической" традиции прослеживались в рекомендациях не выбрасывать конспекты и не праздновать сдачу экзамена до окончания сессии. Обывательская боязнь "сглаза" сказалась в запрете показывать во время сессии зачетку посторонним людям и даже лишний раз заглядывать в нее самому. Аналогичный пример – традиционное и весьма распространенное пожелание неудачи "Ни пуха, ни пера!", на которое полагалось отвечать: "К черту!". Традиция рекомендовала носить с собой на экзамен амулет или другой оберег, причем, наиболее действенным у казанских студентов считался "пятачок" (пять копеек), засунутый под пятку в обувь. Помимо "магической ценности" медной монеты,

[111] Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1996.С. 237, 270.

"пятачка" сакральный смысл заключался в том, что для студента он символизировал вожделенную оценку – "пятерку". Этим же обстоятельством объяснялось желание испытуемых войти в аудиторию, где проходил экзамен, в числе первых пяти сдающих, в "первой пятерке". Иногда "пятачок" заменялся положенным в левый карман листком с молитвой – православной или мусульманской.

Сакральными практиками обросли основные атрибуты учебной жизни – лекции и учебники: их клали на ночь под подушку (для лучшей "усвояемости" предмета), на них гадали, открывая наугад страницу (что откроется – то и попадется на экзамене). Одним из массовых в 1960 – 1980-е годы предрассудков был ритуал "взывания к шаре"[112]. Мистический ритуал предписывал накануне экзамена высунуть зачетку в окно, потрясти ею и громко сказать: "Шара, приди!". По авторитетному мнению старшекурсников, это обеспечивало успех. Некоторые изобретенные студентами поверья были отголосками инвестированной в настоящее университетской памяти. Так, по свидетельству бывшей студентки мехмата, в 1970 – 1980-е годы накануне сложного экзамена студенты ходили с цветами на могилу Н.И.Лобачевского на Арском кладбище, задабривая дух легендарного математика.

В период сессии практически все студиозусы становились суеверными. Причина массового "обращения" в мистицизм заключалась не только в "практической пользе" примет, но и в соблюдении "правил игры". Снимавшие напряжение сессии веселые магические ритуалы были частью студенческой смеховой, карнавальной культуры, обозначали разрыв рутинной учебной повседневности и освобождение студента как от власти преподавателя, так и от власти неизбежной реальности (в данном случае – воздаяния за невыученный предмет).

Связанные с приметами и предрассудками магические практики иногда оказывали влияние даже на академические ритуалы: так, среди аспирантов считалось удачей накануне защиты диссертации первым на кафедре встретить коллегу мужского пола. Таким образом, шутливо-почтительное – на всякий случай! – отношение к неформальным правилам и стереотипам – есть общее место университетской культуры.

Университетские мифы. В течение XIX в., при отсутствии официальной письменной истории, биография Казанского университета жила в мифах, легендах, в фольклоре. Университетские люди передавали сказания из поколения в поколение, пропуская их через фильтр приобретенных знаний о последующих событиях. Настоящее накладывалось на прошлое, изменяя его лицо. Постепенно обросшие мифами исторические персонажи переставали соотноситься с реальностью, становились символами времени, культуры, прогресса. Они как бы концентрировали в себе университетское прошлое, которое воплощалось и сохранялось в их индивидуальных судьбах.

Мифы о злодеях. Примером одного из наиболее устойчивых университетских мифов может служить кочующая из книги в книгу история о совершении в 1890 г. христианского обряда над экспонатами анатомического театра. Произошло это, якобы, по приказу "мракобеса Магницкого". Источником этой истории служит устное предание, зафиксированное в 1890-е годы в ряде университетских мемуаров[113]. Загоскин упоминал "легендарное сказание" о том, "нашедшее себе отголосок в воспоминаниях Н.И.Шенига"[114].

---

[112] "Шара" – на студенческом жаргоне "дармовщина", аналог "халявы".
[113] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С. 3.
[114] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. Казань, 1906. Т.4. С. 201.

Памятник профессору А.М. Бутлерову

Сказание имело под собой реальную основу, а именно, факт уничтожения "мацерационного заведения", устроенного в 1815 г. в одном из строений Подлужной слободы. Несколько лет там в кадках с водой, вымачивались трупы животных и людей, предназначенные для анатомического театра. Живущий при "заведении" смотритель (инвалид университетской команды) еженедельно менял в бочке воду. В ходе ревизии Магницкий обнаружил, что в "мацерационом заведении" три года "размачиваются" три мужских и два женских тела, трупы медведя и лошади. Вскоре выяснилось, что в результате такой практики от трупного яда умерли три инвалида и жена одного из смотрителей. В связи с этим директор университета врач А.П.Владимирский с согласия попечителя отдал приказ закопать строение вместе с хранящимися в нем человеческими останками[115]. Вероятнее всего, в мифологическую форму данный исторический эпизод облекся в преподавательской среде, где образ Магницкого олицетворял опасность для науки и Казанского университета.

Впервые архивные документы по данному делу опубликовал Н.П.Загоскин. Кстати, историк предупреждал читателей о легендарном характере предания, но письменная история не разрушила мифа. Его воздействие на коллективную память оказалось устойчивее архивных свидетельств. И в XX столетии миф служил источником вдохновения и для историков, и для литераторов. В романе Д.Тарджеманова "Лобачевский" эта история описана так: *"Площадь перед университетом оказалась оцепленной солдатами. Проехать было невозможно. Лобачевский выскочил из тарантаса и кое-как протиснулся ближе к похоронной процессии, медленно выходившей со двора университета на площадь. Во главе ее под заунывное пение хора двигалось многочисленное духовенство с крестами на груди, в черном траурном облачении. Вот они, пять гробов, накрытых белым коленкором...*
– Что же случилось, Ибрагим Исхакович?.. Кого тут хоронят?
Хальфин усмехнулся невесело.
– Скелеты, – шепнул он. – Из анатомического кабинета, с Подлужной. Как раз на пять гробов хватило"[116].

Вообще в отношении Магницкого в историческом сознании произошла характерная метаморфоза: из исторического персонажа с набором негативных и положительных свойств он превратился в некий жупел мракобесия, а само его имя стало символом реакции. Прекрасно образованный человек, в свое время сотрудник и ближайший помощник М.М.Сперанского, свой имидж реакционера и обскуранта он получил, став попечителем Казанского

[115] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета... Т.4. С. 201.
[116] Тарджеманов Д. Лобачевский: Роман. Казань, 1976. С. 322 – 323.

учебного округа. Личные качества Магницкого – интригантство, склонность к доносам и предательству, лживость – придавали всем действиям казанского попечителя некий злодейский смысл.

Кроме того, сам "ревизор" в сознании российских образованных людей являлся фигурой нарицательной, поэтому историки не раз сравнивали Магницкого с Хлестаковым. Так, Н.Н. Булич писал: "*Без сомнения, неожиданное появление ревизора, имевшего большие полномочия, могло походить на заключительную немую сцену гоголевского ревизора...*". И, вместе с тем, между Хлестаковым и Магницким лежала пропасть. "*Это был действительный ревизор... С большими данными ему полномочиями и властью, с громадным самомнением, с хвастовством и познаниями, напоминающими гоголевского героя, но без его простодушия и доброты, Магницкий только мог вредить*"[117]. Дело заключалось не только в предвзятости Булича. Университет в сознании либеральной интеллигенции России XIX в. олицетворял собой прогресс. Его история рассматривалась как поступательное развитие, накопление научного опыта и знаний. В таком контексте ревизия означала эксцесс, прерывающий естественное течение жизни.

Памятник профессору К.Ф. Фуксу

В обстоятельствах идейного противостояния российской интеллигенции и бюрократии рубежа XIX – XX вв. университет мыслился как антипод официальной жизни, некий островок свободомыслия в океане лжи и ханжества. В связи с этим ревизия воспринималась современниками как форма наказания университета со стороны верховной власти, попытка ограничить его свободу, а то и подорвать самое его существование. Постепенно в массовом сознании утвердилась бинарная оппозиция "власть – просвещение". Сюжеты сотен отечественных книг XX в. покоятся на фабуле: "царизм боролся с просвещением". После их прочтения складывается парадоксальное впечатление: правительство делало все, чтобы заглушить науку, а она вопреки этим титаническим усилиям процветала.

Очевидно, в живучести мифа о "злодее" Магницком проявляется подсознательное нежелание отечественных интеллектуалов увидеть в заклейме-

[117] Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819): Рассказы по архивным документам. Изд. 2-е. СПб., 1904. Ч.2. С. 728.

ном герое типичные черты, признать в нем одну из возможных для университетского человека альтернатив жизненного пути. Ведь, в конце концов, Магницкий – тоже университетский человек, взращенный на гуманистических и либеральных традициях. С точки зрения просвещенных друзей, Магницкий был предателем идеалов. Независимо от результатов ревизии 1819 г., он являлся отщепенцем. Более того, и до сих пор Магницкий – образец отвергаемой научно-университетской корпорацией возможности развития отношений "университет и его воспитанники". Это то, чего мы все боимся и не хотим. Пусть лучше Магницкий останется чиновником министерства. Университет и сегодня живет романтизмом, семейным характером внутренних отношений. Меркантилизм и цинизм смертельно опасны для его духа и жизни. И он чувствует это, и клеймит, и отвергает, пусть задним числом, такие прецеденты.

В разряд "злодейских персонажей попадали не только управленцы, но и сами члены университетской корпорации. Приведем лишь два типичных примера: образы профессора статистики, географии и политэкономии П.С.Кондырева и профессора русской и всеобщей истории и истории философии Н.А.Иванова. Сюжеты формы бытования их "персональных" историй поразительно схожи, несмотря на различие фигурировавших в них героев. Итак, читаем отрывок из романа:"*Все донесения Кондырева и рапорты Яковкина преследовали одну цель – добиться в ближайшее время исключения Лобачевского из университета... Нужны были весьма веские факты, которые изобличали бы Лобачевского в самом предосудительном поведении. Однажды в час урока, случайно вернувшись в камеру, Николай застал у своего стола субинспектора. Тот рылся в его тетрадях. Кто вам, господин Кондырев, разрешил хозяйничать в чужом столе? – крикнул Николай с порога. Субъинспектор выронил на стол все, что было у него в руках. – Вам нужны мои записи? – подошел к нему Николай. – Хотите передать их Яковкину? Кондырев молчал, губы его дрожали. – На, возьми, подлец! Субъинспектор испуганно попятился и выскользнул из комнаты*"[118].

Д.Тарджеманов довел до логического завершения сюжет о противостоянии прогрессивного ученого (в данном случае Н.И.Лобачевского) и реакционного чиновника от образования (П.С.Кондырева).

Фундамент историографического мифа заложили публикации, вышедшие из-под пера историков университета Н.Н. Булича и Н.П. Загоскина[119]. Булич писал историю первых 15 лет существования Казанского университета как профессор, ректор, член университетской корпорации – изнутри, так, как пишутся истории рода, пристрастно, через портреты положительных и отрицательных героев. Его повествование ограничивалось началом XIX в., но мостик "прошлое – настоящее" присутствовал всегда. Это – описание детства университета, непростого, противоречивого времени его становления. Соответственно, исследуемый период оценивался Буличем с точки зрения задатков хорошего и плохого в университетской истории.

Прошлое и настоящее у Булича совмещалось и прочитывалось в длиных ценностных категориях. Так, национальная идентичность в условиях политического шовинизма, практиковавшегося правительством Александра III, рассматривалось как явление сугубо негативное, и потому им щедро были наделены все отрицательные персонажи книги – Яковкин, Кондырев, Магницкий. Негоже было ученому быть сребролюбцем и заботиться о материальном бла-

---

[118] Тарджеманов Д. Лобачевский. Казань, 1976. С. 261.
[119] Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819). Казань, 1887 – 1891; Ч.1 –

гополучии. Публичная религиозность расценивалась как качество, контрастирующее со светской наукой и прогрессом, а лояльность к власти – как признак низких нравственных устоев. Исходя из этих постулатов, Булич изображал Кондырева как фигуру пограничную, оперсоналенную неблагоприятную среде, в которой довелось жить и творить людям, составившим славу университета.

Образ Кондырева у Н.П.Загоскина был выписан менее четко, чем у Булича, зато более обобщен и ярко. Его имя встречалось, прежде всего, в тех разделах книги, где речь шла об одиозной фигуре первого директора Казанского университета – о И.Ф.Яковкине. Поэтому это имя подменялось метафорикой типа: "клеврет директора", "присный Яковкина", "клика Яковкина". В тех редких случаях, когда персонаж повествования действовал от своего имени, он либо "втирался в дружбу", либо "вел интригу", либо "наушничал"[120]. А сообщение о прошении Кондырева отпустить его в ополчение 1812 г. автор прокомментировал саркастическим замечанием: "*Воинский жар охватил и университетского пиитy*"[121].

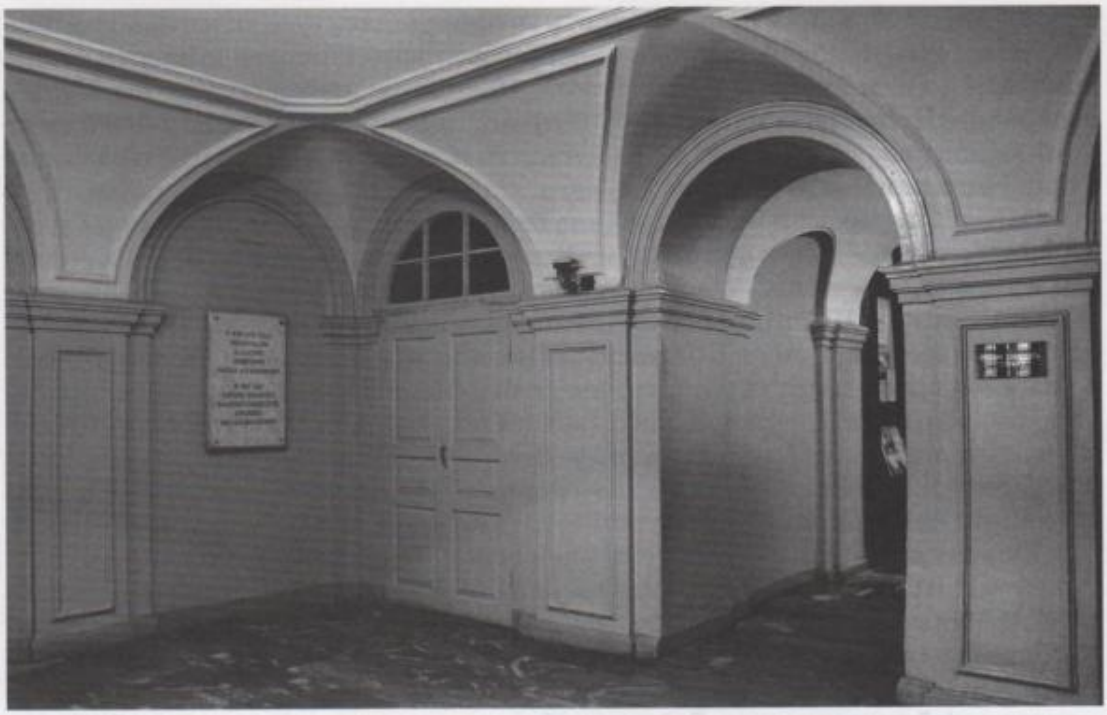
В советское время миф был узаконен изданием сборника документов "Материалы для биографии Н.И. Лобачевского"[122]. Разыскивая материалы для него, Л.Б.Модзалевский обратился к личному архиву Ешевских, где и обнаружил дневник П.С.Кондырева. В дневниковых записях, среди прочих, трижды упоминались имена студентов первого года обучения братьев Лобачевских как нарушителей дисциплины. Эти слова были вырваны составителем сборника из контекста дневника и включены в документированную биографию.

Между прочим, Модзалевский привел отрывки из воспоминаний о Лобачевском Н.П.Вагнера и А.С.Ешевской. Как оказалось, мемуаристы были обеспокоены тем, что "в печатных биографических данных о Николае Ивановиче Лобачевском сохрнилось не вполне верное сведение о нем [Кондыреве], как о преследователе Лобачевского во времена его студенчества"[123]. Конфликт двух университетских людей они объясняли простой ситуацией: с одной стороны, остроумный, задиристый, непокорный 16-летний студет Лобачевский, с другой – молодой (22 года) и неавторитетный, но желающий оправдать доверие директора субинспектор Кондырев. Каждый из них жил, как мог: один подзуживал и шалил, другой обижался и жаловался. Когда же Петр Сергеевич освободился от обременительной обязанности следить за студентами, а Лобачевский стал преподавать, их отношения изменились. Николай Иванович стал даже крестным отцом единственного сына Кондырева[124]. Но, как и в ситуации с Магницким, эти свидетельства, ломающие миф, не были услышаны.

В легенде о великом математике Лобачевском конфликт с субинспектором играл роль "нравоучительного анекдота". Это было украшение, придававшее научному тексту элемент художественной интриги. Каждый пишущий о выдающемся ученом добавлял к злодейскому образу Кондырева новые штрихи. Постепенно роли в биографистике Лобачевского распределились следующим образом: молодой, красивый, талантливый, честный Николай Лобачевский, преданный друзьям и постоянный в своих антипатиях, и безвозрастный, обезличенный, бездарный,прогибающийся перед сильными мира сего Петр Кондырев, не имеющий твердых убеждений и постоянных привязанностей. "Враг" нашелся, а он был необходим для канонической завершенности

---

[120] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета... Казань, 1902. Т.1. С. 212, 435 – 437.
[121] Там же. С. 402.
[122] Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. С. 5.
[123] Воспоминания Н.П.Вагнера. С. 633.
[124] Из воспоминаний А.С.Ешевской// Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. С. 664 – 665.

Мемориальные доски в вестибюле "старого" здания библиотеки

образа гениального исследователя, для "правильного" его восприятия массовым читателем. Вместе с тем, данные персонажи-антиподы являли собой советские социальные штампы.

Подобная же посмертная судьба постигла и образ профессора Н.А.Иванова.

Юными надменными глазами
глядя на билет, как на пустой,
держит по истории экзамен
граф Лев Николаевич Толстой.

Граф молчит, угрюмый, диковатый,
как волчонок, худ, большеголов,
ну, а перед ним дундуковатый
враг его – профессор Иванов.

Зависть к титулованным запрятав,
он от желчи собственной прокис.
Мерзок дундукизм аристократов,
но страшней плебейский дундукизм...

И профессор нуль ему как выдаст!
Долго ждал счастливой той поры:
на' тебе за твой орловский выезд,
на' тебе за все твои бобры.

Нуль Толстому! Выискался гений!
Нуль Толстому! Жирный! Вуаля!
Тем, кто выше всяких измерений,
Нуль поставить – праздник для нуля[125].

Евгений Евтушенко создал поэму о Казанском университете на основе наиболее популярных и живучих мифов его истории. Эта поэма пользовалась огромной популярностью в Казанском университете 1970-х годов: ее знали наизусть, цитировали. На фоне безликой "официально-революци-

[125] Евтушенко Е. Казанский университет: Поэма. Казань, 1970. С. 23 – 24.

Е. Евтушенко читает поэму "Казанский университет". 1979 г.

онной поэзии" того времени – это талантливое произведение будило чувство особой сопричастности к университету и тем великим людям, людям-символам, которые вышли из его стен. Когда Е.Евтушенко читал эту поэму в Казанском университете, актовый зал был переполнен, люди слушали, стоя вдоль стен и в проходах. Евтушенко читал тихо, просто, но необыкновенно эмоционально. Вероятно, само присутствие в историческом зале оказывало большое воздействие не только на слушающих, но и на самого читающего.Выпускник Казанского университета, Николай Александрович Иванов вернулся в alma mater после окончания магистратуры по историческим наукам и защиты на латыни магистерской диссертации в Дерптском университете. К тому времени он являлся автором трехтомной "Истории в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручной книги для русских всех сословий" (СПб., 1835 – 1837), имевшей большой резонанс в столичном обществе. Правда, современники считали автором этой нашумевшей книги Ф.В.Булгарина, который купил труд молодого провинциального историка[126].

Многие казанские мемуаристы отзывались об Иванове как о талантливом профессоре-гуманитарии. Он, по уверению медика А.И.Ильинского, "знал свой предмет превосходно и отлично читал всеобщую и русскую историю"[127]. Его лекции пользовались большой популярностью у студентов разных факультетов. *"Для нас, новичков, первым номером был профессор русской истории Иванов,* – вспоминал камералист П.Д.Боборыкин. – *В его аудитории, самой обширной, собирались слушатели трех разрядов и двух факультетов... Ему многие, и не словесники, обязаны порядочными сведениями по историографии"*[128]. *"Читал он, действительно, отлич-*

[126] Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. С. 735.
[127] Ильинский А.И. За полстолетия. С. 26.
[128] Боборыкин П.Д. За полвека. С. 61 – 63.

Портрет Н. И. Лобачевского в вестибюле "старого" здания библиотеки

но и с большим увлечением", – подтверждал математик Э.П.Янишевский[129].

В мемуарах Ильинского сохранилась удивительная история, произошедшая в университете в 1852 г. Это было время "мрачного семилетия", когда после европейских революций 1848 г. на Российскую империю опустился "железный занавес": прекратились научные стажировки отечественных ученых, в стране свирепствовала цензура, закрывались газеты и журналы. Именно тогда в университет с проверкой приехал министр народного просвещения Ширинский-Шихматов, человек чрезвычайно консервативный по своим убеждениям. Когда он в сопровождении попечителя Молоствова и ректора Симонова вошел в аудиторию, где в то время читал лекцию Иванов, лектор сменил тему и стал рассказывать о современном царствовании и, в частности, о... декабрьских событиях 1825 г. Такое трудно было вообразить! Эта тема тогда находилась под запретом. Иванов закончил свой рассказ о декабристах словами: "*Поступки этих людей нужно оплакивать кровавыми слезами*" и начал вытирать платком глаза. Первым не выдержал министр, затем стали вытирать слезы попечитель, ректор и прочие присутствовавшие. Студенты молчали, пораженные. Для такого действа надо было быть выдающимся актером, лектором и человеком. Эта история зафиксирована в нескольких мемуарах, написанных студентами разных факультетов. Не всегда подробности их описаний совпадают. Но во всех воспоминаниях отмечается факт смены темы лекции на историю декабрьских событий 1825 г. и слезы министра, ректора и попечителя[130].

Он стал бы любимцем студентов, если бы не был столь требователен и придирчив на экзаменах. В студенческой среде ходили самые невероятные рассказы о строгостях Иванова. Уже в этих устных преданиях личность экзаменатора приобретала злодейские черты. Студенческие легенды знали даже гимназисты. Один из них, Н.П.Вагнер, описал Иванова, как "*желчного, придирчивого господина, со злобными, тусклыми, зеленовато-серыми глазами*". Именно Вагнер первым поведал читателю популярную в студенческой среде историю о том, как "*после одного диспута, на котором Иванов был побит докторантом, он взбесился. Приехал домой, поцеловал жену, и она тоже взбесилась. Товарищи,* – уверял Вагнер, – *не любили Иванова. Студенты и гимназисты, окончившие курс, боялись его. И, действительно,* – писал он, – *он был страшен своей безобразной придирчивостью и той злобной радостью, с которой щедро ставил нули, единицы, двойки экзаменующимся*"[131].

Проведенная реконструкция научной биографии Н.А.Иванова показала, что отнюдь не он стал инициатором и причиной отчисления Толстого из университета: "*Иванов настаивал на оставлении Льва Николаевича на*

[129] Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. С. 47.
[130] Михайлов И.И. Казанская старина. С. 411.
[131] Воспоминания Н.П.Вагнера. С. 636.

Сквер Лобачевского. Фото 2004 г.

второй год, а не на его изгнании... Толстой предпочел сменить факультет, но особых качеств, кроме отсутствия "охоты заниматься", не проявил, он принял решение покинуть университет, решив заняться самообразованием. Имея такого сильного покровителя, как М.Н.Мусин-Пушкин, Толстой бы никогда не оставил университет по принуждению, если бы не принял этого решения самостоятельно"[132].

Мифы о героях. Антиподами университетских "злодеев" в мифах Казанского университета были университетские "герои". Такой статус получали прежде всего любимые студентами педагоги, люди, обладавшие ярко выраженной индивидуальностью, воплощавшие желаемые качества университетского человека. Легенды, стихи, песни передавали следующим поколениям идеалы университетской культуры. "*Восторженный славист*, – вспоминал С.В.Смоленский о профессоре В.И.Григоровиче, – *был сюжетом множества всяких анекдотов, всегда забавных, но всегда же трактовавших о самом возвышенном служении Григоровича науке и славянству*"[133]. Таких персонажей в университетском фольклоре было много. Но особенно часто обыгрывался в них образ ректора Н.И. Лобачевского.

Бывший казеннокоштный студент Н.Ф.Ворожцов признавался, что в годы его учебы [1830-е годы] "*личность ректора Николая Ивановича Лобачевского чаще всего была предметом наших вечерних бесед... Все студенты без исключения его уважали, а студенты-математики просто благоговели перед ним. Все анекдоты, касавшиеся его личности, говорили о нем как о человеке мысли. Рассказывали, например, что, увлеченный каким-нибудь ма-*

[132] Руднева Я.Б. Н.А.Иванов – профессор Казанского университета: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. С. 71.
[133] Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах // Былое из университетской жизни. С. 256.

тематическим вопросом, он забывал все окружающее, и в этом состоянии, если, ходя по комнате, встречал стену, то останавливался перед нею и целые часы мог простоять неподвижно, опершись в нее лбом"[134]. Другие собеседники уверяли, что видели его в таком состоянии на бале Дворянского собрания. Маргиальность любимого наставника, его отличие от обывателей нравились его воспитанникам. Вероятно, университетские легенды были столь живучи благодаря семейному характеру университетской корпорации. Некоторые истории студенты слышали от своих родителей, другие – от старших товарищей или от преподавателей. Первоначальный сюжет украшался и собственной фантазией.

В студенческом мифотворчестве суровый, но справедливый профессор наделялся сказочными чертами, роднившими его с героями эпических сказаний. Так, сенатор М.П.Веселовский вспоминал, что, "бывши студентом, он [Лобачевский] однажды после пирушки приехал в университет верхом на корове"[135]. Эта байка циркулировала в студенческой среде конца 1840-х годов, когда Николай Иванович был помощником попечителя и являлся, по существу, полуслепым старцем. Эта легенда жила и в семье Лобачевских. Сын ректора, Николай Николаевич, вспоминал, что мать, вспоминая, как однажды "он верхом на корове, держась за рога, на Черном Озере встретил ректора, всегда добавляла: не проболтайтесь при папе, он этого не любит".

Следы еще одной устной легенды о студенте Лобачевском содержатся в мемуарах воспитанника Казанского университета, впоследствии земского деятеля, П.П.Перцова. "*В университете сохранился не раз слышанный мною рассказ об одной шалости Лобачевского во время его студенчества,* – вспоминал он. – *Однажды в веселой компании Николай Иванович держал пари с одним товарищем, что перепрыгнет через ректора университета Никольского, профессора как раз математики. И вот, выбрав момент, когда Никольский, довольно тучный человек, окончив свою лекцию, медленно спускался по лестнице в нижний этаж университета, Лобачевский бежит сверху, упирается обеими руками в плечи Никольского и перепрыгивает через его голову. Никольский ничего еще не мог сообразить, как перепрыгнувший уже убежал*"[136]. Затем, якобы, было разбирательство на университетском совете. В защиту дерзкого студента выступил сам ректор Никольский, заявивший, что студента с такими способностями в математике исключать нельзя.

Миф этот – далекий от реальности, почти сказочный. Трудно предположить такую дерзость в университете тех лет. К тому же во времена студенчества Лобачевского Г.Б.Никольский не был ректором. Да и вообще, тогда и должности ректора в Казани еще не существовало. Кроме того, в архивном фонде университета нет дел с разбирательством подобного проступка. Скорее всего, это легенда, рожденная в студенческой среде, желавшей сделать любимого профессора "своим" героем. В ней важна не событийная канва, а финал, так называемая "мораль". В данной истории зафиксировался утвердившийся к тому времени университетский принцип оценки личности: талант искупает любые формы поведения. Такие критерии отбора "своего" человека отличали университет от любого иного присутственного места, а университетских людей – от чиновников.

Просветительская по своей сути апология гениальности оказалась созвучна мышлению и оценкам российской интеллигенции периода "оттепели"

---

[134] Цит по: Пономарев П.А. К биографии Н.И.Лобачевского (по неизданному письму и записям со слов современников) // Изв. Физико-математического общества при Императорском Казанском университете. Казань, 1913. Сер.2. Т.17. С. 3.
[135] Из воспоминаний МП. Веселовского // Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. С. 631.
[136] Из воспоминаний П.П.Перцова // Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. С. 625.

1960-х годов. На ее волне и родилась поэма Е.Евтушенко "Казанский университет". В главе "Лобачевский" поэт метафорически обыграл прыжок Лобачевского. С прыжка начинается духовная жизнь великого математика:

Что за юнец с локтями драными,
Буян с дырявыми карманами,
Главарь в студенческой орде,
Так заговорщицки подмигивает
И вдруг с разбега перепрыгивает
Профессора, как в чехарде?
И прыжком, призывом к прыжку

заканчивается его жизнь:

Еще зеркало не занавесили,
Но лежит, барельефно суров,
Тот старик, что мальчишкой
На лестнице
Перепрыгивал профессоров.
Есть у всех умирающих прихоти,
И он шепчет, попа отстраня:
"Перепрыгивайте, перепрыгивайте,
Перепрыгивайте меня..."[137].

Марксистский кружок Н.Е. Федосеева в Казани. Картина В.К.Федорова

Старинный мифологический сюжет о перевоплощении обыгрывался в студенческом сказании о профессоре математики И.А.Больцани[138]. Суть его состояла в том, что в одной из казанских лавочек работал бог весть как попавший из Италии в Россию юноша, увлекающийся математикой. Случайно зашедший в магазин Лобачевский (в другом варианте – Попов, в третьем – Котельников) был поражен, увидев продавца за чтением научного математического трактата. С этого момента судьба юноши кардинально изменилась. Больцани поступил в университет, окончил его, впоследствии стал профессором. Надо сказать, что реальный профессор не был интересен современникам и не вызывал пиетета у студентов. Многие считали его лекции слабыми, изложение материала лишенным логики, речь невнятной, характер неуравновешенным[139]. А вот история его чудесного перевоплощения волновала молодые тщеславные души.

Процесс студенческого мифотворчества прослеживается и в знаменитой истории конфликта студентов с квартальным надзирателем. В следственных делах министерства и III-го Отделения Его Императорского Величества Канцелярии эта история выглядит так. В тесноте переполненной церкви казанский студент случайно толкнул стоявшую рядом даму. Та пожаловалась на грубияна квартальному. Он, в свою очередь, на всякий случай вывел из церкви всех студентов. На церковной паперти образовалась толпа спорящих людей, началась ругань между полицейским и обиженными студентами. Это привлекло внимание проходившего мимо полицейского патруля, который попытался увести юношей в участок. Некоторые студенты подчинились, а другие убежали. Делу был придан неправомерный размах. Им занималась тайная полиция

---

[137] Евтушенко Е. Казанский университет. С. 14, 20.
[138] С.Г. [Глинка С.Ф.] Отрывки из воспоминаний (1874 – 1877 гг.) // Былое из университетской жизни. С. 279; Флёрин Н.Ф. Медицинский факультет Казанского университета полвека тому назад// Казанский медицинский журнал. 1930. № 5/6 (май – июнь). С. 483 – 484; Воспоминания В.Н.Ахлопковой // Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. С. 595; Воспоминания Н.Н.Лобачевского // Там же. С. 607.
[139] С.И.С-ов [Сластников С.И.] Университетские старцы: (Из воспоминаний казанского студента) // Русская старина. 1895. № 8. С. 157.

Портрет В.И. Ленина.
Картина П.П. Бенькова

императора, рассматривая его как прецедент неповиновения студентов властям. Несколько студентов были отчислены из университета. И обида породила активное мифотворчество.

Поступивший на следующий год в Казанский университет А.Н.Пыпин в своих воспоминаниях писал: *"Студенты имели репутацию людей малонадёжных, и иногда принимались меры к тому, чтобы не пускать их на венчание. В мое время по такому поводу произошло настоящее боевое столкновение толпы студентов с полицией и жандармами; дело дошло до буквального кровопролития, о котором я узнал по рассказам очевидцев"*[140]. Так происходила героизация студенчества, а вместе с ней героизация университетской истории.

В этом же ряду стоит миф, носящий явно политический характер и сотворенный уже силами профессиональных советских историков – сказание о студенческой сходке 1887 г., в которой принял участие первокурсник юридического факультета Володя Ульянов. Этот миф разворачивался как сюжет инициации революционера. В Казанском университете культ В.И.Ленина приобрел особый размах, поскольку здесь он был признан "своим" и рассматривался как университетское достояние. "Присвоение" вождя повышало оценку и самооценку университета. Как выразился при опросе один из бывших студентов КГУ, "в университете всегда витал дух Ленина"[141].

Подготовка к созданию культа вождя началась в Казанском университете еще нарубеже 1910 – 1920-х годов. В декабре 1922 г. студенты писали Ленину: *"Мы гордимся Вами, старым студентом нашего университета. Ваша деятельность и проповедь идеи социального переустройства мира глубоко запала в наши души. Мы надеемся, что в будущей нашей деятельности мы сумеем превратить слова в дело"*[142]. Тотальный же характер это явление приобрело в связи со смертью Ульянова. Она оказалась "очень своевременной" и эффективной для воспитания студенчества в советском духе. Уход вождя порождал желание подражать его жизни, воплощать его идеалы. В этой связи естественным стало стремление Казанского университета обрести имя Ленина.

---

[140] Пыпин А.Н. Мои заметки. М., 1910. С. 41.
[141] Интервью с В.В.Султановым.
[142] Цит.по: Бурнашева Ю.В., Нафигов Р.И. В.И.Ленин в Казанском университете. 2-е изд., изм. и доп. Казань, 1987. С.29.

24 января 1924 г. ректор В.В.Чирковский выступил в заседании срочно созванного правления университета с сообщением "О кончине председателя Совнаркома СССР и РСФСР, вождя пролетариата В.И.Ленина". Правление постановило: "1) созвать 27 января открытое траурное заседание Совета, посвятив его памяти почившего, 2) просить зав. рабфаком тов. Корбута быть представителем университета в Москве на похоронах Владимира Ильича, 3) возбудить ходатайство через Совет университета о предоставлении Казанскому университету имени Ленина, 4) заказать для актового зала большой масляный портрет Владимира Ильича, 5) поставить портрет студента Ленина в комнате заседаний правления"[143].

27 января состоялось открытое заседание Совета университета. В его постановлении говорилось: "*К скорби пролетариата всего мира присоединяет Совет университета и свою скорбь. От имени университета Совет университета выражает уверенность на деле оправдать надежды умершего – быть истинным рассадником света и знаний для новой молодежи, коммунистической молодежи; надеется с честью носить отныне свое новое имя – "Университета имени В.И.Ульянова-Ленина", и оправдать доверие РКП(б) в ходе исторических событий, идя с ней отныне нога в ногу... Если партия потеряла своего вождя, если пролетариат всего мира потерял своего учителя, то на взрыв злобной радости буржуазии мы отвечаем не унынием, не проявлением своей слабости, а осененные властной волей умершего, отвечаем мощным объединением, сплоченностью вокруг штаба мировой революции, РКП(б), чтобы закончить начатое великим мятежником дело*"[144].

Таким образом, унылым буржуазным панихидам и молебнам были противопоставлены "мощная сплоченность", бескомпромиссная борьба и служение народу. Эти канонические коммунистические сюжеты определили дальнейшую судьбу Казанского университета. Отныне его жизнь и помыслы перекликались с заветами и судьбой "великого мятежника" – персонажа нового революционного мифа.

29 января 1925 г. ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов удовлетворил ходатайство "о присвоении Казанскому университету имени В.И.Ульянова-Ленина" и направил его на утверждение в ЦИК СССР[145].

С 26 июня 1925 г. университет на законных юридических основаниях стал носить имя В.И.Ульянова-Ленина – не просто Ленина, а молодого Володи Ульянова, начавшего здесь свой "путь в революцию". "*Университет запомнил Ленина молодым,* – писал впоследствии Р.Кутуй, – *таким, каким он стоит сегодня в бронзе перед строгим лицом alma mater. Таким университет проводил его в революцию, и таким он остался здесь навсегда*"[146].

Восхищение кумиром приумножали издававшиеся большими тиражами биографии Ильича, неизменно включавшие "казанский период", созданные о нем поэтические строки. Гиперболизация трагических подробностей университетской жизни вождя, условность решения биографической темы, революционная стилизация, высокий эмоциональный накал – вот наиболее характерные черты "ленинского мифа".

В январе 1927 г. в Актовом зале Казанского университета В.Маяковский читал студентам отрывки из поэмы "Владимир Ильич Ленин", а через

[143] ОРРК НБЛ КГУ, д.8823, л. 25.
[144] Там же. Л. 29 - 29 об.
[145] ОРРК НБЛ КГУ, д. 4912, л. 1.
[146] Кутуй Р. Вступительная статья// Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина. М., 1980. С. 15.

год, в том же зале звучали знаменитые строки пролетарского поэта, навеянные его прошлогодним пребыванием в стенах столь признаваемого в советской стране вуза:

После приема в октябрята у памятника В. Ульянову. 1970-е гг.

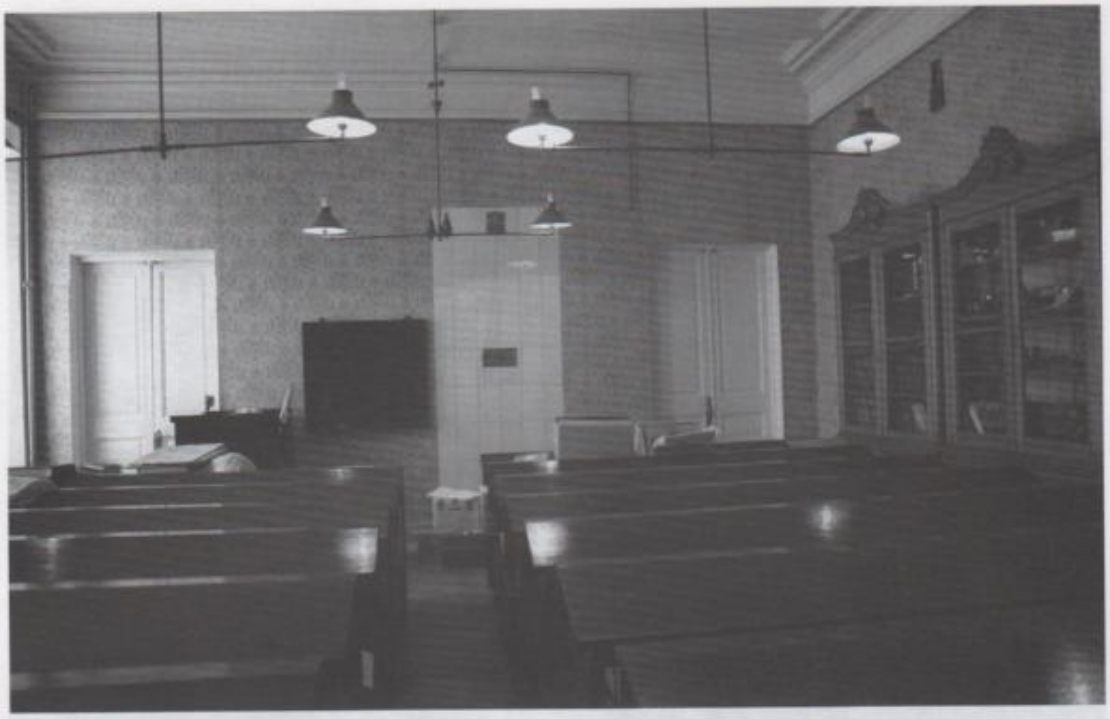
Университет –
горделивость Казани,
и стены его
и доныне
хранят
любовнейшее
воспоминание
о великом своем гражданине.
Далеко
за годы
мысль катя,
за лекции университета,
он думал про битвы
и Красный Октябрь,
идя по лестнице этой.
Смотрю в затихший и замерший зал:
здесь
каждые десять на сто
его повадкой щурят глаза,
и так же, как он,
скуласты.
И смерти
коснуться его
не посметь,
стоит
у грядущего в смете!
Внимают
юноши
строфам про смерть,
а сердцем слышат:
бессмертье[147].

Со временем образ молодого Ленина приобретал все более схематические черты сакрального знака. Советское общество получило эталон, Ленин – бессмертие, а студенты Казанского университета – высокое звание последователей. Политическое наследство вверялось юношам и девушкам, переступившим порог Казанского университета. Обращаясь к ним, Е.Евтушенко взывал:

Семнадцатилетняя смелость
Завещана Лениным
вам.
Семнадцатилетняя зрелость
Завещана Лениным
вам.
И выбрав свой путь
на распутье,
Ступая в завещанный
след,
Семнадцатилетние, будьте,
Как Ленин семнадцати лет![148]

Особое отношение к Ленину потребовало специального публичного пространства для "общения" с ним. В 1940 г. на одном из заседаний парткома КГУ был поставлен вопрос о создании мемориальной ленинской аудитории, а уже в

[147] Маяковский В. По городам Союза // Маяковский В.Собр. соч. в 12 т. – М., 1978. Т.4. С. 169.
[148] Евтушенко Е. Казанский университет. С. 90.

Мемориальная аудитория

1948 г. она открылась для посещений. Первоначально выставленные в ней экспонаты освещали весь поволжский период жизни Ильича, но в 1960 г., к 90-летию Ленина, была осуществлена реэкспозиция, в соответствии с которой музей стал "специализироваться на сходке". Музей привлекал внимание многочисленных гостей города, а сам университет стал осознаваться как "ленинский", а значит "особый", "заповедный". Воспользовавшись этим ощущением современников, партком и ректорат добились разрешения и финансирования реставрационных работ по созданию Ленинской мемориальной зоны.

Ее открытие состоялось 17 апреля 1970 г., в преддверии очередного юбилея вождя. Чугунные ступени лестницы вели посетителя в предактовый и Актовый залы, в конференц-зал и через него в аудиторию № 7, где в мельчайших подробностях был воссоздан интерьер учебного класса 1880-х годов. Эта зона и поныне уникальна. Ее реставрации предшествовала кропотливая научно-исследовательская работа по изучению академической повседневности и университетского пространства. Ею руководил профессор Г.Н.Вульфсон. В благодарность за проделанный труд университетский коллектив начертал его имя на мемориальной доске, установленной у входа в комплекс. В аудитории № 7 были собраны подлинные предметы учебного обихода конца XIX столетия, воссоздано освещение, установлена антикварная мебель, восстановлены печные аксессуары. То, что не удалось восстановить, изготовляли заново. По обнаруженным фрагментам были отпечатаны обои на машине образца 1894 г. Как в былые времена, паркет натирали натуральным воском. Электрические лампы (газовые рожки не разрешили установить по соображениям пожарной безопасности) точно имитировали тусклый газовый свет[149].

Долгое время Ленинский мемориал являлся сакральной зоной: здесь проходили вступительные лекции к курсу истории КПСС, здесь вручали комсомольские билеты, здесь проводились встречи с ветеранами революции, здесь

---

[149] Здесь каждый камень Ленина знает: (Интервью с Г.Н.Вульфсоном) // Комсомолец Татарии. 1977. 20 дек.

Ленинский субботник

школьников принимали в пионеры. "*Здравствуй, университет!* – писали в книге отзывов музея ученики казанской средней школы № 10 в 1977 г. – *Сегодня нас приняли в пионеры. С большим удовольствием мы слушали рассказ о пребывании Володи Ульянова в университете. Мы будем жить и учиться, как Володя Ульянов*"[150].

Своего апогея культ вождя достиг в юбилейной череде 1970 – 1979 гг. (100-летний юбилей В.И.Ленина, 90-летие сходки, 175-летие университета). Особое место среди всех этих событий, безусловно, занимал 1977 г. – 90 - летие начала "ленинского пути в революцию". 90-летний юбилей сходки по своему размаху явно превзошел празднование 175-летия университета. План мероприятий был всеохватен и выстраивался в соответствии с каноном советских ритуалов: торжественное собрание, праздничный концерт, факельное шествие, возложение венков к памятнику Володе Ульянову, митинг под девизом "Идеям Ленина верны!", посещение Ленинского мемориала и деревни Ленино-Кокушкино, всесоюзная научно-теоретическая конференция, конкурс политической песни, Ленинские чтения и художественная выставка "Образ молодого Ленина в произведениях советских мастеров искусств"[151]. Как водилось в те времена, участники торжеств приняли обращение к молодежи страны: "Жить, учиться и работать по-ленински!". Праздничный концерт, в котором декламировалась глава "Сходка" из поэмы Е.Евтушенко и звучал фрагмент с аналогичным названием из оратории "Казань" Б.Мулюкова, завершила песня А.Пахмутовой на стихи А.Добронравова "И вновь продолжается бой". Исполнявшая ее университетская хоровая капелла будоражила души слушателей:

И вновь продолжается бой!
И сердцу тревожно в груди...
И Ленин – такой молодой,
И юный Октябрь впереди!

---

[150] Ленинец. 1977. 16 дек. № 37/38.
[151] ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 9659.

Юбилей сходки вызвал новую волну метафоризации этого события. В юбилейном номере университетской многотиражки "Ленинец" было помещено стихотворение Н.Беляева – поэтическое воплощение сложившегося мифа о "первом шаге в революцию" юного вождя:

Надоели шпики,
Попечители, ханжество, водка...
И гудят сквозняки,
Стулья с грохотом падают,
– В Актовом – сходка!
И великий порыв
Их несет коридором гудящим,
Как прилив, как порыв,
Сквозь сомнения – в бой
С настоящим!
Надоело!
И бушуют тужурки.
И инспектор, от шума
Уставший,
"Дурни, – думает, – дурни"...
Речи, крики... А что же дальше?
Но гремят голоса –
О правах, о народе, свободе...
И дрожат небеса.
И солдаты уже на подходе.
У отзывчивой прессы
Наутро –
Статья о раскопках курганов.
По квартирам аресты,
Арестован Владимир Ульянов.
– Брату – висельнику на смену?
И усмешечка едкая:
– Не сломайте пальчик о стену,
Стена – крепкая...
И солдаты из части Н-ской
Маршируют до исступления
По прямой, как стрела, Воскресенской,
По будущей улице
Ленина[152].

Университетский человек Казани постоянно находился в культурно-семантическом "ленинском" поле. "*В 1970 – 1980-е годы,* – вспоминает один из бывших преподавателей, – *на всю жизнь университета накладывало отпечаток то, что он был связан со студенческими годами В.Ульянова, назывался Ленинским. Основой идеологической работы провозглашалось воспитание студентов на примере жизни и деятельности В.И.Ульянова-Ленина, рисуемых в иконописных тонах*"[153]. У памятника Володе Ульянова начиналась студенческая жизнь казанских воспитанников. 1 сентября в историческом Актовом зале ректор рассказывал первокурсникам о славных "ленинских" традициях alma mater. 16 декабря каждый год проходила инсценировка сходки 1887 г. К 22 апреля приурочивалась Ленинская неделя, включавшая в себя Ленинские уроки, итоговую общественно-политическую аттестацию и Ленинский зачет. Студенты и преподаватели участвовали в Ленинском коммунистическом субботнике, а в мае – в Ленинской легкоатлетической эстафете. Лучшие учащиеся (не все, а только активно занимавшиеся общественной работой) удостаивались Ленинской стипендии. Даже университетская многотиражка носила имя Ленина ("Ленинец"). Оно же входило и в названия многочисленных факультетских стенгазет (например, стенгазета истфилфака называлась "Ленинское знамя").

Имя Ленина или его визуальный образ воспроизводились на мемориальных досках, в скульптуре, портретах, барельефах и панно, на университетском

---

[152] Ленинец. 1977. 16 дек. № 37/38.
[153] Интервью с Ш.А.Гайфуллиным.

Памятник В. И. Ленину, стоявший в фойе главного здания КГУ

фронтоне. Вождь зримо присутствовал на юбилейных значках и медалях, на папках и планшетах, смотрел с обложек блокнотов, с открыток и конвертов. Его профиль или профиль его скульптурного изображения покоился на программах конференций и концертов. Даже местная кафедра истории КПСС в значительной степени была ориентирована на изучение жизни Ленина и его наследия. Фигура студента Володи Ульянова стала, по существу, общепринятым, хотя официально так и не утвержденным символом Казанского университета. Когда однажды в середине 1970-х годов казанские студенты встретились со своими африканскими сверстниками, то выяснили, что те почти ничего не знают о Казани, за исключением того, что здесь "учился Ленин". И такое метафоричное восприятие города было характерно не только для представителей далекой Нигерии, но и для многих советских граждан.

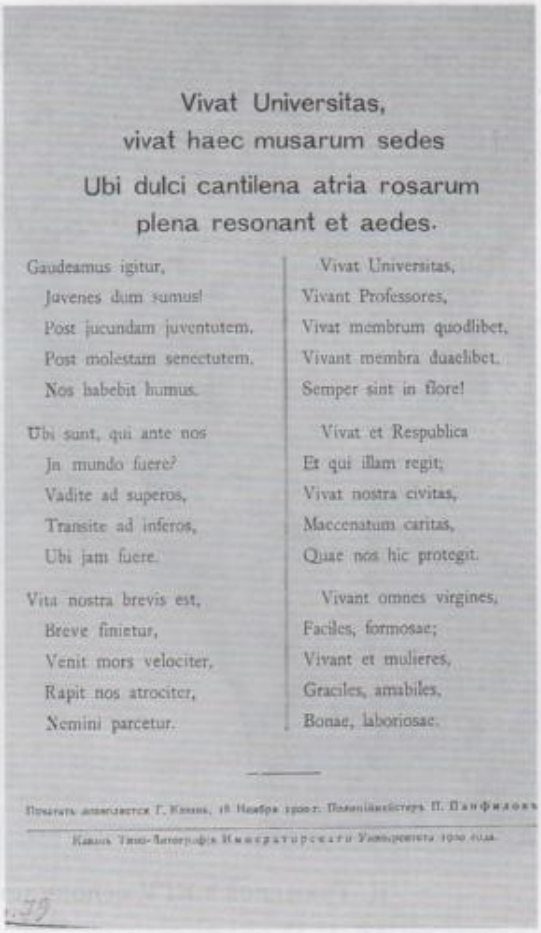
За годы советской власти образ Казанского университета и образ Ленина тесно сплелись. Насколько эта связка культурно и психологически значима для университетской корпорации? Или это была лишь дань времени, рациональная эксплуатация политического манекена, игра с властью? Результаты проведенных опросов показали, что для многих воспитанников университета и его преподавателей эта связь имела сущностный характер, во всяком случае, так было в советское время: "*Университет вызывал очень трепетное чувство и гордость, что там учился В.И.Ленин*"[154]; "*я очень гордилась тем, что учусь в старейшем вузе страны, тем более, что в нем учился Ленин*"[155]; "*самое грандиозное, что здесь учился В.И. Ленин*"[156]; "*само поступление в университет было для меня гордостью. Я гордилась тем, что могла учиться там, где учился великий Ленин*"[157], университетский городок казался каким-то святым местом, где учатся необыкновенные люди, где учился и начал революционную деятельность человек, который был богом и путеводной звездой для всего человечества, "*это была мечта – хотя бы зайти туда; было ленинское время, у каждого школьника была мечта – попасть туда*"[158], "*университет воспринимали, как чудо света, так как тут учился Ленин, особенно после празднования его столетия*"[159]. У студентов 1970-х годов даже существовала примета: идя на экзамен, желательно было иметь с собой "серебряный" юбилейный советский рубль с изображением Ленина. Считалось, что он обязательно поможет получить пятерку. При переводе идеи в натуралистический вариант происходило вмещение в один-единственный символ (изображение Ленина) всего объема

[154] Интервью с Л.М.Горковой.
[155] Интервью с Н.А.Чечеткиной.
[156] Интервью с Л.Г.Юсуповой.
[157] Интервью с Р.Р.Абдуллиной.
[158] Интервью с бывшим студентом.
[159] Интервью с Н.А.Кисляковой.

нужных идеологических клише, а монета выполняла, по существу, роль иконы.

"Ленинский" миф оказался одним из самых устойчивых и судьбоносных в судьбе университета в советский период его жизни. И, понимая его спасительную роль, корпорация сохранила все памятные и символические места этой эпохи, не отреклась от своего советского прошлого.

Университетский фольклор. Сокровищница фольклора современного Казанского университета многослойна. В ней есть все: и образцы европейского средневекового творчества и шедевры кружковой студенческой культуры, и следы политических ветров. Осознавая уникальность этого наследия, в 1904 г. бывшие воспитанники Казанского императорского университета подарили alma mater бесценный дар – издание "Песен казанских студентов".

Vivat Universitas,
vivat haec musarum sedes
Ubi dulci cantilena atria rosarum
plena resonant et aedes.

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem,
Nos habebit humus.

Ubi sunt, qui ante nos
In mundo fuere?
Vadite ad superos,
Transite ad inferos,
Ubi jam fuere.

Vita nostra brevis est,
Breve finietur,
Venit mors velociter,
Rapit nos atrociter,
Nemini parcetur.

Vivat Universitas,
Vivant Professores,
Vivat membrum quodlibet,
Vivant membra duaelibet,
Semper sint in flore!

Vivat et Respublica
Et qui illam regit,
Vivat nostra civitas,
Maecenatum caritas,
Quae nos hic protegit.

Vivant omnes virgines,
Faciles, formosae;
Vivant et mulieres,
Graciles, amabiles,
Bonae, laboriosae.

Печатать дозволяется Г. Казань, 18 Ноября 1900 г. Помощникъ ректора П. Панфиловъ

Казань. Типо-Литография Императорскаго Университета 1900 года.

Текст университетского гимна. 1900-е гг.

Своими истоками студенческие песни и стихи восходят к творчеству средневековых миннезингеров и вагантов (vagantes - "бродячие люди"). Когда-то бедные школяры и праздношатающиеся клирики кочевали из одного университета Европы в другой, транслируя университетскую культуру и историю в песнях и стихах на латинском языке. Поэзия вагантов прославляла щедрые дары природы, воспевала плотскую любовь, радости винопития и азартные игры. В застольных песнях казанских студентов, так же, как и их предшественников, воспевалось вольное братство, в которое открыт доступ всем добрым и веселым людям, всем, кто щедр, кто лишен высокомерия и ханжества, – без различия общественного и имущественного положения, национальной принадлежности и вероисповедания. "Вечным" поэтическим идеалом школяров был студент-повеса, завещавший друзьям-пропойцам:

В том погребке меня заройте,
Где чаще пьяным я бывал,
И так могилу мне устройте,
Чтоб я под бочкою лежал.
Оборотясь к стене ногами,
А головой под самый кран,
И чтоб обеими руками
Держал огромнейший стакан[160].

И общим гимном, любимой застольной песней был "Gaudeamus". Несмотря на присвоенный ему статус почти официального университетского канта, древний гимн в вольном казанском переложении продолжал славить дружную школярскую семью.

[160] Аристов А.П. Песни казанских студентов. 1840 – 1868. СПб., 1904. С. 49.

Д. Тухманов в КГУ исполняет песню средневековых вагантов

О живучести и вечной молодости вагантовской традиции свидетельствует огромная популярность в 1970-е годы хита Д.Тухманова "На французской стороне" – стилизации старой песни ваганов. Тогда же советские студенты пели более экзотические песни – например, старинную казанскую "В гареме нежится султан...". Воспевая преимущества жизни султана и папы римского, ее неизвестный автор подытоживал: "Чтобы все это совместить – / Студентом русским надо быть. / В одной руке держа стакан, / Другой сжимая женский стан, / Тебе великий жребий дан: / Вот ты и папа, и султан!"[162]. Жизнь менялась, пространство вокруг наполнялось политическими лозунгами, кипело стачками и манифестациями, а казанские студенты, как встарь, тянули: "Там, где инный Булак...". В 1970 – 1980-е годы студенческие песни одним из источников бардовского творчества.

Во все времена появление студенческих песен было актом выплеска творческой энергии молодых интеллектуалов. В основной своей массе эти произведения рождались внутри университета, а также в поездках и экспедициях, где формировались компании "своих". В XIX в. тематика таких песен была связана, в основном, с учебой и пансионной жизнью. Потешные стишки с удовольствием распевались студентами на посиделках по случаю сдачи экзаменов и без случая:

Попов долговязый,
Он же и монгол,
Подпирает разом
Потолок и пол.

---

[161] Аристов А.П. Песни казанских студентов. 1840 – 1868. СПб., 1904. С. 7.
[162] Интервью с Р.Г.Кашафутдиновым.

А Попов короткий,
Дифференциал,
Слишком занят водкой,
Оттого и мал[163].

Эти песни были продуктом коллективного творчества, причем зачастую не одного поколения школяров. Поскольку песни сохранялись посредством их исполнения, то каждый поющий был соавтором куплетов. Оттого мелодии многих из них повторяются, а тексты обыгрывают одни и те же полюбившиеся и актуальные для студенческой среды сюжеты. Особенно жестко, в категориях повседневной, а подчас – и откровенно сниженной лексики, в песнях вышучивались властные преподаватели, кого в учебной жизни студенты боялись и кому были вынуждены подчиняться. Фольклор реабилитировал этот страх. Так, жесткий экзаменатор А.И.Иванов был персонажем куплетов типа:

Граф Толстой –
Мужик простой –
Выдал дочь свою Алину
За Иванова - скотину

Ненавистному для казанских студентов инспектору В.И.Ланге посвящались строки:

Что ты ходишь за мной? Что ты ищешь меня?
Что нашел ты во мне, я понять не могу…
Мой застегнут сюртук; "серых" брюк не ношу,
Шапка сшита блином и обриты усы.
Всё пристало к тебе: орден, рожа, парик…
Но глаза-то, глаза обличают тебя.
Оловянны они и так страшно блестят,
Будто яда полны, словно красть все хотят!
Ну! отстань же, прошу, отойди от меня…[164].

В советское время тематика студенческих песен была, как правило, связана с общественно-трудовой деятельностью (сельскохозяйственными, строительными работами, поездками на производственную практику, в военные лагеря); с различными мероприятиями культурного досуга (спектаклями, капустниками, вечерами), а также, безусловно, с туризмом и альпинизмом. Это было то время, когда туризм стал неотъемлемой частью студенческого быта, а понятия"студент" и "турист" – почти синонимами. Главным в этих песнях для узкого круга, "для внутреннего пользования" было создание условий доверительного личного общения, атмосферы духовной общности. Они выражали групповое, коллективное сознание. Нередко коллективным являлся и сам процесс творчества. "Авторство вещей, написанных в студенческие годы, – писал о самодеятельных песнях В.Гладилин, - условно, потому что в их создании участвовало гораздо больше людей, чем сейчас называется. Почти в каждой песне можно найти слова, сочиненные человеком, который

[163] Аристов А.П. Песни казанских студентов. 1840 – 1868. СПб., 1904. С. 37.
[164] Там же. С. 96.

вообще, может быть, не писал стихов"[165]. Важным был не текст, а чувство солидарности, чувство "мы". Они обладали своеобразным "паролем", подтекстом, понятным лишь посвященным. "Пароль" же помогал узнать "своих".

Песни с подтекстом объединяли сначала их создателей со слушателями, а затем – слушателей, ставших исполнителями, – между собой. По этим же законам живет корпоративная культура. В качестве общестуденческих песен в Казани бытовали: "Если выгнали тебя из института" (Если выгнали тебя из института, / И директор говорит тебе "Прощай", /Не вступай с деканом в спор, /Уходи в земной простор, /Никогда и нигде не унывай.), "Надоело мне холостым быть" ("Надоело мне холостым быть, / Непременно я женюсь. / Но никак не мог найти жену / На свой я личный вкус..."), "На далеком Севере" ("На далеком Севере /эскимосы бегают,/ Эскимосы бегают за моржой")[166], "Где-то на белом свете", "Наливай студент студентке", "Альма-матер" и др.

На некоторых факультетах студенты распевали песни, сочиненные собственными поэтами (как правило, на популярные мотивы тех лет): так, студенты истфака пели песню на стихи Тамары Ян, используя популярный мотив "В далекий край товарищ улетает" В песне говорилось о засыпающих над книгой товарищах-студентах, но:

(...) Когда ж потом товарищи проснутся,
Июньским зноем брызнет синева.
Друзьям с истфака нежно улыбнутся
Мемфис и Рим, Афины и Москва.

Со второй половины 1950-х годов, когда в университете начались фестивали художественной самодеятельности, собственными гимнами обзавелись многие факультеты. Так, студенты-геологи переписали текст песни "Нам нет преград ни в море, ни на суше..." (Нам нет преград, /студентам геофака – /С южных широт /До северных морей. /Но и в скитаниях /На расстояниях /Мы никогда /Не забываем друзей), а географы – "Глобуса":

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой.
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой.
И мелькают города и страны,
Параллели и меридианы,
Но нигде таких пунктиров нету,
По которым нам бродить по свету[167].

Иногда свои песенные пароли создавали отдельные студенческие группы. Например, студенты-историки 1949 – 1954 гг. исполняли песню на татарском языке, сочиненную А.Г.Яхиным, с юмором описывающую их нелегкий быт.

Почти в каждой группе были свои признанные пииты. В 1970 – 1980-е годы поэтические таланты проявились практически на всех факультетах. Историки Степан Шаумян и Леонид Сергеев, биолог Вера Иванова, студент мехмата Равиль Бухараев, филологи Татьяна

[165] Тихонов В. Поэзия самовыражения// Клуб и художественная самодеятельность. 1979. № 7. С. 30.
[166] Интервью с Р.Г.Кашафутдиновым; интервью с Б.Ф.Султанбековым.
[167] Тефанова Т.А. Из истории геологического факультета Казанского университета// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10096/1, л. 37.

Жучкова и Валентина Белянчева, геолог Николай Беляев имели многочисленных почитателей. Некоторые из них стали профессиональными поэтами и в таковом качестве воспели alma mater. Цикл стихов на татарском языке посвятил университету Махмут Хусаин. В одном из них – "Университетым" ("Мой университет") – он создал аллегорический образ университета – образ белого лебедя, присевшего на скале и распластавшего свои крылья. "*Мой университет – дом моей молодости, / Мраморный дворец, давший мне знания, /Посмотри на твоего непутевого сына, /Посылающего теперь свои песни к звездам*", – писал поэт.

Университет занимает особое место и в творчестве Николая Беляева. Во многих биографических очерках, посвященных Н.И.Лобачевскому, цитируются его строки:

Отчужденный, строгий взгляд с портрета...
Для всего студенчества – отец,
Вечный ректор университета,
Странной геометрии творец (...)[168].

Конечно, поэтическое творчество не было монополией студентов. Целый ряд произведений посвятил alma mater профессор В.И. Баранов, среди них – юбилейные стихи к 140-летию КГУ, "Опыт поэмы об alma mater".

Во все времена студенты воспевали в стихах и песнях свой нелегкий быт. Бессмертные темы, красной нитью проходящие через студенческое творчество, – это тяготы учебной рутины и строгость профессоров, мучающих бедных школяров заплесневелыми знаниями. И, продолжая начатую еще в XIII в. песнь, казанский студент начала 1940-х годов стонал:

А студенты идут от читалки до дому
И с собою несут по огромному тому ... (сочинение Тамары Ян).

А через 30 с лишним лет их собратья призывали:

Бей профессоров, они гадюки, да-да!
Нам мозги втирают про науки, да-да!
Про Египет, фараонов, про Соломоновы законы
Это просто ерунда, да-да!

В поэтический же удел преподавателям доставалось восхваление своей специальности:

Педагогика-душа,
Ты мила и хороша,
Мы тебе все верно служим,
И другой нам путь не нужен.

Многие бытующие в университете песни и стихи живописуют нищую долю интеллектуалов. В шутливой форме тема "хлеба насущного" присутствует и в фольклоре самых драматических лет – революции, гражданской, Великой Отечественной войны, и в песенном творчестве сытых лет. В голодном декабре 1919 г., с тоской вспоминая дореволюционные застолья, Н.М.Петровский писал:

В день святой Екатерины
Хлеб негодный из мякины
Всем по карточкам дают...
А мечтать о лучшей жизни
И натопленном жилище –
Знают ведь, – напрасный труд.
Листья прелые малины
Заменяют вкусный чай...
Изменился невзначай
День святой Екатерины![169].

---

[168] Беляев Н.Н. Лирика. Стихи. Казань, 1987. С. 97.
[169] Петровская М.Н. О моих предках // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10007, л. 184.

До революции слова этой песни звучали несколько иначе:

В день святой Екатерины
Вся Казань на именины
Скачет, едет и идет...
В каждом доме – стол накрытый
Столь приятный вид, что сытый
Вновь раскроет жадно рот.
Звенья жирной осетрины
Украшают [неразб.] пирог.
Что за радостный денек –
День святой Екатерины![170]

Широкий ассортимент блюд дореволюционного профессорского стола нашел свое отражение в другом экспромте Н.М.Петровского, написанном на карточке меню дружеского завтрака 28 сентября 1908 г.:

Закуски, водка, кулебяка,
Бульон, из рябчиков сотэ,
И каша сладкая – не "бяка";
Затем арбуз. Вот на листе
Порядок дня. Затем напитки
Идут, конечно: кофе, чай
(Какой кто хочет – крепкий, жидкий),
Ну, и вино. А невзначай
Захочет пива кто – есть пиво
И подадут его Вам живо.

Нелегкий быт университетского человека периода Великой Отечественной войны ярко отразил фольклор студентов и преподавателей, трудившихся осенью и зимой 1941/42 гг. на строительстве оборонительных сооружений (так называемого "Казанского обвода") – "на трассе". На мотив песни "Вдоль по улице метелица метет" студенты положили новые стихи:

Вдоль по трассе метелица метет,
За метелицей наш Ситников идет.
Ты постой, постой, начальник наш родной,
Отпусти, начальник, нас скорей домой.
Бессердечность Ваша нас с ума свела,
От мороза всех в палатки загнала (...)[171].

Сокровищницу университетского фольклора пополнили эвакуированные в Казань ученые мужи из институтов Академии наук. Среди созданных в это время стихов есть одно почти "блоковское" стихотворение, посвященное жене математика А.И.Плеснера, пронзительно точно воспроизводящее казанскую повседневность тех лет:

Пустынны зимы над Казанкою,
В колхозном рынке толкотня.
Унылые фигуры с санками
В мерцаньи пасмурного дня.
Дыша махоркою и водкою,
Брезгливо щупают товар.
Пройдут нетвердою походкою
И вновь скрывает их базар.
Не торопясь, дорогой скользкою
Среди базарной суеты
Она идет одна с авоською,
Храня забытые мечты.
Все продается в дни пустынные –
И шелк упругий, и чулки,
И перья страуса старинные,
И кольца, снятые с руки.
Потом знакомою дорожкою
На оснеженной мостовой
Она с бесценною картошкою
Вновь возвращается домой[172].

---

[170] НАРТ, ф.977, оп. "Истфилфак", д. 2557, л. 2, 3, 3 об.
[171] Иванова Р.Г. Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны// ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10078, л. 17 – 18.
[172] Цит. по: Чеботарев Г. Зимы над Казанкою. Невыдуманные истории // Казань. 1999. № 7/8. С. 64.

Автором шедевра был Л.А.Люстерник, которого современники называли "лучшим математиком среди поэтов и лучшим поэтом среди математиков". Он оставил целый цикл сатирических стихов на снятие с должности вице-президента АН СССР О.Ю.Шмидта, написанных в подражание Гомеру, Некрасову, Блоку, Северянину, Маяковскому[173].

"Продовольственная" тематика стихов и песен не всегда была напрямую связана с бытовыми тяготами. В 1950-е годы одной из тем устраиваемых на биофаке по предложению профессора М.В.Маркова еженедельных субботних чаепитий стали рассказы о культуре приготовления чая, кофе, какао. Супруга Маркова задавала всем коллегам "домашние задания" – придумать и спеть частушки на основе этих рассказов. Так, в Казанском университете родилась "антология чайных частушек".

Безусловно, самодеятельные стихи университетских людей являлись весьма неравнозначными по своему художественному уровню – от оригинальных высокохудожественных произведений до наивных и нескладных опусов в стиле "дворовой поэзии". Таковыми были, например, песни "Соареса, поэта прохладной жизни" – одного из экстравагантных студенческих поэтов Казани конца 1960-х – начала 1970-х годов. Но именно это разнообразие – жанровое, тематическое, качественное – наиболее полно отражало множественность университетской культуры, которой всегда был присущ культ творчества, где поддерживалось любое его проявление.

Язык университетских коммуникаций. В системе образов и знаков, созданных университетскими людьми и теснейшим образом инкорпорированных в их бытие, особое место занимает язык. В силу специфичности культурной ситуации, выстроенной вокруг слова, язык выступает своеобразным символом университета, чутко и тонко реагирующим на все изменения, происходящие внутри и вне корпорации. При этом языки университетского человека весьма многообразны и изменчивы. Они меняются под воздействием развития науки, в силу политических перемен, под влиянием тенденций в молодежной субкультуре.

Будучи продуктом устного общения, университетский сленг XIX в. слабо зафиксировался в письменных источниках. Он не попал в делопроизводственную документацию, в законодательные акты или научные трактаты. Образцы дореволюционного студенческого языка можно найти лишь в виде "проговорок" на страницах мемуаров. И то, что пожилые люди, описывая свою молодость, продолжали пользоваться оборотами типа "соскочивший с ученых рельсов" (ушедший из науки), "отвечать как по писанному" (воспроизводить конспект дословно), "зимовать на том же курсе" (остаться на вто-

[173]Чеботарев Г. Зимы над Казанкою. Невыдуманные истории // Казань. 1999. № 7/8. С. 63 – 64.

рой год), "получил палку"(т.е. единицу, не сдать экзамен) – свидетельствовало об их использовании в каждодневных коммуникациях.

В первые годы советской власти. в речь университетских людей стал активно проникать рожденный в вихрях революции "новояз". В то же время университетская жизнь и сама пополняла словарь новой эпохи такими терминами, как, например, "рабфаковец", "пролетстуд" и др. К тому же, местные интеллектуалы активно участвовали в трансформации старой и создании новой городской семантики. Так, например, профессору Н.Н.Парфентьеву Казань обязана переименованием ряда улиц с исторически сложившимися названиями (Ново-Горшечная и др.) в честь ученых и писателей – Бутлерова, Щапова, Чернышевского, Гоголя, Горького, Тукая. Парфентьев возглавлял соответствующую комиссию горсовета[174]. С их участием происходила не только политизация и советизация речевых практик и лингвистической культуры, но и их ритуализация. Так, в советское время любая учебная и научная письменная работа (от "контрольной" до докторской) содержала непременную ритуальную часть, в которой содержалось указание на "марксистско-ленинскую методологию" исследования. Советская эпоха, прошедшая под знаком борьбы, способствовала милитаризации языка как всего российского общества, так и университетского сообщества, в частности. "Ударная" учеба, "бой" неуспеваемости, "рейды" комсомольской проверки, стали неотъемлемой частью университетского семантического поля.

Современное многообразие языков общения университетских людей простирается между полюсами "языка высокой науки" и "студенческого жаргона". Это не означает, что языком "высокой" науки говорят только

[174] Мартынов Д.Я. Недавнее былое // ОРРК НБЛ КГУ, ед.хр. 10103, л. 9.

ученые – профессора, а студенческий сленг используют лишь студенты: границы между тем и другим подвижны. Университетский человек чаще всего "полилингвистичен" на всех уровнях. Используемые им языки носят функциональный характер и применяются ситуативно: на конференции, на лекции, в неформальном общении.

Специфика профессиональных жаргонов определяется особенностями научной терминологии. Специализация научного знания привела к тому, что обсуждая одну и ту же проблему, люди плохо понимают друг друга, так как говорят на разных профессиональных языках. Вместе с тем, существует общенаучный язык и общенаучный жаргон, которые понятны представителям всех специальностей. Это и восходящие ко временам средневековых университетов слова "коллоквиум", "семинар", "просеминар" и современные жаргонные – "пара" (лекция), "дисер" (диссертация), "черный рецензент", а также общеупотребимые слова, используемые в университетской среде в специфическом значении – "защита" (в значении – защита диссертации), "оппонент" (рецензент диссертации), "соискатель" (диссертант), "сессия" (экзамены).

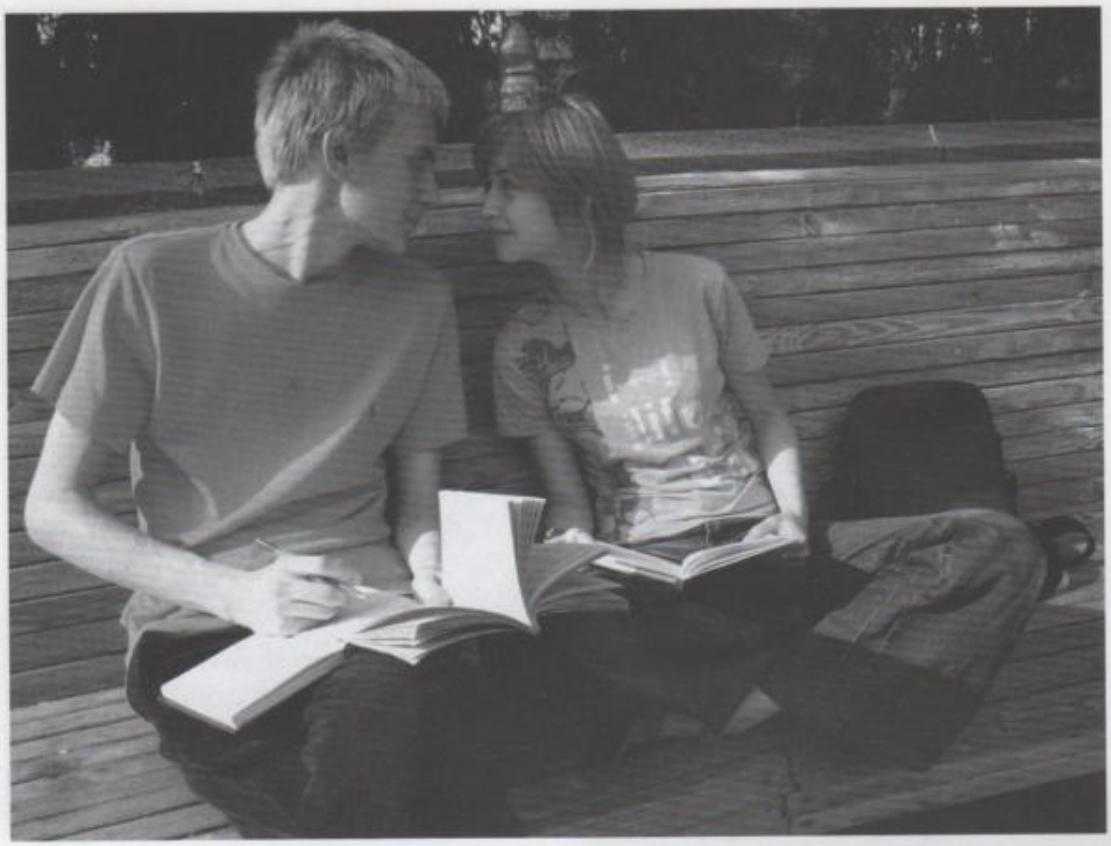
Яркое явление современной университетской культуры – студенческий сленг. Одна его часть (та, что связана с молодежным жаргоном) более изменчива, другая (непосредственно связанная с университетом как "средой обитания") кажется более устойчивой. Так, если "стиляжничество" обогатило студенческий жаргон словами "чувак" и "чувиха" (для обозначения представителей, соответственно, сильного и слабого пола), псевдо-англицизмами и англицизмами ("бэби", "летс дринк") и выражениями типа "одна гирла хиляла по Броду", то "неформалы" 1980-х годов внесли в лексикон студенчества фразы вроде "шнурки в стакане" ("родители дома") и яркие эпитеты "обалденный", "офигенный". На молодежный сленг оказал влияние и уголовный жаргон – в речь вошли слова "ксива", "хаза", "малина". Спецификой казанского молодежного и студенческого сленга является ассимиляция им татарских слов и выражений: "хазер!" ("сейчас", в значении "Щас!!!"), "матур" ("красивый"), "алла бирса" ("Бог даст!") и др.

В свою очередь, специфические для университетской среды или рожденные в ее недрах слова и выражения оседали в языке городского и молодежного общения. Так, во второй половине 1930-х годов "господствовавшие" в студенческой столовой жидкие щи из зеленой капусты студенты прозвали "шукрут", что являлось аббревиатурой фразы "Широкое Употребление Капусты Работниками Умственного Труда"[175]. А в годы войны это словечко в искаженном виде, порой не догадываясь о его значении, подхватили горожане – в городских и рабочих столовых капустный суп именовали "шикрут".

Менее изменчивая часть студенческого жаргонного словаря – лексика, маркирующая элементы университетского и досугового ландшафта. Ярчайший пример – студенческое название полукруглой площадки перед главным корпусом – "сковородка". По мнению нынешних учащихся, оно связано не столько с внешней схоже-

[175] Пудовкин М.А. Человек исключительных способностей // Михаил Тихонович Нужин: Воспоминания современников. Казань, 1999. С. 35.

стью площади со сковородой, а идущей от нее дорожки – с ее ручкой, сколько с традицией молодежи в солнечные деньки "жариться" на ее деревянных скамейках, прогуливая лекции. Жаргонные названия имеют библиотека ("лобачевка" – от ее названия: имени Н.И.Лобачевского), читальные залы ("читалка"), анатомический театр ("анатомичка"), любимый студентами застекленный коридорный тупик во 2-м корпусе ("телевизор"), да и сам университет ("универ"). Большинство же студенческих обозначений не являются общеупотребимыми. Студенческие группы и компании имеют свои облюбованные места встреч и дают им собственные названия, неизвестные посторонним.

Сленг, касающийся учебного процесса, более унифицирован. Он наделяет своими обозначениями не только преподавателей ("преподы"), но и такие важнейшие атрибуты учебного процесса, как курсовые работы ("курсовик"), а особенно – шпаргалки ("шпоры"). Причем, каждая их разновидность снабжается отдельным наименованием: "бомба", или "листья" (вырванные из тетради листы с лекцией), "гармошка" (мелко исписанные листочки, сложенные соответствующим способом) и др. Множество определений с давних пор имеют такое значимое для учебной жизни девиантное действие, как побег с лекции: "слинять", "просолить", "смыться". Имеют специфические обозначения и такие важные для учебного быта явления, как провал экзамена или зачета ("завалить", "засыпаться"), или сдача его чудом, без подготовки ("сдать на шару"). Вероятно, студенческий сленг сохраняет свою устойчивую позицию в силу успешности выполняемой им коммуникативной функции. Владение им обеспечивает легкое и безболезненное вхождение новичка в корпорацию.

И, наконец, неотъемлемым атрибутом университетской культуры во все времена было *граффити*. Еще в 1819 г. Магницкий запретил студентам пи-

сать на партах и учебной доске бранные слова, а Лобачевский с этой целью отдал приказ покрыть письменные столы тонким металлическим листом. Широкое распространение получила практика оставлять "послания миру" в 1960-е годы, и с тех пор она развивается по нарастающей. Значительную роль в актуализации "граффити" сыграли политические и общекультурные процессы в стране. "Оттепель" и демократизация общественной жизни (студенты-шестидесятники уже не боялись, как, например, в 1930-е годы, написать на парте "что-нибудь не то") донесли до провинциальных городов отголоски европейской "студенческой революции" 1968 г. "Перестройка", увлечения молодежи новыми музыкальными направлениями (поп-музыка, рок-музыка и др.) и связанный с этим феномен "фанатства" породили желание утвердить политические и эстетические идеалы и зафиксировать их письменно. Таким образом, распространение студенческих граффити означало не столько "повреждение нравов", сколько выражение, правда, порой весьма своеобразным способом, бунтарских настроений молодежи, ее самоутверждение. Превращению настольных и настенных рисунков в особый вид самодеятельного искусства способствовала и меняющаяся технология средств письма. Вошедшие в обиход во второй половине 1960-х годов шариковые ручки значительно облегчили долю любителей писать на партах, а появление в конце 1980-х – начале 1990-х годов маркеров и спреев расширило их "пространственные" возможности. При всей обоснованности возмущения тех, кто корит "художников" за порчу университетского имущества, отметим: граффити – источник любопытной информации о студенческой субкультуре.

По тематике высказываний надписи 1960 – 1990-х годов можно поделить на несколько групп. Прежде всего, это утверждения групповой или индивидуальной идентичности, послания университету или конкретному факультету. Здесь в полной мере обнаруживают себя "рейтинговые" амбиции, "увековечивание" элитарности университетского племени. Впрочем, учитывая, что среди потенциальных читателей граффити оказываются представители других факультетов, а не посторонние для университета люди, то большинство надписей прославляют факультетскую или групповую корпоративность. Часть надписей посвящены выражениям собственной идентичности – от примитивных "здесь был Вася" до более изысканных способов самовыражения, таких как свободное оперирование цитатами из трудов интеллектуальных авторитетов. Еще одна группа надписей маркирует спортивные или музыкальные пристрастия их создателей ("Спартак – чемпион!" или "В.Цой, мы поем твои песни").

По всей видимости, граффити представляют собой вариант учебного бытописания. В этой летописи отразились даты экзаменов и зачетов, характеристики преподавателей, отзывы об их способностях. Учебные парты и столы являются своеобразной летучей газетой, в которой есть разные разделы, в том числе раздел карикатур и эпиграмм. Чаще всего их героями, как и в XIX в., являются строгие профессора, представители университетской администрации. Граффити фиксируют остаточные знания своих творцов: формулы, уравнения, даты, имена исторических персонажей. Все это представлено в "переработанном" виде – с комментариями и расставленными акцентами. При всем том, безусловный лидер в студенческих граффити – любовная тема. С тех пор, как университет перестал быть мужским сообществом, здесь прочно обосновалась любовь. Практически все опрошенные нами воспитанники университета припоминали, что на партах, стенах аудиторий, коридоров и лифтов всегда можно было обнаружить признания в любви, любовную ("личную") переписку, лирические стихи, в также романтическую атрибутику (сердечки, пронзенные стрелой; имена, скрепленные плюсами, и т.д.).

Университетская культура образует плотную "паутину значений и смыслов", которые передаются из поколения в поколение многочисленными каналами связи. Среди них есть официальные каналы – учебные и научные ритуалы и символы, письменная история, и соответствующие этому речевые практики, а есть неофициальные, но не менее действенные каналы связи поколений, – фольклор, мифы, сказания, предрассудки, сленг, жаргон, граффити. В ритуалах, символах и мифах университетские люди не только выражали себя и сохраняли свое корпоративное единство, но и утверждали среди современников высокую ценность образования и культуры. Университет виделся очагом мудрости, светочем вселенной, а просвещение – действенным средством преобразования общества.

Университет усвоил сакральный статус и во все времена требовал от своих членов принесения в жертву собственной свободы, здоровья, знаний, времени, материальных средств, обещая за это вечную жизнь в памяти нынешних и будущих учеников. И это не было пустым обещанием. В университете всегда совершалась и совершается мемориализация жизни его сочленов: празднование юбилеев ученых и педагогов, конференции и чтения, посвященные их имени, прижизненные и посмертные издания трудов, включение их имен в юбилейные и неюбилейные "истории" университета, установка памятников, мемориальных досок, переименование улиц, выпуск медалей, создание портретов, учреждение именных стипендий, сложение устных легенд. При долгосрочной и "беспорочной" службе почти каждый преподаватель оказывается занесенным в скрижали университетской истории и науки. В этом отношении у университетского человека гораздо больше шансов обрести бессмертие, чем у других его современников. А вот содержание памяти о нем зависит от сочетания его личных свойств и культуры эпохи, в которой эта память хранится.

Мы писали историю Казанского университета как историю памяти корпорации. Такой подход невозможно было бы осуществить, не прибегнув к помощи наших коллег, родственников, друзей и знакомых, учеников. Люди щедро делились с нами своими воспоминаниями и размышлениями об университете, предоставляли материалы из личных архивов, принимали участие в анкетировании. Мы благодарим всех бывших студентов и преподавателей КГУ, ответивших на вопросы анкеты, и, прежде всего, тех, чьи подробные и развернутые ответы помогли нам при написании книги: Р.Р.Абдуллину, Т.Д.Агапову, А.А.Адильзянову, Н.И.Айметдинову (Алексееву), Э.Г.Акчурину (Яхину), И.Н.Андрюхину, Л.Р.Ахметову, К.Ш.Ахметшину, Л.С.Ачкасову, Р.Ш.Бадрутдинову, Я.Г.Баймуратову (Камалову), Н.Ш.Баязитова, Л.У.Бахтиеву, Е.А.Беговатова, Л.В.Безбородову, В.Н.Биткову, Г.А.Васильеву, Н.М.Вишнякову, В.К.Вырупаева, И.О.Габдрахманова, С.И.Габдрахманову, Г.Ф.Гагарину, Ш.А.Гайфуллина, М.Ш.Галимову, Д.М.Галиуллину, А.И.Гаязову (Мифтахову), Ю.В.Гвоздева, Ф.В.Гилемханову, В.И.Гильдееву, Р.Г.Гильфанову, Д.Х.Гимадутдинова, Т.А.Глотову, Л.М.Горшкову, О.Г.Денисова, В.А.Дергунова, Р.А.Зарипову, Н.В.Зорина, Л.В.Иванову, Л.И.Иванову, И.Л.Измайлова, Л.И.Измайлова, С.Ф.Камалову, С.А.Карпову, Н.А.Кислякову, Ю.П.Корнилова, Н.А.Костину, П.А.Краевского, Р.А.Ларионову, Ю.В.Легай, А.А.Литвина, Р.Г.Мансурову, В.А.Марфину, Е.Г.Матвееву, Р.Б.Матвееву, В.Н.Миронова, Г.В.Морозову, Л.В.Морсакову, Т.С.Мухину, Т.Л.Навретдинову, Н.Ф.Назарову, А.И.Нефедьеву (Макарову), Л.З.Никонову, И.А.Новицкую, В.Ф.Подольскую, А.А.Потапова, А.Пузицкого, Е.Н.Пышову (Спиридонову), Т.Н.Рябову, З.Ш.Сабирову, Ф.В.Садриеву, А.В.Семенова, О.Ю.Серебрякову (Терентьеву), М.А.Скворцову, Ю.И.Смыкова, А.Г.Сопитову, О.А.Сорокина, В.В.Султанова, С.В.Сунцову (Фомину), Э.И.Талманову, Г.Б.Тейтельбаума, Л.С.Тимофееву, Т.Ф.Тимошевскую, А.В.Травину, Г.Л.Файзуллину, И.Х.Фаттахову, Р.Г.Фахриева, В.А.Федорова, А.С.Филиппова, Е.Б.Филиппова, О.А.Хабриеву (Михайлову), Е.М.Хадмиеву, Р.А.Хайруллина, Г.Р.Халитову (Зарипову), Ф.Г.Хасанову (Шигапову), Н.Р.Хисматуллину, З.С.Хуснутдинова, Н.А.Чечеткину, Р.М.Чечеткина, Е.А.Чиглинцева, М.Ш.Шагвалиеву, Т.В.Шаймарданову (Назарову), Ф.К.Шакирову (Галиакберову), Н.Ю.Шафикову, С.Е.Шашникова, О.В.Шевелеву (Данилову), М.М.Шигабиева, Т.Ю.Ширяеву (Старушенко), Л.Г.Юсупову, Ф.М.Ярееву, А.Г.Яхина.

Нам было не справиться без помощи студентов, проводивших анкетирование и помогавших в сборе фотоматериалов. Это Д.Абдулина, А.Абдуллина, Р.Адильзянова, Р.Афлетонов, Р.Ахметова, Т.Бакеев, Д.Басков, Д.Беркутенко, А.Бернатов, М.Вахрамеева, А.Газиятуллина, Д.Гайнутдинов, Д.Гайфуллина, И.Ганева, А.Гарипова, Р.Гарипова, А.Гасимова, Э.Гатиятуллина, Ю.Гимадиева, Г.Гималтдинова, В.Горбачев, Е.Горшкова, Т.Графская, О.Гудыма, С.Дагаева, А.Данилов, В.Дергунов, А.Егоров, Е.Ерамасова, И.Еремина, Е.Жердинская, В.Журавлева, Д.Зарипова, О.Захарова, М.Ибрагимов, Д.Игонин, Б.Измайлов, И.Казакова, О.Казакова, И.Камзалова, Р.Кармагин, Е.Киселева, Ю.Кислякова, О.Крысина, А.Кузина, К.Латыпова, С.Левашин, М.Малыгина, Д.Мансурова, Р.Марданшин, З.Махмутов, К.Меликидзе, И.Младшина, А.Мусаева, Э.Мустакимов, А.Мухарлямова,

А.Насибуллин, Н.Парфенова, С.Пичугова, Р.Пугачев, М.Пыжьянова, А.Рафиков, А.Ренков, Е.Савинова, А.Сайфуллин, А.Сайфутдинов, В.Селезнева, Ю.Семенова, Е.Синицына, Ю.Скворцова, Е.Сосновская, А.Сотова, М.Степанова, Р.Сулейманов, Е.Тейтельбаум, Е.Темников, Ю.Терехина, И.Тимофеев, А.Тихонова, М.Травина, О.Убойцева, А.Фадеева, А.Фазлиев, А.Фахретдинов, А.Фахриев, Н.Федоров, Д.Филатов, Н.Фирсова, Л.Хасанова, А.Хачукова, С.Хайдаров, А.Шагвалиев, А.Шарипов, Л.Р.Шафигуллина, О.Шипкова, Н.Шлычкова, Р.Юсупов, Л.Яреева. При подборе иллюстративного материала нам очень помогли А.Иванов, М.Степанова, Т.Терехова, С.Шадрин, Ж.Ягафарова.

Большую помощь нам оказали сотрудники Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета – Н.В.Ермолаева, И.А.Новицкая, В.И.Шишкин.

На всех этапах работы были с нами, оказывали всестороннюю поддержку наши ученики, аспиранты исторического факультета Казанского университета Гузель Амалиева, Татьяна Бизяева и Андрей Михайлов.

Нам предоставили материалы из домашних фотоколлекций и личных архивов, поделились воспоминаниями наши старшие коллеги и друзья – И.Н.Алиев, Д.Х.Бакеева, Г.Г.Бутенко, Р.Г.Кашафутдинов, А.Л.Литвин, Ф.А.Литвина, Г.П.Мягков, Ю.И.Смыков, Б.Ф.Султанбеков, И.Р.Тагиров и М.С.Тагиров.

Очень помогли с подбором иллюстраций к тексту заместитель директора Национального музея Республики Татарстан Г.Р.Назипова и доктор исторических наук Л.А.Сыченкова.

Мы благодарим за помощь в поиске архивных материалов и неизменную поддержку руководителя Главного архивного управления при Комитете Министров Республики Татарстан Д.Р.Шарафутдинова, руководителей Национального архива Республики Татарстан и Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан и их подразделений – Л.В.Горохову, Л.В.Хузееву, Н.А.Шарангину, Н.В.Юсупову, а также заведующую читальным залом АН РТ Л.Д.Хасаншину. Проведенная работа была бы невозможной без технической работы Е.С.Масловой и Л.Р.Хасановой.

Мы выражаем глубокую признательность за помощь в поиске методологических ориентиров и за знакомство с зарубежным опытом культурно-исторических исследований университетской истории руководителю Института восточноевропейской истории и страноведения профессору Дитриху Байрау (Тюбингенский университет, ФРГ), Ингрид Ширле (Тюбингенский университет, ФРГ) и всем коллегам этого Института. Благодарим за возможность ознакомиться с новейшей зарубежной литературой по культурной истории образования и за консультации доктора Роберта Майера (Институт Георга Эккерта, Брауншвейг, ФРГ), профессора Ханну Шисслер (Институт Георга Эккерта, Брауншвейг, ФРГ). В реализации данного проекта нас вдохновляли, давали необходимые советы специалисты по истории университетов – А.Е.Иванов (Институт российской истории РАН), И.П.Кулакова (Московский государственный университет), Г.Л.Соболев (Санкт-Петербургский государственный университет), П.Ю.Уваров (Институт всеобщей истории РАН).

Создавая книгу, мы помнили о любви наших учителей к университету, помнили желание нашего общего наставника профессора Г.Н.Вульфсона запечатлеть и передать будущим поколениям университетских людей то ценное, что было в традиционной культуре классического российского университета, сохранить память о ней.

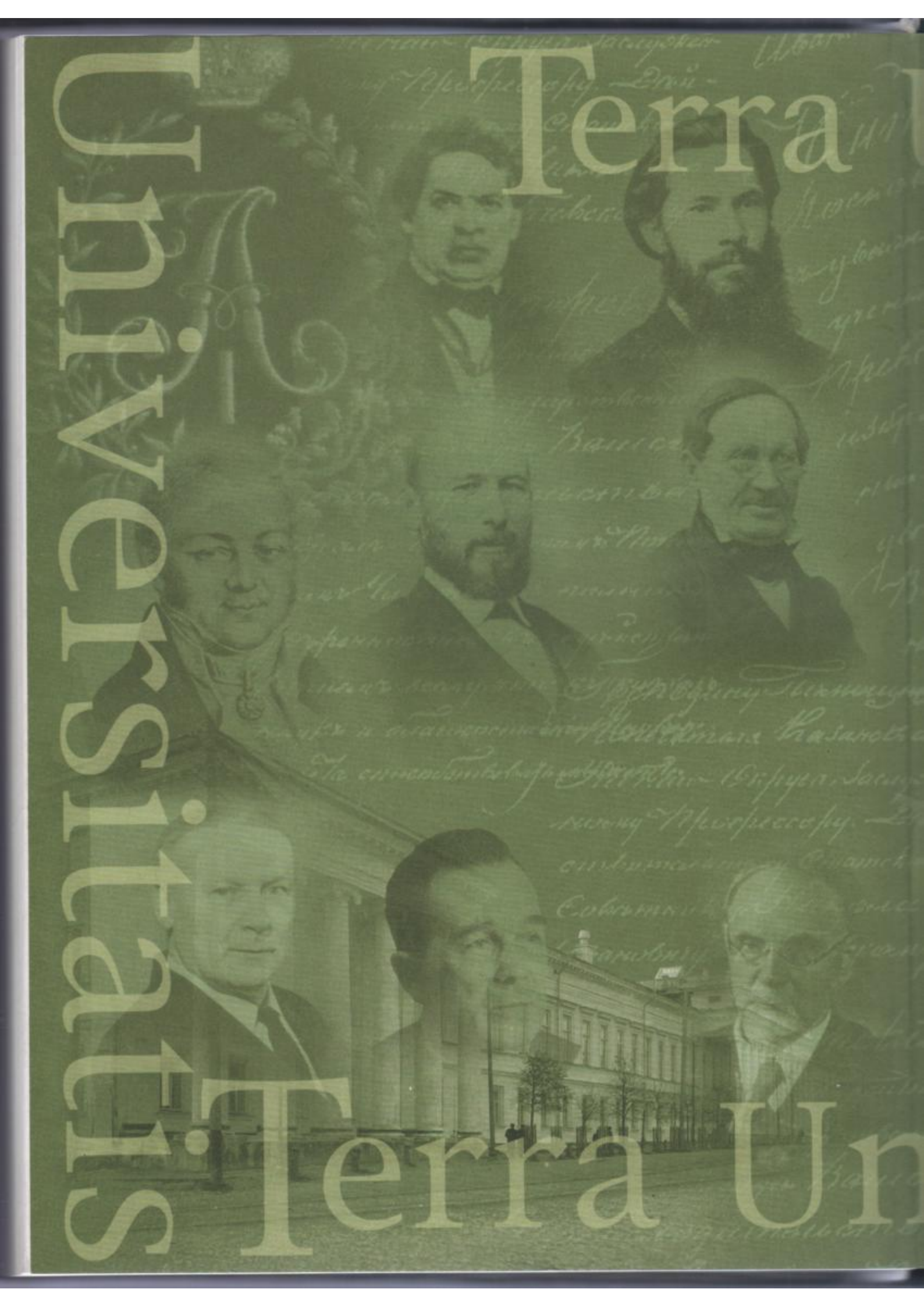
Вишленкова Елена Анатольевна,
Малышева Светлана Юрьевна,
Сальникова Алла Аркадьевна

Terra Universitatis
Два века университетской культуры в Казани

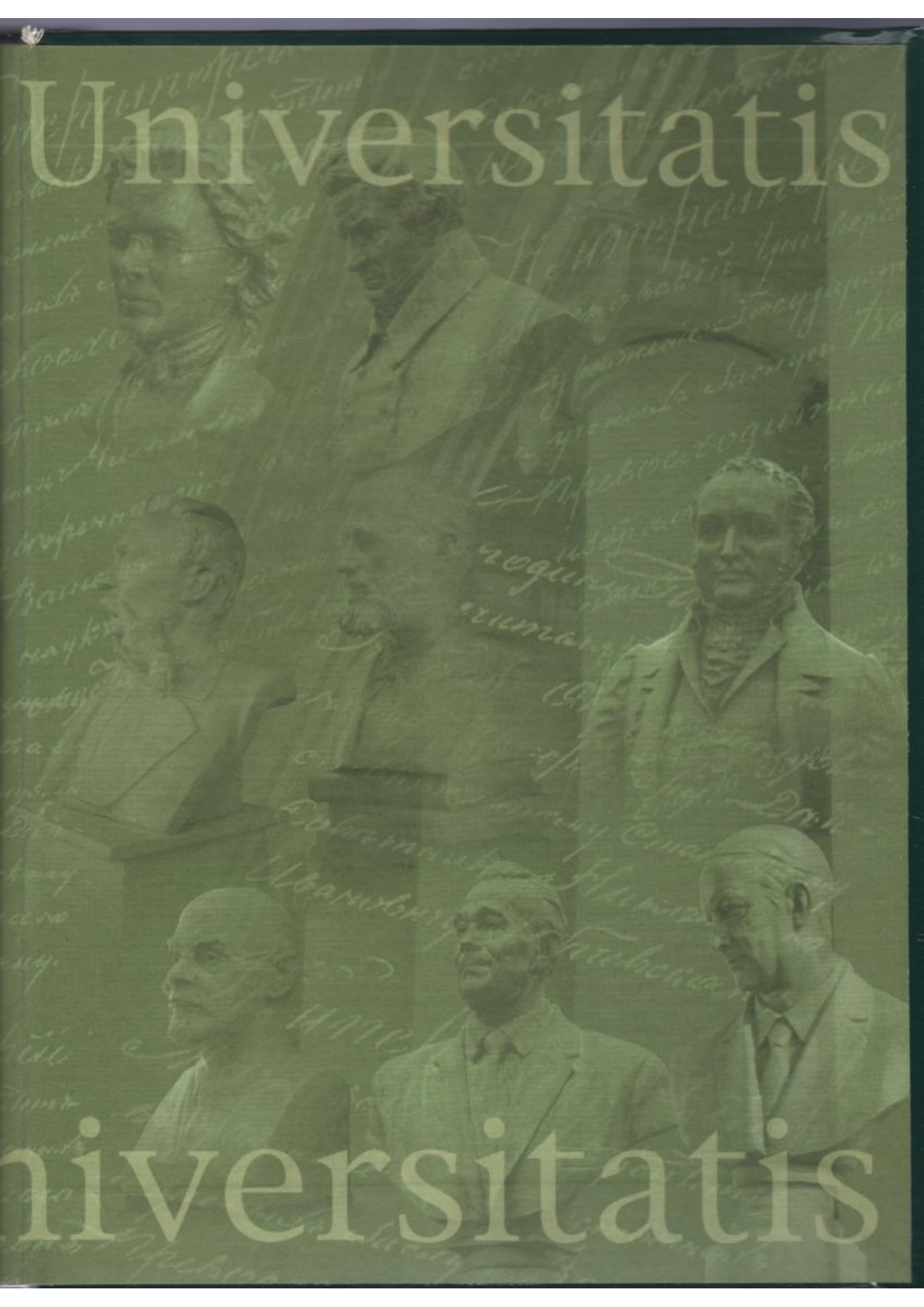
Редактор *Л.М. Самуйлина*
Технический редактор *Г.П. Дудичева*

Подписано в печать 27. 07. 2005 г.
Формат 60 ×84 1/8
Бумага офсетная №1
Печать офсетная
Гарнитура SchoolBooC, 12
Усл. печ. л. 58, 16
Уч. - изд. л. 52.78
Тираж 1500 экз.
Заказ № 7/54

Отпечатано в типографии
Издательского центра КГУ
420008, Казань, Университетская, 17
тел. 92–65–60, 31–53–59

Terra
Universitaria
Terra Un

Universitatis

universitatis

Светлана Юрьевна Малышева – профессор кафедры историографии и источниковедения Казанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. Автор более чем 100 научных публикаций, в том числе 6 монографий (2 – в соавторстве). Специалист в области историографии отечественной истории и культурной истории России XX века.

Алла Аркадьевна Сальникова – заведующая кафедрой историографии и источниковедения Казанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. Автор более чем 90 научных публикаций, в том числе 5 монографий (2 – в соавторстве). Специалист в области источниковедения и историографии, а также культурной истории России XX века.

Елена Анатольевна Вишленкова – заведующая кафедрой отечественной истории до XX века Казанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. Автор более чем 90 научных публикаций, в том числе 7 монографий (2 – в соавторстве). Специалист в области отечественной истории XIX века.

Монография посвящена культурной истории университетского сообщества в Казани. Казанский императорский/государственный университет (1804 – 2004) – старейший классический университет России, ныне объявлен национальным достоянием страны. В книге рассматриваются следующие проблемы: специфика «внутреннего» и «внешнего» ландшафта как среды обитания университетского человека, особенности формирования и бытования ученой корпорации, культура отношений внутри и вовне ее, стили и качество жизни студента и преподавателя, досуговые и праздничные практики, университетские ритуалы, символы и мифы. Исследование основано на широком круге источников, включающем документы из государственных архивов и частных коллекций, опубликованные и не изданные мемуары, а также материалы анкетирования преподавателей и бывших студентов КГУ. Дополнительную ценность исследованию придают визуальные источники (фотографии, репродукции, карикатуры, архитектурные планы и проекты и др.), большинство из которых впервые вводятся в научный оборот. Монография рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами отечественной истории и культуры.
